

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ

КРАТКИЙ КУРС
ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

Василий Осипович Ключевский

Краткий курс по русской истории

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172041

Краткий курс по русской истории: Эксмо-Пресс; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-095143-7

Аннотация

«Краткий курс по русской истории» написан выдающимся историком, профессором Московского университета В. О. Ключевским (1841–1911) и охватывает период с древнейших времен до начала XX века. Этот труд является одним из важнейших исследований по истории нашей страны и пользуется заслуженной популярностью в научной среде и у широкого круга читателей. «Сказания иностранцев о Московском государстве» – это первый отечественный труд, в котором практически с исчерпывающей на момент написания полнотой были изучены известия иностранцев о России XV–XVII вв. Книга состоит из тематических разделов, в каждом из которых глазами иностранцев представлена та или иная сфера жизни средневековой России: города, торговля и монета, войско, государь и его двор, прием иностранных послов, управление

и судопроизводство, доходы казны, вид страны, ее климат, почвы, их плодородность, население и т. д.

Содержание

В. О. Ключевский	12
Краткий курс по русской истории	46
Природа восточно-европейской равнины	46
Древнейшие известия о народах Восточной Европы	59
Восточные славяне	70
Быт славян восточных	77
Предание об основании Русского Государства	91
Общие черты деятельности первых киевских князей	109
Порядок княжеского владения Русской землей по смерти Ярослава	123
Внутреннее состояние Русской земли с половины XI в. до нашествия татар	131
Суздальская земля	169
Московское княжество до половины XV века	192
Новгородская земля	212
Московское Государство (1462–1598)	244
Смутное время	289
Внутренняя деятельность правительства в царствование Михаила	308
Западная Русь со времени соединения Литвы с Польшей	317

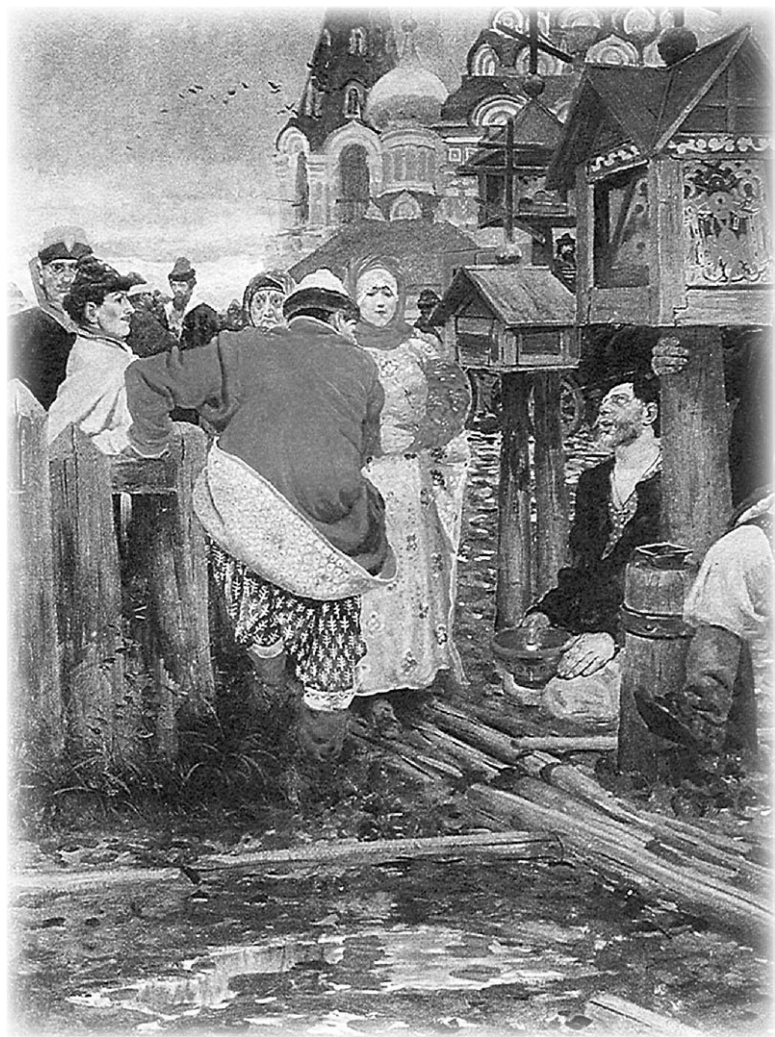
Подготовка к преобразованию в царствование Алексея Михайловича	340
Реформы Петра Великого	364
Обзор главнейших явлений русской истории со смерти Петра Великого	391
Сказания иностранцев о Московском государстве	515
I. Пределы русского племени и московской государственной области	548
II. Прием иностранных послов в Москве	583
III. Государь и его двор	638
IV. Войско	662
V. Управление и судопроизводство	728
VI. Доходы казны	788
VII. Вид страны и ее климат	817
VIII. Почва и произведения	823
IX. Народонаселение	856
X. Города	890
XI. Торговля	959
XII. Монета	1044

Василий Ключевский
Краткий курс
по русской истории

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Василий Осипович Ключевский (1841–1911) – один из крупнейших представителей отечественной исторической науки второй половины XIX – начала XX в., признанный лидер Московской исторической школы и сторонник государственной теории, создавший между тем собственную оригинальную схему русской истории.

Наиболее известный научный труд Ключевского, получивший всемирное признание, – «Курс русской истории» в 5-ти частях. Ученый трудился над ним более трех десятилетий, но решился опубликовать его лишь в начале 1900-х гг. Его «Курс» был первой и до настоящего времени единственной попыткой проблемного подхода к изложению Российской истории. Он переведен на многие языки, и по признанию зарубежных историков, этот труд послужил базой и главным источником для изучения русской истории во всем мире.

В. О. Ключевский

Как художник слова

«Почти три десятка лет этот великан, без малого трех аршин ростом, метался по стране, ломал и строил, все запасал, всех ободрял, понукал, бранился, дрался, вешил, скакал из одного конца государства в другой. Такою безудержною деятельностью сформировались и укрепились понятия, чувства, вкусы и привычки Петра. Тяжеловесный, но вечно подвижный, холодный, но вспыльчивый, ежеминутно готовый к шумному взрыву, Петр был – точь-в-точь, как чугунная пушка его петрозаводской отливки...»

«Государыня Елизавета Петровна была женщина умная и добрая, но женщина. От вечерни она шла на бал, а с бала поспевала к заутрене. Строго соблюдала посты при своем дворе, и во всей империи никто лучше императрицы не мог исполнить менюэта и русской пляски. Невеста всевозможных женихов на свете от французского короля до собственного племянника, она отдала свое сердце придворному певчелу из черниговских казаков. Мирная и беззаботная, она воевала чуть не половину своего царствования и победила первого стратега того времени Фридриха Великого. Основала первый настоящий университет в России – Московский

и до конца жизни была убеждена, что в Англию можно проехать сухим путем. Дала клятву никого не казнить смертью и населила Сибирь ссыльными, изувеченными пыткой и с урезанными языками. Издавала законы против роскоши и оставила после себя в гардеробе с лишком 15.000 платьев и два сундука шелковых чулок...»

«На русском престоле всякие люди бывали, всяких людей он видал. Сидели на нем и многоженцы, и жены без мужей, и мужья без жен, и выкресты из татар, и беглые монахи, и юродивые, – не бывало еще только скомороха. Но 25 декабря 1761 года и этот пробел был заполнен. На русском престоле явился скоморох. То был гольштинский герцог Карл Петр Ульрих, известный в нашей истории под именем Петра III...»

Ровно сорок лет отделяют меня от тех часов в Большой Словесной аудитории Московского Университета, когда впервые прозвучали эти характеристики из уст незабвенного Василия Осиповича. Густой и толстый слой пестрейших впечатлений налег за эти сорок лет на память, и потускнела под ним далекая отгоревшая юность. А между тем, даже не закрывая глаз, я как будто вновь слышу спокойно-иронический, слегка козловатый, звонкий и сиплый вместе, «духовенный» тенор, которым они произносились; как будто вижу спокойно-ироническое лицо с умным, пристальным,

но не навязчивым взглядом пронизательных глаз, склоненное с кафедры к замершей во внимании аудитории. Она, как всегда у Ключевского, конечно, битком полна слушателями, нахлынувшими и с своих, т. е. филологического и юридического, и с чужих факультетов.

Мы, студенты первых курсов, увлекались Ключевским, обожали Ключевского. Однако сомневаюсь, чтобы многим из нас было тогда ясно все огромное значение нашего любимого профессора в исторической науке. Мы гордились тем, что слушаем общепризнанный научный авторитет, но принимали этот авторитет больше на веру, как аксиому, не требующую доказательств, и не он влек нас, толпами, внимать драгоценные *verba magistri*. Осмелюсь даже предположить, что из тогдашних слушателей и обожателей Ключевского большинство не удосужилось проштудировать ни его «Древнерусские жития святых, как исторический источник», ни «Боярскую Думу Древней Руси», ни вообще трудов, характерных для него, как для тонкого исторического исследователя, одаренного в равной степени и проникновенным вдохновением интуиции, и острою силою поверочного анализа. Мы были слишком молоды и при всем таланте Ключевского как популяризатора слишком мало подготовлены среднюю школою к тому, чтобы понять и оценить его с чисто научной стороны творчества. Это пришло позже и да же знач ите льно позже. Зато едва ли не с первых же с лов первой же лекции с кафедры Ключевского повеяло на нас жи-

вительным духом мощной художественности. Она говорила с нашими молодыми душами языком внятной и увлекательной убедительности, покоряла ум и воображение и манила нас к познанию связи событий прошлых и настоящих, как в изящной словесности «Капитанская дочка» Пушкина и «Война и мир» Льва Толстого, как в живописи исторические полотна И. Е. Репина, в музыке – композиции Мусоргского и Бородина.

Несмотря на то что первый обширный опыт русской истории, карамзинская «История государства Российского» написана большим, по своему времени, художником слова, художественность в русской историографии – редкая птица. И, до последнего времени, я сказал бы даже – птица гонимая. Карамзин художник, но он не говорил, а вещал, не писал, а начерчивал на скрижалях, и создал риторскую традицию. Его преемники, ученики германцев, смешивали карамзинскую величавость и торжественность с тяжеловесным педантизмом немецких геллертеров. Писать историю важно, сухо и скучно было обычаем, равносильным закону. Под гнетущее ярмо его покорно склоняли голову даже великаны художественной речи, не исключая самого Пушкина. Ключевский, которому принадлежит блестящая оценка Пушкина как историка, совершенно справедливо указывал на тот факт, что Пушкин по преимуществу был историком там, где не думал быть им, и не был им там, где думал быть. Ключевский убежденно утверждал, что в «Капитанской дочке»,

написанной между делом среди работ над пугачевщиной, гораздо больше истории, чем в «Истории Пугачевского бунта», которая кажется длинным объяснительным примечанием к роману. Но этот сухой тон «объяснительного примечания» был тогда обязателен для автора, желавшего, чтобы его труд был принят ученым миром и критикою не как дар широкой публике для легкого чтения, но всерьез. Живость речи, *образность* изложения, драматическая яркость рассказа почитались смертными грехами. Николай Полевой едва ли не на этом, главным образом, проиграл возможный успех своей «Истории русского народа». В условиях несколько более счастливой вольности почитались, «развращенные» французскими и английскими образцами, еретики профессиональной историографии, западники, посвящавшие свои труды истории всеобщей. Но даже и из их числа, о лучшем, о том, кто дал тон и приотворил дверь художественности в историческую науку, о Грановском, Некрасов впоследствии отметил, что «говорил он лучше, чем писал». И это не только потому, что «писать не время было, почти что ничего тогда не проходило». А опять: даже такую эстетическую натуру, такую художественную голову, как Грановский, одолевал страх не оказаться бы слишком литературным в ущерб серьезности. Кудрявцев был не только историк, но и беллетрист, писал недурные повести, владел техникою художественного письма. В своих популярных «Римских женщинах» он довольно энергично, хотя и в чрезмерно статуарной

красивости, пересказал живым языком несколько сильных эпизодов из Тацитовых Анналов. Но возьмите его «Судьбы Италии», возьмите его «Каролингов»: они писаны как будто другим автором, умышленно погружающим интереснейшее содержание в невылазную трясику формальной скуки. Еще более выразителен Соловьев. Ключевский был его учеником и преемником по кафедре. Он благоговел пред памятью учителя и посвятил ей несколько прочувствованных речей и статей, в совершенстве освещающих значительную личность и громадный труд автора «Истории России с древнейших времен». Нечего и говорить о том, что Соловьев – фигура огромная, исключительная, и 29 томов его истории – вечный памятник, который, хотя бы и ветшал частями, никогда не утратит своего значения совершенно. Но даже любви Ключевского приходится признать, что Соловьев имел «известность сухого историка». Ключевский защищал Соловьева от этого приговора, но с большим усердием оправдать любимого, чем с убеждением. «Это был, – говорит он о Соловьеве, – ученый со *строгой*, хорошо воспитанной мыслью. *Черствой* правды действительности он не смягчал в угоду *патологическим* наклонностям времени. Навстречу *фельетонным* вкусам читателя он выходил с серьезным, подчас *жестким* рассказом, в котором *сухой*, хорошо обдуманый факт не приносился в жертву хорошо рассказанному *анекдоту*... В его рассказе есть внутренняя гармония, историческая логика, заставляющая забывать о внешней *беллетри-*

стике стройности изложения». Мы смело можем отнести этот суд Ключевского к редким случаям, когда он, великий разрушитель исторически недвижимых традиций, сам делался жертвою традиции. Ведь в своей защите Соловьева он в 1904 году почти дословно повторил в пространство те же предрассудочные обвинения, что, за сорок лет пред тем, старозаветные полемисты обрушивали на Костомарова. *Включительно* до злополучного «фельетонизма», – этого ужаснейшего пугала, которым педантическое гелертерство искони застрашивает мысль, слово и перо молодых историков. И, к сожалению, успешно. Настолько, что уstraшенные им молодые дерзновения обычно к старости замирают и приносят покаяние, если не прямое, то косвенное. Возьмите к примеру Костомарова в его великолепных «Северных народоправствах», молодом труде, когда Погодин и другие старове-ры именно и попрекали его «фельетонизмом», и ругали его «рыцарем свистопляски», – и Костомарова в неудобочитае-мой старческой «Руине». Что касается Соловьева, то я пото-му и позволил себе задержать на нем ваше внимание, что он, как бы ни заступался Ключевский, является совершенно ис-ключительным героем самоотверженного засушения своего слова, в умышленном обнажении его от живой образности и картинного полета, хотя этот высокоталантливый и умный человек по натуре своей был к ним очень способен, как сви-детельствует о том в своих ярких, выпуклых воспоминани-ях В. О. Ключевский. Да и без свидетельств. Аскетическая

выдержка Соловьева изумительна, но никакое насильственное воздержание не обходится без прорывов, и в безграничной степи «Истории России с древнейших времен» имеются изредка страницы-оазисы, обличающие, что бес художественности обуял новыми сладкими искушениями даже и эту подвижническую душу и внушал ей иногда прекрасные незабываемые грехопадения, вроде хотя бы знаменитой характеристики «бога ты ря-протопопа Аввакума». Любящий ученик Соловьева, В. О. Ключевский мог апофеозировать своего учителя, но не идти по его следам. Он весь – в художественности, весь – в ясном образе и метком и непогрешимо определительном слове, рождающемся естественно и своевременно из неисчислимо богатых запасов русского языка, изученного в совершенстве во всех его исторических периодах. Художник мыслит образами. Именно такова речь Ключевского. Она всегда строго логическая цепь образов, прямо вытекающих один из другого, в стройной последовательности художественного эпоса, проходящего, с одинаковой силой, гамму за гаммой разнообразнейших настроений. Он весь в предметном сравнении, в живописном параллелизме или антитезе. На пути этом он смел до безбоязненности истинного мастера. Сам он решительно не остерегался «фельетонизма» и «анекдотичности», за отречение от которых так восхвалил С. М. Соловьева. Тонкий и добродушный юмор типического великорусса расширял его художественный охват до огромной растяжимости, находя се-

бе пищу и созвучия во всех веках и обстоятельствах тысячелетней русской истории. Недаром Ключевский много занимался Пушкиным и любил его. В нем самом жила та ясная и благожелательная полуулыбка, что так характерно сопутствует пушкинскому творчеству – особенно его позднейшей прозе, – «повестям Белкина» и «Капитанской дочке». К ним В. Ос. был полон родственным сочувствием. Помните хотя бы защиту им столь характерного для XVIII века типа «недоросля» против гениальной комедии-карикатуры Фонвизина, которая навсегда слила для нас эту кличку с нелепым и смехотворным образом Митрофана Простакова. Защита эта (в речах Ключевского о Пушкине и в статье «Недоросль Фонвизина») на первый взгляд представляется каким-то капризным парадоксом: до такой степени мы привыкли к одностороннему сатирическому внушению полуторавекового авторитета. Но Ключевский заставил нас заглянуть за завесу, которою сатирик задернул действительность обличенного быта, – и мы увидели с удивлением и с удовольствием, что за частною правдою обличения от нас скрылась, как лес за деревьями, другая, общая историческая, правда типа, той частной правде почти что противоположная. Митрофан Простаков есть бесспорный Митрофан Простаков, но и только. Исторически он оказывается обобщением по недостаточному количеству данных. Он принадлежит к числу «недорослей», но «недоросль» – отнюдь не то же, что Митрофан Простаков. «В исторической действительности»

сти, – говорит Ключевский, – недоросль – не карикатура, не анекдот, а самое простое и вседневное явление, к тому же не лишенное довольно почтенных качеств. Это самый обыкновенный, нормальный русский дворянин средней руки». Почвенный слой сословия, оставшийся в стороне от шумной верхне-дворянской политики и гвардейских переворотов XVIII века. «Они всегда учились понемногу, сквозь слезы при Петре I, со скукой при Екатерине II, не делали правительств, но решительно сделали нашу военную историю XVIII века. Это пехотные армейские офицеры, и в этом чине они протоптали славный путь от Кунерсдорфа до Рымника и Нови. Они с русскими солдатами вынесли на своих плечах дорогие лавры Минихов, Суворовых и Румянцевых. Хотите вы видеть настоящих житейских „недорослей“? Обратитесь к Пушкину. „Один является в Петре Андреевиче Гринева, невольном приятеле Пугачева, другой в наивном беллетристе и летописце села Горюхина, Иване Петровиче Белкине... К обоим Пушкин отнесся с сочувствием. Недаром и капитанская дочь М. И. Миронова предпочла добродушного армейца Гринева остроумному и знакомому с французской литературой гвардейцу Швабрину». «Историку XVIII века, – заключает В. Ос., – остается одобрить и сочувствие Пушкина, и вкус Марьи Ивановны».

Л. Пастернак. На лекции профессора Ключевского

(1909).

Подобных мнимо парадоксальных теорем, раскрывающих свою истинность чрез логическое доказательство, чрезвычайно много в наследии В. О. Ключевского. Я даже сказал бы, что это наиболее частый его авторский прием: озадачить читателя, привычного видеть на доске историографии закономерные традиции как бы шахматной игры, неожиданным ходом, который на первый взгляд является вопиющим преступлением против теории и, следовательно, обреченным на немедленное крушение; а затем, выиграв игру, доказать тем самым, что ход был не случайным, но лишь остроумно и вдохновенно найденным и глубоко обдуманым применением той самой теории, которой он, по видимости, противоречил, – однако ум творческий и оригинальный провидел в ней возможности, закрытые для ума ученического и подражательного. Мотивы к подобным смелым и удачным ходам у Ключевского часто похожи на внезапное озарение солнечным лучом забытого темного уголка, куда, по малой значительности его, никто не догадывался заглянуть, – а он, случайный луч, выявил, что там лежит клад. Об Евгении Онегине русская критика и история литературы написали и напечатали многие тома ценных комментариев, рассуждений, трактатов – психологических, эстетических, философских, публицистических. Все выпуклые места типа, казалось бы, освещены и исследованы, все его глубины измерены и раз-

носторонне описаны или догадливо предположены. Но вот подходит к теме историк-художник Ключевский, обязанный произнести речь в торжественном заседании Общества Любителей Российской Словесности по поводу исполнившегося пятидесятилетия со смерти Пушкина (1887 г.). Он доволен случаем. О Пушкине ему, по собственному его признанию, «всегда хочется сказать слишком много, – всегда наговоришь много лишнего и никогда не скажешь всего, что следует». Но что же именно выберет он из неизмеримого богатства Пушкинских задач? Что – достойное Пушкина, своего собственного авторитета, важности поминальной даты и интеллигентной публики, собравшейся, чтобы услышать из уст любимого оратора, конечно, не заезженные и шаблонные хвалы общепризнанному великому мертвецу, но новые живые слова? Ключевский пробегает в своей огромно цепкой памяти «Онегина», зная его, конечно, наизусть. И ему не приходится идти далеко. Уже во второй строфе первой главы:

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных –

четвертый стих, такой, казалось бы, незначительный, такой проходящий, такой житейски прозаический, останавливает внимание нашего художника... – Наследник всех своих

родных?.. «Такой наследник обыкновенно последний в роде...» Значит, «у Онегина была своя генеалогия, свои предки, которые наследственно из рода в род передавали приобретаемые ими нравственные и умственные вывихи и искривления...» А ну-ка, посмотрим их... И вот из случайного луча света, упавшего на вырванный из строфы стих, родится один из самых стройных, логических и поэтических этюдов Ключевского – «Евгений Онегин и его предки»... Громадный диапазон осведомленности В. О. Ключевского о душе, языке и жизни русского человека во всех периодах его истории как бы уничтожал для его художественной приглядки время и пространство, позволяя ему открывать психологические сближения событий и характеров, разделенных целыми веками, часто, казалось бы, в непримиримой разности культур; а вот, однако, – доказывал Ключевский, – соединенных несомненною генетическою связью, которую он и выяснял незамедлительно с неподражаемым мастерством. Я живо помню шепот удивления, зашелестевший по актовому залу Московского университета в публике пушкинского праздника 6 июня 1880 года, когда Вас. Ос. открыл нам, что первого русского Онегина звали, двести лет тому назад, А. Л. Ордин-Нащокиным. Что этот администратор и дипломат Тишайшего царя, делец и умница XVII века, подобно всем типическим сынам, внукам и правнукам своим, включительно до «последнего в роде», скучающего бездельно Евгения, был уже обречен трагикомедией существования «рус-

ского человека, который вырос в убеждении, что он родился не европейцем, но обязан стать им». Трагикомедии «типического исключения», как нашел в высшей степени меткое определение Вас. Ос. Трагикомедии смущать общество, и свое и чужое, как явление, стороннее и тому и другому, как «чудак опасный и печальный»: другой стих из «Онегина», полюбившийся Вас. Ос. в качестве руководящей нити.

Возьмем другой пример смелого сближения в веках. Одна из самых глубоких и содержательных статей Ключевского о русской литературе носит заглавие «Грусть». Посвященная памяти Лермонтова, она в особенности полна столь свойственным автору, озадачивающим мнимым парадоксализмом. Мы привыкли видеть в Лермонтове разочарованного поэта-байрониста, отрицателя, бунтаря, богоборца, небезопасного воспламенителя юных умов протестующим воплем мировой скорби. А Ключевский весьма хладнокровно докладывает нам: «Нет, это все вздор, научный мираж, оптический обман; напротив, произведения Лермонтова как раз чудесный педагогический материал для воспитания юношества. После старика Крылова, кажется, никто из русских поэтов не оставил после себя столько превосходных вещей, доступных воображению и сердцу учебного возраста без преждевременных возбуждений, и притом не в наивной форме басни, а в виде баллады, легенды, исторического рассказа, молитвы или простого лирического момента». Шаг за шагом уводит Ключевский Лермонтова из демонической «сти-

хии собрания зол», лоскуток за лоскутком сдирает с его лица прилипшую байроническую маску, удар за ударом ампутрует его «гусарский мефистофелизм», скептически отказывает ему и в праве, и в возможности разочарования – и резюмирует выводом: «Лермонтов – поэт не мирозерцания, а настроения, певец личной грусти, а не мировой скорби». Глубоко прочувствованная и мастерски изложенная классификация понятий скорби, печали и грусти, антитеза их со счастьем – торжество Ключевского в области психологического анализа. Искусно и твердо, стальной рукою в бархатной перчатке подводит он автора «Родины», «Выхожу один я на дорогу», «Нет, не тебя так пылко я люблю» под уровень той светло-грустной русской «резиньяции», которая, в нашем покладистом национальном характере, за отказом от невозможного и недостижимого земного счастья, стала его заменой, как улыбка сквозь слезы, а в несчастьи – силою упования, сдерживающего отчаяние. Но ведь это же, раскрывает тогда Ключевский карты свои, – грусть древнерусского христианского общества – та самая практическая христианская грусть, которую неподражаемо просто и ясно выразил истовый царь Алексей Михайлович, когда писал, утешая одного своего боярина в его семейном горе: «И тебе, боярину нашему и слуг, и детям твоим чрезмеру не скорбеть, а нельзя, чтоб не поскорбеть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да в меру, чтоб Бога наипаче не прогневить». Что может быть неожиданнее встречи этакого, западом воспитан-

ного, революционера духа, каким считал себя и нас заставил считать Лермонтов, с Алексеем Михайловичем, Тишайшим царем, «лучшим русским человеком XVII века», по характеристике того же Ключевского? И где же встреча? В храме христианской резиньяции, с начертанною на фронте формулою – «Да будет воля Твоя»! Ее Ключевский почитал основною в быту и истории русского народа и – по твердо провозглашенному мнению его – «ни один русский поэт не был так способен глубоко проникнуться этим народным чувством и дать ему художественное выражение, как Лермонтов».

Я не знаю, обращал ли Вас. Ос. когда-либо свою художественную мощь на чисто художественные задачи, уклонялся ли он от научно-исторического труда в область исторического романа, повести, поэмы, как это делал, например, Костомаров. Печатных трудов такого рода по нем, во всяком случае, не осталось. На страницах его произведений мы нередко встречаем сожаление автора, что то или иное событие эпохи, та или другая историческая фигура, тот или иной общественный тип не нашли себе художественного обобщения, остаются не воплощенными словесным искусством. Я должен сознаться, что подобные сожаления Ключевского обыкновенно вызывают меня на недоверчивую улыбку. Потому что – была ли то настоящая авторская скромность или ложная, с некоторым кокетством себе на уме, но, словно нарочно, сожаления всегда следуют как раз за самыми бле-

стящими страницами его знаменитых исторических характеристик. В силе, яркости и художественной внушительности их у Ключевского нет соперников ни в русской, ни в европейской исторической литературе. Его часто сравнивали с Маколеем, но, по-моему, характеристики русского историка имеют преимущество в сжатости, в умении немногим сказать много, коротким выразить долгое. Ключевский более Маколея знал и помнил меру живописности и никогда не позволял ей овладеть его пером до превращения из средства в самодовлеющую цель, что у английского историка – не в редкость. Когда мы, выслушав сожаление Василия Осиповича, читаем затем его характеристики царя Алексея Михайловича, Петра Великого, преподобного Сергия, Ульяны Осорьиной, Федора Ртищева, предков Онегина, – невольным является вопрос: какой же еще художественности ищет этот мастер после рельефов, им отлитых? Куда здесь идти еще дальше? и от кого он может ее ждать больше, чем от самого себя? И, право же, сожаление начинает звучать скрытно-насмешливым вызовом, тою типическою московскою хитрецью, что любит-таки прикинуться простотою и смиренничает, в тайном сознании своей непобедимой силы. Сидит москвич, щурит невинные глаза, пощипывает козлиную бородку и поет скромным голоском: «Мы люди маленькие, едим пряники не писанные, где уж нам, дуракам, чай пить, так себе – кружимся полегоньку при своем ремесле, – и за то скажи спасибо... А вот ежели бы вы, богатыри...» Но ес-

ли иной легковерный богатырь, пленившись лукавым московским смирением паче гордости, примет вызов и ринется на предложенное ему состязание, – как же он обожжется, несчастный!

Область русской исторической словесности и поэзии, включая и драму, вообще очень пустынна и плоска. За исключением громадных вершин Пушкина и Льва Толстого, мы в ней даже и пригорков имеем немного, а больше все ровная гладь. Отчасти этому причина, может быть, та, что – по злому выражению В. О. Ключевского, которое от него перенял и любил повторять покойный М. М. Ковалевский:

– Русские Вальтер Скотты вообще очень плохо знают историю. Исключение составляет только граф Сальяс. Он... совсем не знает истории!

Однако кандидатуру в русские Вальтер Скотты выставляли иногда люди, которые историю очень и очень знали, не хуже даже того, кто изрек этот насмешливый, но справедливый приговор. Вспомним Костомарова с его «Холуем», «Сыном» и «Кудеяром». Он-то уж, конечно, обладал в полной мере тою привычкою переноситься памятью в обстоятельства и воображением в обстановку прошлого, которая создает исторического романиста. Задатки художественности в нем также были, – не даром же смолоду его столько травили

за «фельетонизм», т. е. общедоступную яркость его лекций. Может быть, когда в старости Костомаров убедился этими нареканиями, что писать ученые труды надо скучно, а тайная потребность в окаянном «фельетонизме» в нем все-таки жила, он и стал избывать ее историческими романами и повестями. Но русского Вальтер Скотта и из него не вышло. Если он поднялся выше уровня Данилевского, Мордовцева, Сальяса, Всеволода Соловьева и тому подобных, то лишь страницами любопытных археологических описаний. Художественности же в его исторической словесности несравненно меньше, чем в иных молодых трудах его же историографии. Укажу хотя бы на главы о Мстиславе Удалом, о Ваське Буслаеве из «Северных народоправств». Так что, очевидно, не только в знании здесь дело.

Я не охотник до гаданий и не задамся вопросом, мог ли бы или нет Вас. Ос. Ключевский сделаться русским Вальтер Скоттом, если бы пришла ему к тому охота. Но знаю, что каждая характеристика, созданная Ключевским, до такой степени законченно и совершенно исчерпывала психологическое содержание личности, типа, эпохи, слагала такую цельную и неопровержимо убедительную фигуру, что вдвинуть ее в роман или драму после картины Ключевского было бы непосильным делом для художника средней руки. Да! уж чего же интереснее было бы видеть и следить, как короткие три-четыре странички Ключевского развиваются действием на протяжении целого тома или четырех-пяти дей-

ствий сценического представления! Но ведь это почти то же самое, что требовать: напиши новую «Капитанскую дочку», «Войну и мир», Шекспирову хронику, «Саламбо» Флобера, «Пармскую шартрезу» Стендаля. Мережковский сравнительно крупный пригорок на глади русского исторического романа. Это писатель и талантливый, и знающий. Но я никому не посоветую готовиться к прочтению его «Петра и Алексея» по соответственным лекциям и статьям Ключевского. Иначе вас постигнет вместо удовольствия, на которое вы вправе рассчитывать, большое разочарование: историк-то показывал вам живые лица, хоть рукою их щупай, а романист (а тем паче драматург) показал только сработанные опытною рукою «живули» – движущиеся фигуры-автоматы.

Отличительные свойства характеристик Ключевского – простота средств, ясная стремительность темпа и быстрая находчивость в образе – еще и еще сводят его с Пушкиным. Ключевский находил, что чуть ли не все фигуры, сохранившиеся для нас в мемуарах XVIII века, укладываются по категориям в галерею пушкинских типов в «Арапе Петра Великого», «Дубровском», «Капитанской дочке». Он пробежал эту галерею из конца в конец на пятнадцати страницах «Евгения Онегина и его предков» и, с быстротою кинематографического фильма, успел на таком коротком расстоянии провести пред нашими глазами все фазисы и смены европеизации русского дворянина за двести лет, – от пер-

вобытного «Нелюб Злобина, сына такого-то» до «москвича в Гарольдовом плаще». Безграмотный предок Нелюб-Злобин; сын его – выученик латинской школы Спасского монастыря на Никольской в Москве; внук – навигатор, пленец Петра Великого; правнук – офранцузенный вольтеррианец, праправнуки, из которых старший брат – сознательный патриот в эпоху Наполеоновских войн и будущий декабрист; средний брат – будущий бюрократ-западник, который, отбыв годы разочарования в патриотизме при Александре I, успокоился в казенном делечестве при Николае I; а третий, младший брат – «поэтическое олицетворение нравственной растерянности» – и есть Евгений Онегин. В сменах этих Ключевский не дал ни одного частного портрета; все они созданы в порядке художественного вымысла; для «типического исключения» – типическое обобщение. Но как же изображены все эти несчастные сменники, вечно и фатально учившиеся не тому, что впоследствии заставляла делать их быстро несущаяся жизнь, – почему они, со своим образованием и воспитанием некстати, неизменно, из поколения в поколение, не выходили из положения того сказочного чудака, который пел «Со святыми упокой» на свадьбе и «Исаия ликуй» на похоронах, за что и претерпевал жестокие неприятности. В мягком свете любвеобильного юмора вымысел оделся в плоть и кровь, вы принимаете его вообразенных героев, как своих добрых знакомых и друзей, и вам неважно, что Ключевский даже не заботится их окрестить

какими-нибудь именами. В итальянских картинных галереях вы часто видите на полотнах художников позднего Возрождения портреты неизвестных лиц, которые, однако, ценятся и знатоками искусства, и историками культуры больше, чем даже заведомые портреты лиц исторических. Потому что эти изображения неведомых, начертанные Тицианом или Бордоне, утратив свои имена и личность, перестали выражать индивидуальность в эпохе, а сделались как бы собирательным зеркалом характерных черт, портретом самой эпохи. Вот именно такова и словесная живопись в анонимах Ключевского. Мне очень жаль, что время не позволяет мне восстановить в вашей памяти цельностью один из этих превосходных отрывков. Вспомним хоть вкратце злополучного латиниста, которого киевский старец в Спасском монастыре наставил под батогами по греческим и польско-латинским, писанным русскими буквами, словарькам великой премудрости, что «ликос» есть «волк», «луппа» – «волчица», «спириды» – «лапти» и т. д.

Выучил писать хитрые вирши и прелагать в них акафисты и церковные песнопения. «Но время шло, разгоралась Петровская реформа, и чиновного латиниста с его виршами и всею грамотичною мудростью назначили комиссаром для приема и отправки в армию солдатских сапог. Тут-то, разглядывая сапожные швы и подошвы и помня государеву дубинку, он впервые почувствовал себя неловко со своим грузом киевской учености и со вздохом спрашивал: за-

чем этот киевский нехай, учивший меня строчить вирши, не показал мне, как шьют кожаные солдатские спириды?...» А птенец Петра Великого, навигатор, воодушевленный идеями его реформы? Он имел несчастье опоздать, – вернулся из заграницы в Петербург, когда Петр умер и до реформы уже никому не стало дела, но высшее общество дорого платило немцу за то, что в барабан бил и на голове стоял. Неудачник мечтал служить России, а попал – в бироновщину. «Раз на святках он отказался нарядиться и вымазаться сажей. За это его на льду Невы раздели донага, нарядили чертом и в очень прохладном костюме заставили простоять на часах несколько часов; он захворал горячкой и чуть не умер. В другой раз за неосторожное слово про Бирона его послали в Тайную канцелярию к Ушакову, который его пытал, бил кнутом, вывертывал ему лопатки, гладил по спине горячим утюгом, забивал под ногти раскаленные иглы и калекой отпустил в деревню, где он, при малейшем промахе дворовых, выходил из себя и, топоча ногами, бесконечно повторял: „Ах вы, растрепоганые, растреокаянные, не пытаные, не мученные и не наказанные!“ Впрочем, он был добрый барин, редко наказывал своих крепостных, читал вслух себе самому Квинта Курция „Жизнь Александра Македонского“ в подлиннике, занимался астрономией, водил комнатную прислугу в красных ливреях и напудренных волосах; страдая бессонницей, с гусиным крылом в руке сам изгонял по ночам сатану из своего дома, окуривая ладаном и кро-

пя святою водою нечистые места, где он мог приютиться, пел и читал в церкви на клиросе, дома ежедневно держал монашеское келейное правило, но дружно жил с женой, которая подарила ему 18 человек детей, и, наконец, на 86-м году умер от апоплексического удара. Однако привезенные им из Голландии математические и навигационные познания остались без употребления»... Какой твердый, ясный рисунок, господа! какая яркая и вместе с тем естественная красочность! Разве это не тон большого природного романиста? Больше того: разве это не тон автора «Капитанской дочки» и летописца села Горюхина?

Досюда мы говорили о крупных, законченных характеристиках нашего художника. Но, как в мастерской Репина бесчисленные этюды часто бывают не менее, а иногда даже более интересны, чем выработанная затем из них картина, так точно и в мастерской Ключевского чрезвычайно любопытно следить за проходящими, как бы мельком бросаемыми, случайными ударами и мазками кисти. Очень часто он отделяется от какой-либо попутной исторической встречи одною характерною фразою, кличкою, цитатою, в два-три слова. Самим ли Ключевским остроумно измышленные, метко ли заимствованные им из летописи, мемуара, литературного или законодательного памятника, они припечатывают то тот, то этот лоб, как неизгладимые клейма. «Обезьяна да нездешняя» (придворный Екатеринина века); «припадочный человек» (самодур Троекуров в «Дубровском»);

«просвещенные лунатики» (люди начала царствования Екатерины II); «*умный ум*» (о Екатерине II); «запоздалая татарщина» (эпоха Бирона); «иностранный и враждебный колония на Русской земле» (Петербург при Бироне); «богородное жестокое житие» (о расколоучителе Капитоне); «наемная сабля, служившая в семи ордах семи царям» (о генерале Патрике Гордоне); «*возница*, который что есть мочи настигает свою загнанную исхудалую лошадь, а в то же время крепко натягивает вожжи» (Петр в финансовой политике); «многомысленная и беспокойная глава» (Петр); «первый трагик странствующей драматической труппы, угодивший в первые генерал-прокуроры» (сотрудник Петра, неистовый Ягужинский); «Новая Паллада в кирасе поверх платья, только без шлема, и с крестом в руке вместо копья, без музыки, но со своим старым учителем музыки Шварцем» (Елизавета в ночь переворота); «принцесса совсем дикая» (Анна Леопольдовна); «генералиссимус русских войск, в мыслительной силе не желавший отставать от своей супруги» (муж Анны Леопольдовны, Антон Ульрих Брауншвейгский); «управляли и жезлом, и пырком, и швырком» (Долгорукие при Петре II); «старый Дон Кихот отпетого московского боярства» (верховник Голицын); «самая веселая и приятная из всех известных, не стоившая ни одной капли крови, настоящая дамская революция» («петербургское действие» 1762 г., низвержение Петра III Екатериною II). И так далее. Все эти короткие отметки золотыми иглами входят в па-

мять и оставляют в ней вышитый узор уже навсегда прочным и нелиняющим.

Разбросанные в моем чтении отрывки дают нам достаточный материал для суждения о языке Ключевского. Как и пушкинская проза, это язык настоящего, природного великоруса, одаренного исключительно тонким чутьем к законам и требованиям своей родной речи. А потому он чрезвычайно прост и легок. По крайней мере, повидимости. Потому что в действительности-то, как выразился однажды Вас. Осип., – «легкое дело тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить – тяжелое дело, у кого это не делается как-то само собой, как бы физиологически. Слово – что походка: один ступает всей своей ступней, а шаги его едва слышны; другой крадется на цыпочках, а под ним пол дрожит». Это физиологическая «гармония мысли и слова» может быть развита и изощрена научным изучением языка (в чем, конечно, у Ключевского было тоже немного соперников на Руси), но едва ли искусственное приобретение здесь в состоянии когда-либо достигнуть уровня свободы и богатства владения наследственного, естественного. В настоящее время в России чрезвычайно много писателей из инородцев, которые, однако, изучили русский язык лучше кровных русских, великие знатоки грамматики и стилистики, чуть не наизусть выдолбили Далева словарь от аза до ижицы, и все-таки, за весьма редкими исключениями, – такими редкими, что, по правде сказать, я их почти не знаю, – русское ухо слы-

шит в их чистой, красивой, изощренной, щегольской речи чуждый себе строй и звук. Что же касается литературного щегольства богатством языка, то в последние два десятилетия это, – казалось бы, по существу, – несомненное достоинство мало-помалу начинает обращаться в весьма неприятный порок. С одной стороны, школа последователей Лескова, с другой – сильно развившаяся этнографическая беллетристика наводнили литературный язык перегрузом безнужных неологизмов, барбаризмов и в особенности провинциализмов, – так что за ними совершенно исчезает иногда естественное течение литературной речи. Сейчас не диво встретить рассказ или повесть, для точного разумения которого русский читатель должен на каждой странице раза по два заглядывать в толковый словарь Даля (академический не в помощь, потому что доведен только до половины алфавита). И это даже модно, именно этим создано несколько довольно громких имен. В действительности такие щеголи языка очень напоминают тех франтов дурного тона, что унижают перстнями с брильянтами и самоцветами (а то и стразами) невымытые пальцы и шикарнейшим костюмом по последней моде прикрывают чуть не полное отсутствие белья. Это не богатство языка, а маскировка его скудости подложною выставкою, декоративно рассчитанною на близорукость, неразборчивость и малое осведомление публики. Лесков хороший писатель, но лесковщина – дело весьма плачевное, так как обычно ее представители, не унаследовав ни одно-

го из внутренних литературных достоинств покойного Николая Семеновича, наивно или умышленно принимают за них его внешние недостатки, из них же первыми были преднамеренная вычурность и кривляние словом. Но и тут орловца Лескова выручало, а иной раз даже и оправдывало великолепное естественное знание и чутье великорусской речи, тогда как маленькие современные Лесковы танцуют свои словесные па и коленца, не выучившись раньше трем позициям. Нет ничего легче, как, вооружившись словарем Даля или каким-нибудь областным, либо древнерусским, механически нахватать хлестких и замысловатых речений и, подставив их, где надо, в порядке синонимов, состряпать затейливую амальгаму, которою читатель «весьма изумлен бывает» и добродушно принимает ее за настоящую «стилизацию». Брильянты и даже стразы слепят глаза, но истинно богатые и хорошего тона люди не делают из себя брильянтовой выставки, а тем более стразовой. Отчего знатоку не побаловаться иной раз – не написать записки, письма, маленькой статейки, притчи, фельетона языком Несторовой летописи, Слова о полку Игореве, Котошихина, Ломоносова, Карамзина, либо каким-нибудь местным наречием? Подобных фокусов в архивах русской письменности немало – и, к слову сказать, покойный Вас. Осип. был на них сам великий мастер и большой ценитель этой способности в других. Я лично когда-то, лет двадцать тому назад, имел удовольствие развеселить его повествованием о финансовых неудачах графа Витте, изло-

женных языком Несторовой летописи. Но посвятить себя такому словесному канатохождению специально и предаваться ему с серьезною и многозначительною миною священнодействующих жрецов – цель и упражнение более чем сомнительные. Это даже не лесковщина, но – Лейкин наоборот. Богатство языка должно чувствоваться, как скрытый натуральный запас, в фундаменте литературного здания, а не лепиться по его фасаду бесчисленными розетками и завитками аляповатых украшений. И вот это-то чувство меры в пользовании своим словесным миллионом и есть коренное качество языка Ключевского. Несмотря на то, что, казалось бы, самый предмет толкал его, русского историка, ежеминутно к излишествам – смотрите, как он экономен и сдержан, и именно поэтому каждый раз, когда он являет свой словесный капитал, как он тогда эффектен и выразителен! Его архаизмы – никогда не франтовство, не фатовство, но – органическая потребность изложения. Уместностью одного такого, из существенной глубины предмета выхваченного словечка Ключевский наполняет колоритом картину в несколько страниц, но он брезгует «выезжать на колорите». Очень редко оставляет он внеобычное слово без объяснения, откуда оно взялось и почему ему понадобилось. Почему нынешний «взгляд на вещи» для масонов века Екатерины лучше определяется тогдашним словом «умоначертание»; почему развитие характера Екатерины укладывается в «самособранность»; что значит «огурство» недорослей XVII века,

когда они «в службу поспели, а службы не служили» – «огурялись», «лыняли», как говорили тогда про служебных дезертиров и саботажников, живших девизом: «Дай Бог великому государю служить, а сабли б из ножен не вынимать». Таким экономным, осторожным, умелым и всегда мотивированным вкраплением Ключевский создал синтез языка – тысячелетнего древа, по которому растекается мыслью русское слово, сближая поверхность его с глубинами, новую листву с старыми корнями. Зачем чрезмерно обнажать старые корни? С того дерево только сохнет. Деревья говорят с нами шумом листьев своих, а не торчанием вверх вывернутых корней. Но надо, чтобы шум листьев говорил чуткому уму о всей совокупности дерева – и о ветвях, и о стволе, и о зарытом глубоко в землю питателе-корне. Вот этого-то счастливого результата и достигал Василий Осипович.

Мы, русские, народ, очень небрежный к своим большим людям, плохо бережем их при жизни, а по смерти их удивляем мир своей неблагодарностью к их памяти. Хороших покойников у нас обыкновенно помнят, покуда колокол звонит да вдова плачет. Однако Вас. Ос. Ключевский и в этом случае оказывается счастливым исключением, что свидетельствует уже вот этот переполненный публикой зал собрания в честь его имени; что свидетельствует усердный спрос на собрание его сочинений. Переизданное в 1919 году Комиссариатом по народному просвещению в огромном количестве экземпляров, оно уже опять обратилось в библиографи-

ческую редкость. Нет сомнения, что, находясь мы в сколько-нибудь нормальных типографских условиях, Ключевского можно было бы бесстрашно издавать еще и еще, как издаются Пушкин, Толстой, Лермонтов, Чехов. Это очень утешительное явление, почти неожиданное в грустных условиях наших переживаний. Между нами и кончиной Ключевского легло десять лет, – и каких лет! Даже мрачное из мрачных начало XVII века, столь отчетливо изученного и изображенного покойным историком, уступало нашим временам по хаосу, разброду, нужде, растерянности и общему ужасу жизни. Если мы, даже в этаким апогее смутного времени, не научились помнить и любить Ключевского, значит, крепко он нам нужен, значит, жизнь его среди нас не кончилась могилой, но будет еще долга, может быть, вечна. А это не только отрадный знак, но и отрадное знамение – в своем роде прорицание. Любить Ключевского, – в его ли исторических идеях, в его ли художестве, – значит тянуться сердцем и умом к национальному чувству, к национальному самосознанию, к национальному творчеству. Бесчисленные и часто жестокие усилия употреблены политической современностью для того, чтобы низвести национальную идею с пьедестала, обратить ее в безразличность, довести до упразднения и забвения. Самое слово «отечество» сейчас допускается не иначе, как с эпитетом «социалистическое», принципиальный интернационализм которого стоит в резком логическом противоречии с идеей «отечества» и, следовательно-

но, обращает ее в неосуществимый абсурд. И вот – в такое-то время, в таких-то политических и социальных условиях, под дирижерскою палочкой таких-то капельмейстеров нашего быта, – кто же все-таки оказывается властителем наших дум, желанным учителем, любимым художником? Человек, который был весь, душою и телом, чисто национальная ткань; для кого полуотверженное слово «отечество» было святейшим исповеданием веры; кто в мысли и деятельности своей бывал иногда, может быть, даже слишком националистом. Нет страницы у Ключевского, которая идейно могла бы быть приятна интернационалисту, – тем не менее Третий интернационал нашел необходимым переиздать его сочинения чуть ли не в первую очередь классиков. Нет страницы у Ключевского, в которой бы он являлся угодником Западной Европы, однако Западная Европа знает, уважает и высоко ценит Ключевского. Поскольку это зависит от научных его заслуг, выясняют вам сегодня другие компетентные ораторы. Я же, подходя к вопросу лишь со стороны художественной, вижу здесь торжество старого, но вечно твердого, хотя и парадоксом звучащего, положения, что в искусстве интернациональным делается только то, что по существу своему совершенно национально. Ключевский оправдывает эту истину вместе с Пушкиным, Толстым, Достоевским, Мусоргским, Бородиным. Вместе с ними, он – наш вечный спутник, своею национальною оригинальностью растворяющий пред нами двери в международность. Громадный посмерт-

ный успех Ключевского – лестный аттестат не только для совершенного им огромного подвига, но и для русского общества. Свидетельство того, что русскому человеку по-прежнему дорого его самосознание. Значит, не все еще вытравлено и разменяно. Жива еще и властна в нас некая внутренняя – великая и таинственная – церковь русского духа, и обаятельные ее служения – залог того, что заветы ее могут замирать, но не умирать, и простоит она вечно, и «врата адовы не одолеют ю».

Ал. Амфитеатров, 1921. V. 26.

Краткий курс по русской истории

Природа восточно-европейской равнины

В географическом очерке страны, предпосылаемом общему обзору ее истории, необходимо отметить те физические условия, которые оказали наиболее сильное влияние на ход ее исторической жизни.

Две особенности отличают Европу от других частей света и от Азии преимущественно: 1) *разнообразие форм поверхности*, 2) *чрезвычайно извилистое очертание морских берегов*. Нигде горные хребты, плоскогорья и равнины не сменяют друг друга так часто, на таких сравнительно незначительных пространствах, как в Европе. Здесь на 30 кв. миль материкового пространства приходится 1 миля морского берега, тогда как в Азии 1 миля берега приходится на 100 кв. миль материкового пространства. Наиболее типичной представительницей этих особенностей Европы является южная часть Балканского полуострова, древняя Эллада: нигде море так не избороздило берегов, как с восточной ее стороны; здесь такое разнообразие в устройстве поверхности, что на пространстве каких-нибудь двух градусов широты можно встре-

тить почти все породы деревьев, растущих в Европе, а Европа простирается на 36 градусов широты. Европейская Россия не разделяет этих выгодных природных условий Европы или, точнее, разделяет их в одинаковой степени с Азией. Море образует лишь малую долю ее границ; однообразие – отличительная черта ее поверхности. На огромном протяжении это – равнина, волнообразная плоскость в 90 000 кв. миль, т. е. площадь, равняющаяся более чем 9-ти Франциям и очень немного сравнительно приподнятая над уровнем моря. Даже в Азии, среди ее громадных сплошных пространств одинаковой формации, такая равнина заняла бы не последнее место: так, Иранское плоскогорье почти вдвое меньше ее. В довершение сходства с Азией эта равнина на юге переходит в обширную маловодную и безлесную степь тысяч в 10 кв. миль, приподнятую всего саженой на 25 над уровнем моря. По геологическому строению эта степь совершенно похожа на степи Азии, а географически она составляет их прямое, непрерывное продолжение, соединяясь с азиатскими степями широкими воротами между Уральскими горами и Каспийским морем и простираясь сначала широкою, а потом все суживающейся полосой по направлению к западу, мимо морей Каспийского, Азовского и Черного. Это как бы азиатский клин, вдвинутый в Европейский материк и тесно связанный с Азией исторически и климатически. Урало-Каспийскими воротами издавна хаживали в Европу азиатские кочевые орды. Умеренная Западная Европа не зна-

ет такой изнурительной летней жары и таких страшных зимних метелей, какие бывают здесь, а последние заносятся сюда из Азии.

Климат. От однообразия формы поверхности в значительной мере зависит и *климат* равнины. На огромном пространстве от линии Вайгачского пролива (Югорского Шара), почти под 70° с.ш., до 44° с.ш. идущего по северному предгорью Кавказского хребта, мы ожидаем резких климатических различий. По особенностям климата наша равнина делится на 4 климатических пояса: *арктический*, по ту сторону Северного полярного круга, *северный*, или холодный, от 66.5° до 57° с.ш., *средний*, или умеренный, охватывающий центральную полосу равнины (57° – 50°), и *южный*, теплый, или степной. Но климатические особенности этих поясов гораздо менее резки, чем на соответствующем пространстве Западной Европы; однообразие формы поверхности делает климатические переходы более постепенными. В Европейской России нет значительных гор меридионального направления, которые производили бы резкую разницу в количестве влаги на их западных и восточных склонах, задерживая облака, идущие со стороны Атлантического океана, и заставляя их разрешаться обильными дождями на западных склонах; нет в России и значительных гор поперечного направления, идущих с запада на восток, которые производили бы значительную разницу в количестве теплоты на севере и на юге от них. Ветры, беспрепятственно носясь по всей рав-

нине, сближают в климатическом отношении места, очень отдаленные друг от друга по географическому положению. Моря, которые окаймляют Россию с некоторых краев, производят слабое действие на климат внутреннего пространства страны; из них Черное и Балтийское слишком незначительны, чтобы оказывать заметное влияние на климат такой обширной равнины, а Ледовитый океан со своими глубоко-врезающимися заливами на большую часть года остается подо льдом, перестает быть морем. Если вы взглянете на карту Европы, на которой обозначено распределение теплоты, то заметите, что изотермы, чрезвычайно изогнутые на западе, заметно выпрямляются по направлению к юго-востоку, как только заходят в пределы нашей равнины.

***К. Бааде.* Родина варягов**

Описанная форма поверхности страны объясняется *геологическим* ее происхождением. Ее поверхность состоит из рыхлых наносных пластов, покрывающих гранитную площадь; на них лежат холмы, которые и придают равнине волнообразный вид. Эти пласты, состоящие из смеси песка и глины, лишены в южной части равнины всякой плотности, становятся зыбучими. На обширном пространстве нашей равнины эти пласты имеют такое однообразное строение, которое заставляет предполагать и одинаковое их происхождение. В этих наносных слоях находят стволы деревьев, остовы допотопных животных, а по степи рассеяны

каспийские раковины. Все эти признаки заставили геологов предположить, что наша равнина, если не вся, то на большей части своего протяжения, была некогда дном моря, отступившего с нее сравнительно в позднее время. Берегами этого моря были горы Карпатские и Уральские, чем и объясняется присутствие больших залежей каменной соли в этих горах. Воды, покрывавшие равнину, отступили в обширный водоем, называемый Каспийским морем. Отступление это, вероятно, произошло вследствие понижения дна этого моря. Осадки, отложившиеся при отступлении моря, и образовали те однообразно расположенные глинисто-песчаные пласты, из которых состоит почва нашей равнины. Геологи думают даже, что море отступило не сразу, а в два приема; они находят признаки того, что северный берег этого моря шел некогда приблизительно по 55° с.ш., т. е. немного южнее впадения Камы в Волгу. Потом это море отступило к югу еще градуса на четыре, и его северным берегом стал Общий Сырт, острог, идущий от южной оконечности Уральского хребта и перерезывающий Волгу между Саратовом и Царицыном. Геологи думают так, основываясь на резкой разнице почвы и флоры по северной и южной сторонам Общего Сырта, а также на том, что уровень страны на юге от него значительно ниже, чем на север.

Несмотря на такое однообразие равнины, всматриваясь в нее пристальнее, можно заметить некоторые местные особенности, которые, по-видимому, также тесно связаны с гео-

логическим происхождением страны и имели большое влияние на ее историю.

Почва. Обозначенное пространство между 55° с.ш. и линией Общего Сырта, раньше освободившееся от моря, почти совпадает с полосой наиболее толстого чернозема на нашей равнине. Этот чернозем, как думают, образовался вследствие продолжительного гниения обильной растительности, вызванной здесь благоприятными климатическими условиями. Между тем пространство на юге от линии Общего Сырта, образующее степную полосу и позднее вышедшее из-под моря, успело покрыться лишь тонким растительным слоем, лежащим на песчаном солончаковом грунте, оставшемся от ушедшего моря. Ближе к Каспийскому морю, в степях астраханских, почва лишена и такого тонкого слоя, и солончаки прямо выступают наружу. Если южные понтийские степи еще обильны травой и в некоторых местах даже производят хлебные растения, то на прикаспийской низменности встречается только слабая солончаковая растительность. Но даже и травянистая южная степь по тонкости растительного слоя не в силах питать древесные породы. В этом главная причина безлесия степной полосы. Таким образом в южной полосе уцелели признаки ее геологического происхождения. Вид и состав почвы прикаспийской степи заставляет предполагать, что отлив моря с нашей равнины завершился сравнительно поздно, может быть, даже на памяти лю-

дей, в историческую эпоху. Постепенная убыль морей Каспийского и Аральского продолжается и доселе. Не сохранилось ли смутное воспоминание об этом перевороте в известиях древнегреческих и средневековых арабских географов, – известиях, представляющихся на первый взгляд нелепыми, – будто Каспийское море некогда соединялось с одной стороны с Северным океаном, а с другой – с Азовским морем? Последнее очень похоже по своему очертанию и характеру на остаток пролива, быть может, некогда соединявшего Каспийское море с Черным.

торые имели сильное влияние на историю нашего народа. Отлив моря с южной части равнины произошел по склону, какой она делает к морям Черному и Каспийскому; и степной характер страны в этой части усиливается в том же юго-восточном направлении. Чем позднее вышло дно моря из-под воды, тем слабее, тоньше растительный слой, которым оно успело покрыться. Его северо-западный край обнажился раньше северо-восточного, так что северный берег отливавшего моря наклонялся к югу в западной своей части более, чем в восточной. И степная полоса имеет такое же очертание: она наиболее расширена с юга к северу в восточной своей части у Урала и постепенно суживается к западу, упираясь клином в низовья Дуная. К этой степной полосе с севера и северо-запада примыкает широкая полоса леса, образовавшегося здесь вследствие более раннего выхода этой полосы из-под моря и вследствие более прочного растительного слоя, ее покрывшего. Эта полоса леса делится по характеру почвы и растительности на две части: чернозем на юге питает *лиственный* лес; суглинок, который преобладает в составе почвы далее на север, производит лес *хвойный*. Здесь равнина делает подъем в северо-западном направлении. Этот подъем носит название *Алаунского плоскогорья*, которое далее к северо-западу переходит в *Валдайскую возвышенность*, состоящую из группы холмов от 800 до 900 фут. высоты; только некоторые холмы достигают до 1000 футов.

Реки. Валдайская возвышенность имеет весьма важное *гидрографическое* значение для нашей равнины: она служит ее гидрографическим узлом. Из озер, залегающих между ее холмами, берут начало главные реки, текущие в разные стороны по равнине, – Волга, Днепр, Западная Двина. Алаунское плоскогорье составляет центральный водораздел нашей равнины и оказывает сильное влияние на систему ее рек. Наша равнина не обделена почвенной водой сравнительно с Западной Европой; обилие вод в ней зависит частью также от формы ее поверхности. В углублениях между холмами остались обширные скопы вод, которые поддерживаются атмосферными осадками. Урал задерживает облака, идущие со стороны Атлантического океана, и заставляет их изливаться обильными дождями над нашей равниной. Рыхлость почвы дает возможность водам в этих скопах находить выходы в разные стороны, а равнинность страны позволяет этим рекам принимать самое разнообразное направление, и потому нигде в Европе мы не встретим такой сложной *системы рек* с такими разносторонними разветвлениями и такой взаимною близостью бассейнов: ветви разных бассейнов так близко подходят друг к другу, что как бы переплетаются между собою, образуя чрезвычайно сложную речную сеть, брошенную на равнину. Эти реки текут с невысокой Алаунской плоскости и потому имеют малое падение, т. е. медленное течение, причем встречают рыхлый грунт, который

легко размывается. Вот почему они делают змеевидные изгибы. Реки, падающие с значительных возвышенностей среди твердых горных пород, при своем быстром течении склонны к прямолинейному направлению, а где встречают препятствие в твердых горных породах, там делают уклон под прямым или острым углом. Таково вообще течение рек в Западной Европе. У нас же вследствие малого падения и состава почвы реки чрезвычайно извилисты. Есть и еще особенность у наших рек, текущих в более или менее меридиональном направлении: *правый берег у нас вообще высок, левый низок*. Эта особенность оказала некоторое действие на систему внешней обороны страны и на размещение населения: по высоким берегам рек возводились укрепления и в этих укреплениях или около них сосредоточивалось население.

Таким образом, геологическим строением равнины обусловлены наиболее важные для ее истории географические ее особенности: во-1-х, ее деление на полосы с неодинаковой растительностью и, во-2-х, сложность ее речных бассейнов с разнообразными направлениями и общим узлом в центре равнины. Эти полосы и эти бассейны оказали сильное действие на историю страны, и притом неодинаковое, на различные стороны быта ее населения. Различием в составе почвы разных частей равнины определились особенности народного хозяйства, смотря по тому, на какой полосе, степной или лесной, в данное время сосредоточивалась главная масса русского населения. С другой стороны, речными бассей-

нами направлялось размещение населения, а этим определялось политическое деление страны. Служа готовыми первобытными дорогами, речные бассейны рассеивали население по своим ветвям. Но взаимная близость этих бассейнов не позволяла размещавшимся по ним частям населения обособляться друг от друга, поддерживала общение между ними, народное единство, и помогала государственному объединению страны. Однако по речным бассейнам рано обозначились различные местные группы населения и сложились политические области, *земли*, на которые долго делилась страна. В земском и княжеском делении Древней Руси легко заметить это гидрографическое основание. Так, древняя Киевская земля – это область среднего Днепра, земля Черниговская – область Десны, Ростовская – область верхней Волги и т. д. Наконец, гидрографическим узлом в центре равнины намечено было средоточие государства, на ней образовавшегося.

Древнейшие известия о народах Восточной Европы

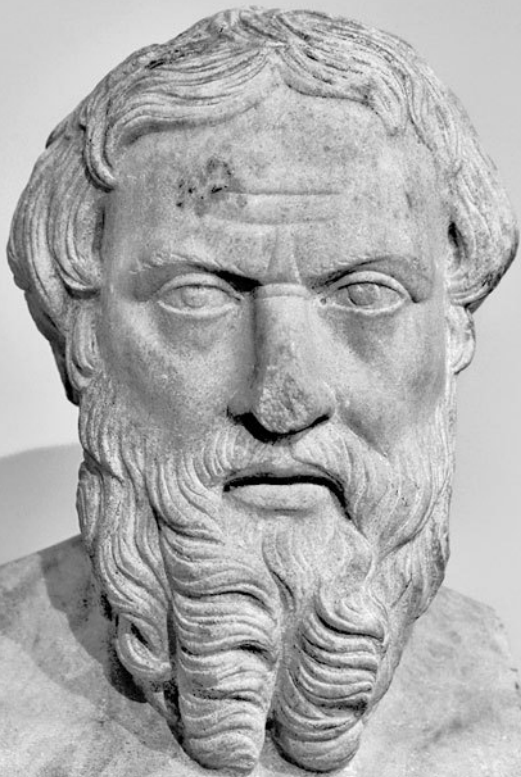
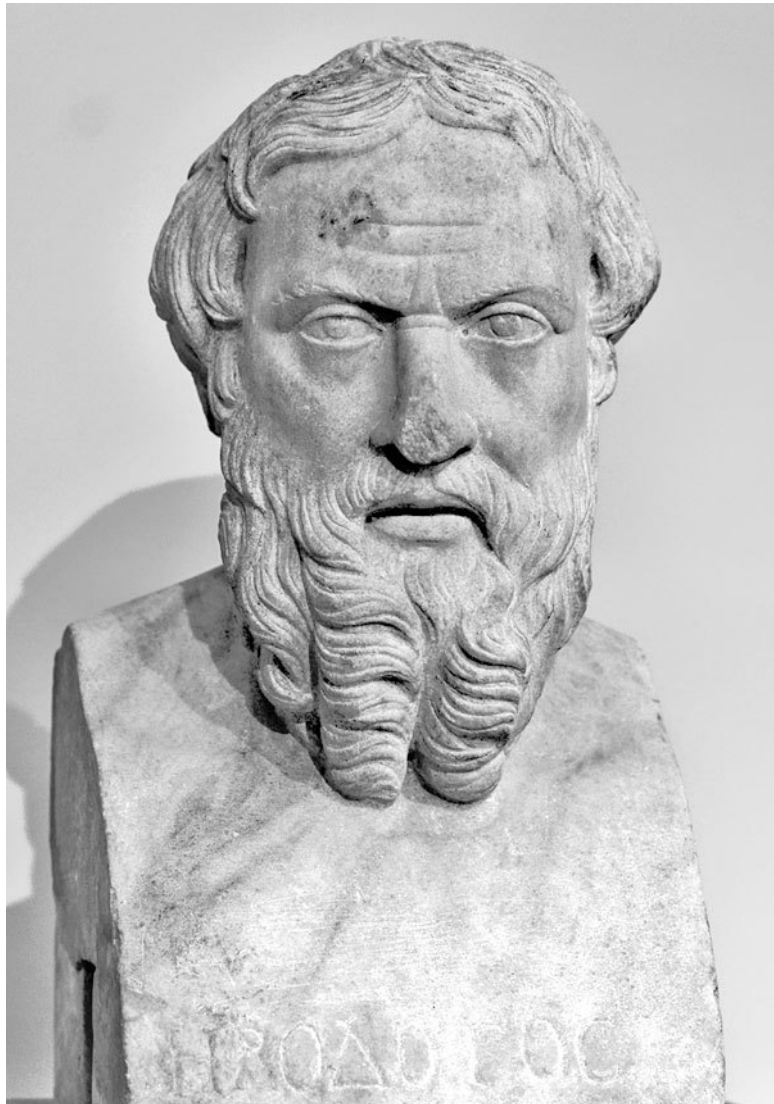
Древний мир оставил нам очень немного надежных известий о той части нашей равнины, которая раньше других пришла с ним в соприкосновение, т. е. о северном побережье Черного моря. Греки в гомерические времена пугались Понта, как они называли это море, и из их малоазиатских колоний корабли долгое время не отваживались пускаться за Босфор Фракийский. Греки долго считали Понт границей обитаемой земли. Но с течением времени открылось несколько путей, которыми в греческое общество проникали сведения о северных берегах Понта. Первый, наиболее ранний из этих путей проложили греческие колонии, которые с VIII века до Р. Х. стали возникать по берегам Понта, сначала по южному, а потом по восточному и северному. Греческие купцы из колоний приносили в Грецию разные известия о варварском мире, облегавшем с севера Черное море. Но известия эти были сказочного характера и малонадежны. Аристотель упрекал современных ему афинян за то, что они по целым дням слушали рассказы людей, приходивших с берегов Фазиса и Борисфена (Риона и Днепра). Эти фантастические рассказы едва ли обогатили греческий мир верными сведениями о северных берегах Черного моря. Гораздо надежнее был другой источник сведений: это греческие путеше-

ственники-писатели, посещавшие северные берега Черного моря с целью изучения их. Самым важным из них был Геродот (V в. до Р.Х.), который посетил греческие колонии в устьях Днепра и Буга и сообщил соотечественникам подробное описание южной России. Еще до него, как узнаем из его же сочинения, эти берега посетил любознательный поэт Аристей, сообщивший в своих поэмах наблюдения над обитавшими там народами. Третьим путем ознакомления греков с миром понтийских варваров служили враждебные столкновения последних с первыми. Греки узнали кое-что об этих варварах от Персов, возвратившихся из похода Дария на Скифов (в 513 г. до Р.Х.). Потом (около 340 г.) со Скифами воевал македонский царь Филипп, который, поразив варваров, привел огромный полон тысяч в двадцать голов, который был весь обращен в рабство. Среди Греков и раньше было много рабов с северных берегов Черного моря, и все они были известны под общим названием *Скифов*.

Под римским владычеством этот последний путь расширился. Во время войн с Митридатом, который хотел поднять всех понтийских варваров против всемирных завоевателей, Римляне обогатились новыми обильными о них сведениями. Но варвары эти начали желать и сами нападения на римские провинции. Эти нападения начинаются в I в. по

В. Васнецов. Бой скифов со славянами

ΑΙΡΟΔΩΤΟΣ

Геродот. Римская копия II в. н. э. греческого бюста, созданного в IV в. до н. э.

Р. X. вторжением Роксалан из-за Дуная в Мизию (в нынешнюю Сербию и Болгарию). За ними следовали нападения Даков, которые в том же веке успели образовать обширное государство, простиравшееся от нижнего Дуная до верховьев Вислы, и даже принудили императора Дамициана платить им дань. Эти нападения еще ближе познакомили Римлян с понтийскими варварами. Такими путями проникали в греческое и римское общество сведения, которые были изложены некоторыми греческими и римскими писателями. Есть известие, что ученик Аристотеля Клеарх написал специальное сочинение о Скифии. До нас дошло обстоятельное описание Скифии, сделанное в IV книге Геродота. За ним следовал целый ряд историков и географов, которые описывали эту страну: в I в. по Р. X. Страбон, Помпоний Мела, Тацит, во II в. – Птолемей Александрийский. Эти писатели проводят перед нами длинный ряд разных народов, поочередно господствовавших в южной России. Так, по рассказам поэта Аристея, по северным берегам Понта некогда обитали Киссерияне, а на севере от них – Скифы. При Геродоте Скифы являются здесь господствующим населением. После, во времена римского владычества, географы представляют господствующим здесь племенем каких-то Сарматов; за ними следовали или из них выделились Роксаланы, Аланы,

Зыги и проч. Эти этнографические имена задали трудную работу исторической критике. Ученые пытались разыскать, какого происхождения были народы, носившие эти имена. Бесплодность этих попыток происходила от того, что эти имена старались приурочить к тем географическим группам, которые сложились исторически и обособились в позднейшее время, – или к германской, или к славянской. Ученые ставили вопрос, который невозможно решить: были ли Киммерияне Германцы, или Славяне, или же они принадлежали к Кельтам? В такой постановке есть внутреннее противоречие: древние племена приурочиваются к позднейшей этнографической классификации. Сами древние географы не могли разобраться в распределении этих племен. Тацит, описывая Сарматов и Германцев, затрудняется сказать, к которому из этих племен принадлежали Венеды и Финны. Также Страбон, говоря о восточных соседях Германцев Бастарнах, обитавших в южной России, замечает, что они чуть не германского племени. У Птолемея в числе народов встречаем племя, в котором так легко заподозрить Славян, – племя *Ставан*. Это имя соблазнило некоторых ученых, которые признали в нем новгородских Славян нашей древней летописи. Разумеется, нельзя сказать, что среди этих племен не было Славян, но невозможно и доказать, что они были, потому что трудно решить, когда они обособились в отдельное племя. Все эти этнографические изыскания были только упражнениями в критическом остроумии или попыткой ре-

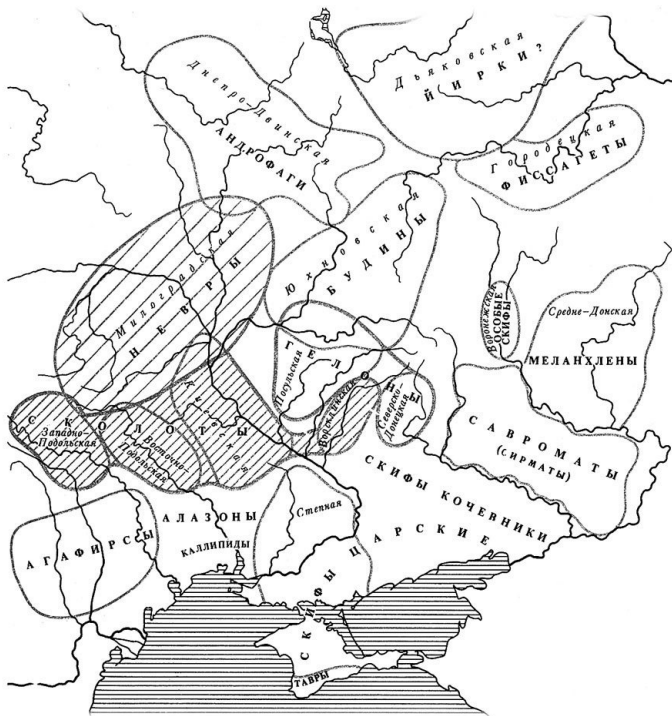

шить уравнение с тремя неизвестными.

Известия Геродота о Скифии. Готы. Гунны. Авары. В известиях древних географов о народах, населявших южную Россию до Р.Х. и в начале нашей эры, ценны, собственно, указания на условия жизни этих загадочных племен: под действие тех же условий станут, несомненно, и наши предки, которые появятся в более позднее время. Геродот написал превосходную картину южнорусской степи и быта ее обитателей.

Удивляясь обширности равнины, которую он наблюдал, он всего более поражается величиной и многочисленностью рек, орошающих Скифию. В населении Скифии он различает две ветви, из коих одну составляли Скифы-пахари, а другую – пастухи или скотоводы; одни были оседлые землевладельцы, другие кочевники; пастухи господствовали над пахарями. Последние жили по Днепру и далее на запад до Днестра, а кочевники обитали на восток от Днепра до Дона, за которым в степях далее к востоку обитали другие более дикие кочевники, очевидно, будущие преемники кочевых Скифов. Эти указания очень любопытны: стоит только зачеркнуть племенные названия, и можно подумать, что Геродот излагает начало новой истории, повторяет рассказ *Повести о начале Русской земли*, как с племен, живших по Днепру и его притокам, Полян, Северян, Радимичей, брали дань обитавшие в степях Хозары, в тылу и у которых за Волгой

жили еще более дикие кочевники Печенеги, потом наводнившие донские и днепровские степи. Таким образом, у Геродота явственно намечены те самые три факта, которыми открывается наша история: 1) важное значение рек нашей равнины, 2) господство кочевников над оседлым населением и 3) смена одних кочевников другими. Так, Скифы сменили Киммериян, самих Скифов сменили Сарматы. Родственны ли были по своему племенному происхождению Сарматы и Скифы, или были совершенно различные народы, об этом ничего нельзя сказать утвердительно; но и Сарматы сменили другие племена, этнографическое происхождение которых также очень темно.

 — «Земледельческая» Скифия
 — Археологические культуры времен Геродота

Территории, занимаемые скифами и славянами в VII–III вв. до н. э.

Около начала нашей эры в припонтских степях усили-

ваются Роксаланы и Аланы (вероятно, разные названия одного и того же племени); но Готы уничтожают их господство. Племя Готов, по сказаниям, первоначально обитало где-то на берегах Балтийского моря. Во II или III веке по Р.Х. на этом море начали появляться корабли удалых мореходов, которые Финским заливом по рекам нашей равнины проникали в Черное море и громили Греческую империю. В IV в. их вождь Германарих завоеваниями образовал обширное царство – первое исторически известное государство, основанное европейским народом в пределах нынешней России; в именах покоренных Германарихом племен, перечисляемых латинским историком Готов Иорнандом (VI в.), можно разобрать поздние названия финских обитателей нашей равнины: Мери, Веси, Мордвы и проч. В такой этнографической обстановке являются у того же писателя и наши Славяне под именами Венетов, Антов и *Склавен* (Sclaveni). Вене-ты, несмотря на свою многочисленность, были покорены Готами. Но прежде чем владычество Готов упрочилось, появились Гунны, разгромили Готов, перевалили за Карпаты, прошли Западную Европу и образовали новое эфемерное государство. Уже к концу V века, по смерти Атиллы, и это царство разрушилось. Спустя столетие племена, освободившиеся от гуннского ига, были захвачены новым азиатским потоком – Аварами, которые в VI в. успели распространиться до Карпат и нижнего Дуная. В предании об Авах, или *Обрах*, как их называет наша начальная летопись, является од-

но из восточнославянских племен под своим именем *Дулебов*. Аварское владычество продолжалось до VIII века, в конце которого Авары потерпели поражение от Карла Великого в Паннонии. В то время как разрушалось аварское владычество, восточные славяне являются под игом новых кочевников Хозар. Таков был ряд племенных потоков, среди которых выступают восточные Славяне, как обитатели нашей равнины. Когда в пределы этой равнины пришли Хозары, они застали восточных Славян уже на тех местах, где они обитали по рассказу нашей *Повести* о начале Русской земли. Когда и как они появились здесь?

Восточные славяне

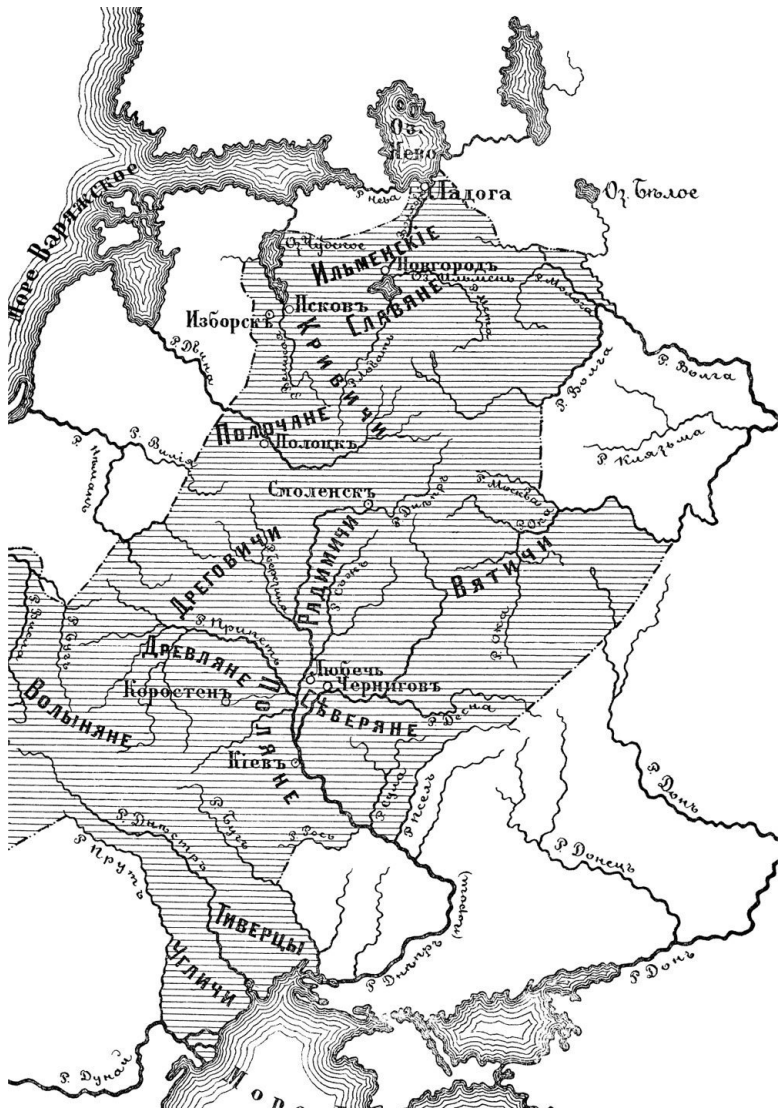
Их расселение. Начальная летопись не помнит времени прихода Славян из Азии в Европу; она застаёт их уже на Дунае. Из этой придунайской страны, которую составитель *Повести* знал под именем земли Угорской и Болгарской, славяне расселились в разные стороны; оттуда же вышли и те Славяне, которые поселились по Днепру, его притокам и далее к северу. *Повесть* приводит этих восточных Славян прямо с Дуная на Днепр и не помнит, чтобы они останавливались где-нибудь на этом пути. Рассказывая о расселении Славян, она различает две их ветви, западную и восточную. Славяне с Дуная расселились в разные стороны и назвались по именам мест, где поселились: одни поселились по реке Мораве и назвались Моравой, другие – Чехами. Это западные Славяне. Восточную ветвь составляли Хорваты Белые, Сербы и Хорутане; от этих Славян *Повесть* и производит те племена, которые заселяли Поднепровье. Она рассказывает, что когда Волохи, по мнению некоторых исследователей, Римляне при импер. Траяне, напали на Славян дунайских и начали их угнетать, эти восточные Славяне пришли на Днепр и стали называться одни Полянами, а другие Древлянами и т. д. Но византийские и латинские писатели VI и начала VII века, рассказывая о задунайских Славянах, племенное имя которых (Sclabo) появляется в византийских из-

вестиях с конца V века, дают понять, что восточные Славяне не прямо пришли с Дуная на Днепр. Эти писатели разделяют Славян на две главные ветви: на *Антов*, живших по Черноморскому побережью от нижнего Днестра до нижнего Днестра, и на *Славян* собственно, которые жили к северу от Дуная до верхней Вислы и к востоку до Днестра. Так именно определяет границы расселения славян латинский писатель VI века, хорошо знакомый с миром задунайских варваров и сам варвар, родом с нижнего Дуная, Иорнанд, историк Готов. Значит, Славяне, собственно, занимали тогда Карпатский край. Карпаты были общеславянским гнездом, из которого впоследствии Славяне разошлись в разные стороны. Эти карпатские Славяне в продолжение всего VI века громили Империю, переходя за Дунай; следствием этих постоянных вторжений, начало которых относят еще к III веку, и было постепенное заселение Балканского полуострова Славянами. Итак, прежде чем восточные Славяне попали с Дуная на Днепр, они долго оставались на Карпатах; здесь была их промежуточная стоянка. Одно из восточнославянских племен, Хорватов, знает на склонах Карпат, в Галиции, и наша начальная летопись даже в X веке, при кн. Олеге. Продолжительный вооруженный напор карпатских Славян в Империю соединял их в военные союзы. Мы находим следы одного такого союза, в состав которого входили именно восточные Славяне. *Повесть* о начале Русской земли составлена, очевидно, в Киеве; автор ее с особенным сочувствием относится

к киевским Полянам, да и знает о них больше, чем о других племенах восточных Славян. Он передает ряд вражеских нашествий, испытанных этими Славянами, говорит о Болгарах, Обрах, Уграх, Хозарах; но до Хозар он не помнит о судьбе своих Полян. Народные потоки, прошедшие по южной России и часто дававшие больно чувствовать себя восточным Славянам, как будто ничем не задели восточнославянского племени, ближе всех к ним жившего, Полян. В памяти киевского повествователя XI в. уцелело от тех времен предание только об одном восточном славянском племени, но таком, которое в X в. не играло заметной роли в нашей истории. *Повесть* рассказывает о нашествии Аваров на Дулебов (в VI в.): «Си же Обри воеваху на Словенех и примучиша Дулебы, сущая Словены, и насилье творяху женам Дулебским: аще поехати будяше Обрину, не дадяше впрячи коня, ни вола, но веляше впрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телегу и повезти Обрена; тако мучаху Дулебы. Быша бо Обре телом велици и умом горди, и Бог потреби я, помроша вси, и не остана ни един Обрин; есть притча на Руси и до сегодне: *погибоша аки Обре*». Очевидно, благодаря этой поговорке в *Повести* и уцелело предание об Обрах. Но где были в то время Поляне и почему одни Дулебы страдали от Обров? Неожиданно с другой стороны идет нам ответ на этот вопрос. В сороковых годах X века, лет за сто до составления *Повести* о начале Русской земли, писал о восточных Славянах араб Масуди в своем географическом сочинении *Золотые*

луга. Описывая восточные славянские племена, он рассказывает, что некогда одно из них, коренное между ними, господствовало над прочими, имело верховную власть над ними; но потом пошли между ними раздоры, союз их разрушился, они разделились на отдельные племена и каждое племя выбрало себе отдельного царя. Это господствовавшее некогда племя Масуди называет Valinana (Волыняне), а из летописи мы знаем, что эти Волыняне – те же Дулебы и жили по Западному Бугу. Понятно, почему киевское предание запомнило одних Дулебов из эпохи аварского нашествия: тогда Дулебы господствовали над всеми восточными Славянами и покрывали их своим именем, как впоследствии все восточные Славяне звались *Русью* по имени главной области в Русской земле, ибо Русью первоначально называлась только Киевская область. Во время аварского нашествия еще не было ни Полян, ни самого Киева, и масса восточных Славян сосредоточивалась западнее, на склонах Карпат, в краю обширного водораздела, откуда идут в разные стороны Днестр, оба Буга, притоки верхней Припети и верхней Вислы.

Горе Варяжское

Оз. Мелое

Ладога

Оз. Гьлое

ИЛЬМЕНСКІЕ

Новгородъ

Изборскъ

Исковъ

СЛАВЯНЕ

Р. Волга

Р. Волга

Р. Волга

Р. Пярна

ПОЛЧАНЕ

Полоцкъ

Столбцкъ

ДРЕГОВИЧИ

РАДИМИЧИ

ВЯТИЧИ

ДРЕВЛЯНЕ

Коростенъ

ВОЛЫНЯНЕ

КИЕВЛЯНЕ

Киевъ

СВЕРЯНЕ

Любечъ

Черниговъ

Р. Днѣпръ

Р. Днѣпръ

Р. Днѣпръ

ТИВЕРЦЫ

УГЛИЧИ

Р. Дунай

Море

Расселение славян в IX в.

Итак, мы застаем у восточных Славян в VI веке большой военный союз под предводительством князя Дулебов. Постоянная борьба с Византией завязала этот союз, стянула восточные племена в одно целое. Вот факт, который можно поставить *в начале* нашей истории. Со склонов Карпат восточные Славяне постепенно расселились по нашей равнине. Это расселение – *второй начальный факт* нашей истории. Его можно уловить по некоторым косвенным указаниям. Византийские писатели VI и начала VII века застают задунайских Славян в состоянии необычайного движения. Император Маврикий, долго боровшийся с этими Славянами, пишет, что Славяне живут точно разбойники, всегда готовые подняться с места, поселками, разбросанными по лесам и по берегам многочисленных рек их страны. Несколько ранее писавший Прокопий замечает, что Славяне живут в плохих, разбросанных поодиночке хижинах и часто переселяются. Наша *Повесть* о начале Русской земли, не помня о приходе Славян с Карпат, запомнила один из последних моментов их расселения по русской равнине. Размещая восточнославянские племена по Днепру с его притоками, эта *Повесть* рассказывает, что были в ляхах два брата, Радим и Вятко, которые пришли с своими родами и сели – Радим на Соже, а Вятко на Оке, от них и пошли Радимичи и Вятичи. Поселение этих племен за Днепром показывает, что их приход

был одним из поздних приливов славянской колонизации; новые пришельцы уже не нашли себе места на правой стороне Днепра и должны были продвигаться далее на восток, за Днепр. С этой стороны Вятичи очутились самым крайним племенем русских Славян. Летопись говорит, что Радимичи и Вятичи «от Ляхов»: это потому, что область указанного водораздела, древняя страна Хорватов, в XI веке, когда написана *Повесть*, считалась уже Ляшской страной и была предметом борьбы Руси с Польшей. Так, сопоставляя византийские известия с преданиями *Повести* о начале Русской земли, узнаем направление славянской колонизации и время, когда началась она. Византийцы перестают рассказывать о вторжениях карпатских Славян в пределы Империи со второй четверти VII века, потому что расселение этих Славян в разные стороны сопровождалось прекращением их набегов на Империю. Тогда заселялись Славянами Польша, Балтийское Поморье; тогда начало заселяться и Поднепровье.

Быт славян восточных

Племена. Мифология. Семейные отношения. В продолжение VII и VIII веков восточная ветвь Славян, сосредоточившаяся на северовосточных склонах Карпат, отливала мало-помалу на северо-восток и восток. На новых местах жительства быт переселенцев изменился во многом.

На Карпатах эти Славяне, по-видимому, жили еще первобытными родовыми союзами. Черты такого быта мелькают в неясных и скудных византийских известиях о Славянах VI и начала VII века. По этим известиям Славяне управлялись царьками и филархами, т. е. племенными князьками и родовыми старейшинами, и имели обычай собираться для совещания об общих делах. Трудно представить себе общественный быт восточных Славян в эпоху их расселения по русской равнине. Наша древняя *Повесть* о начале Русской земли, описывая расселение восточных Славян, пересчитывает племена, на которые они делились, указывая, где поселилось каждое. Так, на западном берегу среднего Днепра поселилось племя *Поляне*, к северо-западу от них, в дремучих лесах по южным притокам Припети, – поселились *Древляне*; к западу от них, по Западному Бугу, – *Вольняне* или *Дулебы*; против Полян, на восточном берегу Днепра, по Десне и Суле, жили *Северяне*; в соседстве с ними, по притоку Днепра Сожу, сидели *Радимичи*, а к востоку от них, по верхней

Оке *Вятичи*; на верховьях трех рек – Днепра, Западной Двины и Волги, обитали *Кривичи*; к юго-западу от них, в болотистой и лесистой стране между Припетью и Западной Двиной, – *Дреговичи*; к северу от них, по Западной Двине, поселилась ветвь Кривичей *Полочане*, а к северу от Кривичей, у озера Ильменя и далее по реке Волхову, обитали *Славяне новгородские*. Но трудно решить, что такое были эти племена, плотные ли политические союзы или простая географическая группа населения, ничем не связанные политически. По-видимому, в эпоху расселения родовые союзы остались господствующей формой быта восточных славян, как изображает его *Повесть о начале Руси*, замечая: «Живяху каждо с своим родом и на своих местах, владеюще каждо родом своим». Однако легко понять, что расселение должно было разбивать и эти союзы. Родовой союз держится крепко, пока родичи живут вместе, но колонизация разрушала совместную жизнь родичей. Родовой союз держался на двух опорах: на власти родового старшины и на нераздельности родового имущества. Родовой культ, почитание предков скрепляли обе эти опоры. Но восточные Славяне расселялись по равнине разбросанными дворами. На такой порядок расселения указывает византийский писатель VI века Прокопий, говоря, что Славяне жили в плохих разбросанных хижинах и часто переселялись. Власть старшины не могла с одинаковой силой простираться на все родственные дворы, разбросанные на обширном пространстве среди лесов и болот. Место ро-

довладыки в каждом дворе должен был занять домовладыка, хозяин двора, глава семейства. В то же время характер лесного и земледельческого хозяйства, завязавшегося в Поднепровье, разрушал мысль о нераздельности родового имущества. Лес приспособлялся к промыслам усилиями отдельных дворов, поле расчищалось трудом отдельных семейств; такие лесные и полевые участки рано должны были получить значение частного семейного имущества. Родичи могли помнить свое кровное родство, могли чтить общего родового деда, хранить родовые обычаи и предания; но в области права, в практических житейских отношениях связь между родичами расстраивалась все более. Это разрушение родовых союзов, распадение их на дворы или сложные семьи оставило по себе след в одной черте нашей мифологии.

«Каменная баба» из приднепровских степей

В сохранных позднейшими памятниками скудных чертах мифологии восточных Славян можно различить два рода верований. Одни из этих верований можно признать остатками почитания видимой природы. В русских памятниках уцелели следы поклонения небу под именем *Сварога*, солнцу под именами *Дажбога*, *Хорса*, *Велеса*, грому и молнии под именем *Перуна*, богу ветров *Стрибогу*, огню и другим силам и явлениям природы. Дажбог и божество огня считались сыновьями Сварога, звались Сварожичами. Таким образом, на русском Олимпе различались поколения богов – знак, что в народной памяти сохранились еще моменты мифологического процесса; но теперь трудно дать хронологическое определение этим моментам. Уже в VI веке, по свидетельству Прокопия, Славяне признавали повелителем вселенной одного бога-громовержца, т. е. Перуна. По нашей начальной летописи Перун является главным божеством русских Славян рядом с Велесом, который характеризуется названием «скотьего бога» в смысле покровителя стад. Общественное богослужение еще не установилось и даже в последние времена язычества видим только слабые его зачатки. Ни храмов, ни сословия жрецов незаметно; на открытых местах ставились изображения богов, пред которыми совершались некоторые обряды и приносились требы, т. е. жертва. Так, в Киеве на холме стоял идол Перуна, пред которым

Игорь в 945 году приносил клятву в соблюдении заключенного с Греками договора. Владимир, утвердившись в Киеве в 980 году, поставил здесь на холме идолы Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога и других богов, которым князь и народ приносили жертвы, даже человеческие. По-видимому, большее развитие получил и крепче держался другой ряд верований – культ предков. В старинных памятниках средоточием этого культа является со значением охранителя родичей *род* с его *рожаницами*, т. е. дед с бабушками – намек на некогда господствовавшее между Славянами многоженство. Тот же обоготворенный предок чествовался под именем *чура*, в церковно-славянской форме *щура*; эта форма доселе уцелела в сложном слове *прощур*. Значение этого деда-родоначальника, как охранителя родичей, доселе сохранилось в заклинании: *чур меня*, т. е. храни меня дед. Но в народных преданиях и поверьях этот чур-дед, хранитель рода, является еще под именем *дедушки домового*, т. е. охранителя не целого рода, а отдельного двора. Таким образом, не колебля народных верований и преданий, связанных с первобытным родовым союзом, расселение должно было разрушать *юридическую связь* рода, заменяя родство соседством.

Древние славяне поклоняются своим богам. Гравюра XIX в.

Это юридическое разрушение родового союза делало возможным взаимное сближение родов, одним из средств которого служил брак. Наша древняя летопись указывает на ход этого сближения: описывая языческий быт Радимичей, Вятичей и других племен, она говорит об игрищах между селами, т. е. религиозных празднествах, на которых жители сел похищали, «умыкали» себе жен по уговору с ними. Эти села – родственные поселки, разросшиеся из отдельных дворов, какими расселялись восточные Славяне. На иг-

рах между селами похищали невест из чужих сел, т. е. родов, которые не уступали их добровольно при недостатке невест вследствие господствовавшего тогда многоженства. Вражда между родами, вызывавшаяся умычкой чужеродных невест, устранялась *венем*, выкупом невесты у ее родственников. С течением времени вено превратилось в продажу невесты жениху ее родственниками по взаимному соглашению, без умычки, которая заменилась обрядом *хождения зятя по невесту*. Дальнейший момент сближения родов летопись отметила у Полян, уже вышедших, по ее изображению, из дикого состояния, в каком оставались другие племена. Она замечает, что у Полян «не хожаше зять (жених) по невесту, но привожаху вечер (приводили ее вечером), а заутра приношаху, что на ней владуче (что за нее платили)». Таким образом, хождение жениха по невесту, заменившее насильственный акт умычки невесты, в свою очередь, сменилось обрядом *привода* невесты к жениху, почему законная жена в языческой Руси называлась *водимою*. Важно то, что родственники жениха и невесты становились *своиками*, своими людьми друг для друга. Таким образом, брачный союз уже в языческую пору роднил чуждые друг другу роды. Это указывает на раннее ослабление родового союза у русских Славян. В первичном, нетронутым своем составе род представлял замкнутый союз, недоступный для чужаков: невеста из чужого рода порывала родственную связь со своими кровными родичами, но не роднила их с родней своего

жениха.

Города и торговля. Хозары. Большая перемена произошла в экономическом быту восточных Славян, расселившихся по Днепру, его притокам и далее к северу, в области озера Ильменя. При тогдашнем значении рек, как удобнейших путей сообщения, Днепр был столбовой торговой дорогой для западной полосы русской равнины: верховьями своими он близко подходит к Западной Двине и бассейну Ильменя-озера, т. е. к двум важнейшим дорогам в Балтийское море, а устьем соединяет центральную Алаунскую возвышенность с северным берегом Черного моря; притоки Днепра, издавлек идущие справа и слева, как его подъездные пути, приближают Поднепровье, с одной стороны, к карпатским бассейнам Днестра и Вислы, а с другой – к бассейнам Волги и Дона, т. е. к морям Каспийскому и Азовскому. Таким образом, область Днепра захватывает всю западную половину Русской равнины. Эту водную дорогу по Днепру из Балтийского моря в Черное наша летопись называет «путем из Варяг в Греки». Днепр и сделался для восточных Славян могучей питательной артерией народного хозяйства, втянув их в сложное торговое движение, которое шло тогда в юго-восточном углу Европы. Своим низовым течением и левыми притоками Днепр потянул славянских поселенцев к черноморским и каспийским рынкам. Это торговое движение вызвало разработку естественных богатств занятой поселенца-

ми страны. Если мы представим себе нашу равнину в том виде, какой она имела десять или одиннадцать веков тому назад, то легко можем разделить ее на две полосы – на северо-западную лесную и юго-восточную степную. Восточные Славяне заняли преимущественно первую; самый город Киев возник на рубеже между обеими полосами. Эта лесная полоса своим пушным богатством и лесным пчеловодством (бортничеством) и доставляла Славянам обильный материал для внешней торговли: меха, мед, воск стали главными статьями русского вывоза.

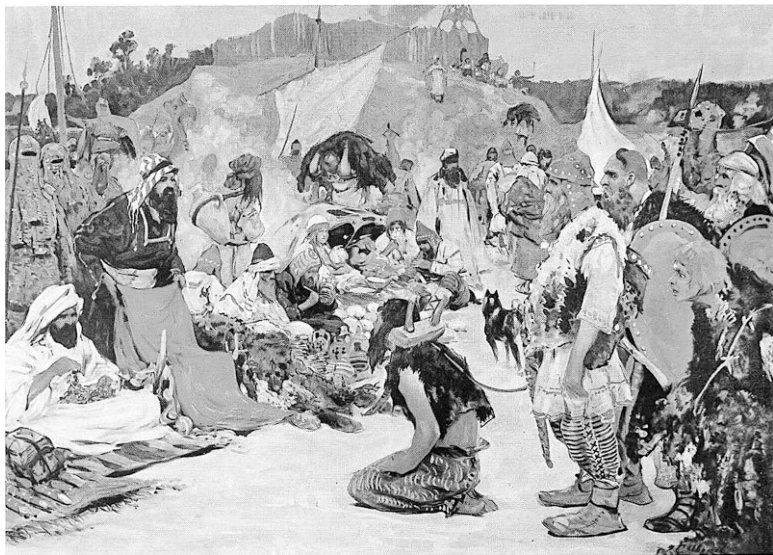

С. Иванов. Жизнь восточных славян

Одно внешнее обстоятельство особенно содействовало успехам этой торговли. С конца VII в. по южнорусским степям стала распространяться новая азиатская орда, *Хозары*. Это было кочевое племя тюркского происхождения, но оно не было похоже на предшествовавшие ему и следовавшие за ним азиатские орды, преемственно господствовавшие в южнорусских степях. Хозары скоро стали покидать кочевой быт и обращаться к мирным промыслам. В VIII в. среди них водворились из Закавказья промышленные Евреи и Арабы. Еврейское влияние здесь было так сильно, что династия хозарских каганов со своим двором, т. е. высшим классом хозарского общества, приняла иудейство. Раскинувшись на привольных степях по берегам Волги и Дона, Хозары основали средоточие своего государства в низовьях Волги. Здесь столица их Итиль скоро стала огромным разноязычным торжищем, где рядом жили могометане, евреи, христиане и язычники. Хозары покорили племена восточных Славян, живших близко к степям, Северян, Вятичей. Но хозарское иго доставляло покоренным большие экономические выгоды. С тех пор для них, как данников Хозар, были открыты степные и речные дороги, которые вели к черноморским и каспийским рынкам. Под покровительством Хозар по этим рекам пошла бойкая торговля из Поднепровья. Мы встречаем ряд указаний на успехи этой торговли. Арабский писатель Хордадбе, современник Рюрика и Аскольда,

писавший не позже 870-х годов, замечает, что русские купцы возят товары из отдаленных краев своей страны к Черному морю в греческие города, где византийский император берет с них десятину (торговую пошлину), что те же купцы плавают по Волге, спускаются к хозарской столице, где властитель хозарский берет с них также десятину, выходят в Каспийское море, проникают на юго-восточные его берега и даже провозят свои товары на верблюдах до Богдада. Сколько поколений нужно было, чтобы проложить такие далекие и разносторонние торговые пути с берегов Днепра и Волхова! Восточная торговля Поднепровья, как ее описывает Хордадбе, могла завязаться по крайней мере лет за сто до этого арабского географа. Впрочем, есть и прямое указание на время, когда завязалась и развивалась эта торговля. В области Днепра найдено множество кладов с древними арабскими монетами, серебряными диргемами. Большая часть их относится к IX и X векам, ко времени наибольшего развития восточной торговли Руси. Но есть клады, в которых самые поздние монеты не позже начала IX века, а ранние восходят к началу VIII века; изредка попадаются монеты VII века и то лишь самых последних его лет. Эта нумизматическая летопись наглядно показывает, что именно в VIII веке завязалась торговля Славян днепровских с хозарским и арабским востоком. Но этот век был временем утверждения Хозар в южно-русских степях; ясно, что Хозары и были торговыми посредниками между этим востоком и русскими Славянами.

С. Иванов. Торг в стране восточных славян

Следствием успехов восточной торговли Славян было возникновение древнейших торговых городов на Руси. *Повесть* о начале Русской земли не помнит, когда возникли эти города: Киев, Чернигов, Смоленск, Любеч, Новгород и др. В ту минуту, с которой она начинает свой рассказ о Руси, эти города являются уже значительными поселениями. Но довольно беглого взгляда на географическое размещение этих городов, чтобы видеть, что они были созданы успехами внешней торговли Руси: большинство их вытянулось

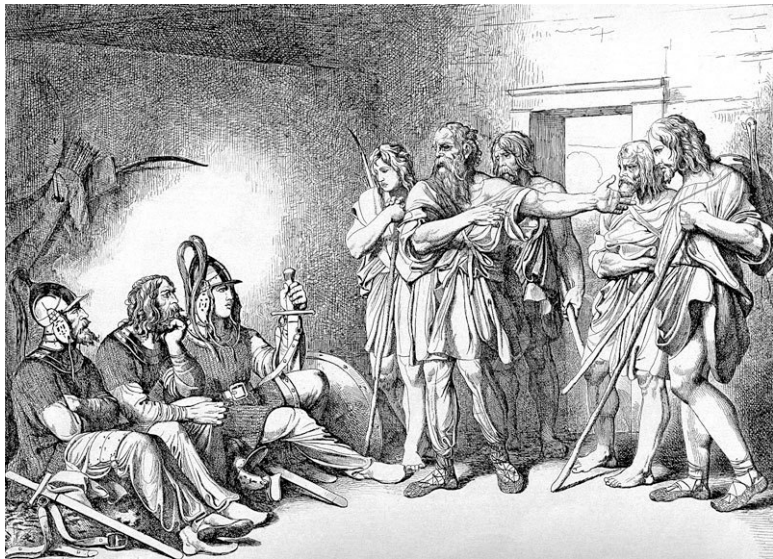
длинной цепью по главной речной дороге Днепра – Волхова. Возникновение этих больших торговых городов было завершением сложного экономического процесса, завязавшегося среди Славян на новых местах жительства. Мы видели, что восточные Славяне расселялись по Днепру и его притокам разбросанными одинокими дворами. С развитием торговли возникали среди этих дворов сборные пункты, места промышленного обмена, куда сходились звероловы и бортники для торговли, для *гостьбы*, как говорили в старину. Такие сборные пункты получили название *погостов*. Мелкие сельские рынки тянули к более крупным, возникавшим на особенно бойких торговых путях. Из этих крупных рынков, служивших посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнейшие города по Днепру и его притокам. Города эти служили торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокруг них промышленных округов.

Предание об основании Русского Государства

С начала IX века хозарское владычество начало заметно колебаться. Причиной этого было то, что с востока в тылу у Хозар появились новые орды Печенегов и следовавших за ними Узов-Торков. В первой половине IX в. варвары прорвались сквозь хозарские поселения и распространились по южнорусским степям. Есть два указания на это, идущие с разных сторон. В одной западной летописи, так называемой Бертинской, есть любопытный рассказ о том, как в 839 г. послы от народа *Руси* (Rhos), приходившие в Константинополь для подтверждения дружбы, т. е. для возобновления торгового договора, не хотели возвращаться домой прежней дорогой по причине живших по ней варварских жестоких народов. Из наших источников узнаем, какие это были народы. В некоторых редакциях *Повести* о начале Русской земли рассказывается, что Аскольд и Дир в 867 г. избили множество Печенегов. Значит, Печенеги уже около половины IX в. успели придвинуться близко к Киеву, отрезая среднее Поднепровье от черноморских и каспийских рынков. Хозарская власть, очевидно, уже не была в состоянии оберегать русских купцов на востоке. Главные торговые города Руси должны были сами взять на себя защиту торговли и торговых путей. С этой минуты они начали вооружаться, опоясываться сте-

нами, вводить у себя военное устройство, запастись ратными людьми. Одно внешнее обстоятельство помогло скоплению военного люда в этих городах. В первой половине IX в. на речных путях нашей равнины стали появляться заморские пришельцы из Скандинавии, получившие у нас название *Варягов*. В X и XI вв. эти Варяги постоянно приходили на Русь или с торговыми целями, или по зову наших князей, набиравших из них свои военные дружины. Но присутствие Варягов на Руси заметно уже в IX в. По словам *Повести* о начале Русской земли, их много набрали Аскольд и Дир, утвердившись в Киеве. Упомянутые послы от народа Руси, не хотевшие в 839 г. из Константинополя возвратиться домой прежней дорогой, отправлены были с Византийским посольством к германскому императору Людовику Благочестивому и там, по расследовании дела, по удостоверении их личности, оказались *Свеонами* – Шведами, т. е. Варягами, к которым наша *Повесть* причисляет и Шведов. Эти Варяги, появившиеся на Руси, по многим признакам были Скандинавы. Название их, по мнению некоторых ученых, есть славяно-русская форма скандинавского или германского слова *Waering* или *Warang*, значение которого недостаточно выяснено. Византийцы XI века знали под именем *Varaggoi* Норманов, служивших наемными телохранителями у византийского императора. Имена первых русских людей – Варягов и их дружинников почти все скандинавского происхождения; эти же имена являются и в скандинавских сагах: *Рю-*

рик в форме Hrrrekr, *Трувор* – Thorvardr, Олег по древне-киевскому выговору на *o* – Helgi, женская форма *Ольга* – Helga, у Константина Багрянородного Elyu, *Игорь* – Ingvarr, *Оскольд* – Hoskuldr и т. п.

Ф. Бруни. Призвание варягов. Гравюра, 1839 г.

Эти Варяги-Скандинавы и вошли в состав вооруженного класса, который стал складываться по большим торговым городам Руси под влиянием внешних опасностей. Варяги являлись к нам вооруженными купцами, пробиравшимися в богатую Византию, чтобы там с выгодой послужить императору.

ру, с барышом поторговать, а иногда и пограбить, если представится к тому случай. Любопытно, что, когда неторговому варягу нужно было скрыть свою личность, он прикидывался купцом, идущим из Руси или на Русь. На такой характер Варягов указывает и рассказ летописца о том, как обманул Олег своих земляков Аскольда и Дира, чтобы выманить их из Киева. Он послал сказать им: «Я купец, идем мы в Грецию, придите к нам, землякам своим». Осаживаясь в больших торговых городах Руси, Варяги встречали здесь класс населения, социально им родственный и нуждавшийся в них, класс вооруженных купцов, и входили в его состав, нанимаясь за хороший корм оберегать русские торговые пути и торговых людей, т. е. конвоировать русские торговые караваны. Как скоро из туземных пришлых элементов образовался такой класс в больших торговых городах, он должен был изменить положение последних. Когда стало колебаться хозарское иго, эти города сделались независимыми. Мы не знаем, как они управлялись при Хозарах, но можем заметить, что, взявши на себя защиту торгового движения, эти города скоро подчинили себе свои торговые округа. Это подчинение торговых районов промышленным центрам, теперь вооруженным, по-видимому, началось еще до князей, т. е. раньше половины IX века. *Повесть* о начале Русской земли, рассказывая о первых князьях, вскрывает любопытный факт: за большим городом идет его округ, целое племя или часть его. Олег взял Смоленск и посадил в нем своего посадника: в силу

этого смоленские Кривичи стали признавать власть Олега. Олег взял Киев, и киевские Поляне вследствие этого также признавали его власть. Так целые округа являются в зависимости от своих главных городов, и эта зависимость, по видимому, установилась помимо и раньше князей. Трудно сказать, как она установилась. Может быть, торговые округа добровольно подчинялись городам, как укрепленным убежищам, под давлением внешней опасности; еще вероятнее, что при помощи вооруженного класса, скопившегося в городах, последние силою завладевали своими торговыми округами.

Как бы то ни было, в неясных известиях *Повести* о начале Русской земли обозначается первая политическая форма, возникая на Руси около половины IX века: это – *городовая область*, т. е. торговый округ, управляемый укрепленным городом, который вместе с тем служил и промышленным центром для этого округа. Эти древние городские области Киевская, Черниговская, Смоленская и др. легли в основание областного деления, установившегося на Руси при первых киевских князьях IX и X веков. Это областное деление не совпадало с племенным и, следовательно, от него не зависело. Не было ни одной городской области, которая бы состояла из одного и притом цельного племени; большинство областей составилось из разных племен или из частей. Так, Киевская область составила из Полян, Древлян и южной части Дреговичей. Напротив, племя Северян распалось

на две городские области, Переяславскую и Черниговскую; в состав последней вошли еще часть Радимичей и все Вятчи, у которых не было значительных городов и которые потому не образовали особых областей. Иные из этих городских областей превращались в *варяжские княжества*. В тех промышленных пунктах, куда с особенной силой приливали вооруженные пришельцы из-за моря, они легко покидали значение торговых товарищей или наемных охранителей торговых путей и становились властителями охраняемых им городов. Тогда вождь компании таких пришельцев делался *конингом*, по-русски – князем области захваченного города. Как совершались такие превращения, показывает один рассказ начальной летописи. Князь Владимир, одолев брата Ярополка, утвердился в Киеве с помощью присланных из-за моря Варягов в 980 г. Тогда заморские его соратники, почувствовав свою силу, сказали своему князю-наемщику: «Князь, ведь город-то наш; мы его взяли; так мы хотим брать с горожан окуп по две гривны с человека». Владимир с трудом сбыл с рук этих назойливых наемников, выпроводив их в Царьград. Таким образом, иные вооруженные города со своими областями при известных обстоятельствах превращались в варяжские княжества. Так являются во второй половине IX в. на севере княжество Рюрика в Новгороде, Синеусово на Белом озере, Труворово в Изборске, Аскольдово в Киеве. В X в. становятся известны два другие княжества такого же происхождения: Рогволодово в Полоцке и Турово

в Турове на Припяти.

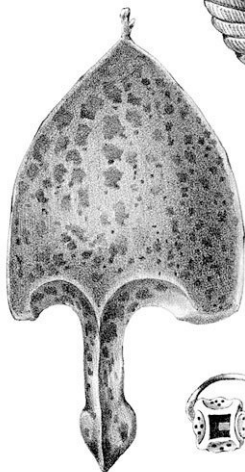
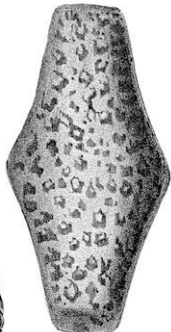

Б. Чориков. Рюрик, Синеус и Трувор принимают по-
слов славянских, призывающих их на княжение

Появлением этих варяжских княжеств вполне объясняется и занесенное в нашу *Повесть о начале Руси сказание о призвании князей из-за моря*. Поэтому преданию еще до Рюрика Варяги водворились среди новгородцев и соседних с ними племен славянских и финских, Кривичей, Чуди, Мери, Веси и наложили на них дань. Потом данники отказались ее платить и прогнали Варягов опять за море. Оставшись без пришлых властителей, туземцы перессорились между собою; не было между ними правды, один род восстал на другой, и пошли между ними усобицы. Утомленные этими усобицами, туземцы собрались и сказали: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил нас по праву». Порешив так, они отправили послов за море к знакомым Варягам, приглашая желающих из них прийти владеть пространной и обильной, но лишенной порядка землей. Три родные брата откликнулись на зов и пришли «с роды своими», т. е. с дружинами земляков. Если снять несколько идиллический покров, которым подернуто это сказание, то перед нами откроется очень простое явление, не раз повторявшееся у нас в те века. Собрав рассеянные по разным редакциям начального летописного свода черты предания, позволяющие нам восстановить дело в его действительном виде, мы узнаем, что пришельцы призваны были не для одного внутреннего наряда, т. е. устройства управления. Предание говорит, что князья-братья, как только уселись на своих местах, начали «города рубить и воевать всюду». Значит,

они призваны были оборонять туземцев от каких-то внешних врагов, как защитники населения и охранители границ. Далее, князья-братья, по-видимому, не совсем охотно приняли предложение славяно-финских послов: «едва избращась», как записано в одном из летописных сводов, «боясь звериного их обычая и нрава». С этим согласно уцелевшее известие, что Рюрик не прямо сел в Новгороде, но сперва предпочел остановиться вдали от него, при самом входе в страну, в городе Ладоге, чтобы быть ближе к родине, куда можно было бы укрыться в случае нужды. Водворившись в Новгороде, Рюрик скоро возбудил против себя недовольство в туземцах. В одном своде написано, что через два года по призвании новгородцы оскорбились, говоря: «Быть нам рабами и много зла пострадать от Рюрика и земляков его». Составился даже какой-то заговор. Рюрик убил вождя этого заговора, «храброго Вадима», и перебил много новгородцев, его соумышленников. Через несколько лет еще множество новгородских мужей бежали от Рюрика в Киев к Аскольду. Очевидно, заморские варяжские князья с дружиной призваны были новгородцами и союзными с ними племенами для защиты страны от каких-то внешних врагов и получили определенный корм за свои сторожевые услуги. Но наемные охранители, по-видимому, желали кормиться слишком сытно. Тогда поднялся ропот среди плательщиков корма, подавленный вооруженной рукой. Почувствовав свою силу, наемники превратились во властителей. Таков простой прозаиче-

ский факт, по-видимому, скрывающийся в поэтической легенде о призвании князей.

Археологические находки на территории древнего Киева: три киевские гривны серебра; варяжский шлем (шишак); большая серебряная серьга и кружок с птицей от той же серьги; серебряная серьга; золотые перстни; золотая запонка; большой плетеный золотой браслет; серебряный браслет с легендой. Гравюра из книги «Обозрение Киева в отношении к древностям» И. Фундуклея

Из соединения местных варяжских княжеств и сохранившихся самостоятельность городских областей образовалось *великое княжество Киевское*. Образование этого княжества было подготовлено указанными выше экономическими и политическими фактами. На каких бы пунктах русского промышленного мира ни появлялись варяжские князья, их постоянно тянуло к городу на южной окраине этого мира, замыкавшему цепь русских городов по речной линии Днепра – Волхова, – к Киеву. Здесь заморские искатели выгодного найма и торгового барыша могли поживиться всего более. Киев был сборным пунктом русской торговли; к нему стекались торговые лодки отовсюду, с Волхова, Западной Двины, верхнего Днепра и его притоков. Кто владел Киевом, тот держал в своих руках ключ от главных ворот русской торговли. Вот почему всех варяжских князей, появлявшихся на севере, тянуло к Киеву. Из-за него они соперничали друг с другом и истребляли один другого. Так, новгородский

князь Олег за Киев погубил земляков своих Аскольда и Дира; так и другой новгородский князь Владимир за тот же Киев погубил своего родного брата Ярополка. С другой стороны, все торговые русские города стояли в экономической зависимости от Киева. В Киеве сходились нити их благосостояния: он мог подорвать их торговлю, перерезав главную артерию хозяйственных оборотов страны, не пропуская торговых лодок вниз по Днепру к азовским и черноморским рынкам. Поэтому общим интересом этих городов было иметь друзей в Киеве, чтобы из Киева иметь свободный выход на степные торговые дороги. Этот общий интерес явственно сказывается в рассказе нашей древней *Повести* о первых князьях, утверждавшихся в Киеве. Аскольд с Диром, отделившись от дружины Рюрика, беспрепятственно спустились Днепром до Киева и без заметной борьбы овладели им вместе со всею землею Полян. Дальнейшая деятельность этих варяжских князей в Киеве объясняет причины их успеха. *Повесть* замечает, что после Кие, основателя Киева, Полян обижали Древляне и другие окольные племена. Поэтому Аскольд и Дир, как только утвердились в Киеве, вступили в борьбу с этими племенами, а потом, собрав Варягов, предприняли поход на Царьград. Современник и очевидец этого нападения константинопольский патриарх Фотий говорит в одной произнесенной по этому случаю проповеди, что Русь тихонько подкралась к Константинополю, чтобы отомстить за избиение своих земляков, вероятно, куп-

цов; следовательно, нападение вызвано было насильственным перерывом торговых сношений Руси со стороны Византии. Такой же ряд явлений повторился и в истории Олега, шедшего по следам Аскольда. Он также беспрепятственно спустился из Новгорода по Днепру, без труда захватил по дороге Смоленск и Любеч и без борьбы завладел Киевом, погубив своих земляков. Утвердившись в Киеве, он начал рубить вокруг него новые города для защиты границ страны от набегов из степей, потом с соединенными силами разных племен предпринял новый поход на Царьград, кончившийся заключением торгового договора. Значит, и этот поход был предпринят для того, чтобы восстановить торговые сношения Руси с Византией. Обоих вождей, по-видимому, дружно поддерживали в их походах все прибрежные племена по торговым линиям Днепра – Волхова и других больших рек, т. е. обитатели торговых городов Руси. По крайней мере, в летописном рассказе о походе Олега мы читаем, что, кроме подвластных Олегу племен, участвовали в этом походе и племена неподвластные, отдаленные Дулебы и Хорваты, т. е. племена, жившие в области верховьев Днестра и обоих Бугов, по северо-восточным склонам и предгорьям Карпат. Охрана границ от степных варваров-кочевников и далекие походы на Царьград для поддержания торговых сношений с Греками, очевидно, вызывали общее и дружное содействие во всем промышленном мире по торговым линиям Днепра – Волхова и других рек равнины. Этот общий интерес и со-

единил прибрежные торговые города под властью князя киевского.

Б. Чориков. Олег пред Киевом

Таковы были условия, при содействии которых образовалось великое княжество Киевское. Оно было создано соединением под властью киевского князя местных варяжских княжеств и городских областей Руси. Киевское княжество Олега и его преемников было первой формой Русского государства, соединившего под одною властью все восточные славянские племена и некоторые соседние финские. Из хода его образования видно, что это княжество имело военно-промышленное происхождение: его создал вождь вооруженной дружины, поддержанный промышленными городами Руси, нуждавшимися в вооруженной силе для обороны границ земли и торговых путей.

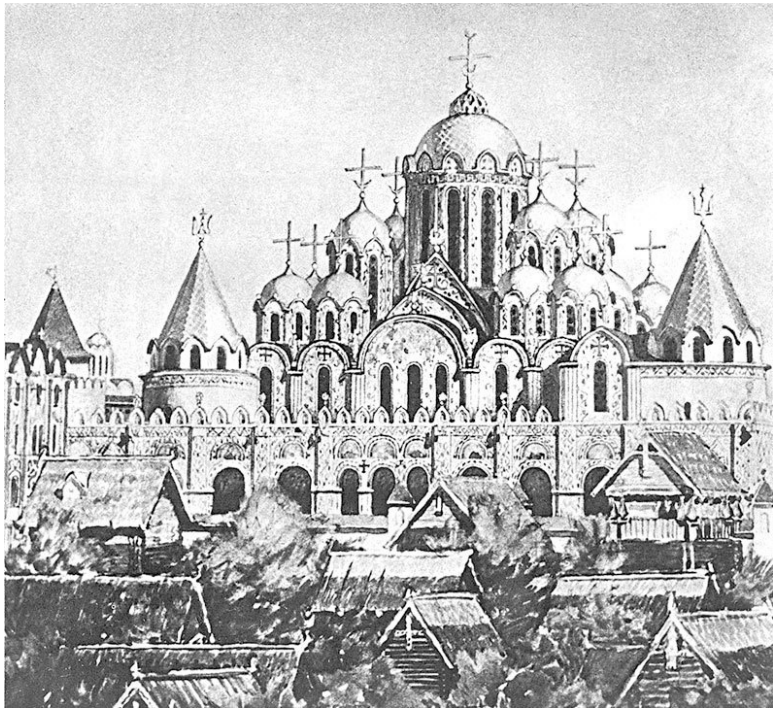
Вопрос о происхождении Варягов Руси. Этот вопрос более ста лет занимает исследователей русской истории и доселе остается не вполне разрешенным. Причина этого заключается в сбивчивости известий о Варягах Руси, какие сохранились в наших древних памятниках. Начальная летопись считает Русь варяжским племенем, а Варягов то признает общим названием разных германских народов, обитавших в северной Европе, преимущественно по *Варяжскому* (Балтийскому) морю, каковы Шведы, Норвежцы, Готы, Англы, то как будто видит в них особое племя, принадлежавшее к числу этих народов наравне с Русью. В летописных сводах XVI в. появляется сказание о призвании перво-

го русского князя Рюрика из Прусской земли. Путем усиленных изысканий и продолжительных споров в нашей историографии сложились два главных мнения о происхождении Варягов Руси. Одни, держась текста начальной летописи, настаивают на скандинавском их происхождении. Такое мнение высказано было в первой половине XVIII века ученым немцем, членом русской Академии Наук Байером, который видел в Варягах не какое-либо отдельное скандинавское племя, а дружины, составлявшиеся из разных скандинавских племен и нанимавшиеся на службу к князьям России. В XIX столетии это мнение поддерживалось Погодиным, Куником и Соловьевым. Но уже в XVIII столетии это мнение вызвало возражение со стороны Ломоносова, который приписывал Варягам славянское происхождение. В последнее время гипотеза о славянском происхождении Варягов Руси усиленно разрабатывалась Гедеоновым и его последователями. Эта школа отделила вопрос о Варягах от вопроса о Руси. Варягов она считает наемными дружинами смешанного состава из Скандинавов и Славян южно-балтийского поморья (Померании), а Русь производит с острова Ругии (Рюгена), откуда могли быть призваны первые русские князья, или же считает ее общим старинным названием днепровских Славян, идущим от племени Роксалан, т. е. Росалан, которые в начале нашей эры обитали в Южной России и будто бы были предками днепровских Славян. Но если можно считать вероятным скандинавское происхождение

ние Варягов или, по крайней мере, присутствие Скандинавов в киевских дружинах, появлявшихся на Руси в IX веке, то ученые исследования и гипотезы доселе не объяснили удовлетворительно ни исторического происхождения самой *Руси*, ни этимологического значения ее названия. Можно только обозначить различные значения, каким было это слово в первые века нашей истории. По предложению автора древней *Повести* о Русской земле, первоначальное значение его было *племенное*: так называлось то варяжское племя, из которого вышли первые наши князья. Потом это слово получило *сословное* значение: Русью назывался высший класс русского общества, преимущественно княжеская дружина. Позднее это слово является с *географическим* значением: так называлась Киевская область, где преимущественно сосредоточивались пришлые Варяги. Наконец, в XI и XII вв. слово это, не теряя своего географического значения, получает еще значение *политическое*: так стала называться вся территория, подвластная русским князьям.

Общие черты деятельности первых киевских князей

Общий интерес, создавший великое княжество Киевское, – внешняя торговля, направлял и его дальнейшее развитие, руководил как внутренней, так и внешней деятельностью первых киевских князей. Читая начальную летопись, мы встречаем ряд полуисторических, полусказочных преданий о князьях киевских IX и X веков, Олеге, Игоре, Святославе, Владимире. Вслушиваясь в эти предания, можно уловить основные побуждения, которые направляли деятельность этих князей. Утвердившись в Киеве, князья с 882 г. постепенно покорили славянские племена равнины и начали устанавливать в подвластной стране государственный порядок, прежде всего, разумеется, администрацию налогов. В подчиненных областях они сажали своих наместников, *посадников*, которыми были либо их дружинники, либо собственные сыновья и родственники.

Панорама Верхнего Киева в конце XI в. Реконструкция

Эти наместники имели свои дружины, вооруженные отряды, действовали довольно независимо, стояли в слабой связи с государственным центром, с Киевом, были такими же варяжскими конунгами, как и князь киевский, который считался только старшим между ними и в этом смысле назы-

вался *великим князем русским*; в договоре Олега с Греками 912 года они прямо так и зовутся «светлыми князьями», подручными Олегу. Некоторые из этих наместников, покорив то и другое племя, получали его от великого князя в управление, с правом собирать с него дань в свою пользу: Игорев воевода Свенельд, победив славянское племя Улучей, обитавшее по нижнему Днепру, получал в свою пользу дань не только с этого племени, но и с Древлян, так, что его дружина, *отроки*, жила богаче дружины самого Игоря. Главной целью княжеской администрации был сбор налогов. Олег, как только утвердился в Киеве, стал хлопотать об установлении дани с подвластных племен. Ольга объезжала подвластные земли и также вводила «уставы и оброки, дани и погосты», т. е. учреждала сельские судебноподатные округа. Дань получалась двумя способами: или подвластные племена привозили ее в Киев, или князья сами ездили за нею по племенам. Первый способ сбора дани назывался *повозом*, второй – *полюдем*. Полюдье – это административно-финансовая поездка князя по подвластным племенам. Дань обыкновенно собиралась натурою, преимущественно мехами. Впрочем, есть известие, что Вятичи в X веке платили дань Хозарам *шлягами* (шиллинг), т. е. звонкой монетой; под этим немецким названием, вероятно, разумелись всякие иноземные металлические деньги, обращавшиеся тогда на Руси, преимущественно арабские серебряные диргемы, которые путем торговли во множестве приливали тогда на Русь. Император ви-

зантийский Константин Багрянородный, писавший в половине X века в своем сочинении об управлении империей, рисует нам изобразительную картину полюдья современного ему русского князя. В начале ноября, когда окончательно устанавливался зимний путь, князь «со всею Русью», т. е. с дружиной, выходил из Киева в городки, как казалось Багрянородному, а в самом деле на *полюдь*, о котором ему говорили его славяно-русские рассказчики.

К. Лебедев. Полюдье. Князь Игорь собирает дань с подвластных древлян под Искоростенем осенью 945 г.

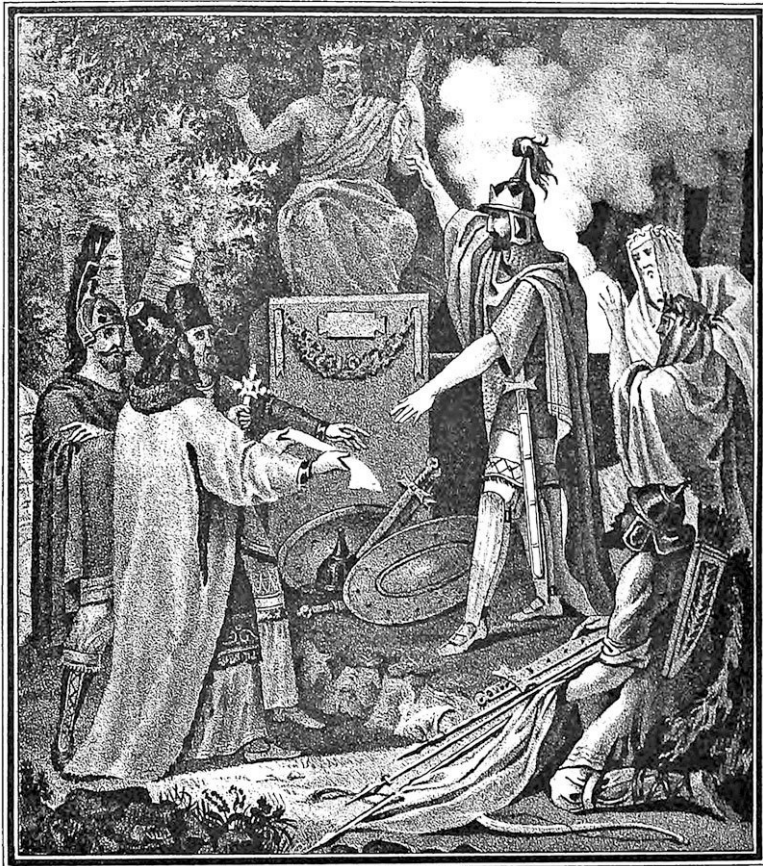
Князь отправлялся для сбора дани к Северянам, Древланам, Кривичам и другим славянским племенам, платившим дань Руси, и в этом объезде проводил всю зиму. Между тем как князь с дружиной блуждал по подвластным землям, племена, платившие дань Руси, в продолжение зимы рубили деревья, делали из них лодки и весной, в апреле, спускали их по рекам и озерам к Киеву, вытаскивали их здесь на берег и дожидались возвращения Руси. В том же апреле по полоой воде с данью, собранною зимой, Русь возвращалась в Киев, покупала эти лодки, оснащивала и грузила их и сплавляла по Днепру в Константинополь, прихватив с собою торговые лодки русских купцов из Смоленска, Новгорода и других городов. Читая этот рассказ, легко понять, какими товарами нагружала Русь свои торговые караваны лодок, сплавлявшихся летом к Царьграду: это была дань натурой, собранная князем и дружиной во время зимнего объезда. К торговому каравану княжескому и боярскому примыкали лодки и простых русских купцов, чтобы под защитой княжеской дружины дойти до Царьграда. В договоре Игоря с Греками между прочим читаем, что великий князь русский и его бояре ежегодно могут присылать к великим царям греческим столько кораблей, сколько захотят, с *послами и гостями*, т. е. со сво-

ими собственными приказчиками и с вольными русскими купцами. Этот рассказ византийского императора наглядно указывает нам на тесную связь между ежегодным оборотом политической и экономической жизни Руси. Дань, которую собирал киевский князь как правитель, служила ему в то же время средством и для торговых оборотов; став государем, как конунг, он, как варяг, не переставал еще быть вооруженным купцом. В том же рассказе Константина живо обрисовывается и централизующее значение Киева как средоточия политической и хозяйственной жизни Руси. Так устроилась *внутренняя* политическая жизнь в Киевском княжестве IX и X вв.

Легко заметить основной интерес, руководивший этой жизнью. Дань, шедшая князю, питала внешнюю торговлю Руси. Этот же основной общественный интерес направлял и *внешнюю* деятельность киевских князей. Деятельность эта была направлена к двум целям: 1) к приобретению и удержанию заморских рынков, 2) к расчистке и охране торговых путей, которые вели к этим рынкам. Самым видным явлением во внешней истории Руси до половины XI века были военные походы киевских князей на Царьград; до смерти Ярослава их можно насчитать шесть, если не считать похода Владимира на византийскую колонию Херсонес Таврический. Достаточно видеть причину первого и последнего из этих походов, чтобы заметить главное побуждение, которым они вызывались. В 864 г. Аскольд и Дир напали на Царьград, раздражен-

ные, по словам патриарха Фотия, умерщвлением своих соплеменников, очевидно, русских купцов, после того как византийское правительство отказало Руси в удовлетворении за эту обиду. В 1043 г. великий князь киевский Ярослав послал на Греков своего сына Владимира с флотом, потому что в Константинополе избili русских купцов и одного из них убили. Итак, византийские походы вызывались стремлением Руси поддержать и восстановить свои порывавшиеся торговые сношения с Византией. Вот почему эти походы обыкновенно оканчивались торговыми трактатами. Такой торговый характер имеют все дошедшие до нас договоры Руси с Греками X в. Из них дошли до нас два договора Олега – один Игорев и один краткий договор или только отрывок договора Святославова. Читая эти договоры, легко заметить, какой интерес связывал Русь с Византией. Всего подробнее и точнее определен в них порядок ежегодных торговых сношений Руси с Византией; с этой годно летом русские торговцы являлись в Константинополь на торговый сезон, продолжавшийся шесть месяцев; никто из Русских не имел права оставаться в Константинополе на зиму. Русские купцы останавливались в предместье Константинополя у святого Мамы (давно исчезнувший монастырь Св. Мамонта). Императорские чиновники отбирали у прибывших купцов княжескую грамоту с обозначением числа посланных из Киева кораблей, переписывали имена прибывших княжеских послов и гостей. Эти послы и гости во время своего пребывания в Констан-

тинополе пользовались от местного правительства даровой баней и даровым кормом – знак, что на эти торговые поездки в Константинополь смотрели не как на частные промышленные предприятия, а как на торговые посольства союзного киевского правительства. Послы получали свои посольские оклады, а простые купцы *месячину*, месячный корм, который им раздавался в известном порядке по старшинству городов, сначала киевским, потом черниговским, переяславским, и из прочих городов. Такой порядок торговых сношений с Византией установлен был договорами Олега и Игоря. Русь продавала Грекам меха, кожи, мед, воск и челядь в обмен на золото, шелковые материи, вина, овощи и оружие.

Б. Чориков. Мир с греками

Другой заботой киевских князей была поддержка и охрана торговых путей, которые вели к заморским рынкам.

Тот же император Константин ярко рисует опасности, которые должен был одолевать русский торговый флот на своем пути в Византию. Собранные на Днепре под Киевом караваны княжеских, боярских и купеческих лодок двигались вместе к порогам, загораживающим реку на протяжении 70 верст между Екатеринославом и Александровском. Через один из этих порогов Русь проходила вблизи берега, выбирая путь между камнями, другие, более опасные обходила, вытаскивая лодки на берег, по которому тащила их волоком или несла на плечах, наперед выдвинув в степь вооруженный отряд для защиты каравана от Печенегов. Выбравшись благополучно из порогов и принеся благодарственные жертвы своим богам, Русь спускалась в устье Днепра, отдыхала здесь на одном острове два-три дня, исправляла судовые снасти и, держась берега, двигалась морем. Приближаясь к устьям Дуная, караван опять высылал на берег сторожевой отряд, чтобы отбить поджидавших тут Печенегов. От устьев Дуная караван вдоль берегов уже безопасно двигался к Константинополю. Читая подробное описание этих путешествий у императора, живо чувствуешь, для чего нужна была русской торговле вооруженная охрана при движении русских купцов к Константинополю.

Но, преграждая степные пути русской торговли, кочевники беспокоили и самые границы Русской земли. Отсюда третья забота русских князей – ограждать и оборонять пределы Руси от степных варваров. Олег, по рассказу *Пове-*

сти о начале Русской земли, как только утвердился в Киеве, начал города ставить вокруг него. Владимир, став христианином, сказал: «Худо, что мало городов около Киева», и начал строить города по рекам Стугне, Десне, Трубежу, Суле и др. Эти укрепленные пункты заселялись боевыми людьми, которые вербовались из разных племен, славянских и финских, населявших русскую равнину. С течением времени эти укрепленные места соединялись между собою валами и засеками. Так, по южным и юго-восточным границам тогдашней Руси, на правой и левой сторонах Днепра, выведены были в X и XI вв. ряды земляных окопов и сторожевых застав, городков, чтобы сдерживать нападения кочевников. Все княжение Владимира прошло в упорной борьбе с Печенегами, которые раскинулись по обеим сторонам нижнего Днепра восемью ордами, делившимися каждая на пять колен. При Владимире Св. укрепленная степная граница Киевской земли шла по р. Стугне (правый приток Днепра), на расстоянии не более одного дня пути от Киева. В продолжение полувековой упорной борьбы при Святославе и Владимире Русь успела пробиться в степь до линии р. Роси, где преемник Владимира Ярослав «поча ставити городы», населяя их пленными Ляхами.

В. Васнецов. Крещение князя Владимира. Фрагмент росписи Владимирского собора в Киеве

Первые русские князья очертили своим мечом довольно широкий круг земель, политическим центром которого был Киев. Население этой территории было довольно пестрое, в состав его постепенно вошли не только все восточные славянские племена, но и некоторые из финских: Чудь прибалтийская, Весь белозерская, Меря ростовская и Мурома по нижней Оке. Среди этих инородческих племен рано появились русские города.

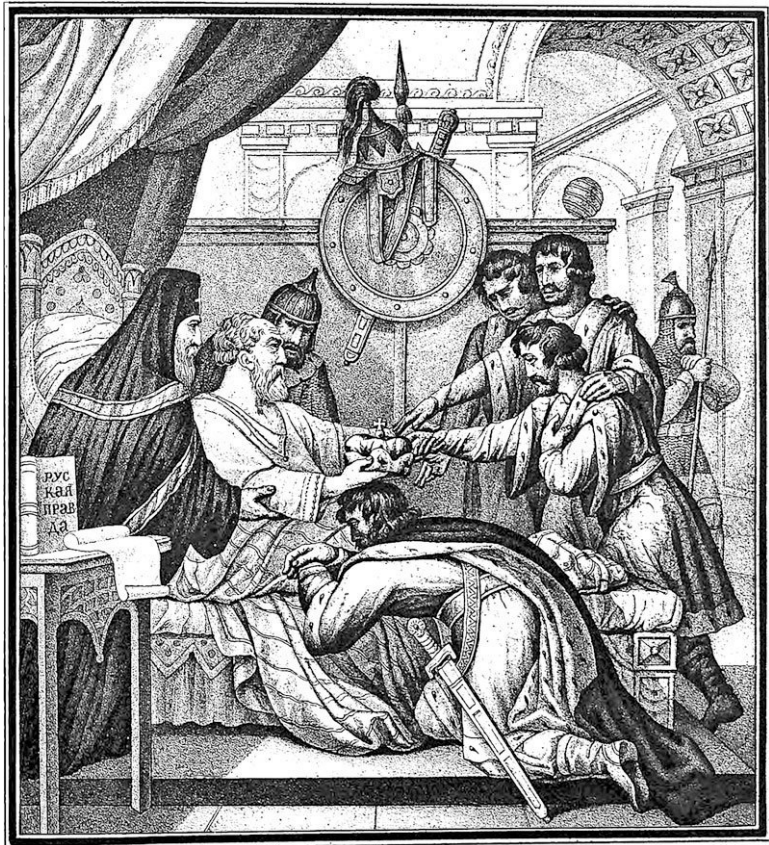
Ярославль, современный вид

Так, среди прибалтийской Чуди при Ярославе возник Юрьев (Дерпт); еще раньше являются правительственные русские средоточия среди финских племен на востоке, среди Муромы, Мери и Веси, – Муром, Ростов и Белозерск. Ярослав построил еще на берегу Волги город, названный по его княжескому имени Ярославлем. Русская территория, таким образом, простиралась с севера на юг от Ладожского озера до устьев реки Роси, правого притока Днепра, а с востока на запад – от впадения Клязьмы в Оку до верхнего течения Западного Буга, где при кн. Владимире возник г. Владимир. Страна древних Хорватов Галиция была в X и XI вв. спорным краем, переходившим между Польшею и Русью из рук в руки. Нижнее течение р. Оки, которая была восточной границей Руси, находилось, по-видимому, вне власти киевско-

го князя, как и низовья южных рек Днепра, Южного Буга и Днестра.

Порядок княжеского владения Русской землей по смерти Ярослава

Довольно трудно сказать, какой порядок княжеского владения существовал на Руси при предшественниках Ярослава. Иногда власть как будто переходила от одного князя к другому по старшинству. Так, преемником Рюрика был не малолетний сын его Игорь, а родственник Олег, по преданию, его племянник. Иногда всею землею правил один князь; но это было, по-видимому, тогда, когда не было налицо других взрослых князей. Следовательно, единовластие до половины XI века было политической случайностью, а не политическим порядком. Как скоро у князя подрастали несколько сыновей, каждый из них обыкновенно еще при жизни отца получал известную область в управление. Так, Святослав, собираясь во второй поход на Дунай против Болгар, роздал волости на Руси трем сыновьям своим; точно так же поступил со своими сыновьями и Владимир.

Б. Чориков. Наставление Ярослава сыновьям

По смерти Ярослава власть над Русской землей уже не сосредоточивается в одних руках. Единовластие, имевшее иногда место до Ярослава, не повторяется: род Ярослава раз-

множается все более, и земля Русская делится между всеми наличными князьями. Посмотрим прежде всего, как разделилась она между Ярославичами тотчас по смерти Ярослава. Их было тогда налицо шестеро: пять сыновей Ярослава и внук Ростислав от старшего Ярослава, сына Владимира, умершего еще при жизни отца. Мы не считаем выделившихся раньше князей полоцких, потомков старшего Ярослава, брата Изяслава, первого Владимировна сына от Рогнеды. Старший Ярославич, Изяслав, сел в Киеве, присоединил к нему и Новгородскую волость. Второму сыну Ярослава, Святославу, досталась область днепровского притока Десны, земля Черниговская с отдаленной Муромо-Рязанской окраиной и с азовской колонией Руси Тмутороканью, возникшей на месте старинной византийской колонии Таматарха (Тамань). Третий Ярославич, Всеволод, сел в Переяславле южном (ныне уездный город Полтавской губернии) и получил в прибавок к этой волости отдаленный край Суздальский и Белозерский в Верхнем Поволжье. Четвертый, Вячеслав, сел в Смоленске, пятый, Игорь, – на Волыни, где правительственным центром стал построенный при Владимире город Владимир (на р. Луге, приток Западного Буга).

г. Владимиръ.
Золотыя ворота.

Золотые ворота во Владимире, построенные в 1156 г. при Андрее Боголюбском. Фото нач. XX в.

Б. Чориков. Изяслав, возвращаясь в Россию после бегства из Киева, принят братом Всеволодом, который предложил ему мир

Сирота-племянник Ростислав получил от дядей отдален-

ный Ростовский край среди владений Всеволода Переяславского. Легко заметить двойное соображение, каким руководились Ярославичи при таком разделе Русской земли: они распределили ее части между собою по своему относительному старшинству и по сравнительной доходности этих частей. Чем старше был князь, тем лучше и богаче волость ему доставалась. Раздел, следовательно, основан был на согласовании порядка старшинства князей с экономическим значением областей. Старшему брату достался первый по богатству город на Руси Киев с областью. Писатель начала XI века Титмар Мерзебургский считает Киев чрезвычайно большим и древним городом, в котором около 400 церквей и 8 рынков. За Киевом по богатству и значению следовал Чернигов, доставшийся второму Ярославичу, и т. д. Как владели Ярославичи Русской землей при дальнейших переменах в наличном составе их семьи? В 1057 году умер четвертый Ярославич, Вячеслав смоленский, оставивши сына. Старшие Ярославичи перевели в Смоленск Игоря с Волыни, а на его место на Волынь перевели из Ростова племянника Ростислава. В 1060 г. умер другой младший Ярославич, Игорь смоленский, также оставивший сыновей. Старшие братья не отдали Смоленска ни этим сыновьям, ни Ростиславу. Последний, однако, считал себя вправе переместиться по очереди с Волыни в Смоленск, осердился на дядей и убежал в Тмуторокань собирать силы для мести. В 1073 году Ярославичи, Святослав и Всеволод, заподозрили старшего

брата, Изяслава, в каких-то кознях, направленных против братьев, и выгнали его из Киева. Тогда в Киеве сел Святослав, а в Чернигов перешел на его место Всеволод. В 1076 году Святослав умер; на его место из Чернигова перешел Всеволод. Но скоро Изяслав вернулся на Русь с польской помощью. Тогда Всеволод уступил ему Киев и воротился в Чернигов.

По смерти Изяслава в 1078 году Всеволод, единственный из сыновей, занял стол в Киеве. В 1093 году умер Всеволод. На сцену тогда выступает поколение внуков Ярослава, и на киевский стол садится сын старшего Ярославича, Святополк Изяславич. Достаточно перечисленных случаев, чтобы видеть, какой порядок владения установился между Ярославичами. Они не являются постоянными, неподвижными владельцами областей, доставшихся им по разделу: с каждой переменой в наличном составе княжеской семьи младшие родичи, следовавшие за умершим, передвигались из волости в волость. Это передвижение следовало известной очереди, совершалось в порядке старшинства князей. В этой очереди выражалась мысль о нераздельности княжеского владения Русской землей: Ярославичи владели ею, не разделяясь, а переделываясь, чередуясь по старшинству. Эта очередь устанавливала изменчивое соотношение наличного числа князей с количеством княжеских волостей или владений. Все наличные князья по степени старшинства составляли одну генеалогическую лестницу. Точно так же вся Русская зем-

ля представляла лествицу областей по степени их значения и доходности. Порядок княжеского владения основывался на точном соответствии ступеней обеих этих лествиц, генеалогической и территориальной, лествицы лиц и лествицы областей. Наверху лествицы лиц стоял старший из наличных князей, великий князь киевский. Это старшинство давало ему, кроме обладания лучшей волостью, известные права над младшими родичами. Он носил звание *великого*, т. е. старшего князя, названного отца своей братии; он судил младших родичей, которые «ходили в его послушании», разбирал между ними ссоры, заботился об их осиротелых семьях, был высший попечитель Русской земли, «думал-гадал о Русской земле», о чести своей и своих родичей. Но, руководя Русью и родичами, великий князь в более важных случаях действовал не один, а собирал князей на общий совет, заботился об исполнении постановлений этого родственного совета, вообще действовал как представитель и исполнитель воли всего державного княжеского рода.

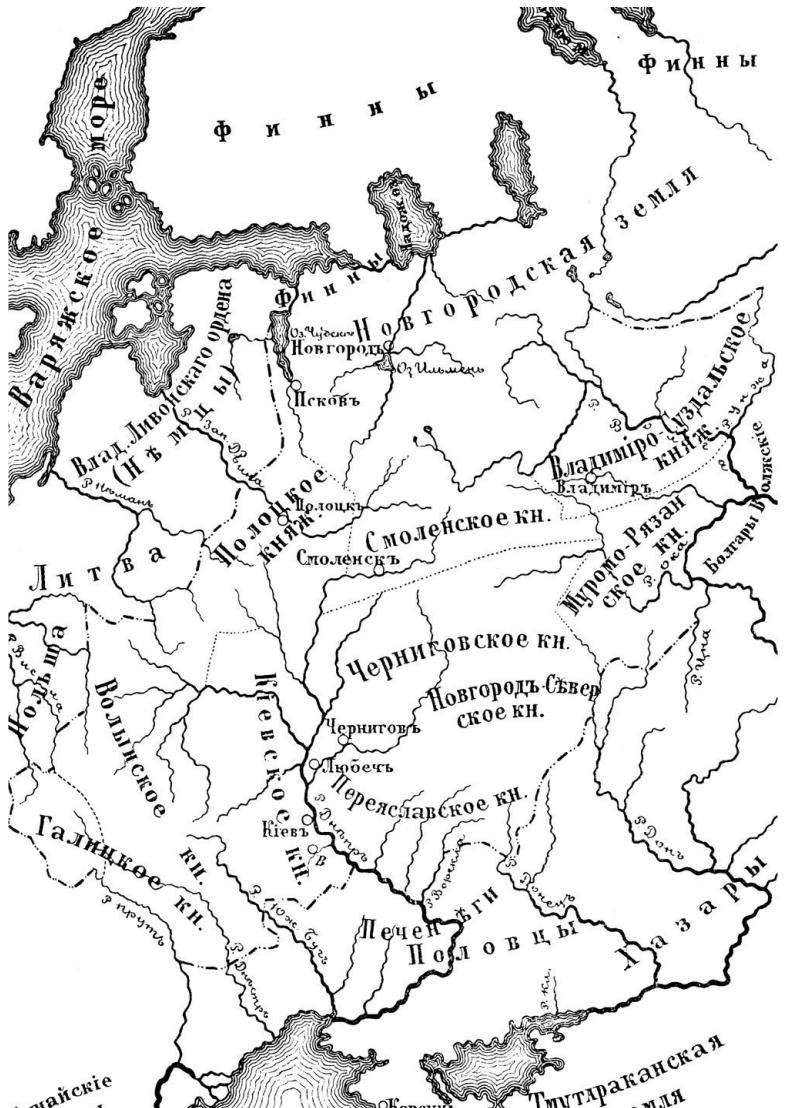
Внутреннее состояние Русской земли с половины XI в. до нашествия татар

Различные препятствия мешали мирному и правильному действию описанного порядка княжеского владения Русской землею. Эти препятствия легко заметить, следя за ходом отношений между потомками Ярослава (*Учебн. кн. русск. ист. Соловьева*, главы VI–IX). Старшие князья обижали младших родичей, особенно тех, которые рано осиротели и оставались без защиты (*князей-изгоев*), обделяли их при разделе волостей в пользу своих сыновей; главные города областей со своими вечами вмешивались в отношения князей и путали их родовые счета; честолюбивые и даровитые князья старались подняться выше старших родичей; наконец, по мере размножения Ярославова потомства, князьям все труднее становилось рассчитывать свои отношения по старшинству. Затруднения, проистекшие из этих препятствий, разрешались усобицами князей или улаживались их договорами, *рядами*. Под влиянием очередного порядка княжеского владения и условий, его расстраивавших, складывался политический и гражданский порядок в Русской земле в продолжение почти двух столетий со смерти Ярослава.

Политический порядок. Управление и состав общества. Носителем верховной власти в Русской земле был весь

княжеский род: отдельные князья считались только временными владельцами княжеств, достававшихся им по очереди старшинства. При сыновьях и внуках Ярослава эта владельческая очередь простиралась на всю Русскую землю. В дальнейших поколениях Ярославова рода, когда он распался на отдельные ветви, каждая ветвь заводила свою местную очередь владения в той части Русской земли, где она утверждалась. Эти части, *земли*, как их называет летопись XII века, почти все были те же самые городские области, которые образовались вокруг древних торговых городов еще до призвания князей: *Киевская, Переяславская, Черниговская, Смоленская, Полоцкая, Новгородская, Ростовская*. К этим древним областям присоединились образовавшиеся позднее области *Волынская, Галицкая, Муромо-Рязанская*. Из этих земель три – Киевская, Переяславская и Новгородская – оставались в общем владении княжеского рода, или, точнее, служили предметом спора для князей; в остальных основались отдельные линии княжеского рода: в Полоцкой – потомство Владимировна сына Изяслава, в Черниговской – линия Ярославова сына Святослава, в Волынской, Смоленской и Ростовской – ветви Мономахова потомства и т. д. Эти земли, как мы уже видели, не совпадали с древним племенным делением русского славянства. Первоначальными устроителями этих областей были древние торговые города Руси, по именам которых они и назывались. Эти города и в XII в. сохраняли прежнее руководящее значение в сво-

их областях. В каждом из них собиралось из горожан *вече*, имевшее законодательную власть над всей городской областью. Один летописец XII века свидетельствует, что вечевые постановления Киева, Смоленска, Новгорода и других старших областных городов имели обязательную силу для пригородов или младших городов их областей. Князья, владевшие этими вечевыми городами, должны были вступать в соглашение с ними, заключать с их вечами договоры, *ряды*, об условиях и порядке владения областью. Управление целой землей редко сосредоточивалось в руках одного князя: обыкновенно она делилась на несколько княжеств по числу наличных взрослых князей известной линии; эти изменчивые владения назывались *волостями*, или *наделками*, князей: так, в Черниговской земле были княжества *Черниговское*, *Северское* (область Новгорода Северского), *Курское*, *Трубчевское*. Княжества, на которые распадалась известная земля или область, были неодинаковы по пространству и доходности, делились на старшие и младшие, и княжеская линия, владевшая областью, старалась наблюдать в обладании ее частями или волостями ту же очередь старшинства, какой следовали прежде сыновья и внуки Ярослава во владении всей Русской землею, доставшейся им от их отцов и деда.

Финны

Финны

Варяжское море

Новгородская земля

Финны

Новгородъ

Псковъ

Влад. Ливонскаго ордена
(Нѣмцы)

Полоцкое княж.

Смоленское кн.

Владимиро-Суздальское княж.

Литва

Долоцкъ

Смоленскъ

Муромо-Рязанское кн.

Болгары

Нольша

Волынское кн.

Киевское кн.

Черниговское кн.

Новгородъ-Сѣверское кн.

Черниговъ

Любечъ

Переяславское кн.

Кіевъ

Галицкое кн.

Леченъ

Половцы

Донъ

Казары

Татарские

Тмутараканская земля

Русские княжества до XIII века

Каждое княжество подразделялось на административные округа, на городские и сельские общества. Эти общества, связанные круговою порукою обывателей в уплате податей князю и в охране общественной безопасности, называются в Русской Правде *вервями*; сельские округа в других памятниках XII века носят еще название *погостов*. На князе, как верховном правителе, лежала забота об устройстве и поддержании общественного порядка в волости и об охране ее от внешних врагов. Для этого князь содержал при себе дружину, которая служила ему орудием управления и была главной боевой силой княжества. Старшие члены дружины, бояре, составляли думу князя, с которой он советовался о делах правления. Членов дружины назначал он на разные правительственные должности. Военным управителем главного города области был *воевода*, или *тысяцкий*, называвшийся так потому, что из обывателей главных областных городов составлялись полки, или *тысячи*, подразделявшиеся на *сотни* и *десятки* (батальоны и роты) с сотскими и десятскими во главе. Эти городские полки участвовали в военных походах князей наравне с их дружинами. Во второстепенных городах княжества, где не было княжеских *столов* или резиденций, вместо князя правили его наместники, *посадники*. Впрочем, старшие вечевые города присвоили себе право назначать на вече посадников в пригороды своих об-

ластей. Суд в городах и сельских округах княжества творили именем князя его *тиуны*, или *вирники*, собиравшие *виры*, пени за убийство. Управление княжеством доставляло князю средства для содержания его дружины. Они состояли в *дани*, прямом налоге на податное население княжества, и в *пошлинах*, торговых и судебных, т. е. в косвенных налогах, собиравшихся с продажи товаров и с судебных дел. Из этих доходов князь платил денежное жалованье своей дружине; правительственные должности также соединены были с известными доходами в пользу занимавших их дружинников.

Руководя управлением княжества, князь имел важное влияние и на состав управляемого общества. В древних памятниках сохранились неясные следы сословного деления у восточных Славян до призвания князей. Искони у них существовало рабство, главным источником которого был плен. Византийский император Маврикий пишет, что у западных Славян его времени (VI–VII вв.) пленники не оставались рабами всю жизнь, как у других народов, но по истечении известного срока могли выкупиться и возвратиться на родину или остаться жить среди Славян вольными людьми. В некоторых списках Русской Правды упоминается привилегированный класс, носящий древнее название *огнищан*, которое в других списках заменяется позднейшим термином *княжи мужи*. В древних памятниках славяно-русской письменности *огнище* значило челядь; следовательно, огнищане были рабовладельцы. Можно думать, что так назы-

вался до призвания князей высший класс населения в больших городах Руси, торговавший преимущественно рабами. Значит, *рабовладение* было первоначальным основанием сословного деления русского общества. С появлением князей таким основанием стало *отношение к князю* как верховному правителю. По различению этого отношения общество разделилось на три сословия: на *княжских мужей, людей* и *холопов*. Княжи мужи лично служили князю, составляли его дружину, высшее привилегированное сословие русского общества. Люди, т. е. свободные простолюдины, платили князю дань, образуя податные общества, городские и сельские. Холопы составляли крепостной класс, служили не князю, а частным лицам.

Владимир Мономах. Портрет из Титулярника

1672 г.

Таково было политическое деление общества, основанное на отношении лиц к верховной власти. Но рядом с этим делением заметно в XII веке и другое – экономическое, державшееся на различии имущественных состояний. Так, в среде княжих мужей возникает класс привилегированных землевладельцев, которые в Русской Правде носят название *бояр*. Точно так же в сельском населении образуется два класса. Свободные крестьяне, жившие на княжеской, государственной земле и обрабатывавшие ее своим инвентарем, назывались *смердами*. Крестьяне, селившиеся на землях частных владельцев, бравшие у них ссуду с менами или деньгами и обрабатывавшие свои участки хозяйскими орудиями и скотом, назывались *ролейными закупам*, или *наймитами*. Смерды были вольные крестьяне; закупы составляли полусвободный класс, нечто вроде временнообязанных крестьян. Таков был склад управления и общества в период очередного княжеского владения Русской землей.

Гражданский порядок. Русская Правда. Ее происхождение. Источники и содержание. Теперь обратимся к изучению гражданского порядка, ежедневных частных отношений лица к лицу и тех интересов и понятий, которыми эти отношения направлялись и скреплялись. Частная юридическая жизнь Древней Руси наиболее полно и верно

отразилась в древнейшем памятнике русского права, в *Русской Правде*. Читая Русскую Правду, прежде всего узнаем по заглавию памятника в древнейших списках, что это «суд», или «устав», Ярослава. В самом памятнике не раз встречается замечание, что так «судил», или «установил», Ярослав.

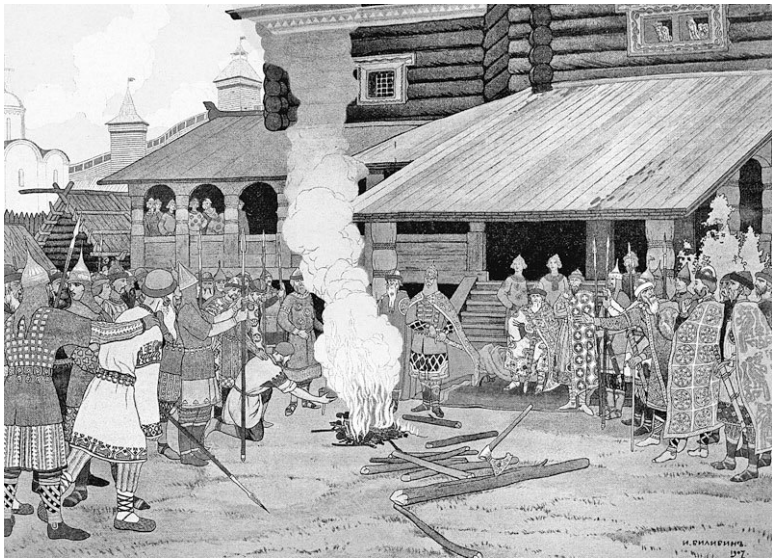
Но: I) мы встречаем в Правде несколько постановлений, изданных преемниками Ярослава, его детьми и даже его внуком Мономахом, которому принадлежит закон, направленный против ростовщичества и занесенный в Правду. Итак, Правда была плодом законодательной деятельности не одного Ярослава.

II) Текст некоторых статей представляет не подлинные слова законодателя, а их парафразу, принадлежащую кодификатору, или повествователю, рассказавшему о том, как закон был составлен. Такова, например, вторая статья Правды по пространной редакции. Статья эта гласит: «После Ярослава собрались сыновья его Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их и отменили месть за убийство, а установили денежный выкуп, все же прочее как судил Ярослав, так установили и его сыновья». Это, очевидно, не подлинный текст закона Ярославовых сыновей, а протокол княжеского съезда или историческое изложение закона словами кодификатора.

III) В Русской Правде нет и следа одной важной особенности древнерусского судебного процесса, одного из судебных доказательств, судебного поединка, или *поля*. Между тем сохранились в древних источниках нашей истории следы, ука-

зывают на то, что поле практиковалось как до Русской Правды, так и долго после нее. Почему Правда не знает этого важного судебного доказательства, к которому так любили прибегать в древних русских судах? Она знает его, но игнорирует, не хочет признавать. Находим и объяснение этого непризнания: духовенство наше настойчиво в продолжение веков проповедовало против судебного поединка, как языческого остатка, обращалось даже к церковным наказаниям, чтобы вывести его из практики русских судов, но долго его усилия оставались безуспешными. Итак, замечается и некоторая солидарность между Русской Правдой и юридическими понятиями древнерусского духовенства.

IV) По разным спискам Русская Правда является в двух основных редакциях, в краткой и пространной. В письменности раньше становится известна последняя: пространную Правду мы встречаем уже в новгородской Кормчей конца XIII в. Эта пространная Правда является всегда в одинаковом, так сказать, юридическом обществе. Краткая редакция Правды попадает чаще в памятниках чисто литературного свойства, не имевших практического судебного употребления, в летописях. Правду пространную встречаем большею частью в Кормчих, иногда в сборниках канонического содержания, носивших название *Мерила праведного*.

И. Билибин. Суд во времена Русской Правды

Таким образом, эту редакцию Русской Правды встречаем среди юридических памятников церковного или византийского происхождения, принесенных на Русь духовенством и имевших практическое значение в церковных судах. Вот члены этого церковно-юридического общества Правды. Древняя русская *Кормчая* есть перевод византийского *Номоканона*. Номоканон есть свод церковных правил и касающихся Церкви законов византийских императоров. Этим сводом и руководилась древнерусская Церковь в своем управлении и особенно в суде по духовным делам. Ви-

зантийский Номоканон, наша Кормчая, является в нашей письменности с целым рядом дополнительных статей. Главные из них таковы: 1) извлечение из законов Моисеевых; 2) *Эклога*, свод законов, составленный при иконоборческих императорах первой половины VIII века Льве Исаврянине и его сыне Константине Копрониме; 3) *Закон судный людем*: это славянская переделка той же Эклоги, сделанная для Болгар вскоре после принятия ими христианства, т. е. в IX веке; 4) *Прохирон*, законодательный свод императора Василия Македонянина IX века; 5) целиком или отрывками церковные уставы наших первых христианских князей Владимира и Ярослава. Среди этих-то дополнительных статей Кормчей обыкновенно и встречаем мы нашу пространную Правду. Так, она является не самостоятельным памятником древнерусского законодательства, а одной из дополнительных статей к своду церковных законов.

V) Разбирая эти дополнительные статьи, мы замечаем некоторую внутреннюю связь между ними и нашей Правдой: некоторые постановления последней как будто составлены при содействии первых. В числе статей упомянутого *Закона судного людем* мы встречаем постановление о том, как наказывать человека, который без спроса сядет на чужую лошадь: «Аще кто без повеления на чужом коне ездит, да ся тепеть по три краты», т. е. наказывается тремя ударами. В нашей Правде есть постановление на тот же случай, которое читается так: «Аже кто всядеть на чюжь конь не прашав, то 3 грив-

ны». Русь времен Правды не любила телесных наказаний; византийские удары переведены в Правде на обычный у нас денежный штраф – на гривны. Так, мы замечаем, что составитель Русской Правды, ничего не заимствуя дословно из памятников церковного и византийского права, однако руководился этими памятниками. Они указывали ему случаи, требовавшие определения, ставили законодательные вопросы, ответов на которые он искал в туземном праве.

Изложенными наблюдениями объясняется *происхождение* Русской Правды. Мы замечаем, что Русская Правда составлялась еще и в XII веке, после смерти Ярослава, что она представляет не везде подлинный текст закона, а иногда только его повествовательное изложение, что Русская Правда игнорирует судебные поединки, несомненно практиковавшиеся в русских судах XI и XII вв., но противные Церкви, что Русская Правда является не особым самостоятельным судебником, а только одной из дополнительных статей в Кормчей и что эта Правда составлялась не без влияния памятников византийского права, среди которых она вращалась. Совокупность этих наблюдений и приводит к тому заключению, что читаемый нами текст Русской Правды сложился в сфере не княжеского, а церковного суда, в среде церковной юрисдикции, нуждами и целями которой и руководился составитель Правды в своей работе. Церковный кодификатор воспроизводил действовавшее на Руси право, имея в виду потребности церковной юрисдикции, и воспро-

изводил только в меру этих потребностей. Этим объясняется, почему в Правде нет постановлений о преступлениях политических, которые не подлежали церковному суду, также об оскорблении женщин и детей и об обидах словом, которые разбирались исключительно церковным судом, но на основании не Русской Правды, а особых церковных законов. Со времени принятия христианства русской Церкви была предоставлена двоякая юрисдикция. Она, во-первых, судила всех христиан, духовных и мирян, по *некоторым* делам духовно-нравственного характера; во-вторых, она судила *некоторых* христиан, духовных и мирян, по всем делам, церковным и нецерковным, гражданским и уголовным. Для церковного суда над этими христианами по нецерковным делам и был необходим церковным судьям писанный свод местных законов. Необходимость эта обуславливалась двумя причинами: 1) первые церковные судьи, Греки или южные Славяне, незнакомы были с русскими юридическими обычаями; 2) этим судьям нужен был такой писанный свод туземных законов, в котором были бы устранены, по крайней мере изменены, некоторые туземные обычаи, особенно претившие нравственному и юридическому чувству христианских судей, воспитанных на византийском церковном и гражданском праве. Этими потребностями и вызвана была в церковной среде попытка составить кодекс, который воспроизводил бы действовавшие на Руси юридические обычаи применительно к изменившимся под влиянием Церкви понятиям

и отношениям. Плодом этой попытки и была Русская Правда. Начало ее составления относится ко времени Ярослава, почему Русская Правда и носит имя этого князя. Завершение этой работы над сводом можно отодвигать не далее конца XII в. Итак, Русская Правда выработывалась около полутора столетия.

Договор Руси с греками. Миниатюра из Радзивилловской летописи

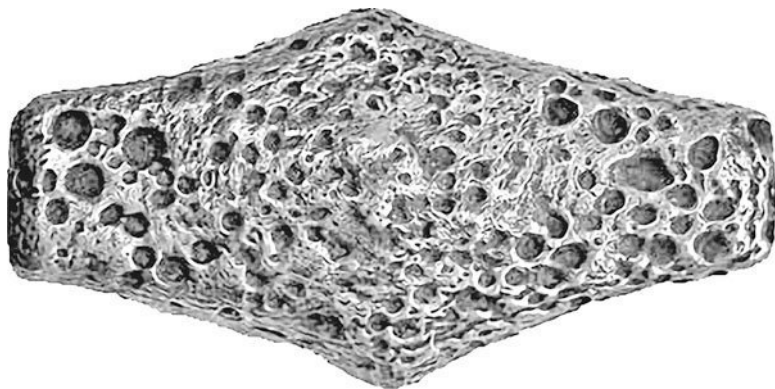
Указав происхождение памятника, отметим его юридиче-

ские *источники*. По договорам Руси с Греками (X в.) некоторые преступления, совершенные Русскими в Царьграде, наказуются денежной пеней «по закону русскому». Этот закон русский, т. е. обычное право древней языческой Руси, и лег в основание Русской Правды, был основным ее источником. Но рядом с этим кодификатор черпал и из других источников, которые давали ему постановления, изменения или развивавшие древний юридический обычай Руси. Эти источники были таковы: 1) законодательные постановления русских князей: так, во 2-й статье пространной Правды изложен закон Ярославовых сыновей, заменивших родовую месть за убийство вирой, денежной пеней; 2) судебные приговоры князей по частным случаям: таков приговор Изяслава Ярославича, присудившего к двойной вире жителей Дорогобужа за убийство княжеского «конюха стараго», т. е. конюшего старосты, или приказчика; приговор этот занесен в Правду, как общий закон, причисливший княжеского старосту конюшего по размеру пени за его убийство к составу старшей дружины князя; наконец, 3) законодательные проекты духовенства, принятые князьями. Следы этой законодательной работы духовенства мы замечаем уже в летописном рассказе о князе Владимире. Когда усилились разбои в Русской земле, епископы предложили этому князю заменить денежную пеню за разбой более тяжелой правительственной карой; в Русской Правде мы находим постановление, в силу которого разбойник наказуется не денежной пе-

ней, а *потоком и разграблением*, конфискацией всего имущества преступника и продажей его самого в рабство за границу со всем семейством.

Теперь разберем содержание Русской Правды, касаясь его лишь настолько, чтобы уловить в нем основные житейские мотивы и интересы, действовавшие тогда в русском обществе. Главное содержание памятника составляет юридическое определение деяний, коими одно лицо причиняет вред другому. За некоторые из этих деяний закон полагает лишь частное вознаграждение в пользу потерпевшего, за другие сверх того и правительственную кару со стороны князя. Деяния первого рода по Русской Правде суть гражданские правонарушения, деяния второго рода – уголовные преступления. Взыскание в пользу князя состояло в известной денежной пене; только кара за наиболее тяжкие уголовные преступления была значительно осложнена: за разбой, поджог и конокрадство преступник подвергался не определенной денежной пене в пользу князя, а потери всего имущества с лишением свободы. За все остальные преступные деяния закон наказывал определенной денежной пеней в пользу князя и денежным вознаграждением в пользу потерпевшего. Княжеские пени и частные вознаграждения представляют в Русской Правде целую систему; они определялись известной суммой *гривен кун*. *Гривна* значила фунт, гривна серебра – фунт серебра; *куны* – деньги. Наше слово *деньги* татарского происхождения, означает звонкую монету и вошло

в наш язык не раньше XIII в. Гривной кун, т. е. денежным фунтом, назывался слиток серебра, обыкновенно продолговатый, служивший ходячим меновым знаком на древнерусском рынке до XIV века.

Денежная единица Древней Руси – киевская гривна

В разное время, сообразно изменявшейся ценности серебра, гривна кун имела неодинаковый вес: в XI и начале XII века это был кусок серебра в полфунта весом; в конце XII века, когда завершилось составление Правды, вес этого менового знака простирался лишь до четверти фунта. Мы не можем определить тогдашнюю рыночную стоимость серебра, а можем лишь оценить стоимость весовую. Так как фунт серебра теперь стоит около 20 рублей, то гривна кун в XI и начале XII в. по весу металла стоила около 10 руб. сер.,

а в конце XII в. – около 5 руб. За убийство взималась денежная пеня в пользу князя, называвшаяся *вирой*, и вознаграждение в пользу родственников убитого, называвшееся *головничеством*. Вира была тройкая: двойная в 80 гривен кун – за убийство княжего мужа или члена старшей княжеской дружины, простая в 40 гривен – за убийство простого свободного человека, половинная, или *полувирые*, в 20 гривен за убийство женщины и тяжкие увечья, за отсечение руки, ноги, носа и за порчу глаза. Головничество было гораздо разнообразнее, смотря по общественному положению убитого. Так, головничество за убийство княжего мужа равнялась двойной вире, головничество за простого крестьянина – 5 гривнам. За все прочие преступные деяния закон наказывал *продажею* в пользу князя и *уроком за обиду* в пользу потерпевшего. Такова была система наказаний по Русской Правде. Легко заметить взгляд, на котором основывалась эта система. Русская Правда отличала личное оскорбление, обиду, нанесенную действием лицу, от ущерба, причиненного его имуществу, но и личная обида, т. е. вред физический рассматривался законом преимущественно с точки зрения ущерба хозяйственного. Он строже наказывал за отсечение руки, чем за отсечение пальца, потому что в первом случае потерпевший становился менее способным к труду, т. е. к приобретению имущества. Смотри на преступления преимущественно как на хозяйственный вред, Правда карала за них возмездием, соответствующим тому материальному

ущербу, какой они причиняли. Правда обращает мало внимания на мотивы преступления и не заботится ни о предупреждении преступлений, ни об исправлении преступной воли. Она имеет в виду лишь непосредственные материальные последствия преступления и карает за них преступника материальным же, имущественным убытком.

А. Кившенко. Чтение народу Русской Правды

Любопытно сопоставить некоторые статьи Правды о продажах или пениях в пользу князя, как и о частных вознаграждениях или уроках. Одинаковая пеня в 12 гривен грозит за похищение бобра из ловища, за уничтожение полевой ме-

жи, за выбитье зуба и за убийство чужого холопа. Одинаковой пеней в 3 гривны и одинаковым уроком в одну гривну наказуются отсечение пальца и похищение охотничьего пса с места лова; за поджог и конокрадство наказание гораздо тяжелее, чем за увечье. Значит, имущество человека в Правде ценится не дешевле, а даже дороже самого человека, его здоровья, личной безопасности. Производство труда для закона важнее живого орудия труда – рабочей силы человека. То же начало проводится и в другом ряду постановлений Правды. Замечательно, что имущественная безопасность, целость капитала, неприкосновенность собственности обеспечивается в законе личностью человека. Купец, торговавший в кредит и ставший несостоятельным по своей вине, мог быть продан кредиторами в рабство. Наемный сельский рабочий, получивший при найме от хозяина ссуду с обязательством за нее работать, терял личную свободу и превращался в полного холопа за попытку убежать от хозяина не расплатившись. Значит, безопасность капитала закон ценил дороже личной свободы человека. То же самое значение капитала открывается и в статьях Правды об имущественных сделках и обязательствах. Правда не знает преступлений нравственного характера, ей чужда мысль о нравственной несправедливости, но зато она вносит точные определения в имущественные отношения людей. Она различает, например, отдачу имущества на хранение от займа, простой заем, одолжение по дружбе от отдачи денег в рост из определенного, условленного про-

цента, а эту сделку от вклада в торговое предприятие, в товарищество на вере из неопределенного барыша или дивиденда. Далее, в Правде находим точно определенный порядок изыскания долгов с несостоятельного должника, т. е. порядок торгового конкурса.

Таковы главные черты Правды, в которых можно видеть выражение господствовавших житейских отношений и интересов, основных мотивов жизни старого киевского общества: *Русская Правда есть по преимуществу законодательство о капитале*. Капитал служит в ней предметом особенного внимания для законодателя. Им указываются важнейшие юридические отношения, которые формулируют закон; последний строже наказывает за деяния, направленные против собственности, чем за нарушение личной безопасности. Капитал служит и орудием кары за те или другие преступления: на нем основана самая система наказаний. Само лицо рассматривается в Правде не столько как член общества, сколько как владелец или производитель капитала: лицо, его не имеющее или производить его не могущее, теряет права свободного или полноправного человека (женщина и закуп). Капитал чрезвычайно дорог: до начала XII столетия при годовом займе закон допускал рост в половину капитала (50 %). Лишь Владимир Мономах попытался смягчить строгие постановления о росте, ограничив его размер. Впрочем, при долгосрочном займе и он допустил рост в 40 %. Легко заметить ту общественную среду, которая разработа-

ла право, послужившее основанием Русской Правде: это был большой торговый город. Село в Русской Правде остается в тени, на заднем плане. Впереди всего в древнейших частях Правды поставлены интересы и отношения торговых городских классов, т. е. отношения торгово-промышленной жизни. Так, изучая по Русской Правде гражданский порядок, частные юридические отношения людей, мы и здесь встречаемся с той же силой, которая так могущественно действовала на установление политического порядка во все продолжение первого периода, именно – с городом или с тем, чем работал торговый город – с торгово-промышленным капиталом.

Церковный суд. Влияние Церкви на быт и нравы народа. Русская Правда была верным отражением русской юридической действительности XI и XII вв., но отражением далеко не полным. Она воспроизводит один ряд частных юридических отношений, построенных на материальном, экономическом интересе; но в эти отношения все глубже проникал с конца X века новый строй юридических отношений, который созидался на ином начале, на чувстве нравственном. Эти отношения проводила в русскую жизнь Церковь. Памятники, в которых отразился этот новый порядок отношений, освещают русскую жизнь веков с другой стороны, которую оставляет в тени Русская Правда.

***В. Верещагин. Закладка десятинной церкви в Киеве
в 989 г.***

Начальная летопись, рассказывая, как Владимир в 996 го-

ду назначил на содержание построенной им в Киеве соборной Десятинной церкви десятую часть своих доходов, прибавляет: «и положи написав клятву в церкви сей». Эту клятву мы и встречаем в сохранившемся *церковном уставе Владимира*, где этот князь заклинает своих преемников блюсти нерушимо постановления, составленные им на основании правил вселенских соборов и законов греческих царей, т. е. на основании греческого Номоканона. Древнейший из многочисленных списков этого устава мы находим в той же самой новгородской Кормчей конца XIII века, которая сберегла нам и древнейший известный список Русской Правды. Время сильно испортило этот памятник, покрыв его первоначальный текст густым слоем позднейших наростов, – знак продолжительного практического действия устава. В списках этого устава много поправок, переделок, вставок, вариантов. Однако легко восстановить если не первоначальный текст памятника, то по крайней мере основную мысль, проведенную законодателем. Устав определяет положение Церкви в новом для нее государстве. Церковь на Руси ведала тогда не одно только дело спасения душ: на нее возложено было много чисто земных забот, близко подходящих к задачам государства. Она является сотрудницей мирской государственной власти в устройении общества и поддержании государственного порядка. С одной стороны, Церкви была предоставлена широкая юрисдикция над всеми христианами, в состав которой входили дела семейные, дела по нару-

шению неприкосновенности и святости христианских храмов и символов, дела о вероотступничестве, об оскорблении нравственного чувства, о противоестественных грехах, о покушениях на женскую честь, об обидах словом. Так, Церкви предоставлено было устроить и блюсти порядок семейный, религиозный и нравственный. С другой стороны, под ее преимущественное попечение было поставлено особое общество, выделившееся из христианской паствы и получившее название *церковных*, или *богоделенных*, *людей*. Общество это во всех делах, церковных и нецерковных, ведала и судила церковная власть. Оно состояло: 1) из духовенства белого и черного с семействами первого; 2) из мирян, служивших Церкви или удовлетворявших разным мирским ее нуждам, каковы были, например, врачи, повивальные бабки, просвирни и т. п.; 3) из людей бесприютных и убогих, призреваемых Церковью, странников, нищих, слепых, вообще неспособных к работе. Разумеется, в ведомстве Церкви состояли и самые учреждения, в которых находили убежище церковные люди: монастыри, больницы, странноприимные дома, богадельни. Все это ведомство Церкви определено в уставе Владимира общими чертами, часто одними намеками; церковные дела и люди обозначены краткими и сухими перечнями. Практическое развитие начал церковной юрисдикции, изложенных в уставе Владимира, находим в *церковном уставе его сына Ярослава*. Это уже довольно пространый и стройный церковный судебник. Он повторя-

ет почти те же подсудные Церкви дела и лица, какие перечислены в уставе Владимира, но сухие перечни этого последнего здесь разработаны уже в тщательно сформулированные статьи со сложной системой наказаний и по местам, с обозначением самого порядка судопроизводства.

Эта система и этот порядок построены на соотношении понятий греха и преступления. Грех ведает Церковь, преступление – государство. Всякое преступление Церковь считает грехом; но не всякий грех государство считало преступлением. На комбинации этих основных понятий и построен порядок церковного суда в уставе Ярослава. Все дела, определяемые в уставе, можно свести к трем разрядам: 1) дела только греховные, без элемента преступности, напр., употребление воспрещенной церковными правилами пищи, судились исключительно церковной властью без участия судьи княжеского; 2) дела греховно-преступные, воспрещенные и церковными правилами, и гражданскими законами, напр., умычка девиц, разбирались княжеским судьей с участием судьи церковного; наконец, 3) дела третьего разряда были всякие преступления, совершенные церковными людьми, как духовными, так и мирянами. По уставу Владимира таких людей по всем делам ведала церковная власть; но и князь оставлял за собою некоторое участие в суде над ними. Наиболее тяжкие преступления, совершенные церковными людьми, душегубство, татьбу с поличным, судил церковный судья, но с участием княжеского, с которым

и делился денежными пенями.

Таково в общих чертах содержание Ярославова устава. Нетрудно заметить, какие новые понятия вносил он в русское право и юридическое сознание: он 1) усложнял понятие о преступлении, о материальном вреде, причиняемом другому, мыслию о грехе, о нравственной несправедливости или нравственном вреде, причиняемом преступником не только другому лицу, но и самому себе; 2) подвергал юридическому вменению греховные деяния, которых старый юридический обычай не считал вменяемыми, как умычка, обида словом; наконец, 3) согласно с новым взглядом на преступление усложнял действовавшую систему наказаний, состоявших в денежных пенях, нравственно-исправительной карой, эпитимией и заключением в церковном доме, соединенным с принудительной работой в пользу Церкви.

По рассмотренным церковным уставам можно составить общее суждение о том, какое действие оказала Церковь на быт и нравы русского общества в первые века его христианской жизни. Церковь не изменила ни форм, ни оснований политического порядка, какой она застала на Руси, хотя он и был ей несочувствен: она только старалась устранить некоторые тяжелые его следствия, например княжеские усобицы, и внушить лучшие политические понятия, разъясняя князьям истинные задачи их деятельности и указывая наиболее пригодные и чистые средства действия. Точно так же, не касаясь прямо ни форм, ни начал русского юридического бы-

та, она, так сказать, прививала к нему новые, лучшие юридические понятия и отношения и с помощью их изменяла быт и нравы общества. Особенно глубоко было ее действие на дух и формы частного гражданского общежития. Здесь, во-первых, она разрывала старый языческий родовой союз, создавая новый – христианскую семью. Христианство еще застало на Руси живые остатки родового союза. Построенный на языческих началах, он был противен Церкви, которая с самой минуты своего появления на Руси стала разбивать его и на его развалинах строить союз семейный, ею освящаемый. Средством для этого было церковное законодательство о браке. Церковными правилами были точно определены степени родства, в которых запрещались брачные союзы. Допуская браки между более отдаленными родственниками, Церковь приучала их смотреть друг на друга, как на чужих людей. Так она укорачивала языческое родство, обрубая его отдаленные ветви. Далее, точными и строгими предписаниями об отношениях между мужем и женою, между родителями и детьми она очищала нравы, вносила право и дисциплину туда, где прежде господствовали инстинкт и произвол.

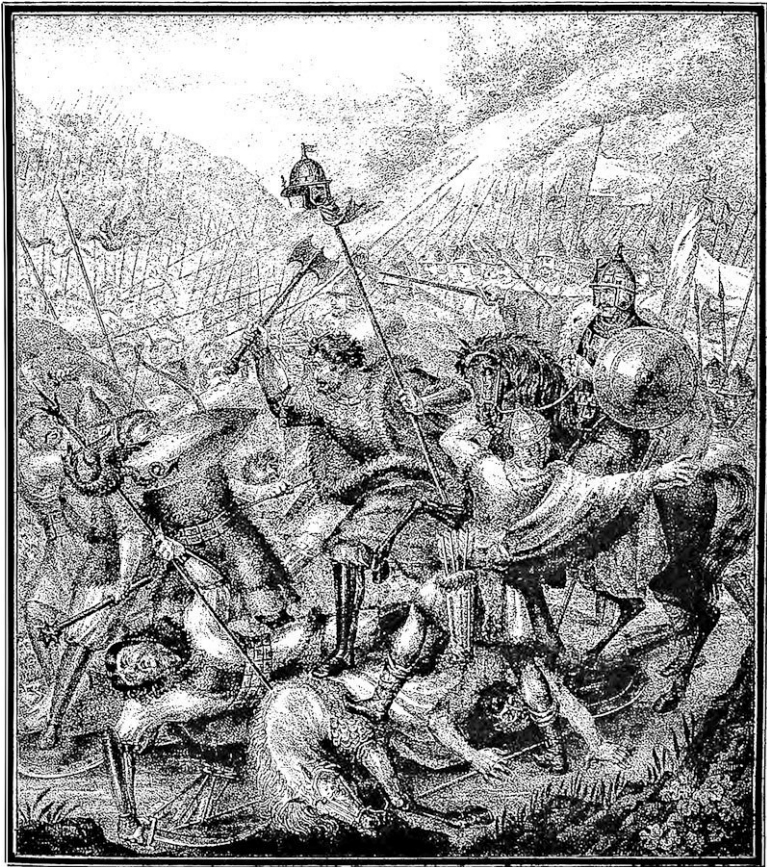

С. Иванов. Христиане и язычники

Причины упадка Юго-Западной Руси (до нашествия Татар). Эти причины заключались в условиях, разрушавших общественный порядок и благосостояние Киевской Руси; действие этих условий становится заметно уже с половины XII века. В жизни Киевской Руси, как она отражалась в быте высших классов русского общества, замечаем признаки значительных успехов гражданственности и просвещения. Руководящая сила народного хозяйства, внешняя торговля сообщала этой жизни много движения, приносила на Русь большие богатства, содействовала украшению жи-

тейской обстановки. Заметно присутствие значительных капиталов в больших городах Руси XI и XII веков. Материальное довольство выражалось в успехах искусств и книжного образования. Но все это составляло лицевою сторону жизни, имевшей свою изнанку, которой является быт наших классов общества. Экономическое благосостояние Киевской Руси XI и XII вв. держалось на *рабовладении*, которое к половине XII века достигло там громадных размеров. В X, XI и XII веках челядь составляла главную статью русского вывоза на черноморские и каспийские рынки. Рабовладение было одним из главнейших предметов, на которые обращено было внимание древнейшего русского законодательства, сколько можно судить о том по Русской Правде: статьи о рабовладении составляют один из самых крупных и обработанных отделов в ее составе. Челядь составляла тогда необходимую хозяйственную принадлежность и русского землевладения: ею населялись и ее руками преимущественно обрабатывались земли частных владельцев, как и частные вотчины князей. Рабовладельческие понятия и привычки древнерусских землевладельцев переносились потом и на отношения последних к вольным рабочим, к крестьянам. Русская Правда знает класс *ролейных*, т. е. земледельческих *наймитов* или *закупов*. Закуп близко стоял к холопу, хотя закон и отличал его от последнего: это неполноправный, временнообязанный крестьянин, работавший на чужой земле и в иных случаях (за кражу и побег от хозяина) превра-

щавшийся в полного, *обельного* холопа. В этом угнетенном, юридическом положении закупа и можно видеть действие рабовладельческих привычек древнерусских землевладельцев, переносивших на вольнонаемного крестьянина взгляд, каким они привыкли смотреть на своего раба-земледе-льца. Строгость, с какою древнерусский закон преследовал ро-лейного наймита за побег от хозяина без расплаты, свиде-тельствует в одно время и о нужде землевладельцев в рабо-чих руках, и о стремлении наемных рабочих, закупов, вый-ти из своего тяжелого юридического положения. Таким об-разом, успехи общежития и экономическое благосостояние в Киевской Руси куплены были ценою порабощения низших классов. Это приниженное положение рабочих классов и бы-ло одним из условий, подкапывавших общественный поряд-ок и благосостояние Киевской Руси. Порядок этот не имел опоры в низших классах населения, которым он давал себя чувствовать только своими невыгодными последствиями.

Б. Чориков. Война с половцами в княжение Андрея Боголюбского

Князья своими владельческими отношениями сообщали

усиленное действие этому неблагоприятному условию. Очередной порядок княжеского владения сопровождался следствиями, крайне тягостными для народа, особенно для сельского населения. В постоянных усобицах друг с другом князья опустошали волости своих соперников, жгли их села, истребляли или забирали скот, уводили захваченных обывателей, а половцы, которых они нередко наводили на Русскую землю, угоняли в степи и обращали в рабство тысячи пленников. Превратившись в хищническую борьбу за рабочие руки, сопровождавшуюся разорением сел и городов и уменьшением свободного населения, княжеские усобицы еще более увеличивали тяжесть положения низших классов в Киевской Руси.

А. Кившенко. Долобский съезд князей – свидание князя Владимира Мономаха с князем Святополком

Внешние отношения Киевской Руси создавали новое условие, губительно действовавшее на ее общественный порядок и благосостояние. Изучая жизнь этой Руси, ни на минуту не следует забывать, что она основалась на европейской окраине, на берегу Европы, за которым простиралось обширное море степей. Эти степи с своим кочевым населением и были историческим бичом для Древней Руси. После поражения, нанесенного Ярославом Печенегам в 1036 г., русская степь на некоторое время очистилась, но вслед за смер-

тью Ярослава начались непрерывные нападения на Русь новых степных ее соседей половцев, с которыми Русь боролась упорно в XI и XII вв. Половецкие нападения оставляли по себе страшные следы на Руси: нивы забрасывались, зарастали травой и лесом; где паслись стада, там водворялись звери; города, даже целые области, пустели. До смерти Мономахова сына Мстислава (1132 г.) Русь еще с успехом отбивала половцев от своих границ и даже иногда удачно проникала в глубь половецких кочевий, но после этого деятельного Мономаховича ей, очевидно, становилось не под силу сдерживать половецкие нападения, и она начала отступать перед ними. От этих нападений, разумеется, всего более страдало сельское пограничное население, не прикрытое от врагов городскими стенами. На княжеском съезде в 1103 г. Владимир Мономах живо изобразил великому князю Святополку тревожную жизнь крестьян в пограничных со степью областях: «Весною, – говорил князь, – выедет смерд пахать на лошади, и приедет половчин, ударит смерда стрелою, возьмет его лошадь, потом приедет в село, захватит его жену, детей и все имение, да и гумно его сожжет».

Благодаря всем этим неблагоприятным условиям, приниженному положению низших классов, княжеским усобицам и половецким нападениям с половины XII в. становятся заметны признаки запустения Киевской Руси. Речная полоса по среднему Днепру и его притокам, издавна так хорошо заселенная, с этого времени начала пустеть. Отлив населения

и торжество степных кочевников, закрывавших пути внешней торговли, главного источника богатства Киевской Руси, вели к обеднению Киева и его области, роняли цену киевского стола в глазах князей и таким образом лишали Киев его прежнего значения, как политического центра Русской земли. Значит, упадок юго-западной Руси начался еще задолго до нашествия на нее Татар (1239 г.), которое только довершило его и окончательно опустошило этот край (см. далее Учебн. Соловьева, гл. XII и XVI).

Суздальская земля

Ее заселение. Отлив населения из Поднепровья шел в двух направлениях, двумя противоположными струями. Одна струя направлялась на запад, в область верховьев Западного Буга и Днестра и дальше, в область верхней Вислы, в глубь Польши. Другая струя колонизации шла в противоположный угол Русской земли, на северо-восток за р. Угру, в междуречье Оки и верхней Волги. Сохранились некоторые следы этого северо-восточного направления колонизации.

1) До половины XII столетия в Ростово-Суздальском крае преобладало еще инородческое финское население, хотя русские поселения в нем стали появляться задолго до XII в. Русская колонизация этого края первоначально шла преимущественно с северо-запада, из Новгородской земли, к которой принадлежал этот край при первых русских князьях. Здесь возникло несколько русских городов, каковы Ростов, Ярославль и др. С половины XII в. стали обнаруживаться признаки усиленного прилива русских поселенцев в этот финский край с другой стороны, с юго-запада, из Приднепровья. В то время, когда стало заметно запустение южной Руси, в отдаленном Суздальском крае начинается усиленная строительная работа. При князьях Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском здесь возникают один за другим новые города. В 1134 году Юрий строит город Кснятин при впа-

дении Большой Нерли в Волгу. В 1147 году становится известен городок Москва. В 1152 году Юрий строит Юрьев «в поле» (или *Польский*, ныне уездный город Владимирской губернии) и переносит на новое место возникший около этого времени город Переяславль Залесский. В 1154 году он основал на реке Яхrome город Дмитров, названный так в честь Юрьева сына Боголюбово. Храм Рождества Богородицы и Лестничная башня Димитрия-Всеволода, родившегося в том году во время *полюдья*, когда князь с женою объезжал свою волость для сбора дани. В 1158 году Андрей Боголюбский основал город Боголюбов (на Клязьме пониже Владимира). Известия об основании городов сопровождаются в летописи известиями о построении церквей. Оба князя, отец и сын, являются усердными храмоздателями в Суздальской земле. Тогда же возникло много других городов в северной Руси: таковы, например, Тверь, Городец на Волге, Кострома, Стародуб на Клязьме, Галич, Звенигород, Вышгород при впадении Протвы в Оку и др. Сам Андрей Боголюбский хвалился своею колонизаторскою деятельностью. Князь говорил своим боярам: «Я всю Белую (Суздальскую) Русь городами и селами великими населил и многолюдной учинил».

Боголюбово. Храм Рождества Богородицы и Лестничная башня

2) Далее, встречаем признак, прямо указывающий на то, откуда шло население, наполнявшее эти новые суздальские города и великие села. Надобно вслушаться в названия новых суздальских городов: Переяславль, Звенигород, Стародуб, Вышгород, Галич – все это южнорусские названия, которые мелькают то и дело в рассказе старой киевской летописи о событиях в южной Руси. Одних Звенигородов было несколько в земле Киевской и Галицкой. Имена киевских речек Лыбеди и Почайны встречаются в Рязани, во Владимире-на-Клязьме, в Нижнем Новгороде. Известна река Ирпень

в Киевской земле (приток Днепра), на которой, по преданию, Гедимин в 1321 году разбил южнорусских князей. Ирпенью называется и приток Клязьмы (во Владимирском уезде). Имя самого Киева не было забыто в Суздальской земле: село Киево на Киевском овраге знают старинные акты XVI в. в Московском уезде. Но всего любопытнее в истории передвижения географических названий три города. В Древней Руси известны были три Переяславля: *Русский* (ныне уездный город Полтавской губернии), Переяславль *Рязанский* (нынешняя Рязань) и Переяславль *Залесский* (уездный город Владимирской губернии). Каждый из этих трех одноименных городов стоит на реке *Трубеже*. Это перенесение южнорусской географической номенклатуры на отдаленный суздальский север было делом переселенцев, приходивших сюда с киевского юга. Известен обычай всех колонистов в мире уносить с собою на новые места имена покидаемых жилищ.

Итак, с половины XII столетия начался или усилился отлив населения из центральной днепровской Руси к двум противоположным окраинам Русской земли, к юго-западной и северо-восточной. Обозначив этот факт, изучим его последствия. Мы ограничимся в этом изучении только северо-восточной струей русской колонизации и отметим два ряда ее последствий: 1) последствия этнографические и 2) политические.

Отношение русских поселенцев к финским туземцам. Происхождение великорусского племени. Глав-

нейшим из этнографических следствий было образование новой ветви в составе русской народности, *великорусского племени*. Чтобы оценить важность этого факта в нашей истории, достаточно припомнить, что великорусское племя составляет $\frac{2}{3}$ всего русского народа. Это племя образовалось путем слияния русских поселенцев с инородцами первоначально в области Оки и верхней Волги, а потом в других краях северо-восточной Руси, куда эти поселенцы проникали.

Инородцы, с которыми встретились русские переселенцы в области Оки и верхней Волги, были финские племена. Финны, по нашей летописи, являются соседями восточных Славян с тех самых пор, как последние стали расселяться по нашей равнине. Финские племена водворились среди лесов и болот центральной и северной России еще в то время, когда здесь незаметно никаких следов присутствия Славян. Уже Иорнанд в VI веке знал некоторые из этих племен: в его искаженных именах северных народов, входивших в IV веке в состав готского королевства Германариха, можно прочесть Эстов, Вель, Мерю, Мордву, Чудь. В области Оки и верхней Волги в XI–XII вв. жили три финских племени: *Мурома*, *Меря* и *Вель*. Начальная летопись довольно точно обозначает места жительства этих племен: она знает Мурому на нижней Оке, Мерю по озерам Переяславскому и Ростовскому, Вель в области Белоозера. Ныне в центральной Великороссии уже нет живых остатков этих племен, но они оставили по себе память в ее географической

номенклатуре. На обширном пространстве от Оки до Белого моря встречаем тысячи нерусских названий городов, сел, рек и урочищ. Прислушиваясь к этим названиям, легко заметить, что некогда на всем этом пространстве звучал один язык, которому принадлежали эти названия, и что он родня тем наречиям, на которых говорят туземные нерусские населения нынешней Финляндии и восточных губерний Европейской России. Так, на этом пространстве, как и в восточной полосе Европейской России, встречаем множество рек, названия которых оканчиваются на *ва*: *Протва, Москва, Сытва, Косва* и т. д. У одной Камы можно насчитать до 20 притоков, имена которых имеют такое окончание: *ва* по-фински значит вода. Название самой Оки – финского происхождения: это обрусевшая форма финского *joki*, что значит *река* вообще. Даже племенные названия Мери и Веси не исчезли бесследно в центральной Великороссии: здесь встречается множество сел и речек, которые называются *Мерями* и *Весями*. Уездный город Тверской губернии Весьегонск значит собственно *Весь-Егонская*. Определяя по этим следам в географической номенклатуре границы расселения Мери и Веси, найдем, что эти племена обитали некогда от слияния Сухоны и Юга, от Онежского озера и реки Ояти до средней Оки, захватывая северные части губернии Калужской, Тульской и Рязанской. Итак, русские поселенцы, направлявшиеся в Суздальский край, встретились с финскими туземцами в самом центре нынешней Великороссии.

Как они встретились и как одна сторона подействовала на другую? Вообще говоря, встреча эта имела мирный характер. В народных преданиях великоруссов не уцелело воспоминаний об упорной и повсеместной борьбе пришельцев с туземцами. Самый характер Финнов содействовал такому мирному их сближению. Финны при первом своем появлении в европейской историографии отмечены были одной характеристической чертой – миролюбием, недостатком воинственности. Тацит говорит о Финнах, что это удивительно дикое племя, которое не знает ни домов, ни оружия. Иорнанд называет Финнов самым мирным племенем из всех обитателей Европейского севера. Судьба Финнов на европейской почве оправдывает эти известия. Некогда финские племена были распространены далеко южнее линии рек Москвы и Оки, там, где не находим их следов впоследствии. Но народные потоки, пронесившиеся по южной Руси, отбрасывали это племя все далее к северу; оно все более отступало и, отступая, постепенно исчезало. Процесс этого исчезновения продолжается и до сих пор. Правда, в преданиях Великороссии уцелели некоторые воспоминания о борьбе, завязывавшейся по местам; но эти воспоминания говорят о борьбе не племен, а религий. Столкновения назывались не встречей пришельцев с туземцами, а попытками распространить христианство среди последних. Следы этой религиозной борьбы встречаются в двух старинных житиях древних ростовских святых, подвизавшихся во второй полови-

не XI века, епископа Леонтия и архимандрита Авраамия: по житию первого, ростовцы упорно сопротивлялись христианству, прогнали двух первых епископов Федора и Илариона и умертвили третьего Леонтия; из жития Авраамия видно, что в Ростове был один конец, называвшийся *Чудским*, – знак, что большинство населения этого города было русское. Этот Чудский конец и после Леонтия оставался языческим, поклонялся идолу славянского бога Велеса. Значит, уже до введения христианства местная Меря начала усваивать языческие верования русских Славян. По житию Леонтия, все ростовские язычники упорно боролись против христианских проповедников, т. е. вместе с Чудью принимала участие в этой борьбе и ростовская Русь. При таком отношении русских поселенцев к финским туземцам встреча их сопровождалась поглощением последних первыми. Но, сливаясь с Русью, Финны оказали на нее некоторое влияние, которое проникало в русскую среду двумя путями:

1) пришедшая Русь, селясь среди Финнов, неизбежно путем общения кое-что заимствовала из их быта; 2) Финны, постепенно русея, всю массу, со всеми своими антропологическими и этнографическими особенностями, с своим языком, обычаями и верованиями, входили в состав русской народности. Тем и другим путем в русскую среду проникло немало физических и нравственных особенностей, заимствованных у Финнов, и из этой смеси элементов русских и финских, при господстве первых, сложилось великорусское племя.

Андрей Боголюбский и его отношения к Киевской Руси. Теперь обратимся к изучению политических последствий русской колонизации Верхнего Поволжья. Они стали обнаруживаться уже при сыне того суздальского князя, в княжение которого начался усиленный прилив колонизации в междуречье Оки и верхней Волги, при Андрее Боголюбском. Сам этот князь Андрей является крупной фигурой, на которой наглядно отразилось действие колонизации. Отец его Юрий по своим понятиям был еще князь совершенно старого южнорусского закала. Получив от отца Мономаха в управление Суздальскую Русь, он не успел отрешиться от киевских понятий и стремлений, на суздальском севере мечтал о Киеве, много лет боролся за него с южнорусскими князьями и умер, сидя на Киевском столе (Учебн. Соловьева, гл. VIII).

Андрей Боголюбский. Реконструкция М. М. Герасимова

Андрей не был похож на отца. Он родился в 1111 году. Это был настоящий северный князь, истый суздалец-залешанин по своим привычкам и понятиям, по своему политическому воспитанию. Он, кажется, и родился на севере и прожил там большую половину своей жизни, совсем не выдавши юга. Отец дал ему в управление Владимир на Клязьме, маленький, недавно возникший пригород, и там Андрей прокняжил далеко за 30 лет своей жизни, не побывав в Киеве. Южная, как и северная, летопись молчит о нем до начала шумной борьбы, которая завязалась между его отцом и двоюродным братом Изяславом волынским с 1146 года. Андрей появляется на юге впервые не раньше 1148 года, когда Юрий, восторжествовав над племянником, сел на киевском столе. С тех пор и заговорила об Андрее южная Русь, и южная летопись сообщает несколько рассказов, живо рисующих его физиономию. Андрей скоро выделился из толпы тогдашних южных князей своими личными особенностями, своеобразным характером. Он в удали не уступал своему удалому сопернику Изяславу, любил забываться в разгаре сечи, залетать в самую опасную свалку, не замечал, как с него сбивали шлем. Все это было очень обычно на юге, где постоянные внешние опасности и усобицы развивали удалство в князьях. Но совсем не было обычно умение Андрея быстро отрезвляться от воинственного опьянения. Тотчас после боя он становился осторожным, благоразумным политиком,

мирным распорядителем. У Андрея всегда все в порядке, его нельзя было застать врасплох; он умел не терять головы во время переполоха. Несмотря на свою боевую удаль, он не любил войны, после удачного боя первый подступал к отцу с просьбою мириться с побитым врагом. Южнорусский летописец с удивлением отмечает в нем эту черту характера, говоря: «Не величав был Андрей на ратный чин, но ждал похвалы лишь от Бога». Точно так же Андрей совсем не разделял страсти своего отца к Киеву, был вполне равнодушен к матери городов русских и ко всей южной Руси. Когда в 1151 году Юрий был побежден Изяславом, он плакал горькими слезами, жалея, что ему приходится расстаться с Киевом. Дело было к осени. Андрей сказал отцу: «Нам, батюшка, здесь теперь больше делать нечего, уйдем-ка отсюда затепло». По смерти Изяслава в 1154 году Юрий прочно уселся на киевском столе и просидел до самой смерти в 1157 году. Самого надежного из своих сыновей, Андрея, он посадил у себя под рукою в Вышгороде близ Киева; но Андрею не жилось на юге. Не спросившись у отца, он тихонько ушел на север, захватив из Вышгорода чудотворную икону Божией Матери, которая стала потом главной святыней Суздальской земли под именем Владимирской. Один позднейший летописный свод так объясняет этот поступок Андрея: «Смушался князь Андрей, видя нестроение своей братии, племянников и всех сродников своих: вечно они в мятеже и волнении, все добиваясь великого княжения ки-

евского; ни у кого из них ни с кем мира нет, и оттого все княжения запустели; скорбел об этом Андрей втайне своего сердца и, не сказавшись отцу, решился уйти к себе в Ростов и Суздаль, говоря: там поспокойнее». По смерти Юрия на киевском столе сменились несколько князей и наконец уселся сын Юрьева соперника, Андреев двоюродный племянник, Мстислав Изяславич вольный. Андрей, считая себя старшим, выждал удобную минуту и послал на юг с сыном суздальское ополчение, к которому там присоединились полки многих других князей. Союзники взяли Киев *копьем и на щит*, т. е. взяли город приступом и разграбили его (в 1169 году). Но Андрей, взяв Киев своими полками, передал власть брату Глебу. Впоследствии, по смерти Глеба, Киевская земля отдана была ближайшим родичам Андрея Ростиславичам смоленским. Старший Роман сел в Киеве, младшие его братья Давид и Мстислав поместились в ближайших городах. Андрей носил звание великого князя, живя на своем суздальском севере. Но Ростиславичи раз показали неповиновение Андрею, и тот послал к ним посла с грозным приказанием: «Не ходишь ты, Роман, в моей воле с своей братией, так пошел вон из Киева, ты, Мстислав, вон из Белгорода, а ты, Давид, вон из Вышгорода; ступайте все в Смоленск и делитесь там, как знаете». В первый раз великий князь, названный отец для младшей братии, обращался так с своими родичами. Эту перемену в обращении с особенною горечью почувствовал младший из Ростиславичей Мстислав;

он обрил голову и бороду Андрееву послу и отпустил его назад, велел сказать Андрею: «Мы до сих пор признавали тебя отцом своим по любви; но если ты посылаешь к нам с такими речами, не как к князьям, а как к подручникам и простым людям, то делай, что задумал, а нас Бог рассудит». Так в первый раз произнесено было новое политическое слово *подручник*, т. е. впервые сделана была попытка заменить неопределенные отношения родового старшинства отношениями обязательного подчинения, политического подданства младших князей старшему наравне с простыми людьми.

Б. Чориков. Милосердие Андрея Боголюбского к нищим и угнетенным

Таков ряд необычных явлений, обнаружившихся в отно-

шениях Андрея Боголюбского к южной Руси и другим князьям. До сих пор звание старшего князя нераздельно соединено было с обладанием старшим киевским столом. Князь, признанный старшим среди родичей, обыкновенно садился в Киеве; князь, сидевший в Киеве, обыкновенно признавался старшим среди родичей. Андрей впервые отделил старшинство от места: заставив признать себя великим князем всей Русской земли, он не покинул своей Суздальской области и не поехал в Киев сесть на стол отца и деда. Таким образом, княжеское старшинство, оторвавшись от места, получило личное значение и сделана была попытка сообщить ему авторитет настоящей верховной власти (Об усобице по смерти Андрея см. Учебн. Соловьева, гл. IX).

Всеволод III Большое Гнездо. В княжение Всеволода III обнаруживается новый факт – *решительное преобладание* Суздальской области над остальными областями Русской земли. Политика Всеволода III была во многом продолжением внешней и внутренней деятельности Андрея. Подобно старшему брату Всеволод заставил признать себя великим князем всей Русской земли и, подобно ему же, не поехал в Киев сесть на стол отца и деда. Он правил южной Русью с берегов далекой Клязьмы; в Киеве князья садились из его руки.

СИНКІН КНІЗЬ

КСЕВОЛОТОУМІЕН

Всеволод Юрьевич. Портрет из Титулярника 1672 г.

Великий князь киевский чувствовал себя непрочно на этом столе, если не ходил в воле Всеволода, не был его подручником. И соседи Всеволода князья рязанские чувствовали на себе его руку, ходили в его воле, по его указу посылали свои полки в походы вместе с его полками. В 1207 году Всеволод, вмешавшись в усобицу рязанских князей, потребовал у рязанцев выдачи их всех с княгинями, продержал их у себя под присмотром, а в Рязани посадил своего сына с суздальскими посадниками. Когда же буйные, непокорные рязанцы, как их характеризует суздальский летописец, вышли из повиновения Всеволоду, тогда суздальский князь велел перехватить всех горожан с семействами и расточил их по суздальским городам, а город Рязань сжег. И певец *Слова о полку Игореве*, южнорусский поэт и публицист конца XII века, знает политическое могущество суздальского князя. Изображая бедствия, какие постигли Русскую землю после поражения его героев в степи, этот певец обращается к Всеволоду с такими укоризненными словами: «Великий князь Всеволод! Чтобы тебе прилететь издалека, отчаго золотого стола постеречь: ведь ты можешь Волгу разбрызгать веслами, Дон шлемами вычерпать». В таких поэтически-преувеличенных размерах представлялись черниговскому певцу волжский флот Всеволода III и его сухопутная рать. Таким образом, Суздальская область, еще в начале XII в.

столь незначительный северовосточный угол Русской земли, уже в конце этого века является княжеством, решительно господствующим над всей остальной Русью. Политический центр тяжести явственно перемещается с берегов среднего Днепра на берега Клязьмы. Это перемещение было следствием отлива русских сил из среднего Поднепровья к северо-востоку.

В. Васнецов. Двор удельного князя

Уделы. Обращаясь к явлениям, следовавшим за смертью Всеволода, встречаем еще новый факт, не менее важ-

ный, чем все предыдущие. Порядок княжеского владения в старой Киевской Руси держался на очереди старшинства. Всмотреваясь во владельческие отношения потомков Всеволода, мы замечаем, что в Суздальской земле утверждается новый порядок княжеского владения, непохожий на прежний. Киев окончательно падает после татарского нашествия. Владимир на Клязьме для потомков Всеволода заступает место Киева в значении политического центра Руси, оставляя за Киевом, и то лишь на короткое время, только значение центра церковно-административного. В занятии старшего владимирского стола Всеволодовичи вообще следовали прежней очереди старшинства. Когда Константин Всеволодович победой на Липице восстановил свое старшинство, снятое с него отцом, дети Всеволода садились на владимирском столе по порядку старшинства, сначала Константин, потом Юрий, за ним Ярослав, наконец Святослав. Та же очередь наблюдалась и в поколении Всеволодовых внуков, сыновей Ярослава Всеволодовича: на столе владимирском сидел сначала старший Ярославич Александр Невский, потом Ярослав тверской, за ним младший Василий костромской (1276 г.). Значит, до последней четверти XIII века в занятии великокняжеского стола действовала прежняя очередь старшинства; бывали отступления от этого порядка, но их видим мы здесь, в Суздальской земле, не более, чем видели в старой Киевской Руси. Рядом со старшей Владимирской областью, составлявшей общее достояние Всеволодовичей

и владеемой по очереди старшинства, возникло в Суздальской земле несколько младших волостей, которыми владели младшие Всеволодовичи. Во владении этими младшими областями устанавливается другой порядок, который держался не на очереди старшинства. Младшие волости переходят теперь не по *очереди* старшинства, а по *завещанию* от отца к сыну, передаются из рук в руки в прямой нисходящей, а не в боковой ломаной линии, т. е. не от старшего брата младшему, от младшего дяди старшему племяннику и т. д. Такой порядок владения изменяет *юридический* характер младших волостей. Прежние волости были части Русской земли, владеемые всеми князьями сообща, т. е. каждым отдельным князем временно, по известной очереди. Теперь волость – неотъемлемая отдельная собственность известного князя, личное его достояние, постоянное владение, которое передается от отца детям по личному распоряжению владельца, по завещанию. Вместе с изменением юридического характера волости является для нее и новое название. В старой Киевской Руси части Русской земли, достававшиеся тем или другим князьям по очереди, обыкновенно назывались *волостями*, или *наделками*, в смысле временного владения. Младшие волости, на которые распалась Суздальская земля во Всеволодовом племени с XIII века, называются *уделами* или *вотчинами* в смысле владения отдельного и наследственного. Этот новый порядок княжеского владения, утвердившийся на Севере в XIII и XIV вв., и можно называть *удельным*.

Следствия удельного порядка. Так, действовавший между Ярославичами в Киевской Руси совместный родовой порядок власти всей Русской землей по очереди старшинства уступил место на суздальском севере в потомстве Всеволода III раздельному наследственному владению частями земли на праве полной личной собственности, принадлежавшем каждому князю-владельцу. Новый порядок утверждался в северной Руси одновременно с ее русской колонизацией, которая и была главной причиной этой перемены. Северные князья, руководя этой колонизацией, заселяя и устроая свои владения, привыкали смотреть на них, как на дело рук своих, т. е. как на свое личное достояние. Действие этого порядка сопровождалось следствиями, очень важными для последующей политической судьбы северной Руси: 1) путем раздела княжеских вотчин между наследниками северная Русь в XIII–XV вв. постепенно раздробилась на множество мелких уделов, приближавшихся по своим размерам к вотчинам простых частных землевладельцев; 2) измельчание уделов сопровождалось объединением удельных князей и упадком их правительственного авторитета; 3) удельный порядок вносил в среду князей взаимное отчуждение, ослаблял в них чувство солидарности, общности интересов, отучал их действовать сообща, делал их неспособными к дружным политическим союзам; 4) отчуждая князей друг от друга и замыкая их в мелких, наследственных вотчинах, удельный поряд-

док понижал уровень их гражданского чувства и земского сознания, затемнял мысль о единстве Русской земли, об общем народном благе. Облегчая борьбу с удельными князьями, удельный порядок этими следствиями подготовил свое собственное разрушение и политическое объединение северной Руси одним из удельных княжеств – Московским.

Монеты русских удельных княжеств. Конец XIV – начало XV в.

Московское княжество до половины XV века

Причины и ход его усиления. Летопись выводит город Москву в число новых суздальских городов, возникших в княжение Юрия Долгорукого. Любопытно, что городок этот впервые является в летописном рассказе с значением пограничного пункта между княжеством северным Суздальским и южным Черниговским. Сюда в 1147 году Юрий Долгорукий пригласил своего соседа и союзника князя черниговского Святослава Ольговича на свидание. Это – первое известие о Москве. Значит, город возник на перепутье между днепровским югом и верхневолжским севером. С тем же значением пограничного города Суздальской земли является Москва и в дальнейших летописных известиях.

Летопись подробно рассказывает о шумной борьбе, которая поднялась по смерти Андрея Боголюбского между его младшими братьями и племянниками. В 1176 году дяди, восторжествовав над племянниками, вызвали из Чернигова укрывавшихся там своих жен. Провожать княгинь поехал сын черниговского князя Олег; он довез их до Москвы и оттуда возвратился в свою волость Лопасню. Лопасня – село верстах в 70-ти от Москвы к югу по серпуховской дороге. Так близко подходила тогдашняя черниговская граница к суздальскому городу Москве. Москва носила тогда еще

другое название – *Куцкова*, полученное ею от местного вотчинника, боярина и ростовского тысяцкого Степана Кучки, которому принадлежали окрестные села и деревни. Временем возникновения и географическим положением Москвы объясняется ее дальнейшая политическая судьба. Как городок новый и далекий от суздальских центров Ростова и Владимира, Москва позже других суздальских городов могла стать стольным городом особого княжества и притом должна была достаться младшему князю. Действительно, в продолжение большей части XIII в. в Москве незаметно постоянно княжения: князья являлись в Москве лишь на короткое время, и все это были младшие сыновья своих отцов. Около начала последней четверти XIII в. в Москве утвердился младший из сыновей Александра Невского Даниил. С тех пор Москва становится особым княжеством с постоянным князем; Даниил стал родоначальником московского княжеского дома.

А. Васнецов. Основание Москвы. Постройка первых стен Кремля Юрием Долгоруким в 1156 г.

Таковы первые известия о Москве. Первоначальные причины ее быстрого роста заключались в географическом положении города и его края. Прежде всего это положение содействовало сравнительно более ранней и густой населенности края. Москва возникла на рубеже между юго-западной днепровской и северо-восточной волжской Русью. Это был первый край, в который попадали юго-западные колонисты, перевалив за реку Угру; здесь, следовательно, они осажива-

лись в наибольшем количестве, как на первом своем привале. Бледные следы усиленного осадка колонизации в области реки Москвы находим в родословных росписях старинных боярских фамилий, которые действовали в Москве. Эти росписи начинаются обыкновенно сказанием о том, как и откуда родоначальники этих фамилий пришли служить московскому князю. Соединяя эти отдельные генеалогические предания, мы получаем важный исторический факт: с конца XIII века, еще прежде чем город Москва начинает играть заметную роль в северной Руси, в нее со всех сторон собираются знатные служилые люди из Мурома, Нижнего, Ростова, Чернигова, даже из Киева и с Волыни. Знатные слуги шли по течению народной массы. Генеалогические сказания боярских родословных отразили в себе лишь общее движение, господствовавшее в тогдашнем русском населении. В Москву, как центральный водоем, со всех краев Русской земли, угрожаемых внешними врагами, стекались народные силы. Это центральное положение Москвы прикрывало ее со всех сторон от внешних врагов; внешние удары падали на соседние княжества – Рязанское, Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Смоленское и редко достигали до Москвы. Благодаря такому прикрытию Московская область стала убежищем для крайнего русского населения, всюду страдавшего от внешних нападений. В XIII и первой половине XIV века Московское княжество было единственным краем северной Руси, свободным от таких бедствий. Вот од-

но из условий, содействовавших успешному его заселению. То же географическое положение Москвы заключало в себе другое условие, содействовавшее ранним промышленным ее успехам. Московское княжество с северо-запада на юго-восток диагонально перерезывалось течением реки Москвы. В старое время эта река имела важное торговое значение, была торговой дорогой. Нижним своим течением она связывает город Москву с бассейном Оки, а верховьями подходит близко к верхней Волге. Таким образом, река Москва служит хордой, соединяющей концы речной дуги, какая образуется течением Оки и верхней Волги. Одно явление указывает на такое торговое значение реки. Очень рано на самом перевале с верхней Волги в реку Москву возник торговый пункт *Волок на Ламе* (Волоколамск). Этот Волок на Ламе был построен новгородцами и служил им складочным местом в их торговых сношениях с бассейном Оки и с областью средней Волги. Оба эти условия, вытекавшие из географического положения города Москвы, имели важное значение для московского князя. Сгущенность населения в его уделе увеличивала количество плательщиков прямых податей. Развитие торгового транзитного движения по реке Москве оживляло промышленность края и обогащало казну местного князя торговыми пошлинами.

Рядом с этими *экономическими* последствиями, вытекавшими из географического положения Москвы, из того же источника вышел ряд важных последствий *политических*.

С географическим положением города Москвы тесно было связано генеалогическое положение его князя. Как город новый и крайний, Москва досталась одной из младших линий Всеволодова племени. Поэтому московский князь мог питать надежды дожить до старшинства и занять старший великокняжеский стол. Чувствуя себя бесправным среди родичей и не имея опоры в обычаях и преданиях старины, он должен был обеспечивать свое положение иными средствами, независимо от очереди старшинства. Благодаря тому московские князья рано выработали своеобразную политику, состоявшую в умении пользоваться условиями текущей минуты. Первый московский князь Александрова племени Даниил, по рассказу летописца, врасплох напав на своего рязанского соседа князя Константина, победил его «некоей хитростью», т. е. обманом, и взял в плен. Сын этого Даниила Юрий в 1303 году, напав на другого соседа Святослава, князя Можайского, также взял его в плен и захватил Можайский удел, потом убил отцова пленника Константина и отхватил от Рязанского княжества город Коломну. Московский князь – враг всякому великому князю, кто бы он ни был. Даниил всю жизнь боролся с великими князьями, даже с собственным старшим братом, Дмитрием переяславским. Но по смерти Дмитрия он сблизился с добрым и бездетным его сыном Иваном и так подружился, что Иван, умирая в 1302 году, отказал свой удел московскому своему соседу помимо старших родичей. Даниил принял наследство

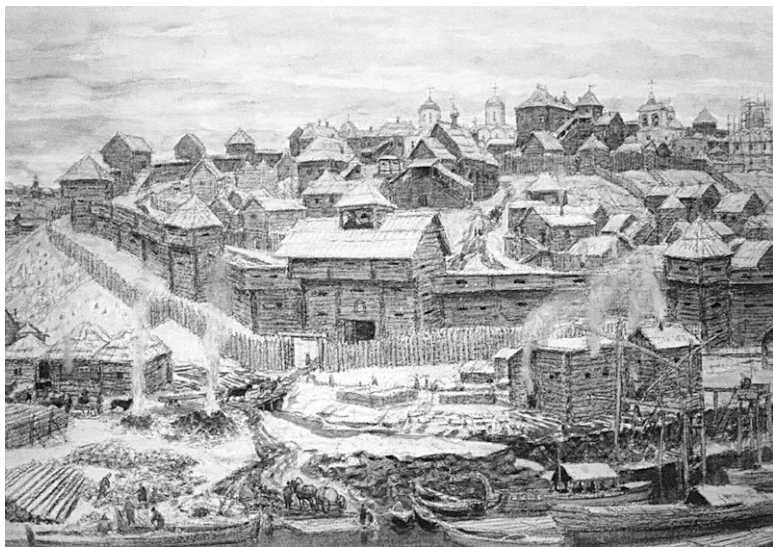
и отстоял его. Но враги старшинства, московские князья были гибкие и сообразительные политики. Как скоро изменялись обстоятельства, и они изменяли свой образ действий. Татарский разгром надолго, на весь XIII век поверг народное хозяйство северной Руси в страшный хаос. Но с XIV века отношения здесь начали устанавливаться, народное хозяйство стало приходить в некоторый порядок. С тех пор и московские князья являются мирными хозяевами, домовитыми строителями своего удела, заботятся о водворении в нем прочного порядка, заселяют его промышленными и рабочими людьми, которых перезывают к себе из чужих княжеств, толпами покупают в Орде русских пленников и на льготных условиях сажают тех и других на своих московских пустошах, строят деревни, села, слободы.

Таковы были первоначальные условия быстрого роста Московского княжества: то были *географическое положение Москвы* и *генеалогическое положение ее князя*. Первое условие сопровождалось выгодами экономическими, которые давали в руки московскому князю обильные материальные средства для действия, а второе условие указало ему, как всего выгоднее пустить в оборот эти средства, помогло ему выработать политику, основанную не на родственных воспоминаниях, а на искусном пользовании минутой. Пользуясь такими средствами и держась такой политики, московские князья в XIV и первой половине XV в. умели добиться очень важных политических успехов.

1) Пользуясь своими средствами, московские князья постепенно выводили свое княжество из первоначальных тесных его пределов. В самом начале XIV века на севере Руси, может быть, не было удела меньше Московского. Пределы его далеко не совпадали даже с границами нынешней Московской губернии. Из городов этой губернии в первоначальный состав удельной московской территории не входили Дмитров, Клин, Волоколамск, Можайск, Коломна, Веря. Даже около того времени, когда третий московский князь из племени Александра Невского Иван Калита стал великим князем, Московский удел остался еще очень незначительным. В одной духовной этого князя, написанной не раньше 1327 года, перечислены все его вотчинные владения. Они состояли из шести городов с уездами: то были Москва, Коломна, Можайск, Звенигород, Серпухов, Руза (Переяславль не упомянут в грамоте). В этих шести уездах находились 51 сельская волость и 42 дворцовых села. Вот весь удел Калиты около того времени, когда он стал великим князем. Но в руках его были обильные материальные средства, которые он и пустил в выгодный оборот. Тогдашние тяжкие условия землевладения заставляли землевладельцев продавать свои вотчины. Вследствие усиленного предложения земли были дешевы. Московские князья, имея свободные деньги, начали скупать земли у частных лиц и у церковных учреждений, у митрополита, у монастырей, у других князей. Покупая села и деревни в чужих уделах, Иван Калита купил целых три

удельных города с уездами, Белозерск, Галич и Углич.

Преемники его продолжали это мозаичное собирание Руси. В каждой следующей московской духовной грамоте перечисляются новоприобретенные села и волости, о которых не упоминает предшествующая.

А. Васнецов. Московский Кремль при Иване Калите

Первоначально эти приобретения совершались путем частных полюбовных сделок; но потом пущен был в ход и насильственный захват. Так, сын Дмитрия Донского, Василий, купил у хана Муром, Тарусу и целое Нижегородское княже-

ство и с помощью Татар выгнал владельцев этих княжеств из их владений. Благодаря этим приобретениям территория Московского княжества значительно расширилась в продолжение XIV и XV вв. Владения Ивана Калиты едва ли заключали в себе 500 квадратных миль, так как во всей Московской губернии не более 590 кв. миль. Если по духовной Василия Темного 1462 года очертить пределы московских владений, увидим, что в них можно считать по меньшей мере 15.000 кв. миль. Таковы были территориальные успехи, достигнутые московскими князьями к половине XV века.

2) Пользуясь своими средствами и расчетливой фамильной политикой, московские князья в XIV в. постепенно сами выступали из положения мелких и бесправных удельных князей. Младшие, но богатые, эти князья предприняли смелую борьбу со старшими родичами за великокняжеский стол. Главными их соперниками были князья тверские, старшие их родичи. Действуя во имя силы, а не права, московские князья долго не имели успеха. Князь Юрий Данилович погубил в Орде своего соперника Михаила Ярославича тверского, но потом сам сложил там свою голову. Однако окончательное торжество осталось за Москвою, потому что средства борющихся сторон были неравны. На стороне тверских князей были право старшинства и таланты, средства юридические и нравственные, на стороне князей московских были деньги и умение пользоваться обстоятельствами, т. е. средства материальные и практические, житейские,

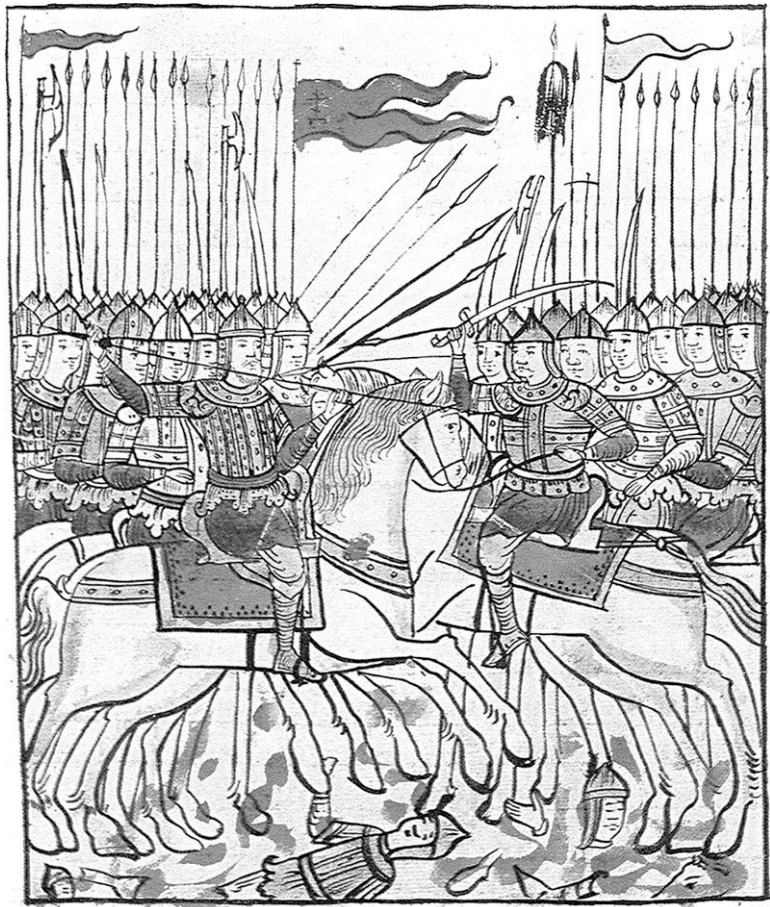
а тогда Русь переживала время, когда последние средства были сильнее первых. Князья тверские никак не могли понять истинного положения дел и в начале XIV в. все еще считали возможной борьбу с Татарами. В 1327 году тверской князь Александр Михайлович не вытерпел, со всем городом Тверью поднялся на Татар и истребил находившихся тогда в Твери татарских послов. Московские князья иначе смотрели на положение дел. Они вовсе не думали о борьбе с Татарами; видя, что на Орду гораздо выгоднее действовать деньгами, чем оружием, они усердно ухаживали за ханом и сделали его орудием своей политики. Благодаря тому московский князь, по генеалогии младший среди своей братии, добивался старшего великокняжеского стола. Хан поручил Калите наказать тверского князя за восстание. Тот исправно исполнил поручение и в 1328 г. получил в награду великокняжеский стол, который с тех пор уже не выходил из-под московского князя.

3) Приобретение великокняжеского стола московским князем сопровождалось важными последствиями для Руси. Московский удельный владелец, став великим князем, первый начал выводить русское население из того уныния, в какое повергли его внешние несчастья. Образцовый устроитель своего удела, московский князь, став великим, дал почувствовать выгоды своей политики и другим частям северо-восточной Руси. Этим он подготовил себе популярность, т. е. почву для дальнейших успехов. Летописец с ударени-

ем отмечает, что с тех пор, как московский князь получил от хана великокняжеское достоинство, северная Русь начала отдыхать от постоянных погромов, какие она терпела. Рассказывая о возвращении Калиты от хана с пожалованием в 1328 г., летописец прибавляет: «Бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на сорок лет и престаша Татарове воевати землю Русскую». Это, очевидно, заметка наблюдателя, жившего во второй половине XIV в. Оглянувшись назад за 40 лет, этот наблюдатель отметил, как почувствовалось в эти десятилетия господство Москвы в северной России: время с 1328 по 1369 г., когда впервые напал на северо-восточную Русь Ольгерд литовский, считалось порою отдыхом для населения этой Руси, которое за то благодарило Москву. Наконец, почти вся северная Русь, став против Орды на Куликовом поле под московскими знаменами, в 1380 г. одержала первую народную победу над агарянством. Это сообщило московскому князю значение *национального вождя* северной Руси в борьбе с внешними врагами.

В. Верещагин. Русский князь в татарской ставке

Битва на Куликовом поле в 1380 г. Миниатюра из рукописи «Сказание о Мамаевом побоище». XVII в.

4) Всего важнее было то, что московский князь приобрел своему стольному городу значение *церковной столицы* Руси. В этом приобретении ему также помогло географическое положение города Москвы. От татарского разгрома окончательно опустела старинная Киевская Русь. Вслед за населением на север ушел и высший иерарх Русской церкви, киевский митрополит. Летописец рассказывает, что в 1299 году митрополит Максим, не стерпев насилия татарского, собрался со всем своим клиросом и уехал из Киева во Владимир на Клязьме; тогда же и весь Киев-город разбежался, добавляет летописец. Но остатки южнорусской паствы не менее прежнего нуждались в заботах высшего пастыря Русской церкви. Митрополит из Владимира часто ездил в южнорусские епархии. В эти поездки он останавливался на перепутье в городе Москве. Так бывал часто и живал подолгу в Москве преемник Максима митрополит Петр. Благодаря тому у него завязалась тесная дружба с местным князем Иваном Калитой. Оба они вместе заложили соборный храм Успения в Москве; в этом же городе митрополита Петра застигла смерть в 1326 г. Может быть, он еще и не думал о перенесении митрополичьей кафедры с Клязьмы на берега Москвы; но эта случайность стала заветом для дальнейших митрополитов. Преемник Петра Феогност не хотел жить во Владимире, поселился на митрополичьем подворье в Москве у чудотворца гроба. Так Москва стала церковной столицей Руси задолго прежде, чем сделалась столицей

государственной. Богатые материальные средства, которыми располагала тогда Русская церковь, стали стекаться в Москву, содействуя ее обогащению. Еще важнее было нравственное впечатление, произведенное этим перемещением митрополичьей кафедры на население северной Руси. Это население с большим доверием стало относиться к московскому князю, предполагая, что все его действия совершаются по благословию старшего святителя Русской церкви. След этого впечатления заметен в рассказе летописца. Повествуя о перенесении кафедры в Москву, этот летописец замечает: «Иным же князем многим немного сладостно бе, еже град Москва митрополита имяше в себе живуща». Вследствие того церковное русское общество стало сочувственно относиться к князю, действовавшему об руку с высшим пастырем Русской церкви. Это сочувствие церковного общества, может быть, всего более помогло московскому князю укрепить за собою национальное значение в северной Руси. Политические успехи московского князя освящались в народном представлении содействием и благословением высшей духовной власти Руси.

Значение, приобретенное этими успехами, все доставалось великому князю, старшему из московских князей, который сверх своего московского удела владел еще великокняжеской Владимирской областью. С Ивана Калиты в продолжение ста лет таким великим князем становился обыкновенно старший сын предшествовавшего великого князя.

По личному составу московского княжеского дома такой переход великокняжеского достоинства в нисходящей линии до смерти Калитина правнука великого князя Василия Димитриевича не вызывал спора среди московских князей, а князьям других линий, соперничавшим с московскими, ни суздальским, ни тверским не удалось перебить у них великого княжения.

В. Верещагин. Князь Василий II Васильевич Темный с сыном

Неоспариваемый переход великокняжеской власти от от-

да к сыну, повторявшийся в продолжение нескольких поколений, стал обычаем, на который общество начало смотреть, как на правильный порядок, забывая о прежнем порядке преемства по старшинству. Впервые спор против этого нового порядка поднялся в московском княжеском доме по смерти великого князя Василия Дмитриевича; но эта шумная усобица между московскими князьями кончилась торжеством нового порядка. Эта усобица произошла вследствие притязания Юрия Дмитриевича галицкого, дяди великого князя Василия Васильевича, занять великокняжеский стол мимо племянника. Этот дядя, действуя во имя своего старшинства, в 1431 г. поехал в Орду тягаться с племянником за великое княжение. Эта усобица, продолженная по смерти Юрия его сыновьями, взволновала все русское общество, руководящие классы которого, духовенство, князья, бояре и другие служилые люди решительно стали за Василия. Когда сын Юрия Шемяка, по смерти отца наследник его притязаний, нарушил свой договор с Василием, последний отдал дело на суд духовенства. Духовный собор из пяти епископов с несколькими архимандритами (тогда не было митрополита на Руси) в 1447 г. обратился к нарушителю договора с грозным посланием, в котором высказал свой взгляд на политический порядок, какой должен существовать на Руси. Здесь духовенство решительно восстало против притязаний Шемякина отца на великокняжеский стол, признавая исключительное право на него за племянником,

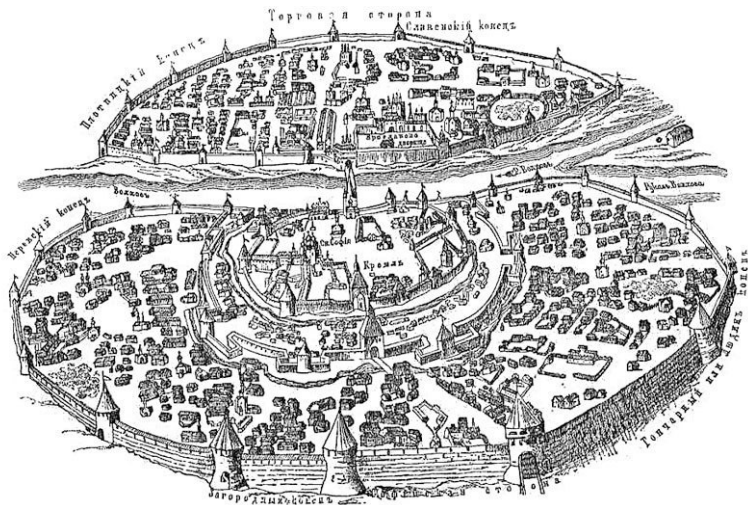
старшим сыном предшествовавшего великого князя. Притязание Юрия духовенство сравнивает с грехом праотца Адама, возымевшего желание «равнобожества», внушенное сатаной. «Сколько трудов понес отец твой, писали владыки, сколько истомы потерпело от него христианство, ни великокняжеского стола он все-таки не получил, чего ему не дано Богом, ни *земскою изначала пошლიной*». Итак, духовенство считало единственно правильным порядком преемство великокняжеского стола в нисходящей линии, а не по очереди старшинства, и даже наперекор истории признавало такой порядок исконной «земской пошлиной», т. е. старинным обычаем Русской земли. Этот новый порядок должен был подготовить установление единовластия, усиливая одну прямую старшую линию московского княжеского дома, устранив и ослабляя боковые младшие.

Поддержка, какую общество во время усобицы оказало этому порядку в лице в. кн. Василия Темного, объясняется фактом, незаметно совершившимся в северной Руси под шум удельных княжеских ссор и татарских погромов. Мы знаем, какие обстоятельства заставили массу русского населения передвинуться из старой днепровской Руси в область верхней Волги. Передвижение это сопровождалось раздроблением народных сил, выразившимся в удельном дроблении верхневолжской Руси. Но с течением времени различные этнографические элементы, прежде разъединенные, стали сливаться в одно национальное целое, завя-

залась и окрепла в составе русского населения целая плотная народность – великорусская. Сложившись среди внешних опасностей, она чувствовала *потребность в порядке*. Эта потребность и была новой и могущественной причиной успехов московского князя, присоединившейся к первоначальным, какими были: *экономические выгоды географического положения* Московского княжества, *церковное значение*, приобретенное Москвой при содействии того же условия, и расчетливый, согласованный с обстоятельствами времени *образ действий* московских князей. Как скоро население северной Руси почувствовало, что Москва способна стать политическим центром, около которого оно могло собрать свои силы для борьбы с внешними врагами, удельный порядок должен был пасть перед объединительными стремлениями великого князя московского, приобретавшего значение национального государя Великороссии.

Новгородская земля

Новгород Великий и его территория. Политический строй Новгорода Великого, т. е. старшего города в своей земле, был тесно связан с местоположением города. Он расположен был по обоим берегам реки Волхова, недалеко от истока ее из озера Ильменя. Новгород составиля из нескольких слобод или поселков, которые были самостоятельными обществами, а потом соединились в городскую общину. Следы этого самостоятельного существования составных частей Новгорода сохранялись и позднее в распределении города на концы. Волхов делит Новгород на две половины: на правую – по восточному берегу реки и левую – по западному берегу; первая называлась *Торговой*, потому что в ней находился главный городской рынок, торг; вторая носила название *Софийской* с той поры, как в конце X в., по принятии христианства Новгородом, на этой стороне построен был соборный храм Св. Софии.

План древнего Новгорода

Обе стороны соединялись большим волховским мостом, находившимся недалеко от торгога. К торгу примыкала площадь, называвшаяся *Ярославовым двором*, потому что здесь некогда находилось подворье Ярослава, когда он княжил в Новгороде при жизни отца. На этой площади возвышалась *степень*, помост, с которого новгородские сановники обращались с речами к собиравшемуся на вече народу. Близ ступени находилась вечевая башня, на которой висел вечевой колокол, а внизу ее помещалась вечевая канцелярия. Торговая сторона южнее. Славянский конец получил свое на-

звание от древнейшего новгородского поселка, вошедшего в состав Новгорода, *Славна*. Городской торг и Ярославов двор находились в Славенском конце. На Софийской стороне, тотчас по переходе чрез волховский мост, находился *детинец*, обнесенное стеною место, где стоял соборный храм Св. Софии. Софийская сторона делилась на три конца: *Неревский* к северу, *Загородский* к западу и *Гончарский*, или *Людин*, к югу, ближе к озеру. Названия концов Гончарского и Плотницкого указывают на ремесленный характер древних слобод, из которых образовались концы Новгорода.

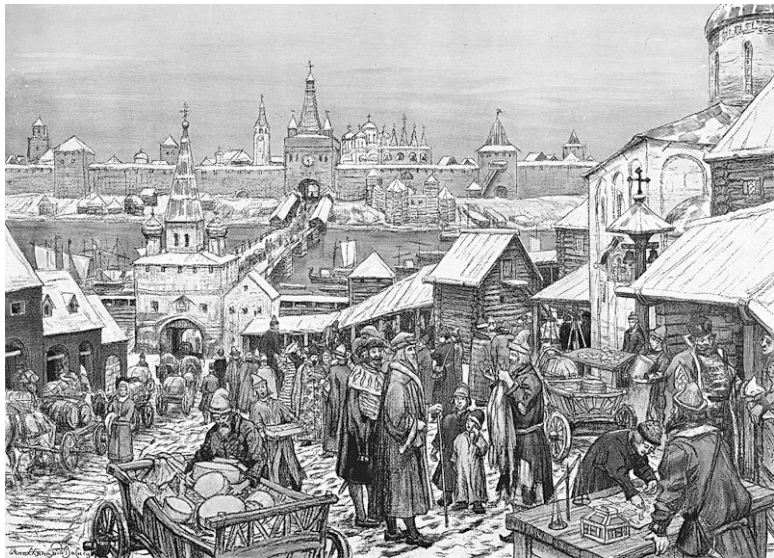
Новгород со своими пятью концами был политическим средоточием обширной территории, к нему тянувшей. Эта территория состояла из частей двух разрядов: из *пятин* и *волостей*, или *земель*; совокупность тех и других составляла область, или землю, Св. Софии. По новгородским памятникам до падения Новгорода и пятины назывались землями, а в более древнее время – *рядами*. Пятины были следующие: на СЗ от Новгорода, между реками Волховом и Лугой, простиралась по направлению к Финскому заливу пятина *Вотская*, получившая свое название от обитавшего здесь финского племени *Води* или *Воти*; на СВ справа от Волхова шла далеко к Белому морю по обе стороны Онежского озера пятина *Обонежская*; к ЮВ между реками Мстою и Ловатью простиралась пятина *Деревская*; к ЮЗ между реками Ловатью и Лугой, по обе стороны реки Шелони, шла *Шелонская* пятина; на отлете за пятинами Обонежской и Деревской про-

стиралась далеко на В и ЮВ пятина *Бежецкая*, получившая свое название от селения Бежичей, бывшего некогда одним из ее административных средоточий (в нынешней Тверской губернии). Первоначально пятины состояли из древнейших и ближайших к Новгороду владений его. Владения более отдаленные и позднее приобретенные не вошли в пятинное деление и образовали ряд особых *волостей*, имевших несколько отличное от пятин устройство. Так, города Волок-Ламский и Торжок с своими округами не принадлежали ни к какой пятине. За пятинами Обонежской и Бежецкой простиралась на СВ волость *Заволочье*, или *Двинская земля*. Она называлась Заволочьем, потому что находилась за волоком, за обширным водоразделом, отделяющим бассейны Онеги и Северной Двины от бассейна Волги. Течением реки Вычегды с ее притоками определялось положение *Пермской земли*. За Двинской землей и Пермью далее к северо-востоку находились волости *Печора* по реке Печоре и по ту сторону северного Уральского хребта волость *Югра*. На северном берегу Белого моря была волость *Тер*, или *Терский берег*. Таковы были главные волости новгородские, не входившие в пятинное деление. Они рано приобретены были Новгородом: так, уже в XI в. новгородцы ходили за данью за Двину на Печору, а в XIII веке собирали дань на Терском берегу.

Софийский собор в Новгороде

А. Васнецов. Новгородский торг

Отношение Новгорода к князьям. В начале нашей истории Новгородская земля по устройству своему была совершенно похожа на другие области Русской земли. Точно так же и отношения Новгорода к князьям мало отличались от тех, в каких стояли другие старшие города областей. На Новгород с тех пор, как первые князья покинули его для Киева, наложена была дань в пользу великого князя киевского. По смерти Ярослава Новгородская земля присоединена была к великому княжеству Киевскому, и великий князь обыкновенно посылал туда для управления своего

сына или ближайшего родственника, назначая в помощники ему посадника. До второй четверти XII в. в быте Новгородской земли незаметно никаких политических особенностей, которые выделяли бы ее из ряда других областей Русской земли. Но со смерти Владимира Мономаха все успешнее развиваются эти особенности, ставшие потом основанием новгородской вольности. Успешному развитию этого политического обособления Новгородской земли помогали частью географическое ее положение, частью ее внешние отношения. Новгород был политическим средоточием края, составлявшего отдаленный северо-западный угол тогдашней Руси. Такое отдаленное положение Новгорода ставило его вне круга русских земель, бывших главной сценой деятельности князей и их дружин. Это освобождало Новгород от непосредственного давления со стороны князя и его дружины и позволяло новгородскому быту развиваться свободнее, на большем просторе. С другой стороны, Новгород лежал близко к главным речным бассейнам нашей равнины, к Волге, Днепру, Западной Двине, а Волхов соединял его водным путем с Финским заливом и Балтийским морем. Благодаря этой близости к большим торговым дорогам Руси Новгород рано втянулся в разносторонние торговые обороты. Став на окраине Руси, с нескольких сторон окруженный враждебными инородцами и притом занимаясь преимущественно внешней торговлей, Новгород всегда нуждался в князе и его дружине для обороны своих границ и торго-

вых путей. Но именно в XII в., когда запутавшиеся княжеские счета уронили авторитет князей, Новгород нуждался в князе и его дружине гораздо менее, чем нуждался прежде и стал нуждаться потом. Потом на новгородских границах стали два опасные врага, Ливонский орден и объединенная Литва. В XII в. еще не было ни того ни другого врага: Ливонский орден основался в самом начале XIII в., а Литва стала объединяться с конца этого столетия. Под влиянием этих благоприятных условий сложились и отношения Новгорода к князьям, и устройство его управления, и его общественный строй.

Б. Чориков. Усмирение новгородцев, 1116 г.

По смерти Мономаха новгородцы успели добиться важных политических льгот. Княжеские усобицы сопровождались частыми сменами князей на новгородском столе.

Эти усобицы и смены помогли новгородцам внести в свой политический строй два важных начала, ставших гарантами их вольности: 1) избирательность высшей администрации, 2) *ряд*, т. е. договор с князьями. Частые смены князей в Новгороде сопровождались и переменами в личном составе высшей новгородской администрации. Князь правил Новгородом при содействии назначаемых им или великим князем киевским помощников, посадника и тысяцкого. Когда князь покидал город добровольно или поневоле, и назначенный им посадник обыкновенно слагал с себя должность, потому что новый князь обыкновенно назначал своего посадника. Но в промежутках между двумя княжениями новгородцы, оставаясь без высшего правительства, привыкли выбирать на время исправляющего должность посадника и требовать от нового князя утверждения его в должности. Так самым ходом дел завелся в Новгороде обычай выбирать посадника. Этот обычай начинает действовать тотчас по смерти Мономаха, когда, по рассказу летописи, в 1126 году новгородцы «дали посадничество» одному из своих сограждан. После выбор посадника стал постоянным правом города, которым очень дорожили новгородцы. Понятна перемена в самом характере этой должности, происшедшая вследствие того, что она давалась не на княжеском дворе, а на вечевой площади: из представителя и блюстителя интересов князя перед Новгородом выборный посадник должен был превратиться в представителя и блюстителя интересов Новгорода

перед князем. После и другая важная должность тысяцкого также стала выборной. В новгородском управлении важное значение имел местный епископ. До половины XII в. его назначал и рукополагал русский митрополит с собором епископов в Киеве, следовательно, под влиянием великого князя. Но со второй половины XII века новгородцы начали сами выбирать из местного духовенства и своего владыку, собираясь «всем городом» на вече и посылая избранного в Киев к митрополиту для рукоположения. Первым таким выборным епископом был игумен одного из местных монастырей Аркадий, избранный новгородцами в 1156 г. С тех пор за киевским митрополитом осталось лишь право рукополагать присланного из Новгорода кандидата. Так, во второй и третьей четверти XII в. высшая новгородская администрация стала выборной. В то же время новгородцы начали точнее определять и свои отношения к князьям. Усобицы князей давали Новгороду возможность выбирать между князьями-соперниками и налагать на своего избранника известные обязательства, стеснявшие его власть. Эти обязательства излагались в *рядах*, договорах с князем, которые определяли значение новгородского князя в местном управлении. Неясные следы этих рядов, скреплявшихся крестным целованием со стороны князя, появляются уже в первой половине XII в. Позднее они яснее обозначаются в рассказе летописца. В 1218 г. из Новгорода ушел правивший им знаменитый Мстислав Мстиславич Удалой, князь торопецкий. На место

его прибыл его смоленский родич Святослав Мстиславич. Этот князь потребовал смены выборного новгородского посадника Твердислава. «А за что? – спросили новгородцы. – Какая его вина?» «Так, без вины», – ответил князь. Тогда Твердислав сказал, обращаясь к вече: «Рад я, что нет на мне вины, а вы, братья, и в посадниках, и в князьях вольны». Тогда вече сказало князю: «Вот ты лишаешь мужа должности, а ведь ты нам крест целовал без вины мужа должности не лишать». Итак, уже в начале XIII в. князья крестным целованием скрепляли известные права новгородцев. Условие не лишать новгородского сановника должности без вины, т. е. без суда, является в позднейших договорах одним из главных обеспечений новгородской вольности.

Политические льготы, которых добились новгородцы, излагались в договорных грамотах. Первые такие грамоты, до нас дошедшие, не раньше второй половины XIII в. Их три: они излагают условия, на которых правил Новгородской землей Ярослав тверской. Две из них написаны в 1265 г. и одна – в 1270 г. Позднейшие договорные грамоты повторяют лишь условия, изложенные в этих грамотах Ярослава. Изучая их, видим основания политического устройства Новгорода. Новгородцы обязывали князей целовать крест, на чем целовали их отцы и деды. Главная общая обязанность, падавшая на князя, состояла в том, чтобы он правил, «держал Новгород в старине по пошлинам», т. е. по старым обычаям. Значит, условия, изложенные в грамотах Ярослава, были

не нововведением, а заветом старины. Договоры определяли: 1) судебно-административные отношения князя к городу, 2) финансовые отношения города к князю, 3) отношения князя к новгородской торговле. Князь был в Новгороде высшей судебной и правительственной властью. Но все судебно-административные действия он совершал не один и не по личному усмотрению, а в присутствии и с согласия выборного новгородского посадника. На низшие должности, замещаемые не по выбору, а по княжескому назначению, князь избирал людей из новгородского общества, а не из своей дружины. Все такие должности раздавал он с согласия посадника. Князь не мог отнять без суда должности у выборного или назначенного чиновника. Притом все судебно-правительственные действия совершал он лично в Новгороде и ничем не мог распоряжаться, живя в своем уделе: «А из Суздальской ти земли, – читаем в договоре, – Новагорода не рядити, ни волостей (должностей) ти не раздавати». Точно так же без посадника князь не мог судить, никому не мог выдавать грамот. Так вся судебно-правительственная деятельность князя контролировалась представителем Новгорода. С мелочной подозрительностью определяли новгородцы свои финансовые отношения к князю, его доходы. Князь получал *дар* с Новгородской земли, едучи в Новгород, и не мог брать его, едучи из Новгородской земли. Дань получалась князем только с Заволочья, покоренного края, не входившего в пятинное деление Новгородской области; да и эту дань князь обыкновен-

но отдавал на откуп новгородцам же. Если он сам собирал ее, то посылал в Заволочье двух сборщиков, которые собранную дань не могли везти прямо в удел князя, а завозили сначала в Новгород, откуда она и передавалась князю. Со времени татарского нашествия и на Новгород наложен был ордынский *выход* – дань. Татары потом поручили сбор этого выхода, названного *черным бором*, т. е. повальным, поголовным налогом, великому князю владимирскому. Новгородцы сами собирали черный бор и передавали его своему князю, который доставлял его в Орду. Кроме того, князь пользовался в Новгородской земле известными угодьями, рыбными ловлями, бортями, звериными гонами; но всеми этими угодьями он пользовался по точно определенным правилам, в урочное время и в условных размерах. С такою же точностью были определены отношения князя и к новгородской торговле. Торговля, преимущественно внешняя, была жизненным нервом города. Князь нужен был Новгороду не только для обороны границ, но и для обеспечения торговых интересов; он должен был давать в своем княжестве свободный и безопасный путь новгородским купцам. Было точно определено, какие пошлины взимать князю с каждой торговой новгородской ладьи или с торгового воза, являвшихся в его княжестве. В Новгороде рано основались немецкие купцы. В XIV веке было в Новгороде два двора заморских купцов: один принадлежал ганзейским городам, другой, готский, – купцам с острова Готланда. При этих дворах находились да-

же две католические церкви. Князь мог участвовать в торговле города с заморскими купцами только через новгородских посредников; он не мог затворять дворов иноземных купцов, ставить к ним своих приставов. Так была ограждена внешняя торговля Новгорода от произвола со стороны князя. Связанный такими обязательствами, князь получал за свои боевые и правительственные услуги городу определенный корм. Припомним значение князя, вождя дружины, в старинных торговых городах Руси IX в.: это был наемный военный сторож города и его торговли. Точно такое же значение имел и новгородский князь удельного времени. Такое значение князя в вольном городе выражено псковской летописью, которая одного новгородского князя XV века называет «воеводой и князем кормленным, о ком было им стояти и боронитися». Значение князя, как наемника, Новгород старался поддерживать договорами до конца своей вольности. Так определены были отношения Новгорода к князьям по договорам.

Управление. Вече. Новгородское управление строилось в связи с определением отношений города к князю. Эти отношения, видели мы, определялись договорами. Благодаря этим договорам князь постепенно выступал из состава местного общества, теряя органические связи с ним. Он с своей дружиной входил в это общество лишь механически, как сторонняя временная сила. Благодаря тому политиче-

ский центр тяжести в Новгороде должен был с княжеского двора переместиться на вечерую площадь, в среду местного общества. Вот почему, несмотря на присутствие князя, Новгород в удельные века был собственно городской республикой. Далее, в Новгороде мы встречаем то же военное устройство, какое еще до князей сложилось в других старших городах Руси.

А. Рябушкин. Князь Глеб Святославович убивает волхва на Новгородском вече (Княжий суд)

Новгород составлял *тысячу* – вооруженный полк под командой тысяцкого. Эта тысяча делилась на *сотни* – военные части города. Каждая сотня с своим выборным сотским представляла особое общество, пользовавшееся известной

долей самоуправления. В военное время это был рекрутский округ, в мирное – округ полицейский. Но сотня не была самой мелкой административной частью города: она подразделялась на *улицы*, из которых каждая с своим выборным *улицким* старостой составляла также особый местный мир, пользовавшийся самоуправлением. С другой стороны, сотни складывались в более крупные союзы – *концы*. Каждый городской конец состоял из двух сотен. Во главе конца стоял выборный *кончанский* староста, который вел текущие дела конца под надзором кончанского схода или веча, имевшего распорядительную власть. Союз концов и составлял общину Великого Новгорода. Таким образом, Новгород представлял многостепенное соединение мелких и крупных местных миров, из которых последние составлялись посредством сложения первых. Совокупная воля всех этих союзных миров выражалась в общем вече города. Вече созывал иногда князь, чаще кто-нибудь из главных городских сановников, посадник или тысяцкий. Оно не было постоянно действующим учреждением, созывалось, когда являлась в нем надобность. Никогда не было установлено постоянного срока для его созыва. Вече собиралось по звону вечаевого колокола, обыкновенно на площади, называвшейся Ярославовым двором. Оно не было по составу своему представительным учреждением, не состояло из депутатов: на вечеую площадь бежал всякий, кто считал себя полноправным гражданином. Вече обыкновенно состояло из граждан одного старшего города;

но иногда на нем являлись и жители младших городов земли, впрочем, только двух, Ладоги и Пскова. Вопросы, подлежащие обсуждению веча, предлагались ему со *степеней* высшими сановниками, степенным посадником или тысяцким. Эти вопросы были законодательные и учредительные. Вече постановляло новые законы, приглашало князя или изгоняло его, выбирало и судило главных городских сановников, разбирало их споры с князем, решало вопросы о войне и мире и т. п. На вече по самому его составу не могло быть ни правильного обсуждения вопроса, ни правильного голосования. Решение составлялось на глаз, лучше сказать, на ухо, скорее по силе криков, чем по большинству голосов. Когда вече разделялось на партии, приговор вырабатывался насильственным способом, посредством драки: осилившая сторона и признавалась большинством (своеобразная форма *поля*, суда Божия). Иногда весь город разделялся, и тогда созывалось два веча, одно на обычном месте, на Торговой стороне, другое – на Софийской. Обыкновенно раздор кончался тем, что оба веча, двинувшись друг против друга, сходились на волховском мосту и начинали драку, если духовенство вовремя не успевало разнять противников.

А. Кившенко. Отправка Марфы Посадницы и вечного колокола в Москву. 1478 г.

Посадник и тысяцкий. Исполнительными органами веча были два высших выборных сановника, которые вели текущие дела управления и суда, – *посадник* и *тысяцкий*. Пока они занимали свои должности, они назывались *степенными*, т. е. стоящими на ступени, а по оставлении должности вступали в разряд посадников и тысяцких *старых*. Довольно трудно разграничить ведомство обоих сановников. Кажется, посадник был гражданским управителем города, а тысяцкий – военным и полицейским. Вот почему немцы

в удельные века называли посадника бург-графом, а тысяцкого – герцогом. Оба сановника получали от веча свои полномочия на неопределенное время: одни правили год, другие меньше, иные – по нескольку лет. Кажется, не раньше начала XV в. установлен был определенный срок для занятия их должностей. По крайней мере, один французский путешественник, Ланнуа, посетивший Новгород в начале XV века, говорит о посаднике и тысяцком, что эти сановники сменялись ежегодно. Посадник и тысяцкий правили с помощью целого штата подчиненных им низших агентов.

Совет господ. Вече было законодательным учреждением. Но по характеру своему оно не могло правильно обсуждать предлагаемые ему вопросы. Нужно было особое учреждение, которое могло бы предварительно разрабатывать законодательные вопросы и предлагать вече готовые проекты законов и решений. Таким подготовительным и распорядительным учреждением был новгородский совет господ, *Herrenrath*, как называли его немцы, или *господа*, как он назывался в Пскове. Господа вольного города развились из древней боярской думы князя с участием старейшин города. Председателем этого совета в Новгороде был местный владыка – архиепископ. Совет состоял из княжеского наместника, из степенных посадника и тысяцкого, из старост кончанских и сотских, из старых посадников и тысяцких. Все эти члены, кроме председателя, назывались боярами.

Областное управление. С центральным управлением было тесно связано областное. Связь эта выражалась в том, что каждая пятина Новгородской земли в управлении зависела от городского конца, к которому была приписана. Подобное же отношение частей территории к концам города существовало и в Псковской земле. Здесь старые пригороды издавна были распределены между концами города. В 1468 году, когда накопилось много новых пригородов, на вече было решено также разделить их по жребию между концами, по два пригорода на каждый конец. Пятина, впрочем, не была цельной административной единицей, не имела одного местного административного средоточия. Она распадалась на административные округа, называвшиеся в московское время *половинами*, с подразделением на уезды; каждый уезд имел свое особое административное средоточие в известном пригороде, так что кончанское управление было единственной связью, соединявшей пятину в одно административное целое. Пригород с своим уездом был такой же местный самоуправляющийся мир, какими были новгородские концы и сотни. Его автономия выражалась в местном пригородском вече. Впрочем, этим вечем руководил посадник, который обыкновенно присылался из старшего города. Формы, в которых выражалась политическая зависимость пригородов от старшего города, открываются в рассказе о том, как Псков сделался самостоя-

тельным городом. До половины XIV века он был пригородом Новгорода. В 1348 году по договору с Новгородом он стал независим от него, стал называться *младшим братом* его. По этому договору новгородцы отказались от права посылать в Псков посадника и вызывать псковичей в Новгород на суд гражданский и церковный. Значит, главный город назначал посадника в пригороды и в нем же сосредоточивался высший суд над пригорожанами. Впрочем, зависимость пригородов от Новгорода была всегда очень слаба: пригороды иногда отказывались принимать посадников, которых присылал главный город.

Классы новгородского общества. В составе новгородского общества надо различать классы городские и сельские. Население Новгорода Великого состояло из *бояр, житых людей, купцов и черных людей*.

Во главе новгородского общества стояло боярство. Оно составлялось из богатых и влиятельных новгородских фамилий, членов которых правившие Новгородом князья назначали на высшие должности по местному управлению. Занимая по назначению князя должности, которые в других областях давались княжеским боярам, и новгородская знать усвоила себе значение и звание бояр и удержала это звание и после, когда стала получать свои правительственные полномочия не от князя, а от местного веча.

Не так ясно выступает в новгородских памятниках вто-

рой класс *житых*, или *житых*, людей. Можно заметить, что этот класс стоял ближе к местному боярству, чем к низшим слоям населения. Житые люди были, по-видимому, капиталисты средней руки, не принадлежавшие к первостепенной правительственной знати. Класс торговцев называли *купцами*. Они уже стояли ближе к городскому простонародью, слабо отделялись от массы городских черных людей. Они работали с помощью боярских капиталов, либо кредитовались у бояр, либо вели их торговые дела в качестве приказчиков. *Черные люди* были мелкие ремесленники и рабочие, которые брали работу или деньги для работы у высших классов, бояр и житых людей. Таков состав общества в главном городе. Те же самые классы встречаем и в пригородах, по крайней мере – важнейших.

В глубине сельского общества, как и городского, видим *холопов*. Этот класс был очень многочислен в Новгородской земле, но незаметен в Пскове. Свободное крестьянское население в Новгородской земле состояло из двух разрядов: из *смердов*, обрабатывавших государственные земли Новгорода Великого, и *половников*, арендовавших земли частных владельцев. Название свое половники получили от обычного в Древней Руси условия поземельной аренды – обрабатывать землю *исполу*, из половины урожая. Впрочем, в Новгородской земле удельного времени половники снимали земли у частных владельцев и на более льготных условиях, из третьего или четвертого снопа. Половники находились в Нов-

городской земле в более приниженном состоянии сравнительно с вольными крестьянами в княжеской Руси, стояли в положении, близком к холопам. Эта приниженность выражалась в двух условиях, которые новгородцы вносили в договоры с князьями: 1) холопа и половника без господина не судить и 2) новгородских холопов и половников, бежавших в удел князя, выдавать обратно. В этом отношении Псковская земля резко отличалась от Новгородской. В первой *изорники*, как называли там крестьян, арендовавших частные земли, обыкновенно со ссудой, *покрытой*, были вольными хлебопашцами, которые пользовались правом перехода от одного владельца к другому. Там даже долговое обязательство не прикрепляло изорника к землевладельцу. По Русской Правде, закуп, бежавший от хозяина без расплаты, становился полным его холопом. По Псковской Правде, памятнику, получившему окончательный вид во второй половине XV века, изорник, убежавший от хозяина без расплаты, не наказывался лишением свободы, когда возвращался из бегов; хозяин мог только при участии местной власти продать покинутое беглецом имущество и, таким образом, вознаградить себя за невозвращенную ссуду. Если имущества беглеца не доставало на это, господин мог искать доплаты на изорнике, когда он возвращался. В подобных же отношениях к господам находились крестьяне и в княжеской Руси удельных веков. Значит, в вольной Новгородской земле сельское население, работавшее на господских землях, бы-

ло поставлено в большую зависимость от землевладельцев, чем где-либо в тогдашней Руси.

И. Билибин. Боярин

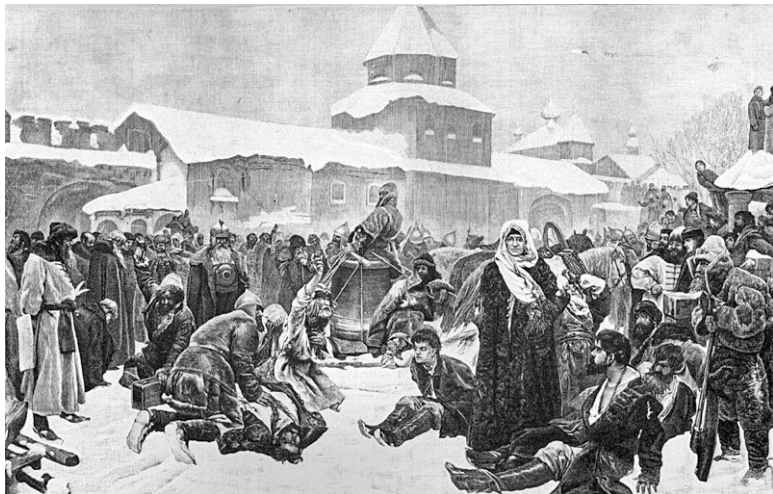
Другою особенностью новгородского, равно как и псковского землевладения, был класс крестьян-собственников, которого не встречаем в княжеской Руси, где все крестьяне работали либо на государственных, либо на частных господских землях. Этот класс назывался *земцами*, или *своеземцами*. Это были вообще мелкие землевладельцы. Своеземцы или сами обрабатывали свои земли, или сдавали их в аренду крестьянам-половникам. По роду занятий и размерам хозяйства своеземцы ничем не отличались от крестьян; но они владели своими землями на правах полной собственности. Этот сельский класс своеземцев образовался преимущественно из горожан. В Новгородской и Псковской землях право земельной собственности не было привилегией высшего служилого класса. Городские обыватели приобретали мелкие сельские участки в собственность не только для хлебопашества, но и с целью промышленной их эксплуатации, разводя лен, хмель и лесные борти, ловя рыбу и зверя. Таков был состав общества в Новгородской земле.

Политический быт Новгорода Великого. Формы политического быта в Новгороде, как и в Пскове, носили демократический характер. Все свободные обыватели имели равные голоса на вече, и свободные классы общества не различались резко политическими правами. Но торговля, слу-

жившая основой народного хозяйства в этих вольных городах, давала фактическое господство тем классам, которые обладали торговым капиталом, — боярам и жителям людям. Это господство торговой аристократии при демократических формах государственного устройства обнаружилось как в управлении, так и в политической жизни Новгорода, вызывая оживленную борьбу политических партий; но в разное время характер этой борьбы был не одинаков. В этом отношении внутреннюю политическую жизнь города можно разделить на два периода.

До XIV века в Новгороде часто сменялись князья, и эти князья соперничали друг с другом, принадлежа к враждебным княжеским линиям. Под влиянием этой частой смены князей в Новгороде образовались местные политические круги, которые стояли за разных князей и которыми руководили главы богатейших боярских фамилий города. Можно думать, что эти круги складывались под влиянием торговых связей боярских домов Новгорода с теми или другими русскими княжествами. Так, первый период в истории политической жизни Новгорода был ознаменован борьбой княжеских партий, точнее говоря, борьбой соперничавших друг с другом новгородских торговых домов.

С XIV в. прекращается частая смена князей на новгородском столе, вместе с этим изменяется и характер политической жизни Новгорода.

К. Лебедев. Уничтожение Новгородского вече

Со смерти Ярослава I до татарского нашествия новгородская летопись описывает до 12 смут в городе; из них только две не были связаны с княжескими сменами, т. е. не были вызваны борьбою местных политических кругов за того или другого князя. С татарского нашествия до вступления Иоанна III на великокняжеский стол в местной летописи описано более 20 смут; из них всего 4 связаны с княжескими сменами; все остальные имели совсем другой источник. Этим новым источником политической борьбы, открывающимся с XIV века, была социальная рознь – борьба низших бедных классов новгородского общества с высшими бо-

гатыми. Новгородское общество делится с тех пор на два враждебных лагеря, из которых в одном стояли *лучшие*, или *вячище*, люди, как называет новгородская летопись местную богатую знать, а в другом люди *молодшие*, или *меньшие*, т. е. чернь. Так с XIV в. борьба торговых фирм в Новгороде сменилась борьбою общественных классов. Эта новая борьба имела свой корень также в политическом и экономическом строе города. Резкое имущественное неравенство между гражданами – очень обычное явление в больших торговых городах, особенно с республиканскими формами устройства. В Новгороде это имущественное неравенство при политическом равноправии, при демократических формах устройства чувствовалось особенно резко, производило раздражающее действие на низшие классы. Это действие усиливалось еще тяжелой экономической зависимостью низшего рабочего населения от бояр-капиталистов. Благодаря этому в низших классах новгородского общества развился непримиримый антагонизм против высших. Во главе этих обеих социальных партий стояли богатые боярские фамилии, так что и молодшие люди в Новгороде действовали под руководством некоторых знатных боярских домов, которые становились во главе новгородского простонародья в борьбе со своею боярской братией.

Так новгородское боярство оставалось руководителем местной политической жизни во все продолжение истории вольного города. С течением времени все местное управле-

ние попало в руки немногих знатных домов. Из них новгородское вече выбирало посадников и тысяцких; их члены наполняли новгородский правительственный совет, который, собственно, и давал направление местной политической жизни.

Особенности экономического положения и политического быта Новгорода помогли укорениться в его строе важным недостаткам, подготовившим легкое падение его вольности во второй половине XV в. То были: 1) недостаток внутреннего общественного единения, рознь классов новгородского общества, 2) недостаток земского единства и правительственной централизации в Новгородской области, 3) экономическая зависимость от низовой княжеской Руси, т. е. центральной Великороссии, откуда получал хлеб Новгород с своей нехлебородной областью, и 4) слабость военного устройства торгового города, ополчение которого не могло стоять против княжеских полков.

Но во всех этих недостатках надобно видеть только условия легкости, с какою пал Новгород, а не причины самого его падения; Новгород пал бы, если бы даже был свободен от этих недостатков: судьба его вольности была решена не той или другой слабой стороной его строя, а более общей причиной, более широким и гнетущим историческим процессом. К половине XV в. образование великорусской народности уже завершилось: ей недоставало только политического единства. Эта народность должна была бороться

за свое существование на востоке, на юге и на западе. Она искала политического центра, около которого могла бы собрать свои силы для тяжелой борьбы. Таким центром сделалась Москва. Встреча удельных династических стремлений московских князей с политическими потребностями всего великорусского населения и решила участь не только Новгорода Великого, но и других самостоятельных политических миров, какие еще оставались на Руси к половине XV в. Уничтожение особенности земских частей было жертвой, которой требовало общее благо всей земли, и московский государь явился исполнителем этого требования. Новгород при лучшем политическом устройстве мог вести более упорную борьбу с Москвой, но результат этой борьбы был бы тот же. Новгород неминуемо пал бы под ударами Москвы.

Московское Государство (1462–1598)

Главные явления. Собрание Русской земли великими князьями московскими еще далеко не было доведено до конца, когда Иоанн III вступил на стол отца и деда. Иоанн III продолжал это дело своих предков, но уже не так, как вели его они. Теперь это собрание перестало быть делом захвата или частного хозяйственного соглашения московского князя с соседними князьями.

Теперь сами местные общества по различным побуждениям начали открыто тяготеть к Москве. Так, в Новгороде Великом на сторону Москвы стало простонародье по вражде к местной аристократии; напротив, в княжествах северной Руси к Москве тяготел высший служилый класс, соблазняясь выгодами московской службы; наконец, в русских княжествах черниговской линии, зависевших от Литвы, князья и общества присоединялись к Москве в борьбе с католической пропагандой, которая началась в западной Руси с XIV в. при содействии польско-литовского правительства. Благодаря этому тяготению местных обществ собрание Русской земли Москвой сделалось национально-религиозным движением и получило ускоренный ход. Достаточно краткого перечня территориальных приобретений, сделанных Иоанном III и его сыном Василием, чтобы видеть это. В 1463 г. все князья ярославские, великий с удельными, били Иоан-

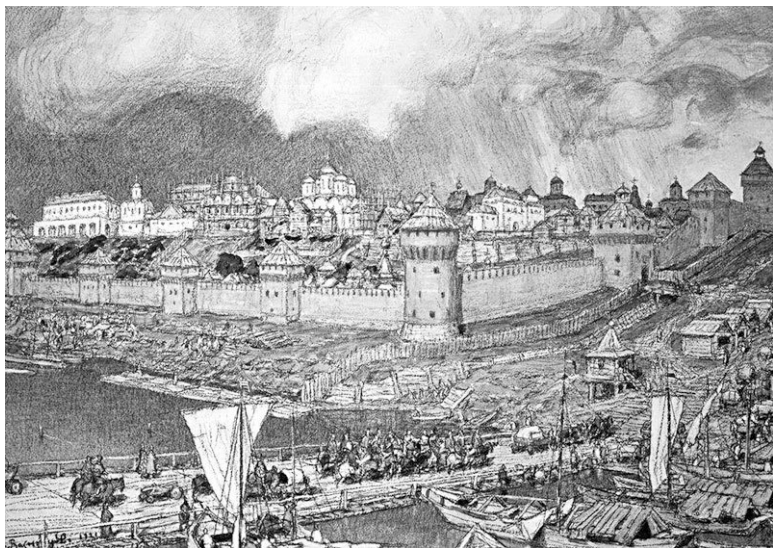
ну III челом о принятии их на московскую службу и отказались от своей самостоятельности. В 1470-х годах покорен был Новгород Великий с его обширной областью в северной Руси. В 1474 г. князья ростовские продали Москве остававшуюся за ними половину Ростовского княжества; другая половина еще раньше была куплена Москвой. Эта сделка сопровождалась вступлением ростовских князей в число московских бояр. В 1485 г. была завоевана Тверь, в 1489 г. – Вятка; в 1490-х гг. князья вяземские и целый ряд мелких князей черниговской линии, одоевские, новосильские, ворытские, белевские и мезецкие также поступили на московскую службу, признав себя подчиненными союзниками московского государя. В княжение Иоаннова преемника присоединены были к Москве в 1510 г. Псков с его областью, в 1514 г. Смоленская область, захваченная Литвой в начале XV в., в 1517 г. княжество Рязанское, в 1517–1523 гг. – княжества Стародубское и Новгород-Северское. Не будем перечислять территориальных приобретений, сделанных Москвою в царствование Иоанна IV за пределами тогдашней Великороссии. Довольно того, что было приобретено его отцом и дедом, чтобы видеть, насколько расширилась территория Московского княжества.

САНКТИ КИЗЪ

ЮЛ КАСНЕВЪ

Иван III. Портрет из Титулярника 1672 г.

А. Васнецов. Кремль при Иване III

Такова перемена, происшедшая в положении Московского княжества. Территориальное расширение оказало могущественное действие на политическое положение Московского княжества и его князя. Представив себе новые границы Московского княжества, созданные перечисленными территориальными приобретениями, легко видеть, что это княжество теперь вобрало в себя целую народность. В удельные века путем колонизации в центральной и северной Ру-

си сложилось новое племя в составе русского населения, образовалась народность великорусская. Но до половины XV в. эта народность оставалась лишь фактом этнографическим, а не политическим: она была разбита на несколько самостоятельных политических частей; единство национальное не выражалось в единстве государственном. Теперь вся эта народность соединилась под одной государственной властью. Это сообщило новый характер Московскому княжеству. До сих пор оно было одним из нескольких княжеств северной Руси; теперь оно осталось здесь единственным и потому стало национальным: его границы совпадали с пределами великорусской народности. Вот тот основной факт, от которого пошли все другие явления нашей истории XV и XVI веков. Можно так выразить этот факт: *завершение территориального собирания северо-восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство* и, таким образом, сообщило великому князю московскому значение национального великорусского государя. Из этого факта и вышел ряд важных политических последствий.

Значение государя. Важнейшим из этих следствий было новое значение, какое усвоил себе московский великий князь, став государем объединенной Великороссии. Под влиянием удельного раздробления Руси в русских умах удельных веков померкла мысль о *национальном* и *поли-*

тическом единстве Русской земли. Теперь, когда вся Великая Россия объединяется под одной властью, эта забытая мысль о единстве Русской земли воскресает. Любопытно, что эта мысль вырабатывается прежде всего в московской правительственной среде путем внешних сношений и столкновений и уж отсюда проникает в общество. Первой провозвестницей этой мысли является московская дипломатия Иоаннова времени. В переговорах с зятем своим великим князем литовским Александром Иоанн III настойчиво повторял: «Русская земля от наших предков из старины наша отчина; вся Русская земля Божиею волею наша отчина». Итак, вся Русская земля, а не одна только великорусская половина ее объявлена была вотчиной московского государя. Эта мысль о единстве Русской земли из исторического воспоминания теперь превращается в политическое притязание, которое Москва и спешила заявить как свое неотъемлемое право.

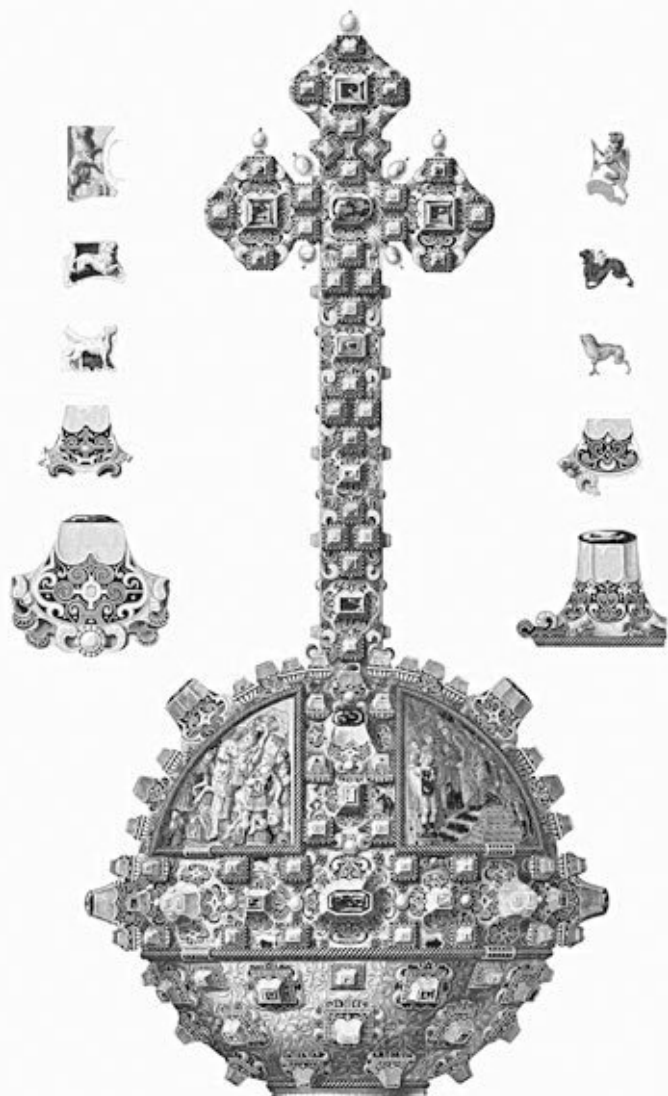
А. Кившенко. Иван III разрывает ханскую грамоту и басму перед татарскими послами

Вместе с расширением пространства действия московский государь начал усваивать своей власти и *более высокое значение*, чему много помог брак Иоанна с племянницей последнего византийского императора Софьей Палеолог. В московских дипломатических бумагах с этого времени является новый титул московского государя, в котором отразился его взгляд на свою власть и свое значение. В этом титуле выразились две основные политические идеи, усвоенные московским государем: мысль о московском государе как о национальном властителе всей Русской земли

и мысль о нем как о политическом и церковном преемнике византийских императоров. В сношениях с польско-литовским двором великий князь московский теперь впервые отважился показать европейскому политическому миру притязательный титул *государя всея Руси*, прежде употреблявшийся лишь в актах внутреннего управления. После того как пала Византия и свергнуто было иго татарское, в сношениях с неважными иностранными дворами появляется титул *царя*: так Русские звали прежде византийского императора и хана Золотой Орды. Этот термин в актах внутреннего управления обыкновенно соединялся со сходным с ним по значению титулом *самодержца*. Оба титула выражали тогда понятие о государе независимом, никому не платящем дани. Почувствовав себя и по политическому могуществу, и по православному христианству преемником павших византийских императоров, московский государь нашел и наглядное выражение своей династической связи с ними: с конца XV в. на его печатях появляется византийский герб – двуглавый орел.

В новом титуле сказались успехи *политического сознания* московского государя. Успехи эти повели к попытке вникнуть в самую сущность верховной власти и в ее происхождение. Почувствовав себя в новом положении, московский государь нашел недостаточным прежний источник своей власти, каким служила *отчина* и *дедина*, т. е. преемство от отца и деда. Теперь он ставил свою власть на бо-

лее возвышенное основание, усвояя ей божественное происхождение; Иоанн III писался в актах *государем Божию милостию*. Уяснив себе высокое происхождение своей власти, Иоанн завел и новый государственный обряд, в котором всего нагляднее обнаружались успехи политического сознания московского государя. Предшественники Иоанна, великие князья московские, просто садились на стол отцов и дедов. Иоанн III нашел это недостаточным и установил обычай венчать преемника на царство торжественным церковным обрядом. У Иоанна III от первой жены был сын Иоанн, который умер раньше отца. После него остался сын Дмитрий. Этого внука Иоанн и назначил своим преемником помимо своего сына от второй жены, Софьи, – Василия. Венчание происходило в Успенском соборе в 1498 г. Великий князь дед возложил на великого князя внука шапку и бармы Мономаха. Во время венчания митрополит, обращаясь к деду, называл его преславным царем-самодержцем. После Иоанн разжаловал внука и назначил преемником своего сына Василия, который по смерти отца повторил над собой торжественный обряд венчания.

Ф. Солнцев. Держава Мономахова

Новое значение верховной власти московского государя, постепенно уясняясь, отразилось не только на придворном церемониале, но и на *государственном праве*. Иоанн в своей духовной дал старшему своему наследнику великому князю Василию важные политические преимущества над младшими удельными братьями. В этом отношении духовная Иоанна есть первый акт в истории нашего государственного права. Политические преимущества старшего сына были таковы: 1) до сих пор все князья-сонаследники совместно по участкам владели городом Москвой; Иоанн III предоставил финансовое управление всей столицей, сбор доходов с нее одному великому князю, равно как ему же принадлежал и суд по важнейшим уголовным делам во всем городе Москве и в подмосковных селах, доставшихся в удел его младшим братьям; 2) до сих пор все князья, великий и удельные, били свою монету; по духовной Иоанна III право чеканить монету предоставлено было одному великому князю московскому; 3) до сих пор удельные князья могли располагать своими вотчинами в завещаниях по личному усмотрению; по духовной Иоанна III удельный князь, умирая бессыновным, не мог никому завещать свой удел, который в таком случае переходил к великому князю; наконец, 4) по договорным грамотам с своими удельными братьями Иоанн III присвоил одному себе право вести сношение с иноземными

государствами; удельный князь мог сноситься с чужими государями только с ведома и согласия своего великого князя. Так, московский князь, превосходивший прежде удельных князей только размерами своих владений, теперь сосредоточивал в своем лице и наибольшее количество политических прав. Преемник Иоанна III великий князь Василий был в истории Московского государства первым государем в настоящем политическом смысле этого слова.

Таковы были практические последствия, вышедшие из нового взгляда верховной власти на свое значение при Иоанне III и его сыне. В дальнейшем своем развитии этот взгляд повел к попытке уничтожить самый удельный порядок. Иоанн IV в духовной 1572 г., назначив своим преемником старшего сына Иоанна, отказал ему все царство русское и при этом выделил удел и второму сыну своему Феодору; но этот удел не становился особым самостоятельным владением, его владетель не получал значения самостоятельного государя, а во всем подчинен был царю, и самый удел его оставался под верховною властью старшего брата как единственного государя: «А удел сына моего Феодора, – читаем в духовной, – ему ж (Иоанну) к великому государству», т. е. этот удел составлял нераздельную часть единого русского царства. В этой духовной Иоанна IV впервые в истории нашего государственного права решительно было выражено понятие об удельном князе как о простом слуге князя великого.

Состав московского боярства и отношения его к государю. Территориальное расширение Московского княжества глубоко изменило положение и взаимные отношения классов объединенного теперь великорусского общества, и прежде всего состав и настроение его верхнего слоя, боярства, а перемена в составе и настроении последнего изменила его отношение к государю.

Чтобы понять эту перемену, надо припомнить положение московского боярства в удельные века. Уже в удельное время Москва привлекла к себе многочисленное и блестящее боярство, какого не было ни при каком другом княжеском дворе северной Руси. С конца XIII столетия на берега Москвы стекаются со всех сторон знатные слуги, и из соседних северных княжеств, и с далекого русского юга, из Чернигова, Киева, даже с Волыни, и из-за границы, с немецкого запада и татарского юго-востока, из Крыма и даже Золотой Орды. Благодаря этому приливу уже к половине XV в. великий князь московский был окружен плотной стеной знатных боярских фамилий, которых можно насчитать до четырех десятков. Главнейшими из них были *Кошкины, Морозовы, Челяднины, Вельяминовы, Воронцовы, Ховрины, Головины, Сабуровы* и друг. В своих отношениях к великому князю это боярство сохранило тот же характер случайных вольных советников по договору, какими были бояре при князьях XII в.

С половины XV столетия состав этого боярства изменяется: в него вошло тогда более 150 новых фамилий. По происхождению своему это боярство было очень пестро. Эти новые фамилии большею частью были титулованные, княжеские, которые шли от великих и удельных русских князей, вступивших на службу к московскому государю. Московское боярство в своем новом составе образовало длинную иерархическую лестницу, на которой боярские фамилии разместились по своему служебному достоинству, определявшемуся главным образом их происхождением. Верхний слой образовали потомки бывших великих князей русских и литовских, князья *Пенковы* – ярославские, *Шуйские* – суздальские, старшие из *Ростовских*, *Патрикеевы* – Гедеминовичи, от которых шли князья *Голицыны* и *Куракины*. Из старинного нетитулованного боярства Москвы в этом слое удержались одни *Захарыны*, ветвь старого московского боярского рода Кошкиных. Второй слой составил из потомков значительнейших удельных князей, каковы были князья *Воротынские*, *Одоевские*, *Оболенские*, *Пронские*. К ним примкнули и знатнейшие фамилии старинного московского боярства, *Вельяминовы*, *Бутурлины*, *Челяднины* и др.

В новом своем составе московское боярство стало проникаться и новым политическим настроением. Первостепенная знать, ставшая во главе этого боярства, шла от бывших великих и удельных князей. Новое титулованное боярство заняло все высшие должности в московском управлении, ко-

мандовало московскими полками, правило областями Московского государства. Очень часто бывший удельный князь продолжал править своим уделом в качестве московского наместника. Все это помогло потомкам князей удельных и великих, новым титулованным московским боярам, усвоить взгляд на себя, какого не имели старинные нетитулованные московские бояре. Среди титулованного боярства XVI века утвердился взгляд на свое правительственное значение не как на пожалование московского государя, а как на свое наследственное право, полученное от предков независимо от этого государя. Этот новый взгляд не остался только политическим притязанием, но облекся в стройную систему служебных отношений, известную под названием *местничества*.

Местничество. Этот термин произошел от слова *место* в смысле служебной должности; такое значение сохраняет это слово и доселе: *лишиться места* – потерять должность. Московское местничество состояло в том, что по требованию обычая, установившегося в московском управлении XV и XVI вв., назначение родовитых служилых людей на службу должно было соотноситься с родственным старшинством назначаемых лиц, если они были родичи, или со службой их предков, если они были члены разных родов, чужеродцы. Родственное старшинство определялось по **родословным** книгам, поколенным росписям знатных служилых ро-

дов, а служба предков – по книгам *разрядным*, погодным росписям высших служебных назначений. Определяемое таким образом служебное отношение знатного человека к родичам и чужеродцам называлось его местническим *отечеством*, а определяемое этим его отношением к чужеродцам положение его рода среди других знатных родов составляло его родовую *честь*, служебное достоинство его рода. Если кто-либо из знатных людей, назначенных служить вместе, по одному ведомству, с отношениями старшинства и подчинения, находил, что он понижен, а другой повышен перед другими сослуживцами не по своему отечеству, он протестовал, бил челом государю о бесчестии, о порухе своей родовой чести, а если принимал назначение, то за него протестовали его родичи, потому что служебное повышение или понижение по службе одного члена рода при тогдашней родовой солидарности повышало или понижало целый род перед другими. Местами считались за государевым столом и в разных придворных церемониях, равно и при назначении воеводами полков и городов, между которыми также наблюдалось отношение старшинства, сравнительного достоинства. Местничество, насколько оно допускалось правительством, конечно, служило важной опорой политического положения боярства, доставляя в спокойные времена решительное преобладание в высшем управлении знатнейшим боярским фамилиям. Но оно же мешало боярству сплотиться в дружный и стойкий политический класс, разрознивая его, подавляя

в нем сословные интересы фамильными счетами, и делало его неспособным отстаивать себя при исключительных обстоятельствах, подобных временам опричнины и самозванщины.

Перемена в составе и настроении московского боярства изменила его *отношение* к московскому государю. В удельные века боярин шел на службу в Москву, ища здесь служебных выгод, которые росли для московского служилого человека вместе с успехами московского государя. Это устанавливало единство интересов между обеими сторонами. Вот почему московские бояре XIV века дружно помогали своему государю в его внешних делах и усердно содействовали ему во внутреннем управлении.

Эти добрые отношения стали расстраиваться с половины XV в. Новые титулованные бояре шли в Москву не за новыми служебными выгодами, а большей частью с горьким чувством сожаления об утраченных выгодах удельной самостоятельности. Интересы и чувства обеих сторон разошлись далеко, хотя шли из одного источника. Политические обстоятельства, с одной стороны, поставили московского князя на высоту национального государя с широкой властью, с другой – навязали ему правительственный класс с широкими политическими притязаниями и стеснительной для верховной власти сословной организацией. Таким образом, одни и те же исторические обстоятельства разрушили единство интересов между обеими политическими силами, а разъеди-

нение интересов расстроило гармонию их взаимных отношений. Отсюда и вышел ряд столкновений между московским государем и его боярами. Эти столкновения с особенной силой обнаруживались два раза, и каждый раз по одинаковому поводу – по вопросу о престолонаследии. Иоанн III, как мы знаем, сперва назначил своим наследником внука Дмитрия, венчал его на великое княжение, а потом развенчал, назначив преемником сына своего от второй жены Василия. Боярство в этом семейном столкновении стало за внука и противодействовало сыну из нелюбви к его матери и принесенным ею византийским политическим понятиям и внушениям. Столкновение доходило до сильного раздражения с обеих сторон, вызвало ссоры при дворе, резкие выходки со стороны бояр, кажется, даже крамолу, заговор, по крайней мере, сын Василия царь Иоанн после жаловался, что бояре на его отца вместе с племянником последнего Дмитрием «многие пагубные смерти умышляли», даже самому государю деду «многие поносные и укоризненные слова говорили». Но как и из-за чего шло дело и в чем состояла боярская крамола, это остается неясным; только через год (1499 г.) после венчания Дмитрия пострадали знатнейшие московские бояре за свое противодействие Василию: князю Семену Ряполовскому-Стародубскому отрубили голову, а его друзей князя Ивана Патрикеева с сыном Василием, знаменитым впоследствии старцем Вассианом Косым, насильно постригли в монашество. Та же глухая вражда продол-

жалась и при Иоанновом преемнике Василии. Этот великий князь с недоверием относился к боярам, как государь, которого они не хотели видеть на престоле. И на этот раз вражда обнаружилась лишь в опалах, постигших некоторых знатных людей. Так, Берсению Беклемишеву отрезали язык за непригожие речи о великом князе и его матери. Но с особенной силой вражда возобновилась в царствование Грозного, и опять по тому же поводу – по вопросу о престолонаследии. В 1553 г., вскоре после завоевания Казанского царства, Иоанн опасно занемог и велел боярам присягнуть новорожденному своему сыну царевичу Димитрию. Многие первостепенные бояре отказались от присяги или принесли ее неохотно, говоря, что не хотят служить «малому мимо старого», т. е. хотят служить двоюродному брату царя, удельному князю Владимиру Андреевичу Старицкому. Пробужденное этим столкновением раздражение царя против бояр через несколько лет произвело полный разрыв между обеими сторонами, сопровождавшийся жестокими опалами и казнями, которым подверглось боярство.

Василий III Иванович. Портрет из Титулярника

1672 г.

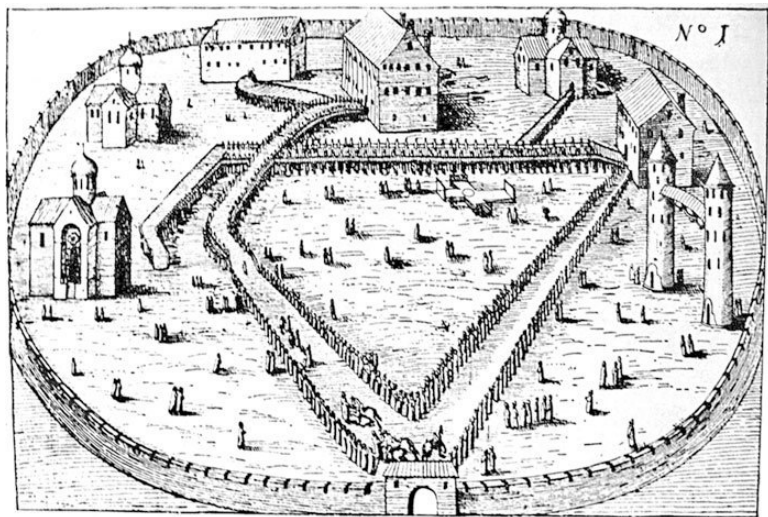
Иван Грозный. Портрет из Титулярника 1672 г.

Но во всех этих столкновениях в продолжение трех царствований побуждения, руководившие боровавшимися сторонами, остаются неясны, не высказываются прямо ни той ни другой стороной. С наибольшею откровенностью эти побуждения высказаны в переписке царя Иоанна Грозного с бежавшим в Литву в 1564 г. боярином кн. Курбским и в написанной последним обвинительной истории этого царя. Курбский нападал на новый порядок, заведенный в Московском государстве, видя в нем дело насилия и хищничества московских государей, губивших своих родичей, удельных князей. Кн. Курбский считает правильным лишь такой государственный порядок, который основан не на личном усмотрении самовластия, а на участии «синклита», бояр в управлении. Впрочем, государь должен делиться властью не с одними боярами: Курбский допускает и участие народа в управлении, признает пользу и необходимость земского собора. Итак, Курбский стоит за правительственное значение боярского совета и за участие земского собора в управлении. Но и правительственное значение боярского совета, и участие земского собора были в то время уже не политическими мечтами, а политическими фактами, первое – фактом очень старым, а второе – явлением недавним: первый земский собор был созван в 1550 году. Значит, кн. Курбский отстаивает существующие факты, не требует ни новых прав для бояр, ни новых обеспечений для их старых прав. Про-

тивная ему сторона не отличалась большей ясностью своих мыслей. Все политические идеалы царя Иоанна сводятся к одной идее – к мысли о самодержавной власти. Самодержавие для Иоанна не только нормальный, свыше установленный государственный порядок, но и исконный факт нашей истории, идущий из глубины веков. «Самодержавства нашего начало от св. Владимира», – писал царь. Этой самодержавной власти Иоанн дает божественное происхождение и указывает не только политическое, но и высокое религиозно-нравственное назначение, которое состоит в том, чтобы охранять народ от раздоров и междоусобий и вести его к истинному богопознанию. Но против самодержавия, как его понимали в Москве, не восставало и боярство. Бояре признавали самодержавную власть московского государя, как ее создала история: они только настаивали на необходимости и пользе участия в управлении другой политической силы, созданной той же историей, – боярства и даже призывали на помощь этим двум силам третью – земское представительство. Таким образом, обе стороны отстаивали существующее, и борьба между ними является лишенной достаточной причины. Обе стороны, кажется, не могли ни удержаться от этой борьбы, ни объяснить себе ее причины, сказать, из-за чего они борются.

Опричнина. Таким характером борьбы обеих сторон объясняется происхождение и значение *опричнины*, которую

учредил царь Иоанн, чтобы разрешить свой спор с боярами и оборониться от их козней. Вскоре после бегства кн. Курбского в 1564 г. царь неожиданно уехал из Москвы в Александровскую слободу, как будто отрекшись от престола.

Общий вид Александровской слободы

По челобитью духовенства, бояр и всяких людей царь согласился воротиться на царство, но с условием учредить *опричнину* для расправы с изменниками и ослушниками. Это был особый двор, какой образовал себе царь, с особыми боярами, дворецким, казначеями и прочими управителями, дьяками, всякими приказными и дворовыми людьми,

с целым придворным штатом. Летописец усиленно ударяет на это выражение «особый двор», на то, что царь приговорил все на этом дворе «учинити себе особно». Из служилых людей он отобрал в опричнину 1000 человек, которым в столице на посаде за стенами Белого города, за линией нынешних бульваров, отведены были улицы с несколькими слободами; прежние обыватели этих улиц и слобод из служилых и приказных людей были выселены из своих домов в другие улицы московского посада. На содержание этого двора, «на свой обиход» и своих детей, царевича Ивана и Феодора, он выделил из своего государства до 20 городов с уездами и несколько отдельных волостей, в которых земли розданы были опричникам, а прежние землевладельцы выведены были из своих вотчин и поместий и получили земли в неопричных уездах. До 12.000 этих выселенцев зимой с семьями шли пешком из отнятых у них усадеб на отдаленные пустые поместья, им отведенные. Эта выделенная из государства опричная часть не была цельная область, сплошная территория составила из сел, волостей и городов, даже только частей иных городов, рассеянных там и сям, преимущественно в центральных и северных уездах (Вязьма, Козельск, Каргополь и др.). «Государство же свое Московское», т. е. всю остальную землю, подвластную московскому государю, с ее воинством, судом и управой, царь приказал ведать и всякие дела земские делать боярам, которым велел быть «в земских», и эта половина государства получила название *земщи-*

ны. Все центральные правительственные учреждения, оставшиеся в земщине, *приказы*, должны были действовать по-прежнему, «управу чинить по старине», обращаясь по всяким важным земским делам в думу земских бояр, которая правила земщиной, докладывая государю только о военных и важнейших земских делах. Так все государство разделилось на две части – на земщину и опричнину: во главе первой осталась боярская дума, во главе второй непосредственно стал сам царь, не отказываясь и от верховного руководства думой земских бояр. Опричнина при первом взгляде на нее представляется учреждением, лишенным всякого политического смысла. В самом деле, объявив всех бояр изменниками, царь оставил управление землей в руках этих изменников. Но происхождение опричнины находится в тесной связи с тем политическим столкновением, которым она была вызвана. Термин *опричнина* заимствован из удельного времени: в княжеских грамотах XIV века опричниками назывались уделы княгинь-вдов. Опричнина царя Иоанна была как бы особым уделом, который он выделил себе из состава государства, – из *земщины*. Но этому учреждению он указал небывалую прежде задачу, которая состояла в том, чтобы истреблять крамолу, гнездившуюся в Русской земле, преимущественно в боярской среде. Таким образом, опричнина получила значение высшей полиции по делам государственной измены. Отряд в тысячу человек служилых людей, зачисленный в опричнину и потом увеличенный до шести тысяч, ста-

новился корпусом дозорщиков внутренней крамолы. Таково было происхождение и назначение опричнины. Но она не отвечала на политический вопрос, которым была вызвана, не разрешала спора московского государя с его боярством. Спор возбужден был одним противоречием в политическом строе Московского государства. Это государство в XVI веке стало самодержавной монархией, но с аристократическим управлением, во главе которого стояло родовитое и притязательное боярство. Значит, характер новой власти московского государя не соответствовал свойству правительственных органов, посредством которых она должна была действовать. Обе стороны тогда почувствовали себя в неловком положении и не знали, как из него выйти. Затруднение заключалось в неудобном для государя политическом положении бояр как правительственного класса, его стеснявшего. Поэтому выйти из затруднения можно было двумя путями: надобно было или устранить боярство как правительственный класс и заменить его другими, более гибкими и послушными орудиями, или привлечь к престолу наиболее надежных людей из боярства и с ними править, как уже и правил Иоанн в начале своего царствования. Царь и думал и о том, и о другом; но одного он не мог сделать, а другого не сумел или не захотел. Он не мог скоро создать другой правительственный класс, достаточно привычный и способный к управлению. Во всяком случае, избирая тот или другой выход, предстояло действовать против политического положения целого клас-

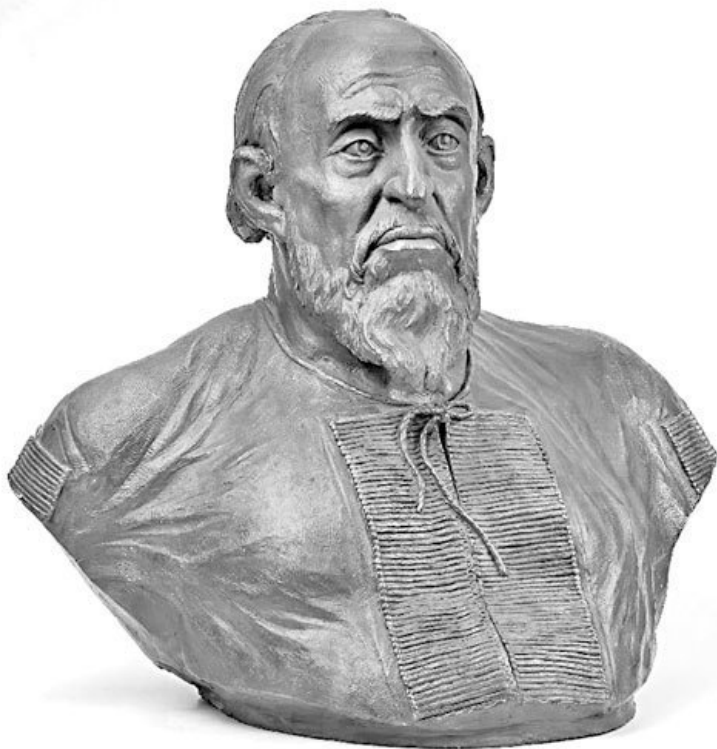
са, а не против отдельных лиц. Иоанн поступил наоборот: заподозрив все боярство в измене, он бросился на заподозренных, вырывая их поодиночке, но оставил класс во главе земского управления. Не имея возможности сокрушить неудобный для него порядок управления, он стал истреблять отдельные ненавистные ему лица. В этом и состояла политическая бесцельность опричнины: вызванная столкновением, причиной которого был порядок, а не лица, она была направлена против лиц, а не против порядка. В этом смысле и можно сказать, что опричнина не отвечала на вопрос, которым была вызвана.

Н. Неврев. Опричники

Суждения о характере царя Иоанна и о значении его царствования. Царь Иоанн своим характером и деятельностью произвел на современников двойственное впечатление. Они никак не умели согласить смелых и обдуманых его начинаний в первую половину царствования с несообразными предприятиями и жестокостями времен опричнины. Это впечатление оказало влияние и на суждение Карамзина об Иоанне Грозном. Историографу всего более поразили резкие противоречия, совмещавшиеся в царе, и он признается, что не понимает Иоанна, что характер его есть загадка для ума. Он видит в этом характере непостижимую смесь добра и зла, прекрасных стремлений и гнусных инстинктов, превосходных качеств с отвратительным их употреблением. Отличные его способности были раболепными слугами гнуснейших пороков; его самообладание было только орудием его лицемерия, сознание высоты своей власти выражалось в капризном исступлении против людей, обыгрывавших царя в шашки, или против персидского слона, не исполнившего его приказа стать на колена. Иоанн двоятся в глазах Карамзина; было два царя Иоанна: один, царствовавший до 1560 г., герой добродетели, другой – неистовый кровопийца, свирепствовавший с 1560 г. Такой взгляд на исторического деятеля отразился и на общей оценке его деятельности, сделанной историографом. Карамзин признает за Иоанном много правительственных доблестей, делови-

тость, веротерпимость, любовь к просвещению, талант законодателя и государственного организатора. Тем не менее царствование Иоанна, одно из прекраснейших по его началу, историограф ставит по его конечным результатам наряду с монгольским игом и бедствиями удельного времени.

Иван Грозный. Реконструкция М. М. Герасимова

Своеобразный взгляд на Иоанна высказал Погодин (в 1828 г.). Грозный – громкое ничтожество. Мнение Карамзина о величии этого царя, проявленном в деяниях первой половины его царствования, Погодин считает историческим предрассудком. Слава этих деяний принадлежит не царю, а партии бояр, руководимой священником Сильвестром и управлявшей государством; сам царь был лицом совершенно страдательным, не принимал никакого участия в управлении, а когда он вышел из-под опеки мудрых советников и начал действовать самостоятельно, то не сделал ничего замечательного. Мысль о зависимости царя от Сильвестра и его сторонников Погодин доказывает теми местами из писем Иоанна к кн. Курбскому, где он сам жалуется на самовластие своих советников и на свое унижение ими, на то, что они сняли с него всю власть и сами государились, а он был государем только по имени, ничем не владея на самом деле. Но Иоанн, очевидно, преувеличивал это самовластие Сильвестра и его партии, изображая себя жалкой, беспомощной их жертвой, чтобы придать тем более тяжести обвинению их в захвате не принадлежавшей им власти. Значит, полемический прием одного из борцов Погодин принял за историческое свидетельство современника, наблюдателя борьбы, из напраслины, взведенной на себя царем для самозащиты, сделал его характеристику.

У Соловьева в объяснении характера и образа действий Иоанна на первом плане поставлена борьба старого с новым, борьба нового государственного порядка, установленного отцом и дедом царя, с удельными преданиями, хранителями которых были бояре. Эта борьба с своими последствиями вредно подействовала на ум Иоанна и испортила его сердце.

Раздоры, своеволие и своекорыстие бояр в малолетство Иоанна, их враждебное отношение к его отцу и обращение с ним самим, то грубое и пренебрежительное, то раболепное и льстивое, с одной стороны, рано пробудили в его уме усиленную мысль о своей власти как средстве обороны от врагов, сообщили ему ускоренное развитие и, как следствие этого, излишнюю восприимчивость, а с другой – воспитали в нем два чувства – презрение к ласкателям и ненависть к врагам, строптивым вельможам, незаконно похитившим его права, приучили его не уважать жизни человека и человеческого достоинства, употреблять меры жестокие и кровавые, пренебрегать средствами духовными, нравственными. Потому Иоанн представляется Соловьеву не столько тираном своих врагов, сколько жертвой борьбы с ними. «Своекорыстием, презрением общего блага, жизни и чести ближнего сеяли Шуйские с товарищами: вырос Грозный».

Военное устройство Московского государства. Главную вооруженную силу Московского государства составлял

военно-служилый класс, в состав которого входило и боярство, как его верхний и руководящий слой. Этот класс составил из очень разнородных элементов. Зерно его образовали потомки бояр и служилых людей, служивших при московском княжеском дворе удельных веков. С половины XV ст. к этому основному элементу присоединились владельцы княжеств, вошедших в состав Московского государства, с их боярами и служилыми людьми. Неслужилое тяглое общество вместе с духовенством также внесло свой вклад в состав военно-служилого класса, проникая в него различными путями. С половины XV в. устанавливается правило, что все землевладельцы должны нести по земле воинскую повинность. Завоевая вольные города Новгород, Вятку, Псков, московское правительство находило там горожан-землевладельцев, которых по земле верстало в службу. Таким образом, значительное количество бывших горожан-землевладельцев Новгорода, Пскова, Вятки попало в состав военно-служилого московского класса. С усложнением приказной администрации и письменного канцелярского делопроизводства размножился и класс дьяков с подьячими, которых набирали преимущественно из грамотных детей духовенства и тяглых горожан. Еще кн. Курбский писал, что большинство дьяков его времени вышло «из поповичей и простого всенародства». Эти дьяки с подьячими получали за свою приказную службу в награду или приобретали сами поместья и вотчины и по земле обязаны были отбывать рат-

ную повинность. Дети их часто уже не сидели в канцеляриях, а с вотчин и поместий своих несли ратную службу. Наконец, нуждаясь в ратных людях для внешней обороны, московское правительство на время похода прямо вербовало их из крестьян и даже холопов. Многие из них за свою ратную службу освобождались из крестьянства и из холопства, получали от правительства мелкие поместья и таким образом становились военно-служилыми людьми. Сверх того, и теперь не прекращается прилив ратных слуг из-за границы, из Литвы, Польши, Германии, из татарских орд. Московское правительство иногда целыми массами принимало этих приезжих слуг. Пестрота составных элементов класса отразилась и на его служебной организации. Различные слои его к концу XVI в. составили служебную иерархию, по ступеням которой размещались служилые люди, образовав несколько разрядов, или *чинов*. Вот их перечень, начиная сверху: 1) *чины думные* – бояре, *окольничие*, *думные дворяне*; 2) *чины московские*, *столичные* – *стольники*, *стряпчие*, *дворяне московские*, *жильцы*; 3) *чины городовые*, *провинциальные* – *дворяне* и *дети боярские*. Эти чины приобретались не только службой, но и происхождением, т. е. в значительной степени были наследственными. Человек знатного боярского рода обыкновенно начинал службу свою в чине московского дворянина или даже стольника и постепенно поднимался выше – до боярства. Незнатный провинциальный дворянин мог дослужиться до чина жильца или московского дворянина,

но чрезвычайно редко поднимался выше.

К. Маковский. Смерть Ивана Грозного

Набор этого многочисленного военно-служилого класса вызывался военным положением Московского государства. Новые его границы поставили его в непосредственное соседство с иноплеменными врагами Руси, Шведами, Поляками, Татарами. При частых войнах с Шведами и Поляками шла непрерывная борьба с Татарами крымскими, казанскими, Ногаями и другими восточными инородцами. Татары крымские обыкновенно нападали на пределы Московского государства раз или дважды в год, чаще во время жатвы. Для обороны государства от этих нападений служилые люди

пограничных южных и ближайших к ним центральных уездов, числом до 60.000 и более конных ратников ежегодно раннею весною собирались по южной границе и соединялись в *полки* (корпуса) под Серпуховом, Калугой, Каширой, Коломной, откуда направлялись в степь навстречу Татарам, если получали вести об их движении в пределы Московского государства. Эти постоянные опасности и вызывали потребность в многочисленной вооруженной силе, которая создана была к концу XVI в. Она составилась из конных ратников, дворян и детей боярских, числом около 100.000, и из пеших полков стрелецких казачьих и наемных иноземцев, числом не менее тысяч 25. По мере того как эта боевая масса набиралась, возникал и все настоятельнее требовал разрешения вопрос, как содержать эту многочисленную вооруженную массу. Для содержания вооруженной силы создан был особый вид землевладения, известный в истории русского права под именем *поместной системы*.

Поместная система. Поместной системой называется порядок служилого землевладения, установившийся в Московском государстве XV и XVI вв. В основании этого порядка лежало *поместье*. Поместьем в московской Руси назывался участок казенной, государственной земли, данный государем в личное владение служилому человеку под условием службы, т. е. как награда за службу и вместе как средство для службы. Подобно самой службе это владение бы-

ло временным, обыкновенно пожизненным. Условным, личным и временным характером своим поместное владение отличалось от *вотчины*, составлявшей полную и наследственную собственность своего владельца.

Поместное владение стало складываться в стройную и сложную систему с княжения Иоанна III. Тогда начали вырабатываться точные правила раздачи казенных земель в поместное владение служилым людям. Эти правила стали необходимы при усиленном наборе служилых людей и при усиленной раздаче им казенных земель в местное владение. В XVI в. служилые люди иногда испомещались целыми массами. Наиболее известный случай такого испомещения относится к 1550 году. Для разных служб при дворе правительство тогда набрало из разных уездов 1000 служилых людей, городских дворян и детей боярских. Служилым людям, которых служба привязывала к столице, нужны были для хозяйственных потребностей подмосковные вотчины или поместья. Тысяче набранных по уездам для столичной службы служилых людей правительство и роздало поместья в Московском и ближайших уездах, присоединив к этой массе несколько высших чинов, бояр и окольничих, у которых не было подмосковных вотчин и поместий. Всего 1078 служилым людям разных чинов в том году роздано было зараз 176.775 десятин пахотной земли.

П. Шамиин. Вступление Иоанна IV в Казань

Вскоре после завоевания Казани правительство привело в порядок поместное владение и поземельную службу, составило списки служилых людей с разделением их на разряды по качеству вооружения, также по размерам вотчинного и поместного владения и по окладам денежного жалованья, какое получали служилые люди в прибавку к поземельным своим доходам. С этого времени поместное владение и является стройной и сложной *системой*, основанной на точно определенных и постоянных правилах. Вот главные черты этой системы.

Поземельным устройством служилых людей заведовало особое центральное учреждение – *Поместный приказ*, как приказ *Разрядный* заведовал их служебными делами. Служилые люди владели землей по месту службы, как и служили по месту, где владели землей. Служба привязывала служилых людей либо к столице, либо к известной области. Поэтому и служилые люди разделялись на два разряда: к первому принадлежали московские чины вместе с думными, ко второму – чины уездные или городовые дворяне и дети боярские. Московские чины, кроме поместий и вотчин в дальних уездах, имели по закону еще подмосковные поместья или вотчины. Уездные дворяне и дети боярские получали поместья там, где служили, т. е. где должны были защищать государство, образуя местную землевладельческую милицию. Служебные обязанности служилого человека падали не только на его поместье, но и на вотчину. В половине XVI века была определена точно самая норма службы с земли, т. е. количество ратной повинности, падавшей на служилого человека по его земле. По закону, состоявшему в царствование Грозного, в 1550-х годах, с каждых 100 четей доброй пахотной земли в одном поле, т. е. с 150 десятин в трех полях, должен являться в поход один ратник «на коне и в доспехе полном», по выражению указа, а в дальний поход с двумя конями. Землевладельцы, имевшие вотчины или поместья, заключавшие более 100 четей земли, соответственно этому выводили с собою или выставляли в по-

ход, если не могли идти сами, известное количество вооруженных дворовых людей. Поместные оклады были чрезвычайно разнообразны, смотря по чинам и по службе. Притом обыкновенно давали не весь оклад сразу, а только часть его, делая потом прибавки по службе. Поэтому *оклады* отличались от *дач*. Люди высших чинов, бояре, окольные и думные дворяне, получали поместья по 1000 четей и более; провинциальные дворяне и дети боярские получали оклады от 100 четей до 300; впрочем, бывали оклады больше и меньше этого. С поместным окладом соединялся денежный в известной, впрочем, изменявшейся, пропорции. Приказный человек половины XVII века Котошихин говорит, что денежный оклад назначался по 1 рублю на каждые 5 четей в одном поле, т. е. 7 десятин поместного оклада. Впрочем, эта пропорция часто нарушалась. Притом денежные оклады выдавались обыкновенно только перед большими походами или чрез известное количество лет, например через два года в третий. Помещики, служившие с поместий и вотчин, если были последние, держали при себе до возраста и готовили к службе своих сыновей. Дворянин XVI века начал свою службу обыкновенно с 15 лет. До этого он числился в *недорослях*. Пospев на службу, он получал название *новика*. Его тогда *верстали*, т. е. наделяли поместным и денежным окладом *новичным*, к которому потом бывали *придачи* за службу. Верстание новиков было двойное: старших сыновей, поспевавших на службу, когда еще сохранял си-

лы служить отец, верстали *в отвод*, давали им особые поместья; младшего сына, который поспевал на службу, когда его отец уже дряхлел, *припускали* к нему в поместье с тем, чтобы по смерти отца он вместе с землей наследовал и его служебные обязанности. С течением времени установлены были правила обеспечения семейств, остававшихся после служилых людей. Когда умирал служилый человек, то из его поместья выделялись известные доли *на прожиток* (в пенсию) его вдове и дочерям, вдове до смерти, до вторичного замужества или до пострижения, дочерям: до 15 лет, когда они могли выйти замуж. По достижении 15 лет дочь по закону лишалась своей прожиточной части. Впрочем, выходя замуж, она могла справить свой прожиток за женихом. Величина прожитка зависела от того, как умирал помещик. Если он умирал дома своей смертью, вдове его выделялось из его поместья 10 % его поместного оклада, дочерям по 5 %; если он был убит в походе, прожитки удвоились.

Поместная система оказала разностороннее и глубокое влияние на склад русского общества. Важнейшие следствия ее были таковы. Поместное владение постепенно уравнивалось с вотчинным. Уравнение шло двояким путем: 1) и вотчинники, подобно помещикам, стали служить с земли, и таким образом личная военная служба служилых людей превратилась в *поземельную*; 2) поместья, первоначально пожизненные владения, постепенно, подобно вотчинам, становились наследственными, сперва фактически посред-

ством передачи поместья детям или родственникам помещика с разрешения или по распоряжению правительства, а потом и юридически, когда в XVIII в. закон признал поместье полной собственностью помещика со всеми правами распоряжения, и таким образом поместная система содействовала искусственному развитию частного землевладения на Руси, превратив огромное количество казенной земли, которой наделены были помещики, в их полную собственность. Далее, под влиянием поместной системы городские служилые землевладельцы устроены были в сословные уездные общества или корпорации, связанные порукой членов друг за друга в исправном отбывании службы, с периодическими съездами и выборными сословными распорядителями.

Смутное время

Причины, ход и значение смуты. Смертью царя Феодора Иоанновича в 1598 году, не оставившего после себя детей, пресеклась Рюрикова династия московских государей. Земский собор избрал на царство боярина Бориса Годунова, правившего государством при царе Феодоре. Вскоре после этого избрания начались смуты, которые постепенно развились в страшное потрясение государства, окончившееся только со вступлением на московский престол первого царя новой династии, Михаила, в 1613 году. Эти годы (1598–1613) и известны в нашей истории под именем *Смутного времени* или эпохи самозванцев. Эти самозванцы большую часть выдавали себя за младшего сына Иоанна Грозного царевича Димитрия, погибшего насильственной смертью, обстоятельства которой остались неразъясненными. Такое насильственное и таинственное пресечение династии и послужило первым поводом к смуте, которую поддержало сопровождавшее его появление самозванцев. Но к этим событиям, послужившим внешними причинами смуты, присоединились некоторые внутренние условия, скрывавшиеся в самом строе Московского государства, которые сообщили смуте широкое и разрушительное развитие. Эти условия обнаруживаются в ходе смуты.

ВОЗДЫХАНІЕМЪ
ЕГДАЖЕ СНИДОША НА НИЖНЕ КРИЦО, И ТУ-
РАВИШАСА ЖАВЦІЙ ОУБІЙЦЫ, И ПРИЕМЪ Ш
ВАСИЛЕСЫ ЦРѢВЧА ЗА РЯЧЬ КС. СНЪ ЕА

Убийство царевича Дмитрия приспешниками Бориса Годунова. Русский лубок

В смуте последовательно выступают разные классы московского общества в том самом порядке, в каком они были расположены на государственной иерархической лестнице.

На ее вершине стояло боярство; оно и затеяло смуту. Царь Борис законным путем земского соборного избрания вступил на престол и мог сделаться родоначальником новой династии как по своим личным качествам, так и по своим государственным заслугам. Но боярство, много потерпевшее при Грозном, хотело формальным актом ограничить власть нового царя, избранного из его среды. Бояре молчали, ожидая, что Борис сам заговорит с ними об условиях этого ограничения, а Борис молчал и отказывался от власти, надеясь, что земский собор выберет его без всяких условий, и надежда его оправдалась. Обманувшись в своем ожидании, бояре решились действовать против нового царя. Со своей стороны Борис, чтобы защитить себя от их козней, устроил тайный полицейский надзор за боярами, в котором главным орудием служили холопы, доносившие на своих господ. Доносы сопровождались пытками и казнями. Это еще более вооружило бояр против царя. Первый самозванец был их произведением, подготовленным с помощью поляков. Его самозванство не было тайной для бояр, а Борис, когда дошли до него слухи о нем, прямо сказал боярам, что это их дело, что они подставили самозванца. Первый самозванец правил деятельно и твердо, но и он не оправдал боярских ожиданий. Он действовал слишком самостоятельно, проводил свои особые планы независимо от бояр, часто смеялся над ними в Боярской Думе и – что было для них всего досаднее – приближал к себе незнатных людей и иностранцев. Первый са-

мозванец был низложен 17 мая 1606 года боярским заговором, во главе которого стал кн. Вас. Ив. Шуйский с братиею. На совещании перед восстанием заговорщики условились, что, кто из них будет царем, тот должен править по общему совету с боярами. На этом заседании кн. Шуйский откровенно признался, что он пристал к самозванцу только для того, чтобы отделаться от Бориса.

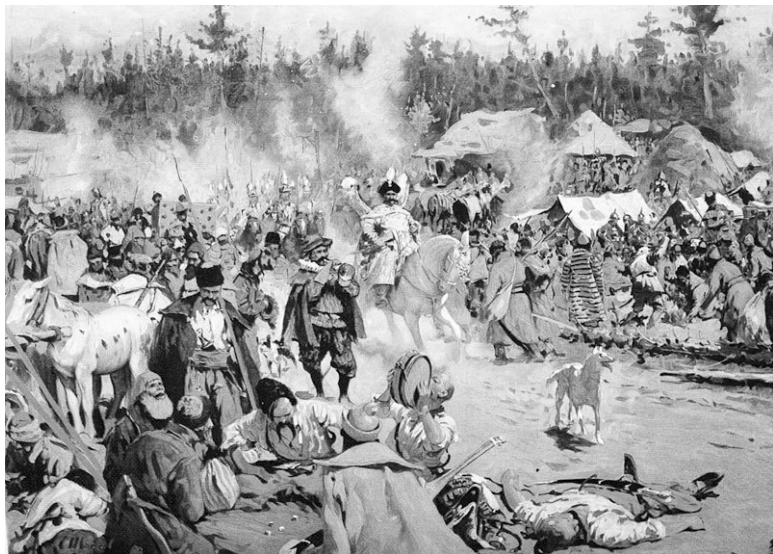

Василий IV Иванович Шуйский. Портрет из Титу-

лярника 1672 г.

По низвержении самозванца возведен был на престол кн. Василий Шуйский, но возведен был не как Борис – без участия земского собора, а только партией больших бояр и преданной ему толпой москвичей, которых он поднял против самозванца и поляков. Вступая на престол, царь Василий *ограничил свою власть* и условия ограничения изложил в разосланной им по областям окружной грамоте, извещавшей о его воцарении. Впрочем, условия ограничения, какие изложены в грамоте, очень несложны. Царь обязывался никого не казнить, не осудя истинным судом с боярами своими, опалы преступника не распространять на его родню и семейство и имущества их не конфисковывать, если они не участвовали в преступлении, доносов не слушать, ложных доносчиков наказывать, все дела решать по суду и следствию. Вот и все политические обеспечения, какие выговорили бояре у царя Василия. Они вскрывают политическое настроение высшего правительственного класса при этом первом опыте ограничения царской власти. Все эти обеспечения направлены к ограждению личной и имущественной безопасности подданных и не касались основ государственного порядка, не изменяли и даже не определяли точнее значения высших правительственных учреждений и их отношений к царю. Власть ограничивалась советом бояр; но она и прежде правила при содействии этого совета. Теперь она

стеснена была лишь по отношению к частным делам и лицам в судопроизводстве. В то время боярам больше ничего и не было нужно. По старому политическому обычаю московский государь делил власть с боярами в продолжение всего XVI века. Но отдельные лица из бояр много потерпели от произвола власти при царях Иоанне и Борисе. Бояре направляли выговоренные ими у царя Василия политические обеспечения к предупреждению новых подобных испытаний, надеясь, что участие в управлении и впредь останется за ними, как было прежде.

С. Иванов. В Смутное время

Боярство в развитии смуты раскололось: от первостепенной знати отделилось *среднее боярство*, к которому прикнуло столичное дворянство и приказные дельцы, дьяки. Этот класс выработал новый план государственного устройства с ограничением власти царя. Здесь уже затрагивались самые основания государственного порядка. Царем Василием многие были недовольны в Москве и по областям. Начались восстания и пошли слухи о спасении Лжедмитрия. Скоро явился и второй самозванец, которого признала Северская Украина. Поддержанный казацкими и польскими отрядами, он устремился к Москве и в 1608 г. стал в подмосковном селе Тушине, от которого получил прозвище «вора Тушинского». Царь Василий обратился за помощью к королю шведскому Карлу IX, и тот под условием вечного союза Москвы и Швеции послал Василию вспомогательный отряд. В сентябре 1609 г. Польша объявила войну Московскому государству, и король польский Сигизмунд осадил Смоленск. У вора Тушинского в лагере было много польских отрядов, которые король и вызвал под Смоленск. Оставшись без поддержки, Тушинский вор бежал в Калугу. Русские его приверженцы из бояр и дворян с боярином Михаилом Салтыковым во главе остались одинокими и решились послать уполномоченных в польский лагерь под Смоленск и признать царем Сигизмундова сына Владислава. Но они признавали его на известных условиях, которые и были изложены в дого-

воре с королем, заключенном 4 февраля 1610 г. В этом договоре, во-первых, определялись права всего народа и, во-вторых, устанавливался порядок высшего управления. Здесь повторены были личные и имущественные обеспечения, изложенные в окружной грамоте царя Василия. Сверх того, в договоре 4 февраля выражены были и другие более общие права подданных, прежде всего неприкосновенность православной веры; все судятся по закону и наказываются только по суду; все возвышаются по заслугам, а не по одному только происхождению, все имеют право выезда в другие государства христианские для образования. Правительственную власть государь делит с двумя учреждениями – Земским Собором и Боярской Думой. Земский Собор, состоящий из выборных от всех чинов государства, имеет учредительный авторитет; государь вместе с ним устанавливает основные законы и изменяет старые. Боярская Дума имеет авторитет законодательный: она вместе с государем решает вопросы текущего законодательства, наприм. вопросы о налогах, о поместном и вотчинном землевладении и т. п. Боярская Дума есть и высшее судебное учреждение: она вместе с государем решает важнейшие судебные дела, наприм. о политических преступлениях, о спорных наследствах и т. п. Государь ничего не делает без думы и приговора бояр. Таковы были политические стремления среднего боярства и высшего столичного дворянства.

Вслед за средним боярством и столичным дворянством

выступило дворянство низшее, провинциальное, *городовые дворяне и дети боярские*. Это провинциальное дворянство вместе с духовенством решило выбор царя Бориса. Оно очень радело этому царю из бояр, но не за бояр и восстало против Василия, царя чисто боярского. Почин восстания принадлежит дворянству южных уездов, расположенных по степной границе государства. Опасности украинской жизни воспитывали в этих дворянах боевой, отважный дух. В 1606 г., вскоре по воцарении Василия, когда еще не было и слуха о втором самозванце, против царя и бояр поднялся путивльский воевода кн. Шаховской. Вслед за тем поднялись дворяне тульские, веневские, каширские и рязанские, последние под предводительством Сумбулова и Ляпуновых. Сумбулов уже в 1609 г. в самой Москве с мелкими дворянами восставал против царя. Мятежники кричали, что встали за свою братию, дворян и детей боярских, которых царь с поповниками своими, большими боярами, будто «в воду сажает и до смерти побивает». Значит, это было восстание *низшего дворянства против знати*. Брат Ляпунова Захар с другими дворянами в 1610 году свел царя Василия с престола.

Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Парсуна к. XVI – нач. XVII в.

Demetrius IMPERATOR
Moschiae, eius uxor Marianna
MNLSCHOWNA, Georgii
Palatini Sandonitrisuss ex Throno
Progenitae rina.

Лжедмитрий I. Портрет из замка Мнишков в Вишневце. Нач. XVII в.

Политическая программа провинциального дворянства не так ясна; по-видимому, она в главных пунктах сходилась с договором 4 февраля. Настоящими кандидатами ее на пре-

стол был князь Скопин-Шуйский, потом после него – князь Василий Васильевич Голицын.

Наконец, вслед за низшим провинциальным дворянством в смуту вмешиваются и *низшие неслужилые*, земские классы населения, тяглые и нетяглые. Эти классы выступают сначала об руку с дворянами, но потом отделяются от него и действуют одинаково враждебно как против боярства, так и против дворянства. Первое восстание против царя Василия поднял с местным дворянством путивльский воевода кн. Григорий Шаховской еще в 1606 году. Но рядом с Шаховским действует и бывший холоп, воротившийся из крымского плена Болотников, шайка которого служила главной опорой Шаховскому. Эта шайка набиралась из посадских людей, беглых крестьян и холопов, вообще из разнообразного сброда, какой тогда накопился в Северной Украине. В этой же Украине, в Стародубе, появился и давно жданный второй самозванец. Болотников с своей шайкой и с примкнувшим к нему дворянством южных уездов под предводительством Сумбулова, Ляпунова и других двинулся к Москве, побил здесь царские войска и даже успел дойти до подмосковного села Коломенского. Успехом своего похода Болотников был обязан поддержке дворянства. Но под Москвой и произошло разделение этих на минуту соединившихся классов. Вмешательство низших классов, составлявших наиболее крепкую опору второго самозванца, продлило смуту; оно же изменило и ее направление. До сих пор смута была политической

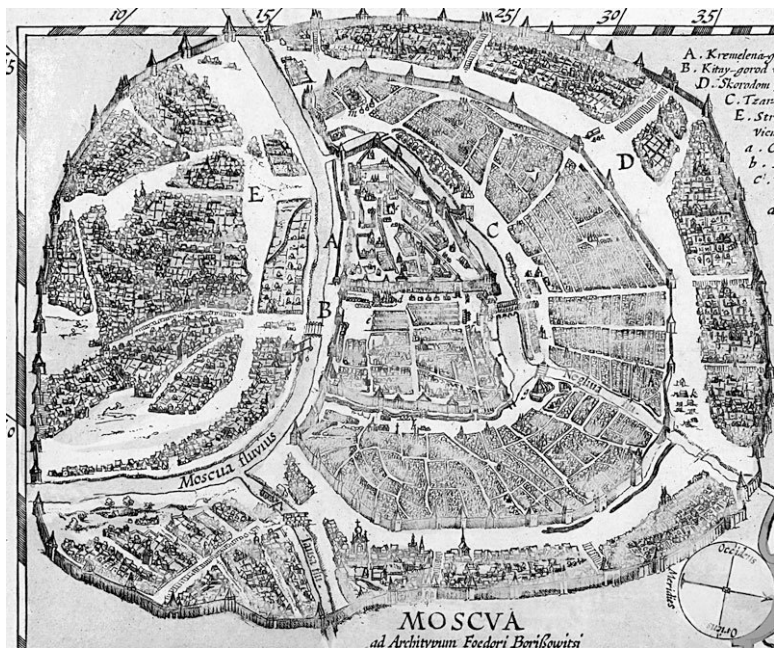
борьбой, спором за образ правления, за государственный порядок. Но со времени выступления Болотникова на сцену смута превращается в социальную борьбу, в истребление высших классов низшими. Это вмешательство простого народа в смуту было одной из основных причин и временного успеха кандидатуры польского королевича Владислава. Многие невольно стояли за эту кандидатуру, чтобы не пустить на престол вора Тушинского, кандидата черни. Польские паны на королевском совете под Смоленском в 1610 году говорили, что теперь в Московском государстве простой народ поднялся, встал на бояр, чуть не всю власть в руках своих держит. Наконец, в смуте видим участие еще одного общественного элемента, который тоже набирался преимущественно из простонародья. В последние годы смуты всего больше вреда наделали государству казаки, которые врывались в его пределы с польскими отрядами. Но казаки, которые приходили в Московское государство с берегов Днепра, Дона и Терека под начальством князя Трубецкого, Заруцкого, Лисовского, Сапеги, не принадлежали к старому домовитому казачеству. Это были в большинстве недавние гости южнорусских степей, *голытьба*, как их тогда называли, т. е. беглые тяглые или нетяглые люди из Московского государства, недавно укрывшиеся в степях и теперь возвращавшиеся в отечество, чтобы пограбить. Эти классы искали не какого-либо нового государственного порядка, а только добивались личных льгот. Каждый стремился выйти из тяжелого

положения, в какое ставил его тогдашний государственный порядок. Холопы стремились выйти из своей неволи, крестьяне освободиться от тех поземельных обязательств, какие они принимали на себя по отношению к землевладельцам; посадские люди стремились избавиться от посадского тягла и стать вольными или приказными людьми и т. д. Болотников, составляя свою шайку, призывал под свои знамена всех, кто хотел добиться чести, воли и богатства.

Лжедмитрий II. Портретная фантазия художника XIX в.

«Годунов чертеж» (Москва по оригиналу Федора Борисовича). Начало XVII в.

Таков был ход Смутного времени. В нем резко обнаружались два коренных недостатка, какими страдал московский государственный порядок. Одним из этих недостатков было несоответствие политических стремлений и притязаний

московского боярства характеру верховной власти и народному взгляду на нее: боярство хотело наложить цепи на верховную власть, которая привыкла считать себя неограниченной и которая по народному взгляду должна была быть таковою. Вторым недостатком была тяжелая и неравномерная разверстка государственных обязанностей между классами общества, которая не оставляла места ни личным, ни сословным правам и приносила в жертву государству все частные интересы. Оба эти недостатка обнаружались и почувствовались с особенной силой вследствие случайного события, пресечения династии, а этой случайности сообщил такое разрушительное действие господствовавший тогда в умах и унаследованный от удельных веков взгляд на государство как на вотчину московской династии, без которой оно не может существовать, как не существует дом без хозяина. Под влиянием указанных недостатков смута в развитии своем из династического вопроса превратилась в социально-политическую борьбу, в восстание низших классов общества против высших. Смута началась при избрании Годунова попыткой боярства соединить готовое распасться общество во имя нового государственного порядка, построенного на ограничении верховной власти. Когда эта попытка не удалась и вызвала против себя на соборе как служилые, так и тяглые классы, тогда возникла мысль соединить распадавшееся общество не во имя нового порядка, а во имя лица, и для этого искусственно воскресить погибшую династию,

которая прежде одна сдерживала непримиримые интересы разных общественных классов. Вот в чем заключалась истинная причина успеха самозванцев: самозванство служило удобнейшим выходом из борьбы непримиримых интересов враждебных друг к другу классов. Когда не удалось и эти попытки, тогда не оставалось, по-видимому, никакого политического интереса, во имя которого можно было бы предотвратить распадение общества. Однако общество не распалось; расшатался только государственный порядок. По разрушении связей политических оставались еще крепкие ее связи национальные и религиозные; они и спасли общество. Когда вторглись в государство польские и казацкие полчища, тогда и проснулось в обществе чувство национального и религиозного единства, во имя которого враждовавшие друг с другом классы общества соединились, чтобы вытеснить из пределов государства и казаков, и ляхов. Значит, смута, начавшаяся пресечением старой династии и продолжавшаяся взаимной борьбой разных классов земского общества, завершилась борьбой всего земского общества с элементами противоземским и антинациональным, казацким и польским. Таковы были причины и ход смуты.

Внутренняя деятельность правительства в царствование Михаила

Перемены в управлении. Расстроенное смутой состояние государства побудило правительство царя Михаила произвести некоторые перемены в управлении, чтобы усилить в нем централизацию и тем сообщить его деятельности больше единства и энергии. Старая династия покинула областное управление в состоянии крайнего раздробления: в царствование Грозного управление наместников и волостей было найдено неудобным, и царь Иоанн попытался заменить его земским самоуправлением. Для ведения уголовно-полицейских дел все классы уездного общества выбирали из среды местных дворян *губных старост* (по одному или по два на уезд). Гражданский суд и сбор прямых государственных налогов с тяглого населения производили *излюбленные головы*, или *земские старосты*, с присяжными помощниками, *целовальниками*, которые выбирались местным тяглым населением. Косвенные налоги, сборы, какие получались от эксплуатации доходных казенных статей, питейный или кружечный, таможенный или торговый, пятенный (*пятно* – клеймо) с продажи лошадей и т. п., поручались также избираемым из среды местных тяглых миров *верным*, т. е.

присяжным головам с целовальниками, которые вели выреченные им дела под личной имущественной ответственностью или под ответственностью избравшего их мира.

Излюбленный голова с целовальниками правил отдельным тяглым городским или сельским миром. В свою очередь, и служилые люди, образуя сословные общества, имели свое сословное управление, выбирали в каждом уезде *городового приказчика*, коменданта уездного города. Каждый местный мир, городской или сельский, тяглый или служилый, действовал обособленно, имел свое особое управление. Все эти миры ничем не объединялись между собою на месте, кроме редких выборов губных старост, и каждый из этих миров имел непосредственное отношение к центральным учреждениям, приказам. Таким образом, со введением земского самоуправления при царе Иоанне уезд стал еще менее цельной административной единицей, чем какой он был при старых наместниках и волостелях. Только в пограничных городах, где требовалась сильная военная власть, были введены воеводы, которые сосредоточивали в своих руках власть над всем уездом и по всем делам, как гражданским, так и военным. В продолжение смуты все области, даже внутренние, подвергались опасности неприятельского нападения; поэтому даже во внутренних уездах стали являться воеводы, областные управители с военной властью. Воевода сосредоточивал в своих руках власть над всем уездом и по всем делам. Он судил и рядил в съезжей или приказной избе. Со введени-

ем воевод земское выборное управление не исчезло, но только было стеснено и во многом подчинено воеводе, к которому перешли судебные дела, находившиеся в ведомстве выборных земских судей. В кругу выборного земского управления теперь остались дела уголовно-полицейские, которые вел губной староста, финансовые, т. е. казенные сборы, и дела земские местные, которые состояли в выборах на разные должности по земскому управлению, в раскладке податей между членами тяглого общества, в сборах на мирские нужды, в распоряжении мирской землей, вообще в ведении мирского хозяйства. Это хозяйство вел земский староста с целовальниками в *земской избе* (земской управе) под контролем *советных людей*, выборных земских гласных.

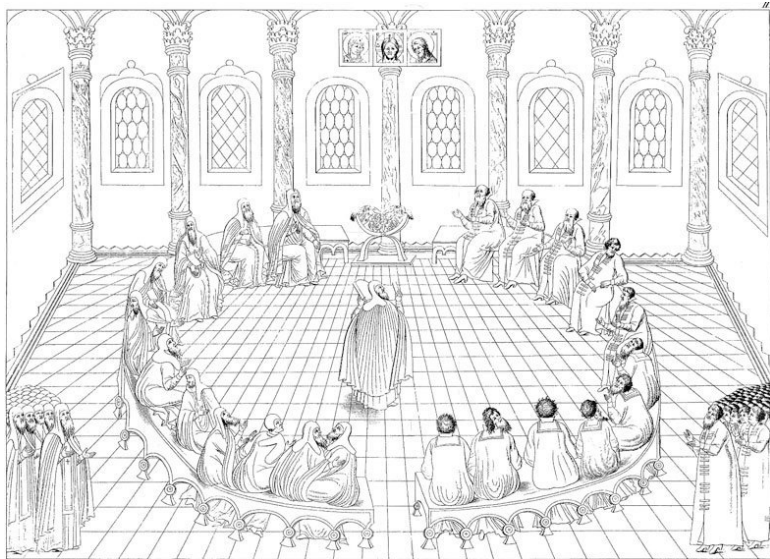

А. Рябушкин. Михаил Фёдорович на собрании боярской думы

Земские соборы. Не прекратилась при царе Михаиле деятельность и общегосударственного учреждения, возникшего в одно время с местными земскими учреждениями царя Иоанна, *земского собора*, который в первый раз созван был в 1550 г. При царе Михаиле земские соборы созывались даже чаще, чем прежде и после него, но созывались уже в другом составе, какого не имели в XVI в. Тогда в состав их входили: Освященный собор духовенства, т. е. митрополит, а потом патриарх с епископами, Боярская Дума, начальники и дьяки московских приказов, представители дворянства

и столичного купечества. Из дворянства призывались на собор городовые воеводы и предводители уездных дворянских отрядов, следовательно, не выборные депутаты, а должностные лица. Точно так же и от столичного купечества на соборе 1598 г. присутствовали должностные лица, хотя и выборные, старосты и сотские московских сотен и слобод, т. е. гильдий и цехов, и 21 человек *гостей*, купцов высшего разряда, которые по своему званию обязаны были исполнять финансовые поручения правительства, служили ответственными агентами казны. Таким образом, земский собор в XVI веке составлялся из двух высших правительственных учреждений, руководивших управлением церковным и государственным, и из ответственных исполнительных органов центрального и местного управления. Такой состав сообщал земскому собору характер совещания правительства с своими собственными агентами, органами центрального и местного, военного и финансового управления. Поэтому собор XVI века не был представительным собранием в строгом смысле слова. Представительное значение он получает только в XVII веке.

**Заседание Земского Собора 1613 года. Миниатюра
из рукописи «Избрание на царство М. Ф. Романова»
1673 г.**

Избрание Михаила Романова на царство. Миниатюра из рукописи «Избрание на царство М. Ф. Романова» 1673 г.

Как известно, царь Михаил был избран на престол земским собором. На этот собор призываемы были *выборные* из разных городов и из всех чинов, из духовенства, дворян, детей боярских, гостей и московских сотен, из посадских и уездных людей, т. е. от областных, городских и сельских обществ. Таким образом, на земских соборах XVII века вместо агентов правительства являются земские выборные. Надобно думать, что непосредственное участие, какое в смуту

принимали все классы общества в государственных делах, было ближайшей причиной такой перемены в составе собора. Вместе с этим изменился и характер соборного гласного. Став выборным представителем известного земского мира, тяглого или служилого, он является на соборе не должностным ответственным экспертом, сведущим человеком, а ходатаем избравшего его мира, выразителем его нужд и интересов. Вместе с тем установилось и политическое значение соборов. Собор не имел ни постоянного участия в управлении, ни самостоятельного политического значения. Коренное его значение было совещательное; потому соборы и созывались в случае надобности, когда правительство нуждалось в совете всей земли. Только избирательные соборы имели учредительное значение: это были исключительные, чрезвычайные собрания, которые являлись единственными носителями верховной власти в государстве, оставшемся без государя.

Писцовые книги. Частый созыв земских соборов при царе Михаиле вызывался нуждой правительства в содействии земства. После смуты, когда нужно было восстанавливать разрушенный государственный порядок, правительство на каждом шагу встречалось с вопросами, с которыми не могло справиться без этого содействия. Для восстановления порядка прежде всего необходимо было привести в известность наличные силы и средства, которыми могло рас-

полагать правительство. Из них самое важное значение имело для него тяглое население, служившее основой государственного хозяйства. Описать и устроить это население было первой заботой правительства. Когда отец царя Филарет Никитич возвратился из Польши, оба государя созвали собор (1619 года) и приговорили послать писцов и дозорщиков, которые бы описали все города, разобрали обывателей и разместили их по местам, где они прежде жили и тянули тягло, платили подати. В силу этого постановления в 1620-х годах предпринята была общая перепись тяглого населения в государстве с целью привести в известность и устроить податные силы государства. Памятниками этой переписи остались *писцовые книги*, которых от царствования Михаила сохранилось более пятисот. Писцовая книга описывает город и его уезд, их население, земли, угодья, торговые и промышленные заведения и лежащие на них повинности. Описывая городские и уездные населенные пункты, посады, слободы, села, деревни, починки, писцовая книга подробно пересчитывает в каждом поселении тяглые двory и «людей» в них, домохозяек, с живущими при них детьми и родственниками, обозначает пространство принадлежащей селению земли пахотной, пустопорожней, сенокосной и лесной и, наконец, размер тягла, падающего на селение по земле и промыслам его тяглых обывателей. Эти писцовые книги и служили основанием для податного обложения городских и сельских тяглых обществ.

Западная Русь со времени соединения Литвы с Польшей

Влияние этого события на положение западнорусских областей. Самым тяжелым делом внешней политики Московского государства в XVII в. был вопрос о западной Руси. Этот вопрос сплелся из разнообразных затруднений, которые постепенно развились в той Руси из политической сделки польских панов с великим князем литовским Ягайло.

Поляки добивались присоединения Литвы с западной Русью к Польше, а Ягайло, ища поддержки в трудной борьбе с Тевтонским Орденом, обещал им это, обещал еще принять католицизм со всем литовским народом. Эти обоюдные расчеты и были скреплены женитьбой Ягайло на наследнице польского престола Ядвиге в 1386 г. Следствием этого брака было династическое соединение двух соседних государств, королевства Польского и Великого княжества Литовского. Это событие произвело важные перемены в положении русских областей, вошедших в состав Литовского княжества. Покорение западной Руси литовскими князьями сопровождалось подчинением Литвы русскому влиянию. В начале XV в. покоренные русские области, земли Подольская, Волынская, Киевская, Северская, Смоленская, Полоцкая и другие, и по пространству, и по количеству населения значительно превосходили покорившее их Литовское кня-

жество, и как по племенному, так и по культурному своему составу это литовско-русское княжество являлось больше русским, чем литовским государством. Русский язык и русское право, русские нравы вместе с православием стали распространяться среди полудикой языческой Литвы. Культурное сближение соединенных народностей под преобладающим воздействием более развитой из них шло так успешно, что полное слияние обеих народностей становилось возможно. Но со времени соединения Литвы с Польшей русское влияние в Литовском княжестве начало вытесняться польским, которое проникало туда различными путями.

VLADISLAVS
IAGELLO
REX POLONIAE

Портрет Ягайло, неизвестный художник нач. XVI в.

Я. Матейко. Крещение Литвы

Одним из них служили сеймы, на которых решались общие дела обоих союзных государств: литовско-русские вельможи, встречаясь здесь с польскими панями, знакомились с их политическими понятиями и порядками, господствовавшими в Польше. С другой стороны, польское влияние проводилось в Литовскую Русь жалованными грамотами великих князей литовских, которые назывались *привилеями* и которыми устанавливались такой же порядок управления, такие же права и отношения сословий в Литовском княжестве, какие господствовали в Польше. Проникая этими путями, польское влияние глубоко изменило как устройство

управления, так и склад общества в русских областях, вошедших в состав Литовского княжества.

1) Русские князья, владевшие этими областями на древнем родовом праве подобно своим предкам XI и XII вв., подчинившись власти великого князя литовского, обязывались служить ему верно и платить дань, а он им жаловал их княжения в вотчину на наследственном праве или иногда во временное владение, до своей господарской воли. Этим разрушено было старинное родовое владение князей, и к началу XVI в. они стали служилыми вотчинниками, полными собственниками своих княжеств и вместе с знатнейшими русскими боярами и литовскими вельможами образовали землевладельческую аристократию, подобную польской. Члены этой аристократии, *паны*, составили правительственный совет или *раду* великого князя литовского, которая сильно ограничивала его власть. По привилею великого князя Александра Казимировича 1492 г. литовский государь не мог без согласия панов рады вести сношений с иностранными государствами, издавать и изменять законы, распоряжаться государственными доходами и расходами, назначать на должности и т. п.; мнения рады король признавал для себя обязательными даже в случае несогласия своего с ними и принимал их к исполнению «для своей и общей пользы». Вместе с тем введены были в Литве по примеру Польши высшие правительственные должности, или *уряды*: *гетмана*, главного предводителя войск, *канцлера*, хранителя государствен-

ной печати, двух *подскарбиев*: *земского*, ведавшего общегосударственные доходы и расходы, и *надворного* по дворцовому хозяйству. Начальниками отдельных областей, которыми прежде управляли русские князья по соглашению с вечевыми городами, назначались *воеводы*, от которых зависели *кастеляны* (коменданты городов) и *старосты поветов*, округов, на которые делились воеводства. Так центральное и областное управление Литовской Руси приблизилось к польскому и получило аристократический строй.

2) Привилеями, как общими или земскими, данными всему княжеству, так и местными или областными, в Литовской Руси устанавливались сословные права и отношения, подобные тем, какие существовали в Польше. На Городельском сейме 1413 г., подтвердившем соединение Литвы с Польшей, издан был привилей, по которому литовские бояре, принявшие католицизм, получили права и привилеи польской шляхты; привилей Казимира IV 1447 г. распространил эти права и на православных. По этим привилеям литовские землевладельцы уравнивались с польскими в правах владения вотчинами и пожалованными имениями и освобождались от налогов и повинностей, за исключением некоторых маловажных, имевших не столько финансовое, сколько символическое значение, как знак подданства; крестьяне господские были изъяты от суда великокняжеских судей и подчинены юрисдикции господ; сверх того привилей Казимира воспретил переход крестьян с земель частных владель-

цев на великокняжеские и обратно. Это постановление положило начало закреплению крестьян в Литовском княжестве. Общие и местные привилегии постепенно сравнивали литовско-русское дворянство в правах и вольностях с польской шляхтой и сообщили ему значение господствующего сословия в княжестве с обширной властью над крестьянским населением, жившим на его землях, и с влиятельным участием в законодательстве, суде и управлении. Это значение литовско-русской шляхты закреплено было в XVI в. законодательным сводом Литовского княжества, известным под названием *Литовского Статута*. Начало этому своду положено было при Сигизмунде I изданием Статута 1529 г.

После этот первый свод неоднократно пересматривали и дополняли, соглашая его с польским законодательством, вследствие чего на этом уложении отразилось сильное влияние польского права, смешавшегося в Статуте с древнерусскими юридическими обычаями, какие сохранились от времен Русской Правды. В окончательном составе Литовский Статут был издан (на русском языке) при Сигизмунде III в 1588 г. По второму Статуту, утвержденному на Виленском сейме в 1566 году, в Литовском княжестве вводились, подобные польским, поветовые шляхетские сеймики, которые собирались в каждом *повете* (уезде) для выбора местных земских судей, а также и земских послов, т. е. представителей шляхты на общем, или *вальном*, сейме, по два от каждого повета. Литовский сейм, установленный Городельским дого-

вором, первоначально состоял только из литовских князей и бояр. Привилегированное положение, в какое этот договор ставил литовскую знать, большую часть окатоличившуюся, перед русской православной, побудило присоединенные к Литве русские области подняться против нее, когда по смерти Витовта произошла новая усобица между Гедиминовичами. В этой борьбе русские князья и бояре завоевали себе права литовских вельмож и около половины XV в. получили доступ на сейм, который таким образом стал общим, или «вальным».

Усиление дворянства в Литовском княжестве сопровождалось упадком старинных городов западной Руси. В старой Киевской Руси область со своим волостным городом составляла цельную землю, которая подчинялась решению веча старшего города. Теперь со введением господарских урядов областной город оторвался от своей области: место веча заступил назначаемый великим князем воевода с подчиненными ему старостами, каштелянами и пр. Подгородные земли, находившиеся в общинном пользовании этих городов, розданы были великими князьями в частное владение с обязательством ратной службы. Служилые землевладельцы, бояре и *земяне*, прежде входившие в состав городских обществ, теперь шляхетскими своими привилегиями обособившись от мещан, торгово-промышленного городского населения, начали покидать города, селясь в своих вотчинах и *выслугах*, пожалованных имениях. Великокняжеские урядники, воеводы,

каштеляны и старосты притесняли горожан. Чтобы вывести города западной Руси из упадка, литовско-польские госуда-ри давали им немецкое городовое самоуправление, или *магдебургское право*, которое в XIII и XIV вв. проникло в Польшу вместе с немецкими колонистами, наводнявшими тогда польские города. Еще в XIV веке это самоуправление введено было в городах Галицкой земли, которая присоединена была к Польше королем Казимиром Великим в 1340 году; с половины XV в. магдебургское право распространилось и в других городах западной Руси. По этому праву горожане получили некоторые торговые привилегии и льготы по отправлению казенных повинностей и освобождались от подсудности воеводам и другим правительственным урядникам. По магдебургскому праву город управлялся двумя советами, или коллегиями, *лавой*, члены которой (*лавники* – присяжные) под председательством назначаемого королем *войта* (нем. фогт) производили суд над горожанами, и *радой* с выбранными из горожан *радцами* (ратманами) и *бурмистрами* во главе их, которые заведовали делами по хозяйству, торговле, благоустройству и благочинию города.

Портрет Сигизмунда I. Приписывается Гансу фон Кульмбаху, нач. XVI в.

Политическое влияние Польши на Литву, сближая литовско-русский государственный строй с польским, в XV и первой половине XVI в. поддерживало кое-как многократно обновлявшийся новыми договорами династический союз обоих государств, то имевших отдельных государей, то соединившихся под властью одного. Не так удачно было церковное влияние Польши: в этом отношении ее уния с Литвой сопровождалась следствиями, которые грозили отторжением Литовской Руси от польско-литовского союза. Ягайло с помощью поляков обратил часть Литвы в католичество. Поляки хотели закрепить династическую унию Польши с Литвой церковным единством союзных государств и с своим духовенством во главе повели католическую пропаганду среди православного литовско-русского населения, но встретили сильный отпор, который уже в конце XV в. повел к тому, что русские князья, подчиненные Литве, Одоевские, Белевские, Воротынские и другие, владения которых примыкали к московским границам, начали переходить на московскую службу с своими вотчинами. Эти переходы вызвали две войны Ивана III с Литвой, кончившиеся тем, что вел. князь московский удержал за собою земли всех русских князей, ему поддавшихся.

Люблинская уния. Церковная вражда сильно мешала сближению Литовской Руси с Польшей. Раскол, происшедший в католической церкви в XVI в., значительно ослабил это препятствие. Протестантизм успешно распространился в Польше, а потом и в Литве преимущественно среди высших классов. Из протестантских учений литовская знать особенно охотно усвояла кальвинизм, которому сочувствовал и последний Ягеллон Сигизмунд Август. Главным борником этого учения в Литве был влиятельный литовский вельможа канцлер Николай Радзивилл Черный. Успехи протестантизма в Польско-Литовском государстве послужили одним из условий, подготовивших выгодное для Польши решение вопроса о вечном соединении ее с Литвой. Эти успехи остановили католическую пропаганду в Литовской Руси. Покровительствуя протестантам, последний Ягеллон благоволил и к православным и принял очень важную для них меру. Одно постановление Городельского сейма 1413 г. лишало православных права занимать государственные и общественные должности. В 1563 г. Сигизмунд Август отменил это постановление. Это изменило отношение православного литовско-русского населения к польскому правительству. До тех пор оно враждебно относилось к этому правительству; теперь, с ослаблением католической пропаганды, которую поддерживали прежние короли, православные люди Литвы перестали бояться польского правительства. Эта перемена сделала возможным продолжение политического со-

юза Литвы с Польшей. Сигизмунд Август умирал бездетным. Это возбуждало тревожный вопрос о дальнейших отношениях Литвы к Польше, так как со смертью Сигизмунда Августа прекращалась династия Ягеллонов и, следовательно, разрывался династический союз Литвы с Польшей.

Я. Матейко. Люблинская уния

Пока католическая пропаганда, покровительствуемая польским правительством, действовала в Литве, православное литовско-русское население не хотело и думать о продолжении союза; но когда Сигизмунд Август начал даже покровительствовать православным, последние перестали смотреть с боязнью на это дело. Противодействия ему мож-

но было ожидать только от литовской аристократии, которая не хотела полного слияния Литвы с Польшей, где господствовала шляхта, т. е. родовое дворянство. В январе 1569 года собрался сейм в Люблине для решения вопроса о продолжении унии. Литовские сенаторы и послы (депутаты) долго не соглашались на предложенные поляками условия унии. Но король привлек на свою сторону двух влиятельнейших магнатов Юго-Западной Руси, которые стояли во главе православного дворянства. Один из них был Рюрикович, воевода киевский князь Константин Острожский, другой Гедеминович, воевода волынский князь Александр Чарторыйский. Эти два магната и увлекли за собою все юго-западное русское дворянство, за которым принуждено было последовать и литовское. На Люблинском сейме политический союз обоих государств был признан неразрывным и по пресечении династии Ягеллонов. Вместе с тем соединенное государство получило окончательное устройство. Оно превращалось в избирательную республикански устроенную монархию, называвшуюся *Речью Посполитой* (перевод лат. *respublica*). Во главе правления становился король, избираемый общим сеймом Литвы и Польши, или *Княжества* и *Короны*, как назывались эти части соединенной республики. Законодательная власть принадлежала сейму, состоявшемуся из земских послов, т. е. депутатов шляхты, и сенату, состоявшему из высших светских и духовных сановников обеих частей государства. Но обе союзные ча-

сти Речи Посполитой сохранили отдельную высшую администрацию, имели особых министров, также особое войско и особые законы. Для истории Юго-Западной Руси всего важнее было то постановление Люблинского сейма, по которому некоторые части этой Руси, входившие в состав Литовского княжества, теперь отошли к Короне, т. е. к Польше. Это были: *Подляхия* (западная часть Гродненской губернии), *Вольнь*, *Подолля* и *Украйна* (губернии Киевская и Полтавская с частью Черниговской). Благодаря присоединению этих областей к Короне они подпали под непосредственное влияние Польши. С тех пор в этих областях стала водворяться польская администрация на место туземной русской, действовавшей при литовских князьях. Польская шляхта начала приобретать земли в Юго-Западной Руси и водворяла здесь польское крепостное право. Дворянство Юго-Западной Руси, по примеру польских землевладельцев поработив русское крестьянское население своих земель, постепенно отчуждалось от своего народа и ополячивалось, сближаясь с польской шляхтой и вместе с ее привилегиями усваяя ее нравы, язык и веру.

Церковная уния еще ухудшила положение, созданное последствиями унии политической. Вражда вероисповеданий, вызванная в Западной Руси католической пропагандой в XV в., обострилась с появлением в Литве иезуитов во второй половине XVI в. Под их влиянием вероисповедный индифферентизм последнего Ягеллона сменился католической

ревностью не по разуму короля Сигизмунда III. Поддерживаемые им иезуиты скоро овладели в Литве правительством и высшим обществом, церковной кафедрой, школой и, подавив напускное аристократическое увлечение протестантизмом, направили все эти силы против православной Западной Руси.

В здешней православной иерархии они не встретили должного отпора. Равнодушное или пренебрежительное отношение литовско-польского правительства к западнорусской православной иерархии помогло проникнуть в ее среду людям, недостойным звания пастырей, способным только расстроить церковный порядок. Но тогда на защиту православной веры и русской народности поднялись миряне, сперва вельможи, как кн. Константин Острожский, а потом церковные братства. Грозная опасность вызвала наружу скрытые народные силы. Городское самоуправление по магдебургскому праву и цеховое устройство мещан воспитало в западнорусских городах дух корпоративности и самодеятельности. Под иезуитским напором этот дух проник в религиозно-нравственную жизнь западнорусского общества. Братства из скромных собраний прихожан для братской трапезы в складчину в день храмового праздника преобразились в могущественные и властные товарищества взаимопомощи, благотворительности, народного просвещения и церковного благочиния, суда и управления, устроили школы, типографии, госпитали. Львовское Успенское братство (в г.

Льво́ве, в Галиции) получило от антиохийского патриарха право общего надзора за церковным порядком, даже за образом действий своего епископа, и право отлучать от Церкви: овцы восхитили пастырский жезл. Епископы почувствовали себя между двух огней: католики преследовали их как православных пастырей, православные – как пастырей подозрительных. Чтобы выйти из униженного положения, некоторые епископы с Киевским митрополитом Михаилом Рагозой, предводимые самым деятельным из них, епископом луцким Кириллом Терлецким, ухватились за мысль иезуита Скарги об унии Русской церкви с римской. Делу придан был вид интриги, построенной на двоедушии. Митрополит и епископы сговорились подчинить Русскую церковь папе, не спросив на то ее согласия, без полномочий, канонически от нее полученных. Епископы признавали главенство папы и принимали католическое вероучение, но сохраняли православные обряды и церковно-славянский язык в богослужении для того, чтобы православно-русское простонародье, равнодушное к вероисповедной догматике, не встревожилось крутым переломом в своей церковной жизни. Собор, созванный в Тресте (1596) для решения предпринятого дела, наглядно показал, что эта церковная уния на самом деле разделила западнорусскую Церковь на униатов и православных: обе стороны не решились совещаться совместно, заседали порознь и кончили переговоры тем, что прокляли друг друга. Загоревшаяся борьба поддержала, даже усили-

ла умственное и нравственное возбуждение в русском обществе, оживила литературу, вызвала ряд превосходных полемических и апологетических произведений, подняла школьное образование. Но этот подъем не обошелся без жертв: со времени Петра Могилы, преобразователя Киевской братской школы, это образование изменило вековым греко-восточным преданиям Русской церкви, подчинилось влиянию враждебной стороны, против которой готовило борцов. Киевские ученые, при содействии Могилы довершавшие свое образование в Риме и других западных городах, не остались свободны от схоластических приемов, державшихся в высших католических школах, и эти приемы внесли потом в духовные школы восточной России: русская духовная семинария стала близко напоминать иезуитскую коллегию.

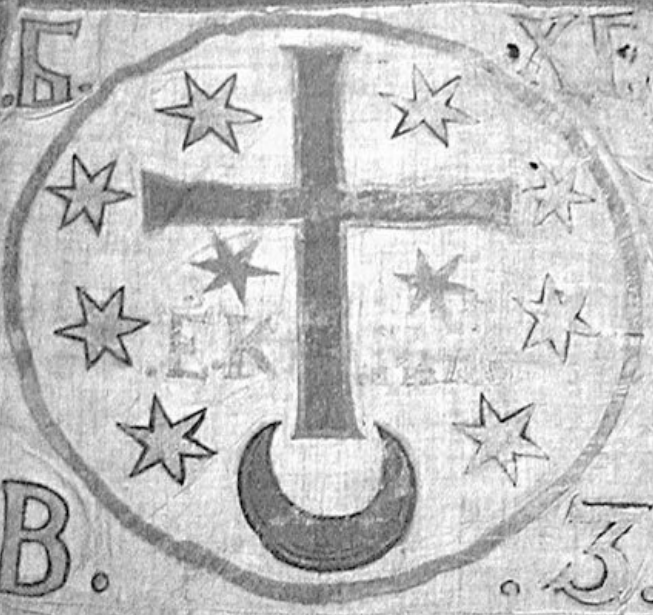
Н. Неврев. Присяга Лжедмитрия I польскому королю Сигизмунду III на введение в России католицизма

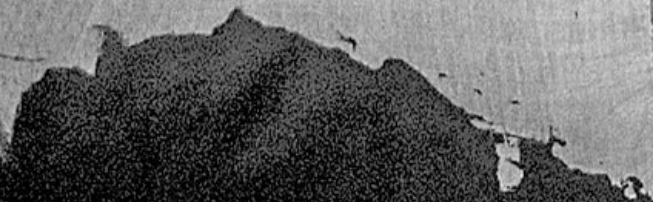
.Б.

ХТ

.В.

.З.

Знамя Богдана Хмельницкого

Притом борьба вызвала жестокие гонения на православных, которым теперь приходилось бороться с двумя врагами: с чужими – католиками и со своими – униатами, а усиленная борьба может возбуждать народные силы, но не укрепляет их. Наконец, в религиозную борьбу вовлечена была вооруженная сила – малороссийское казачество. Оно состояло из *городовых* казаков, делившихся на полки по городам, в уездах которых казаки владели землей подобно городovým дворянам и детям боярским в Московском государстве (полк Переяславский, Миргородский и др.) и из *запорожцев*, образовавших под командой выборного *кошевого атамана* вольное боевое товарищество, средоточием которого служила укрепленная Сечь за днепровскими порогами. Польское правительство старалось усилить свою власть над казачеством, ограничить его число. Казаки сопротивлялись, но их восстания за казацкую свободу, начавшиеся в конце XVI в., встречали поддержку в порабощенном крестьянстве и во всем гонимом православном населении Юго-Западной Руси, получали характер борьбы за веру и народность, становились делом национально-религиозным. Долго казаки не имели удачи, пока не стал во главе их Богдан Хмельницкий, восстание которого в 1648 году завершилось присоединением восточной Малороссии к Московскому государству по Андрусовскому договору 1667 г. Таковы были

следствия обеих уний, политической и церковной.

Подготовка к преобразованию в царствование Алексея Михайловича

Соборное Уложение. Царь Михаил с Боярской Думой и земским собором деятельно работал над устройством государства, расшатанного смутой. Здесь им приходилось бороться со многими затруднениями; нужно было восстановить, едва не вновь строить государство: до того был разбит весь его механизм. Все царствование Михаила прошло в усиленной законодательной деятельности правительства, касавшейся самых разнообразных сторон государственной жизни. Благодаря тому к началу второго царствования накопился уже обильный запас новых законов и почувствовалась потребность разобраться в этом запасе, привести его в порядок. Эта потребность и привела к составлению *Уложения* 1649 года.

Алексей Михайлович. Портрет из Титулярника 1672 г.

Мысль составить Уложение, внушенная челобитьем «всяких чинов людей», исходила от государя с тесным собором, т. е. с правительственным советом, составленным из Освященного собора и Боярской Думы. Здесь 16 июля 1648 г. приговорили выбрать пригодные статьи из правил апостольских и Святых Отцов, из законов греческих царей, из прежних московских судебников, также из указов прежних государей и приговоров Боярской Думы, а по вопросам, на которые не отвечало прежнее законодательство, составить новые определения «по общему совету». Составить проект Уложения поручено было особой кодификационной комиссии из 5 членов: из бояр князей Одоевского и Прозоровского, окольничего кн. Волконского и дьяков Леонтьева и Грибоедова. Комиссия выписывала статьи из указанных в приговоре источников и составляла новые. Те и другие статьи «писались в докладе», т. е. представлялись государю с Думой на рассмотрение, и государь с Освященным собором и с думными людьми «того собрания слушал». В то время как шла эта кодификационная работа, в Москву «к тому общему совету» были созваны (к 1 сент. 1648 г.) выборные от всех чинов государства, по одному или по два представителя от каждого чина столичного и уездного. Этим выборным был прочитан составленный комиссией проект Уложения, после чего госу-

дарь указал всему Освященному собору высшего духовенства, всем думным и выборным людям приложить к «списку» Уложения свои руки, т. е. скрепить свиток своими подписями. Этот список в начале 1649 г. был напечатан и разослан по приказам в столице и по городам в воеводские канцелярии, чтобы «всякие дела делать по тому Уложению».

Соборное Уложение 1649 г.

Основные *источники* Уложения указаны в приговоре 16 июля: это 1) Кормчая, 2) московские судебники и 3) дополнительные к ним указы государей и боярские приговоры.

Земский собор также послужил одним из источников этого свода. Съехавшиеся в Москву земские выборные обращались к правительству с челобитьями о своих нуждах. Эти челобитные вносились в кодификационную комиссию, рассматривались ею и докладывались государю, который вместе с Думою по возбужденным ими вопросам приговаривал, т. е. давал новые законы, обыкновенно «советовав с патриархом и со всем Освященным собором», а иногда поговорив также и с самими челобитчиками, с некоторыми или со всеми выборными людьми, со всем собором, если челобитье шло от «всяких чинов людей». Эти законы также вносились в Уложение. Кроме того, некоторые выборные «были для государевых и земских дел в приказе с боярами» кодификационной комиссии, т. е. вводились в ее состав в качестве сведущих людей для справок и указаний по отдельным вопросам законодательства и таким образом участвовали в составлении самого проекта Уложения. В сохранившемся подлинном свитке Уложения есть ссылки на Литовский Статут. Составители Уложения пользовались этим кодексом, следовали ему в расположении предметов, иногда даже в порядке статей, в подборе казусов и отношений, требующих законодательного определения, в постановке правовых вопросов, но ответов искали всегда в собственном праве, брали формулы самих норм, правовых положений, но только общих тому и другому праву, устраняя все ненужное или несродное праву и судебному порядку московскому, вообще перерабаты-

вали все, что заимствовали. Таким образом, Статут послужил не столько юридическим источником Уложения, сколько кодификационным пособием для его составителей.

Н. Некрасов. Составление Соборного Уложения

при царе Алексее Михайловиче

По мысли, положенной в основание Уложения, оно должно было стать полным сводом всего наличного законодательного запаса, последним словом московского законодательства. Оно было важным шагом вперед сравнительно с прежними судебниками. Эти судебники были простые практические руководства для суда и управления, определяя главным образом порядок судопроизводства. Уложение гораздо шире захватывает область законодательства. И в нем X глава, самая обширная из его 25-ти глав, излагает порядок и подробности судопроизводства; но другие главы говорят о положении разных классов общества, о ратных и посадских людях, о холопах, крестьянах. Уложение нельзя назвать сводом основных законов государства; оно не есть систематическое изложение всех оснований государственного порядка; но по нему можно составить отчетливое понятие о составных частях этого порядка.

Управление. Стремление к централизации управления, обнаружившееся при царе Михаиле в учреждении воеводств, продолжалось и при его преемниках, одинаково настойчиво как в центральном, так и в областном управлении. Осложнение государственных потребностей и отправлений в XVI и XVII вв. постепенно увеличивало количество центральных правительственных ведомств, вызывая один

за другим новые *приказы*, как вообще назывались эти ведомства: к половине XVII в. таких приказов накопилось более 40. Теперь московское правительство начало сосредоточивать такое слишком раздробленное управление, или ставя одного начальника во главе нескольких сродных по ведомству приказов, или подчиняя одному приказу несколько других: так, при царях Алексее и Феодоре Посольскому приказу, ведавшему иностранные дела, подчинены были 9 других приказов, в том числе *Малороссийский* и *Полоняничный*, ведавший дела о выкупе пленных.

ОБРАЗ ВЕЛИКАГО
ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО
КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА
ВСЕВЕЩАГО ИМАЦА
И ЦАРЯ РОССІИ САНКТОГО

Неизвестный русский художник. Портрет царя Алексея Михайловича. Конец 1670 – начало 1680 гг.

С повсеместным введением городских или уездных воевод в царствование Михаила уезд в Московском государстве получил характер цельной административной единицы, управление которой сосредоточивалось в руках одной коронной военно-гражданской власти. Земские учреждения не были отменены, но был стеснен круг их дел и из самостоятельных органов местного управления они превратились в послушные орудия воевод. Преемники царя Михаила сделали еще шаг вперед в сосредоточении местного управления. В царствование Алексея, во время войн с Польшей и Швецией, с целью лучшего устройства внешней обороны пограничные уезды по западной, южной и юго-восточной окраине государства стали соединять в крупные военные округа, называвшиеся разрядами, в которых уездные воеводы были поставлены в зависимость от главных окружных воевод как высших местных военно-гражданских управителей и предводителей местных военно-служилых людей, составлявших окружение корпуса. Так образовались разряды *Новгородский, Севский, или Северский, Белгородский* (Белгород – ныне уездный город Курской губ.), *Тамбовский, Казанский*. При царе Феодоре Алексеевиче предположено было и внутренние уезды с военно-служилым населением соединить в такие же военные округа, образовав разряды *Москов-*

ский, Владимирский, Смоленский. Эти военные округа и послужили основанием губернского деления, введенного Петром Великим.

Войско. Сосредоточенная и усиленная деятельность управления требовалась нуждами государства, которые увеличивались тяжелыми войнами с Польшей и Швецией. На первом месте среди этих нужд стояла военная реформа. В войнах с Польшей и Швецией не раз оказывалась полная несостоятельность нестройных и плохо вооруженных московских войск. Увидев необходимость воспользоваться военным искусством Западной Европы, московское правительство нанимало отряды иноземных ратников. Но эти наемные отряды стоили дорого и были ненадежны, и потому признано было более выгодным завести свои войска, обученные и вооруженные по образцу западноевропейских регулярных армий. Из мелкопоместных и беспоместных дворян, также из даточных (рекрутов) и охочих людей других классов набирали полки пехотные *солдатские* и конные *рейтарские* и *драгунские* под командой наемных иноземных офицеров, которые обучали их западноевропейским боевым приемам. Этот переход русского войска к регулярному строю предпринят был в царствование Михаила перед второй войной с Польшей. В составе корпуса, двинутого под Смоленском в 1632 году, было уже 6 полков иноземного строя, в которых числились более 10 тысяч русских ратников, обученных

солдатскому регулярному строю и *огненному бою*, т. е. ружейной стрельбе. Преемники Михаила продолжали это дело, и в царствование Феодора в составе русского войска было уже несколько десятков полков иноземного строя.

Сословия и крепостное право. Расходы на наем иноземных солдат и офицеров, на содержание своих полков иноземного строя и на другие военные нововведения увеличили государственные тяготы, падавшие на народ. Военно-служилые и тяглые классы, или чины, между которыми распределены были главные государственные повинности, военная служба и податное тягло, не были устойчивыми, обязательными состояниями: служилые и тяглые люди могли переходить в классы, свободные от повинностей, в холопы или в *вольные гулящие* люди, как назывались в Московском государстве лица, не имевшие определенных занятий и постоянного местожительства и занимавшиеся преимущественно мелкими переходжими промыслами или поденной работой. Возможность менять состояния, именно покидать те из них, на которые падали наиболее важные государственные повинности, причиняла большие затруднения правительству, все более нуждавшемуся как в служилых, так и в тяглых людях. Чтобы пресечь эту возможность, законодательство в XVII веке прикрепило служилых и тяглых людей к их состояниям, связав с каждым из этих состояний известные права и обязанности. Таким образом преж-

ние неустойчивые чины превратились в замкнутые состояния, или сословия, резко обособленные одно от другого. Вследствие этого само собою пало право служилых и тяглых людей вступать в частную личную зависимость и этим путем уклоняться от военной и податной повинности. Так законом 1642 года запрещено было принимать в холопы дворян и детей боярских, а Уложение 1649 года запретило людям неслужилых классов, например боярским холопам, покупать и брать в заклад земли. Так как и поместья давались только служилым людям, то поместное и личное вотчинное землевладение сделалось сословной привилегией служилых людей, как ратная служба стала их сословной повинностью. Точно так же городские обыватели, занимавшиеся торгами и промыслами, но не принадлежавшие к городским (посадским) тяглым обществам, по Уложению должны были нести посадское тягло; торгово-промышленные слободы частных владельцев, построенные на посадских землях, приписывались к тяглым городским обществам; крестьяне и лица других состояний, имевшие в городе дворы, лавки, амбары и другие промышленные заведения, должны были продать их тяглым посадским обывателям. Таким образом, право торговать и промышленять в городе стало сословной привилегией тяглого городского населения. Уложение запретило тяглым посадским людям переходить в нетяглые состояния, а указ 1658 года грозил смертной казнью даже за самовольный переход из одного посада в другой.

К. Лебедев. Продажа крепостных с аукциона

Крестьяне также были прикреплены к своему состоянию, а посредством этого прикрепления в XVII веке установлена была крепостная зависимость крестьян, живших на землях частных владельцев. Исстари русские крестьяне пользовались свободой земледельческого труда, выражавшейся в том, что они снимали участки казенной и частной земли по договору с сельскими обществами или землевладельцами и могли покидать эти участки, исполнив принятые на себя обязательства по аренде и по ссуде, которую многие из них получали от землевладельцев при недостатке собственного

инвентаря. По разным причинам в XVI веке задолженность крестьян своим владельцам усилилась, и ссуда стала почти общим условием крестьянских договоров. Крестьяне, сохраняя право перехода, в большинстве потеряли фактическую возможность перехода по своей воле без чужой помощи; тогда усилились крестьянские побеги без расплаты с владельцами. Чтобы ослабить бесконечные иски владельцев о беглых, правительство устанавливало для них сроки давности, по истечении которых истцы теряли права на беглых крестьян. Так, по указу 24 ноября 1597 года землевладелец терял право искать судебным порядком крестьянина, бежавшего от него до 1 сентября 1592 года, если до того же срока не был вчинен землевладельцем иск о беглеце. Пятилетняя давность для исков о беглых крестьянах была подтверждена указом первого самозванца в 1606 году; позднее, в 1642 году установлена была десятилетняя давность. Для обеспечения себя от потерь, какими грозил закон о давности, землевладельцы в царствование Михаила стали вносить в свои договоры с крестьянами условие, которым крестьяне обязывались безвыходно жить на их землях, т. е. отдались им в вечную крепостную зависимость, отказываясь от права прекратить ее возвратом полученной ссуды. Этим условием устанавливалась личная крепостная зависимость крестьянина, не простиравшаяся на его потомство. Это условие противоречило правилу, какое проводилось в Уложении, – не позволять свободному лицу, обязанному государственными по-

винностями, отказываться от своей свободы. Примиряя это правило с интересами дворянства, военно-служебная годность которого зависела от количества рабочих крестьянских рук на его землях, правительство по закону 1646 года, повторенному в Уложении, отменив давность для иска о беглых, укрепило крестьян с их потомством за их владельцами и возложило на последних ответственность за податную исправность первых. Так частная личная неволя крестьян *по договору* превратилась в потомственную крепостную их зависимость *по закону*, и эта зависимость пала на крестьян как новая повинность, которая должна была обеспечить правительству исправное исполнение других повинностей, падавших как на крестьян, так и на их владельцев дворян. Таким образом, крестьяне, жившие на землях частных владельцев, прикреплены были к этим владельцам; крестьяне дворцовые и *черные*, т. е. государственные, в то же время прикреплены были к своим земельным участкам, т. е. к земле.

Финансы. Преобразуя управление, войско, состав общества, московское правительство старалось усилить свои финансовые средства, чтобы удовлетворить возрастающим нуждам государства. Эти средства составлялись из доходов *окладных* и *неокладных*. Окладными доходами назывались податные сборы, которым наперед в смете назначался определенный обязательный для плательщиков размер, *оклад*.

Окладные доходы составлялись из прямых и косвенных налогов. Подати или прямые налоги в Московском государстве падали либо на целые общества, либо на отдельные лица. Со-вокупность податей, платимых целыми обществами, по об-щей раскладке составляла *тягло*, и люди, подлежавшие та-ким платежам, назывались *тяглыми*. Главными предметами тяглового обложения были земли и дворы, которые также на-зывались *тяглыми*. Основанием податного обложения слу-жило *сошное письмо*, т. е. расписание тяглых земель и дво-ров на *сохи*. Соха – податная единица, заключавшая в се-бе известное количество тяглых посадских (городских) дво-ров или известное пространство тяглой крестьянской паш-ни: именно доброй земли, поместной и вотчинной, счита-лось в сохе 800 четвертей в одном поле, т. е. 1200 десятин в трех полях (четверть – половина десятины), монастырской 600 четвертей, черной казенной – 500. Количество четвер-тей средней и худой земли в каждой из этих сох пропорцио-нально увеличивалось.

1) К окладным доходам принадлежали *деньги, данные и оброчные*. *Данью* или сданными деньгами назывались в XVII веке разные прямые налоги, которые падали на тя-глое население, торгово-промышленное посадское и земле-дельческое сельское и взимались по числу сох, значивших-ся по писцовым книгам за известным городским или сель-ским обществом. *Оброк* имел двоякое значение. Иногда так называлась плата правительству за предоставление частному

лицу права пользоваться казенной землей, угодьем, или заниматься каким-либо промыслом. В этом смысле оброком назывался казенный доход с принадлежавших казне рыбных ловель, сенных покосов, звериных гонов, также с городских торговых лавок, харчевень, бань и других промышленных заведений. В других случаях оброк означал общую подать, которою окладывались все жители известного округа взамен разных других податей и повинностей. Так, оброком назывался налог, заменивший кормы и пошлины наместников и волостелей при отмене этих должностей в царствование Грозного. Только оброки этого последнего рода входили в состав тягла и взимались по сошному письму. Дань и оброк в смысле общей подати уплачивались всегда в *постоянном* количестве по неизменному окладу, тогда как размеры других государственных податей были изменчивы, определялись особыми царскими предписаниями.

2) К окладным доходам причислялись еще специальные налоги, назначавшиеся на особые потребности государства: таковы были деньги ямские, полоняничные и стрелецкие. *Ямские* деньги собирались на содержание ямской гоньбы для провоза послов, гонцов, должностных и ратных людей, для чего по большим дорогам ставились *ямы* (ям – почтовая станция). Эта подать собиралась с посадских людей и с крестьян также по сошному письму и поступала в особое центральное учреждение, в *Ямской* приказ, который заведовал ямщиками, получавшими жалованье и прогоны за езду,

для чего они обязаны были содержать лошадей на ямах. *Полоняничные* деньги – подворная, а не посошная подать, назначенная на выкуп пленных у Татар и Турок. Еще в царствование Михаила она собиралась временно по особому распоряжению правительства. Потом она стала постоянной и по Уложению 1649 года собиралась ежегодно «со всяких людей», как тяглых, так и нетяглых, но не в одинаковом размере с людей разных состояний: посадские обыватели и церковные крестьяне платили со двора по 8 денег (на наши деньги около 70 коп.), крестьяне дворцовые, черные и помещичьи – вдвое меньше, а стрельцы, казаки и прочие служилые люди низших чинов только по 2 деньги. По словам Котошихина, полоняничных денег в его время собиралось ежегодно тысяч по 150 (около 2 миллионов рублей на наши деньги). Эту подать собирал заведовавший выкупом полоняников Посольский приказ. *Стрелецкая* подать назначена была на содержание стрельцов, постоянной пехоты, заведенной в XVI веке при великом князе Василии. Сначала это был незначительный налог хлебом; в XVII веке стрелецкая подать собиралась и хлебом, и деньгами и по мере увеличения численности стрелецкого войска сильно возрастала, так что сделалась наконец важнейшим прямым налогом. По свидетельству Котошихина, в царствование Алексея стрельцов было в Москве даже в мирное время больше 20 приказов (полков), по 800–1000 чел. в каждом (20.000 в 1681 г.), да городовых, т. е. провинциальных, приближи-

Тельно столько же.

В 1564 г. на Руси проводится денежная реформа, путем запрета всех старых русских и иностранных монет, и замена их новой монетой – копейкой

Все перечисленные подати, кроме полоняничной, взимались по сошному письму: правительство клало на каждую соху известную сумму податей, оклад, предоставляя плательщикам, тяглым людям сохи, раскладывать его между собой по платежным средствам каждого, «верстаться меж себя самим по своим животам, по промыслам, по пашням и по всяким угодыам». В царствование Феодора (в 1679 г.) эта податная система была значительно упрощена: на тяглое посадское население всех городов и на черных крестьян северных и северо-восточных уездов взамен всех прежних прямых налогов положена была одна стрелецкая подать, а владельческие крестьяне остальных уездов, где они были, обложены были ямскими и полоняничными деньгами, соединенными в одну подать, которая была во много раз легче стрелецкой. Тогда же сошное письмо заменено было новым основанием податного обложения, *дворовым числом*: правительство назначало для каждого податного округа средний подворный оклад подати и по числу тяглых дворов высчитывало общую сумму податных платежей для каждого округа. Но дворы платили не поровну: окладная сумма распределялась самими плательщиками между отдельными дворами тяглого общества так же, как прежде между дворами сохи, по платежным средствам, по «тяглу и промыслам» каждого двора. Для этого в 1678–1679 гг. была произведена общая подворная перепись и составлены *переписные книги*, которые тем отличались от прежних писцовых, что в послед-

них описывались преимущественно земли, угодья, промыслы – хозяйственные *средства*, по которым население облагалось податью, а в переписных – рабочие *силы*, которые платили подать, тяглые дворы и их обыватели. Эти переписные книги и служили основанием подворного податного обложения. Всего числилось по переписи 1678 года более 800.000 тяглых дворов. Двор, как податная единица, составлявшая часть прежней сохи, служил переходом от посошного обложения к подушному.

3) К окладным доходам причислялись и косвенные налоги, из коих главные были *таможенные* и *кабацкие* сборы. Первые были очень разнообразны и взимались как при провозе, так и продаже товаров; кабацкие сборы получались от продажи питей, составлявшей казенную монополию. И для этих доходов правительство обыкновенно назначало известные оклады и отдавало их либо на откуп, либо на веру, поручая таможенные сборы и продажу вина *верным* (присяжным) головам и целовальникам, которых обязаны были выбирать для того местные жители, и если избранные собирали менее положенного, недоборы взыскивались с их избирателей. В половине XVII в. и косвенные налоги были объединены, как были объединены позднее прямые: в 1653 г. вместо многочисленных таможенных сборов введена так называемая *рублевая* пошлина (по 10 денег с рубля – 5 % продажной цены товаров с продавца и по 5 денег с рубля с денег, привезенных на покупку товаров).

Второй разряд государственных доходов, *неокладные* сборы, состояли главным образом из платежей за удовлетворение разных нужд, с которыми частные лица обращались к правительственным учреждениям: таковы были пошлины с разных частных сделок, с просьб, какие подавались частными лицами в административные и судебные места, с грамот, какие оттуда им выдавались, судебных решений и т. п.

Но обыкновенными постоянными доходами правительство не могло покрывать все увеличивавшихся расходов казны и должно было прибегать к чрезвычайным, или, как они тогда назывались, *запросным* сборам. Особенно часты были такие поборы в царствование Алексея и Феодора, когда продолжительные и разорительные войны с Польшей, Швецией, Крымом и Турцией требовали тяжелых жертв людьми и деньгами. Из чрезвычайных поборов особенно тяжелы были налоги, называвшиеся *пятой* или *десятой* деньгой: это были сборы с посадских и торговых людей пятой или десятой доли от «избытков и промыслов», 20 % или 10 % либо заявленного по совести оборотного капитала, либо валового дохода от оборота; пашенные крестьяне платили по 25 или 50 коп. (около 4 или 8 рублей) с двора.

По росписи 1680 года можно видеть сравнительную доходность разных налогов. Всех денежных доходов по окладу или смете этого года значится в росписи около 1 мил. руб. (приблизительно 25 мил. на наши деньги). Главную статью дохода (почти 43 %) составляли важнейшие косвенные на-

логи, таможенные и кабацкие сборы. Из прямых налогов, которые давали около 44 % в год дохода, наибольшую статью составляли чрезвычайные сборы (16 %). Но ежегодные оклады поступали далеко не сполна: недоимка по 1676 год превышала 1 мил. рублей, и в 1681 году ее пришлось сложить. Почти половина доходов шла на военные нужды.

Реформы Петра Великого

Ход и связь реформ. При первом взгляде на преобразовательную деятельность Петра она представляется лишенной всякого плана и последовательности. Постепенно расширяясь, она захватила все части государственного строя, коснулась самых различных сторон народной жизни. Но ни одна часть не перестраивалась зараз, в одно время и во всем своем составе; в каждой реформа подступала по нескольку раз и в разное время касаясь ее по частям. Изучая известный ряд преобразовательных мер, легко видеть, к чему они клонились, но трудно догадаться, почему они следовали именно в таком порядке. Видны цели реформы, но не всегда уловим ее план. Чтобы уловить этот план, надобно изучать реформу в связи с ее обстановкой. Самое решительное влияние на ход реформы оказала война, длившаяся почти все царствование Петра, сначала с Турцией, потом со Швецией, и завершившаяся походом на Персию. Война указала порядок реформы, сообщила ей темп и самые приемы. Преобразовательные меры Петра следовали одна за другой в том порядке, в каком вызывали их потребности, навязанные войной. Она поставила на первую очередь преобразование военных сил страны.

Военная реформа повлекла за собою два ряда мер, из которых одни направлены были к поддержанию регулярного строя

преобразованной армии и новосозданного флота, другие – к обеспечению их содержания.

К. Лебедев. Потешное войско Петра

Меры того и другого рода или изменяли положение и вза-

имные отношения сословий, или усиливали напряжение и производительность народного труда как источника государственного дохода. Нововведения военные, социальные и экономические требовали от управления такой усиленной и ускоренной работы, ставили ему такие сложные и непривычные задачи, какие были ему не под силу при его прежнем строе и составе. Потому об руку с этими нововведениями и частью даже впереди их шла постепенная перестройка управления, всей правительственной машины как необходимое общее условие успешного проведения прочих реформ. Другим таким общим условием была подготовка дельцов и умов в реформе. Для успешного действия нового управления, как и других нововведений, необходимы были исполнители, достаточно подготовленные к делу, обладающие нужными для того знаниями, и общество, готовое поддерживать дело преобразования, понимающее его сущность и цели. Отсюда усиленные заботы Петра о распространении научного знания, о заведении общеобразовательных и профессиональных технических школ.

Таков общий план реформы, точнее, ее порядок, установленный не наперед обдуманно предначертаниями Петра, а самым ходом дела, гнетом обстоятельств. Война была главным движущим рычагом преобразовательной деятельности Петра, военная реформа ее начальным моментом, устройство финансов ее конечной целью. Преобразованием государственной обороны начиналось дело Петра, к преобразо-

ванию государственного хозяйства оно направлялось; все отдельные меры были либо неизбежными следствиями начального дела, либо подготовительными средствами к достижению конечной цели. Сам Петр ставил свою преобразовательную деятельность в такую связь с веденной им войной.

В последние годы жизни, собирая материалы о шведской войне, он обдумывал план ее истории. В оставшихся после него заметках по этому делу читаем: «Вписать в историю, что в сию войну сделано, каких когда распорядков земских и воинских и духовных, тако ж строение фортец, гаванов, флотов корабельного и галерного и мануфактур всяких». Значит, в историю войны предполагалось ввести, как дела, тесно с нею связанные, меры для устройства не только военных сил, но и порядка земского и церковного, для развития промышленности и торговли. Потому ход и внутреннюю связь реформ Петра можно представить в таком виде:

Л. Каравак. Пётр I в Полтавской битве

I. Военная реформа.

II. Меры для поддержания регулярного строя сухопутной армии и флота.

1) Распространение воинской повинности посредством рекрутских наборов на неслужилые классы (на холопов, на людей тягловых).

2) Перемены в положении дворянства, направленные к поддержанию его служебной годности:

а) отделение военной службы сословия от гражданской (инструкция герольдмейстеру 5 февр. 1722 г.);

б) обязательная учебная подготовка дворянства к той и другой службе (указ 20 янв. 1714 г.);

в) порядок отбывания обязательной службы сословием

(февр. указ 1714 г. о производстве в офицеры дворян, не служивших рядовыми в гвардии; *табель о рангах* 24 янв. 1722 г.);

г) установление неделимости недвижимых дворянских имений (указ 23 марта 1714 г. о единопаследии).

III. *Подготовительные меры для увеличения государственных доходов.*

1) Перемены в положении городского и сельского населения, направленные к увеличению *количества* податного труда (числа податных плательщиков);

а) отмена холопства и состояния *вольных-гулящих* людей посредством распространения податной повинности на оба эти состояния указами о ревизии (ук. 26 ноября 1718 г. о подушной переписи, 19 янв. 1723 г. о распространении подушной подати на всех крепостных слуг);

б) расширение крестьянского хлебопашества под влиянием подушной подати.

А. Кившенко. Начало регулярного войска в России

Потешные Преображенский и Семеновский полки с юным Петром. Лубочная картинка

2) Меры для возвышения *качества* или для усиления производительности народного труда (улучшение земледелия, скотоводства, лесоохранение, разработка нетронутых богатств страны – фабрики и заводы, устройство сбыта, пути сообщения).

IV. Общие средства обеспечения успешного исполнения военной и экономической реформ.

1) Замена сословно-бюрократического центрального управления бюрократическими учреждениями в центре для устройства военных сил и финансовых средств (*Сенат, коллегии*).

2) Замена сословно-бюрократического областного управления сословными учреждениями, дворянскими и купеческими, для ближайшего руководства народным хозяйством, земледельческим трудом и торгово-промышленным оборотом (*ландраты, магистраты*).

3) Устройство учебных заведений (морская академия, школы артиллерийская и инженерная, медицинская, школа для подъячих, школы московские математические, латинские, немецкие, «гимназия» пастора Глюка, элементарные школы цифирные, гарнизонные; предписание магистратам в регламенте 1721 г. заводить городские «малые школы».)

V. Финансовые нововведения.

1) Новые прямые и косвенные налоги (до первой ревизии – сборы гербовой, с мельниц, пчельников, с сходов и др.).

2) Объединение прямых налогов подушной податью на содержание армии.

Военная реформа. Дворянская конница с походными дворовыми людьми и полки иноземного строя, заведенные предшественниками Петра, были им преобразованы в регулярную армию, которая вследствие продолжительной войны сама собою стала постоянной; к ней прибавились два гвардейских полка, образовавшиеся из потешных, *Преображенский* и *Семеновский*.

Стрелецкое войско после мятежа 1698 г. было уничтожено. Прежний способ комплектования *прибор* (вербовка охотников) заменен общим рекрутским *набором*, простиравшимся на неслужилые классы общества, не исключая безместных детей духовенства и сверхштатных причетников. В этой всесословной армии дворянство, за исключением доли, поступавшей на гражданскую службу, получило значение офицерского запаса. Со введением полковых штатов (19 февр. 1711 г.) поместное верстание служилых людей заменено было штатным денежным жалованьем; за особые заслуги жаловали населенными землями на вотчинном праве. В конце царствования Петра в регулярных полках числилось до 212 тыс. чел., в нерегулярном войске, состоявшем преимущественно из казаков, до 110 тыс. Притом создана была новая вооруженная сила, флот (48 линейных кораблей

и до 800 галер с 28 тыс. чел. экипажа). Содержание всех сухопутных и морских сил стоило 65 мил. руб. (около 58 мил. на наши деньги), что составляло более 2/3 государственного дохода и почти *впятеро* превосходило сумму, какая шла на войско по бюджету 1680 г. (700 тыс. р. – около 12 мил. на наши деньги).

Управление. Продолжительная и тяжелая война, веденная Петром, и разнообразные нововведения, им предпринятые, требовали усиленной деятельности управления, к какой не были приспособлены старые правительственные учреждения Московского государства. Петр перестраивал постепенно эти учреждения, и к концу его царствования управление получило совершенно новый склад. Во главе этого управления вместо Боярской Думы стал *Сенат*. Боярская Дума имела аристократический состав, состояла преимущественно из людей знатного боярского происхождения, занимавших высшие правительственные должности; притом она привыкла действовать под непосредственным руководством и председательством государя. Петр редко жил в столице; притом главными его сотрудниками были большею частью неродовитые дельцы. Поэтому стало необходимо заменить Боярскую Думу высшим правительственным учреждением иного состава, уполномоченным руководить управлением и в отсутствие государя. Таким руководителем должен был стать Сенат, учрежденный перед походом Петра в Тур-

цию указом 22 февраля 1711 года. В этом указе выражено и побуждение, которым вызвано было это учреждение: «Определили быть для отлучек наших Правительствующий Сенат для управления». Сенат, по мысли Петра, должен быть заменять государя в его отсутствие; поэтому все обязаны были повиноваться указам Сената как указам самого государя, под страхом смертной казни за ослушание. Сенат состоял первоначально из 9 членов, которые решали дела единогласно, без чего приговор Сената не мог иметь действительной силы. Для тайного надзора за управлением и особенно за сбором и расходованием казенных сумм учрежден был многочисленный штат *фискалов*, распределенных по разным ведомствам и областям, во главе с состоявшим при Сенате и им выбираемым обер-фискалом; фискалы преследовали замеченные ими злоупотребления, донося о них Сенату и привлекая виновных в том чиновников к сенатскому суду. С той же целью надзора, преимущественно за судопроизводством, учреждена была при Сенате в 1722 г. должность *генерал-рекетмейстера*, который обязан был принимать жалобы на действия подчиненных Сенату правительственных и судебных мест, о справедливых жалобах докладывать Сенату и вообще быть ходатаем за обижаемых. Обширные полномочия, предоставленные Сенату, как высшему правительственному и судебному учреждению, делали необходимым надзор и за его собственными действиями. Органом этого надзора должна была стать учрежденная в том же 1722 году долж-

ность *генерал-прокурора*, который был блюстителем закона и представителем верховной власти при Сенате. Без его согласия никакое постановление Сената не имело силы; он наблюдал за правильностью делопроизводства в Сенате, управлял сенатской канцелярией и наблюдал за действиями фискалов и прокуроров при подчиненных Сенату учреждениях.

Вид здания Двенадцати коллегий в Петербурге

Под наблюдением и руководством Сената действовали учреждения центральные и областные. До Петра главные части государственного управления были распределены между многочисленными приказами. Петр ввел более правильное

и сосредоточенное распределение ведомств, учредив *коллегии* по образцу существовавших тогда в Швеции и в других странах Западной Европы. Эти коллегии устроились в 1718 и 1719 гг. Первоначально их было девять: *иностранных дел, воинская, адмиралтейская* – ведомство флота, *юстиц-коллегие, камер-коллегие* – ведомство государственных доходов, *штатс-канцелярия* – ведомство государственных расходов, *ревизион-коллегие* – ведомство финансового контроля, *коммерц-коллегие, мануфактур и берг-коллегие*. Присутствие каждой коллегии состояло из 11 членов, решавших дело большинством голосов: то были президент, вице-президент, 4 советника и 4 ассессора, к которым с чином советника или ассессора присоединялся один иностранец.

Петр внес более сосредоточенности и в областное управление. До него Московское государство делилось на многочисленные и большею частью довольно мелкие административные округа, называвшиеся *уездами*. Еще в XVII в. чувствовали неудобства такого дробного областного деления и думали устранить их образованием военных округов, которые, впрочем, не получили надлежащей организации. В 1708 г. Петр разделил все государство на 8 крупных областей, получивших название *губерний* и вмещавших в себе по нескольку нынешних губерний. В 1719 г. введено было новое областное деление, в которое вошли и земли, отвоеванные у Швеции. Россия разделена была на 11 губерний, которые подразделялись на *провинции*, а провинции на *уез-*

ды. И в губерниях введено было коллегиальное управление: при губернаторах по указу 1713 года учреждены были советы *ландратов*, выбиравшихся дворянством губерний, без которых губернатор ничего не мог решить, имея значение только президента коллегии ландратов. Участие дворянства в местном управлении не прекратилось и после отмены ландратских советов в 1719 году, а только перенесено было из губерний в уезд; уездное дворянство ежегодно собиралось для выбора из своей среды *земского комиссара*, который заведовал сбором податей и полицейскими делами в уезде.

Управление городским торгово-промышленным населением при Петре было выделено из ведомства общих областных управителей, воевод и губернаторов. В 1699 г. городам предоставлено было право ведаться своими выборными *бурмистрами*, сколько всякий город захочет их выбрать. Эти бурмистры составляли *ратушу*, в которой поочередно председательствовали, ведали городских торгово-промышленных обывателей судом и расправой и собирали с них казенные подати и другие доходы. Ратуши областных городов были подчинены *Бурмистрской палате*, или ратуше г. Москвы. К концу царствования Петра ратуши преобразованы были в *магистраты*. В 1720 г. Сенату предписано было учредить образцовый магистрат в Петербурге. Этот магистрат, получивший название *Главного*, должен был устроить магистраты в областных городах и руководить ими, как прежде московская Бурмистрская палата руководила го-

родскими ратушами. Члены городского магистрата выбирались из первостатейных граждан города. Ведомство магистратов было шире сравнительно с прежними ратушами: магистраты вели городское хозяйство, должны были заботиться о развитии торговли и промышленности, о благоустройстве и благочинии городов и решали не только гражданские, но и уголовные дела подчиненных им городских обывателей.

Указ о единонаследии. Обязательная служба, военная и гражданская, которую несло дворянство, осложнилась при Петре законом 20 января 1714 года об обязательном школьном обучении дворян, которое бы готовило их к этой службе. Упрочение положения дворянства, как земледельческого сословия, было одною из целей указа 23 марта 1714 года о единонаследии недвижимых имений. В Древней Руси различались два вида служилого землевладения – *вотчина* и *поместье*. Вотчина была наследственной собственностью владельца, поместье временным и условным владением, обыкновенно – пожизненным. Незадолго до Петра оба эти вида владения стали сближаться друг с другом: с одной стороны, во владение вотчинное проникли черты поместного, с другой – поместное землевладение усваивало себе юридические особенности вотчинного. Юридическое сближение обоих видов и завершено было указом 23 марта. Этот указ устанавливает одинаковый порядок наследования всяких недвижимых имений, не различая поместий и вотчин.

Недвижимое имение наследуется по завещанию или по закону, непременно одним наследником без раздробления. Владелец может завещать всю свою недвижимость одному из сыновей, кому захочет, наделяя всех остальных детей движимым имением; если он умрет без завещания, все недвижимое имение по закону переходит к одному старшему его сыну. Если у владельца нет сыновей, он может завещать имение одной из своих дочерей по своему выбору; в случае смерти без завещания недвижимое имение по закону переходит к старшей дочери. Бездетный владелец может завещать недвижимое имение одному из своих родственников; в случае смерти без завещания недвижимость по закону переходит к ближайшему из родственников. Значит, указ 23 марта устанавливал не *майорат*, т. е. исключительное право наследования старшего сына, а *единонаследие*, т. е. неделимость недвижимых имений. В указе выражены и побуждения, его вызвавшие. Он запрещал дробление дворянских имений между наследниками, сопровождавшееся упадком служилых дворянских фамилий и ослаблявшее их служебную годность. С другой стороны, указ имел в виду, что сыновья, не получившие недвижимого имения, «принуждены будут хлеба своего искать службою, учением, торгами» или другой какой-либо полезной деятельностью.

Портрет Петра I. *Неизвестный художник, к. XVII в.*

Подушная подать. Расходы на войну и на реформы, осо-

бенно военные, росли так быстро, что текущих средств казны не доставало на их покрытие. В начале 1710 г. сосчитали, что ежегодный средний доход за последние годы простирался до 3.100.000 руб., а расход до 3.800.000 р.; на армию и флот шло до 3 миллионов рублей (тогдашний рубль равнялся приблизительно 9 нынешним). Для устранения дефицита, равнявшегося почти четверти дохода, Петр возвышал прежние налоги и вводил новые и вообще изыскивал всякие средства поддержать равновесие в бюджете. Он искал и возвышал людей, способных указать ему новые источники дохода, учинить казне прибыль. Такие люди назывались *прибыльщиками*. Звание прибыльщика было при Петре особой финансовой должностью, которая, по выражению одного указа, состояла в том, чтобы «сидеть и чинить государю прибыли». Большею частью прибыльщики были дворовые люди московских бояр; некоторым из них Петр за способности и заслуги давал важные должности по управлению. Самым деятельным и способным из них был Курбатов, дворовый человек боярина Бор. Петр. Шереметева, предложивший Петру проект о гербовой бумаге, которая, как важный источник государственного дохода, и была введена в 1699 г. Впоследствии Курбатов был назначен вице-губернатором Архангельской губернии. Другой прибыльщик, Ершов, был московским вице-губернатором. К концу царствования Петра прежние прямые налоги, распределявшиеся по тяглым дворянам, заменены были *подушной* податью. Для этого в 1718 го-

ду предписано было произвести перепись подлежавшего подати населения. Эта перепись (первая *ревизия*) распространена была не только на сельских и городских обывателей, уже числившихся в тягле, но и на классы, прежде свободные от государственных повинностей, на вольных или гулящих людей и на холопов; последние таким образом юридически слились в один класс с крепостными крестьянами, от которых они прежде отличались тем, что, состоя в крепостной зависимости, не платили государственных податей. На все лица, подлежавшие подати, которых насчитано было немного менее 5.800.000, положен был в 1724 году без различия возраста подушный оклад в 74 коп. Податные души, не состоявшие в крепостной зависимости, обложены были еще дополнительным сбором в 40 к. для уравнивания их с крепостными, которые сверх подушной подати платили оброк своим владельцам или работали на них; городские тяглые обыватели платили всего по 120 коп. с души. Подушная подать, которая была выше прежней подворной и падала на множество лиц, прежде свободных от податей, значительно увеличила государственные доходы, которых в 1725 году считалось уже около 9 мил. рублей (81 мил. на наши деньги).

Промышленность и торговля. Чтобы устранить дефицит и дать народу возможность вынести тяжесть новых налогов, Петр старался поднять производительность народного труда. Не было ни одной значительной отрасли народного

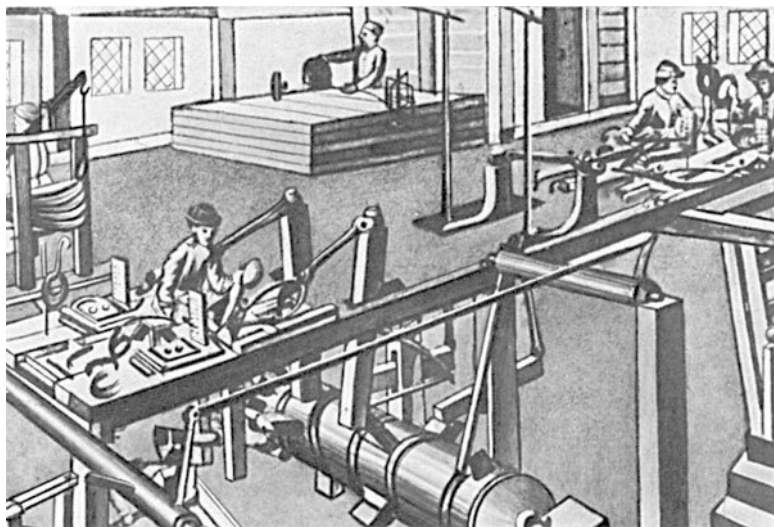
хозяйства, в которую он не ввел бы каких-либо улучшений. Но более всего заботился он о развитии промышленности, фабричной и заводской. В своей экономической политике Петр руководился двумя соображениями: 1) Россия не уступает другим странам, даже превосходит их обилием разных природных богатств, оставшихся доселе нетронутыми, и 2) разработку этих богатств должно вести само государство принудительными мерами. Он вызывал иностранных мастеров и фабрикантов, предписывал своим капиталистам соединиться в компании для торгово-промышленных предприятий, давал им льготы и субсидии, строил на казенный счет фабрики и заводы и потом сдавал их на льготных условиях способным и знающим дело промышленникам. Из всех отраслей обрабатывающей промышленности Петр особенно заботился об успехах горно-заводского производства, которое нужно было ему для вооружения армии и флота, и оно достигло при нем значительных размеров. В Тульском краю, где железное дело основано было еще в царствование Алексея, при Петре оно расширилось: построены были железные заводы, казенный и частные, мастерами Баташевым и Никитой Демидовым, а потом в г. Туле возник казенный оружейный завод, снабжавший оружием всю армию. В Олонецком краю на берегу Онежского озера в 1703 году построены были чугуноплавильный и железоделательный заводы, послуживший основанием г. Петрозаводска. Вслед за тем возникло несколько железных и медных заводов, казенных и част-

ных – в Повенце и других местах края. Особенно широкое развитие получило горное дело на Урале (в нынешней Пермской губернии). Здесь, в Верхотурском уезде, еще с 1699 года начали строиться казенные железные заводы, которые потом отданы были во владение тульскому заводчику Н. Демидову. Вслед за казенными возникло здесь много частных заводов; те и другие образовали обширный горно-заводский округ, управление которым сосредоточено было в Екатеринбурге, городе, построенном в 1723 году на реке Исети управителем уральских заводов генералом Геннином и названном в честь императрицы Екатерины I. К заводам для работ и для охраны от враждебных инородцев, башкиров и киргизов, приписано было до 25 тыс. душ крестьян. К концу царствования Петра в Екатеринбургском округе находилось 9 казенных и 12 частных заводов, а всех фабрик и заводов числилось в России 233.

Для поддержания промышленности и увеличения доходов казны Петр заботился об усилении внешней торговли. Он придавал очень большое значение этой отрасли народного хозяйства. Здесь прежде всего ему пришлось изменить самое направление торговых сношений с Западной Европой, которые шли Белым морем чрез Архангельск, единственную морскую гавань у Московского государства до Петра. По основании Петербурга, по мере того как Петр утверждался на балтийских берегах, он хотел перевести внешнюю торговлю с кружного Беломорского пути на балтийский, напра-

вив ее к новой столице. Несмотря на затруднения, с какими соединена была эта перемена, Петр сделал Петербург главным портом для внешней торговли, и уже в 1722 году число пришедших сюда иностранных кораблей дошло до 116, а в 1724 году оно увеличилось до 240. Кроме того, у Петра было еще шесть других балтийских портов (Кронштадт, Выборг, Нарва, Ревель, Пернов и Рига), по которым вместе с петербургским в 1724 году числилось в приходе 1700 купеческих кораблей из разных стран Западной Европы.

Проволочная фабрика в XVIII в.

А. Максимов. Петербург XVIII в.

Одним из главных препятствий, мешавших успехам внешней торговли, был недостаток удобных внутренних путей сообщения. Заботясь об устройстве сухопутных дорог, Петр обдумывал сложный план искусственных водных сообщений. Вскоре по завоевании Азова, когда он намеревался направить торговое движение к азовским портам, начаты были работы по устройству канала, который должен был соединить Волгу с Доном посредством их притоков Камышинки и Иловли.

Но когда с началом Северной войны все внимание Петра обратилось к Балтийскому морю, это предприятие, занимавшее до 15 тыс. работников, было брошено. С основанием Петербурга естественно возникла мысль связать новую столицу и ее порт водным путем с внутренними областями, и вскоре Петр приступил к устройству Вышневолоцкой судоходной системы, прорыв канал, связавший приток Волги Тверцу с р. Цной, которая, образуя своим расширением озеро Мстино, выходит из него под названием Мсты и впадает в Ильмень. Движение судов по этому водному пути, установившему сообщение Волги с Невой, затруднялось бурным Ладожским озером, причинявшим судоходству большие потери. Для избежания их Петр в 1718 году задумал провести обводный Ладожский канал, которым суда приходили бы прямо из Волхова в Неву, минуя Ладожское озеро. Работы по устройству этого канала, которыми руководил Миних, были окончены уже по смерти Петра, в 1728 году. Петр задумывал соединить Волгу с Невой еще другим водным путем, перекопав волок (водораздел) между реками Вытегрой, притоком Онежского озера, и Ковжей, впадающей в Белоозеро, также начал еще в 1701 году работы по устройству водного сообщения Дона с Окой чрез приток последней Упу, делал разыскания с целью соединения Белого моря с Каспийским; но эти замыслы, входившие в состав обширного плана искусственных водных сообщений, не были осуществлены, начатые работы оставлены недоконченными.

Г. Гзель. Триумф России. Роспись Летнего дворца Петра I

Финансы. Увеличение государственного дохода в продолжение 15 лет почти втрое (с 3.100.000 до 9 милл.) восстановило равновесие в бюджете Петра. Подушная подать, доставлявшая казне большую половину дохода (4.656.000 в 1725 г.), дала прямым налогом значительный перевес в составе бюджета над остальными источниками дохода. Вся сумма подушной подати шла на содержание сухопутной армии с артиллерией: флот содержался на таможенные и питейные сборы. С 1680 по 1725 г. доходы казны, в переводе

на наши деньги, возросли с 25 до 81 милл. руб. Главные средства, сделавшие народный труд способным внести такой рост казенных требований, состояли в расширении и улучшении прежних производств и во введении новых, направивших массу мало или непроизводительно занятых рабочих рук на разработку нетронутых богатств страны. Для обеспечения этого дела Петр, как писал он в манифесте о вызове иностранцев (1702 г.), особенно заботился о распространении среди своих подданных «поныне им неизвестных познаний», которые сделали бы их более искусными во всех торговых и промышленных делах. В развитии торговой и промышленной техники он видел главное превосходство Запада, то, чему России еще долго придется у него учиться, и в экономических успехах, достигнутых усвоением этой техники, надобно видеть одну из величайших заслуг Преобразователя.

Обзор главнейших явлений русской истории со смерти Петра Великого

Со смерти Петра В. во внешнем и внутреннем положении России обнаруживается ряд перемен, которые были прямыми или косвенными следствиями деятельности Преобразователя и значительно изменили границы и международное положение империи, устройство ее управления и состав русского общества.

Внешняя политика. Сосредоточив все свое внимание на балтийских берегах и воюя с Швецией в союзе с Польшей, Петр Великий, особенно после турецкого похода 1711 г., покинул мысль о Черном море, о восточном вопросе, как и о воссоединении западной России. Но в следующие царствования эти старые, давно наболевшие вопросы русской политики сами собою стали на очередь. Преобразованная Россия заняла видное место среди европейских держав, а ее южным границам по-прежнему угрожали крымские варвары, и их набеги уже в царствование Анны вызвали победоносную, но тяжелую, страшно дорого стоившую войну с Турцией, кончившуюся бесплодным Белградским миром (1739 г.). Со времени Андрусовского перемирия (1667 г.) Россия жила в мире и даже союзе с Польшей, имея общих врагов – Турцию и Швецию. Но эта непривыч-

ная дружба двух так долго враждовавших соседей только ухудшила положение православных в Польше: их насильно обращали в унию, православные епархии передавали униатам, православное духовенство подвергали жестоким истязаниям, оскорбляли православные церковные обряды и святыни, запрещали строить и поправлять православные храмы, православных русских не допускали ни на сейм, ни к общественным должностям, облагали их поборами в пользу католического духовенства. Петр Великий и его преемники напрасно жаловались польскому правительству на все это; их жалобы оставлялись без последствий. Такой образ действий Поляков, прикрываемый и как бы поощряемый союзом с Россией, ослаблял, грозил даже порвать те национальные и церковные связи западной Руси с Россией, в которых для последней заключалось самое надежное средство завершить свое национально-политическое объединение возвратом западнорусских областей. Екатерина II смело приступила к решению обоих этих вопросов, восточного и западнорусского. Правда, оба дела пошли при ней не вполне тем прямым путем, какой указывали исторически выяснившиеся интересы России, и пошли не так легко, как надеялась повести их Екатерина.

Две победоносные, но тяжелые войны с Турцией, предпринятые с мечтательными планами освобождения христиан Балканского полуострова и восстановления Греческой империи на развалинах Турецкой, дали России Крымский полу-

остров с Очаковом. Вопрос о воссоединении западной Руси с Россией разрешился уничтожением Речи Посполитой, причем коренная Польша, страна славянская, даже с чисто русской областью Галицией отдана была двум немецким державам. Такой ход дел вынужден был необходимостью разрешать оба вопроса, турецкий и польский, одновременно и совместно, а не раздельно и поочередно, и допустить участие в их разрешении двух сторонних держав, причем еще колебались между союзом с Австрией и с Пруссией, державами, соперничавшими друг с другом, но одинаково неприязненными России и славянству. При всем том и достигнутые успехи были весьма велики: от Польши приобретено было более 6 милл. большею частью коренного русского населения; южнорусские степи открыты были русскому труду и европейской христианской культуре; территориальное расширение России земельными приобретениями Екатерины II настолько подвинуто было к своей цели, что оставалось только присоединить Финляндию (по миру в Фридрихсгаме 1809 г.) и Бессарабию (по договору в Бухаресте 1812 г.) для того, чтобы Европейская Россия стала в свои естественные географические границы; Русская империя собрала почти все части Русской земли (за исключением Галиции) и закрепила за собою место в семье великих европейских держав. Намечены были пути и средства дальнейшего решения восточного вопроса: по договору 1774 г. в Кучук-Кайнарджи русским торговым судам открывалось свободное плавание из Черно-

го моря в Средиземное, а русским резидентам в Константинополе дано право ходатайствовать перед Портой по делам Молдавии, по присоединении Крыма возник черноморский военный флот в Севастополе, служивший ближайшей опорой русского протектората над восточными христианами.

*La Situation de La Pologne
en 1773.*

Die Lage des Königreichs Pohlen
im Jahr 1773.

И. Нильсон. Немецкая гравюра, символически изображающая Первый раздел Польши 1773 г.

С завершением территориального и национального объединения Европейской России внешняя политика ее приступает к решению других задач, раньше поставленных или вновь ставших на очередь. Эти задачи прямо или косвенно связаны со старым *восточным вопросом*, который с начала XIX в. и становится основным регулятором внешней политики России. Вместе с тем и содержание его расширяется: из местного вопроса об освобождении балканских христиан от турецкого ига он превращается в общий вопрос о прочной установке отношений России к азиатским населением, согласным с требованиями европейско-христианской цивилизации, и распространяется с Балканского полуострова на Закавказье, среднюю и восточную Азию, вызывая столкновение России с Турцией, Персией, с владельцами Туркестана и с Китаем. Но ход этого вопроса затруднился интересами, с разных сторон в него вплетававшимися, заботами западных держав о поддержании политического равновесия в Европе, расчетами их восточной торговли, опасениями Австрии за спокойствие своих Славян, опасениями Англии за свое влияние в Азии и т. п. Затруднение усиливалось еще колебаниями русской политики в выборе способа решения трудного вопроса: она то добивалась лишь некоторого улучшения в положении христиан под турецким игом, то склоня-

лась к международному разделу Турции между Россией, Австрией, Францией, Англией, даже Испанией, то – под влиянием консервативно-легитимистских начал Священного союза и в ущерб значению России на Востоке – предоставляла восставших Греков их собственным силам (на конгрессе в Вероне 1822 г.), то, наконец, требовала независимого внутреннего управления для христианских народностей Балканского полуострова. Император Николай I, свободный от обязательств Священного союза, предпочел этот последний план действий и тем дал восточному вопросу постановку, более согласную с интересами России и с преданиями русской политики. Так как быстрое распадение Турции на ее составные части грозило общей анархией на Востоке, то в основание восточной политики России положено было правило содействовать освобождению христианских народностей Турции по мере их национально-политического пробуждения, предоставляя им независимое внутреннее управление, но оставляя их до поры до времени под верховною властью султана, чтобы не доводить Турцию до одновременного полного разложения, и только обеспечивая такое переходное положение освобождаемых русским правительством.

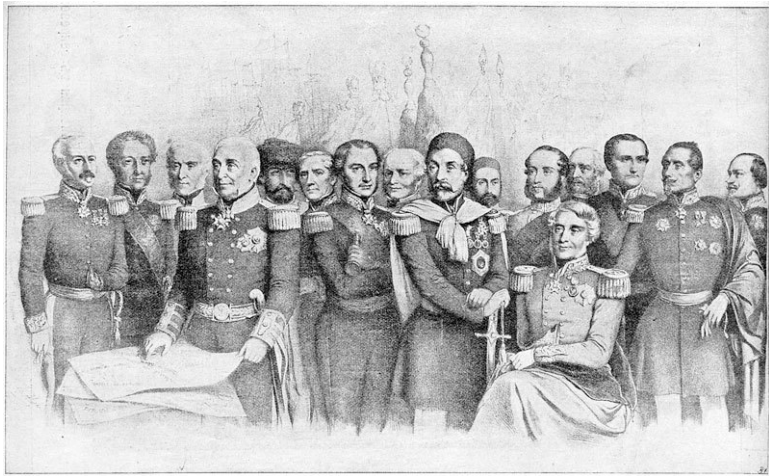

Ф. Крюгер. Портрет Николая I

Таким образом, давно и исторически естественно возникшее стремление России поддерживать угнетаемые иноверцами единоверные и частью единоплеменные населения Востока рядом войн России с Турками превратилось в признанное договорами международное *право* ее покровительствовать всем восточным христианам. Завоеывая и укрепляя за собой это право, Россия отторгала от Турецкой империи одну за другой ее составные части в порядке их географической близости или их политического пробуждения и одни из них включала в состав своей территории, а другие призывала к самостоятельному политическому бытию. Под властью собственных государей и под покровительством России, но с платой ежегодной дани султану в знак его верховной власти (признание независимости Татар от Турции по договору 1774 г., присоединение Бессарабии в 1812 г., освобождение Молдавии, Валахии и Сербии по договору Бухарестскому 1812 г., Аккерманскому 1826 г. и Адрианопольскому 1829 г.). На таких же условиях первоначально предполагалось освободить и Греков, восставших в 1821 г. (Лондонский договор России, Англии и Франции 24 июня 1827 г.). Но после Адрианопольского мира державы-покровительницы предпочли образовать из них вполне независимое от Турции королевство (Лондонский протокол 3 февраля 1830 г.). В то же время и та же необходимость защиты христиан от Турков и Персов увлекала Россию в Закавказье.

казье, прежде чем покорено было иноверное население горного Кавказа. Россия принимала там под свое покровительство, а потом и под свою власть христианские владения и покоряла могометанские. В 1783 г. грузинский царь Ираклий, не имея сил бороться с Персией, отдался под покровительство России, а его преемник Георгий XII завещал Грузию русскому императору, и в 1801 г. она была присоединена к России. Следуя примеру Грузии, признали над собой владычество России Имеретия (г. Кутаис), Мингрелия и Гурия (по р. Риону – в 1804 г. и 1810 г.). Для ограждения этих закавказских приобретений России пришлось рядом войн отторгать от Персии и Турции смежные магометанские области (присоединение приморской части Дагестана с Дербентом в 1795 г., персидских ханств Ширванского, Карабахского, Эриванского, Нахичеванского и др. по трактатам Гюлистанскому 1813 г. и Туркманчайскому 1828 г., восточного берега Черного моря и части турецкой Грузии с г. Ахалцыхом по Адрианопольскому договору 1829 г.).

Полководцы союзных армий Крымской войны.
Из Иллюстрированного обзора минувшего столетия,
1901 г.

Ослабленная русскими победами Турция перестала считаться тяжелой помехой политическому возрождению восточных христиан, а по слабости своей казалась удобной соседкой. Потому, когда победоносное восстание паши египетского Мегмета-Али, турецкого вассала, в 1831 г. стало грозить основанием нового и сильного магометанского государства на развалинах Турецкой империи, Россия по просьбе султана послала ему помощь войском и флотом и спасла Турцию от разгрома. В отплату за свое спасение султан по договору в Ункиар-Скелесси (8 мая 1833 г.) предоставил рус-

ским военным судам свободный проход через Босфор и Дарданеллы; для военных флотов других держав эти проливы оставались закрыты. Россия приобрела преобладающее влияние в Константинополе и укрепила за собою право покровительства восточных христиан. Такое преобладание казалось западным державам грозною опасностью для политического равновесия Европы, и они старались ослабить его своим вмешательством в восточные дела. Император Николай поддержал султана и во второе еще более опасное восстание египетского наместника (в 1839 г.), но принужден был разделить это дело с Англией, Австрией и Пруссией. Лондонский договор четырех держав (1840 г.) заставил мятежного пашу покориться султану. В оба раза русская поддержка Турции имела целью помешать политическому возрождению магометанского ига. Так установилась политика России в восточном вопросе: не допуская ни раздела Турции между европейскими державами, ни политического усиления магометанства посредством внутреннего переворота, она, пользуясь своим положением, содействовала освобождению покровительствуемых от турецкого ига, но оставляла до времени освобождаемых в вассальной зависимости от султана. Западная дипломатия ставила другие цели своей восточной политики, признавая необходимым для охраны целости Турции уничтожить это исключительное право России и противодействовать освобождению покровительствуемых ею христиан. Эта политика при новом столкновении России с Тур-

цией из-за святых мест в 1853 г. и привела к союзу западных держав с Турцией против России.

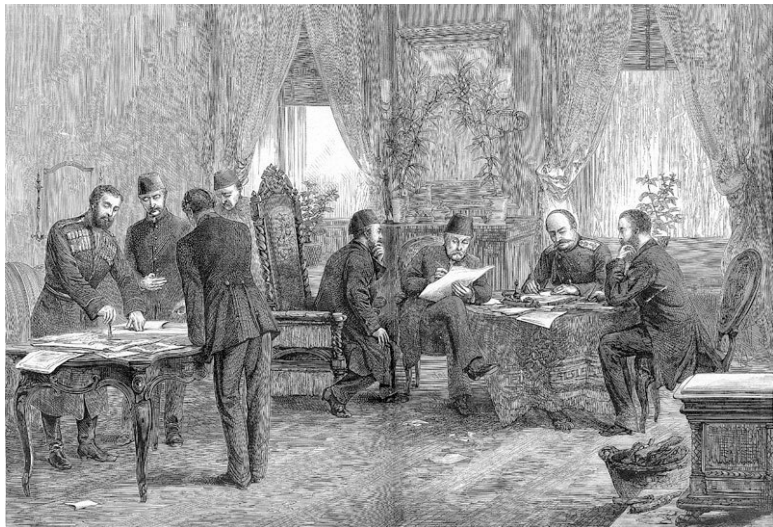
Исход этой новой коалиционной восточной войны (1853–1856 гг.) произвел крутой поворот в постановке восточного вопроса. Россия лишилась одной из главных опор своего влияния на Востоке; превосходный черноморский флот ее погиб, затопленный в Севастопольской бухте самими русскими, а по условиям Парижского мира (18 марта 1856 г.) Россия обязалась не заводить нового и не строить никаких военно-морских сооружений по черноморским берегам. Черное море было нейтрализовано, открыто для торговых судов всех наций. Восточные христиане были поставлены под общее покровительство великих держав Европы, и сама Турция, существование которой было формально признано необходимым для поддержания европейского равновесия, была принята в систему европейских держав, т. е. стала под опеку тех же держав-покровительниц, как государство неполноправное. Так восточный вопрос в пределах Европы из русско-турецкого превратился в международный, общеевропейский и в этой новой фазе своего развития получил новую постановку и новый характер.

Совместный протекторат великих держав не умиротворил Востока, не примирил турецких христиан с магометанами, хотя Парижский трактат обязал Порту уравнивать в правах первых с последними. Виды западноевропейской дипломатии на возрождение Турции посредством реформ и на удерж-

жание христианских народностей под ее властью сокрушились о косность и религиозный фанатизм Турок и о неудержимое стремление христиан к свободе. Разложение Турции пошло еще быстрее прежнего. Вассальные дунайские княжества Молдавия и Валахия против воли турецкого правительства соединились в одно государство *Румынию*, избрав своим общим господарем молдавского дворянина Ал. Кузу (1859 г.), а по изгнании его принца Карла Гогенцоллерна (1866 г.). Греки на о. Крите поднялись против Турции, желая присоединиться к Греции. Сербия, руководимая преданной России национальной партией младосербов (вожди ее Вучич и Гарашанин), восстановила династию Обреновичей и добилась очищения своих крепостей от турецких гарнизонов, чем почти была упразднена власть султана над Сербией (1867 г.). Восстание в Боснии и Герцеговине, поддержанное сербскими и черногорскими добровольцами (1875 г.) и сильно отозвавшееся в других частях Балканского полуострова, особенно в Болгарии, повело к войне Сербии и Черногории с Турцией, а потом к новой Русско-турецкой войне (1877 г.), окончившейся Сан-Стефанским договором (19 февраля 1878 г.).

Луи-Эдуард Дюбюф. Подписание Парижского мирного договора

**Подписание Сан-Стефанского договора, 1878 г.
Из Иллюстрированного обзора минувшего столетия,
1901 г.**

Западные державы, особенно Англия и Австрия, охраняя Турцию, противодействовали сколько могли движениям среди восточных христиан, и это противодействие особенно явственно обнаружилось на Берлинском конгрессе (июнь 1878 г.), на котором по настоянию тех же двух держав подвергнуты были пересмотру условия Сан-Стефанского договора. По этому договору Россия получила от Турции сверх денежного вознаграждения клочок Бессарабии (на север от Дуная), отторгнутый от нее по Парижскому трактату.

ту 1856 г., и часть Армении с крепостью Карсом и портом Батумом на Черном море, признавалась полная независимость Румынии, Сербии и Черногории с расширением их границ, Болгария в пределах от Дуная до Эгейского моря становилась княжеством с независимым национальным управлением под главенством султана и с платежом ему дани, Босния и Герцеговина также получали автономное внутреннее управление. Берлинский конгресс ограничил Болгарское княжество северной Болгарией до Балкан, оставив южную (*Восточную Румелию*) под непосредственной властью султана и под управлением назначаемого им с согласия европейских держав христианского губернатора, т. е. сделал необходимым новый переворот для воссоединения разорванных половин страны (1885 г.) с новыми волнениями на полуострове, а Боснию и Герцеговину отдал в управление Австро-Венгрии, армия которой при занятии этих провинций встретила упорное сопротивление. Англия, своей бесполезной поддержкой Турции продлившая последнюю войну и тем увеличившая число ее жертв, в вознаграждение за то независимо от Берлинского конгресса и даже неожиданно для него особым договором с Турцией отняла у нее о. Кипр (июнь 1878 г.).

Улаживая таким образом восточные дела, европейская дипломатия урезывала территорию Турции, стесняла пределы власти ее султана, предписывала ей обязательные реформы, диктовала правила и назначала международные на-

блюдательные и вспомогательные комиссии для внутреннего устройства ее областей, указывала ей условия ее дальнейшего существования, сдерживала угрожавшие ей движения восточных христиан, – словом, поступала с ней, как с существом несовершеннолетним, беспомощным и неспособным. Так со времени принятия Турции в концерн европейских держав совместный протекторат их над восточными христианами для защиты их от Турции превратился на деле в совместную опеку над Турцией для защиты ее от восточных христиан.

Сбитая Парижским трактатом 1856 г. со своего старого пути, восточная политика России обратилась на новые поприща, указанные ее интересами или необходимостью. Вслед за окончанием восточной (крымской) войны покорены были воинственные горные племена Кавказа, сначала восточного (1859 г.), потом западного (1864 г.), чем окончательно упрочена была безопасность кавкаских владений. Враждебное отношение среднеазиатских ханств Кокандского, Бухарского и Хивинского, разбойничьи набеги туркмен, грабежи русских торговых караванов побудили предпринять ряд походов в Туркестан, сопровождавшихся завоеванием Ташкента (ген. Черняевым в 1865 г.) и потом присоединением всего Кокандского ханства (1876 г.), взятием Самарканда у Бухарского эмира (1868 г.), покорением Хивы (ген. Кауфманом в 1873 г.) и туркменского племени текинцев (ген. Скобелевым в 1881 г.). С добровольным вступлением Мер-

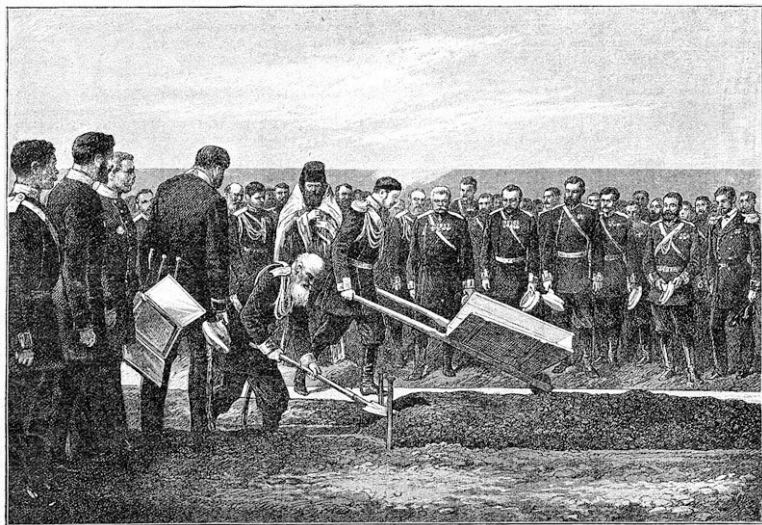

ва в русское подданство (1884 г.) среднеазиатские владения России распространились до Афганистана, отдельной полосой между ними и английской Индией. В то же время Россия утверждалась и на Дальнем Востоке, на берегах Тихого океана. Еще в XVII в. сибирские казаки проникли в область р. Амура и мужественно отстаивали построенную на ней против китайцев крепость Албазин. Но правительство царевны Софии по недостатку сведений о крае уступило китайцам оба берега Амура (по Нерчинскому договору 1689 г.). Генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев (по Айгунскому договору 1858 г.) укрепил за Россией левый берег Амура (Амурская область), к которому вскоре присоединился Уссурийский край до границ Кореи с правым берегом Амура, ниже впадения в него р. Усури (*Приморская область*), и там быстро стали возникать русские поселения (Благовещенск, Хабаровск, Никольевск, Владивосток; в обеих областях 65 тыс. жителей в 1870 г., 164 тыс. в 1885 г., 250 тыс. в 1897 г., до 350 тыс. в 1900 г.).

Великий Сибирский путь и Дальний Восток.

В 1891 г. была начата постройка Сибирской железной дороги одновременно с двух концов от Челябинска и Владивостока. С западной стороны линия была доведена до Сретенска, с восточной до Хабаровска. Оставалась линия Сретенск – Хабаровск. Но политические события 1890-х годов побудили русское правительство покинуть левый берег Амура и дать дру-

гое направление восточной части пути.

Закладка Великой сибирской дороги, 1891 г. Илл. из Иллюстрированного обзора минувшего столетия. 1901 г.

По договору с Китаем в 1898 г. Россия взяла в арендное содержание Квантунскую область, примыкающую к незамерзающему Желтому морю, с Порт-Артуром, который сохранил значение военной гавани, а на берегу залива Да-Ля-Вань основан (1899 г.) город Дальний, с правами торгового порто-франко. Сибирский путь с востока завершился

по конвенции с Китаем проведением чрез Маньчжурию Восточной Китайской дороги; отходя от сибирской магистрали несколько западнее Сретенска, маньчжурская линия разветвляется и дает Сибирскому пути два выхода к Тихому океану, один на Владивосток, а другой на Дальний и Порт-Артур. Стоимость Сибирского пути с его ветвями и вспомогательными предприятиями (организация переселенческого дела, пароходство по прилежащим водным путям и по Байкалу, устройство г. Дальнего и Порт-Артура, Пермь-Котласская линия в Европейской России для выхода сибирских грузов к Белому морю и др.) достигает миллиарда рублей. Самое важное из побочных предприятий сибирской дороги – устройство переселенческого дела для заселения полосы, пересекаемой магистралью, особенно заселение пустынных пространств Восточной Сибири. Ежегодное число переселенцев, до 1880-х годов не превышавшее 2 тысяч, в 1896 г. достигло 200 тысяч. Громадны политические и экономические задачи, представшие пред Россией с проложением Великого сибирского пути. Достаточно указать на усложнение международных отношений в связи с занятием Маньчжурии и Квантунской области, на противодействие желтой расы успехам русской культуры и колонизации на Дальнем Востоке, на трудность соглашения общей таможенной политики России с началами свободной торговли, необходимыми для ее восточных окраин, и будущего мирового транзитного значения сибирской магистрали с развитием внутренних

производительных сил страны. В сентябре 1904 г. была окончена, весьма поспешно и с большими экстренными затратами, *Кругобайкальская* дорога (ок. 260 верст). Она огибает южную часть Байкала, всюду почти пролегая по гнейсовым скалам, входящим в воды озера-моря. Множество мостовых и туннельных сооружений, вынужденная войною спешка работ, самые условия работ в этих пределах вечной мерзлоты, – все это ставит Кругобайкальскую дорогу в ряд труднейших и наиболее дорогих железных путей (до 200 т. р. верста). Увеличение пропускной способности дороги также потребовало бы огромных затрат.

Строительство Транссиба. Нач. XX в.

Необходимый сам по себе сибирский рельсовый путь на первых порах не поднял заметным образом благосостояния пересекаемых им местностей, а вследствие вывоза за границу из Западной Сибири хлеба и масла там подобралось былые хлебные запасы и, что должно быть особенно вредно для детского населения, сократилось потребление молочных продуктов. Так как не было детального, внимательного к голосу местных нужд изучения вопроса об ожидающих дорогу грузах, участки Сибирской дороги, отстраива-

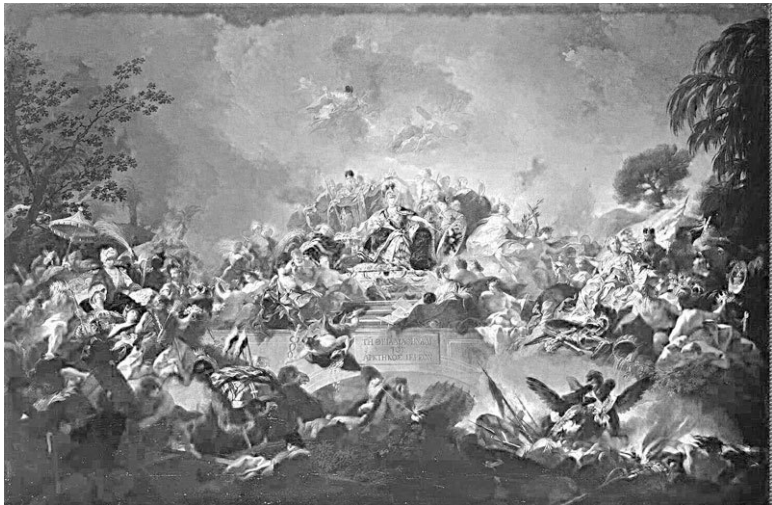
ясь, сразу же не могли удовлетворять требованиям, предъявляемым к дороге обществом и самим правительством. С наступлением войны сибирский товарный обмен оказался в худшем положении, чем был до проведения дороги, потому что все поезда, по крайней мере в восточном направлении, были заняты воинскими грузами, а прежние гужевые сообщения успели совершенно разладиться. Уже начаты сложные и по необходимости медленные работы по смягчению подъемов и спрямлению крутых поворотов, за чем последует прокладка и второго пути в пределах как Западной, так и Восточной Сибири; эти работы являются, в сущности, капитальным переустройством дороги, после которого она станет более в уровень с требованиями политической и экономической жизни страны. Кругобайкальская дорога сомкнула непрерывным рельсовым путем (с переменою колеи на русско-германской границе) океаны Атлантический и Тихий уже тогда, когда юго-восточная, к незамерзающему побережью примыкающая часть великого пути была исторгнута из русских рук. Японско-русская война была следствием вступления России в область могущественных международных влияний, плотно облегающих побережья Желтого и Китайского морей, южную и среднюю Маньчжурию. Овладев одною из лучших частей этого побережья, соединив его русскою колеєю с русскими дорогами через самое сердце Маньчжурии, священный Мукден, Россия заняла господствующее положение в этой области перекрестных инте-

ресов Англии, Японии, Германии и Америки. Ее влияние с небывалою остротою проникло и в Корею, куда уже давно стремится Япония перелить избыток своего населения. Напротив того северная, на Владивосток идущая маньчжурская линия едва ли повлияла на завязку великой борьбы. Дорога здесь отдавала влиянию России только правое побережье Амура, где у держав не было особенных интересов, а у России, напротив, самые настоятельные: делом необходимой обороны было утвердить свое влияние в областях, где водворение иной державы грозило бы неотвратимую опасностью всем старым восточноазиатским владениям России. Но отделенная от областей Амурской и Приморской и пространствами северной Маньчжурии с кучей горных хребтов, и самым течением великой реки, северная маньчжурская дорога отнюдь не исключает нужды в железных путях на левом берегу Амура, необходимых для колонизации Восточной Сибири и использования ее разнообразных богатств.

Управление. Преобразуя старое московское управление, Петр Великий вводил в центральные и областные учреждения коллегиальный порядок делопроизводства, точнее, разграничивал ведомства, отделив суд от администрации учреждением независимых от губернаторов *надворных судов*, дал городскому торгово-промышленному населению выборное, независимое от губернаторов и воевод управление в *ратушах*, а потом в *магистратах*. После Петра созданное им

областное управление нашли слишком сложным и тяжелым и начали упрощать его: губернаторам и воеводам возвращена была судебная власть, и городские магистраты были подчинены им, а Главный магистрат совсем упразднен. Зато центральное управление при Екатерине I осложнилось новым учреждением, ставшим выше Сената, *Верховным Тайным Советом*, из важнейших сановников (8 февр. 1726 г.). Сенат, как высший надзиратель и руководитель управления, действовал в пределах существующего закона, принимая меры для его исполнения. Верховному Совету вместе с законодательной инициативой предоставлено было обсуждение проектов законов, и никакое дело законодательного характера не могло быть решено помимо его, по особому докладу императрице. Практика и случайные распоряжения без общего плана значительно изменили по частям учреждения Петра Великого, мало улучшив их, и Екатерина II в начале царствования жаловалась, что все правительственные места и самый Сенат выступили из своих оснований.

Г. Гульельми. Апофеоз царствования Екатерины II

Лампи Старший. Портрет Екатерины II

Ни исторический склад русского государства, ни собственные политические виды не располагали Екатерину II к коренной перестройке высшего центрального управления в духе усвоенных ею либеральных учений тогдашних французских публицистов; но она хотела дать этим теориям возможно широкое применение в местном управлении. Утвержденные ею 7 ноября 1775 г. *губернские учреждения* с небольшими изменениями действовали до земской и судебной реформы 1864 года, а некоторые действуют доселе. Они составили довольно сложную систему административных и судебных мест, общих и сословных. Россия разделена была на 50 губерний с населением от 300 до 400 тыс. душ в каждой, с подразделением на уезды в 20–30 тыс. душ. Губернии управляются губернаторами: иногда во главе 2–3 губерний ставился генерал-губернатор или наместник с обширными полномочиями. *Губернское правление* получило власть распорядительскую и полицейскую; его уездными органами были *нижние земские суды* под председательством избираемых дворянством капитанов-исправников. Государственными доходами и другими казенными делами заведует *казенная палата*; хранят доходы *казначейства* губернские и уездные. В судебном порядке учреждены три инстанции: низшую образовали в уезде *уездный суд* для дворян, *городовой магистрат* для купцов и мещан, *нижняя рас-*

права для дворян и государственных крестьян, среднюю – губернские сословные же суды, *верхний земский суд, губернский магистрат* и *верхняя расправа*, высшую – *палаты уголовная и гражданская* для всех сословий. Для уголовных дел, в которых источником преступления является не злая воля, а несчастье, суеверие и т. п., и для любовного решения тяжб в губернском городе учреждался *совестный суд*. Делами благотворительности и народного просвещения заведовал *приказ общественного призрения*. Главные начала положения 7 ноября: коллегиальный порядок ведения дел, последовательно проведенное разделение ведомств административного и судебного с отделением суда гражданского от уголовного, сословный состав суда в низшей и средней инстанции, *совместное участие* трех сословий в некоторых учреждениях, именно в *совестном суде* и *приказе общественного призрения*, где присутствовали выборные заседатели от купечества и мещан, от дворян и государственных крестьян. Это участие имеет особенно важное значение: оно было робким приступом к восстановлению в управлении и суде совместной деятельности сословий, еще в XVII в. разобщившихся сословными правами и обязанностями, как и сословным управлением. Недостатками учреждений 1775 г. можно признать излишнюю сложность и дороговизну управления и особенно суда, а также одностороннее основание нового областного деления: Россия была разрезана на 50 губерний взамен прежних 20 исключи-

тельно по количеству народонаселения, без всякого внимания к пространству и к прежнему историческому делению страны, к местным бытовым связям и особенностям населения. К числу недостатков тех же учреждений можно отнести и их практику, не оправдавшую ни положенных в их основание начал, ни возлагавшихся на них ожиданий. Впрочем, вина этого лежит не столько на законодательстве, сколько на обществе, в котором трудно было найти достаточно людей, годных к деятельности в новых учреждениях, и которое, будучи призвано к участию в местном управлении, не показало, по свидетельству современных наблюдателей, ни должного внимания к этому призыву, ни надлежащего понимания своих интересов.

Джордж Доу. Портрет Александра I

Новое образование центрального управления было делом царствования Александра I. На ходе этого дела заметно отразились некоторые черты личного характера Императора. Мечтательный от природы, исполненный высоких и неясных идеалов по воспитанию и возрасту, но осторожный и недоверчивый к людям по раннему житейскому опыту, он принес на престол больше благих желаний, чем практических средств для их осуществления. Из среды, окружавшей его до воцарения, екатерининской и павловской, он вынес тяжелое впечатление беспорядка и произвола и юношески горячее желание как можно скорее водворить порядок и законность в управлении, дать ему определенные, твердые формы.

Но мало знакомый с прошедшим России и с ее настоящим положением, он не имел достаточно наблюдений и соображений, чтобы по ним составить целесообразный и удобоисполнимый план преобразовательных мер, требуемых этим положением, и не видно, чтобы он много думал о том, найдутся ли люди, способные понять и практически разобрать его стремления, еще недостаточно выяснившиеся ему самому. Для него пока ясно было лишь то, что хорошие законы и учреждения нужнее и надежнее хороших людей, которые всегда – только счастливая случайность, и как скоро явятся хорошие законы и учреждения, то и без особенных усилий правительства его органы будут действовать хорошо.

И Александр I немедленно по воцарении приступил к приведению в порядок законов и учреждений. В 1801 г. гр. Завадовскому поручено управление *Комиссией составления законов*, которая, впрочем, не больше прежнего подвинула дело, не удавшееся во весь XVIII век, со времени учреждения комиссии 1700 г. для пересмотра Уложения 1649 г. Со смерти Петра I чувствовалась потребность в высшем учреждении для предварительного обсуждения новых законов и важнейших дел управления. Эту потребность пытались удовлетворить посредством *Верховного Тайного Совета* при Екатерине I и Петре II, *Кабинета* министров при Анне, частью *Конференции* при Елизавете. Екатерина II для обсуждения важнейших государственных вопросов созывала совет из доверенных лиц, не имевший ни определенного круга дел, ни установленного порядка их производства. В 1801 г. учрежден был постоянный *Непременный Совет* из 12 членов, но без разделения на департаменты. Коллегиальный строй, данный центральному управлению Петром Великим, постепенно расшатывался влиянием сильных лиц, какими были, например, при Екатерине II президент Военной коллегии кн. Потемкин или генерал-прокурор кн. Вяземский, распоряжавшиеся коллегиями как своими послушными орудиями. Притом со введением губернских учреждений 1775 г. большинство петровских коллегий (юстиц-к., ревизион-к., штатс-контора и др.) было закрыто и дела их, судебные и финансовые, перешли из центра в губернские правления и па-

латы гражданского и уголовного суда и в казенную, т. е. были децентрализованы. Это делало центральное управление еще менее цельным и стройным. В видах централизации управления и более правильного распределения дел между отдельными центральными ведомствами, а также для установления более строгой ответственности центральных управлений коллегии постепенно были заменены с 1802 г. восемью министерствами: *иностранных дел, военно-сухопутных сил, морских сил, внутренних дел, юстиции, финансов, коммерции и народного просвещения*. По каждому министерству направление дел и ответственность за ход их возлагались на одно лицо, министра, а не на коллегию. Деятельность министров подчинена была надзору Сената, которому они представляли ежегодные отчеты о своем управлении. Дела, касавшиеся нескольких ведомств и требовавшие общих соображений, решались *Комитетом министров* (упразднен 24 апр. 1906 г.; дела его распределены между департаментами Гос. Совета и Советом Министров). Так над коллегиальными губернскими учреждениями Екатерины II стали центральные ведомства с единоличной властью министров. Эти реформы первых лет царствования вводились спешно, без точных положений, недостаточно соображались одна с другой и с общим строем управления, рассчитаны были больше на то, чтобы все было, как у других, у просвещенных народов, чем на то, что было нужно и возможно, по ходу туземных дел и по туземному уровню развития.

Для исправления и довершения первых преобразовательных опытов Император встретил в лице Сперанского организатора, каких немного появлялось в нашей истории. В его уме, быстром и гибком, привыкшем к работе над отвлеченными предметами, сложные государственные вопросы разрешались легко даже при скудных данных для их решения, запутанные отношения как-то сами собой складывались в стройный план, в целую систему. С Тильзитского мира (1807 г.) Сперанский становится ближайшим сотрудником Императора по внутреннему управлению. Он умел угадывать и развивать преобразовательные помыслы Императора, облакая их в стройные и отчетливые проекты. К концу 1809 г. по указанию Императора составлен был обширный план общего и коренного преобразования, обнимавший все части государственного порядка сверху донизу. Но, одобрив проект, Александр не решился осуществить его в полном составе ввиду затруднений, какие этот проект должен был встретить при исполнении по своей широте и по новизне своих начал. Осуществлены были только немногие его части, относящиеся к центральному управлению, которое тогда получило устройство, с некоторыми изменениями, действующее доселе.

И. Репин. Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в честь столетнего юбилея со дня его учреждения

В первый день 1810 г. открыт был самим Императором преобразованный *Государственный Совет*. Значение его в системе государственных установлений выражено манифестом 1 января 1810 г. в трех основных началах его устройства: 1) Совет рассматривает проекты законов, уставов и учреждений по всем частям управления, 2) один он их рассматривает, и 3) никакой закон, устав или учреждение не исходят из Совета и не могут иметь действия без утверждения верховной власти. Таким образом устанавливался порядок законодательства. К делам собственно законодательным присоединялись и другие, с ними соприкасающиеся: общие внутренние меры в чрезвычайных случаях, объявление войны, заключение мира и другие важные внешние

меры, «когда по усмотрению обстоятельств могут они подлежать предварительному общему соображению», ежегодные сметы государственных доходов и расходов, назначение новых расходов в течение года, рассмотрение отчетов всех министерств по управлению вверенными им частями. Совет составлялся из членов по назначению государя и из членов по званию, министров, и был разделен на четыре департамента: *законов, дел военных, дел гражданских и духовных и государственной экономии*, с особыми председателями в каждом департаменте. В общем собрании, где председательствует сам государь или один из членов, ежегодно им для того назначаемый, решались дела, предварительно рассмотренные в подлежащем департаменте или прямо в него внесенные. Для ведения дел Совета при нем учреждена *государственная канцелярия* с особыми отделениями для каждого департамента. Во главе каждого отделения поставлен *статс-секретарь*, докладывающий дела в своем департаменте, а всей канцелярией Совета руководит *государственный секретарь*, докладывающий дела в общем собрании и представляющий журналы Совета на высочайшее усмотрение. Государственным секретарем был назначен, разумеется, Сперанский, организатор учреждения, что по новости дела давало ему значение руководителя Совета и как бы первенствующего министра.

А. Варнек. Портрет М. М. Сперанского

Вслед за Государственным советом преобразованы были по плану Сперанского министерства, учрежденные в 1803 г.

Это преобразование совершено манифестом 25 июля 1810 г. о разделении государственных дел на особые управления и *Общим учреждением министерств*, изданным 25 июня 1811 г. По новому распорядку упразднено одно из прежних 8 министерств – *коммерции*, дела которого распределялись между министерствами финансов и внутренних дел; зато из ведомства последнего выделены были дела о внутренней безопасности, для которых образовано особое министерство *полиции*. Кроме того, образовано несколько особых центральных ведомств под названием *главных управлений* с значением отдельных министерств (главные управления *ревизии государственных счетов*, или государственный контроль, *духовных дел иностранных исповеданий* и *путей сообщения*). В Общем учреждении определены состав и порядок управления министров, границы власти министров, их ответственность и другие подробности министерского управления. Положение 1822 г. в своих основаниях и даже во многих подробностях действует доньше с некоторыми изменениями, вызванными дальнейшим развитием центрального управления. Сперанский составил и проект преобразования Сената, согласованный с новым устройством министерств и Государственного Совета и основанный на строгом разделении дел административных и судебных, которые соединялись в ведомстве этого учреждения.

Но этот проект не был приведен в исполнение, и Сенат сохранил прежнее смешанное ведомство, оставшись выс-

шей судебной инстанцией по делам гражданским и уголовным, судом ревизионным и кассационным, а вместе и высшим административным учреждением, которое распоряжается обнародованием законов и наблюдает за их исполнением подчиненными ему местами, разрешая их недоразумения по управлению и приложению законов.

Состав общества. До конца царствования Петра Великого главным источником, из которого правительство черпало необходимые ему средства, служил обязательный труд в пользу государства, разверстаный в виде специальных сословных повинностей между основными классами русского общества, служилым землевладельческим, городским торгово-промышленным и сельским земледельческим. Эта разверстка специальных повинностей, соединенная с известными также специальными правами, и придавала общественным классам характер разобщенных, замкнутых сословий. Петр Великий не только не ослабил, но еще усложнил эту сословную разверстку, остановив обязательное обучение дворянства и распространив воинскую повинность рекрутскими наборами на неслужилые классы. После Петра становится заметен обратный ход строения русского общества: специальные сословные *повинности*, падавшие на свободные классы, постепенно облегчаются или упраздняются, а сословные *права* их определяются точнее и расширяются; тем и другим процессом сословия, уравниваясь и сближаясь, подго-

товляются к совокупной деятельности в местном управлении; эта подготовка завершается отменой крепостного права, распространившей на крепостных крестьян права состояния свободных сельских обывателей.

Дворянство. Эта перестройка общества началась сверху, с дворянства. Внешние и внутренние обстоятельства, наступившие по смерти Петра Великого, содействовали облегчению, а потом и отмене служебных тягостей, лежавших на этом сословии (закон 31 декабря 1736 г. об ограничении обязательной дворянской службы 25-летним сроком, манифест 18 февраля 1762 г. о даровании «вольности и свободы российскому благородному дворянству»). Учреждение о губерниях 1775 г. открыло дворянству широкое и влиятельное участие в местном управлении и суде. Жалованная грамота дворянству 1785 года, образовав из дворян каждой губернии *дворянское общество*, точно определила и закрепила сословные права дворянства, как личные, так и общественные. Права личные: наследственность... «своими равными», свобода от личных податей и телесных наказаний, право заводить фабрики и заводы и заниматься торговлей, полное право собственности на все, что находится в имении дворянина.

Общественные права сословия выражались в ведомстве органов губернского дворянского общества, губернского и уездных *собраний дворянства*, созываемых чрез каждые 3 года. Эти собрания со своими председателями, выборны-

ми губернским и уездными предводителями дворянства: 1) принимали участие в общем губернском управлении, выбирая «из дворян, на месте живущих», должностных лиц, избрание которых предоставлено было дворянству, 2) вели дела внутреннего сословного самоуправления, предоставленного дворянским обществам, 3) могли представлять губернатору «о своих общественных нуждах и пользах» и приносить чрез депутатов «представления и жалобы» как Сенату, так и самой верховной власти. Впоследствии эти права были еще расширены. По учреждению 1775 г. дворянство наравне с двумя другими сословиями выбирало членов *заседателей* в свои сословные суды первой и второй инстанции (*уездный суд* и *верхний земский суд*). При Александре I дворянству дано право выбирать по два заседателя в *палаты уголовную* и *гражданскую*, составлявшие третью сословную инстанцию, а при Николае I положением 1831 г., сравнявшим местную службу дворянства в наградах и выгодах с государственной, ему предоставлено было выбирать и председателей обеих судебных палат. Таким образом, местный суд был отдан в руки дворянского общества. Сверх того, положение 1831 г. давало дворянским обществам право делать высшему начальству представления не только о своих сословных нуждах, но и о прекращении местных злоупотреблений и вообще об устранении неудобств, замеченных в местном управлении, и таким образом делало губернское дворянское общество ходатаем о нуждах всей губернии, а дворянство пред-

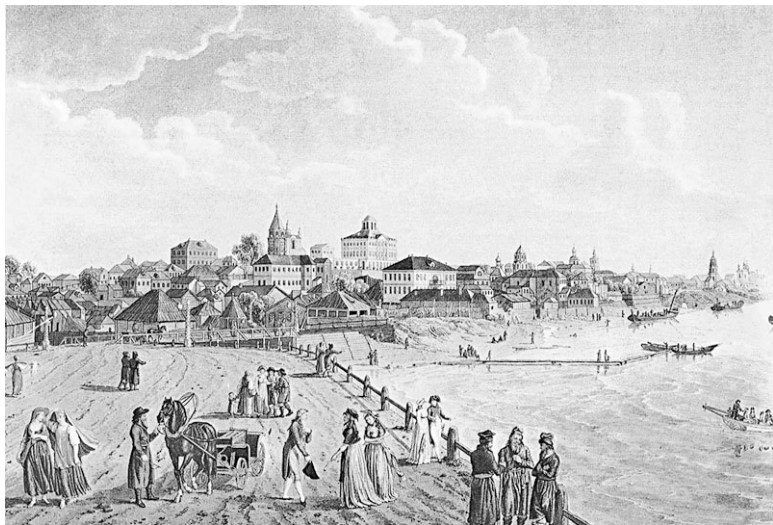
ставителем всех других общественных классов. Узаконения, создававшие такое преобладающее положение дворянства, были временным и малооправданным уклонением законодательства от усвоенного им направления к уравниванию сословий, хотя и здесь можно усматривать мысль о взаимном сближении сословий под руководством первого из них.

Д. Кардовский. Бал в Петербургском Дворянском собрании

Городское состояние устроилось почти таким же порядком, как и дворянство, хотя не на одинаковых основаниях. Постепенно облегчались лежавшие на нем сословные

государственные повинности, *службы* по таможенным, кабацким и другим сборам и разным нарядам, занимавшим множество людей по установленной очереди или по общественным выборам. Купцам дозволялось откупаться от личной рекрутской повинности взносом в казну определенного оклада (100 р. с человека) или выкупать крепостных людей для отдачи вместо себя в рекруты. Уничтожением внутренних таможен в 1753 г. отменено было множество таможенных и мелочных сборов и нарядов по ним, обременявших торгово-промышленных людей.

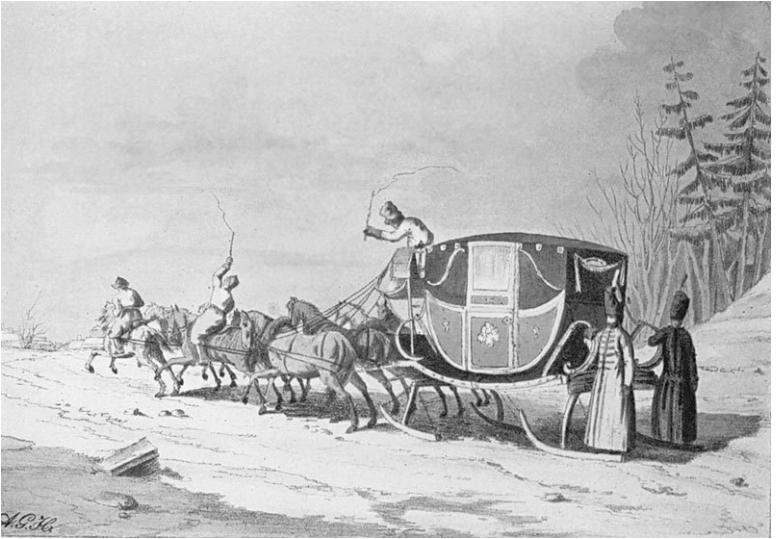
Москва в XVIII веке

В 1775 г. купечество, разделенное на три гильдии, освобождено было от подушной подати и обложено взамен того гильдейской пошлиной в 1 % с заявленного по совести капитала. Учреждение о губерниях предоставило купечеству и мещанству участие в местном управлении и суде, даже совместное с дворянством (в совместном суде и приказе общественного призрения). *Жалованная грамота* городам, изданная в одно время с дворянской, установила состав, управление и права «градского общества». Она разделила городских обывателей на шесть классов: то были 1) *настоящие городские обыватели*, лица всякого звания, владевшие какой-либо недвижимой собственностью в городе, 2) *купцы* трех гильдий (первой с объявленным капиталом не менее 10 тыс., второй – не менее 5 тыс., третьей – не менее 1000), 3) ремесленники, вписавшиеся *в цехи*, 4) иногородние и иностранные гости, приписавшиеся к городу для промышленных занятий, 5) *именитые граждане*, лица, занимавшие должности по городским выборам, ученые с академическими или университетскими аттестатами, художники и артисты, капиталисты с объявленным капиталом не менее 50 тыс. руб. и т. п. и 6) *посадские*, живущие каким-либо промыслом или работою в городе и не вошедшие в состав никакой другой группы городских обывателей. Раз в три года городские обыватели всех шести классов созывались на общее городское собрание для выбора членов сословного суда (магистрата), городского головы и других должностных лиц

городского выборного управления, а также для представления губернатору об общественных нуждах и пользах города; но дворянского права «делать представления и жалобы» верховной власти городские общества не получили. Хозяйством и благоустройством города ведали две городские думы – *общая*, состоявшая из выборных *гласных* от всех званий городского населения, от каждой гильдии, каждого цеха и т. д., и *шестигласная*, состоявшая из 6 гласных, которых избирала общая дума из своей среды по одному от каждого из шести разрядов городских обывателей. Общая дума, выбрав шестигласную на 3 года, потом собиралась, когда того требовала «общественная нужда и польза», и имела распорядительное значение. Шестигласная действовала постоянно и вела текущие дела города. Городской голова был председателем обеих. В городском самоуправлении, так устроенном, участвовали все городские обыватели не моложе 25 лет, владевшие капиталом, проценты с которого не ниже 50 рублей. Личные права распределялись между гражданами и с такою равномерностью, как в дворянстве. В этом отношении шесть классов городского общества имели характер сословий, как они и называются в Жалованной грамоте. *Настоящие городские обыватели*, какими могли быть люди всякого звания, духовные, дворяне, служащие в военной или гражданской службе, пользовались правами своего состояния независимо от своей принадлежности к городскому обществу. Так о дворянах, имевших в городе недвижимую собственность, грамо-

та говорит, что они от городских тягостей не освобождаются, но «ради их дворянского достоинства» свободны от личных податей и служб. Купцы всех трех сословий сверх общих прав городского состояния пользовались еще свободой от подушной подати и личной рекрутской повинности с условием указанного взноса в казну, чего не было предоставлено ни посадским, ни цеховым, не объявившим за собою гильдейского капитала. Купцы первой и второй гильдий сверх того были еще свободны от телесных наказаний и имели право содержать фабрики и заводы, чем не пользовались ни посадские, ни купцы третьей гильдии. Наконец, именитые граждане сверх всех этих прав могли еще иметь загородные дворы и сады, ездить по городу в карете четверней и при известных условиях даже просить о возведении в дворянство, если их отцы и деды имели и беспорочно сохраняли именитость. Такая дробность в распределении прав лишала городское общество надлежащей цельности и единства. В истории уравнивания и сближения русских сословий городская грамота Екатерины II была замечательной попыткой – из людей, разъединенных правами и обязанностями, даже общественными предрассудками и соединенных только местом жительства, образовать нечто цельное, связанное общими интересами. Но сознание общих интересов воспитывается одинаковыми правами и обязанностями, чувством общественной солидарности, а в этом отношении классы городского общества были тогда еще так далеки друг от дру-

га, что екатерининский город на деле не стал сословным обществом, а остался таким же торгово-промышленным сословным *посадам*, каким был прежде.

А. Убиган. Карета на снях. Нач. XIX в.

Крестьяне и крепостное право. Вслед за дворянством и городским состоянием предстояло устроить и крестьянство. По Учреждению 1775 г. и свободное сельское население получило свой сословный суд в *нижней* уездной и *верхней* губернской *расправе* и некоторое участие в общем губернском управлении совместно с двумя другими сосло-

виями. Был составлен проект жалованной грамоты и свободно сельскому сословию, но не был приведен в исполнение. По отношению к этому сословию законодательству предстояла более сложная задача, чем простое определение сословных прав. Учреждение о губерниях соединило в ведомстве расправ и казенных палат однодворцев и крестьян *государственных, дворцовых и экономических*, отобранных у Церкви в 1764 г. Предстояло не только определить права, но и устроить самый быт этих классов на одинаковых основаниях и притом обеспечить его целесообразно обдуманном порядке надзора и защиты, без чего эти классы не были бы в состоянии справиться ни с какими правами. При Екатерине II и двух ее преемниках были принимаемы местные или частичные меры для устройства управления и быта этих крестьян. При императоре Павле поселения крестьян казенных и дворцовых, которые снова были отделены от казенных и составили особое ведомство под названием *удельных*, разделены были на *волости*, не более 300 душ в каждой. *Волостное правление*, состоявшее из выборных волостного головы, старосты главного селения и волостного писаря, ведало хозяйство волости, суд по маловажным делам и сбор податей; волостной голова отдавал отчет *мирскому сходу* в собранных деньгах. Предписывалось также уравнительное наделение казенных крестьян землей по 15 дес. на ревизскую душу, а в малоземельных губерниях по 8 дес. Немаловажное значение имел для государ-

ственных крестьян капитальный в истории сословий закон (12 декабря 1801 г.), предоставлявший всем свободным состояниям право *личной поземельной собственности*, дотоле принадлежавшее только дворянству. Цельный план устройства казенных крестьян был составлен Министерством государственных имуществ, открытым в 1838 г. под управлением Киселева. Поселения государственных крестьян, которых по восьмой ревизии 1834 г. числилось немного менее 8 милл. душ, были разделены на волости 8000 душ в каждой, с подразделением на сельские общества по 1500 душ в каждом. Образованы были мирские сходы, выборные волостные и сельские управления по административным делам, расправы для суда; крестьяне наделены по возможности уравнительно землей, подати переложены с душ на землю; устроены сельские школы, продовольственные запасные магазины, сельские банки со сберегательными и вспомогательными кассами.

Русские типы. Крестьянки Рязанской губ.

Крестьянки Рязанской губернии. Открытки Русские типы, 1914 г.

Устройство казенных крестьян считалось первым шагом к отмене крепостного права, как образец, по которому могли быть устроены помещичьи крестьяне при выходе из крепостной зависимости. Екатерине II принадлежит заслуга гласного возбуждения вопроса о крепостном праве, который обсуждался в созванной ею Комиссии для составления проекта нового уложения. Но Екатерина ничего не сделала, чтобы облегчить разрешение этого трудного вопроса. Трудность его заключалась в том, что законодательство принимало крепостное право, как оно складывалось практикой жизни, сла-

бо его регулируя, не выясняя отчетливо его юридического существа и состава. Такое выяснение вопроса начато было законом (5 апреля 1797 г.), по которому помещик мог требовать от своих крестьян только трехдневной работы в неделю, оставляя прочие дни крестьянам для их собственных работ, как плательщикам государственных податей. Таким образом, помещику присваивалась по закону только половина крепостного крестьянского труда. Это был первый приступ к определению *законного пространства власти* помещика над крепостными людьми, к разграничению прав государства и душевладельца в составе крепостной неволи. Закон о свободных хлебопашцах (20 февр. 1803 г.) был вторым крупным шагом в том же направлении: он разрешал всем помещикам отпускать своих крестьян на волю целыми селениями или отдельными семьями с землею на условиях, заключенных по обоюдному соглашению обеих сторон. Отпущенные таким образом крестьяне могли не записываться в другие сословия, образуя особенное состояние *свободных хлебопашцев*. Практическое действие этого закона было невелико: до конца царствования Александра I в состояние свободных хлебопашцев перешло всего 47 тыс. крепостных ревизских душ, а в 1855 г. их значилось около 116 тыс. Но важно принципиальное значение закона. Помещики издавна пользовались правом отпускать крепостных на волю поодиночке и целыми семьями без земли. Но ни законодательство, ни крепостная практика не указывали порядка увольнения

крепостных крестьян целыми селениями. Закон 20 февраля намечал два основных условия такого увольнения: 1) *земельный надел* увольняемых, 2) *добровольное соглашение* обеих сторон. Потому положения об освобождении крепостных крестьян (около 400 тыс. душ) в трех прибалтийских губерниях, совершенном в 1816–1819 гг. без соблюдения первого и главного из этих условий, не были распространены на коренные области России. Далее, закон не устанавливал обязательного размера земельного участка, которым должен быть наделен крепостной крестьянин, предоставляя это усмотрению помещика. В 1827 г. по одному частному случаю был издан указ, который предписывал отбирать в казенное ведомство имение с крестьянами, в котором за залогом или продажей земли оставалось оной менее 4 $\frac{1}{2}$ десятин на душу.

Изложенные узаконения дали Сперанскому возможность определить (в одной записке 1836 г.), «в чем состоит, в точном и буквальном смысле ныне действующих законов, истинное законное крепостное право в России». По этому определению «*законное крепостное состояние*» в существе своем есть состояние крестьянина, водворенного на земле помещицей с потомственной и взаимной обязанностью *со стороны крестьянина* – обращать в пользу помещика половину рабочих своих сил, *со стороны помещика* – наделять крестьянина таким количеством земли, на коем мог бы он, употребляя остальную половину рабочих его сил, трудами своими снискивать себе и своему семейству достаточное

пропитание. Итак, сущность крепостного права заключалась в помещичьем праве собственности не на *личность* крепостного, а только на его *повинности*, т. е. на его обязательный труд владельца и то в ограниченном размере, так как крепостной крестьянин, кроме повинностей владельцу, обязан был повинностями и государству (податной и рекрутской). Следовательно, личная зависимость крепостного была следствием, а не основанием его обязательного труда на помещика. Такой взгляд и положен был в основание указа 2 апреля 1842 г. об *обязанных крестьянах*, который предоставлял помещикам «заключать со своими крестьянами по взаимному соглашению договоры на таком основании, чтобы помещики сохранили полное право собственности на землю, а крестьяне получали от них участки земли в пользование за условленные повинности». По смыслу этого закона крепостной крестьянин, становясь *обязанным* по добровольному соглашению, переставал быть *крепостным*; самый акт такого соглашения, как действие свободного лица, снимал с него крепостную неволю; этим актом его обязательный труд на помещичьей земле превращался из собственности помещика по закону в простое поземельное обязательство по договору; повинности, какие принимал он на себя по этому обязательству, служили вознаграждением за пользование землей, которой при договоре помещик *должен* был наделить крестьянина, без чего и самый договор не мог состояться, а не уплатой за личную свободу, которую при этом получал крестья-

нин, так как личность крестьянина закон молчаливо признавал не подлежащей выкупу и оценке. До конца царствования Николая I по закону 2 апреля перешло в состояние обязанных крестьян всего только 24708 душ. Прямое действие этого, как и других указов того времени о крепостном праве, менее важно, чем косвенное: не изменяя значительно положения дела, они подготавливали умы к неизбежной реформе и клали юридические основания для нового устройства быта крепостных людей. В законодательстве и в сознании самого дворянства выяснились и состав крепостного права, и основные начала предстоявшей реформы: из состава крепостной собственности выделена личность крепостного; с помещичьим правом на труд крепостного крестьянина неразрывно соединено наделение его землей; это наделение поставлено непременно *условием* раскрепления, а добровольное соглашение обеих сторон – главным юридическим *средством* определения их взаимных отношений.

Отмена крепостного права. На этих началах и были составлены утвержденные 19 февраля 1861 г. *Положения* о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Крепостное право на крестьян и дворовых людей, т. е. на их личность, отменялось просто без всяких условий, а стоимость обязательного труда крестьян, насколько он принадлежал помещику, включалась в оценку земельного надела, какой получали крестьяне при выходе из крепостной зависи-

мости. Поэтому дворовые люди, как безземельные, чрез 2 года со дня издания положения о них получали полное освобождение без всякого вознаграждения за то их владельцев.

АЛЕКСАНДР I и РЕФОРМЫ 1861 — 1866 годов

1861. МАНИФЕСТ.

Отмена крепостного права

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ **НАШЕМЪ** вѣрноподданнѣмъ.

Полагаемся на здравый смысл нашего народа. Когда мысль правительства о упразднении крепостного права распространилась между не приготовленными к ней крестьянами, возникали было частные недоразумения. Некоторые думали о свободе и забывали об обязанностях. Но общий здравый смысл не поколебался в том убеждении, что и по естественному рассуждению свободно пользующийся благами общества взаимно должен служить благу общества исполнением некоторых обязанностей, и по закону христіанскому «всякая душа должна повиноваться властямъ предрѣжащимъ» (Рим. XIII, 1), воздавать всемъ должное, и в особенности кому должно, урок, дань, страх, честь; что законно приобретенные помещиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помещиковъ землею и не нести за сие соответственной повинности.

Осыни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ **НАМИ** Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствования же **НАШЕГО** въ седьмое.

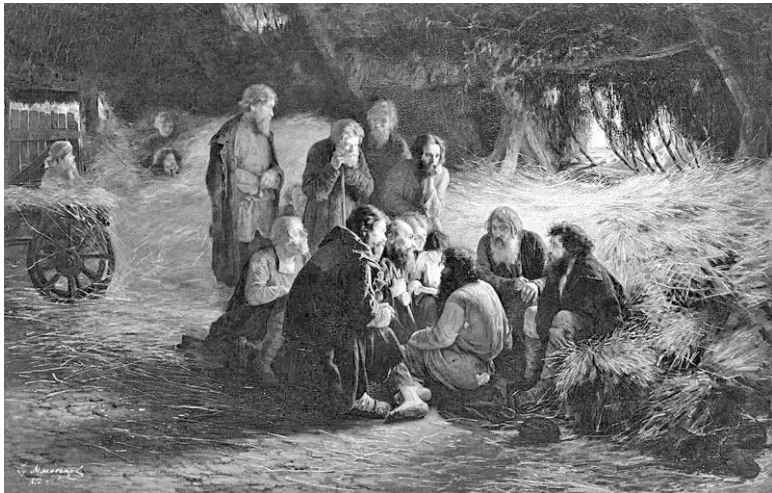
Манифест об отмене крепостного права. 19 февраля 1861 г.

По *Общему положению* помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют крестьянам в постоянное пользование усадебную их оседлость и сверх того для обеспечения их быта и исполнения обязанностей перед правительством определенное количество полевой земли, за что крестьяне обязаны исполнять в пользу помещиков определенные повинности. В этом переходном состоянии обязательных поземельных отношений к помещикам крестьяне называются *временнообязанными*. Наделение крестьян землею, как и следующие за это повинности в пользу помещика, определяются преимущественно *по добровольному между помещиками и крестьянами соглашению*, или же по закону, на основании *местных положений*, когда такое соглашение не состоится; условия соглашения или обязательного разверстания отношений между сторонами излагаются по каждому сельскому обществу или имению в особом акте, так называемой *уставной грамоте*. Крестьянам предоставлено *право* выкупать их усадебную оседлость; для приобретения в собственность полевого надела необходимо *согласие* помещика. При приобретении крестьянами в собственность полевого надела оказывается содействие от правительства посредством *выкупной операции* (выкупа). Это содействие заключается в том, что прави-

тельство ссужает под выкупаемые земли определенную сумму с рассрочкою крестьянам уплаты оной на продолжительный срок (49 лет со дня выдачи *выкупной ссуды*) и само взыскивает с них платежи как в счет процентов по выданной ссуде, так и на постепенное погашение долга (всего по шести копеек на рубль с назначенной правительством выкупной ссуды). Выкупом поземельного надела временнообязанными крестьянами прекращаются их обязательные отношения к помещикам и они вступают в состояние свободных *крестьян-собственников*.

В Положении устанавливается порядок общественного крестьянского управления и указываются даруемые крестьянам и дворовым людям права, как и возлагаемые на них обязанности в отношении к правительству помещикам. В первые годы выкупной операции выкуп наделов пошел очень быстро: в 1862–1871 гг. из 10 ½ милл. ревизских душ временнообязанных крестьян более 6 ½ милл. душ выкупили 23 милл. десятин земли. В 1862–1891 гг. выдано из казны выкупных ссуд 886 милл. руб., 9221 тыс. ревизских душ выкупили 38 820 тыс. десятин земли. Крестьянская реформа завершилась распространением основных начал Положений 19 февраля 1861 г. на крестьян удельных (около 1 ½ милл. душ) и государственных (ок. 10 милл. душ). С приобретением в собственность наделов без содействия или с содействием правительства различные классы крестьянского населения образуют одно состояние свобод-

ных *крестьян-собственников*, однородное по основам своего государственного положения. К началу царствования Александра III во владении крестьян разных наименований числилось свыше 130 милл. десятин земли. Поземельным устройством крестьян завершается дело государственного образования сословного землевладения, начатое еще в древней России устройством служилого дворянского землевладения. То и другое землевладение создано мерами законодательства по нуждам государства, дворянское посредством наделения служилых людей казенной землей в поместье для обеспечения их обязательной службы, крестьянское посредством наделения крестьян помещичьей или казенной землей во временнообязательное пользование для обеспечения их быта и выполнения их государственных обязанностей. И как некогда временное и условное, обязанное службой землевладение дворян постепенно правительственными пожалованиями превращено было в полную наследственную собственность сословия, так и в наше время земля, отведенная в надел крестьянам, превращается в их собственность при содействии правительства посредством выкупной операции или выкупных платежей.

Г. Мясоедов. Чтение Положения 19 февраля 1861 года

А. Харламов. Александр II

Реформа 19 февраля не успела завершиться в царствование императора Александра II. Ни помещики, лишившиеся дешевого крепостного труда, ни их бывшие крестьяне, оставшиеся без привычной господской опеки, не могли скоро освоиться с созданными реформой условиями своего положения. Правительству приходилось указывать обеим сторонам пути и давать средства к выходу из возникавших затруднений. Принятыми для этого мерами облегчалось и довершалось дело 19 февраля. Земля, оставшаяся у бедневшего дворянства за наделом крестьян, стала заметно уходить от него в руки лиц других сословий. Чтобы доставить дворянству дешевый кредит и тем задержать его обезземеливание, в 1885 г. учрежден *Дворянский земельный банк*, задачей которого предполагалось «главным образом облегчить потомственным дворянам способы к сохранению принадлежащих им вотчин за своим потомством». Еще более нуждалась в правительственной поддержке другая, слабейшая сторона. Переход временнообязанных крестьян на выкуп замедлился: 20 лет спустя со дня освобождения во внутренних губерниях, особенно нечерноземных, оставалось немало крестьян, продолжавших отбывать повинности в пользу помещиков. По закону 26 декабря 1881 г. во всех внутренних губерниях произведен *обязательный выкуп*. Законом 28 декабря 1881 г. выкупные платежи понижены на один рубль

с каждого душевого надела и назначено для осуществления этой меры 12 милл. руб. ежегодно. Впоследствии издано постановление об *отсрочке* и *рассрочке недоимок* по выкупным платежам. Закон 13 мая 1896 г. разрешил пересрочивать на много лет и оставшийся непогашенным выкупной долг, уменьшая выкупные оклады до необременительных размеров и входя при взысканиях в платежную способность крестьян. Трудной задачей законодательства было изыскать способы для удержания наделных земель в руках крестьян и для расширения крестьянского землевладения. Положение 19 февраля допускало при известных условиях отчуждение наделной земли, и с 1870 по 1890 г. перешло в посторонние руки до 100.000 дес. такой земли; стали даже повторяться случаи потери всей наделной земли целыми сельскими обществами. Предотвращая обезземеление крестьян, закон 14 декабря 1893 г. стеснил права крестьян по распоряжению своими наделами: между прочим, дозволялось отдельным домохозяевам при общинном владении отчуждать наделные участки лишь членам своих обществ и совершенно воспрещалось закладывать наделные земли. В 1822 г. учрежден *Крестьянский земельный банк*, задача которого давать сельскому населению доступный долгосрочный кредит для приобретения земли, в которой нуждаются крестьяне с недостаточными наделами; в 20 с лишком лет своей деятельности банк помог крестьянам купить более 7 милл. десятин сверхнаделной земли, выдав в ссуду не менее $\frac{2}{3}$ стои-

мости купленного. Принимались и другие меры для устранения или ослабления условий, расстраивавших крестьянское хозяйство: изданы правила для упорядочения крестьянских *семейных разделов* (закон 18 мая 1886 г.) и *семейных переделов* (наименьший срок для передела 12 лет по закону 8 июня 1893 г.), *о найме на сельские работы, о крестьянских переселениях* и пр. Законом 12 марта 1903 г. отменена *круговая порука* крестьян в уплате окладных государственных, земских и мирских сборов. Все эти меры либо восполняли какие-либо пробелы в юридическом или хозяйственном быту крестьян, оставленные Положением 19 февраля, либо нормировали вызванные им новые отношения.

Б. Кустодиев. Освобождение крестьян (Чтение манифеста)

Крестьянский вопрос и новейшие законодательные акты. Но все эти мероприятия не устраняли условий, клонивших крестьянство к обезземелению, а только искусственно удерживали землю в руках крестьянина, отнюдь не улучшая его положения. Увеличение населения делает настоятельно необходимым усиление производительности земли и развитие заработков помимо нее. Но тому и другому препятствует денежное оскудение деревни, которой стало не на что обернуться, увеличить живой инвентарь, вве-

сти искусственные удобрения или завести кустарные промыслы и наладить сбыт его продуктам. Здесь правительство уже оказалось бессильно прийти крестьянству на помощь, напротив того, оно разошлось с ним: привлечением вкладов в сберегательные кассы колоссальные суммы были изъяты из местного оборота и целиком истрачены на нужды так называемого общегосударственного характера, а не на нужды данной местности (и в частности на установление в ней общедоступного сельскохозяйственного и кустарного кредита, как это практикуется в Западной Европе). Введение винной монополии лишило крестьянство даже того ростовщического кредита, который до того сосредоточивался в руках кабатчиков; отсутствие денег на местах оставляет без удовлетворения почти всю имеющуюся потребность в кредите. Удешевленные дальние перевозки хлеба (так называемые дифференциальные хлебные тарифы), введенные правительством с целью привлечения в страну золота, выбрасывая на европейский рынок каждую осень безудержную массу хлеба, понизили хлебные цены до уровня издержек производства, заставляя население недоедать. Особенно тяжело положение средних губерний, где наиболее развито помещичье землевладение, и *оскудение центра* давно стало официально признанным фактом. Помещичья усадьба разделила с крестьянской деревней значительную часть тех же тяжелых условий: помещичье хозяйство не сделало необходимых успехов в смысле культуры и частью пало, частью

выродилось или в хозяйство агрария, эксплуатирующее дешёвые, иногда пришлые, нуждою гонимые рабочие руки, или в хозяйство арендное, эксплуатирующее острую нужду крестьянина в земле, в которой он мог бы приложить свой труд, не находящий себе иного применения. Но в то время как представителям помещичьего класса жизнь дала целый ряд выходов в виде свободных профессий, государственной службы, крестьянин оказался кругом стесненным тем бесправным положением, в которое шаг за шагом ставили его реформы императора Александра III. Суровое применение паспортной системы является одною из важнейших основ народного труда, стеснение земского представительства, мешающее крестьянину бороться с пристрастиями земского обложения, наконец, все растущая опека местной администрации, посягающей на все проявления труда, — все эти условия дали вырасти грандиозному по своим размерам и по своему историческому значению кризису огромной страны, главной житницы Европы. Кризис сельскохозяйственный превратился в политический: все отрасли народного труда более или менее связаны, более или менее обессилены оскудением, а интересы трудящихся масс непримиримо противоположны интересам помещичьего класса.

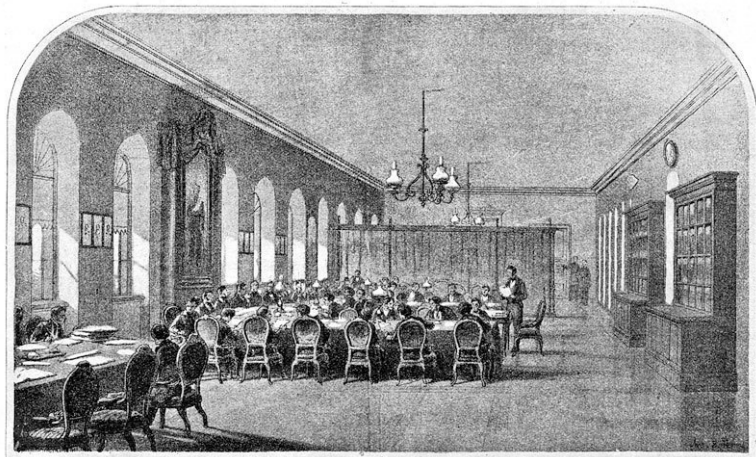
При этих условиях деятельность правительства по крестьянскому вопросу после отмены круговой поруки в течение всего 1904 и всего 1905 гг. сосредоточилась в области чисто административных мероприятий. Указом Се-

нату от 4 марта 1906 г. образованы *землеустроительные комиссии* (по ноябрь 1906 г. образованы окончательно более чем в 150 уездах). Целью этих комиссий является соглашение крестьян и помещиков по обмену, продаже и покупке земель, уничтожению чересполосицы, длинноземелья и т. д. Составленные из представителей местного земства и администрации со слабым участием крестьянства, эти новые учреждения имеют целью устранить наиболее вопиющие неудобства земельного соседства, не касаясь прав соседей, но заставляя обе стороны высказать свои домогательства и облегчая им соглашение при воздействии Крестьянского банка. Основую учреждения являются комиссии уездные. Они состоят из 9–10 членов (в зависимости от нахождения в данном уезде удельных земель), представителей судебной, земской и финансовой администрации с присоединением к ним 3 крестьян, назначаемых по жребию из числа кандидатов, избираемых волостными сходами уезда. Губернские комиссии имеют целью объединить действия уездных и в свой черед объединяются в Петербурге деятельностью нового учреждения – *Комитета по землеустроительным делам*. Содержание всех этих учреждений рассчитано в сумме 1 300 000 рублей. Кроме соглашения помещиков и крестьян, комиссии должны также содействовать переселению крестьян на свободные казенные и удельные земли, что получает особенное значение после *указов* 12 и 27 августа, предоставляющих крестьянам казенные и удельные

земли для переселения на известных условиях, открывающих большой простор деятельности комиссий. Общее количество земель казенных и удельных, подлежащих распродаже, можно определить в 11 мил. десятин.

Все указанные мероприятия являются бюрократическою регулировкой посредничества Крестьянского банка, доселе свободного в своих отношениях к сторонам, и затем распространением на большее пространство прежних правил об образовании переселенческих участков в северных и юго-восточных губерниях (где главная масса казенных земель).

19 сентября Комитетом по землеустроительным делам утвержден *наказ* землеустроительным комиссиям; в этом наказе деятельность комиссий становится на весьма широкие основания, а сам Комитет выясняется как властное, почти законодательное учреждение, стоящее совершенно особняком. Кроме переселения на казенные земли, комиссии распоряжаются назначением земельного запаса Крестьянского банка и решают вопрос о покупке банком земель новых. Кроме упорядочения земельного соседства помещиков и крестьян, они властны решать и другие важные вопросы, напр. переход общин на подворное владение, *зalog* надельной земли с продажею невыкупленных залогов другим крестьянам и т. д. При этом с ними должны согласоваться все прочие учреждения, ведающие крестьянские дела.

Заседание Редакционной комиссии по освобождению крестьян. Илл. из Иллюстрированного обзора минувшего столетия. 1901 г.

Сельская община. Одной из важнейших сторон крестьянского вопроса является нынешнее положение *общинного землепользования*. Увеличение населения сильно уменьшило земельные наделы крестьян и уронило раздробленные хозяйства, обессилев их. Неизбежные переделы лишают крестьянина главного стимула хорошей обработки, прочности пользования, уверенности в будущем. С другой стороны, в общине вследствие внешних препятствий не создается того свободного труда, который по чаянию манифеста 19 февраля 1861 года должен был бы стать «залогом домаш-

него благополучия и блага общественного». Искусственно поддерживаемая община терпела всегда стеснения в своем свободном развитии: разделение чрезмерно больших общин на меньшие с угодьями, близкими к месту селения, затруднялось; не устранялось первоначальное правило, по которому член общины мог отказаться от участия в ней лишь безвозмездно, и таким образом кто уходит, уходит без формального отказа от своей доли, но с пустыми руками, а кто остается, живет под вечным расслабляющим страхом, что ушедшие вернутся и захватят возделанные их руками полосы и угодья; получивший образование крестьянин обязан выйти из общества, и община лишается просвещенного члена и т. д. Без этих тормозов община, возможно, подвинула бы равномерное развитие и оздоровление народа. Уничтожение общины и замена ее подворным владением на праве собственности может расколоть наше крестьянство на две части, враждебные одна другой, на деловитое, хозяйственное крестьянство, весьма консервативное по своим политическим тяготениям, и на безземельную массу, бессильную и темную, которая составит рабочую армию, несущую на себе хозяйство помещика и крестьянина-собственника.

Земские учреждения и Городовое положение. Реформа 19 февраля 1861 г., поставив крепостных крестьян в ряды свободных сельских обывателей, даровала им сословное общественное управление и сословный суд и тем уве-

личила число сословных управлений, какими пользовались дворянство, города и крестьяне, казенные и удельные. *Положение о земских учреждениях* создавало в местном управлении круг общих дел, в которых общественные классы, действовавшие дотоле разрозненно, соединялись для совместной деятельности. Указ 1 января 1864 г. призывал «к ближайшему участию в заведовании делами, относящимися до хозяйственных польз и нужд каждой губернии и каждого уезда, местное их население». До тех пор дела такого рода в каждой губернии ведал весьма неудовлетворительно *Комитет земских повинностей*, собиравшийся раз в три года и составлявшийся под председательством губернатора частью из коренных чиновников (председателя казенной палаты и управляющих палатой государственных имуществ и удельною конторой с подведомственными им уездными начальниками), частью из сословных выборных (предводителей дворянства, городских голов и пр.). Комитет составлял сметы и раскладки земских повинностей. Большая часть земских денежных сборов, составлявших ежегодно сумму свыше 20 милл. рублей, шла на общие государственные потребности и только малая доля на местные земские нужды. Предметы ведомства земских учреждений по Положению 1864 г.: заведование имуществами, капиталами и денежными сборами земства, устройство и содержание зданий и путей сообщения, содержащихся за счет земства, народное продовольствие, общественное призрение, участие,

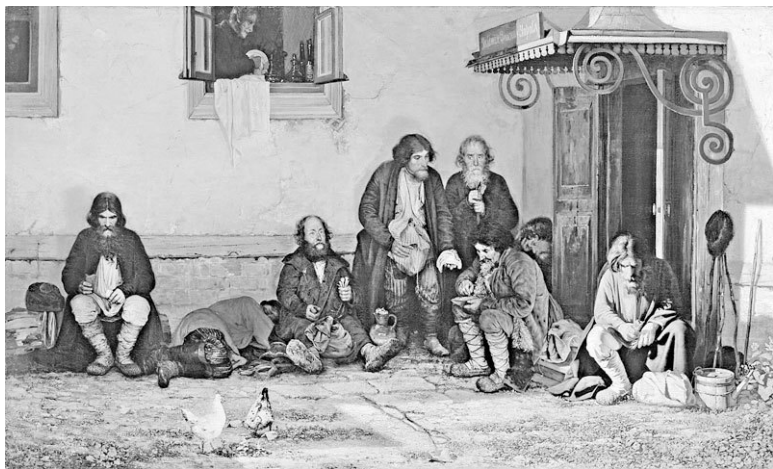

преимущественно хозяйственное, в попечении о народном здравии и образовании, взаимное земское страхование имуществ, меры против падежей скота, представления и ходатайства о земских пользах и нуждах и т. п. Соответственно хозяйственным задачам земского управления участие в нем определяется имущественным цензом. *Земство* – совокупность лиц и учреждений, которые владеют в городе или уезде известным пространством земли или другим недвижимым имуществом определенной ценности, по цензу, либо промышленным или торговым заведением с определенным годовым оборотом; предоставлено чрез свои органы управления ведать местное земское хозяйство. Земство ведет свои дела в уездных и губернских земских учреждениях посредством выборных *гласных*. Для выбора гласных в *уездное земское собрание* избиратели частью по роду имущества, частью по месту его нахождения (в городе, в уезде) образуют отдельные избирательные съезды 1) уездных землевладельцев, 2) *городских избирателей* и 3) выборных от сельских обществ, которых назначают волостные сходы из своей среды. Уездное земское собрание под председательством уездного председателя и членов *уездной земской управы* избирает гласных в *губернское земское собрание* (по одному на шесть уездных гласных), а оно избирает из своей среды председателя и членов *губернской земской управы*. Все выборы производятся на три года. Уездные и губернские земские собрания собираются ежегодно по одному разу на положенные сроки; упра-

вы действуют в продолжение всего года. Земским собраниям принадлежит власть распорядительная с общим надзором за ходом земских дел: они выслушивают отчеты управ и решают вопросы по земскому хозяйству. Земским управам принадлежат распоряжения исполнительные и вообще ближайшее заведование земскими делами, губернатору – надзор за деятельностью земских учреждений, Сенату – разбор пререканий губернатора с земскими собраниями и жалоб на них частных лиц и учреждений. Земские учреждения ведут вверенные им дела самостоятельно; но губернатор может остановить исполнение их решений, несогласных с законом и общими интересами государства.

Положение о земских учреждениях вводило новую общественную классификацию, не совпадавшую с сословным делением русского общества. К классу *уездных землевладельцев* причислены лица всех сословий, имеющие положенный для него имущественный ценз, в том числе и православные священнослужители, владеющие в уезде церковной землей в определенном размере; со времени Петра Великого белое духовенство впервые является здесь со значением *земского* класса наряду с другими сословиями. Крестьяне «без различий ведомств», бывшие крепостные, удельные и казенные, впервые соединены в один класс, представляемый земскими гласными от сельских обществ и названный в Положении *сельским сословием*. Но и прежнее сословное деление не осталось без влияния на состав земского

управления. Дворянство и в земских учреждениях сохранило преобладающее значение, каким пользовалось оно дотоле в местном управлении. Уездный предводитель дворянства по Положению непременно председательствует в уездном земском собрании, а губернский в губернском, если только Императором не назначено для того особое лицо. В уездных земских собраниях 33 внутренних губерний Европейской России, в которых первоначально введено было Положение 1864 года, почти половина гласных (6104 из 13035) избирались уездными землевладельцами, огромное большинство которых, особенно в первое время действия Положения, составляли дворяне. Члены избирательного съезда землевладельцев, а также местные православные священнослужители могли быть избираемы в гласные и от сельских обществ. Положение имело в виду дать участие в земском управлении лицам всех сословий и частью по их сословному значению. По сметам на 1903 г. доходы всех земств по 34 земским губерниям исчислялись в 104 милл. руб.

Г. Мясоедов. Земство обедает

Устройство местного общественного управления завершено было новым *Городовым Положением* 16 июня 1870 года. Предметы ведомства нового городского управления сходны с ведомством земских учреждений: это – «попечение и распоряжение по городскому хозяйству и благоустройству». Но право участия в городских выборах не обуславливалось определенным имущественным цензом: в выборах участвовали все городские обыватели без различия сословий, владевшие в городе каким-либо недвижимым имуществом или платившие в пользу города какой-либо налог, как бы ни были незначительны это имущество и этот платеж. Таким образом, городское управление, которому Жалован-

ная грамота 1785 года пыталась сообщить сословный характер, Положение 1870 года сделало бессловным. Органы управления: 1) *городская дума* с распорядительной властью, из гласных, избираемых на 4 года в городских избирательных собраниях; 2) *городская управа*, учреждение исполнительное, избираемое городской думой; 3) *городской голова*, также избираемый думой, председательствует в ней, в управе и в избирательных городских собраниях; 4) *губернское правление* с участием губернского городского головы, разбирает пререкания между думой и администрацией, как и между самими городскими общественными учреждениями, равно и жалобы на постановления городской думы.

Судебные уставы 1864 г. Судебная реформа была таким же необходимым следствием крестьянской, как и земская, и вводила сословное участие общества в отправлении правосудия, как земская предоставляла всем сословиям заведование местным общественным хозяйством. Обществу, ставшему свободным во всем своем составе, необходим был суд, общий для всех составных частей его, основанный на равенстве всех перед законом, действующий открыто перед обществом и при его содействии. Начала такого суда были предугазаны Высочайшим повелением (январь 1862 г.), предписавшим канцелярии Государственного Совета изложить соображения «о тех главных началах, несомненное достоинство коих признано в настоящее время наукою и опы-

том европейских государств и по коим должны быть преобразованы судебные части в России». По соображениям государственной канцелярии, рассмотренным и дополненным Государственным Советом, составлены были *Основные положения* преобразования судебной части. Особая комиссия при государственной канцелярии (председатель – государственный секретарь Бутков), в состав которой вошли лучшие правоведы, ученые и практики, из этих положений выработала подробные *Судебные Уставы*, утвержденные 20 ноября 1864 г. Здесь устанавливаются: 1) правила гражданского и уголовного судопроизводства, коими определяются средства для восстановления силы нарушенных законов, и 2) система судоустройства, т. е. учреждения, коими эти правила приводятся в действие.

Власть судебная принадлежит мировым судьям, решающим дела *единолично*, и судебным местам *коллегиальным*: съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему Сенату. Судебная власть всех этих учреждений простирается на лица всех сословий и на все дела, гражданские и уголовные. Эти учреждения решают дела по существу, кроме Сената, который в качестве верховного кассационного суда, не решая дел по существу, наблюдает за охранением точной силы закона и за единообразным его исполнением всеми судебными установлениями Империи.

Мировые судьи решают уголовные и гражданские дела меньшей важности, которые требуют скорого решения

на месте и близкого знакомства с местными отношениями или которые, возникая из взаимных недоразумений, могут быть улажены примирением тяжущихся посредством разъяснения их недоразумений лицом, пользующимся доверием обеих сторон. Примирение тяжущихся – главнейшая задача мирового судьи и высшее качество его правосудия. На эти задачи мирового суда и рассчитано его устройство. Уезд с находящимися в нем городами составляет мировой округ, который делится по местным условиям на большее или меньшее количество мировых участков. Обе столицы делятся каждая на несколько мировых округов, состоящих из двух или более частей города.

В мировом округе сверх *участковых* полагаются еще *почетные* мировые судьи, служащие безвозмездно и заменяющие участковых в определенных законом случаях. Те и другие избираются на три года *всеми сословиями*, именно уездными земскими собраниями, в городах думами, из *местных* жителей, обладающих установленным цензом, образовательным и имущественным (недвижимой собственностью известного размера или ценности, наприм. 400 десят. земли в Московской губ.). Собрание участковых и почетных мировых судей округа составляет высшую мировую инстанцию – *съезд мировых судей*.

Здание окружного суда на Литейном. Санкт-Петербург

Окружные суды решают и гражданские и уголовные дела всех сословий и заменили собою прежние сословные суды первой инстанции (уездные суды, магистраты или ратуши, нижние расправы), установленные Учреждением о губерниях 1775 г. Окружной суд состоит из председателя и членов и учреждается на несколько уездов. Членами окружного суда считаются и *судебные следователи*, которые производят следствия по уголовным делам в назначенных для каждого из них участках судебного округа. В уголовных делах, за которые в законе положены наказания, соединенные с лишением или ограничением прав состояния, к составу су-

да присоединяются *присяжные заседатели* для определения вины или невинности подсудимых. Отдельное решение вопросов о виновности и о наказании и даже различными судьями необходимо для того, чтобы решение суда внушало к себе общественное доверие, как приговор правосудия, а не произвола. Определение наказания, которое должно быть основано на законе, на его знании и правильном понимании, – дело судей-законоведов. Вопрос о виновности может быть справедливо решен только по совести. В лице присяжных заседателей, вызываемых из общества, призывается к такому решению *общественная совесть*. Потому присяжными заседателями могут быть только лица, пользующиеся заслуженным общественным доверием, как выразители мнения большинства благонадежных граждан или как представители лучших элементов общества и притом *всего* общества, а не каких-либо отдельных его классов. Сверх известных нравственных качеств для правильной оценки вины подсудимого необходимо еще хорошее знакомство с нравами, обычаями и общественной жизнью известной местности. Этими соображениями и определяются внешние и внутренние качества, которыми обуславливаются способность и право быть присяжным заседателем: определенный возраст (от 25 до 70 лет), жительство в уезде не менее 2 лет, владение имуществом (наприм. землею не менее 100 десятин или доходом во всех местах, кроме столиц, не менее 200 р. в год), известная степень образования, доверие, приобре-

тенное государственной или общественной службой, и т. п. Местные обыватели всех сословий (кроме духовенства и военнослужащих чинов), удовлетворяющие *внешним* условиям, вносятся в *общие* списки присяжных заседателей, составляемые по каждому уезду отдельно особыми временными комиссиями из лиц, назначаемых ежегодно уездными земскими собраниями, а в столицах соединенными заседаниями городских дум и местных уездных земских собраний. Те же комиссии под председательством уездных предводителей дворянства составляют *очередные* списки по уездам, выбирая из общих только тех лиц, которые в предстоящем году имеют быть призываемы к исполнению обязанностей присяжных заседателей (по городам С.-Петербургу и Москве с их уездами 1200 лиц, по уездам, где более 100 тыс. жителей, 400, где менее – 200). Комиссия производит эту выборку по своему усмотрению на основании внимательной оценки *внутренних* качеств каждого избираемого лица, необходимых для добросовестного выполнения им судебных обязанностей. Решение присяжных заседателей не подлежит пересмотру; но если суд признает единогласно, что этим решением осужден невинный, то он постановляет передать дело на рассмотрение нового состава присяжных.

Судебные палаты. Приговоры по уголовным делам, постановленные окружным судом без участия присяжных заседателей, и по всем делам гражданским могут быть обжалованы (*апелляция*) в судебной палате. Приговоры ее,

как и окружного суда с участием присяжных, почитаются окончательными, которые могут быть отменяемы только в случае нарушения или неправильного применения закона (*кассация*). Ведомство судебной палаты простирается на округ, состоящий из нескольких губерний или областей.

В. Маковский. Оправданная

Главные начала, положенные в основание судебного порядка, так устроенного: 1) отделение власти судебной от исполнительной, 2) введение в гражданские дела состязатель-

ного, в уголовные обвинительного процесса вместо следственного, 3) гласное и устное или словесное судопроизводство вместо закрытого канцелярского и письменного, 4) установление только двух судебных инстанций и кассационного суда, 5) сочетание выборного начала с правительственным назначением. Уже Учреждение о губерниях 1755 г. предоставило трем сословиям замещать некоторые судебные должности по выборам; но эти выборы производились каждым сословием отдельно от остальных, и выборные сословные судьи (кроме совестного суда) ведали дела лиц только своих сословий. По Уставам 1864 г. мировые судьи выбираются всеми сословиями, а присяжные заседатели из всех сословий произносят приговоры о вине или невиновности над подсудимыми без различия сословий. Таким образом всесословное представительство в суде получило полное развитие и действительное значение, и судебная реформа стала дальнейшим и крупным шагом в ходе уравнивания и сближения сословий для совместной деятельности.

Перемены в местном управлении и суде. *Мировые посредники*, принадлежа к местному дворянству, при введении Положений 19 февраля руководили определением отношений крестьян к их бывшим помещикам и деятельностью сельских и волостных крестьянских учреждений. Эти учреждения, с упразднением мировых посредников в 1874 г., были предоставлены самим себе.

Законом 12 июля 1889 г. учреждена должность *земских начальников*. Сельские и незначительные городские поселения уезда распределены на участки, из коих в каждом земский начальник, назначаемый губернатором, по соглашению с губернским и подлежащим уездным предводителями дворянства, из местных дворян, имеющих установленный образовательный и имущественный или служебный ценз, ведет административные и судебные дела. Главная административная обязанность земского начальника – надзор за крестьянским общественным управлением. В судебных делах земские начальники заменили упраздненных тем же законом уездных мировых судей; только для наиболее важных дел учреждена должность *уездного члена окружного суда*, по одному на уезд. В городах (кроме обеих столиц и шести наиболее крупных городов, где сохранены мировые учреждения) для судебных дел, соответствующих компетенции земских начальников, учреждены назначаемые министром юстиции *городские судьи*. Вторая инстанция, *уездный съезд*, по роду дел, совмещаемых в ведомстве земских начальников, разделяется на два присутствия, административное и судебное, с неодинаковым составом; в обоих председательствует уездный предводитель дворянства, что придает съезду сословный характер. Окружной суд составляет вторую инстанцию для дел его уездного члена, действуя на правах съезда мировых судей. Высшую в губернии инстанцию для этих учреждений с правами надзора за их деятельностью составляет

губернское присутствие под председательством губернатора из высших должностных лиц губернской администрации и суда с двумя *непременными членами*, назначаемыми губернатором из местного дворянства в порядке и на условиях назначения земских начальников.

М. Зощенко. Волостной суд

Преобразовано было и местное общественное управление, земское и городское. Положением 12 июня 1890 г. о губерниях и уездных земских учреждениях группировка избирателей *по роду имуществва* заменена распределением

их на *сословные* группы – дворянскую, городскую и крестьянскую; при этом непосредственный выбор крестьянских гласных волостными сходами заменен выбором кандидатов, из числа которых губернаторы по отзывам земских начальников назначают гласных в земское собрание. Усилен правительственный надзор за земским самоуправлением: постановления земских собраний не могут быть приводимы в исполнение, пока не утверждены губернатором или по его представлению министром внутренних дел. Особый тип местного земско-хозяйственного управления создан Положением 2 апреля 1903 г. для девяти губерний Западной России. Управление земским хозяйством в каждой из этих губерний вверено *губернскому* и *уездным комитетам по делам земского хозяйства* с распорядительной властью, а исполнительные действия возложены на *губернскую* и на *уездные управы по делам земского хозяйства*. В сложный состав комитетов рядом с высшими (губернскими) и подчиненными (уездными) должностными лицами разных ведомств местной администрации входят и *земские гласные*, не менее двух от каждого уезда, назначаемые по представлению губернатора министром внутренних дел на 3 года из лиц, имеющих постоянное жительство в уезде и владеющих здесь недвижимым имуществом или торгово-промышленным заведением. В губернском комитете председательствует губернатор, в уездных – уездные предводители дворянства, в Западном крае назначаемые правительством. Председатель и члены гу-

бернской управы также назначаются министром и состоят на государственной службе. В городском самоуправлении новое Городовое Положение 11 июня 1892 г. возвысило имущественный ценз: избирательное право обусловлено недвижимым городским имуществом известной ценности смотря по населенности городов (от 3 тыс. руб. в столицах до 300 р.) или торгово-промышленным предприятием по купеческому свидетельству первой (в лицах) или второй гильдии. Правительственный надзор, как и другие условия деятельности городского общественного управления, определен применительно к новому земскому Положению.

Устав 1874 г. о воинской повинности составил один из важнейших моментов в уравнительном переустройстве русского общества. При системе рекрутских наборов воинская повинность, наиболее тяжелая из всех государственных повинностей, была распределена крайне неравномерно: вследствие разнообразных сословных и других изъятий вся тяжесть ее падала почти исключительно на мещан и крестьян (5 ½ миллион. изъятых на 24 ½ миллион. подлежащих повинности). Устав, утвержденный 1 января 1874 г. (при военном министре Д. А. Милютине), установил всесословный призыв к исполнению воинской повинности. Мужское население подлежит этой повинности «без различия состояний». Вступление в военную службу по ежегодным призывам решается жребием, который вынимают все, достигшие призывного возраста (20–21 г.).

Из них признанные годными принимаются на службу в числе, ежегодно назначаемом, какое требуется для пополнения *постоянных войск*, сухопутных и морских; остальные зачисляются в *ратники ополчения*, которое созывается лишь в чрезвычайных обстоятельствах военного времени и составляется из всего не числящегося в постоянных войсках, но способного носить оружие мужского населения от призывного до 40-летнего возраста включительно. Выслужившие срок *действительной* службы увольняются в *запас*, призываемый на действительную службу в случае необходимости привести войска в полный состав. Полные сроки службы действительной и в запасе 6 и 9 лет в армии, 7 и 3 года во флоте. Отменены замещения и откупы от военной службы, но допущены отсрочки в отправлении повинности, а также разные изъятия и льготы, дающие (по неспособности к военной службе, по семейному или имущественному положению, по званию и роду занятий и особенно по образованию) право на освобождение от воинской повинности вообще, или от действительной службы в мирное время, либо только на сокращенные сроки действительной службы. Так, освобождаются от воинской повинности священнослужители всех христианских исповеданий, а также православные псаломщики (на известных условиях), льготные по семейному положению *первого разряда* (единственный способный к труду сын при отце к труду неспособном или при матери-вдове и т. п.); освобождаются от действительной службы

в мирное время и зачисляются в армейский запас на 15 лет преподаватели учебных заведений, содержимых правительством или уставы коих им утверждены; сроки действительной службы в армии по жребию сокращаются по степени полученного образования (от 4 лет в начальных училищах до 6 месяцев в высших учебных заведениях) с увеличением на соответствующее число лет срока состояния в запасе. Лицам, удовлетворяющим определенным условиям образования, предоставляется отбывать воинскую повинность в армии без жребия, *вольнопределяющимися*, и соответственно полученному образованию они обязаны прослужить в действующих войсках 3 месяца, полгода или 2 года. Широкиими льготами по образованию военная реформа весьма много способствовала распространению народного просвещения. Мысль закона 1874 г. в том и состоит, что по современным условиям войны только та армия может рассчитывать на боевой успех, в которой грамотными развитыми и находчивыми солдатами командуют офицеры с основательным образованием не только специальным, но и общим.

Д. А. Милютин. Гравюра П. Ф. Бореля с фотографии из Главного штаба

При действии устава 1874 г. европейская армия России по составу обученных людей не превышала в военное время 1.270.000 человек, когда Германия могла выставить армию

в 3.734.000, а Австро-Венгрия в 1.821.000. Между тем являлись поводы опасаться вооруженного столкновения с ближайшими соседями на Западе. Чтобы увеличить боевые силы, не обременяя населения чрезмерно личной повинностью, а казны непосильными расходами, правилами 14 июня 1888 г., сократив действительную службу на один год, увеличили срок состояния в запасе на 3 года, так что продолжительность действительной и резервной службы с прибавкой к последней четвертого года, взятого у первой, возросла с 15 до 18 лет (как в Германии). Трехлетняя прибавка распространена на льготных по образованию и на вольноопределяющихся. По тому же закону срок состояния в ополчении продолжен до 43-летнего возраста. С целью пополнить в армии состав офицерских чинов образованными людьми и побудить последних поступать в ряды войск добровольно, законом 1886 г. трехмесячный и полугодовой срок действительной службы вольноопределяющихся заменен годовым, а полугодовой и полуторагодовой срок льготных по образованию жеребьевых – двухлетним.

Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности, 1884 год

В первые пять призывов (1874–1878 гг.) вынимало жребий ежегодно средним числом немного менее 700.000 человек; из них для ежегодного пополнения армии и флота требовалось около 180.000; с правами на сокращенные сроки по образованию поступало на службу немного более 1 % всего числа новобранцев. В 1902 г. для пополнения постоянных войск призвано 318.745 человек, а в 1904 г. по случаю войны с Японией число призванных увеличено до 447.402.

Возвещенные реформы. Высочайший указ Сенату от 12 декабря 1904 г. возвестил ряд реформ, продолжающих дело уравнивания сословий и подготовки их к совокупному участию в управлении. Особому совещанию по важнейшим вопросам устройства крестьянской жизни повелевается, чтобы работы его привели законы о крестьянах, как полноправных свободных сельских обывателей, «к объединению с общим законодательством Империи». Между прочим, указ предписывает «предоставить земским и городским учреждениям возможно широкое участие в заведовании различными сторонами местного благоустройства и призвать к деятельности в этих учреждениях на однородных основаниях представителей всех частей заинтересованного в местных делах населения», образовав в дополнение к действующим губерн-

ским и уездным земствам однородные с ними и более близкие к населению земские учреждения в более тесных по пространству, чем уезд, округах (так называемая «мелкая земская единица»). Признано также неотложным преобразование судебной части в целях уравнивания перед судом лиц всех состояний. Доселе крестьяне подсудны своим особым волостным судам, не связанным с общими судебными установлениями и подчиненным губернской администрации, притом в большей части правонарушений, за исключением важнейших, изъятым из-под действия общих уголовных и гражданских законов.

Указом 12 декабря не ограничились преобразовательные предначертания. В памятный день 18 февраля 1905 г. изданы три акта. Высочайшим рескриптом на имя министра внутренних дел возведено о привлечении «достоинейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предположений», и именован указом Сенату от того же числа облегчается «всем верноподданным, радующим об общей пользе и нуждах государственных», возможность непосредственного обращения к верховной власти и на состоящий под председательством Государя Совет Министров возлагается «рассмотрение и обсуждение поступающих на Высочайшее имя от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения на-

родного благосостояния». Таким образом деятельности общественных классов, доселе ограниченной делами местного хозяйственного управления и суда, открывается путь к совместной с центральным правительством работе над вопросами общегосударственными, законодательными, люди, облеченные доверием *народа*, всех его классов, призываются «содействовать успешному осуществлению преобразований, направленных к обновлению духовной жизни народа, к упрочению его благосостояния и усовершенствованию государственного порядка», как гласит Высочайший манифест от того же 18 февраля 1905 г.

Ход образования русского общества. В Московском государстве XVII в. с прекращением земских соборов общество распадалось на классы, разделенные сословными правами и обязанностями, с разобщенной деятельностью, замыкавшейся в круг сословных дел и интересов. С Петра Великого законодательная перестройка общества совершалась двумя параллельными порядками мер, из коих одни уравнивали его классы, другие сближали их и подготовляли к совместной деятельности. Процесс уравнивания состоял в том, что одни сословные права и обязанности упразднялись, а другие с одного сословия распространялись на прочие и чрез это становились общими (распространение при Петре Великом воинской повинности на неслужилые классы и податной на холопов и вольных людей, снятие казенных служб

с торгово-промышленных людей при Елизавете, распространение некоторых личных и общественных прав дворянства на высшие разряды городских обывателей по Жалованной грамоте городам 1785 г., предоставление лицам всех свободных состояний права личной поземельной собственности по закону 12 декабря 1812 г., законы 20 февраля 1803 г. и 2 апреля 1842 г., подготовляющие юридические основы для отмены крепостной зависимости, и, наконец, предоставление бывшим помещичьим крестьянам гражданских прав с сословным самоуправлением по Положению 19 февраля 1861 г. и уравнивание всех перед законом в общем суде по Судебным Уставам 20 ноября 1864 г. и в несении воинской повинности по Уставу 1 января 1874 г.). В ходе взаимного сближения и подготовки сословий к совместной деятельности можно различить три момента неодинакового значения. В Комиссию 1767 г. призваны были представители разных классов русского общества содействовать правительству в законодательной работе, и она подготовила материалы для губернских учреждений 1775 г., призвавших к участию в местном управлении и суде все свободные классы гражданского общества, и для Жалованной грамоты городам, пытавшейся сделать из города всесословное общество.

М. Зайцев. Заседание Уложенной комиссии 1767 г.

Потом в Положении 1831 г. о дворянской службе мелькнула мысль сделать дворянство местным представителем всех других классов общества. Но оба процесса замедлялись некоторыми особенностями положения государства и общества. Вместе с расширением государственной территории и усложнением управления росла потребность в людях, пригодных для государственной службы, военной и гражданской. Еще до Петра Великого служилый класс пополнялся путем выслуги из других сословий. Табель о рангах 1722 г. укрепила этот путь, причисляя к потомственному дворянству всех, кто дослуживался до чина VIII класса, «хотя бы

они и низкой породы были». С времени Петра Великого служебная годность была обусловлена образовательным цензом; но этот ценз не стал средством общественного уравнивания и объединения. Государство и общество складывались так, что правительство искало и вне дворянства способных и образованных людей для государственной службы и вводило их в дворянство, а способные люди из недворян путем образования и службы стремились выйти из своего состояния и стать дворянами. Так школа и служба переливали общественные силы снизу наверх и этим наперекор уравнивательным и объединительным стремлениям законодательства усиливали разобщение между высшим и низшим классами, искусственно понижая умственный уровень и общественное значение последних. Екатерину II занимала мысль создать в России образованное среднее сословие, кадрами которого служили бы люди, «из подлости (простонародья) к наукам взятые». В царствование Николая I думали придать средней и начальной школе профессионально-сословный характер, при котором каждый «не стремился бы чрез меру возвыситься над тем состоянием, в коем ему суждено оставаться». Чтобы остановить или ослабить стремление торгово-промышленных людей в дворянство путем службы, в 1832 г. учреждено было привилегированное состояние *почетного гражданства*, потомственного и личного. Наконец, 1851-м годом открывается период усиленной и разносторонней переработки общества в уравнивательном и объединительном на-

правления. Разные разряды крестьян сливаются в однородное сельское сословие; общество получает всесословное участие в местном земском и городском управлении и в отправлении правосудия; устав о всеобщей воинской повинности и отмена подушной подати (с 1 января 1887 г.) с дальнейшими переменами в системе прямых налогов значительно сгладили прежнее коренное деление общества на привилегированное и податные сословия. В то же время совершалось постепенное обобщение понятий, нравов, бытовых отношений под действием новых учреждений, школы, печати и других культурных средств общения. Сословные учреждения и правовые различия еще сохраняются; но одни из них служат вспомогательными средствами общего государственного управления (участие предводителей дворянства в местном управлении, сословный характер земских начальников, крестьянские учреждения), а некоторые являются пережиточными остатками прошлого.

Японско-русская война. Мировые соотношения держав, приведшие год за годом к этой войне, представляют глубокий общеисторический интерес. Настойчиво совершая займы, вводя новые косвенные налоги и централизуя государственное управление, Россия к концу восьмидесятых годов достигла положения, при котором она могла затрачивать огромные суммы на флот и армию. Положение русского правительства, независимого в действиях своих ни от обще-

ственного мнения, ни от настроений народных масс и державшего в руках своих все нити государственного управления, долгое время служило предметом тревожного внимания со стороны великих держав, всячески старавшихся обезопасить себя от возможных эволюций политики петербургского кабинета. Занятие Маньчжурии было принято как перемена политического курса, которого держался император Александр III, и повлекло за собою заключение англо-японского договора, парализовавшего франко-русский союз на Дальнем Востоке.

Русский плакат начала войны «Посидим у моря, по-

дождем погоды», 1904 г.

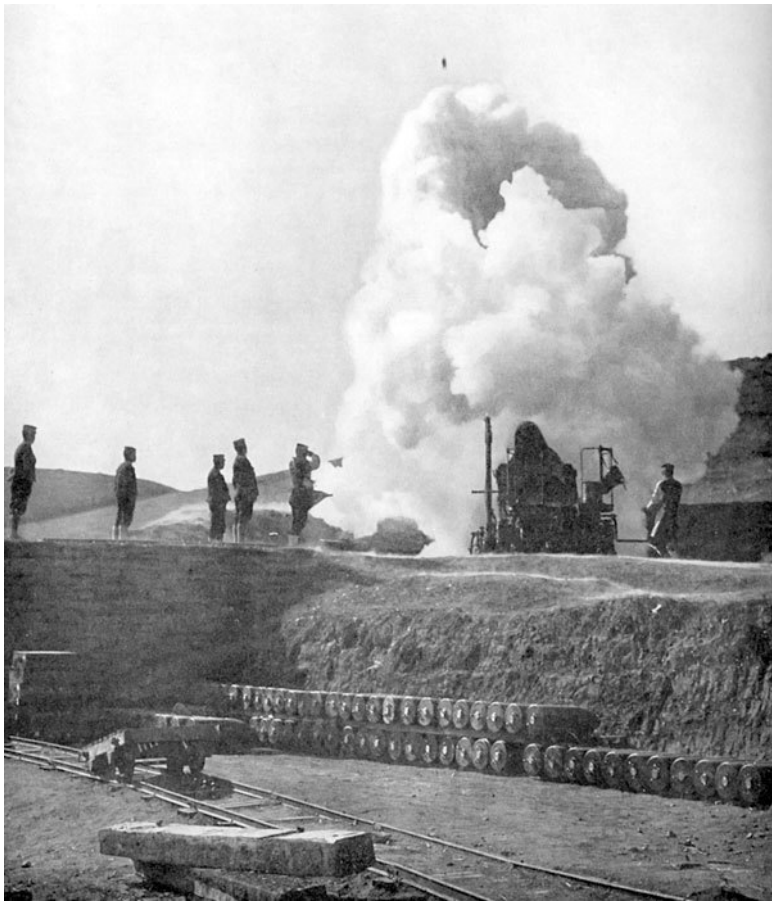
Этот договор и был первым шагом вражды, так как перед тем в безуспешной миссии маркиза Ито в 1901 году Япония стремилась достигнуть непосредственного соглашения с Россией. Облекшаяся в современные государственные формы Япония быстро выросла в компактную силу, стремившуюся на материк в силу реальных неудержимых интересов своего народного труда, высоко напряженного и перенаселением, и давнюю своеобразную культурой на тесном пространстве плодородной страны. Как выяснилось впоследствии, Япония предприняла труд исследования действительной военной силы России, и в главном штабе японской армии быстро узнали слабые стороны русской организации, мало улучшившейся со времени турецкой войны. Между тем техническое усложнение военного дела требовало совсем иной подготовки. Режим закрытых военно-учебных заведений, самое обучение в коих получило характер сословной привилегии дворянства, способствовал замене духа призвания духом привилегии, изучение военного дела тормозилось внешнею выучкой, традицией николаевской эпохи. В большинстве случаев военная школа не дает офицерству нитей, чтобы привязать к себе и воспитать в военном отношении многоплеменную и многоязычную массу армии, и единственным средством превращения новобранца в солдата является полукаторжный режим казармы, убивающий в рядо-

вых необходимое в современной войне чувство инициативы и сознательного свободного энтузиазма. Всецело в массе своей зависящее от служебного заработка, офицерство не может препятствовать и надстройке над ним высшей военной бюрократии, сильной связями, протекцией, средствами, которая и распоряжается самовластно и безответственно делами армии, к великому ущербу ее боевой способности.

Военному столкновению между Японией и Россией предшествовали продолжительные переговоры между обоими правительствами. Япония, заручившись договором с Англией и готовая к войне совершенно, пожелала разграничить с далеким соседом сферы влияния на материке, и притом сообразно с реальным соотношением сил. Сравнительная слабость России на Дальнем Востоке сознавалась отдельными представителями русского правительства; кроме того, насущным интересам Японии на материке, и в частности в Корее, нечего было противопоставить с русской стороны, так как нужная России северная Маньчжурия вряд ли была нужна Японии. Русское правительство и проявило уступчивость; но нежелание очистить южную Маньчжурию и раздражавшие японское общество хищнические затеи влиятельных спекулянтов в Корее дали повод к войне и создали настроение, при котором она и вспыхнула после перерыва переговоров 24 января 1904 года; удачная атака на русский флот обеспечила Японии господство на море, и русская армия усвоила тактику отступления и постепенного накопле-

ния сил, японская – наступления и постепенного захвата территории, и обе стороны изменяли себе, приковывая части сил к Порт-Артуру: одна – чтобы поддержать с ним сообщение, другая – чтобы оторвать его. Битвы при Кинжоу (13 мая 1904) и Вафангоу (1–2 июня) решили эту борьбу в пользу Японии. Первое генеральное сражение при Ляояне (12–21 авг. 1904) не дало японским войскам решительного перевеса, но принудило русских к отступлению. Второе сражение при Шахэ (22–30 сент.) заключило кампанию 1904 года. Небывалое по размерам и кровопролитию, оно также не решило войны. В зимний период на южном театре войны решилась участь Порт-Артура, продержавшегося всего 20 дней после смерти своего славного защитника, ген. Кондратенка, а по возобновлении кампании на севере в 1905 г. произошло и решающее сражение войны под Мукденом (13–24 февраля), беспрецедентное в истории по громадности сил и жертв. Оно, как и первые два, не окончилось прямым разгромом русской армии в бою, но на этот раз во время отступления армия понесла такие потери, что исход кампании был решен. В противоположность сухопутной армии, русский флот, частью расстрелянный в водах П.-Артура, частью потопленный при *Цусиме* (14–15 мая) и частью неумело затопленный своими при сдаче П.-Артура, не оказал врагу достойного сопротивления.

Осадная японская 11-дюймовая мортира стреляет по Порт-Артуру, 1904 г.

Переговоры в Портсмуте (1905 г.)

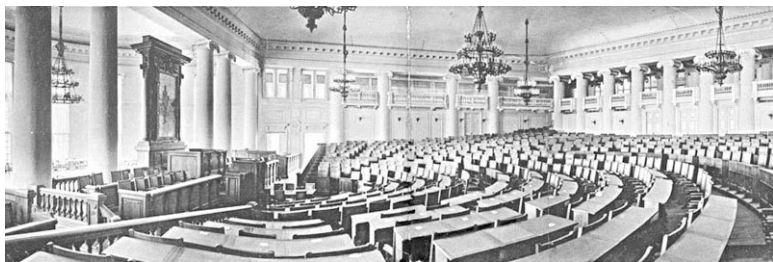
Война обнаружила полную непригодность флота, его материальной части и личного состава, а в сухопутной армии целый ряд глубоких изъянов: отсутствие знаний, произвол и бюрократический формализм высших чинов, а вместе с тем подавленность рядового офицерства, лишенного подготовки, инициативы. 23 августа 1905 г. в Портсмуте подписан был мирный договор между Японией и Россией. Россия уступала Японии южную половину Сахалина, т. е. часть своей территории, затем арендные права в Квантунской области и выстроенные с такими тяжелыми затратами Порт-Артур, Дальний и самую железную дорогу, начиная от пункта южнее Харбина (на 250 в.). За Японией со стороны России при-

знавалось право исключительного протектората над Кореей. Россия сохранила за собою договорные права, связанные с обладанием северными участками Восточно-Китайской ж. д. (Харбин – Владивосток), но самую Маньчжурию обе стороны обязывались очистить от своих войск. Кроме того, Россия, не платя контрибуции, вознаграждала Японию за содержание многочисленных русских пленных. Япония по этому договору приобретала территорию, почти равную своей собственной, Россия осталась с незащищенной железною дорогою к Владивостоку и весьма дурным стратегическим положением на Дальнем Востоке, без тех пространств северной Маньчжурии, которые столь ей необходимы для обороны Восточной Сибири и Приморской области (см. выше). Так закончилась самая несчастная и самая изнурительная война, какую вела Россия. Чтобы собрать миллион войска и увезти его за 7 тыс. верст, понадобилось сломать сотни тысяч крестьянских хозяйств, оторвать от дела сотни тысяч рабочих рук, погубленных затем в Маньчжурии или ввергнутых в острую безработицу, наступившую после войны. Вместе с тем на платежные силы живущего и следующего поколения легла огромная тяжесть миллиардных затрат, сделанных русским правительством на Дальнем Востоке и ради Дальнего Востока в слепой и безответственной трате народных сил.

Реформы 1905 и 1906 гг. Японская война обнаружила на кровавых и потрясающих примерах и перед самыми

широкими кругами населения всю несостоятельность правительственных действий. Стремлением правительства опереться в дальнейших своих мероприятиях на консервативные и влиятельные слои общества вызвано было *Учреждение Государственной Думы*, изданное при соответствующем манифесте 6 августа 1905 г.: в русской государственной жизни полагалось начало *народному представительству*, созываемому ежегодно и установленному раз навсегда. Этот законодательный акт был первым шагом от того чисто приказного строя, которому оставалось верно русское государство во всех чертах своего устройства; но в этом не все значение первоначального учреждения Думы, которому жизнь не дала осуществиться: последующие реформы были не столько отменою, сколько развитием Думы 6 августа и водворением ее на *конституционные* основания, делящие верховную власть между короною и народным представительством. Дума 6 августа имела быть *законосовещательною*: ее постановления не имели обязательной силы; однако «законодательные предположения», отвергнутые большинством и Думы, и Государственного Совета, при котором состояла Дума (и до известной степени в положении, подчиненном Совету), *не* передавались на усмотрение верховной власти (ст. 49). Ведению Думы подлежали все предметы, требующие издания законов и штатов, государственная роспись, сметы министерств, отчеты Контроля и пр. (ст. 33). Но законодательная инициатива Думы поставлена была в тесные рамки: проект нового за-

кона может исходить не от одного члена Думы, а не менее как от 30, и если принят большинством двух третей в Думе, но отвергнут министром, к ведомству которого относится, то поступает на экспертизу Государственного Совета (ст. 55–57). Еще ограниченнее право Думы по *надзору* за управлением: в то время как для постановки законопроекта Думе нужно *одно* голосование и один месяц (ст. 55), – для того, чтобы довести до Государственного Совета свое разногласие с министром в этой области, Думе потребно двукратное (до ответа министра на запрос и после этого ответа) голосование, притом второе должно дать большинство двух третей (Пол. о выб., ст. 58–61).

Зал заседаний Государственной думы в Таврическом дворце, Санкт-Петербург

Вместе с Учреждением Думы 6 августа издано было и Положение о выборах в нее. Все политическое значение реформы сводилось к тому, сколь широкие круги населения ока-

жуются в рядах избирателей. Избирательный закон 6 августа построен на началах *классового* и *цензового* представительства: он вручал избирательное право очень узким кругам лиц, избирающим членов Думы от данной губернии (или области) в одном общем *губернском избирательном собрании*, но выборы выборщиков, голосующих в этой стадии выборов, разбиваются на три независимые избирательные собрания: *съезд уездных землевладельцев*, *съезд городских избирателей*, *съезд уполномоченных от волостей и станиц* (ст. 3). (Города, обособленные в независимые округа выбирают выборщиков по участкам и членов Думы в городском собрании выборщиков.) Распределение числа выборщиков между этими съездами находится в зависимости от имущественной силы каждой группы, соответственно условиям данной местности, и не находится в прямой зависимости от численности лиц, пользующихся в каждом съезде правом голоса. При большой разнице ценза (в съезде землевладельцев примерно 15 т. р., в съезде гор. избирателей лишь около 1500 р.) выходит, что голос уездного землевладельца имеет гораздо более избирательной силы, чем голос городского избирателя. Кроме ценза простого, выборы устанавливают и *ценз сложный* – ценз лиц, владеющих в уезде или землею в размере не менее десятой доли количества десятин, определенного для каждого уезда, или иным недвижимым имуществом (но не торгово-промышленным заведением) стоимостью не менее 1500 р. Такие лица в особом съезде избирают

по одному уполномоченному в съезде уездн. землевладельцев, полагая по одному на полный избирательный ценз. Таким образом, голос таких лиц ровно в *десять* раз слабее голоса уездного землевладельца. Крестьянское представительство осложняется одною лишнею степенью (волостной сход – съезд уполномоченных – губернское собрание), если считать волостной сход за первую степень. Зато из числа членов Думы от каждой губернии *один* должен быть крестьянин. Торгово-промышленные люди, не имеющие земельного ценза, включены в состав городских избирателей, хотя бы проживали в уезде. Приведенные черты дают понятие об избирательной системе 6 августа как о системе, дающей преимущество землевладельческим слоям общества.

Николай II. Фото нач. XX в.

Манифест 17 октября и реформа представительства. Глубокие волнения, охватившие страну осенью 1905 года, дали жизнь торжественному акту, в котором правительство становится на новый путь разделения законодательной власти между монархом и представительными учреждениями. Из трех статей манифеста 17 октября, о гражданской свободе, о расширении избирательного права и о законодательной власти Думы, без согласия коей не может воспринять силы никакой закон, до сих пор разработаны в законы лишь вторая и третья статьи.

**Манифест 17 октября 1905 г. в газете Ведомости
Спб. градоначальства от 18 октября 1905 г.**

Указом Сенату 11 декабря 1905 г. круг избирателей в Государственную Думу расширяется весьма значительно, почти до пределов всеобщего избирательного права. Но с другой стороны, сохранены избирательные курии 6 августа, и число выборщиков от каждого съезда определяется по-прежнему в соответствии с размером налогов и сборов, идущих с каждой категории избирателей. Новые голоса распределены между съездами далеко не равномерно: имущественный ценз «домообзаводства», примененный к городским выборам, увеличивает по крайней мере в десять раз число избирателей в городских съездах. Но ценз *управления* землю и пониженный ценз сложный (отделы III, IV), примененный к съезду уездн. землевладельцев, увеличивает число избирателей в эту курию едва на одну треть (разъяснения Сената в руководство *вторых* выборов сократили и эту сравнительно небольшую добавочную часть голосов). Наконец, крестьянские выборы оставлены совершенно без изменения. В дополнение к трем съездам 6 августа закон 11 декабря устанавливает еще *съезды уполномоченных от рабочих* (отдел V указа) фабричного, горного, горно-заводского производств и от железнодорожных мастерских. Рабочие (ст. 4) избирают из своей среды уполномоченных по следующему расчету: в предприятиях с общим числом рабочих мужско-

го пола от пятидесяти до тысячи – одного уполномоченного, а в предприятиях свыше тысячи – по одному уполномоченному на каждую тысячу рабочих. Общее число выборщиков от рабочих в губернских и городских собраниях выборщиков определяется в 236 чел. (по расчету одного выборщика на 10.000 рабочих). Рабочие голоса тонут в массе выборщиков избирательных собраний, ибо выделены в особую курию и, следовательно, не могут повлиять на исход выборов в местах, где они бывают скученны. Таким образом, закон 11 декабря осуществляет весьма широкое, но и весьма неравное избирательное право. Неравенство это усиливается еще тем, что в городские списки вносятся некоторые категории лиц, имеющих местопребывание в уезде: к представителям торгово-промышленного класса по закону 6 августа (см. выше) здесь присоединяются квартиронаниматели в уезде и служащие в правительственных, общественных и сословных учреждениях, если живут в уезде не менее года. Этим из состава уездных съездов, построенных всецело на имущественном цензе, устраняются местные жители, не имеющие этого ценза (к таковым принадлежит, например, почти вся интеллигенция деревни). Наконец, списки избирателей составляются частью явочным порядком и с тем, что не подавший заявления в срок уже теряет на данные выборы свое право, а частью *ex officio* разными учреждениями. Таким образом как бы устраняются одни избиратели и искусственно привлекаются другие.

И. Репин. 17 октября 1905 года

За расширением избирательных прав населения последовало новое Учреждение Государственной Думы, изданное в исполнение последней статьи манифеста 17 октября «установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей». Изданное 20 февраля 1906 г. также при соответствующем манифесте новое Учреждение Государственной Думы дает выражение вышеупомянутому основному правилу в ст. 50. Такое же правило заключается и в новом Учреждении Государственного Совета, по-

ставленного рядом с Думою в качестве верхней палаты (Отд. II, ст. 12) на место прежнего законосовещательного Совета. Совет состоит из членов по назначению и из членов по выборам в равном числе (I, 2), причем председателем назначается ежегодно Высочайшей властью из числа членов Совета по назначению (I, 3). Выборные члены: 6 членов Православной иерархии, 18 членов от дворянских собраний, 6 от Академии Наук и университетов, 12 от торгово-промышленных учреждений (советов и комитетов торговли и мануфактур, биржевых комитетов и пр.) и члены от земских собраний, по одному от каждого. Ценз для права избрания – утроенный земский (около 45.000 р.) или простой земский, если кандидат служил по выборам в определенных должностях. Таким образом Гос. Совет является учреждением бюрократически-классовым (за исключением представителей от Академии и университетов) и не без плутократического оттенка.

Зал заседаний Государственной Думы 1906–1917 гг.

Новое Учреждение Государственной Думы, за выделением ст. 50, устанавливающей новый принцип согласия Думы, как неперемennого условия каждого законодательного акта, в общем, воспроизводит Учреждение 6 августа. Право законодательной инициативы даже стеснено, так как законопроекты могут выработываться Думою *только* в случае отказа министра взять на себя их приготовление (ст. 57). В отношении контроля над администрацией Дума по второму Учреждению также стеснена: в случае отказа министра ответить на запрос вторичное (см. выше) постановление Думы представляется Императору не через Государственный

Совет, где мнение Думы может встретить поддержку, а чрез представителя бюрократии – председателя Совета.

Государственная Дума может быть до истечения пятилетнего срока полномочий ее членов распущена указом Императорского Величества. *Тем же указом* назначаются новые выборы в Думу и время ее созыва (ст. 3). Продолжительность ежегодных занятий Государственной Думы и сроки их перерыва в течение года определяются указами Императорского Величества (ст. 4). Из этих статей видно, что не обеспечена самая продолжительность занятий Думы, достаточная для осуществления хотя бы части ее прав.

Изданные 23 апреля 1906 г. *Основные законы* подлежат изменению лишь по почину императорской власти (ст. 8). Этими законами, во-первых, устанавливается разделение верховного управления и законодательной власти. Первое принадлежит нераздельно императорской власти, сохранившей название «самодержавной». Вторая осуществляется в единении с Гос. Думой и Госуд. Советом (ст. 7 и 10). Далее подробно предусматривается порядок верховного управления и порядок издания временных правил в отсутствие Думы, когда она распущена. Меры, принятые в порядке верховного управления, подлежат одобрению Думы в течение двух месяцев со дня ее созыва. В основных законах повторяются те статьи из Учреждения Думы и Совета, почин в изменении коих принадлежит императорской власти исключительно. Такими статьями являются все, в коих уста-

навливаются границы прав Думы.

**Работа комиссии по подсчёту голосов избирателей.
Фото нач. XX в.**

Одним из самых существенных ограничений законодательных прав Думы является полное равенство ее в делах законодательства с Государственным Советом. Дума лишена даже обычного преимущества нижней палаты над верхней

в вопросах расходования народных средств, хотя и по Учреждению Думы рассмотрение и утверждение бюджета составляет законодательный акт, а не акт верховного управления, к которому относятся только чрезвычайные сверхсметные расходы, вызванные нуждами военного времени. В отсутствие Думы министерством постепенно открываются кредиты в прошлогодних размерах.

Собирая, распуская Думу, управляя страной без нее и без нее же издавая важнейшие акты, имеющие законодательное значение (Наказ землеустроительным комиссиям), правительство все же стоит все время лицом к лицу с народным представительством, около которого, как около оси, вращается его деятельность. И в этом глубокая разница с деятельностью правительства до японской войны. Независимое совершенно, среди безмолвного общества, едва подымавшего свой критический голос, оно не имело в своей деятельности даже и такого объединяющего момента, как борьба с Думою, и отдавалось стихийному произволу неожиданных случайностей. В непрерывном взаимодействии правительственной власти и народного представительства, крепнущего в борьбе с ее преобладанием, и заключается залог будущего развития государства и усвоения правительством культурных начал конституционной монархии.

Сказания иностранцев о Московском государстве

В отношениях западноевропейского мира к древней России есть две черты, по-видимому исключаящие одна другую и однако ж существовавшие рядом благодаря особенным условиям, в которых находилась древняя Россия. С одной стороны, вследствие отчуждения между Западною Европою и Россией, продолжавшегося до самого XVIII века, западноевропейское общество оставалось почти в совершенном неведении о положении и судьбах России; вследствие этого неведения в нем распространились и укоренились странные представления об этой стране. В начале XVIII столетия русский резидент при одном из западноевропейских дворов, подыскивая деловых людей для Петра, жаловался на то, что эти люди боятся ехать в Россию, думая, что ехать туда — значит ехать «в край света», что эта страна «с Индиями граничит»¹. Между тем в то самое время, как в Западной Европе господствовали такие представления о России, ни одна европейская страна не была столько раз и так подробно описана путешественниками из Западной Европы, как отда-

---

¹ Поэтому *Мейнерс* имел полное право сказать, что образованная Европа в начале XVI века знала о России гораздо меньше, нежели о Новой Голландии в конце XVIII века. «Vergleichung des alterm und neuern Russlandes», ч. I, стр. 2.

ленная лесная Московия. Нетрудно найти некоторую связь между этими противоречащими явлениями: чем первобытнее и малоизвестнее для путешественника страна, в которую он попал, чем более представляет она новых для него особенностей, тем сильнее затрагивает она его любопытство и тем легче дается наблюдающему глазу. Но не один простой интерес дикой, неведомой страны, с которым описывают Новую Голландию или центральную Африку, привлекал внимание западноевропейских путешественников к Московскому государству: в их описаниях сказывается иногда другой, высший интерес, руководивший их наблюдениями; у немногих из них, но зато наиболее беспристрастных и основательных, изредка встречаются намеки на то, что они чувствовали в древнерусском обществе под его азиатской формой присутствие начал, родственных с теми, которыми жила Западная Европа, и среди множества явлений, неприятно поражавших европейца, умели подметить и такие, к которым после строгой оценки не могли не отнестись с сочувствием.

Magnus G. 2

Титульная страница «Путешествия в Московию» А. Олеария

Рассмотрим качества того материала, который представляют записки этих путешественников о Московском государстве. Какой интерес могут представить для изучения отечественной истории заметки иностранца о чужой для него стране, о чужом народе? Чем шире развивается народная жизнь, тем доступнее становится она для изучения, оставляя более следов после себя; вместе с тем, в такой же мере развивается народное самосознание, выражаясь в известных органах. Так с двух сторон являются обильные и притом *свои* источники для исторического изучения. Тогда заметки заезжего иностранца, более или менее беглые и поверхностные, могут быть любопытны, но и только. Совсем другое значение получают они, когда относятся к более ранним эпохам истории народа, когда застают его на той ступени развития, на какой стояло, например, Московское государство в XV–XVII веках. Известно, как трудно развивается и в человеке, и в народе способность оглядки на себя, на пройденное и сделанное, как вообще трудно отрешиться на время от окружающего, стать в стороне от него, чтобы окинуть его спокойным взглядом постороннего наблюдателя. Много говорят о русской привычке думать и действовать толпой, миром: правда ли это и, если правда, составляет ли это постоянную, или временную особенность национального характера?

ра, – все равно: и в том, и в другом случае это условие очень неблагоприятствует появлению в обществе людей, которые «приходят на житейский рынок не для купли и продажи, а для того, чтобы посмотреть, как другие продают и покупают». Мы знаем также, как много помогает обсуждению себя и своего положения возможность сравнения, возможность видеть, как живут и действуют другие. Наконец, для того, чтобы возникла в обществе потребность обсудить свое прошлое и настоящее, разобраться в гуще всего, что сделано в продолжение веков, надобно, чтобы эта гуща достигла значительных размеров и само общество имело настолько спокойствия и устоя, чтоб можно было приняться за такую разборку. Ни того, ни другого, ни третьего не имели наши предки в XV–XVII веках: в своих лесах, окруженные враждебными соседями, разобщенные с другими народами, они были слишком заняты, чтобы иметь возможность и охоту приняться за подобную разборку². Такие эпохи не благоприятствуют появлению литературных памятников, которые изображали бы с некоторой полнотой обычное течение народной жизни, и тут особенно дорого может быть слово иностранца,

---

² Только от второй половины XVII века имеем мы довольно живую, хотя далеко не полную картину состояния Московского государства, начертанную русским человеком; но и этот человек прежде, чем принялся за такой труд, бежал из отечества, порвал всякие, даже религиозные связи с ним и имел случай узнать обычаи и порядки других стран, непохожие на то, что он видел у себя дома: сравнение родило в нем первую мысль описать состояние своего отечества. См. *Котошихин*, изд. 2-е, предисловие, стр. XI.

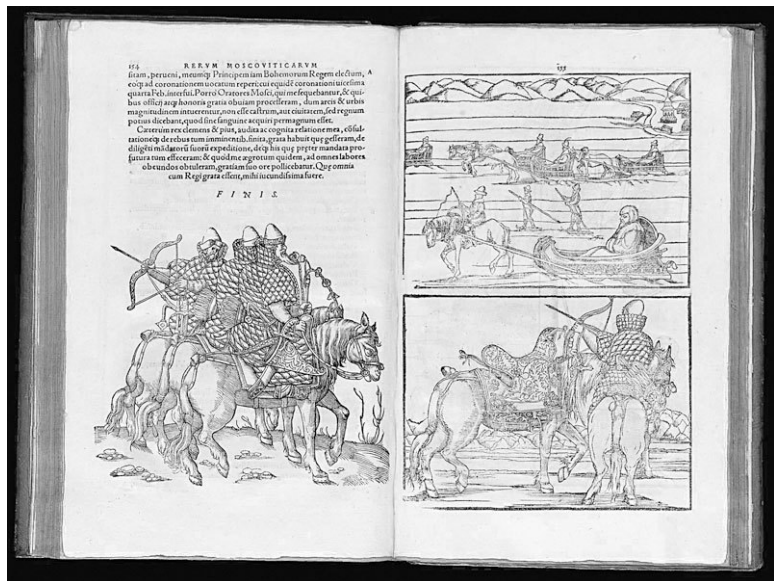
наблюдению которого доступно преимущественно это обычное течение жизни; а в древней России именно эта сторона должна была резко броситься в глаза западному европейцу, представляя во всем любопытные для него, оригинальные черты. В этом отношении иностранные известия могут быть очень важным материалом для изучения прошедшей жизни народа. Будничная обстановка жизни, повседневные явления, мимо которых без внимания проходили современники, привыкшие к ним, прежде всего останавливали на себе внимание чужого наблюдателя; незнакомый или мало знакомый с историей народа, чуждый ему по понятиям и привычкам, иностранец не мог дать верного объяснения многих явлений русской жизни, часто не мог даже беспристрастно оценить их; но описать их, выставить наиболее заметные черты, наконец высказать не посредственное впечатление, производимое ими на непривыкшего к ним человека, он мог лучше и полнее, нежели люди, которые пригляделись к подобным явлениям и смотрели на них со своей домашней, условной точки зрения. С этой стороны записки иностранца могут служить важным дополнением к отечественным историческим памятникам.

Всем сказанным выше о характере и значении иностранных известий определяется и то, что в них представляет больший и что меньший интерес для изучения. Внешние явления, наружный порядок общественной жизни, ее материальная сторона – вот что с наибольшею полнотой и верно-

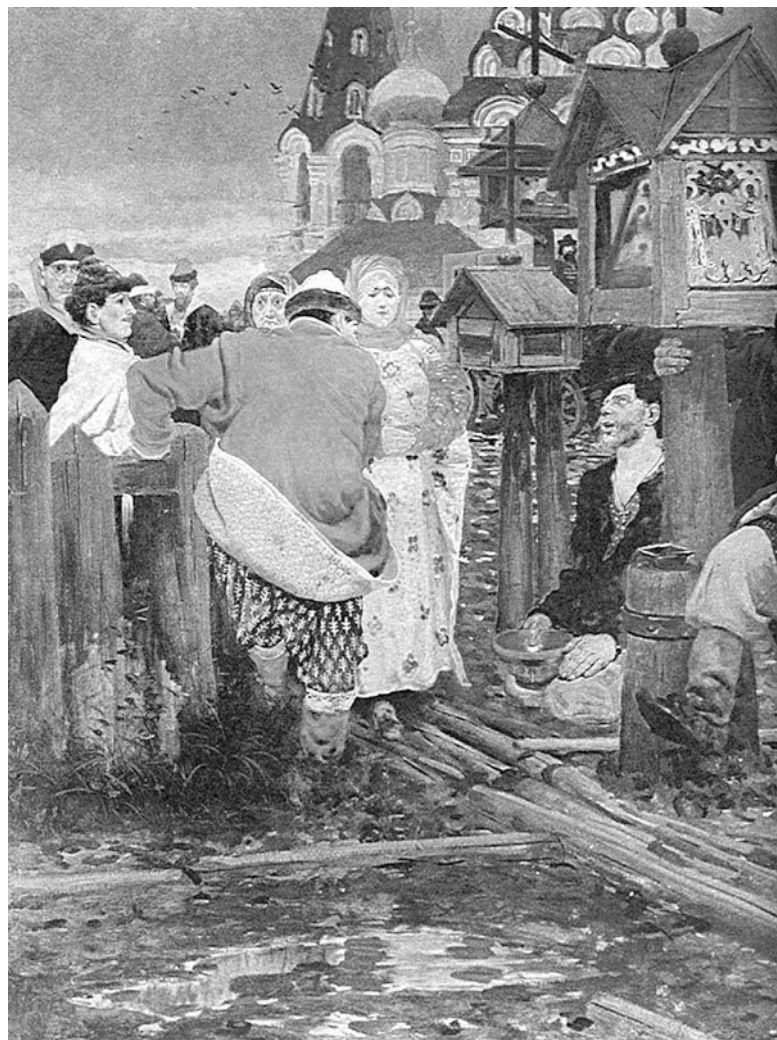

стью мог описать посторонний наблюдатель. Напротив, известия о домашней жизни, о нравственном состоянии общества не могли быть в такой же степени верны и полны: эта сторона жизни менее открыта для постороннего глаза, и притом к ней менее, нежели к другим сторонам народной жизни, приложима чужая мерка. Беглые наблюдения, сделанные в короткое время, не могут уловить наиболее характеристических черт нравственной жизни народа; для оценки ее путешественник мог иметь пред собой только отдельные, случайно попавшиеся ему на глаза явления, а нравственная жизнь народа всего менее может быть определена по отдельным, случайным фактам и явлениям. Наконец, в большей части случаев западноевропейский путешественник не мог даже верно оценить и отрывочные явления этой жизни: нравственный быт и характер русских людей описываемого времени должен был казаться ему слишком странным, слишком несходным с основными его понятиями и привычками, чтобы он мог отнестись к нему с полным спокойствием, взглянуть на него не с своей личной точки зрения, а со стороны тех исторических условий, под влиянием которых слагались этот быт и характер. Оттого иностранные известия о нравственном состоянии русского общества очень отрывочны и бедны положительными указаниями, так что по ним невозможно составить сколько-нибудь цельный очерк ни одной из сторон нравственной жизни описываемого ими общества; зато в этих известиях дано слишком много места лич-

НЫМ, произвольным мнениям и взглядам самих писателей, часто бросающим ложный свет на описываемые явления.

«Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна,
написанные им в 1549 г.

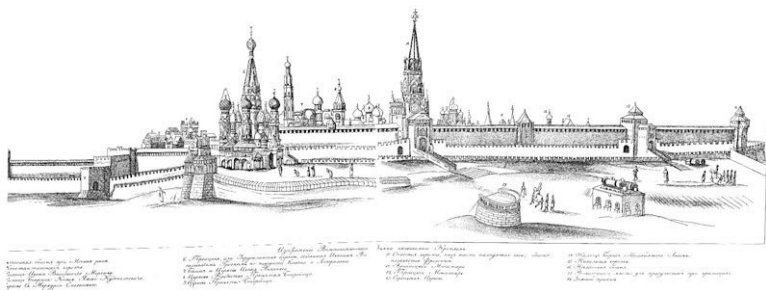
А. Рябушкин. Улица в Москве XVII столетия. Деталь

Вот как, например, один из иностранцев XVII века, принадлежащий к числу наиболее спокойных и основательных иностранных писателей о России, изображает празднование Пасхи в Москве: «В продолжение Пасхальной недели все, и богатые, и бедные, и мужчины, и женщины предаются такой веселости, что, подумаешь, они теряют на это время здравый рассудок. Работы прекращаются, лавки запираются, одни кабаки и другие увеселительные места остаются открытыми; суд умолкает, но зато воздух оглашается беспорядочными криками. Знакомые, при первой встрече, приветствуют друг друга словами «Христос воскресе», «воистину воскресе», целуют и дарят друг друга куриными или деревянными раскрашенными яйцами. Духовные, в сопровождении мальчиков, несущих образ или распятие, в самом дорогом облачении бегают по улицам и перекресткам, посещая своих родственников и друзей, с которыми пьют до опьянения. Куда ни посмотришь, везде видишь столько пьяных мужчин и женщин, что всей строгостью своего поста они наверное не могли заслужить от Бога столько милости, сколько навлекают гнева своим необузданным разгулом и нарушением законов трезвости»³. В этом описании мало неточностей; но мы составили бы себе слишком узкое, односторон-

---

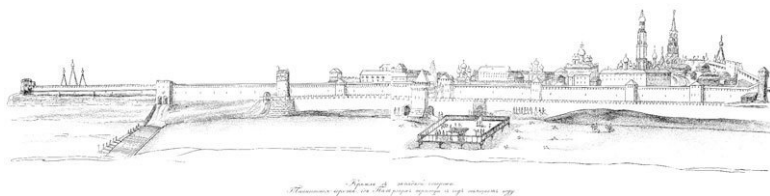
³ *Mayerberg*. «Voyage en Moscovie», в «Bibliothèque russe et polonaise», t. I, p. 75–76.

нее понятие о древнерусском празднике, если бы стали представлять его в подобных поверхностных чертах, а таковы почти все изображаемые иностранцами картины древнерусского быта. Поэтому в настоящем обзоре мы ограничимся иностранными известиями только о тех сторонах древней России, изображение которых наименее могло потерпеть от произвола личных суждений писателей: таковы их географические сведения об области Московского государства, описание некоторых сторон и явлений государственной жизни, известия о материальных средствах страны и т. п. И в этой области остается еще много неточных, сбивчивых показаний: по крайней мере здесь эти показания отличаются большею полнотой, и мы имеем больше возможности проверить их известиями из других источников.

Кремль со стороны Красной площади. Рис. А. Мейерберга 1661 г. из книги «Рисунки к путешествию по России Римско-императорского посланника баро-

на Мейерберга...», 1827 г.

Кремль с западной стороны. Рис. А. Мейерберга 1661 г. из книги «Рисунки к путешествию по России Римско-императорского посланника барона Мейерберга...», 1827 г.

Московское государство долго не обращало на себя внимания Западной Европы, не имевшей с ним никаких общих интересов. Только со второй половины XV века, т. е. с того времени, когда окончилось образование государства, начинает оно завязывать слабые, часто порывавшиеся сношения с некоторыми западноевропейскими государствами. Потому от XV века мы имеем немногие краткие заметки о нем от иностранцев, случайно попавших в Россию и оставшихся в ней очень недолго. Но скоро разные исторические обстоятельства подали повод к более близким и частым сношениям между Москвой и некоторыми западноевропейскими дворами, – и, начиная со времени княжения Василия Иоанновича, идет длинный ряд более или менее подробных описаний Московского государства, составленных

или по непосредственным наблюдениям людьми, приезжавшими в Московское государство с разными целями, преимущественно в качестве послов, – или по рассказам других путешественников. Описания, которыми мы пользовались, относятся к трем столетиям: XV, XVI и XVII; вот их перечень в хронологическом порядке, в каком приводит их Аделунг.⁴

Век XV

1412 и 1421. *Voyages et ambassades de Guillebert de Lannoy*. Mons, 1840. Фламандский рыцарь, служивший в Пруссии и Ливонии (род. 1386–1452). В 1413 посетил Новгород. Издан Лелевелем в 1844 г. с комментариями.⁵

1436. *Иоасафа Барбаро*, дворянина венецианского, путешествие к Дону (в Азов)⁶.

1476. Путешествие *Амвросия Контарини*, посла Венецианской республики, к Уссун-Гассану, царю персидскому,

---

⁴ Цифры, поставленные пред каждым писателем в списке *Аделунга* и приводимые здесь с некоторыми изменениями, означают время пребывания писателя в России; если же писатель не был сам в России, то поставленная пред ним цифра означает год издания его сочинения. В список *Аделунга* не вошли из приводимых нами писателей только *Ланца* и *Михалон*.

⁵ Эти и другие, отмеченные знаком * вставки воспроизведены из авторского экземпляра книги (*прим. изд.*).

⁶ *Барбаро* в 1436 году предпринял путешествие к Дону, где прожил 16 лет; потом ездил в Персию. Неизвестно, когда именно был он в Москве; известно только, что сочинение свое писал он после издания сочинения *Контарини*, о котором не раз упоминает.

Век XVI

1517. *Mathiae a Michovia: Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis*⁸.

1517 и 1526. *Rerum Moscoviticarum commentarii, Sigismundo Libero Barone in Herberstein, Neuperg et Guetenhag auctore*. 1549⁹.

1523. Письмо *Альберто Кампензе* о делах московских к папе Клименту VII¹⁰.

1525. *Павла Иовия Новокомского* сочинение о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Климен-

---

⁷ Сочинения *Барбаро* и *Контарини* помещены в русском переводе, с приложением итальянских подлинников, в «Библиотеке иностранных писателей о России», *В. Семенова*, 1836.

⁸ Отрывки из сочинения *Меховского*, касающиеся собственно Московского государства, помещены в латинском подлиннике на стр. 206–209 сборника «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*» (Francofurti, MDC) и в русском переводе, в третьей статье «Библиографических отрывков» (Отеч. Зап., 1854 г., № 12, отдел. II, стр. 142–153). *Мейнерс* отказывается определить, когда явилось в свет сочинение *Меховского* (см. «*Vergleichung*», etc. I, 4); *Аделунг* ошибочно относит первое издание его книги к 1521 г.: это было уже третье издание.

⁹ Помещено в «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*» (стр. 1–117), с присоединением статьи о генеалогии великих князей московских; к сочинению приложены две географические карты Московского государства, план города Москвы и несколько рисунков.

¹⁰ Помещено в «Библиотеке» *В. Семенова* в подлиннике и в русском переводе.

ту VII¹¹.

1525. *Moscovitarum juxta Mare Glaciale religio*, a *D. Ioanne Fabri* edita¹². 1553. The booke of the great and mighty Emperour of Russia and Duke of Muscovia, and of the dominions, orders and commodities thereto belonging, drawn by *Richard Chancelour*¹³. Известия, изложенные Ченслером в этой записке, повторены с некоторыми добавлениями *Климентом Адамом* в латинской статье «*Anglorum navigatio ad Moscovitas*»¹⁴.

1557. The first voyage made by Master *Antony Jenkinson* from the City of London toward the land of Russia¹⁵.

1560. *Alexandri Guagnini Veronensis: Omnium regionum Moscoviae Monarchae subjectarum Tartarorumque caelestrium etc. sufficiens et vera descriptio*¹⁶.

1568. The ambassage of the right worshipfull Master *Thomas Randolfe* to the Emperour of Russia, briefly written by himself¹⁷.

1575. *Nobilissimi Equitis Dani Iacobi Ulfeldii etc.: Legatio*

---

¹¹ Там же.

¹² Помещено в «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*» (стр. 130–141).

¹³ Помещено в *Hakluyt's* «*Collection of the early voyages*» etc. a new edition, vol. I. London, 1809 (стр. 263–270).

¹⁴ Подлинник ее помещен в «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», р. 142–183; но в сборнике *Гаклюйта*, вслед за сочинением *Ченслера*, помещен английский перевод записки Климента (стр. 270–284). *Журн. М. Н. П. 1838, окт.*

¹⁵ *Hakluyt*, vol. I, 346–368. См. также описания других путешествий *Дженкинсона* в Россию, помещенные у *Гаклюйта* на стр. 362–375 и 452–463.

¹⁶ «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», р. 154–206.

¹⁷ *Hakluyt*, vol. I, 422–432.

Moscovitika sive Hodopoericon Ruthenicum. Francofurti, 1627.
См. Попова, Прав. Обзор. 1878, 2, стр. 300.

1576. Письмо о Московии *Кобенцеля*¹⁸.

1576–1578. *Moscoviae Ortus et Progressus*. Auctore *Daniele Printz a Buchau*, August. Imper. Maximiliani et Rudolphi consiliario, nec non bis ad Iohannem Basilidem, Magnum Ducem Moscoviae legato extraordinario. Gubenaе anno 1679.

1581 и 1582. *Antonii Possevini Societatis Jesu: Moscovia*. Antverpiae, 1587.

1583. A briefe discourse of the voyage of Sir *Jerome Bowes* knight, her Majesties ambassadour to Ivan Vasilivich the Emperour of Muscovia¹⁹.

1584–1590. Сокращенный рассказ или мемориал путешествий сэра *Джерома Горсея*²⁰.

1588 и 1589. *Дж. Флетчер*: О государстве Русском или образ правления русского царя. Лондон, 1591.

1590. *Iohann David Wunderer: Reisen nach Dennemark, Russland und Schweden 1589 und 1590*²¹.

---

¹⁸ Русский перевод, сделанный проф. *Домбровским*, помещен в Журн. Мин. Народн. Просв. 1842 г., № 9.

¹⁹ *Hakluyt*, vol. I, 517–523.

²⁰ Перевод начат, но не кончен в «Библиотеке для Чтения», 1865 г., №№ 4 и 6.

²¹ «Frankfurtisches Archiv fur altere deutsche Litteratur und Geschichte», herausgeb. von Fichard. Frankf. a. M., 1811. II B., S. 169–255.

Век XVII

1601–1611. Состояние Российской державы и великого княжества Московского. Сочинение капитана *Маржерета*²².

---

²² «Сказания современников о Димитрии Самозванце», ч. III.

Krißcorwitſche Münze.

Альбом Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII в.»

1606–1608. Описание путешествия *Ганса Георга Паерле*, уроженца аугсбургского, из Кракова в Москву и из Москвы в Краков²³.

1609–1612. Дневник *Самуила Маскевича* с 1594 по 1621 год²⁴.

1608–1611. *Petri Petreji: Historien und Bericht von d. Grossfurst Muschkow etc.*²⁵.

1634 и 1636. *Relation du voyage d'Adam Olearius en Moscovie, Tartarie et Perse etc. Traduit de l'Allemand par A. de Wicquefort. Tome premier, seconde edition. Paris, MDCLXXIX.*

1661. *Relation d'un voyage en Moscovie, ecrite par Augustin Baron de Mayerberg. 2 vol. Paris, 1858*²⁶.

1663. *La relation de trois ambassades de Monseigneur le Comte de Carlisle etc. vers Alexey Michailowitz, czar et grand duc de Moscovie, Charles, roi de Suede, et Frederic III, roi de Danemark et de Norvege. Amsterdam, MDCLXIX.*

1659–1667. Нынешнее состояние России, описанное одним англичанином (*Самуилом Коллинсом*), который 9 лет

---

²³ Там же, ч. II.

²⁴ Там же, ч. V.

²⁵ «*Rerum Rossicarum scriptores exteri*», a Collegio Archeographico editi, t. I.

²⁶ «*Bibliotheque russe et polonaise*», vol. I et II.

прожил при дворе Великого царя русского²⁷.

1668–1670. *Les voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie etc.* Amsterdam, MDDLXXXL. P. Арх. 1880, I.

1671–1673. *Якова Рейтенфельса: О состоянии России при царе Алексее Михайловиче*²⁸.

1675. *Relatio eorum quae circa Sacr. Caesar. Majestat. ad Magnum Moscorum Czarum ablegatos Annib. Francisc. de Bottoni et Jann Carol. Terlingerenum de Guzman gesta sunt, strictim recensita per Ad. Lyseck, dictae legationis secretarium.* Salisburgi, 1676.

1678. *Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam potentiss. Poloniae Regis ac Reipublicae mandato et consensu, anno 1678 feliciter suscepta, nunc breviter sed accurate quoad singula notabilia descripta a teste oculato B.L. Tannero Boemo Pragense, Dn. Legati principis camerario germanico. Norimbergae, anno 1689.*

1686. *Voyage en divers etats d'Europe et d'Asie entrepris pour decouvrir un nouveau chemin a la Chine, par Ph. Avril (Societatis Jesu).* Paris, 1691. Сол. 14, 67.

1689. *Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, par Neuville.* A la Haye, 1696.

1698 и 1699. *Diarium itineris in Moscoviam etc., descriptum a I.G. Korb, secretario ablegationis Gaesareae. Viennae Austriae,*

---

²⁷ «Русский Вестник». 1841 г., №№ 7 и 9; «Чтения Импер. Общ. Истории и Древн. Российских». 1846 г., № 1.

²⁸ «Журнал Мин. Нар. Просвещ.». 1839 г., № 7.

Перечисленные выше сочинения писаны с разными целями, по разным случаям, и представляют материал, довольно разнообразный по форме и по содержанию. Путешественники XV века, Ланнуа, Барбаро и Контарини, попавшие в Московию случайно и пробывшие в ней недолго, сообщают немногие беглые заметки о том, что они видели и слышали проездом; такие же беглые заметки путешественников, бывших в Московском государстве проездом, имеем мы и от позднейшего времени: таковы путевые заметки Вунддерера, Штрауса и Авриля. Эти заметки любопытны для географии страны по непосредственным, иногда метким наблюдениям над местностью, по которой проезжал путешественник.

Религиозное движение XVI века заставило римских пер-

---

²⁹ Биографические и библиографические подробности об указанных писателях см. у *Мейнерса*, I, 1–32, у *Аделунга* и в «Библиографических отрывках». Кроме приведенных сочинений, мы пользовались известиями *Михалона Литвина* (см. Извлечения из сочинения Михалона Литвина о нравах татар, литовцев и москвитян, в переводе *С. Шестакова*, «Арх. ист. – юрид. сведений», Н. Калачева, книги 2-ой половина 2-ая), также некоторыми статьями в «Historica Russiae Monumenta» и особенно письмами и записками Московской компании английских купцов, напечатанными в 1-м томе «Сборника» *Гаклюйта*; указываем здесь страницы, на которых помещены они в издании 1809 года: записка *Гасса*, 293 и сл.; путешествие *Ст. Берроу* к Оби, 306 и сл., заметки *Джонсона*, 316 и сл.; письма компании, 331 и 511; письма ее агентов, 293, 337–341; записка *Лена*, 345; путешествие *Саутама* и *Спарка*, 409 и след.; начало записки о путешествиях в Персию, 471 и нек. друг.

восвященников обратить заботливые взоры на Восточную Европу с целью вознаградить себя там новыми религиозными завоеваниями за огромные потери, причиненные римской церкви протестантизмом; этому обязаны мы несколькими записками о Московии, составленными с целью уяснить, какими путями можно было бы провести в Московское государство католическую пропаганду и каких выгод могла ждать римская церковь от успеха в этом деле. Согласно с такой целью, составители упомянутых записок преимущественно говорят о нравственном и религиозном состоянии жителей Московского государства, о церковной иерархии и т. п. Таковы записки Кампензе, Иовия, Фабри и знаменитого иезуита – Антония Поссевино. Достоверного они сообщают мало, ибо писали по чужим рассказам, за исключением Поссевина, который сам два раза был в Москве и посвятил весь свой первый комментарий описанию религиозного состояния Московского государства и изложению планов и средств касательно распространения в нем католичества. Отличительная черта этих записок состоит в том, что составители их, не исключая даже и мрачного Поссевино, особенно выгодно отзываясь о религиозном чувстве и набожности русских, только жалеют, что такая теплая вера и истинно-христианское благочестие пропадают без пользы, за границу римской церкви, среди ереси и невежественного суеверия³⁰.

---

³⁰ Сказав о виденных им святынях Новгорода Великого и о благоговении,

Антонио Поссевино на картине *Я. Матейко* «Стефан Баторий под Псковом» (фрагмент)

с которым чтут их жители, Поссевин продолжает: *Abeuntes miseram gentis conditionem commiserati eo amplius sumus, quod tanta erga ejusmodi res pietate ferretur, ut si catholici essent, nihil ad summam riligionem eo in genere videri possit desiderandum.* «*Supplementum ad Historica Russiae Monumenta*», № CLXII, p. 398.

В половине XVI века в Англии обнаружилось сильное движение к открытию новых стран и торговых путей: соперничая с Испанцами и Португальцами, английские купцы пытались открыть новый северо-восточный проход в Тихий океан. Прохода не открыли, но открыли на северо-восточном краю Европы неизвестную страну, которая потом оказалась Московией; вследствие этого, несмотря на неблагоприятное начало, завязались деятельные торговые сношения Англии с Московским государством: в Лондоне составила Московская компания английских купцов (the Moscovie company of the marchants adventurers), которой мы обязаны множеством записок, сообщающих известия о Московском государстве XVI века и напечатанных в первом томе «Сборника» Гаклюйта. Сюда вошли описания путешествий английских послов, ездивших в Москву по делам компании, письма и другие деловые бумаги ее агентов. Содержание и характер этих описаний и бумаг определяется теми практическими целями, которыми руководились их составители: здесь заключается довольно богатый материал для географии Московского государства, преимущественно северного его края, для истории торговли, промышленности и вообще материального состояния страны. Деловому содержанию этих записок соответствует и их изложение, резко отличающееся от прочих иностранных сочинений о Московии: не вдаваясь много в рассуждения об особенностях страны и ее жителей, послы и агенты сообщают в наскоро писанных, боль-

шею частью кратких записках, письмах и отчетах почти одни голые, сухие факты и наблюдения. Зато по достоверности и обилию подробностей эти записки можно отнести к лучшим иностранным сочинениям о Московском государстве³¹.

---

³¹ О возникновении компании и первом прибытии англичан в Белое море см. «Anglorum navig. ad. Moscovitas» в «Rerum Moscoviticarum auctores varii». Об открытиях англичан на северо-востоке и об их торговых сношениях с Московским государством с 1553 г. см. письмо *Лена у Гаклюйта*, I, 523 и сл. и «Историю Московии» *Мильтона*, гл. 5 (в переводе *Е. Карновича* в «Отеч. Зап.», т. СXXXI).

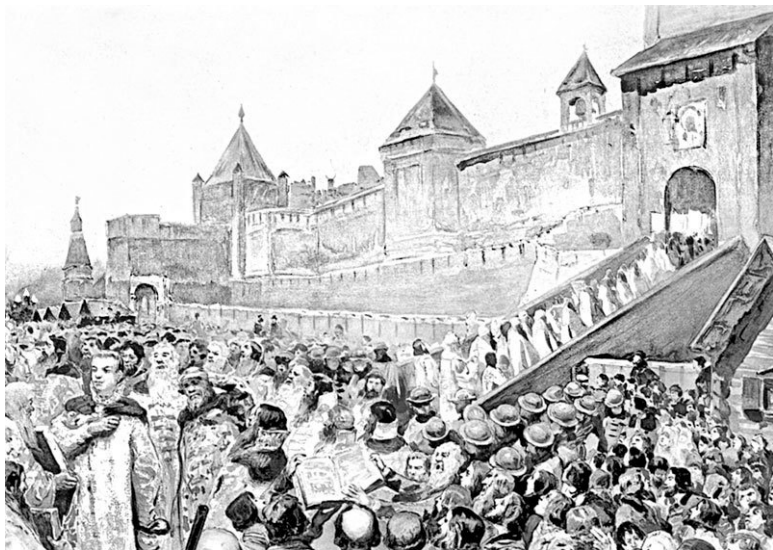
ПРИХОДОУ ПАСОКА

Английское посольство в Москве. Миниатюра из Лицевого свода

Смутному времени мы обязаны несколькими любопыт-

ными записками иностранцев о шумных событиях этой эпохи. Некоторые из этих писателей, именно Маржерет, Паерле, Маскевич и Петрей приложили к запискам о событиях того времени более или менее подробные описания внутреннего состояния Московского государства, не лишенные некоторых любопытных известий; из них особенно можно указать на сочинение Маржерета, который довольно долго жил в России, служа капитаном отряда иноземных телохранителей при Борисе Годунове и первом самозванце, и в сочинении своем сообщает любопытные подробности о московском войске.

К. Лебедев. Вступление войск Лжедмитрия I в Москву

Самый значительный по числу и объему сочинений отдел из выписанных выше материалов составляют описания посольств, приезжавших в Москву из разных государств Западной Европы, преимущественно из Австрии. К этому отделу принадлежит большая часть из наиболее объемистых иностранных сочинений о Московском государстве. Некоторые из них имеют вид путевых записок, в которых заметки набросаны без строгого порядка: таковы сочинения Ульфельда и Мейерберга; другие, как, напри^{м.}, сочинение Флетчера, представляют систематическое описание разных сторон государственного устройства, общественной и частной жизни; третьи, наконец, к описанию путешествия и пребывания в Москве присоединяют более или менее подробные очерки истории государства и его современного состояния: таковы сочинения Герберштейна, Олеария, Корба и др. У Герберштейна, Олеария и Мейерберга, кроме заметок о местностях, по которым они проезжали, находим довольно подробные и любопытные географические описания всего Московского государства. Но главный интерес посольских описаний заключается в известиях о тех сторонах жизни Московского государства, с которыми послы приходили в непосредственное соприкосновение: таковы особенно их известия о городе Москве, о московском дворе и его дипломатических обыча-

Общий чертеж Московии, составленный бароном Сигизмундом Герберштейном, в первой половине XVII века. Чертеж этот весьма замечателен, как первая карта России

Ю. Овенс. Портрет Адама Олеария

Главным источником, из которого черпали иностранные путешественники описываемого времени свои сведения о Московском государстве, служило, разумеется, их непосредственное наблюдение: мы видели, в какой области оно наиболее любопытно и надежно. Немногие из иностранцев знали русский язык и пользовались для изучения истории и современного им состояния Московии туземными литературными памятниками: таков был Герберштейн, хорошо знавший русский язык; в своем сочинении о Московии он поместил в переводе значительные отрывки из русских летописей, из правил митрополита Иоанна, из «вопрошания» Кирика, из Судебника Иоанна III и других русских сочинений, какие ему удалось достать в Москве. Кажется, знали по-русски, хотя немного, Флетчер, Маржерет и Мейерберг; первый часто ссылается на русские хроники и даже приходо-расходные книги приказов. Затем для иностранцев оставался еще один обильный, но довольно мутный источник, из которого они могли почерпать сведения о Московском государстве: это – изустные рассказы самих русских. Известно, с какой подозрительностью смотрели люди Московского государства на заезжего иностранца; в его старании узнать положение их страны они всегда подозревали какие-нибудь коварные замыслы, а не простую любознательность. Многие иностранные писатели сильно жалуется на это и сознаются, что от самих русских немного можно добиться верных сведений об их отечестве. Русские сановники, замечает Рейтен-

фельс, посещая иноземных послов, охотно беседуют с ними о разных предметах, но, если разговор коснется их отечества, они с таким умением преувеличивают все в хорошую сторону, что возвратившиеся иностранцы по совести не могут похвалиться знанием настоящего положения дел в Московии³². Для большей части иностранцев, писавших о России в XVII и даже во второй половине XVI века, самым обильным источником служили сочинения прежних путешественников, ездивших в Московию. Особенно много встречается заимствований из Герберштейна и Олеария: компиляторы выписывали из их сочинений известия целыми страницами без всякого разбора, не обращая внимания на время, к которому относились заимствуемые известия; у Гваньино даже все описание Московии есть не более, как почти дословное повторение известий Герберштейна, только расположенных в другом порядке; изредка попадаются скудные добавления самого составителя. При этом нельзя не указать на Олеария, который совершенно иначе воспользовался своим близким знакомством с сочинениями о Московии прежних путешественников: говоря о той или другой стороне жизни Московского государства, он не забывает упомянуть, как описывали ту же сторону прежние писатели, по правяет их, где находить у них неточности или ошибки, указывает, в чем изменилось состояние Московии в его время сравнительно с прежним: эти указания дают Олеарию преимущество пред боль-

---

³² Рейтенфельс, 31.

шею частью других иностранных писателей о Московском государстве, у которых не только не находим ничего подобного, но часто встречаем повторение и даже развитие ошибочных показаний, сделанных предшественниками. Герберштейн первый пустил в ход известие, что русские женщины упрекают в холодности мужей, если те не бьют их; это известие он подтверждает коротким рассказом о немце, женатом на русской, которую он забил до смерти, чтобы дать ей требуемое доказательство своей любви. У Петрея из этого рассказа вышла целая история, украшенная курьезными подробностями.

Понятно, как разборчиво и осторожно надобно пользоваться известиями иностранцев о Московском государстве: за немногими исключениями, они писали наугад, по слухам, делали общие выводы по исключительным, случайным явлениям, а публика, которая читала их сочинения, не могла ни возражать им, ни проверять их показаний: недаром один из иностранных же писателей еще в начале XVIII века принужден был сказать, что русский народ в продолжение многих веков имел то несчастье, что каждый свободно мог распускать о нем по свету всевозможные нелепости, не опасаясь встретить возражения³³.

---

³³ «Библиографические отрывки» в «Отеч. Записках», т. XCV, отд. II, стр. 155.

I. Пределы русского племени и московской государственной области

Как только западный путешественник XV или XVI века, направляясь из Германии к востоку, заезжал за Одер и вступал в Польские владения, он уже начинал чувствовать переход в другой мир, отличный от того, который он оставлял позади себя. Вместо красивых селений, каменных городов и замков с удобными гостиницами, он чем далее, тем реже встречал маленькие деревянные города и села с плохими постоянными дворами³⁴.

Этот переход чувствовался все резче по мере приближения к восточным пределам польских владений. Количество вод и лесов увеличивалось; жилые места встречались реже, а вместе с этим увеличивалась глушь и неизвестность страны. Если, перешедши Вислу в среднем ее течении, путешественник еще имел перед собой, по направлению к юго-востоку и по юго-восточным берегам Балтийского моря, страны, несколько известные по связям их с Польшей и Ливонским орденом, то далее к востоку слабели и исторические, и географические связи. С какого бы пункта, в котором севе-

---

³⁴ Барбаро, в «Библиотеке иностранных писателей о России», стр. 63; *Контарини*, там же, стр. 17.

ро-восточная Европа соприкасалась с западною, ни двинулся путешественник, чтобы пробраться в эти страны, он встречал обширные лесные или степные пустынные пространства, где ему часто приходилось ночевать под открытым небом. Литва, по выражению де Ланноа, большею частью пустынная страна, наполненная озерами и лесами³⁵. Пробираясь через владения Ливонских рыцарей в Новгород Великий, он должен был проехать значительное пустынное пространство «без всяких следов человеческого жилья»; такие же пустыни встретили его на верховьях Днестра и не оставляли потом до самой Кафы³⁶.

Польские и прусские города. Рисунок из альбома Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII в.»

³⁵ «Voyages et ambassades» de Guillebert de Lannoy, p. 24.

³⁶ Ibid., p. 17, 35.

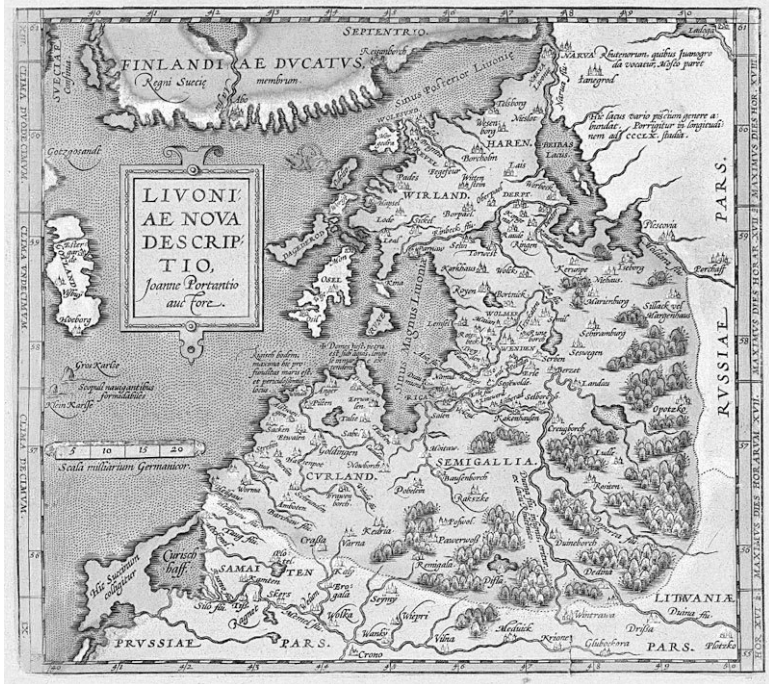
Литва. Гравюра Г. Шеделя, 1493 г.

При таких условиях северо-восточная Европа не могла иметь живых сношений с западною; потому и на западе не могло быть точных и подробных сведений о ней. Писатель первой четверти XVI века, приступая к описанию Московии,

должен был сознаться, что западные космографы и географы его времени без стыда и совести рассказывают о северо-восточной Европе всякие небылицы, показывающие, что их сведения о ней недалеко ушли от сказаний древних греческих и римских географов³⁷. Но и самому Кампензе не много верных сведений могли сообщить его соотечественники купцы, долго жившие в этих странах: тем менее можно ожидать таких сведений от путешественников XV века. Сводя иностранные известия за XV и первую четверть XVI века, мы находим в них следующие географические представления о северо-восточной Европе.

---

³⁷ Кампензе, в «Библиотеке иностранных писателей о России», стр. 29.

Карта Ливонии, составленная А. Ортелием между 1573 и 1598 гг.

За Польшей на восток и северо-восток лежит обширная страна, ровная, обильная лесами, озерами и реками, во многих местах пустынная и вообще менее населенная, нежели Польша³⁸. Более известную часть этой страны, ближайшую

³⁸ Барбаро, 62.

к Польше и Литве и подвластную им, составляют Красная и Нижняя Россия³⁹; далее на северо-восток, до самых границ Азии, простирается также Россия, называемая Белой Россией или Московией, но независимая, вовсе неизвестная западным космографам и историографам⁴⁰ и составляющая как бы другую часть света. В первой четверти XVI века можно было еще сказать, что имя этой страны недавно стало известно Западной Европе⁴¹. На западе Московия соприкасается с Литвой и Ливонией, от которых отделяется рекой Нарвой и Чудским озером. На юге от Московии, тотчас за Рязанью, тянутся обширные степи, по которым кочуют Татары.

---

³⁹ *G. de Lannoy*, p. 36.

⁴⁰ *Кампензе*, 12.

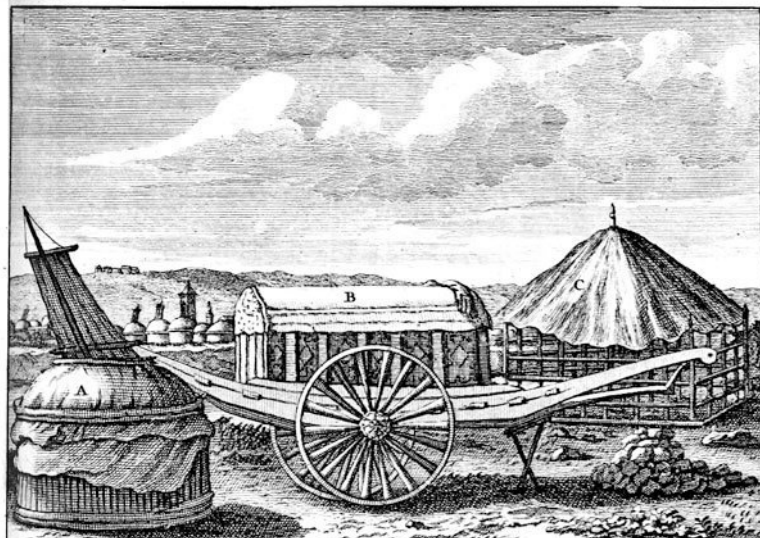
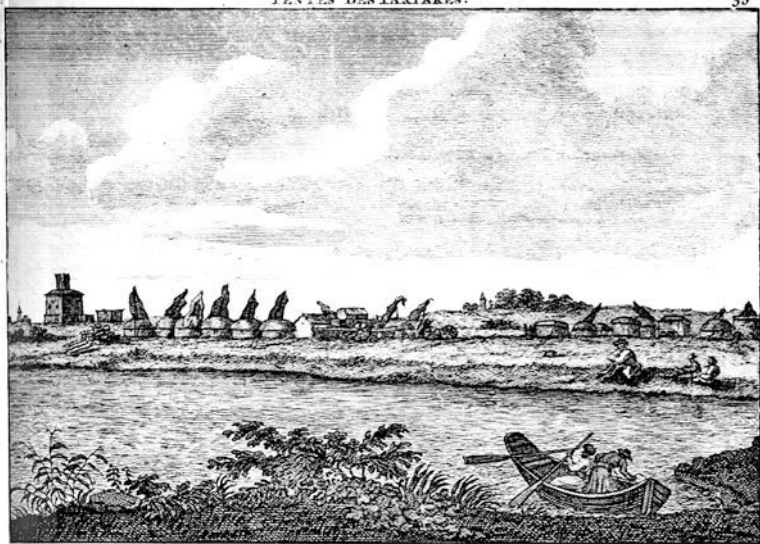
⁴¹ *Иовий* в «Библиотеке иностранных писателей о России», 22.

Diligentis Coymae, coleris auoque, Paule, Leonis;
Dicitur eris medicus, doctus es historicus.

Павел Иовий. Иллюстрация из «Библиотеки гравюр на меди» Ж.-Ж. Буассара, XVII в

К востоку, выходя своими владениями за пределы Европы, Московия соприкасается с Скифией или Азиатской Сарматией, которая за Доном или Танаисом, древней границей Европы и Азии, тянется длиною и широкою полосой по Волге на север до самого Океана и населена также Татарами. На севере не указывается определенной границы; говорится только, что с этой стороны Московия простирается до Ледовитого океана под самый север; на этих пространствах живут бесчисленные племена в безграничных лесах, которые, не прерываясь, тянутся на северо-восток до Гиперборейской Скифии и никому не известного Скифского океана, на расстоянии трех месяцев пути, по показанию Русских, от которых заимствовал сведения о Московии П. Иовий.

**Татарские жилища между Терекком и Астраханью.
Гравюра по рис. К. Бруина 1692 г.**

Хан Батый. Китайская миниатюра. XIII в.

В Московии живут Москвитяне и многие другие племена, недавно покоренные ими. На окраинах северо-восточной Европы наших географов оставляют всякие достоверные сведения; по их представлениям, эти страны покрыты не только мраком неизвестности, но и действительным мраком, в котором живут дикие Лапландцы и щебечущие по птичьему пигмеи, неизвестные даже самим Москвитянам. Западные космографы знают, что Москвитяне говорят тем же языком и исповедуют ту же веру, как и Русские, подвластные Польше; но историческая связь тех и других представляется им уже смутно. Кампензе остается даже в каком-то недоумении, говоря, что весьма многие и доселе считают Русских или Рутенов, подвластных польскому королю, за одно с Москвитянами, основываясь на одинаковости их языка и вероисповедания⁴². Имя Москвитян сближается с разными именами у Плиния, Птоломея и других древних географов, а Татары и другие племена, окружающие Московию с севера и северо-востока, отождествляются с Скифами. Любопытно это постоянное заимствование географических и этнографических названий у древних писателей. Во многих случаях к этому заставляла прибегать необходимость: не знали современных местных названий. Но даже там, где известны были современные туземные названия, видим старание по-

---

⁴² Кампензе, 20.

ставить рядом с ними классические, или из последних вывести и объяснить первые. Видно, что исторические воспоминания о северо-восточной Европе, основанные на сказаниях древних, прерывались для западного географа XV или начала XVI в. там, где оставляли его эти руководители, и, описывая современную Россию, он ничем лучше не надеялся уяснить своим читателям собственные известия, как сближая их с классическими сказаниями. Действительно, у известных нам иностранных писателей о России до второй четверти XVI века мы находим самые скудные и смутные исторические сведения об этой стране. Они помнят, что между Борисфеном, Танаисом и Меотийскими болотами было когда-то царство Россов, столицей которого был Киев: это царство с своей столицей было завоевано татарским героем Батыем⁴³; они помнят и другого татарского героя-завоевателя Тамерлана, которого называют сыном Батыя. Этим почти и ограничиваются их сведения по истории России до XV века.

Герберштейн первый делает довольно точное определение главного народа, живущего в северо-восточной Европе за Польшей, и довольно подробно обозначает пределы занимаемой ими области. Русскими, говорит он, называются вообще все народы, говорящие по-славянски и исповедующие христианскую веру по обряду греческому; они так размножились, что вытеснили все жившие между ними чуждые племена или распространили между ними свои обычаи. Об-

---

⁴³ Кампензе, 17, 19.

ласть этих Русских простирается от Сарматских гор⁴⁴, недалеко от Кракова, по Днестру до Днепра и Понта Эвксинского; только с недавнего времени на низовьях Днестра и Днепра утвердились Турки и Татары и, благодаря их нападениям на Днепровскую область, христианско-русское население не идет вниз по Днепру далее города Черкас. От города Черкас граница русского племени идет вверх по Днепру до Киева, потом за Днепр по Северной области и оттуда прямо на восток к верховьям Дона, потом к впадению Оки в Волгу, где можно положить границу распространения христианства с этой стороны, ибо за этим пунктом на восток и юг живут дикие племена магометанской веры, между которыми еще много язычников. Определяя точнее границу государства в этом пункте, Герберштейн полагает ее на р. Суре, отделяющей владения Московские от Казанских; но при этом надо разуметь только нижнее течение Суры, при впадении которой в Волгу великий князь Василий Иванович построил Васильсурск (Basilgorod). От Нижнего вверх по Волге граница идет прямой чертой до Северного океана, оттуда через северные племена, подвластные королю шведскому и государю

---

⁴⁴ *Иоанн Ласский* так определяет Европейскую Сарматию: Terra Sarmatica procedit a Polonia minori ex parte Occidentis versus Orientem per fluvium Borysthenem magnum ac per totam Sarmatiam Europaeam inclusive usque ad Tanaim et ad insulam Tauricam. Страна по ту сторону Дона известна была под названием Азиатской Сарматии, которую Ласский называет еще Скифией: Tanais Scythiam et Sarmatiam dividit. «Histor. Russ. Monum.», I, № СХХIII. Так же определяет границы Сарматии и *М. Меховский*, «Библиографические отрывки», статья 3-я, «Отеч. Зап», т. ХСVII, отд. II, стр. 141.

московскому, по пределам Финляндии, через Финский залив (Sinus Livonicus), по восточным краям Ливонии, Самогитии, Мазовии и, наконец, Польши, где пограничная черта возвращается к Сарматским горам (по р. Сану). В Самогитии и Литве Русские перемешаны с чуждыми иноязычными и иноверными племенами; однако первые и здесь преобладают. Политически эта область Русского племени принадлежит двум государствам: большая часть ее составляет Московское государство, меньшая принадлежит Литве с Польшей. Пограничная черта Литвы и Московии шла в первой половине XVI века по Днепру; правый берег принадлежал Литве, левый Москве, кроме городов Дубровны и Мстиславля, входивших также в состав Польско-Литовских владений. Определяя точнее эту границу, Герберштейн говорит, что она начиналась в 12 милях от Смоленска со стороны Дубровны, от которой считалось до нее 8 миль. На северо-западе граница Московского государства шла по пустынным болотистым пространствам, лежавшим по течению реки Великой; потому Герберштейн, проезжая этой стороной в Москву, не мог с точностью рассмотреть и определить здесь пограничную черту; он говорит только, что эта черта проходит западнее Корсулы, не доезжая Опочки. Далее на север пограничная черта с Швецией шла по р. Польне, в Корельской стране. О Корелях Герберштейн говорит, что они, находясь между Шведским и Московским государством, платят дань и тому и другому. В конце века то же говорит Флетчер о Ло-

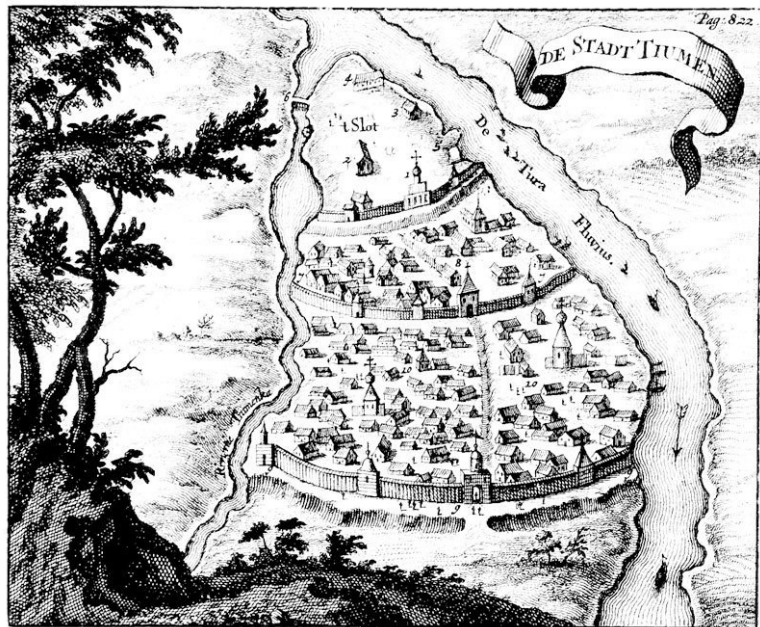
парях, живших севернее Корелы: они подвластны русскому царю и королям датскому и шведскому, которые все берут с них подать; но русский царь имеет здесь самое значительное влияние и получает гораздо более доходов, нежели прочие. На северо-востоке граница не могла быть точно определена вследствие постоянного движения завоеваний и колонизации в этой стране.

Sigmünd Freyherr zu Herberstein

in Moscouitischem verehrtem Klaidt.
M. D. xxvj.

Герберштейн в жалованном русском платье, полученном им при втором посольстве (с рисунка XVI в.)

1. Een Nieuwe Steene Kerk onder met Luckhuzen Gebuidt int Slot. 1600. 2. Commandeurs Huys. 3. Gevecht Huys. 4. Cooren Huys. 5. Gewaonen Huys v. Een Seer. 4000. Brugh over de Rivier Iumenko. 7. De Tweede Huys. Muur der Middell Stadt. 8. Middell Stadt Bevoont Mandel en Casacken. 9. De Derde Huys. Muur vande Duerste Stadt. 10. Buysche Stadt geheel van Acout meest Bevoont van Tartars.

Тюмень. Рисунок из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария», XVII в.

В русском описании пути к Оби Герберштейн прочитал, что князья тюменские и югорские, племена по Оби и даже далее в глубь Сибири подчинены московскому государю

и платят ему дань; но и сам Герберштейн усомнился в вероятности этого, соображая, что эти данники не так еще давно нанесли много вреда Московскому государству своими набегами на его восточные области⁴⁵. В первой половине XVI в. это показание действительно было неверно, но зато верно выражало постоянное стремление государства, которое исторические условия принуждали двигать свое население все далее и далее на северо-восток, занимая и колонизуя пустынные пространства северо-восточного угла Европы и Северной Азии. Такой же неопределенностью должна была отличаться граница государства и на юго-востоке, потому что эти страны носили отчасти тот же характер и представляли государству ту же задачу, как и страны на северо-востоке от него, и если к концу XVI в. северо-восточное движение терялось в беспредельных пустынях Сибири, то на юго-востоке оно несколько раньше достигло наконец по крайней мере в одном пункте своего естественного предела.

Позднейшие писатели сообщают нам об окраинах Московского государства более подробные, хотя далеко не полные известия, которые позволяют в общих чертах следить за постепенным его распространением на юг, юго-восток и восток. Во время Герберштейна, Тула была самым крайним городом Московского государства со стороны южных степей, представлявших привольное и просторное поприще

---

⁴⁵ *Herberstein. Rerum Moscoviticarum auctores varii. PP. 1, 2, 60, 77, 76, 86, 90, 103. – Флетчер. «О государстве Русском», гл. 20-я.*

для подвигов крымских Татар. Этот степной край обозначается у писателей XVI и XVII вв. общим именем Малой Татарии или Европейской Сарматии. В начале XVII столетия пределы государства с этой стороны простирались уже до Борисова, Белгорода и Царева города⁴⁶. Впрочем, по прямому направлению к югу государство вместе с земледельческим населением двигалось медленнее, нежели по направлению к юго-востоку, где помогал этому прямой и открытый водный путь, шедший из середины государства до моря. В первой половине XVII в. граница государства по правому берегу Волги настолько уже отодвинулась от устья Суры к югу и настолько была безопасна, что в Васильсурске, имевшем первоначальным своим назначением отражение татарских набегов, можно было не держать гарнизона⁴⁷. В конце XVI в. правый берег Волги от того пункта, где с другой стороны впадает в нее Кама, до Астрахани, назывался «крымским берегом» (the Crim Side of Volga), который составлял восточный предел области крымских Татар, простиравшейся на запад до Днепра и далее, между южными пределами Московского государства и берегами Черного и Азовского морей. В XVII в. мы уже не встречаем этого названия, а встречаем по Волге ряд московских городов, возникших

---

⁴⁶ Царев-город находился в 8 верстах от нынешняго Изюма. «Сказания современников о Димитрии Самозванце», часть 3-я, примеч. 15.

⁴⁷ *Olearius*, 282.

в конце XVI в.⁴⁸ В XVII в. граница государства значительно углублялась в юго-восточный угол в горную область между Каспийским и Черным морем. Герберштейн знает Черкас (Circassi seu Ciki), обитавших в горах за Кубанью (Сура), смелых пиратов, которые по рекам, текущим с этих гор, выезжали в Черное море и грабили купеческие корабли, плывшие из Кафы в Константинополь и обратно. Эти Черкасы не подчинялись ни Туркам, ни Татарам; в России сказывали Герберштейну, что эти горцы христиане, в религиозных обрядах сходны с Греками и отправляют богослужение на славянском языке, который есть вместе и разговорный их язык⁴⁹. В XVII в. обитатели этих гор, сохранив прежнее имя, были уже магометанами. Под именем Черкас известны были также полумагометанские и полуязыческие обитатели страны, простиравшейся к северу от закубанских горцев, между берегами Каспийского моря и Кавказским хребтом. Здесь с конца XVI в. стало утверждаться через Астрахань влияние Московского государства, сосредоточивавшееся в Терском городе⁵⁰, который Олеарий называет крайним пунктом московских владений. С того же времени влиянию Московского государства открывался путь и далее, на Закавказье, но это влияние не могло утвердиться там прочно по отдаленности

---

⁴⁸ *Hakluyt's Collection*, I, 472.

⁴⁹ *Herberstein*, 74.

⁵⁰ *Te rki*, под 43° 23 с. ш., по определению *Олеария*, на маленькой речке Теменке, рукав большой реки *Bustro* (стр. 338).

этих стран, хотя имена некоторых из них еще с конца XVI в. вошли в титул Московского государя.

Прочнее и быстрее распространялись пределы государства на восток. Страна на восток от Волги обозначается у иностранцев общим, неопределенным именем Татарии или Азиатской Сарматии. Часть ее к югу от бывшего Казанского царства, от Камы до Каспийского моря, между Волгой и Яиком, составляла степную страну ногаев или мангат⁵¹. Главным пунктом этой страны была Астрахань. Любопытно, что некоторые иностранцы в XVII веке при описании этого края удерживают одно географическое название, хотя предмета, им обозначившегося, давно уже не существовало: на левой стороне Волги они указывают место древнего Болгарского царства и довольно обстоятельно определяют границы его области: по их словам, это царство находилось между царством Казанским и Астраханским, простираясь между р. Камой и Самарой, от Волги до Яика.

---

⁵¹ *Olearius*, 316. – *Hakluyt*, I, 363. – *A. Дженкинсон*, несколько раз ездивший по Волге в Персию и Бухарию, говорит, что пределы Ногайской области простирались к юго-востоку до Туркмении.

Астрахань. Раскрашенная гравюра Э. Кемпфера, XVII в.

Столицей его был большой город Болгары, на левом берегу Волги, в XVII веке он был уже селом и имел смешанное население, состоявшее из Калмыков, Мордвы и Русских⁵². В северной полосе Ногайской страны обитали Черемисы;

⁵² Olearius, 292. – Mayerberg, II, 79–80. – Struys, 150. На карте, приложенной к книге Авриля, Болгары помещены между Казанью и Самарой. На этой карте стоит надпись: tiree de l'original de la chancellerie de Moscou.

южная, большая половина ее была местом кочеванья ногайских орд. Сюда же, в прикаспийские степи на восток от Астрахани, по временам приходили из-за Яика Калмыки, тревожа своими разбоями Черемис и Ногаев⁵³. Нельзя, разумеется, ожидать от иностранца точности и определенности в показаниях о расселении этих бродячих племен, чему мешал самый образ жизни последних. Герберштейн неопределенно говорит, что за Волгой живут Татары, называемые Калмыками; но в его время Калмыки еще не успели перебраться из-за Яика всей массой и появлялись здесь отдельными толпами; преобладающим кочевым племенем на этих пространствах и в XVII веке долго оставались Ногаи, которые потом уступили приволжские степи Калмыкам, удалившись на запад, к низовьям Днепра. Из слов Штрауса можно заключить, что Калмыки во второй половине XVII века не появлялись севернее Саратова и постоянно враждовали с Ногаями⁵⁴. Еще более смутны показания о племенах, обитавших на севере и северо-востоке от Ногайской страны. Герберштейну сказывали в Москве, что за Вяткой и Казанью, в соседстве с Пермью, живут Татары тюменские, шибанские и казацкие; из них тюменские обитают в лесной стране, простирающейся прямо к востоку от Перми⁵⁵.

---

⁵³ *Avril*, 99. – *Struys*, 164.

⁵⁴ *Struys*, 162: C'est en ce lieu (около Саратова) qu'on commence a voir de ces derniers (Calmuques).

⁵⁵ *Herberstein*, 74: Ultra Wiatkam et Kazan, ad Permia viciniam Tartari habitant,

Обитатели Та(р)тарии: А – якут, В – калмык, С – киргизский остяк, Д – даурский тунгус. Рисунок из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария», XVII в.

---

qui Tumenskii, Schibanskii et Casatzkii vocantur. – *Мейнерс* («Vergleichung», I, 74) понимает под шибанскими Татарами Татар хивинских; но соседство с Пермью, в которое ставит Герберштейн шибанских и казацких Татар, показывает, что нет нужды искать первых так далеко. Теми же самыми пределами ограничивает он область, которую называет Сибирью, помещая ее и на карте, и в описании страны в области верхнего Яика, по обе стороны Южных Уральских гор, т. е. в нынешней Оренбургской губернии, в том крае, который еще в первой половине XVII в. известен был в Москве под именем Башкирии. В таком случае не будет затруднения признать в Татарах казацких Киргиз-кайсацкие орды, жившие в ближайшем соседстве с Башкирами.

Кроме тюменских Татар в Москве известны были в первой половине XVI в. по ту сторону среднего Урала имена Обдорской и Кондийской земли, которые скоро включены были в титул государя. В русском описании пути к Оби Герберштейн читал, что в области Иртыша, кроме Тюмени, есть город Iegom. По реке Сосве (Iossa) и к северу от нее по Оби живут Вогуличи и Угричи; в области первых есть город Lerin. В том же описании сообщаются смутные, перемешанные с сказочными подробностями известия о других сибирских племенах, живших далее к востоку, в области верхней Оби и Енисея. На расстоянии двух месяцев пути от устья Иртыша находится город Грустина; здесь живет народ Грустинцы; от их города до озера Китайского, по реке Оби, вытекающей из этого озера, более трех месяцев пути. В Лукомории, горной и лесной стране, лежащей за Обью подле Ледовитого океана, есть город Серпонов, где живет другой народ – Серпоновцы; с Грустинцами и Серпоновцами ведут немой торг черные люди, лишённые дара слова человеческого, которые приходят от озера Китайского с разными товарами, преимущественно с жемчугом и драгоценными камнями. В Лукомории живут другие дикие люди, с одним очень странным и баснословным свойством: рассказывают, что каждый год в ноябре они умирают или засыпают, а на следующую весну, в апреле, оживают, подобно лягушкам или ласточкам. Грустинцы и Серпоновцы торгуют и с ни-

ми, но особенным образом. Когда настает урочное время зимнего засыпания, Лукоморцы кладут в известном месте свои товары и скрываются; Грустинцы и Серпоновцы приходят и берут эти товары, оставляя взамен их свои, в соразмерном количестве. Если же Лукоморцы, проснувшись, найдут, что их обманули, что оставленное ими не стоит взятого, они требуют назад свои товары; от этого происходят у них частые ссоры и войны с Грустинцами и Серпоновцами⁵⁶. С гор Лукомории течет большая река Cossin, при устье которой стоит город того же имени. Оттуда же вытекает другая река Cassima, которая впадает в большую реку Tachnin; за этой последней, как рассказывают, живут также необыкновенные люди, из которых одни покрыты шерстью, как звери, у других собачьи головы, у некоторых вовсе нет ни головы, ни шеи, лицо помещается на груди; ног также нет, а есть длинные руки⁵⁷.

---

⁵⁶ Подобную немую торговлю еще недавно вела одна отрасль Тунгусов, обитающая в северных частях Енисейской губернии и Якутской области. О значении Грустинцев и Серпоновцев см. «Географ, извест. о древн. России» в «Отеч. Зап.», 1853, № 6.

⁵⁷ *Herberstein*, 60–61.

А. Малле. Самоеды

Такие представления существовали в Москве в первой половине XVI века о стране, куда скоро должна была направиться русская коло низация. Подобные же представления о северной Азии издавна распространены были и в остальной Европе. Если Герберштейн, относясь к ним с недоверием, не находит однако возможности совершенно отвергнуть их, то писатели XVII века пытаются уже по возможности объяснить эти баснословные рассказы.

В Посольском приказе, в Москве, Олеарий говорил с двумя Самоедами, понимавшими по-русски, которых соплеменники их послали к царю московскому с подарками; эти Самоеды передали Олеарию подробности об образе жизни своего племени, и ими он объясняет некоторые баснословные рассказы о северных странах. Рассказы о людях с собачьими головами, покрытых шерстью и т. п., по его мнению, произошли от того, что жители берегов Ледовитого океана носят особенного рода верхнюю одежду из звериных шкур, обращенных шерстью наружу; она закрывает тело с головы до ног и имеет один разрез около шеи; рукавицы пришиваются к рукавам, так что, когда в зимнее время дикарь наденет эту одежду, у него видно только лицо из отверстия около шеи⁵⁸. Подобным образом объясняет Олеарий и басню о северных жителях, умирающих на зиму, применяя объяснение к обра-

---

⁵⁸ Olearius, 127.

зу жизни ближайшего и более известного ему племени Самоедов. Они живут в шалашах, построенных наполовину в земле, с отверстием вверху, которое служит им трубой, а в продолжение зимы и дверью, ибо снег совсем засыпает обыкновенный выход. Тогда Самоеды скрываются в своих шалашах, редко вылезая на открытый воздух, и сообщаются между собой подземными ходами, которые они прокапывают от одного шалаша до другого. Такую подземную жизнь они переносят тем легче, что в их стране зимой несколько месяцев продолжается непрерывная ночь. Эта особенность, заключает Олеарий, и послужила основанием басни о народах, умирающих на зиму и оживающих весной⁵⁹. Во второй половине XVII века подобные рассказы считались уже сказками старух, по выражению Мейерберга. Между тем тот же Мейерберг называет Самоедов людьми, которые едят друг друга, хотя Олеарий, на которого он при этом ссылается, говорит об этом как о прошедшем, не решаясь признать, чтобы так было и в его время⁶⁰.

---

⁵⁹ Ibid., 126–126.

⁶⁰ *Mayerberg*, II, 99. – *Olearius*, 125: ils (Русские) vouloient marquer par la (названием Самоедов), que ces peuples estoient anthropophages; parcequ'en effet ils mangeoient de la chair humaine, et mesmes celle de leurs amis trespassez, qu'ils meloient et mangeoient avec la venaison.

К западу от Белого моря, по Мурманскому берегу, лежит Лапландия, крайние пункты которой суть Нордкап, Святой Нос (Саре Граце) и Кандалакса. Обитающие на этом пространстве Лопари охотно давали дань чиновникам, посылавшимся сюда из соседних государств Датского, Шведского и Московского: этим средством Лопари надеялись приобрести себе право оставаться в покое от нападений этих государств: так прост и миролюбив этот народ, замечает один из агентов английской компании, описывая Лопарей⁶⁴. В области мурманских Лапландцев главным пунктом служил Вардгуз, далее которого к западу запрещено было ходить Русским. В Лапонии, принадлежавшей московскому государю, важными в торговом отношении пунктами были Кола и Кегор⁶⁵. К югу от Лапландии, до пределов Новгородской области простирается Карелия, несколько раз делившаяся и переходившая из рук в руки между двумя соседними государствами⁶⁶. С этой стороны граница между Швецией и Московией около половины XVII века проходила в нескольких милях к югу от Нотебурга⁶⁷. Граница с Ливонией шла по р. Наров, Чуд-

---

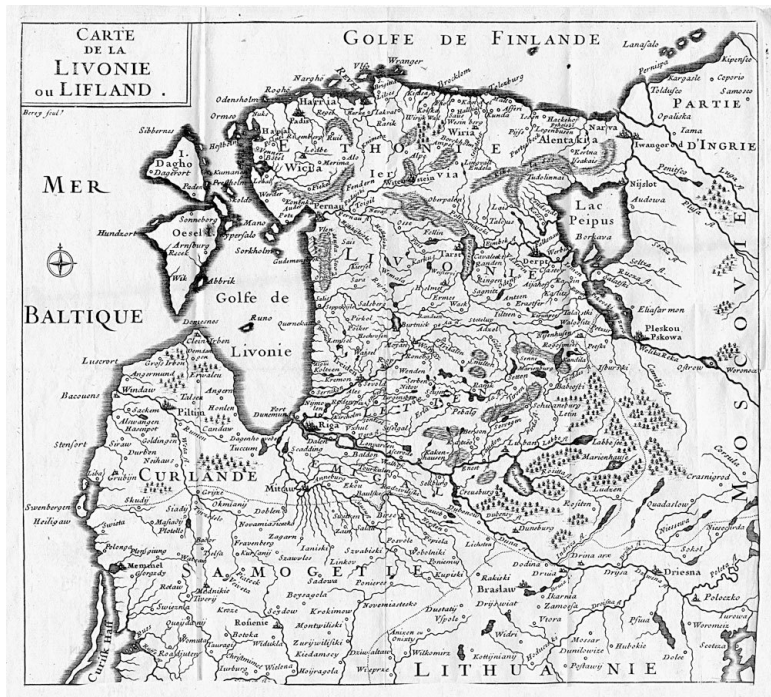
⁶⁴ *Hakluyt*, I, 467. – *Флетчер* говорит, что Русские делили Лопарей на мурманских или норвежских и диких. Ср. слова Р. Джонсона, *Hakluyt*, I, 316: in which lande (Lappia) be two maner of people, that is to say, the Lappians und the Scrickfinnes, which Scrickfinnes are a wilde people which neither know God nor yet good order.

⁶⁵ К северу от Колы. *Hakluyt*, 329.

⁶⁶ *Hakluyt*, I, 316.

⁶⁷ *Olearius*, II, ср. *Herberstein*, 56.

скому озеру и Пейпусу, далее к югу пролегла по полям недалеко от Печорского монастыря (в Псковск. губерн.)⁶⁸.

Карта Ливонии, граничившей с Московией, XVII в.

Граница с Польшей в XVII веке менялась неоднократно.

⁶⁸ Mayerberg, I, 63. Во второй половине XVII в. граница с этой стороны заходила на некоторое время далее Чудского озера к западу, захватывая Дерпт и некоторые другие города Ливонии.

После Смутного времени она опять отодвинулась от среднего Днепра ближе к Москве, оставив за собой Смоленск и Северскую область, и только во второй половине XVII века возвратилась на Днепр, захватив сверх Смоленска с Северской областью и восточную половину Малороссии с Киевом. Со стороны Смоленска она шла даже западнее Днепра, именно по небольшой речке за Шкловом⁶⁹.

Во второй половине XVII века так обозначали пределы Московского государства. К востоку оно граничит с реками Обью и Днепром; к югу с Малой Татарией или степями крымских Татар, от которых отделяется реками Донцом, Десною и Пселом; к западу с Литвою, Польшей, Ливонией и Швецией по Днепру и Нарове; к северу граница заходит за Полярный круг и идет по Ледовитому океану⁷⁰. Заключающееся в этих пределах пространство известно было в западной Европе под именем Московской или Великой России, чаще же называлось Московией⁷¹. Московское государство в XVII веке было самым обширным из всех Европейских государств: оно простиралось на 30 градусов или 450 немец-

---

⁶⁹ *Tanner*, 26. – *Avril* 284. – *Korb*, 29. Пограничным литовским городом с этой стороны был Kadzin на реке Brzeza.

⁷⁰ *Lyseck*, 2: *Terminos habet ab ortu communes Europae fines, h.e. Obium et Tanaim fluvios*. Автор описания посольств Карлиля с большей точностью передвигает древнюю границу Европы по Дону, далее к востоку, на нижнее течение Волги, *ou il separe ГЕигоре d'avec l'Asie*. P. 25.

⁷¹ *La grande Russie ou la Russie Moscovite, ordinairement nommee la Moscovie*. *Mayerberg*, II, 37.

ких миль в длину и на 16 градусов или 240 миль в ширину⁷².

---

⁷² *Olearius*, 111. – *Lyseck*, 2. Полагают, что в начале XVII века Московское государство заключало в себе до 154.894 квадр. миль, тогда как в половине XV века оно заключало не больше 15 000 квадр. миль. «Сказания современников о Дмитрие Самозванце», ч. 3-я, примеч. 5.

II. Прием иностранных послов в Москве

Иностранные известия XV и XVI вв. застают Московское государство в тот многознаменательный период его развития, когда оно, прочно утвердившись в своей первоначальной основной области и собрав средства и силы, обнаруживает в больших размерах стремление к распространению этой первоначальной области и быстро присоединяет к ней окрестные независимые княжества, с другой стороны, в то же время образовав сильную верховную власть, дает ей окончательную победу над враждебными ей родовыми и дружинными притязаниями, завещанными прежней историей. Таким образом два главных явления, тесно связанных между собою, характеризуют внутреннее государственное движение означенного времени: объединение северо-восточной Руси под властью московского государя и торжество самодержавия этой власти. Но прежде, нежели войдем в подробности, которые сообщают иностранцы о Московском государстве, познакомимся с порядком приема иностранных посольств, приходивших к московскому государю и потом распространявших у себя дома сведения о виденном и слышанном в Московии. Это познакомит нас с первыми впечатлениями, которые испытывали западные европейцы в Московии, и вместе укажет нам, как московские люди, особенно мос-

ковское правительство относились к заезжим иностранцам, как старались держаться перед ними и в каком виде представляли им положение своей страны.

Иностранный посол из более отдаленных западноевропейских государств был в XV в. редким необыкновенным явлением в Москве; с XVI в. эти послы стали появляться здесь чаще и чаще, но и тогда появление их задавало важную работу разным служилым людям государства и занимало не одно заседание государевой думы. Приезд иноземного посла, кроме того, имел часто и важное торговое значение: часто вместе с посольством приезжал целый караван купцов с иностранными товарами.

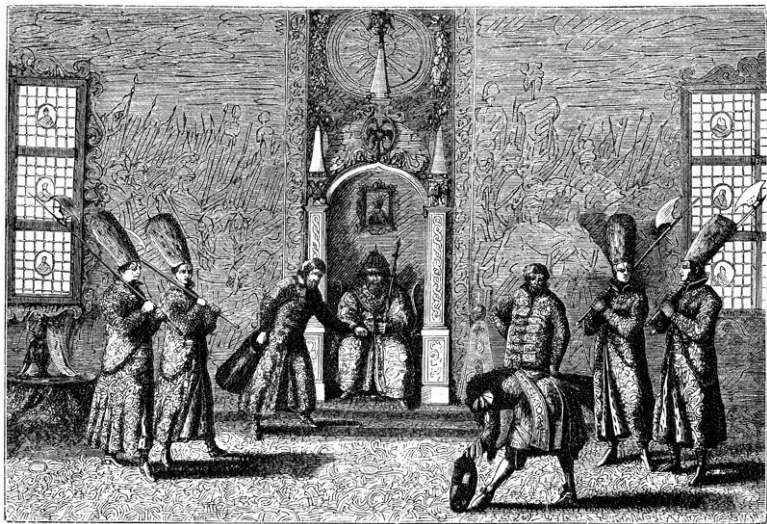
Иностранные описания этих посольских поездок с Запада в Москву наполнены рассказами о лишениях и опасностях, которые посол встречал на своем пути. В конце XVI в., когда дорога в Москву была несколько уже проторена для западного посла, Поссевино, зная по опыту ее трудности, старается однако ослабить господствующее о них представление и говорит, что на этом пути не приходится переезжать ни через моря, ни через высокие горы, так что посол может доехать до самой столицы Московии на том же экипаже, на котором он выехал из Рима⁷³; но западноевропейскому путешественнику, ехавшему в Москву, едва ли было легче от того, что ему на этом пути не приходилось переезжать через моря, а отсутствие высоких гор с избытком вознаграждалось

---

⁷³ А. Possevini. *Moscovia*. p. 84.

обширными лесами и пустынями без следов дороги, где ему не раз приходилось ночевать под открытым небом.

Прием царем Михаилом Федоровичем иностранных послов. Гравюра, XVII в.

Послы из западной континентальной Европы ехали в Москву обыкновенно через Польшу и Литву; в Кракове, если дело было зимой, ставили экипажи на сани и продолжали путь до Вильны. Отсюда открывались две большие дороги к Москве: одна более длинная, но менее трудная, шла через Ливонию на Новгород, другая кратчайшая, но сопряженная с большими трудностями, шла через Минск, Борисов, Оршу,

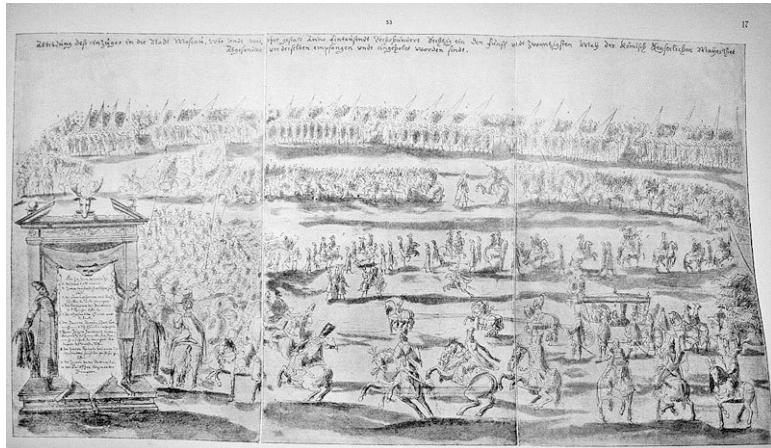
Дубровну на Смоленск и оттуда через Дорогобуж, Вязьму и Можайск. Герберштейн в 1516 году избрал третий, средний путь – из Вильны на Полоцк и оттуда через Опочку и Новгород; но, кажется, он сильно раскаялся в этом, потому что ему пришлось ехать глухим лесным краем, пограничным между Литвой и Московией, и потому страшно разоренным набегами с обеих сторон, небезопасным от разбойников и наполненным таким множеством озер, болот и рек, что и сами туземцы, по его выражению, не знают им ни числа, ни названий. Этот путь от Вильны до Новгорода он проехал в марте в 22 дня; оттуда в апреле в неделю доехал до Москвы. В начале второй половины XVI в. англичане впервые проехали в Москву с севера, Северным океаном и Белым морем; но русские послы уже в конце XV в. ездили этим путем в Данию.

Подъезжая к московским пределам с запада, посол посылал в ближайший московский город известить о себе наместника, причем объявлялось, какого он звания, как велика его свита и каким облечен он достоинством или характером. В Москве строго различали три степени посольского достоинства: высшее достоинство принадлежало большому или великому послу, ниже было звание посланника, последнею была степень гонца. С различием этих степеней сообразовался самый прием посла. Когда пристава узнали, что Мейерберг, объявивший себя на границе цесарским посланником, в грамоте императора прописан большим по-

слов, они не знали, как принимать его, и просили вывести их из затруднения, точнее объяснив им свой характер. Наместник тотчас посылал с известием о посольстве к государю, а навстречу послу отправлял более или менее значительного человека со свитой, смотря по характеру посла и по важности того государя, от которого шел он. Посланный, в свою очередь, посылал с дороги кого-нибудь из своей свиты объявить послу, что навстречу ему идет большой человек, который дождется посла в таком-то месте.

**Карта пути посольства Мейерберга, составленная
А. М. Ловягиным**

Посольский въезд. Рисунок из альбома Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII в.»

Большой человек встречал посла, стоя со свитой среди дороги, и ни на шаг не сторонился, чтобы дать проехать иностранцам, которые должны были при проезде сворачивать с дороги. Зимой, когда такой объезд был не очень удобен, подле дороги расчищали снег, чтобы дать послу возможность проехать мимо, не завязнув в снегу. Сошедшись, обе стороны прежде, чем начать объяснение, должны были сойти с лошадей или экипажей, о чем послу делалось внушение заранее; отговориться от этого нельзя было ни усталостью, ни болезнью, потому что – объясняли встречавшие – ни говорить, ни слушать, что говорят от имени государя,

нельзя иначе, как стоя. При этом, оберегая честь своего государя, московский большой человек тщательно наблюдал, чтобы не сойти с лошади первым, отчего часто происходили важные недоразумения и споры с иностранным послом. Когда все спешивались, большой человек подходил к послу с открытой головой и в довольно длинной речи извещал его, что он послан наместником великого государя проводить посла до такого-то города и спросить его, благополучно ли он ехал. При этом, где случалось упоминать имя государя, сказывался его титул с перечислением главнейших княжеств. Затем посланный протягивал послу руку и, дождавшись, пока тот обнажит также голову, уже неофициально спрашивал его, благополучно ли он ехал. Наконец, сев на лошадей или в экипажи, посол со свитой отправлялся объездом мимо большого человека, который при этом справлялся об имени и роде посла и каждого из его свиты, также об именах их родителей, о месторождении, какой кто знает язык, из какого звания, не родственник ли послу и т. д., о чем тотчас в подробности писали в Москву. За послом и его свитой двигались, на значительном от них расстоянии, посланный и его спутники, наблюдая, чтобы никто из иностранцев не отставал от своих. Ехали обыкновенно очень медленно, в ожидании ответа из Москвы, что иногда выводило послов из терпения. Герберштейн на расстоянии 12 нем. миль от границы до Смоленска ночевал три раза, дважды под открытым небом на снегу. Проводники готовили ночлег и доставляли все нуж-

ное. В больших городах, наприм., Смоленске, Новгороде, наместники угощали послов разными родами вин и медов и, если посол был от важного государя, дружбой с которым дорожили, его допускали в крепость города, делая ему честь пущечной пальбой. В Смоленске или Новгороде посла встречали обыкновенно пристава из Москвы и провожали до столицы. Если ответ из Москвы не приходил долго, то пристава под разными предлогами старались как можно долее проволочить время, не двигаясь вперед. Съестные припасы доставлялись иногда вместе с приставами из Москвы и следовали за посольским поездом, потому что в пустынной стране, по которой лежала иногда дорога, их трудно было доставать в местах стоянок. Случалось, что благодаря дорожным приключениям или корыстным расчетам приставов послы оставались на целый день без пищи; между тем пристава строго смотрели, чтобы посол ничего не покупал дорогой. Однажды это так раздражило Герберштейна, что он пригрозил разбить приставу голову, если он не будет лучше заботиться о пище или не позволит покупать ее у местных жителей.

Встреча послов у города Пскова. Рисунок из альбома Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII в.»

По обычаям московского двора, иноземное посольство, с самого вступления на почву Московского государства, освобождалось от всяких путевых издержек. Не только продовольствие посольства, но и перевозка его до столицы производилась на счет московского государя. Для последней цели по главным дорогам устроены были ямы или станции, которые ставили для посольства известное количество верховых лошадей и подвод для перевозки посольства и его багажа. Подводы состояли из телег, запряженных каждая в одну лошадь. С этими подводами приставам и посольству было немало хлопот. Подводчики, стараясь избавиться от повинности, иногда тайком убегали от посольства, уводя с собой лошадей или даже бросая их на волю посольских служителей. Корб советует строго смотреть за ямщиками при сменах, чтоб они чего не стащили у посольства, потому что, замечает он, эти извозчики страшные воры. Другое затруднение происходило от дурного состояния дорог: мосты чинили иногда во время самого проезда послов, причем происходили шумные сцены у приставов с местными поселянами.⁷⁴ В полумиле от Москвы послу объявляли гонцы, что в таком-то месте ждут его большие люди от государя, пред ко-

---

⁷⁴ *Korb*, 36.

торыми надо сойти с лошадей или экипажей на землю. Придворные, выезжавшие навстречу послу, старались более всего повести дело так, чтобы посол первый обнажил голову, первый вышел из экипажа или слез с лошади: это значило оберегать честь государя. Если посол не знал хорошо обычаев московских дипломатов, он не обращал на это внимания и много проигрывал во мнении последних. Но послы, знавшие, какое значение придавали в Москве этим формальностям, особенно польские, принимали подобные же меры с своей стороны и оттого при встречах происходили бесконечные, часто шумные ссоры. В ожидании посла высланные встречать его стояли на дороге длинным рядом, и когда обе стороны спешивались и сходились вместе, один из больших людей от имени государя (причем сказывался уже полный титул) справлялся о здоровье государя, от которого ехал посол; другой таким же образом извещал, что они назначены проводить посла до квартиры и заботиться о доставлении ему всего нужного. Если послов было двое или более, то с такими речами обращались к каждому отдельно. Затем первый прежним официальным образом справлялся от имени своего государя, благополучно ли посол ехал; другой представлял ему оседланных лошадей в подарок от государя. Пока говорили эти речи и отвечали на них, обе стороны стояли с открытыми головами, потом подавали друг другу руки и неофициально повторяли взаимные приветствия. Затем обе стороны садились на лошадей или в эки-

пажи, причем вся ловкость московских приставов устремлялась на то, чтоб прежде посла надеть шапку, первым вскочить на лошадь или в экипаж. Чтоб вернее успеть в этом, прибегали ко всевозможным уловкам: Олеарий рассказывает, что при встрече турецкого посла в 1634 г. последнему нарочно подали горячую лошадь, на которую нельзя было сесть скоро. По переезде через Москву-реку поезд встречали многочисленные толпы народа, сбегавшегося из города и окрестностей. Как здесь, так и в других значительных городах при проезде иностранных послов, по приказу государя, обыкновенно собирали народ в город из окрестных селений, в праздничном наряде, чтобы этим внушить послам

А. Рябушкин. Едут! (Народ московский во время въезда иностранного посольства в Москву в конце XVII века)

В XVII в. еще чаще, нежели в XVI, стали являться в Москву блестящие посольства из Западной Европы, и в Москве старались принимать их с соответствующим великолепием и торжественностью: это был лучший случай блеснуть перед чужими людьми и внушить гостям самое выгодное понятие о хозяевах. Вследствие этого, обрядность приема усложнялась еще более. Посольство до въезда в столицу останавливалось в каком-нибудь из подмосковных сел, чтоб приготовиться к торжественному въезду. Посольство выступало в сопровождении многочисленного московского конвоя; при въезде английского посольства в 1664 г. ехали 200 саней, кроме посольских служителей, шедших пешком. Послов с обеих сторон окружали пристава.

С. Иванов. Приезд иностранцев. XVII век

По мере приближения поезда посольского к Москве его встречали один за другим отряды всадников в одежде разных цветов; они выстраивались по обеим сторонам дороги, по которой двигалось посольство. Последний отряд, встречавший его под самым городом, был самый великолепный: это были «жильцы», на белых лошадях, одетые все в красное платье, с особенным украшением назади, похожим на крылья, которое некоторые иностранцы находили очень красивым⁷⁵. Назначалось место, где посольство должны бы-

---

⁷⁵ Это были особенного покроя терлики, которые надевали конные «жильцы» при торжественных придворных случаях. См. «Описание одежды и вооружения

ли встретить придворные сановники, и чтобы обе стороны могли прибыть сюда в одно время, перед посольством взад и вперед скакали гонцы из города с приказами ускорить или замедлить, а иногда вовсе остановить на несколько времени движение поезда. Оттого поезд двигался очень медленно: английское посольство, вступая в Москву 6 февраля 1664 г., с 2-х часов до ночи не могло проехать 3-х верст. Встретившись с упомянутыми сановниками и исполнив обычные формальности, послы вместе с новыми своими приставами перемещались в экипаже, обыкновенно выславшемся для этого из дворца. Иностранцы подробно описывают взятые с казенного двора великолепные одежды, в которых являлись пристава и вся их свита; но особенно удивлялись множеству и богатству украшений, которыми покрыты были лошади московских сановников и всадников. При въезде в город посольская и московская музыка, непрерывавшаяся с самого начала поезда, начинала играть громче. По обе стороны улиц, по которым проезжало посольство, стояли рядами несколько тысяч стрельцов. Такое событие, как въезд великолепного иностранного посольства, не могло не возбуждать любопытства в жителях Москвы. Они высыпали из домов и во множестве покрывали улицы, лавки, окна и кровли домов. При въезде польского посольства 1678 г., отличавшегося особенной пышностью, между зрителями видно было даже много девиц, набеленных и на-

румяненных. Можно было подумать, замечает Мейерберг при описании своего въезда в Москву, что в это время ни одной души не оставалось в домах.

Западная Европа более и более привлекала к себе любопытство московских людей, а чтобы удовлетворить этому любопытству, посмотреть на ее представителей, понемногу начинали жертвовать вековыми предубеждениями, и со второй половины XVII века встречаем известия, ярко рисующие это стремление. Областные правители при проезде иностранного посольства начали чаще нарушать принятый обычай не видеться лично с послами; воеводы открывали им доступ в крепости, приглашали к себе на пир, отваживались даже показывать иностранцам своих жен, исполнявших при этом все обычаи, которыми сопровождалось явление хозяйки пред почетными гостями. Рассказывают об одном смоленском воеводе, который при въезде посольства в город, переодетый вмешался в толпу крестьян, помогавших поднять опрокинувшийся экипаж посольства. То же любопытство проникало и в такую сферу, где самое общественное положение заставляло с особенной строгостью держаться в пределах принятых обычаев. При въезде Карлиля в Москву в 1664 году царь с царицей и детьми решились тайком посмотреть на блестящий поезд и для этого поместился где-то у ворот кирпичной стены, через которые должно было проехать посольство. Так как въезд происходил ночью, то около этого места улица была ярко освещена. Перед самыми ворота-

ми пристава выдумали какой-то предлог к остановке поезда, продолжавшейся около четверти часа, чтобы дать царю и его семейству время насмотреться на иностранцев. Царица Наталья Кирилловна упросила царя в 1675 г. назначить аудиенцию цесарскому послу де-Боттони в селе Коломенском, где ей удобнее было смотреть на посольство, и, приближаясь к селу, пристава нарочно вели поезд не прямой дорогой и замедляли его движение, чтоб царица дольше могла любоваться зрелищем из дворцового сада. В продолжение аудиенции она, поместившись на постели в соседней комнате, смотрела через отверстие в двери на представление посольства; но маленький Петр выдал мать, неосторожно растворив дверь прежде, чем посол успел выйти из приемной залы. Наконец в 1698 г. с той же целью решились провести посольство через Кремль, что изумило и иностранцев, и москвичей⁷⁶.

В XVI веке в Москве отводили посольству квартиру в пустом здании без мебели, даже без постелей. Когда Герберштейн напомнил об этом приставам, они отвечали, что у них не в обычае давать послам постели. Пристава каждый день приходили к послу, спрашивая, не терпит ли он в чем недостатка. Съестные припасы приносил дьяк, особо для того назначенный. В обращении с послами пристава наблюдали строгое различие, смотря по тому, откуда и с каким характе-

---

⁷⁶ *Olearius*, 24 и след. – *Mayerberg*, I, 97. – *Carlisle*, 120. – *Lyseck*, 34, 48 и след. – *Tanner*, 43–49. – *Korb*, 40.

ром приезжал посол: с большим послом обращались не так, как с посланником или гонцом; с послом немецким не так, как с польским, литовским и проч. Так же строго до мелочей определено было количество всех припасов, выдававшихся послу ежедневно, — хлеба, соли, мяса, перцу, овса, сена и даже дров для кухни. Если посол хотел купить что-нибудь на рынке, пристава очень сердились и всеми мерами старались не допустить до этого, говоря, что это значит наносить бесчестье государю. Спустя дня два по приезде, пристава выводывали через переводчиков, что намерен посол дать им в подарок, прибавляя, что они должны донести об этом государю. Поссевино сильно жалуется на их назойливость в этом случае и советует или прямо отказывать им, или обещать с условием, если будут хорошо вести себя⁷⁷.

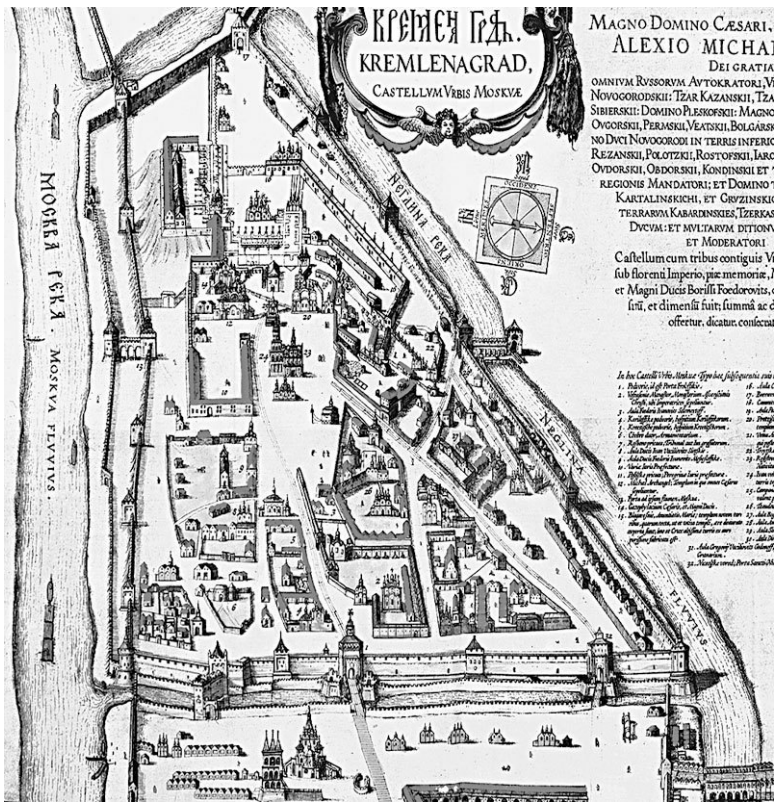
Квартира послам обыкновенно отводилась вне Кремля; останавливаться в Кремле не дозволялось. Контарини, по ходатайству русского посла, с которым он возвращался из Персии, приехав в Москву, поселился было в доме приятеля своего Аристотеля, недалеко от дворца, но через несколько дней получил приказ перебраться из Кремля на посад⁷⁸.

---

⁷⁷ *Herberstein. — Possevino.*

⁷⁸ *Контарини, 108.*

«Кремленаград». План Москвы и Красной площади. Нач. XVII в.

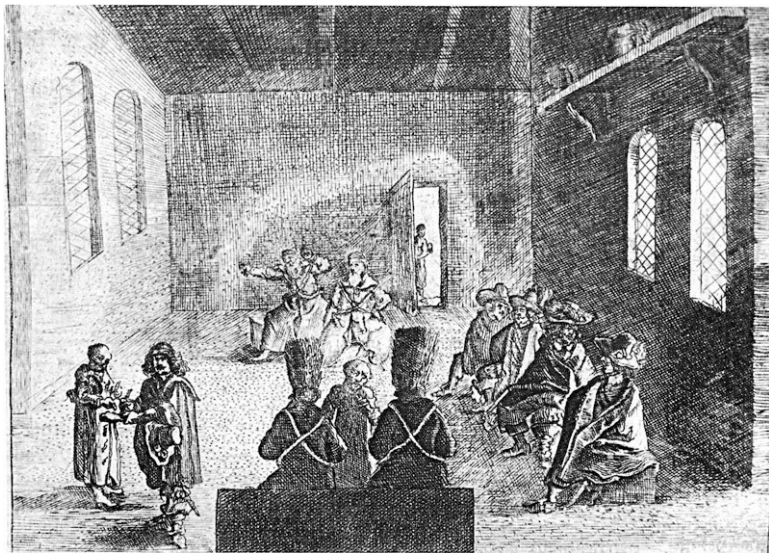
Известия XVII века подробнее описывают и помеще-
ние, и содержание послов в Москве. Посольству, с которым
в 1634 г. приехал в Москву Олеарий, отведено было поме-

щение в двух обывательских домах в Белом городе, потому что случившийся перед этим пожар истребил дом, в котором обыкновенно останавливались иностранные посольства. Во время пребывания Олеария в Москве этот дом был возобновлен. Усиление дипломатических сношений с иноземными дворами заставило подумать об устройстве для иностранных посольств помещения более просторного, более соответствовавшего достоинству государя и блеску его двора. Вследствие этого при Алексее Михайловиче построено было великолепное каменное здание, которое подробно описывает Таннер. Этот новый посольский двор находился в Китае-городе, недалеко от Кремля⁷⁹. Это было обширное здание в 3 этажа, с 4 башенками по углам. Над подъездом возвышалась пятая, большая башня, вокруг которой устроены были в 3 ряда, один над другим, балконы («гульбища»), откуда открывался красивый вид на Москву. В этом здании в 1678 г. без труда поместилось с экипажами и лошадьми польское посольство, состоявшее более чем из 1500 человек. Среди здания находился квадратный двор, с колодезем посередине. В комнатах вокруг стен шли лавки; в одной палате посередине стояли длинные столы с такими же длинными скамьями, покрытыми, как и лавки, красным сукном. Таким же сукном обита была нижняя часть стен над лавками, сколько могла захватить спина сидящего человека. В одной

---

⁷⁹ Мейерберг замечает, что он находился недалеко от церкви Илии Пророка, куда бывал торжественный царский выход 20 июля. I, 156.

из внутренних комнат стены обиты были златоткаными обоями, на которых изображалась история Сампсона. Двое обширных сеней служили местом прогулки и приемными залами. Окна в здании были узки и малы, пропускали скудный свет; в них было больше железа и камня, нежели стекла, снаружи к ним приделаны были железные ставни. При доме были три обширные кухни с кладовыми, погребами и прочими хозяйственными принадлежностями⁸⁰.

**Ожидание иностранными послами аудиенции в по-
сольском приказе в Москве. Гравюра из книги А. Оле-**

⁸⁰ *Olearius*, 25, 40. – *Ta nne r*, 50 и след.

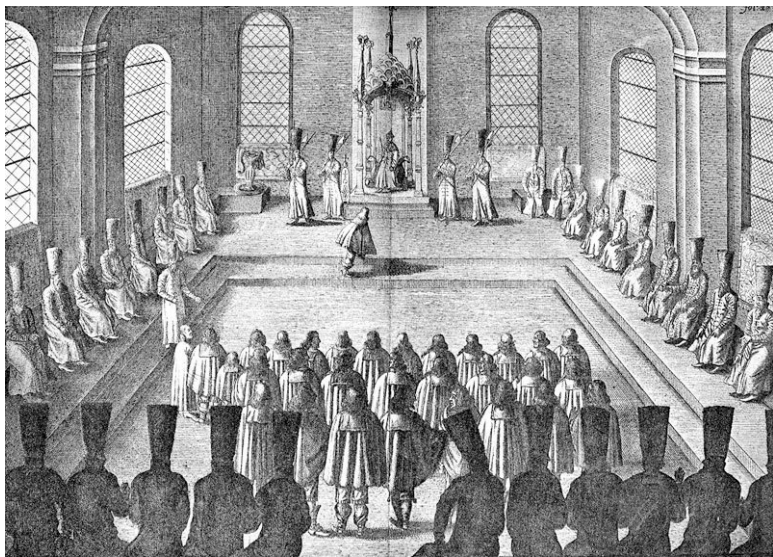
Во все время пребывания послов в Москве их окружали самым бдительным надзором. При дверях занимаемого ими дома ставились «караульщики», особые приставники сопровождали иностранцев, когда они по каким-нибудь делам выходили со двора, что, впрочем, не дозволялось без уважительной причины. Никому также нельзя было, не навлекая на себя опасного подозрения, приходиться к послу и говорить с ним по частным делам; даже когда кто-нибудь из посольства заболел, к нему не допускались или редко допускались придворные лекаря из иностранцев, – единственные тогда лекаря в Москве⁸¹.

Все иностранцы XVI века, ездившие послами в Москву и описавшие свои поездки, с большей или меньшей горечью жалуются на дурное обращение с ними московских приставов, на стеснения, которым посол подвергался в Москве, говорят, что с ним обращались презрительно, держали его скорее как пленника, нежели как министра иностранного государя, едва позволяли ему выходить из квартиры с провожаемыми, которые зорко следили за каждым его шагом. Олеарий, всегда так аккуратно отмечающий перемены и улучшения, замеченные им в жизни современного ему Московского государства сравнительно с прежним временем, знает все неудобства, которым в былое время подвергались в Москве

---

⁸¹ *Possevino*, 36, 37, 98.

иностранные послы; но он оговаривается при этом, замечая, что в его время положение посла в Москве много изменилось к лучшему, что послов принимали тогда с большей вежливостью, и после первой аудиенции посол и его свита без труда могли выходить из квартиры и осматривать город даже без провожатых. Оттого европейские государи, – добавляет Олеарий, – не боятся теперь посылать в Москву послов, а некоторые даже имеют там постоянных резидентов. При Олеарии в Москве жили шведский и английский резиденты; во второй половине XVII века упоминаются, кроме них, резиденты датский, польский и персидский. Но до первой аудиенции послов держали по-прежнему в самом строгом заключении.

Публичная аудиенция посольства. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...», XVII в.

Тот же Олеарий говорит, что едва голштинское посольство разместилось на своей квартире, пристава принесли ему суточное содержание и, удаляясь, заперли ворота и приставили к ним 12 стрельцов с приказанием никого не пускать ни со двора, ни на двор; одни только пристава приходили к послам каждый день, чтоб развлекать их и справляться, не имеют ли они в чем нужды. После первого представления государю посольство получало более свободы. Посоль-

ству, с которым Корб приезжал в Москву, позволено было даже до первой аудиенции ездить к резидентам, жившим в Москве, и принимать их у себя; но это было уже в последние годы XVII века, когда многое пошло не по-старому. Устранены были некоторые жесткие формальности в обращении с послами; подозрительность к иностранцам не обнаруживалась так резко, как это бывало прежде, но она не исчезла и во второй половине XVII века. С прежней зоркостью следили за тем, чтобы посольство не входило в слишком короткие сношения с жителями Москвы, особенно с иностранцами. Послам говорили, что их могут посещать все, кому будет угодно, но на самом деле устраивали так, что немногим удавалось проникнуть в посольский дом. Стража подвергла строгому допросу желавших видеть посла и своей бесцеремонностью у многих отбивала охоту к подобным посещениям. Если иностранец, служивший в русском войске, просил у своего начальника позволения повидаться с посольскими людьми, ему не отказывали, но внушали при этом оставить свое намерение, чтоб не возбудить подозрения при дворе. Женщинам вовсе запрещено было входить в посольский дом. Карлиль никак не мог добиться позволения английским купчихам из Немецкой слободы видаться с его женой. Из отряда стрельцов, стороживших посольский дом и ежедневно сменявшихся, несколько человек размещались по потаенным углам двора, с целью предупредить секретные посещения посольской квартиры; под каждым окном также стояли

по несколько сторожей. Так же заботливо старались помешать сношениям посольств со своими дворами. Мейерберг напрасно просил у московского двора и устно, и письмен-но позволения сообщить в Вену некоторые известия о себе. Письма, посылавшиеся из-за границы послам в Москву, вскрывались, прочитывались и потом уничтожались⁸².

В описаниях иностранных посольств находим несколько указаний на количество припасов, ежедневно отпускавшихся на содержание посольства во время его пребывания в Москве, равно как и на пути к ней. Английскому послу Рандольфу со свитой, состоявшей из 40 человек, в 1568 г. на пути к Москве пристава ежедневно выдавали припасов на два рубля. Гольштинскому посольству 1634 года, свита которого состояла из 34 человек, ежедневно выдавалось на содержание по 2 руб. 5 коп., и благодаря дешевизне жиз-ненных припасов, которую послы встречали на пути, этой суммы было совершенно достаточно для продовольствия их со свитой. По прибытии в Москву то же посольство ежеднев-но получало на содержание по 62 каровая хлеба, по четвер-ти быка, по 4 барана, по 12 кур, по 2 гуся, по одному зайцу или тетереву, по 50 яиц, по 10 коп. на свечи и по 5 на мел-очные расходы по кухне, по четверти ведра испанского ви-на, по два ведра меда, по три четверти ведра пива и несколь-

---

⁸² *Olearius*, 26, 184. – *Mayerberg*, I, 132–135; II, 138. – *Carlisle*, 141. – *Lyseck*, 89. – *Korb*, 49.

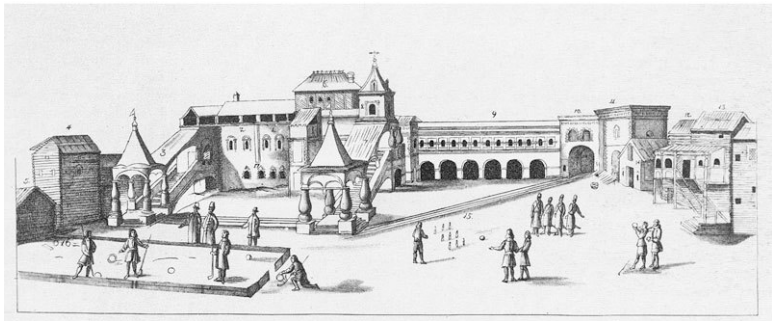
ко меньше водки⁸³; кроме того, посольским слугам отпускалось по бочке пива, по бочонку меда и по бочонку же водки. Сверх всего этого выдавали на неделю пуд масла и столько же соли, три ведра уксусу, да по воскресеньям прибавляли мяса по 2 барана и одному гусю. В день прибытия посольства в Москву, также в дни больших праздников и придворных торжеств, содержание посольства удвоялось⁸⁴. Иногда пристава приносили посольству уже готовые кушанья, что ставило иностранцев в большое затруднение, потому что московские блюда редко были им по вкусу, и гораздо удобнее было для них получать сырые припасы, которые они могли готовить по-своему. С XVII в. начинаем встречать известия о том, что пристава на пути к Москве предоставляли послам на выбор – получать ли содержание припасами или брать прямо деньги, назначенные для этого из казны; послы, разумеется, охотнее соглашались на последнее, тем более, что при покупке припасов самим посольством пристава назначали таксу, чтоб продавцы не могли запрашивать слишком много за свои товары⁸⁵.

---

⁸³ *Olearius*, 96: huit pots d'hydromel, trois pots de biere et trois petits pots d'eau de vie. Так как в списке припасов, выдававшихся на содержание Боуса, галлон, содержащий 8 пинт, приравнивается к тогдашнему московскому ведру, а пинта – [1]/2 pot, то мы полагаем в тогдашнем ведре 4 pots. См. *Hakluyt's Collection*, I, 519.

⁸⁴ *Olearius*, 15, 96.

⁸⁵ *Ibid.* – *Korb*, 34.

Посольский двор в Москве. Рисунок из альбома Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII в.»

В первые дни по прибытии посольства в Москву, пока в думе наводились справки и шли рассуждения о нем, послам предоставлялось отдыхать от дороги; но иногда это отдохновение продолжалось так долго, что наскучивало им. Здесь также дело не обходилось без проволочек, подобных тем, какие испытывал посол на пути к Москве: назначат день для представления государю, потом отложат и т. д. Наконец объявляли решительный срок; накануне его пристава несколько раз приходили к послу, внушая ему приготовиться к явлению пред светлые очи государя. Утром, на другой день, те же пристава являлись к послу в богатых парчевых одеждах, которые они надевали в сенях посольского дома, и объявляли о приближении бояр, которые имели представить посла во дворец, добавляя, чтобы посол вышел к ним на-

встречу. Бояре, с многочисленной свитой подъехав к посольской квартире, сходили с коней, но не входили в дом, а ждали выхода посла, стараясь сделать так, чтобы посол дальше вышел к ним навстречу. Сев на коней или в экипажи, которые присылались из дворца, отправлялись в Кремль, обыкновенно через Спасские ворота. Поезд, как и при въезде в столицу, двигался между рядами нескольких тысяч стрельцов, с прежними замедлениями и остановками, чтоб привести послов во дворец именно в ту минуту, когда царь садился на престол. Массы народа по-прежнему наполняли ближайшие улицы и покрывали окна и кровли домов. В Кремле поезд встречали разные служилые люди в богатом платье, которые вели посла к дворцу. В 1582 г., когда происходили беседы Поссевино с царем о вере, при проходе иезуита во дворец огромные толпы придворных служителей и народа наполняли кремлевскую площадь, ступени крыльца, сени, окна и переходы дворца. Идя на третий диспут, Поссевино видел на площади Кремля по крайней мере тысяч пять простого народа. Далеко не доезжая до крыльца, все сходили с коней и шли далее пешком. Подле крыльца у послов и их свиты отбирали оружие, с которым никто не мог являться пред государем.

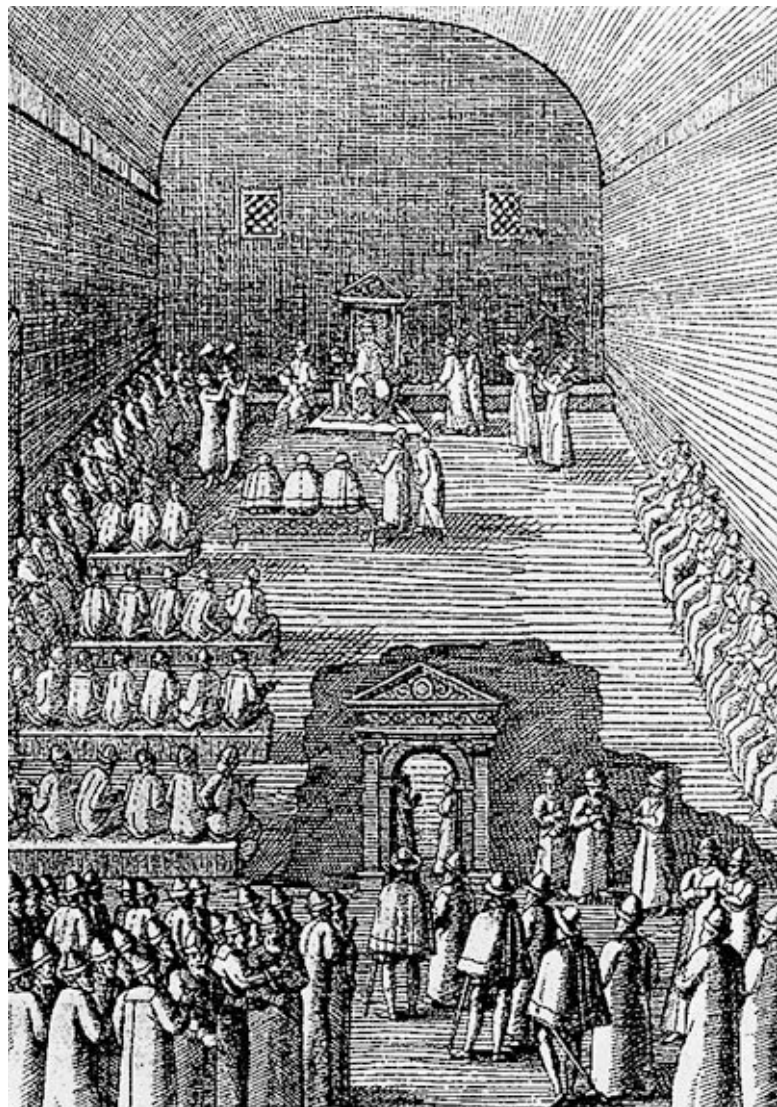
С Красной площади во дворец вели три лестницы, из которых каждая имела, как объясняли Лизеку, особенное назначение в обряде приема посольств: среднюю вводили во дворец послов турецких, персидских и прочих бусурман-

ских, правую – послов христианских, левую – тех из последних, которым хотели оказать особенную почесть⁸⁶. На половине лестницы посла встречали государевы советники, которые вели его до вершины лестницы, где, передав его высшим советникам, сами следовали позади. При входе в палаты посла встречали первостепенные бояре, которые вели его к государю. Передние палаты, которые проходил при этом посол, были наполнены князьями, боярами и другими важнейшими придворными людьми, между которыми особенное внимание иностранцев обращали на себя старики с длинными седыми бородами, сидевшие и стоявшие вдоль стен передних палат: это были гости, или важнейшие купцы государевы, присутствовавшие здесь для того, чтоб своей почтенной наружностью придать больше важности и торжественности обстановке приема. Как на них, так и на сановниках, находившихся здесь, были богатые парчовые кафтаны и превысокие шапки, похожие на башни, по выражению Рейтенфельса⁸⁷.

---

⁸⁶ О положении этих трех лестниц см. «Домашний быт русских царей» И. Забелина, стр. 68.

⁸⁷ Это были так называвшиеся «горлатная» шапки. См. «Описание одежды и вооружения российских войск», т. I, рисун. №№ 13 и 14.

Прием иностранных послов. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...», XVII в.

Проходя мимо этих людей, Герберштейн был несколько удивлен одной замеченной в них странностью, «при нашем появлении, говорит он, никто из них не сделал нам никакого приветствия и даже приятельски-знакомые с нами, когда мы кланялись им и заговаривали с ними, оставались совершенно неподвижны и ничего не отвечали нам, как будто не замечали наших поклонов и вовсе не были с нами знакомы. При входе посла в палату, где находился сам государь, бояре, сидевшие по лавкам в шапках, вставали и снимали их. На них длинная до пят одежда (ферезь), которую иные, за неимением своей, брали на этот случай из государевых кладовых. Ченслер, представлявшийся царю в 1553 г., видел здесь бояр человек до 100, во время приема польского посольства 1678 г. Таннер насчитал их до 500, все они хранили глубокое молчание в продолжение аудиенции, пристально следя за всеми движениями государя⁸⁸. Государь сидел на возвышенном месте, на престоле, по правую сторону которого на стене висел образ Спасителя, а над головой государя – образ Божией Матери. Престол помещался не посредине палаты, а в углу, между двумя окнами⁸⁹. По пра-

---

⁸⁸ Miro silentio ab ore nutuque Principis pendent, по выражению *Поссевино*.

⁸⁹ *Olearius*, 30.

вую сторону на пирамидальной подставке из чеканного серебра находилась держава из массивного золота. По обеим сторонам около престола стояли четыре телохранителя (рынды «для бережения») в белых одеждах (турских кафтанах) с серебряными бердышами на плечах. На государе была также длинная до пят одежда; он сидел с открытой головой; по правую сторону около него на скамье лежала остроконечная шапка (колпак), похожая на голову сахара; в руке держал он посох с изображением креста на верху, унизанный довольно большими хрустальными шариками. Олеарий видел в руках у государя золотой посох, который был так тяжел, что государь для облегчения держал его попеременно то в той, то в другой руке. Здесь же на скамье стояла вызолоченная лохань с рукомойником, покрытым полотенцем. Эта лохань должна была неприятно поражать послов, ибо известно было, что в ней государь моет руки после приема иностранных послов; если верить словам Герберштейна и Мейерберга, это омовение совершалось только после приема католических послов. Поссевино выходит из себя при одном воспоминании об этой лохани. Впрочем, во второй половине XVII века только один Мейерберг упоминает об этой лохани; Рейтенфельс, напротив, говорит, что обычай выставлять лохань при приеме и даже мыть в ней руки по окончании его давно уже оставлен царями.

Рукомойный кувшин, XVII в.

Булава и топорик. Посольский дар. Иран, XVII в.

Как только посол входил в приемную палату, думный дьяк или один из первостепенных бояр докладывал о нем государю. Став против престола, посол передавал письмо и грамоту от своего государя, при имени которого московский государь вставал и сходил с верхней ступени престола. Когда оканчивались первые приветствия, государь справлялся о здоровье своего брата-государя и, пока посол отвечал, садился на прежнее место; потом, по приглашению дьяка, посол подходил к престолу и целовал руку государя, который при этом спрашивал его, благополучно ли он ехал. Затем поклонившись сперва государю, потом на обе стороны князьям и боярам, во все это время стоявшим из почтения к послу, последний, по приглашению того же дьяка, садился на скамью, которую ставили против государя, между тем как свита подходила к государевой руке. Послы из Польши, Литвы, Ливонии, Швеции и проч. являлись во дворец с подарками или «поминками», которые думный дьяк или один из приставов подносил государю. Каждый из членов посольской свиты приносил особенный подарок и о каждом докладывалось особо, причем громко и внятно произносилось его имя и назывался подарок.

Ковш жалованный. Россия, конец XVII в.

В стороне сидел дьяк и записывал каждый подарок с именем того, кто его подносил. Герберштейн явился без поминка, и когда ему напомнили об этом, отвечал: «У нас этого не водится». Но в XVII веке и царские послы обыкновенно приезжали с подарками. Посидев немного, посол получал от государя приглашение отведать с ним хлеба-соли.

После того посла отводили в другую палату, где он излагал и обсуждал с думными людьми дела, касавшиеся его посольства. Если посол приезжал для важных и сложных переговоров, эти рассуждения тянулись несколько дней, даже месяцев, сопровождаясь многими формальностями, крайне утомлявшими иностранцев. Всякий раз, когда посол делал новое предложение, рассуждавшие с ним думные люди шли к государю за ответом, который, иногда уже на другой день, в точности передавали послу. Когда для ответа требовалось много предварительных справок, его откладывали на несколько дней. Поссевино дивился той тщательности, с которой московские думные люди выкапывали из архивных дипломатических актов за долгое время все, что могло обратить переговоры в их пользу. Потому ответы выходили иногда очень длинные. Медленность переговоров увеличивалась еще от порядка, в каком передавались ответы. В них, где было нужно, повторялись сполна титулы обоих государей, между которыми велись переговоры, и дословно передавались предложения посла. Изложенный таким образом на нескольких длинных листах ответ разделялся по листам между думными людьми и каждый из них поочередно прочитывал свой лист послу. Чтение это продолжалось иногда часа по 4, хотя, по замечанию Поссевино, весь ответ можно было бы передать менее чем в час. Копия с прочитанного акта отдавалась послу.

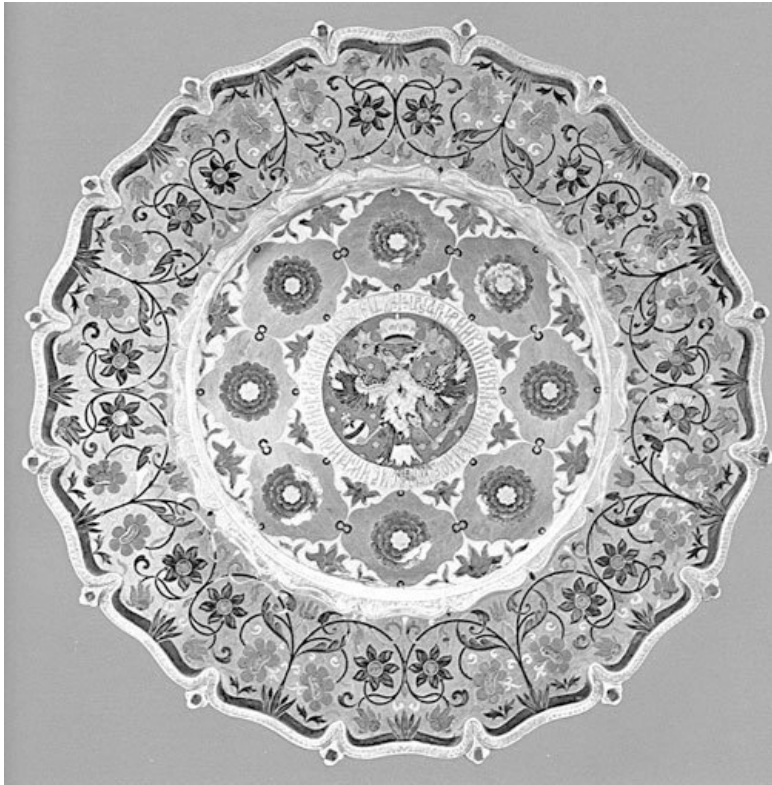
Мейерберг описывает порядок переговоров, которые он

вел в Москве с боярами. Посла с его товарищем ввели в довольно обширную (ответную) залу, в которой подле угла стоял длинный и узкий стол. Послов пригласили сесть за стол на приделанной к стене лавке; в углу, на почетном месте поместился первый из бояр, назначенных для переговоров, кн. Алексей Никитич Трубецкой. На одной с ним лавке, но дальше от стола, поместились двое других бояр; думный дьяк сел особо, на скамье недалеко от стола. Когда все уселись, первый боярин встал, за ним поднялись и прочие присутствующие. Призвав Св. Троицу и сказав полный титул царя, он объявил послам, что государь выслушал их предложение и велел перевести письмо цесаря. Второй боярин, сделав такое же предисловие, только сократив титул, сказал, что государь прочитал это письмо со вниманием и увидел из него, что послы имели сделать ему некоторые предложения, касающиеся общего блага обоих государств. Третий боярин тем же порядком продолжал, что в письме написано, чтобы верили предложениям, которые должны были сообщить послы, что они, бояре, готовы исполнить. Наконец, думный дьяк, еще раз повторив то же вступление, объявил, что им, думным людям, приказано от государя выслушать предложение послов. Тогда послы, встав вместе с прочими присутствующими, прочитали полные титулы сперва цесаря, потом царя; затем все опять сели, и товарищ посла прочитал по грамоте другое предложение своего государя, которое переводчик, по мере чтения, фразу за фразой, передавал по-

русски. Выслушав предложение, бояре потребовали копии с него. Поговорив потом о разных делах, бояре с дьяком вышли из палаты, чтобы сообщить государю новое предложение послов; последние между тем одни оставались в палате. Четверть часа спустя возвратился один дьяк и объявил послам, что он докладывал государю об их предложении, но что ответ на него они получают после, а теперь могут возвратиться на свое подворье.

Б. Ольшанский. Посольский двор XVII века

Тарелка золотая с многоцветной эмалью по резьбе и рубинами. Мастера Золотой и Серебряной палат Московского Кремля И. Юрьев и Л. Константинов. XVII в.

Дипломатические приемы московских бояр часто повер-

гали в отчаяние иностранных послов, особенно тех, которые хотели вести дело прямо и добросовестно. Они горько жалуются на двуличность и бесцеремонность московских дипломатов, на их непостоянство и легкость, с которой они давали и нарушали обещание. Чтоб не попасть в их сети, недостаточно было увериться, что они лгут; надо было еще решить, куда метит эта ложь, что о ней подумать. Если их уличали во лжи, они не краснели и на упреки отвечали усмешкой. Как бы точно и решительно ни был определен и установлен какой-нибудь пункт переговоров, в случае нужды они всегда находили возможность посредством разнообразных заученных толкований ослабить его силу или даже представить его в другом, неожиданном виде. Отличаясь такими качествами, московские думные люди могли бы назваться ловкими дипломатами, если бы в равной степени обладали другим необходимым для этого условием – знанием политических дел Европы. Это знание было у них крайне бедно и черпалось из скудных и мутных источников. Прусская или голландская газета, занесенная в Москву иноземным купцом, которой они верят, по выражению Мейерберга, как дельфийскому оракулу, пленный солдат, готовый всего наговорить при допросе, лишь бы выпутаться из беды, – вот почти весь круг обыкновенных источников, из которых заимствовались сведения о том, что делалось в Европе. Все это, по словам того же иностранца, до того затрудняло деятельность западных послов в Москве, что им часто приходилось раскаивать-

ся в том, что они взяли на себя такую обязанность⁹⁰.

Пока посол рассуждал с боярами, готовили обед. При входе посла в столовую все приглашенные, уже сидевшие по местам, прежним порядком вставали, на что посол отвечал поклонами и садился на указанное государем место. Среди столовой стоял большой поставец, снизу квадратный, сверху суживавшийся пирамидально, уставленный множеством золотой и серебряной посуды, в которой особенное внимание англичан обратили на себя в 1553 г. четыре огромные вазы до 5 футов вышиной. Вокруг, по сторонам столовой, расставлены были столы на известном расстоянии один от другого. Англичане в 1553 г. видели их по 4 на каждой стороне в Золотой палате; эти столы стояли на помосте, возвышавшемся над полом на 3 ступени. Государь перед обедом снимал пышную одежду, в которой принимал послов, и являлся за стол в другой, обыкновенной белой одежде, что, по объяснению Рейтенфельса, означало дружественное расположение. От стола государева до других оставляли столько пространства, сколько можно захватить распростертыми руками. Ниже государя сидели его братья или старшие сыновья, если были. На более значительном расстоянии от последних помещались важнейшие князья и бояре, по степени важности и значения у государя. За дальнейшими столами

---

⁹⁰ *Mayerberg*, I, 115–122. То же самое говорит и *Котошихин* о характере и приемах московских думных людей, которым поручались дипломатические дела. Гл. IV, 24.

по обеим сторонам палаты садились остальные гости, приглашенные по особой милости государя; прямо против стола государева садились особо послы, а недалеко от них посольская свита. Столы покрывались чистыми, но маленькими скатертями, и уставлялись сосудами с уксусом, перцем, солью в таком порядке, что на каждых 4-х гостей приходилось по одной уксуснице, одной перечнице и одной солонке. Все эти сосуды были из чистого золота или серебра. Обыкновенно подавали столько разной посуды, что едва устанавливали ее на столах, а между тем недоставало многих необходимых принадлежностей европейского стола, что ставило иностранцев, обедавших у государя, в большое затруднение⁹¹. Салфеток не употребляли вовсе; ножей, вилок и тарелок подавали очень мало. Бухау на парадном царском обеде не нашел в своем приборе ни ножа, ни тарелки; у сидевшего подле боярина ему удалось добыть один нож для себя и своего товарища, которым они и пользовались вместе в продолжение всего обеда. На обеде у первого самозванца Паерле видел перед столовой залой кучи серебряных сосудов, из которых некоторые были величиной с котлы и ведра; но на столах он не заметил ни тарелок, ни ложек, кушанья большею частью состояли из пастетов, дурно приготовленных⁹². Даже при Алексее Михайловиче, когда обедал у него Карлиль,

---

⁹¹ *D. Printz a Buchau*, p. 194: orbibus et quarum rerum apud nos usus est caruimus.

⁹² *Ulfeld*, 35: Imperator (Ив. В. Грозный) et filius utebantur cultris ad longitudinem dimidiae ulnae, poculo modo et cochleari ligneo.

каждому гостю подали только по одной тарелке на весь обед. Посуда подавалась не всегда в опрятном виде; поданная Карлилю серебряная посуда была так нечиста, что походила скорее на свинцовую. Пока расставляли посуду, в столовую входили несколько стольников в блестящих одеждах и, никому не кланяясь, не снимая даже высоких шапок, становились вокруг поставца. Государь, подозвав к себе одного из служителей, давал ему продолговатый ломоть хлеба и приказывал отнести его послу; подошедши к последнему, служитель громко объявлял ему, что великий государь жалует его, посылает хлеба со своего стола.

Ф. Солнцев. Одежда боярская и царская, XVII в.

Пока он произносил это, посол и прочие гости стояли. Приняв хлеб и положив его на стол, посол молча кланялся сперва государю, потом всем присутствующим на обе стороны. Такие же посылки делались и некоторым другим из приглашенных в знак особой милости государя, что каждый раз сопровождалось вставаньем всех гостей и поклонами получавшего хлеб. Когда государь хотел оказать кому-нибудь самую большую милость и любовь свою, тому посылал соли со своего стола. После раздачи хлеба стольники выходили и приносили водку, которую обыкновенно пили пред обедом, потом жареных лебедей, составлявших первое блюдо на государевых обедах, когда не было поста. Государю подносили трех лебедей, и он пробовал ножом, который лучше. Выбранный тотчас выносился, разрезывался на части и на 5 тарелках приносился опять государю. Отрезав по частичке от разных кусков, государь давал прежде отведать их стольнику, потом отведывал сам и посылал на тарелках послу и кому-нибудь из остальных гостей в знак особой милости, причем повторялась прежняя церемония вставаний и поклонов, доводившая непривычного иностранца до утомления. Остальные лебеди разрезывались и подавались гостям на тарелках, по 4 куска на каждой. Лебедей ели с уксусом, солью и перцем. Для той же цели во все время обеда стояли на столе сметана, соленые огурцы и сливы. В таком же порядке по-

давались и прочие блюда, с той, впрочем, разницей, что уже не уносились из столовой, подобно жареному. Об остальных блюдах иностранцы не сообщают подробностей; в подаче их они не находили никакого порядка и потому не могли припомнить, при множестве разных блюд, что за чем следовало. В пост первым кушаньем, которым открывался обед, была икра с зеленью. За ней на обеде, данном Карлилю, подали очень понравившуюся ему уху, потом рыбу в разных видах, вареную, жареную, в пирогах; всех блюд подано было до 500. Из напитков на столах стояла обыкновенно мальвазия и другие вина, также разных родов меда. В продолжение обеда у поставца стояли 4 прислужника с перекинутыми через плечо полотенцами и кубками в руках. Обыкновенно государь приказывал подавать себе кубок один или два раза в продолжение обеда. Когда он пил, подзывал к себе посла и ласково приглашал его, как и прочих гостей, хорошенько есть и пить. Многие иностранцы, зная обычай русского гостеприимства, садились за стол с тревожной мыслью, что их заставят пить много, и Карлиль был очень рад, что его опасения на этот раз не оправдались, хотя в продолжение обеда ему часто напоминали не забывать государева здоровья.

В. Шереметев. Встреча послов на Посольском дворе

За столом говорили мало; изредка обращался государь к послу с каким-нибудь вопросом. Так кн. Василий Иванович между прочим спросил однажды Герберштейна, брил ли он бороду, и получив утвердительный ответ, прибавил: «И это по-нашему», а сам первый из московских государей, замечает при этом Герберштейн, обрил себе бороду в угоду второй своей жене. Беседа оживлялась пред десертом, когда посол должен был подойти к столу государя и взять из рук последнего задравный кубок. Карлиль при этом принужден был выпить предложенный царем кубок в память «мученика» короля Карла I, и царь долго говорил с послом об Ан-

глии, о польской войне, о его посольстве. Между тем стольники, в начале обеда бывшие в далматиках, наподобие левитов, по выражению Герберштейна, и подпоясанные, среди обеда переодевались в терлики, усыпанные драгоценными камнями. Этих стольников на посольских обедах насчитывали иногда до 150, и в продолжение обеда они три раза переменили платье. Обед продолжался три или четыре часа, иногда до самой ночи, так что оканчивался уже при огне; обед, данный Карлилю, тянулся от 2-х до 11-ти часов пополудни. По окончании стола государь отпускал всех гостей домой; в 1553 г. Англичане очень удивлялись, когда при этом царь назвал по имени каждого из многочисленных гостей, и недоумевали, как мог он помнить столько имен.

Но угощение посла не оканчивалось в этот день приемным обедом во дворце. Те же люди, которые привели посла во дворец, вели его обратно на квартиру и приносили с собой серебряные чарки и другие сосуды с напитками, преимущественно с разными медами. Таким образом в посольском доме приставы устраивали настоящую попойку; это называлось «поить посла», причем главной заботой приставов было во что бы ни стало напоить посла как можно пьянее. Герберштейн дивится их умению потчивать в этом случае. Отказываться от приглашений не позволялось ни под каким предлогом, потому что пили сперва за здоровье великих государей, а потом их братьев, сыновей и других родственников, а когда и их мало, начинали пить за здоровье важных лиц обоих

государств. Осушив несколько чарок, говорит Герберштейн, не иначе можно было избавиться от дальнейшей попойки, как притворившись очень пьяным или спящим. Из рассказов о польских и татарских посольствах мы знаем, что при-става часто вполне достигали своей цели – напоить посла, причем дело не обходилось часто без печальных историй. Но при этом достигались иногда и другие важные цели: подпивший посол не раз проговаривался о том, что ему прика-зано было держать только на уме.

Олеарий замечает, что с некоторого времени при Москов-ском дворе стал выводиться обычай приглашать послов по-сле первой аудиенции к государеву столу; послам объявля-ли обыкновенно, что им пошлют пищу со стола государева на посольское подворье. Действительно описания приемных обедов во дворце у иностранцев XVII в. встречаются ред-ко; зато находим не лишённые интереса подробности об уго-щении послов на их квартире. По возвращении последних с первой аудиенции, на посольский двор привозили несколь-ко телег с напитками и кушаньями, изготовленными на го-сударевой кухне, с подвижными плитами для их разогрева-ния и т. д. Пристав покрывал скатертью только конец стола, где должен сидеть посол, и только для него клал нож, вилку и ложку; свита должна была обойтись без этого. Кушанья, состоявшие преимущественно из разного рода печений, за-тейливо приготовленных, так щедро приправлялись маслом,

луком и чесноком, что иностранцы с трудом могли есть их⁹³; да об этом и не заботились; московское хлебосольево выражалось вовсе не в «ествах». Пристав приносил с собой длинный список «здоровий», и в продолжение стола предлагал их одно за другим, начиная с обоих государей, титулы которых сказывались при этом сполна по бумаге, не выходявшей из рук пристава до конца обеда. В подаче напитков сохранялся строгий порядок. Для низших служителей посольства выставлялся среди двора большой сосуд с водкой, из которого всякий черпал, сколько хотел.

Поднесение даров русским посольством императору Максимилиану II в 1576 г. на сейме в Регенсбурге. Миниатюра

В остальные дни государь часто посылал послу кушанья с своего стола. По окончании переговоров, для которых приехал посол, государь иногда приглашал его с собой на охоту или какую-нибудь другую потеху, а перед отъездом на про-

---

⁹³ *Lyseck*, 48: quibus (cupedinibus, allio et caepis conditis) potius Germanorum oculi, quam stomachus his condimentis non assuetus, cogebantur satiari.

щальный обед. В конце его государь, встав с своего места, приказывал подать себе кубок, говоря, что он пьет в знак любви и за здоровье своего брата-государя, прося посла передать последнему все, что он здесь видел и слышал. Потом государь подавал кубок послу, приглашая выпить его также за здоровье своего государя. Этот кубок, в знак особенной милости, иногда дарился послу. Приняв его, посол отступал несколько назад, и, выпив, кланялся государю. Кубок этот был довольно велик, и Контарини, небольшой охотник пить, едва мог выпить четвертую долю того, что в нем было. С таким же приглашением обращался государь ко всем присутствовавшим на обеде. После того он подзывал посла к руке и отпускал его. Обыкновенно посол со всей свитой, не исключая и низших служителей, получал от государя подарки, состоявшие из шуб и разных мехов. Герберштейн во второй приезд получил сверх собольей шубы два сорока соболей, 300 горностаев и 1500 белок.

Послов из Западной Европы дарили почти исключительно мехами, преимущественно собольими; но послов татарских и вообще восточных государь жаловал, кроме того, разным платьем, шапками, сапогами, даже материями на платье. Татарские послы были особенно падки на эти подарки, которые часто были единственной целью их приезда в Москву. Оlearий видел в 1634 г. кавалькаду трех татарских послов с многочисленной свитой, направлявшихся во дворец: на них было платье из грубого красного сукна, а через несколько часов

татары с гордостью возвращались из дворца, одетые в камку, одни в алую, другие в желтую. Того же добивались и разные владельцы, посылавшие этих послов к московскому государю. Не проходит почти года, замечает Олеарий, без того, чтоб татарские владельцы не посылали в Москву посольств не столько по делам, сколько для того, чтобы выманить у царя несколько мехов и шелковых одежд⁹⁴. При отъезде посол должен был в свою очередь дарить приставов; Поссевин советует давать им 25 или 30 золотых и столько же их служителям, если нельзя будет дать больше. Прежним порядком пристава провожали посольство до Московской границы и там при расставании также получали подарки⁹⁵.

---

⁹⁴ Как бесцеремонно пользовались татарские послы случаем поживиться в Москве, видно из того, что рассказывает *Котошихин*, гл. V, стр. 17: «И иные из тех послов, выпив романею и мед, суды (сосуды) берут к себе и кладут за пазуху; а говорят они послы: когда-де царь пожаловал их платьем и питьем, и тем судам годитца быти у них же, и у них тех судов царь отнимати не велит, потому что спороватся с бусурманом в стыд: и для таких безстыдных послов деланы нарочно в английской земле сосуды медные, посеребряные и позолочены».

⁹⁵ *Herberstein*, 89–97, 101–114. – *Ulfeld*, 35. – P. a *Buchau*, 194. – *Possevino*, 32, 78, 82, 99, 153. – «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», p. 148. – *Контарини*, 108–116. – *Паерле* в «Сказаниях современников о Димитрии Самозванце», ч. 2-я, стр. 58. – *Olearius*, 38, 184. – *Maeyerbeg*, 110–112. – *Lyseck*, 58. – *Tanner*, 57–59.

III. Государь и его двор

В такой обстановке являлась в Москве верховная власть перед иностранными послами. Далеко от столицы, с первых шагов, на почве Московского государства, наблюдательный иностранец начинал уже чувствовать вокруг себя, на людях, которых он встречал, могущественно действовавшее обаяние этой власти и должен был чувствовать это тем сильнее, что в соседних западных государствах он встречал совершенно противоположные явления. Умный австрийский дипломат, хорошо знавший состояние соседних с Австрией стран, проезжая через Венгрию, поет ей полную грустного чувства похоронную песнь, видя, как разоряют ее пышные и ленивые вельможи. Таких могущественных и пышных вельмож должен был он прежде всего заметить и в Польше. В Литве он дивится страшной вольности вельмож и сосредоточению в их руках земельной собственности. Совсем иного рода явления встречал он в Московском государстве. После всех церемоний на пути, в которых московские пристава с такой неумолимой строгостью оберегали честь своего государя, в полумили от Москвы Герберштейн встретил знакомого старика, который был товарищем московского посла, ездившего в Испанию; он прибежал озабоченный, обливаясь потом, с известием, что навстречу послам едут бояре. Когда Герберштейн спросил его, зачем бежал он с таким спе-

хом, тот отвечал: «У нас служат государю не по вашему, Сигизмунд!» – Поэтому иностранец, приезжавший в Москву, и без особенной наблюдательности, только присматриваясь и прислушиваясь к тому, что происходило и говорилось вокруг него, мог понять значение и размеры власти московского государя. По описанию иностранцев, этот государь стоит неизмеримо высоко над всеми подданными и властью своею над ними превосходит всех монархов в свете. Эта власть одинаково простирается как на духовных, так и на светских людей; ни от кого не завися, никому не отдавая отчета в действиях, свободно располагает государь имуществом и жизнью своих подданных.

С. Иванов. Великий государь, царь и самодержец всёя Руси

Боярин и последний крестьянин равны перед ним, одинаково безответны пред его волей. Такому значению верховной власти соответствует высокое понятие о ней самих подданных. Иностранцы дивятся благоговейной покорности, с которой подданные относятся к московскому государю. Слушая рассказы московских послов, венский архиепископ приходил в умиление от такого послушания подданных государю «яко Богу»⁹⁶. Никто из подданных, как бы он ни был

⁹⁶ *Fabri* в «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», p. 132: At illud singulare est,

высоко поставлен, не смеет противоречить воле государя или не соглашаться с его мнением; подданные открыто говорят, что воля государя – Божия воля, и государь – исполнитель воли Божией. Когда их спрашивают о каком-нибудь сомнительном деле, они отвечают выражениями, затверженными с детства, вроде следующих: это знает Бог да великий государь; один государь знает все; одним словом своим разрешает он все узлы и затруднения; что мы имеем, чем пользуемся, успехи в предприятиях, здоровье – все это получаем мы от милости государя, – так что, добавляют наблюдатели, там никто не считает себя полным хозяином своего имущества, но все смотрят на себя и на все свое, как на полную собственность государя. Если среди беседы упомянуть имя государя и кто-нибудь из присутствующих не снимет при этом шапки, ему тотчас напоминают его обязанность; нищие, сидя у церковных дверей, просят милостыню ради Бога и государя. Рассказывать, что делается и говорится во дворце государевом, считается величайшим преступлением. В день именин царя никто не смеет работать, хотя в церковные праздники простой народ вообще не прекращает будничных занятий. В челобитных царю все пишутся уменьшительными именами; бояре и все служилые люди прибавляют к этому «холоп твой», гости – «мужик твой», прочие купцы – «си-

---

quod in ipsis summe commendari potest, ut nullus sit eorum tum illustris dives ac praepotens, quin accersitus a duce per quam humillimum etiam praeconem, statim advolet, omnibus mandatis sui Imperatoris, instar Dei, obtemperet, etiam in iis causis, quae vel vitae detrimentum periculumque exigere videntur.

рота твой», боярыни – «рабица или раба твоя», поселяне – «крестьянин твой», слуги бояр – «человек твой». Ясно и скоро, даже не изучая обычаев Постельного крыльца, поняли иностранцы и значение московских вельмож, их характер и отношение к государю. Как ни старались иные московские послы выставить пред иностранными дворами могущество и богатство этих вельмож, преобладание аристократии в Московском государстве⁹⁷, но довольно было иностранному послу бросить беглый взгляд вокруг себя при проходе по передним палатам дворца и в самой приемной палате, довольно было узнать, откуда достали многие из толпившихся здесь магнатов свои дорогие блестящие кафтаны, чтобы понять, что это за вельможи и в каких отношениях стоят они к своему государю. Поссевино дивится отсутствию всякого аристократического гонора в этих вельможах, рассказывая, как большие послы московские, приехав на Киверову гору для заключения мира с Польшей, привезли с собой товары и бесцеремонно открыли лавки для торговли с польскими купцами. Во второй половине XVI века всем особенно ясно сказывалось бессилие этих вельмож пред верховною властью. Государь мог каждого из них, кого захочет, лишить сана и имущества, которые он же и дал ему, и низве-

---

⁹⁷ На основании их рассказов, доверчивый венский архиепископ *Фабри* писал в 1525 г., что преобладание аристократии составляет отличительную черту Московского государства и что там есть такие богатые и могущественные вельможи, которые выставляют государю во время войны по 30 000 всадников. «*Revum Moscovitarum auctores varii*», p. 132 и 141.

сти в положение последнего простолюдина. Все вельможи, советники и другие люди высшего класса называли себя холопами государя и не считали бесчестьем для себя, когда государь приказывал кого-нибудь из них побить за какой-нибудь проступок; побитый, напротив, оставался очень доволен, видя в этом знак благосклонности государя, и благодарил его за то, что пожаловал, удостоил исправить и наказать его, своего слугу и холопа⁹⁸. Неудивительно, что люди, привыкшие к другим порядкам, побывав при московском дворе, уносили с собой тяжелое воспоминание о стране, в которой все рабствуют, кроме ее властелина⁹⁹.

---

⁹⁸ *Herberstein*, 10, 11. – *Guagnino* в «*Reg u m Mos cov it icor u m auc tores var ii*», р. 179, 133. – *Possevino*, 22–25, 93–99. – *Prinz a Buchau*, 234. – *Mayerberg*, II, 32, ср. *Котошихин*, гл. VIII, ст. 5 и 6. – *Коллинс* в «*Русск. Вестн.*» 1841, № 9, стр. 591. – *Tanner*, 76.

⁹⁹ *Carlisle*, 314.

Церковная процессия. Илл. из «Записок о Московии» С. Герберштейна, XVI в.

О составе двора государева иностранцы XVI века сообщают немного подробностей. Иовию русские послы говорили, что двор государя составляют важнейшие князья и военные сановники, которые через определенное число месяцев поочередно вызываются из областей для поддержания придворного блеска, для составления царской свиты и отправления разных должностей¹⁰⁰. Подле царя всегда нахо-

¹⁰⁰ *Иовий*, 65. – У *Герберштейна* читаем на стр. 36: Solet (Princeps) quotannis ex suis provinciis ordine quosdam vocare, qui Moscoviae sibi omnia ac quaelibet praestant. officia. В XVII в. стольники, жильцы и другие придворные служите-

дился окольный, принадлежавший к числу высших советников государя; этот окольный, по словам Герберштейна, занимал должность претора или судьи, назначенного от государя. Из других придворных сановников в конце XVI века упоминаются: *конюший* боярин, смотревший за царскими лошадьми, – первый сановник при дворе; потом *дворецкий*, *казначей*, *контролер*, *кравчий*, главный *постельничий* и 3 *фурьера*. При дворе постоянно находились на страже 200 жильцов-стряпчих из детей дворян. Ночью подле царской спальни находился главный постельничий с одним или двумя приближенными; в соседней комнате сторожили по ночам еще 6 верных служителей, а в третьей несколько дворян из жильцов-стряпчих, которые чередовались каждую ночь по 40 человек; у каждых ворот и дверей во дворце стояли на страже по несколько молодых людей-истопников. К постоянной дворцовой страже принадлежали также 2000 стрелянных стрельцов, которые поочередно стояли день и ночь с заряженными пищальями и зажженными фитилями, по 250 у дворца, на самом дворе и у казначейства¹⁰¹.

ли делились на две половины, из которых каждая поочередно жила в Москве «для царских услуг, по полугоду, а другое полугодие, кто хотел, отъезжал в деревни свои до сроку». *Котошихин*, гл. II, ст. 7 и 20.

¹⁰¹ *Флетчер*, гл. 27-я.

Русские стрельцы XVII века. Илл. из книги «Историческое описание одежды и вооружения российских войск, под ред. Висковатова А. В.», ок. 1841 г.

Известия XVII в. описывают с большими подробностями лестницу чинов, сосредоточивавшихся при дворе, около особы государя. На верху ее стояли бояре, которых, по словам Олеария, при дворе было обыкновенно до 30; они занимали разные или чисто-придворные или государственные должности, между которыми, впрочем, не проходило резкой разграничительной черты. Трое из бояр занимали три высшие должности в государстве, принадлежавшие по существу своему к дворцовому ведомству. Это были: конюший боярин, дворецкий и оружейничий. Конюший считался первым боярином в государстве¹⁰². Первым после него был дворецкий, главный управитель государева двора, или «набольший во дворе», как его называли в простонародье. За ним следовал оружейничий, ведавший придворный арсенал, украшения дворца, принадлежности торжественных царских выходов и вообще все, что составляло обширное ведомство Оружейной палаты¹⁰³. За боярами следовали, по порядку чи-

---

¹⁰² *Котошихин*, гл. VI, ст. 6. «А кто бывает Конюшим, и тот первой боярин чином и честию». В XVII в. с царствования В. И. Шуйскаго, эта должность оставалась незамещенной, потому что, как говорит Котошихин, «преж сего конюшей Б. Годунов, что был царем, умыслил себе достать царство через убиение царевича Димитрия, и ныне в такой чин допускати опасаются».

¹⁰³ О составе ея ведомства см. «Домашний быт русских царей» *И. Забелина*,

новного до стоинства, окольные, думные дворяне, думные дьяки или государственные секретари, спальники с постельничим во главе, комнатный с ключом, или главный камердинер, стольники и кравчий, стряпчие, дворяне московские, наконец, жильцы или пажи, дьяки и подьячие. При дворе жили также множество низших дворцовых служителей и приспешников. Число всех вообще слуг, постоянно живших при дворе, на непосредственном содержании государя¹⁰⁴, Олеарий полагает больше 1000. В это число не входили стрельцы, составлявшие царскую гвардию и находившиеся при дворе «для оберегания». Вот люди, которых иностранные послы встречали при дворе московского государя в качестве придворных сановников или служителей, употреблявшихся «для царских услуг». Те же люди, восходя из чина в чин, размещались по разным приказам в Москве, служили орудиями государственного управления, ибо вообще не полагалось строгого различия между делом государевым и делом государственным.

Бояре и прочие люди высших чинов, не «спавшие на царском дворе»; тем не менее имели с ним самую тесную связь, были постоянно на глазах у государя. Они постоянно жили в Москве, редко отлучались в свои деревни, и то не иначе, как спросившись у государя. Кроме торжественных случаев при дворе, когда они в парадном наряде окружали госуда-

---

стр. 82–83.

¹⁰⁴ «Которые спят на царском дворе», по выражению *Котошихина*.

ря, в обыкновенное время они обязаны были каждый день и не один раз являться во дворец ударить челом государю. При дворе проводили они большую часть дня. По словам Маржерета, они вставали летом обыкновенно при восходе солнца и отправлялись во дворец, где присутствовали в думе от первого до шестого часа дня (по старинным московским часам), потом шли с государем в церковь, где слушали литургию от 7 до 8 часов, по выходе государя из церкви возвращались домой обедать, после обеда отдыхали часа 2 или 3, а в 14 часов (пред вечерней), по звону колокола снова отправлялись во дворец, где проводили около 2 или 3 часов вечера, потом удалялись, ужинали и ложились спать. Во дворец они ездили летом на лошадях верхом, зимой в санях; в каретах ездили только старики, которые не могли сидеть верхом. Когда боярин ехал верхом, у арчака его седла висел маленький набат, около фута в поперечнике; проезжая по улице или рынку, где было много народа, боярин время от времени ударял по этому набату рукояткой плети, чтобы встречные сторонились с дороги¹⁰⁵.

Мы видели, в каких резких чертах рисуют иностранцы власть московского государя и его отношения к окружающим; в заключение наиболее спокойные из них приходят к нелестной дилемме: трудно решить, говорят они, дикость ли народа требует такого самовластного государя,

---

¹⁰⁵ *Маржерет* в «Сказаниях современников о Димитрии Самозванце», ч. 3-я, стр. 38–39. – *Olearius*, 218–220, 223. – *Mayerberg*, II, 116.

или от самовластия государя народ так одичал и огрубел. Другие с горькой иронией решают эту дилемму басней о журавле и лягушках. При таком представлении о власти московского государя очень легко было причислить его к восточным, азиатским деспотам, или подумать, что он старается подражать соседу своему, султану турецкому¹⁰⁶. Сравнение с турецким султаном стало даже общим местом для иностранных писателей при характеристике власти московского государя. По замечанию Поссевино, московский государь считает себя несравненно выше западных христианских монархов, и когда папский легат указал ему на главнейших из них, тот с пренебрежением возразил: «Что это за государи»¹⁰⁷.

---

¹⁰⁶ *Possevino*, 77. – Флетчер, гл. 7-я.

¹⁰⁷ *Possevino*, 55.

Боярин на коне. Гравюра, XIX в.

Но как ни резки черты, в которых изображают иностранцы отношения верховной власти к ее окружению, мы не можем назвать их преувеличенными. В XVI в., к которому относятся приведенные известия, между государем и людьми, составлявшими его двор, его думу, сохранялась прежняя близость, непосредственность отношений, но не сохранилось прежней свободы, прежнего доверия. Близость сохранялась потому, что придворные вельможи сами старались сохранить свое положение в прежнем дружинном виде, оставаясь дружинниками, дворовыми людьми великого князя, состоящими на личной ему службе и на его содержании, а князь не имел причин изменять такое положение; но свобода, доверие дружинных отношений было потеряно, потому что великий князь не остался прежним вождем дружины, получил другое, более широкое значение, получил большие силы и средства, предъявил новые требования, на которые не могли согласиться прежние дружинники, не отказываясь от своего прежнего характера. Отсюда борьба, результатом которой было низведение прежних дружинников и вступивших в их число служилых князей, советников и товарищей великого князя по прежним отношениям, на степень слуг. Иностранцы не могли во всей ясности разглядеть все фазы этой борьбы, но результат они заметили: все эти знатные вельможи и советники, говорят они, зовут себя холопами ве-

А. Рябушкин. Сидение царя Михаила Фёдоровича с боярами в его государевой комнате

Также не покажутся нам преувеличенными резкие отзывы иностранцев¹⁰⁸ второй половины XVI в. о произволе, с которым московский государь распорядился имуществом своих вельмож, если сравним их с мерами Василия и Иоанна IV касательно вотчин служилых князей: таким именно произволом, и только произволом, могли иностранцы объяснить себе эти меры, не видя других побуждений, коренившихся

¹⁰⁸ [во]

в более отдаленных условиях и отношениях, среди которых росла власть московских государей.

Но если иностранцы не представляли ясно этих отдаленных условий и отношений, под влиянием которых начался и продолжался рост верховной власти в центре северо-восточной Руси, то они не могли не заметить того движения, которым обнаруживалось усиление этой власти со второй половины XV в., тем более, что это было тогда единственное движение в северо-восточной России, которое могло обратить на себя внимание иностранцев. Они не могли не заметить тесной связи и последовательности стремлений в деятельности трех государей, преемственно занимавших московский престол со второй половины XV и до конца XVI в. Они видели, как одновременно с украшением столицы быстро поднималась и власть живущего в ней государя, делаясь все недоступнее для подданных¹⁰⁹. Они не знают, откуда все это взялось, и вместе с недовольными московскими боярами готовы все приписать личным свойствам этих трех государей и другим случайным обстоятельствам вроде появления Софьи в Москве и т. п.; но они знают пункт, с которого начало обнаруживаться такое неожиданное, по их взгляду, усиление. Поссевино прямо говорит, что нестерпимая надменность московских государей началась преимущественно с того времени, как они сбросили с себя иго татар¹¹⁰. Они яс-

---

¹⁰⁹ *Herberstein*, 8.

¹¹⁰ *Possevino*, 55.

но отмечают два явления, которыми обнаружилось это государственное движение: в то время, как извне сказывается все сильнее и сильнее стремление государства к расширению своих пределов на востоке и западе, внутри заметно столь же сильное стремление к объединению; постепенно и быстро исчезают один за другим независимые областные князья, унося с собою в Москву или Литву почти одни только названия прежних своих вотчинных княжеств; последний из этих независимых князей уже в конце первой четверти XVI в. отправляется в московскую тюрьму, сопровождаемый горькой насмешкой московского юродивого, гибнет самостоятельность северных вольных городов, – и иностранный путешественник, пересчитывая в первой четверти XVI в. города и области северо-восточной России, не находит вокруг Москвы ни одного пункта, в котором уцелели бы какие-нибудь следы прежней политической обособленности, кроме свежих еще воспоминаний о ней¹¹¹.

Местные князья, выжитые из своих вотчин, перебрались мало-помалу в Москву; и здесь опять поднялась борьба, которую иностранцы расписывают самыми черными красками. Если они не понимали настоящего характера этой борьбы при отце и сыне, которые вели ее осторожно и расчетливо, то тем менее могли они понять ее при внуке, который возобновил ее со всею страстностью личной вражды. «По всей Европе, говорит Одерборн, ходит молва о его страшных же-

---

¹¹¹ *Herbstein*, 50 и 51.

стокостях, и, кажется, в целом свете не найдется человека, который бы не желал тирану всяких адских мук»¹¹². Гваньини не находит ни в древнем, ни в новом мире таких деспотов, с которыми можно было бы сравнить Иоанна Грозного¹¹³; даже спокойный Герберштейн, до которого также дошел слух о страшном московском царе, приходит в недоумение, не зная, чем объяснить его ожесточение, тем более, добавляет он, что, говорят, в лице этого тирана нет ничего напоминающего свирепые черты Аттилы¹¹⁴.

---

¹¹² *Oderbornii*: «Ioannis Basilidis vita», в «Rerum Moscoviticarum auctores varii», р. 242.

¹¹³ *Ibid*, р. 183.

¹¹⁴ *Ibid*, «Genealogia Magni Mosc. Ducis».

Ликвидация формальной автономии Пскова (1510 г.). Миниатюра из Лицевого летописного свода

Итак, не зная истинных, скрытых мотивов борьбы, вина во всем только одну сторону, иностранцы заметили однако же последние ступени, которые прошла в продолжение этой борьбы власть московских государей, начав явно усиливаться.

Василий, говорит Герберштейн, dokonчил то, что начал отец, – именно, добавляет он в пояснение, отнял у князей и других владетелей все города и укрепления, не доверяет даже родным своим братьям и не дает им городов в управление. Сын Василия заставил всех князей и бояр писаться своими холопами и название слуги сделал самым почетным титулом.

А. Литовченко. Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею

Иоанн IV, довершивши образование Московского государства, едва ли не более всех государей древней России сделался известен в современной Европе, хотя и с черной стороны. Иностранцы XVII в., писавшие о России, готовы были отнести к нему даже и то, что сделали его предшественники для утверждения своего единодержавия. Описывая неограниченную власть московского государя над подданными, Олеарий замечает, что к такой покорности приучил их царь Иван Васильевич, хотя голштинский ученый, так часто ссылающийся на Герберштейна, не мог не знать,

что последний теми же самыми чертами описывал самодержавную власть великого князя Василия Ивановича. Такой известности, без сомнения, много содействовал личный характер Иоанна: его страшный образ в отечественных, как и иностранных, известиях резко выделяется из ряда его предшественников, столь похожих друг на друга.

Притом писатели вроде Гваньини или Одерборна распространяли в Европе о его жестокости всевозможные рассказы, которые Мейерберг, далекий от желания оправдывать в чем-нибудь Иоанна, вынужден был однако же признать слишком преувеличенными¹¹⁵. Но была другая, более важная причина, почему Иоанн IV оставил по себе такую черную память в Европе. Недаром иностранные писатели XVII в. с его царствования, как с поворотного пункта, начинают обыкновенно свои очерки русской истории. Это царствование действительно было поворотным пунктом в истории Московского государства. Иоанн IV первый резко столкнулся с Западной Европой, решительно наступив на тех из своих западных соседей, которых Европа считала своими и которые, обращаясь к ней с жалобами на притязания московского государя, старались выставить на вид, что эти притязания, в случае успеха, не ограничатся какой-нибудь Ливонией, а пойдут дальше за море¹¹⁶. Вот почему Европа обращала такое внимание

---

¹¹⁵ Mayerberg, II, 16.

¹¹⁶ Postquam hanc provinciam (Ливонию) sub imperium suum redegerit, transmaritimas quoque regiones adoriatur et invadet. См. письмо из Ливонии

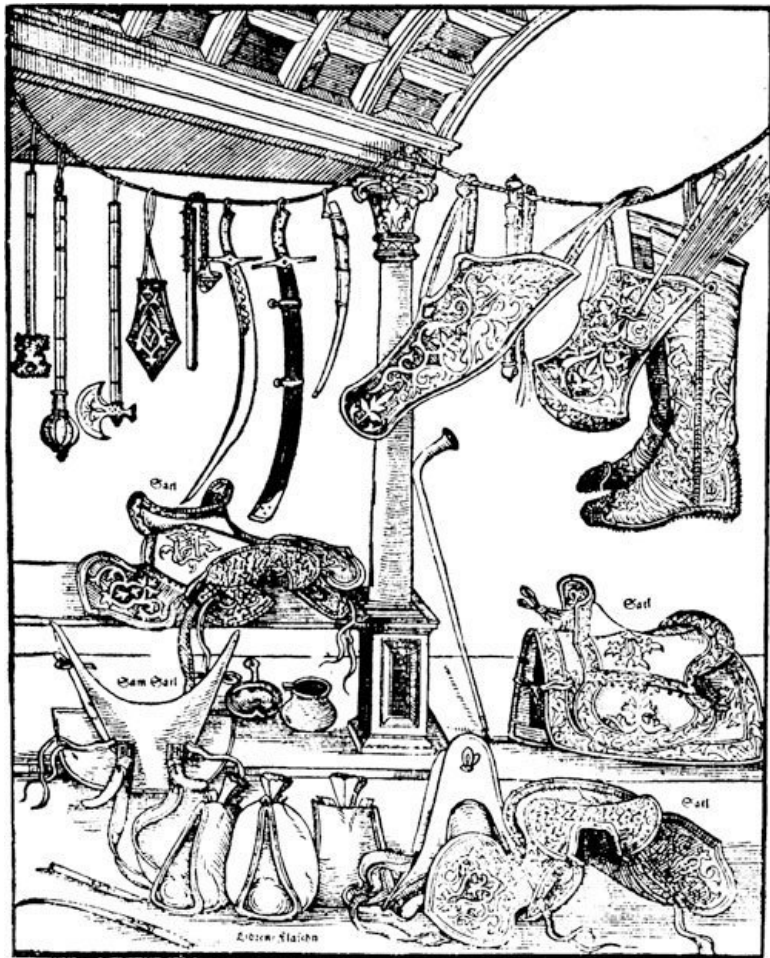
на Иоанна, что не было сочинения по истории его времени, как говорит Олеарий, в котором не говорилось бы о его войнах и жестокостях. Так почувствовались следы и другого стремления, которым не замедлило заявить себя сложившееся государство, – стремление возвратить себе старые, потерянные вотчины.

IV. Войско

Переходя к определению отношений верховной власти к подданным вообще, к изложению известий, сообщаемых иностранцами о государственном управлении и его органах, мы, разумеется, должны прежде всего остановиться на устройстве войска. Если и теперь в государствах вполне сложившихся, давно упрочивших свое существование, войско составляет важнейший предмет государственных забот, то понятно его значение для Московского государства XV или XVI вв., которое только что начало становиться на твердую ногу и на каждом шагу должно было бороться за свое существование.

Военное дело не только стояло тогда на первом плане, занимало первое место между всеми частями государственного управления, но и покрывало собою последние; военная служба сосредоточивала в себе все роды государственной службы и остальные, не военные отрасли управления являлись не только второстепенными по отношению к военной, но и подчиненными, назначенными служить интересам последней. Князья, бояре, окольничие, стольники и другие придворные чиновники, которых иностранные послы встречали во дворце в таком невоинственном виде, были, собственно, военные люди, хотя на них не видно было никаких знаков военного звания и жили они при дворе больше

для личных услуг государю. Это были высшие члены того военного класса, который еще не так давно составлял вольную княжескую дружину. В XVI в. положение прежних дружинников, как мы видели, значительно изменилось. Хотя в конце XV в. в княжеских договорах иногда еще повторялось старинное условие: «А боярам и детям боярским и слугам между нас вольным воля», но уже и тогда эта вольность подвергалась сильным ограничениям, главные дружинные права постоянно стеснялись и нарушались; прежние думцы и слуги вольные низводятся до значения подневольных служилых людей, всеми своими отношениями прикрепленных к особе единодержавного государя московского. Согласно с таким значением служилого класса, в состав его входит новый элемент, чуждый старинной дружине: подле прежней младшей дружины, наравне с детьми боярскими и даже иногда выше их, государь ставит своих дворовых слуг, дворян. Условия государства, в котором эти люди составляли, собственно, военный класс, произвели и другую перемену в их положении.

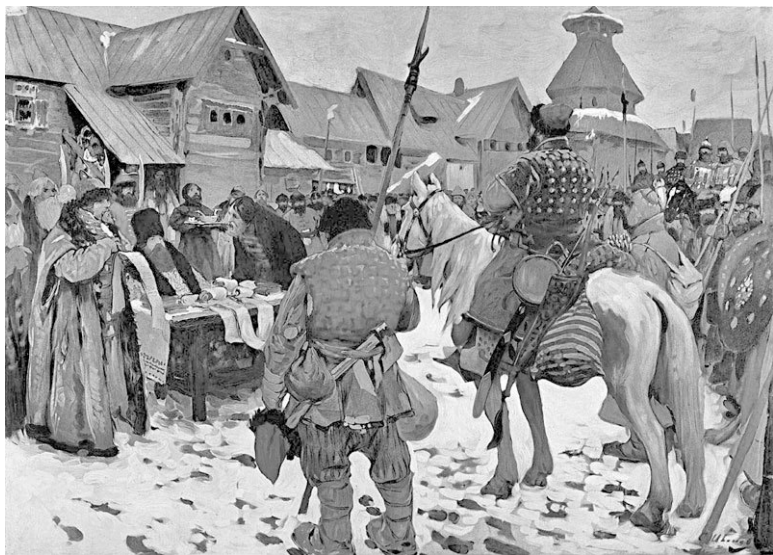
Воинское снаряжение XVI в. Гравюра из книги С. Герберштейна «Записки о московитских делах»

Прежние княжеские дружины, постоянно находившиеся при князе, содержащиеся непосредственно на его счет, можно было еще назвать постоянным войском: по характеру прежних отношений княжеского рода к стране, сравнительно немногие из дружинников князя отвлекались от его двора для отправления невоенных должностей в стране. С усилением Московского государства потребности государственного управления и способ содержания служилых людей чаще отвлекали их к посторонним невоенным занятиям и лишали характера постоянного войска. Хотя войны были очень часты, но в промежутки мирного времени масса служилых людей оставляла оружие до нового сбора и расходилась: низшие чины возвращались в свои поместья, высшие оставались при дворе или отправлялись на правительственные должности по областям.

Главное учреждение, которое ведало (по крайней мере во второй половине XVI в.) дела, относившиеся к войску, был Разряд, или Разрядный приказ. Здесь хранились списки всех служилых людей; в эти списки вносились имена всех дворян и детей боярских, достигших определенного возраста. В каждой области наместник также вел счет находившимся в ней служилым людям. Каждые два или три года государь производил по всем областям общий пересмотр этих людей, чтоб знать их число и сколько каждый имеет лошадей и служителей. О сборе служилых людей имеем известие от кон-

да XVI в. Начальники четвертей в случае войны рассылали повестки к областным правителям и дьякам, чтобы все дети боярские к известному дню собирались на такую-то границу, туда-то.

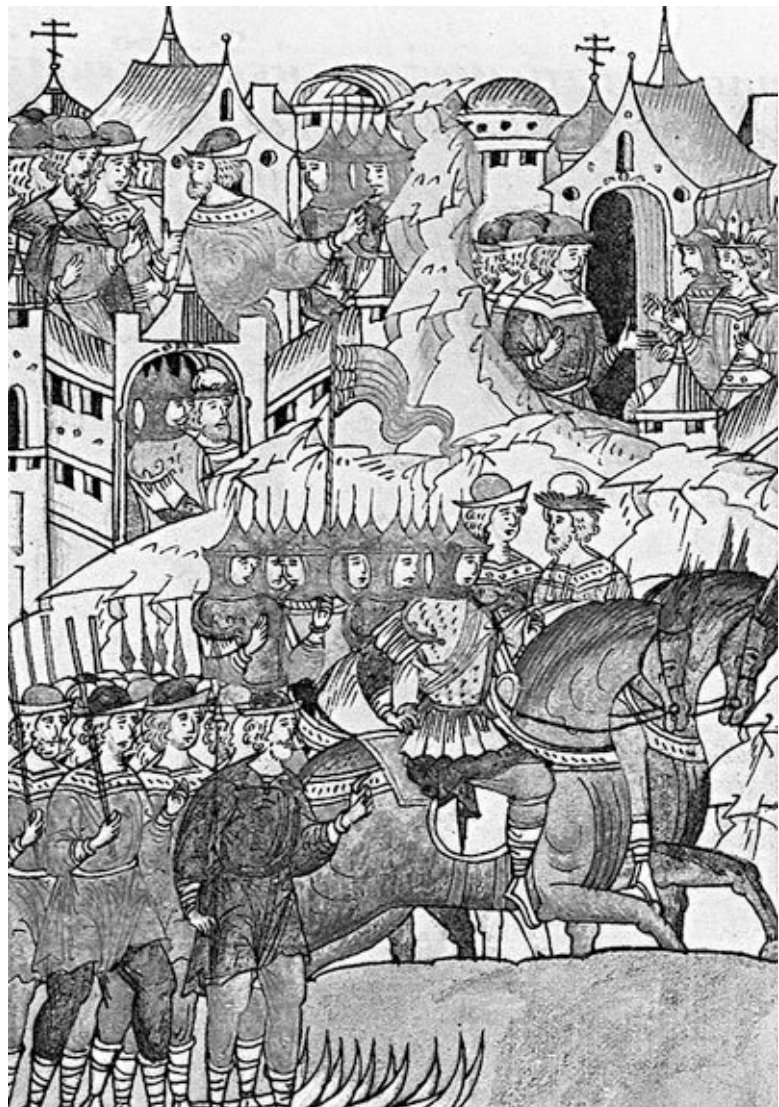
С. Иванов. Смотр служилых людей (XVI–XVII века)

Там отбирали их имена писцы, назначенные Разрядом. Не явившиеся в срок подвергались штрафу и строгому наказанию. Герберштейн говорит, что на это время прерывался обычный ход замещения очередных должностей и все служилые люди должны были идти в поход. Служилым людям

редко дается покой, говорит тот же иностранец. Отношения Московского государства к западным соседям были такого рода, что не война, а мир был случайностью; на востоке шла непрерывная борьба с степными хищниками, против которых ежегодно выставлялось на окраины значительное войско.

О числе войска имеем различные показания. Те из иностранных писателей, которые не были сами в России, сообщают огромные цифры. Кампензе, перечисляя княжества, составлявшие собственно Московское государство (без Пскова, Новгорода и Смоленска), говорит, что в одном Московском княжестве считается до 30 000 бояр и дворян (детей боярских), служащих всадниками и всегда готовых к войне; кроме того, государь всегда может собрать в нем 60 000–70 000 пехоты из простолюдинов. В княжестве Рязанском считается до 15 000 таких же всадников, да из простолюдинов можно набрать всегда вдвое или втрое больше этого числа; в Тверском считается 40 000, а из простолюдинов можно также набрать вдвое или втрое более. По показанию Иовия, великий князь Василий всегда мог выставить в поле до 150 000 всадников. По свидетельству Иоанна Ласского, гнезенского архиепископа, обыкновенное число конного войска московского государя превышало 200 000. Адам Климент со слов своих соотечественников, бывших в Москве, говорит, что, готовясь к войне, московский государь никогда не вооружает меньше 900 000 человек: из них

300 000 выводятся в поле, из остальных составляются гарнизоны, располагаемые в пограничных местах для обороны государства. Ченслер ограничивается 200 000–300 000 человек, которых государство могло выставить в поле, и добавляет, что если сам царь выступает в поход, войска при нем никогда не бывает менее 200 000: немало ставят ратных людей и по границам; так, на западной границе при Иоанне IV стояли 100 000, да по границам с ногайскими Татарами до 60 000 человек. Так как приведенные показания заимствованы прямо или посредственно из рассказов русских, то эти, без сомнения, преувеличенные цифры легко объясняются понятным желанием рассказчиков выставить в выгодном свете военные силы своего отечества. Московские послы в Вене говорили доверчивому Фабри, что в их отечестве есть такие могущественные и богатые вельможи, которые в случае нужды выставляют своему государю по 30 000 всадников, и что там в несколько дней, подобно пчелам, может сделаться огромное войско в 200 000–300 000 всадников.

Конные русские войска и пехотинцы на лыжах. Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

Русский ратник XVI–XVII вв. Литография, XIX в.

Из писателей, бывших в Москве, Герберштейн, от которого мы могли бы ожидать наиболее достоверного показания, нигде не определяет числа всего войска; другие значительно уменьшают приведенные цифры. Поссевино, имея в виду показание Фабри, говорит, что как ни обширны владения московского государя, но в них больше пустых, чем населенных мест, и неосновательны известия некоторых, будто из этих владений выходят на войну 200 000 или даже 300 000 всадников. Однако ж и по его взгляду число войска было очень велико сравнительно с населенностью страны: он говорит, что из 10 жителей один служит или в царских телохранителях, или в походе, или в гарнизонах по крепостям. Более определенные известия находим у Флетчера, хотя трудно сказать, насколько они достовернее. По его показанию, число конного войска на постоянном жалованье простиралось до 80 000. Из них 15 000 дворян составляли отряд царских телохранителей, разделяясь на 3 степени: дворян больших, дворян средних и детей боярских. Остальные 65 000, также из дворян, ежегодно отправлялись на крымскую границу, если не получали другого назначения. В случае надобности брали еще детей боярских, не получавших постоянного жалованья, а если и их было мало, то приказывали помещикам выставить в поле соразмерное с их поместьями число крестьян в полной амуниции.

Здесь мы должны остановиться на известии Флетчера о 65 000 ратников, выставляемых ежегодно против крымских Татар. Герберштейн говорит, что даже в мирное время по Дону и Оке ставятся ежегодно гарнизоны и сторожа в числе 20 000 чел. для предупреждения татарских нападений. Гваньини, повторяя это известие в конце XVI в., считает нужным прибавить, что выставляется и больше 20 000. Мы знаем, что «бережение» южных границ от степных кочевников всегда составляло одну из важнейших забот московского правительства; знаем, какие страшные следы оставляли по себе Татары в Московском государстве, когда им удавалось тайком пробраться за Оку из южных степей. Чем более московский государь обращал внимания на запад, тем сильнее чувствовалась нужда обезопасить южные границы от азиатских хищников. Во второй половине царствования Иоанна IV мы видим, как правительство хлопочет о лучшем устройстве пограничных сторожей, станичной польской службы «для бережения от приходу воинских людей». Сличение показаний Герберштейна и Флетчера, из которых одно относится к первой, а другое к последней четверти XVI века, наглядно показывает, в какой мере увеличивались усилия Московского государства для защиты южных границ от его давних врагов.

Служилые люди, дети боярские, составляли главную массу войска; но и люди не служилые из городского и сельского населения участвовали в войне личной службой. В XV в.

посылали в поход ратников из городских жителей; в XVI в. города «рубали» пищальников; сельское население издавна участвовало в отправлении военной службы, поставляя пехоту. Войско преимущественно состояло из конницы: в битвах почти исключительно участвовала конница. Пехотные отряды были издавна; городские пищальники и посошные ратники были и конные, и пешие, но последние употреблялись только для работ; купцы, смерды, бобыли и прочие «житейские», неслужилые люди также издавна составляли пешие рати. По словам Ченслера, пешие ратники употреблялись только при наряде и для работ; их было 30 000 человек. Пешие отряды вообще имели второстепенное значение и большею частью не участвовали в схватке в открытом поле. Это преобладание конницы обуславливалось частью самим характером войн с степными юго-восточными соседями; Иовий имел некоторое основание сказать, что пехота в обширных пустынях почти бесполезна, потому что Татары более выигрывают внезапным нападением и быстротою своих коней, нежели фронтовую службу или стойкостью в схватке. В первой половине XVI в., при великом князе Василии, в русском войске положено было начало важному нововведению: в сражение начали вводить пехоту. Введение пехоты как главной составной части войска в Европе стоит в тесной связи с введением огнестрельного оружия и постоянных армий; этими тремя нововведениями открывается новая эпоха в развитии военного искусства. Стефан Ба-

торий своею славой и успехами на военном поприще обязан был, кроме личного таланта, и тому, что он первый в северо-восточной Европе вышел в поле с закаленной в боях пехотой. По свидетельству Герберштейна, Василий вывел в поле пехотный отряд впервые против Татар, вместе с пушками, по его же словам, у этого князя было 1500 пехоты, состоявшей из Литовцев и всякого пришлого сброда. Ясно, что эта пехота имела характер, отличный от употреблявшихся до того времени пеших отрядов; можно думать, что этим сбродным отрядом положено было основание постоянной пехоте в московском войске.

Пушка, отлитая в Москве Павлином Фрязиным

в 1488 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

Во второй половине XVI в. число наемных пехотных солдат из иноземцев увеличивается; при Флетчере их было уже до 4300 челов.; из них малороссийских казаков (черкас) около 4000, Голландцев и Шотландцев около 150, Греков, Турок, Датчан и Шведов один отряд из 100 человек. Последних, прибавляет Флетчер, употребляют только на татарской границе и против сибиряков, а Татар, которых нанимают только на время, против Поляков и Шведов. Проезжая в Москву, Ульфельд видел больше 25 000 легко вооруженных Татар, направлявшихся в Ливонию. Подле иностранной пехоты во второй половине XVI в. видим и русскую пехоту-стрельцов. При Флетчере их было 12 000; из них 5000 в Москве, или где находился царь, 2000 (стремянные стрельцы) при самой особе царя; последние принадлежали к дворцовой страже; остальные отправляли гарнизонную службу по городам.

Русский конный воин. Немецкая гравюра, XVI в.

В первой половине XVII в. конница по-прежнему преобладала в московском войске, только во второй половине этого века, по показанию Мейерберга и Рейтенфельса, пехота превышала численностью конницу и составляла лучшую часть русского войска. Конное войско составлялось из дворян московских, выборных¹¹⁷, городских и детей боярских. Отряды назывались по имени городов, в округе которых дворяне имели свои вотчины или поместья; некоторые города, напр. Смоленск, Новгород, выставляли от 400 до 1200 всадников. Каждый помещик и вотчинник обязан был приводить с собой по одному конному и одному пешему ратнику со 100 четвертей владеемой земли¹¹⁸. Так составлялось до 100 000 конной рати из служилых людей. К ним присоединяли до 28 000 конных Татар, Черемис и Мордвы, а в случае нужды до 10 000 казаков. В пехоте первое место занимали стрельцы, из которых одни жили в Москве, другие по областным городам. При Маржерете первых было до 10 000; вторые составляли гарнизоны по городам, особенно пограничным с Татарами. Во второй половине XVII в. число стрельцов увеличилось; при Невилле их было 18 000, разделенных

---

¹¹⁷ Выборными дворянами, по *Маржерету*, назывались лучшие поместные владельцы, которые поочередно присылались в Москву из областей на три года. Стр. 52.

¹¹⁸ *Маржерет*, 59.

на 28 полков¹¹⁹, всех же стрельцов, по показанию Мейерберга, было в Московском государстве до 40 000. Они разделялись на приказы, по 500 человек в каждом. Каждым приказом заведовал голова, от которого зависели полуголовы, сотники, пятидесятники, десятники, заведовавшие отдельными частями приказа.

Кроме стрельцов, державших караулы в Москве, Невиль упоминает об отряде, который составлялся из московских горожан и в мирное время употреблялся для той же цели. Когда приходила их очередь замещать караулы, они получали одежду из казны и, отстояв положенное время, возвращали ее. Стрельцы имели характер постоянного пешего войска; остальная пехота собиралась только в военное время. Эта временная пехота составлялась из малопоместных или беспоместных служилых людей, преимущественно же из неслужилого населения посадских людей и крестьян. В случае большой потребности в людях брали из этих классов 10-го, 7-го и даже 3-го. Духовенство также поставляло «даточных людей» с своих поземельных имуществ, по одному конному и одному пешему со 100 четвертей. У Мейерберга находим неопределенное известие о «солдатах»: он говорит, что в случае нужды царь мог собрать какое угодно число пеших ратников, которые сбегаются на звук барабана в надежде поживиться во время похода богатою добычей; в отличие от стрельцов их называют солдатами; они рас-

---

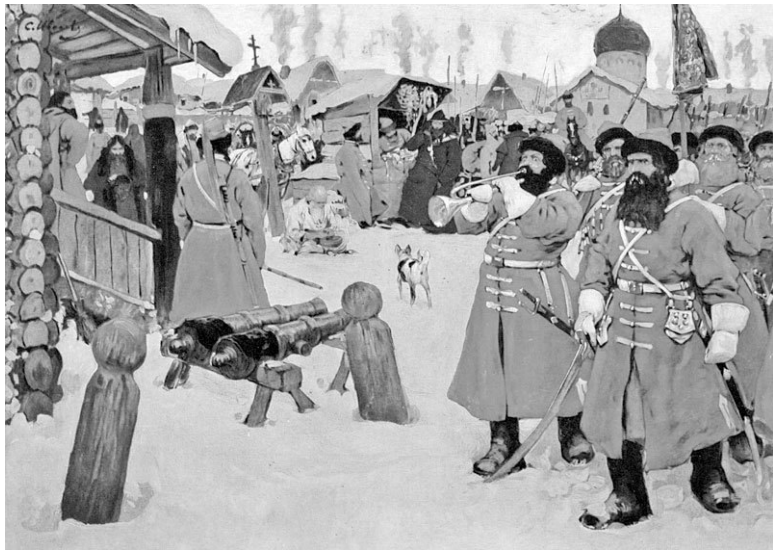
¹¹⁹ Ср. *Котошихин*, гл. VII, ст. 5.

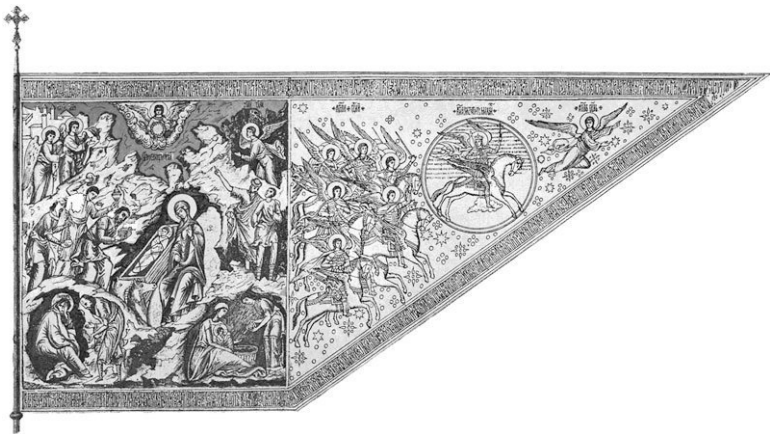
пределяются на полки, под командой иностранных офицеров. Это известие, не совсем точное, указывает на особый род войска, возникший или по крайней мере развившийся во второй половине XVII в., под управлением иноземных офицеров. Хорошее жалованье привлекало иностранцев в русскую службу, и в XVII в. число иностранных офицеров в русском войске увеличилось в значительной степени. При Мейерберге (в 1662 г.) кроме 4 генералов в Москве было более 100 иноземных полковников, множество подполковников, майоров и других офицеров. Усилившийся наплыв людей, знавших военное дело, дал правительству возможность ввести хотя бы в некоторые части войска правильное устройство и обучение военному делу. Такие войска были и конные, и пешие; они назывались рейтарскими и солдатскими полками, которые набирались из охочих людей, беспоместных или малопоместных дворян и детей боярских, а также из крестьян по всему государству¹²⁰. Ими командовали преимущественно иностранцы. Рейтенфельс уверяет, что эти полки могли равняться с лучшими войсками Европы.

---

¹²⁰ См. *Котошихин*, гл. IX, ст. 2: «А прибираючи тех рейтар полные полки, отдают иноземцом и русским людям полковником, и бывает им учение». То же самое говорит он и о солдатских полках.

С. Иванов. Стрельцы

Знамя особого большого полка, XVII в. Илл. из книги А. Прохорова «История русских одежд», 1883 г.

По известиям XVII в., в мирное время содержалось наготове до 100 000 войска; когда открывалась война, число это возрастало до 300 000, кроме холопов и обозных служителей, которые не считались в действующем войске. Задумав войну, московское правительство за год до того времени, когда предполагалось открыть ее, приказывало произвести общий осмотр ратных людей по всему государству, чтобы знать, сколько можно собрать их. Если число оказавшихся находили недостаточным, назначали чрезвычайный набор с крестьян и посадских людей, с русских инородцев, по одному с 10-ти, 7 или даже с 3, смотря по надобности¹²¹.

¹²¹ Ulfeld, 10 и 42. – Маржерет, 52 и след. – Mayerberg, II, 125 и 133. – Рей-

Собравшиеся и осмотренные служилые люди распределались по десяткам, сотням и т. д., высшее деление было на полки. Каждый полк имел свое знамя и своего воеводу. На знамени главного полка изображался Иисус Навин, останавливающий солнце, на других – Георгий Победоносец. Во главе всего войска стоял большой воевода, непосредственно подчиненный царю, избиравшийся обыкновенно из представителей главных вельможеских родов в государстве. При этом выборе не обращалось внимания на таланты и опытность; для замены этих недостатков к большому воеводе присоединяли в товарищи более даровитого и опытного, хотя и менее знатного родом человека. Эти двое главных воевод управляли большим полком. Им подчинены были воеводы остальных полков: передового, правого, левого и сторожевого или резерва. Каждый из этих последних воевод имел при себе по два товарища, которые дважды в неделю должны были делать смотр своим отрядам. Под воеводами стояли головы, начальствующие над 1000, 500, 100, 50, 10. Кроме воевод 5-ти главных полков были еще: нарядный воевода, начальник гулевого отряда, состоявшего из 1000 отборных всадников, употреблявшихся для разъездов и шпионства. Все эти начальники должны были раз в день являться к большому воеводе с донесениями и для получения приказаний. Петрей оставил описание смотра, ко-

торый производился собравшимся ратникам пред выступлением в поход. Воеводы собираются вместе и садятся в избе у окон или в шатрах и вызывают к себе один полк за другим. При них стоит дьяк со списком в руках, по которому он вызывает по имени каждого ратника; ратник должен выступить вперед и показаться воеводам. Если какого ратника не оказывалось налицо, дьяк ставил в списке против его имени отметку для дальнейших распоряжений. При смотре не обращали внимания на то, в каком вооружении, с какими слугами и лошадьми явился ратник; смотрели только, явился ли он сам лично. Неявка на службу преследовалась строго; виновный терял имущество или поместье, если таковое имелось за ним. Никому не позволялось заменять себя другими; в оправдание неявки не принимали никаких отговорок, ни старости, ни болезни. Смотр повторялся и во время похода каждую неделю. Гваньини и Кобенцель упоминают об особенном способе, посредством которого царь узнавал число отправившихся в поход, а также и не вернувшихся из него ратников: перед выступлением каждый ратник отдавал в казну одну деньгу (по Кобенцелю, 3), которую получал назад по возвращении; деньги не возвратившихся оставались в казне¹²².

---

¹²² Кобенцель, 150. – *Guagnino*, 177.

С. Иванов. Приезд воеводы

Лошади, на которых всадники выступали в поход, были мерины, ниже среднего роста, но обыкновенно быстрые и сильные, неподкованные, с легкими уздами; кроме русских, в войске употреблялись татарские лошади. Михалон говорит, что Москвитяне каждую весну получают из Ногайской орды по несколько тысяч лошадей, годных для войны, платя за это одеждой и другими дешевыми вещами. Седла делались так, что всадники без затруднения могли поворачиваться на них и стрелять во все стороны. На лошади сидели они по-турецки, поджавши ноги, вследствие чего

не могли выдерживать значительного удара копьём. Шпоры были у очень немногих, большая часть употребляли нагайки, которые вешали на мизинце правой руки; повода у узды были двойные, с отверстием в конце, которым они надевались на палец правой руки, чтобы можно было, не выпуская его, пользоваться луком. Обыкновенное вооружение всадника состояло из лука на левом боку, колчана со стрелами под правой рукой, топора и кистеня; у некоторых были продолговатые ножи, употреблявшиеся вместо кинжалов, глубоко запрятанные в суме; употребляли также, особенно пешие, дротики или небольшие пики. Мечи имели только люди знатнее и побогаче. Хотя всадник в одно и то же время держал в руках: повод, лук, меч, стрелы и нагайку, однако же умел ловко и свободно управляться со всем этим. Некоторые из знатных надевали кольчуги искусной работы, латы, нагрудники, но очень немногие имели шлемы с пирамидальной верхушкой. Одежда на всех была длинная, до пят, у некоторых шелковая, подбитая шерстью, чтоб лучше могла выдерживать удары. У воевод и других начальных людей лошади украшались богатой сбруей, седла делались из золотой парчи, узды убирались золотом с шелковой бахромой и унизывались драгоценными камнями; сверх лат надевали одежду с горностаевой опушкой, голову покрывали стальным блестящим шлемом, на боку вешали меч, лук и стрелы, в руке держали копьё с прекрасным нарукавником; впереди воеводы везли шестопер или начальнический жезл. За каждым

воеводой возили до 10 набатов или медных барабанов, которыми давали знак к сражению. Сабли, луки и стрелы похожи были на турецкие. Стреляли, как Татары, взад и вперед. Стрельцы носили только бердыш за плечами, меч сбоку и самопал в руке, с прямым, гладким стволом, весьма тяжелый, хотя он заряжался очень небольшой пулей. Ратники из крестьян выходили в поле даже с рогатинами, удобными только для встречи медведя, по выражению Маржерета.

В XVII в., с усилением пехоты, стало входить в большее употребление огнестрельное оружие. Солдатские полки употребляли мушкеты с фитилями, рейтары – карабины и пистолы, которыми умели действовать, по словам Петрея, не хуже европейских стрелков. Татары и другие восточные инородцы долго и в XVII в. являлись только с луком и кривыми саблями или пиками, пока и их не стали снабжать карабинами и пистолями. Мы видели, что вместе с пехотой в княжение Василия впервые была выведена в поле и артиллерия. Пушки упоминаются в Москве еще в конце XIV в. В XVI в. нарядом заведовали иностранцы. Герберштейн говорит, что великий князь Василий имеет литейщиков из Немцев и Итальянцев, которые кроме пушек лют железные ядра, подобные тем, какие употребляются на Западе, но что Русские не умеют употреблять пушки в сражении, потому что главное у них – быстрота движений. Но в конце XVI в. Гваньини уже говорит, что Русские в его время очень часто и очень искусно действовали пушками, выучившись

этому у каких-то беглых Итальянцев, Немцев и Литовцев. Полагают, говорит Флетчер, что ни один из христианских государей не имеет такого хорошего запаса военных снарядов, как русский царь, чему отчасти может служить доказательством Оружейная палата в Москве, где стоят в огромном количестве пушки, все литые из меди и весьма красивые. Пушки делали за границей и привозили в Россию через Архангельск, или также и в Москве. При Олеарие в Белом городе был литейный завод, которым управлял вызванный из Голландии мастер Иоган Вальк. Русские, работавшие под его руководством на этом заводе, по отзыву Олеария, не уступали в литейном мастерстве самым опытным Немцам¹²³.

---

¹²³ *Petrejus*, 301: Sie (москвитяне) machen jetz und selbst Mussketen und Stucken, wie auch andere Kriegsmunition, daran sie ein grosses Vermogen haben und reich seyn.

А. Васнецов. Пушечно-литейный двор на реке Неглинной в XVII веке

Относительно продовольствия войска во время похода Флетчер говорит, что царь никому ничего не отпускает, кроме иногда некоторого количества хлеба, и то на деньги служилых же людей; поэтому каждый, идя в поход, должен иметь при себе провианта на 4 месяца, а в случае недостатка может приказать привести его к себе в лагерь из своего имения. Но из Русских известий XVI в. мы знаем, что хлеб иногда доставлялся в лагерь посошными людьми или подрядчиками на казенный счет. Обыкновенно же брали кормы по местам, по которым проходило войско. Русскому войску,

прибавляет тот же иностранец, много помогает то, что каждый Русский в отношении жилища и пищи с детства готовится быть воином. Люди среднего состояния обыкновенно имеют при себе сухари, несколько крупы, пшена и муки, которую мешают с водой, делая таким образом комок теста; его едят сырым вместо хлеба; кроме того, берут фунтов 8 или 10 ветчины или другого сушеного мяса, несколько соли, к которой у богатых присоединяется перец; простые ратники довольствуются сухарями и толокном, т. е. поджаренным и высушенным овсом, измолотым в муку. Кто имеет с собой 6 лошадей и столько же слуг, на одной лошади укладывает обыкновенно все жизненные припасы для содержания себя и прислуги. Каждый имеет также при себе топор, трут, котел или медный горшок. Для лагеря избирают обширное место, где знатнейшие раскидывают палатки; здесь же выпускаются на пастбище лошади, для чего между палатками оставляют большие пустые пространства. Лагерь не укрепляется ни рвом, ни обозными телегами, ничем другим, если только не попадалась такая местность, которую сама природа оградила лесом, рекою или болотами. Иностранцы с удивлением говорят о терпении и неприхотливости простого московского ратника во время лагерной жизни. Простые воины строят себе шалаши из прутьев, покрывая их войлоками, где хранят седла, луки и сами защищаются от дождя или, еще проще, прибивают к земле ветви кустарника, раскидывают сверху собственные епанчи и укрывают-

ся под ними от непогоды. Довольствовались очень скудными средствами. Имея лук и чеснок, московский ратник легко обходился без остальных приправ. Пришедши в местность, где и этого нет, этот житель снегов, этот темный и пренебрегаемый сармат, по выражению Климента, разводит себе небольшой огонь, наливает воды в горшок, кладет туда ложку муки или крупы, добавляет соли и, сварив, довольствуется этим наравне с прислугой; последняя, впрочем, когда господин в нужде, голодает дня по два и по три. Когда господин хочет пообедать пороскошнее, он кладет в котел кусок ветчины или другого сушеного мяса. Не лучшим продовольствием пользуются и лошади; большею частью, если они не находят подножного корма, они питаются древесною корой или мягкими прутьями. Не редко месяца по два терпят такую нужду всадник и лошадь, и однако же сохраняют прежнюю силу и бодрость. Все это, разумеется, не относилось к знатнейшим и начальным людям, которые пользовались в походах большими удобствами: они помещались в палатках и имели гораздо лучшие запасы. К своему столу они иногда приглашали людей победнее, – которые, добавляет Герберштейн, – хорошо пообедав у них, после 2 или 3 дня постятся. Государь, когда бывал в походе, окружал себя особенным великолепием; шатер его обтягивался золотым полотном, украшенным узорами и жемчугом. Петрей описывает порядок выступления московских полков из лагеря, из чего можно отчасти видеть их ратный строй, каким был он в начале XVII в.

и каким сохранился до котошихинских времен. Впереди выступает передовой полк, во главе которого идут около 5000 стрельцов в зеленой одежде, с длинными пищалями, по пяти в ряд. За ними ведут 8 или 10 воеводских коней, богато убранных; седла на них покрыты большими черными медвежьими или волчьими шкурами. Затем следует воевода полка; он едет один; на седле у него висит небольшой котлообразный набат. За воеводой движется самый полк беспорядочною толпой, и как скоро кто-нибудь поравняется с воеводой или обгонит его, последний ударяет плетью по набату, давая знать, чтобы тот подался назад. За передовым полком идет большой, со множеством трубачей и литаврщиков, которые бьют в литавры и трубят в трубы.

Стволы русских пищалей, конец XV – нач. XVI в.

Эта музыка наводила тоску на иностранцев; по словам Корба, она скорее могла навеять уныние, нежели возбудить воинственное одушевление. За музыкантами идут несколько тысяч стрельцов, одетых в красное платье, с белою горностаевою опушкой, по 5 в ряд; за ними ведут коней большого воеводы, в богатом убранстве; седла на них покрыты леопардовыми кожами и рысьими мехами. Наконец за конями едет большой воевода, в сопровождении военных советников из служилых московских людей и иностранцев, за которыми следует толпою большой полк; направо от него идет правый, налево – левый полк. Шествие замыкает огромный

обоз; все кричат как бешеные, едут без всякого порядка, обгоняя друг друга и поднимая такой крик, что слабый и малодушный неприятель от него одного обратился бы в бегство¹²⁴.

«Если бы русский ратник, говорит Флетчер, с такою же твердостью исполнял те или другие предприятия, с какою он переносит нужду и труд, или столько же был бы способен и навывчен к войне, сколько равнодушен к своему помещению и пище, то далеко превзошел бы наших солдат, тогда как теперь много уступает им в храбрости и в самом исполнении военных обязанностей».

Такой нелестный переход делает иностранец от удивления перед суровостью и терпением, с которым московский ратник переносил неудобства и лишения всякого рода, к его военному искусству. Контарини замечает, что у московского государя довольно ратных людей, но большею частью они никуда не годны. Некоторые иностранцы удивляются физической силе московских ратников; Гваньини советует осторожно схватываться с ними в сражении, чтоб не попасть к ним в руки, из которых, благодаря их необыкновенно крепким мускулам, трудно вырваться. Москвитянин, говорит Гваньини, один без всякого оружия смело выходит на дикого медведя и, схватив его за уши, таскает до тех пор, пока тот в изнеможении не повалится на землю. Михалон говорит, что Москвитяне превосходят Литовцев деятельностью

---

¹²⁴ Ср. *Котошихин*, гл. IX, ст. 1.

и храбростью; у них не было также недостатка и в преданности своему делу, в особенности к самопожертвованию.

Московит в военном наряде. Илл. из книги С. Герберштейна «Записки о Московитских делах», 1908 г.

Стефан Баторий рассказывал Поссевино, что в литовских крепостях находили московских ратников, которые, едва дыша от утомления и голода, еще оборонялись от осаждающих, чтобы до конца не нарушить верности своему государю: «этим только и берут они», добавляет от себя Поссевино. Поэтому московское войско действовало хорошо в тех случаях, которые требовали означенных качеств, где самая обстановка заставляла брать терпением и упорством. Оно редко брало города приступом, но предпочитало вынуждать их к сдаче продолжительною осадой, моря осажденных голодом или стараясь склонить их к измене, зато оно отлично отстаивало города, обнаруживая здесь удивительную деятельность и стойкость. Но по общему мнению, московское войско оказывалось несостоятельным, где требовалось искусство, где обстановка дела не поддерживала твердости и не отрезывала путей к отступлению. По сознанию самих иностранцев, Московское государство, благодаря своей артиллерии, какая бы она ни была, стояло в военном отношении гораздо выше восточных своих соседей. Стефан Баторий, по свидетельству Поссевино, именно тем и объяснял успехи Иоанна IV на востоке, что его войска действовали против Татар с артиллерией, незнакомой последним, и луч-

ше их владели оружием¹²⁵. Но в каком отношении стояли Татары к Москвитянам в деле военного искусства, в таком отношении находились сами Москвитяне к западным своим соседям. Открытый бой с Поляками и Литовцами в чистом поле, говорит Гваньини, очень редко удается московскому войску, и оно редко вступает с ними в такой бой, потому что не имеет тех качеств, которыми враги обыкновенно побеждают его, не имеет ловкости и стойкости, не умеет драться и владеть оружием по правилам искусства. Подобно всем восточным ополчениям, состоящим преимущественно из конницы, оно, за недостатком искусства, старалось брать более количеством и силою первого натиска, нежели стойкостью и строгим порядком в действии. Вступая в бой, оно двигалось нестройною, широко растянутою толпой, сохраняя только деление по полкам. При наступлении музыканты, которых всегда в нем было множество, все вдруг начинали играть на своих трубах и сурнах, поднимая странный, дикий шум, невыносимый для непривычного уха. К этому присоединялся при самой атаке оглушительный крик, который поднимало все войско разом. В сражении прежде всего пускали стрелы, потом брались за мечи – хвастливо размахивая ими над головами прежде, чем доходили до ударов.

---

¹²⁵ Так же смотрели на дело и сами Татары. Когда во время Ливонской войны водили по улицам Москвы пленных Ливонцев напоказ народу, один татарский хан, тоже пленный, сказал: «По делом вам, Немцы! вы дали царю в руки розги, которыми он сначала нас высек, а теперь сечет вас самих». *Соловьев*, «История России», т. VI, стр. 240.

Первый натиск старались произвести как можно стремительнее и сильнее, но не выдерживали долгой схватки, как будто говоря врагам, по замечанию Герберштейна: «Бегите, или мы побежим». Зная это свойство московских ратников и их мускульную силу, западные враги их остерегались вступать с ними прямо в рукопашный бой, но старались стойкостью и изворотливостью выдержать первый напор и потом обратить их в бегство. Со своей стороны, московские войска, с большею твердостью сражаясь издали, нежели вблизи, больше всего старались обойти неприятеля и напасть на него с тыла. Первое нападение делала обыкновенно конница, а пехоту помещали в засаде, откуда она могла бы произвести неожиданный и наиболее удачный натиск на неприятеля. Это иногда удавалось московскому войску. Засада решила дело в его пользу в Ведрошском сражении. Но, с другой стороны, привычкой открывать бой стремительным нападением и недостатком стойкости в дальнейшем действии также ловко пользовались иногда и западные неприятели Москвитян, как было, напр., при Орше в 1514 году.

Вообще в XVI в. все резче и резче обнаруживалось расстояние, на которое Москва отстала в военном искусстве даже от Литвы, не говоря уже о других западных государствах.

Польское войско было в Москве на лучшем счету, по словам Флетчера. Герберштейн, а за ним Флетчер делают следующее любопытное сравнение московского ратника с ту-

рецким и татарским: «Русский ратник, если он уже раз начал отступать, все свое спасение полагает в скором бегстве, а если взят неприятелем, то не защищается и не молит о пощаде, зная, что должен умереть. Турок, потеряв надежду спастись бегством, начинает умолять о жизни, бросает оружие, поднимает руки вверх, как бы дозволяя связать себя, надеясь, что его оставят в живых, если он согласится быть рабом неприятеля. Татарин охотнее соглашается умереть, нежели уступить неприятелю, и свергнутый с коня, обороняется до последнего издыхания зубами, руками и ногами, чем только может»¹²⁶.

---

¹²⁶ Кампензе, 23 и след. – Иовий, 53 и след. – Fabri, 132. – Clemens Adam, 149, – Herberstein, 7, 10 и 36. – Possevino, 8, 11, 19 и 60. – Михалон, 11, 27 и 29. – Флетчер, гл. 15-я, 16-я и 17-я. – Hakluyt, I, 265.

Неизвестный художник XVI в. Сражение под Оршей

Equus Tartarus

Eyn Tartarisch reytter.

Татарин. Гравюра А. Брейна, XVI в.

Если войско одерживало победу, брало город, царь посылал ратным людям награды. Для воевод и других начальных людей обыкновенной наградой была золотая денга овальной формы; простым ратникам раздавали серебряные такой же формы медали.

Несмотря на перемены, происшедшие в устройстве русского войска в XVII в., тактика до конца века оставалась прежняя: бой открывали стремительным натиском, но, встретив отпор, так же неудержимо обращались в бегство; изменился только порядок нападения. Пехоту, вооруженную бердышами, как главный оплот войска, стали выставлять вперед. Иностранцы выгодно отзываються о московской пехоте: под управлением мужественного вождя она дралась необыкновенно хорошо, соблюдая приемы правильного боя, если у нее была какая-нибудь опора, ров или ограда из обозных телег. Зато о коннице, состоявшей из служилых людей и их дворовых слуг, иностранцы самого дурного мнения: она билась гораздо хуже пехоты; сделав залп и видя, что неприятель не дрогнул, она быстро обращалась в бегство, оставляя пехоту без поддержки.

Вообще служилые люди Московского государства, по самому рождению призванные быть воинами, по отзывам наблюдателей, сильно страдали недостатком мужества и военной чести. Они не считали предосудительным, пользуясь

продажностью московских дьяков, дорогой ценой откупаться от похода или даже, в случае возможности, убежать домой из лагеря.

По замечанию Корба, они не понимали, как можно добровольно подвергаться опасностям войны, и считали безумными тех Немцев, которые сами напрашивались на участие в походе. Понятно, почему и в XVII в., несмотря на некоторые перемены к лучшему в военном устройстве, московское войско по-прежнему оказывалось несостоятельным при встрече с западными войсками, даже польскими. По выражению Корба, только Татары боялись московского оружия; западные соседи смеялись и над духом, и над искусством московских ратников¹²⁷.

Увеличение враждебных столкновений с западными соседями, тяжелый опыт, выносимый отсюда, сознание отсталости – все это заставляло московское правительство, обыкновенно во всем так ревниво оберегавшее старину, отцовский обычай, делать некоторые перемены в ратном деле, хлопотать о наряде, о найме способных заправлять им иностранцев, о заведении постоянной пехоты. Недостаток искусства заставлял увеличивать количество сил, а увеличение количества требовало увеличения расходов. Служилые московские люди, говорят иностранцы, должны отправляться в поход на свой счет, а походные издержки у них не такие, как у нас, каждый дворянин едет на войну с 6-ю или более лошадьми

---

¹²⁷ *Korb*, 183: *Umbratilis certe miles et hostis ludibrium, nisi parem invenerit.*

и таким же числом слуг. Государство обязывало служилых людей являться на войну «конно, людно и оружно». Откуда добывали они средства для этого?

Служилый класс составляли бояре, дворяне и дети боярские с разными подразделениями. Мы видели, какая перемена произошла в отношениях высших членов старинной дружины к их прежнему вождю, великому князю, а потом царю московскому; мы знаем, что эта перемена была не в пользу первых. Эта перемена, разумеется, должна была отразиться и на низших членах дружины; они также из вольных слуг стали теперь подневольными холопами государя. Но, поставив последних в такое положение, эта перемена имела для них и выгодное следствие, какого не имела для бояр. Борьба государей московских со старыми дружинными притязаниями была, собственно, борьбой только с боярством и вообще с высшими членами дружины; они отстаивали свои старые права, окружая власть, которая не могла с ними ужиться. Эта борьба верховной власти с прежнею старшею дружиной, уничтожив прежнее доверие между ними, заставила первую обратиться к младшей дружине, позаботиться об ее интересах, чтобы найти себе в ней опору и противопоставить ее противникам. В XVI в. правительство старалось поднять значение дворянина, дать ему высшее место перед сыном боярским; но точно так же в конце этого века интересы сына боярского оно предпочло интересам боярина. Это ясно сказалось в мерах, которые правительство принимало для обес-

печения материального положения служилого класса. Меры эти обуславливались отношением служилого класса к остальному народонаселению. В России, говорит Флетчер, каждый воин есть дворянин, и нет других дворян кроме военных, на которых такая обязанность переходит по наследству от предков, – явление, не исключительно свойственное России, – и каждый иностранец из какого-нибудь западноевропейского государства по одному этому известию мог составить себе понятие об отношении военного класса в России к остальному народонаселению; припомнив историю своей собственной страны, он мог понять, что в России военный класс составляет особую массу, не смешивающуюся с остальным народонаселением, и кормится на счет последнего. Как кормится? – так, как кормится военная масса, еще не смешавшаяся с остальным народонаселением, во всех неразвитых и преимущественно земледельческих государствах, страдающих недостатком движимого капитала, производящих мену больше натурой, т. е. кормится натурой же, непосредственно на счет рабочего населения. Именно в таком первоначальном положении застали иностранцы XV и XVI вв. отношения между военным и невоенным населением Московского государства; перемены, происшедшие в положении различных элементов Московского государства в эти два века, не изменили сущности отношений между военным и невоенным населением страны в сравнении с XIII или XIV вв. Еще в начале XV в. живо сохранялось старин-

ное значение слова «муж»; если понимали прежнее значение «мужа», понимали и прежнее значение «людей», мужиков. Какие бы чины и деления ни вносило государство в общество, в котором такие понятия опирались на живую действительность, в сущности это общество распадалось на два класса: военный, который защищал страну, и невоенный, который непосредственно кормил этих защитников. Если древняя Россия не оставила нам слова, которым одним мы могли бы назвать и охарактеризовать военный класс во всем его объеме, то для невоенного мы имеем несколько таких характеристических слов: «люди», «простые, черные люди», «земские, тяглые люди», – каждое из этих названий близко передает значение, какое имел невоенный класс в государстве.

Главную, общую формой непосредственного кормления военного класса на счет черных людей была раздача поместий. И здесь обнаружилось то различие, которое, вследствие известных нам причин, делало правительство между высшими и низшими членами служилого класса.

Шпашак солдатский и латы полков нового строя, XVII в.

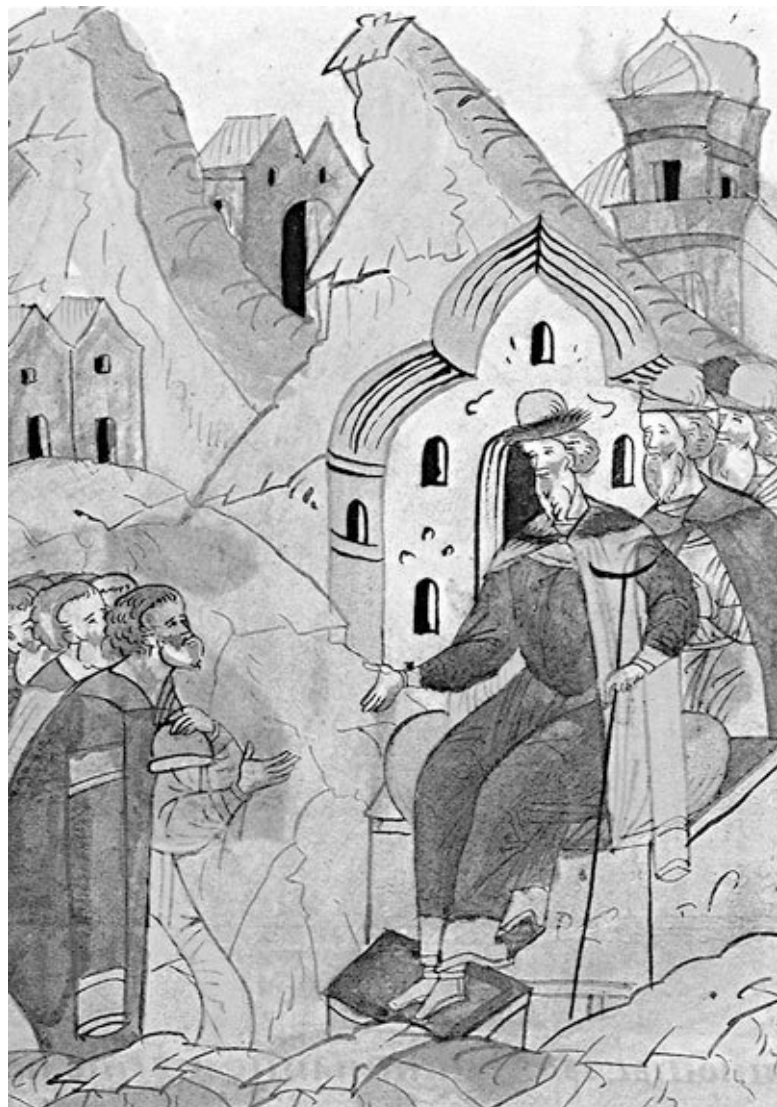
В то время, когда князья Рюриковичи, переходя на службу к князю московскому, теряли свои вотчины за исключением небольших участков, когда и эти сильно урезанные отчины, вместе с вотчинами старых бояр московских, по приказу государя отнимались, менялись на другие, жалованные государем, и разными средствами, под разными предложениями отписывались на государя, – в то самое время правительство сильно хлопочет о мерах к обеспечению содержания низших

служилых людей, дворян и детей боярских. Когда собрание северо-восточной Руси, с таким успехом конченное в первой половине XVI в., увеличило до громадных размеров количество земли, которою могла располагать казна, эту землю прежде всего воспользовались именно для испомещения низших служилых людей. Низшим же служилым людям прежде других положено было и постоянное денежное жалованье; наконец, в их интересах, и к невыгоде крупных землевладельцев, которыми были те «старейшие бояре», на которых указывал царь В. И. Шуйский, как на противников прикрепления крестьян, в интересах именно мелких землевладельцев заказан был выход крестьянам. Но если иностранцам, приезжавшим в Москву из Западной Европы, это непосредственное кормление военной массы на счет невоенного народонаселения не могло показаться само по себе новостью, то в самом устройстве этого кормления, в отношении к нему правительства, их внимания не могли не остановить на себе некоторые особенности. Впрочем, мы имеем от них очень немногие отрывочные известия о поместьях: короткого пребывания в Москве и расспросов здешних жителей было слишком недостаточно для того, чтобы составить ясное понятие об этом предмете. Потому иностранные известия о нем касаются только внешней, наиболее видной стороны дела, именно некоторых отношений правительства к поместьям и помещикам. Герберштейн говорит, что знатнейшим служилым людям для отправления посольств и других бо-

лее важных должностей даются, между прочими средствами содержания, и поместья¹²⁸; но он ничего не говорит о поместьях, которые давались простым служилым людям для отправления военной службы, – не говорит, может быть, потому, что в первой четверти XVI в. раздача поместий еще не достигла значительных размеров.

---

¹²⁸ *Herberstein*, 10.

Великий князь Иван III раздает поместья. Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

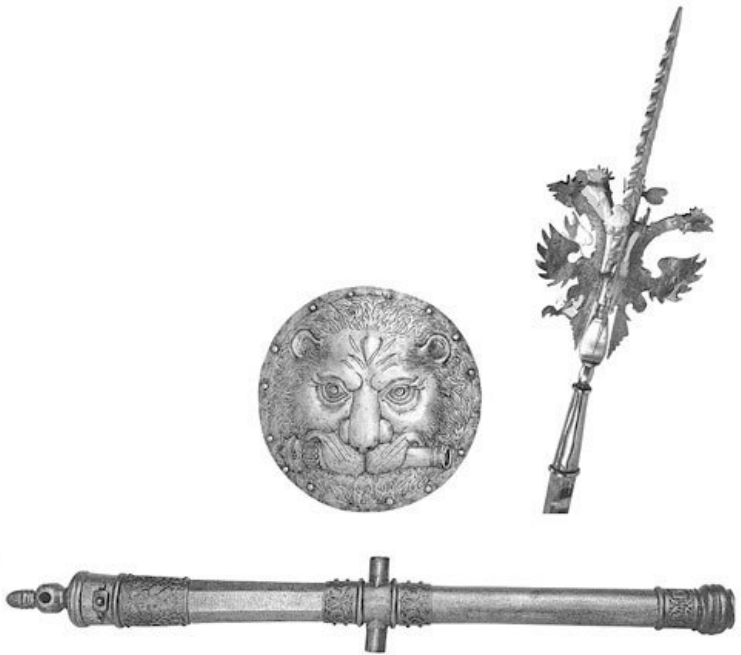
По словам Флетчера, сын дворянина, поспевший на службу, являлся в Разряд, где имя его записывалось в книгу, а ему самому давались известные земли для отправления службы, обыкновенно те же самые, какими пользовался его отец. Последние слова можно принять только в самом общем смысле, но совсем нельзя принять причину, которую Флетчер объясняет это наделение сыновей обыкновенно теми же самыми землями, которыми пользовались их отцы: по его словам, это происходит оттого, что земли, определенные на содержание войска, всегда одни и те же, без малейшего увеличения или уменьшения, и эти земли на всем пространстве государства все уже заняты. Относительно прежнего времени это известие о постоянно одинаковом количестве земель, которые правительство могло раздавать в поместья, конечно, неверно, но оно неверно и относительно того времени, когда писал Флетчер: во-первых, колонизация тогда еще продолжалась и даже, можно думать, в больших размерах, чем прежде, доставляя правительству новые пространства земли, постепенно, хотя и медленно населявшиеся; государство по своим отношениям к черным, тяглым землям, легче могло обращать в поместья и даже в вотчины не только вновь занимаемые, но и старые, не испомещенные земли; далее, в каких бы широких размерах ни производилась раздача поместий во вто-

рую половину XVI в.¹²⁹, нет основания думать, чтобы все земли, которыми правительство могло располагать для этой цели, были уже заняты. Есть указания, говорящие против такого предположения: в Горетовом стану Московского уезда в 1586 г. под поместьями и вотчинами было 5.780 четвертей пахотной земли; порожней и оброчной земли, находившейся в непосредственном ведении казны, было 8.639 четвертей¹³⁰; судя по этому образчику, можно полагать что даже в тех местах, где мы могли бы предположить наиболее значительное развитие поместий и вотчин, количество свободных земель, которые правительство могло раздавать в поместья, далеко еще превышало в конце XVI в. количество земель, уже отданных в поместья.

---

¹²⁹ Г. Беляев гадательно, на основании поместных раздач 1550 года, полагает количество земель, розданных в поместья к концу царствования Иоанна IV, около 50 000 000 четвертей. «Крестьяне на Руси», стр. 99.

¹³⁰ Соловьев. «История России». Т. VII. С. 397.

Пальник артиллерийский парадный и алебарда, XVII в.

Поэтому едва ли можно принять за общее или, по крайней мере, обыкновенное явление то, что говорит Флетчер далее, будто происходят большие беспорядки от того, что когда у помещика много сыновей и только один из них получает от царя поместье, то остальные, не имея ничего, принуж-

дены добывать себе пропитание дурными средствами¹³¹; если и были подобные явления, то уже никак не от недостатка земель для испомещения нуждающихся служилых людей; при нужде в ратных людях этого не могло быть в XVI в. и даже долго после. Вообще земли, данные служилому человеку, не иначе переходили к его наследникам, как по утверждению государя. Хотя бы после служилого человека осталось много дочерей, земли отходили к государю, кроме небольшой части, оставляемой дочерям для выдачи их замуж (точнее надо было бы сказать: до выдачи замуж). Пользующийся поместьем служилый человек под страхом тяжелого наказания обязывался выставлять на войну и содержать во время похода несколько ратников, число которых было определено государем соразмерно с доходами поместья. От этих поместий, жалуемых государем за службу и для службы, на время или пожизненно, отличались наследственные земельные владения (вотчины); но и эти земли находились в такой же зависимости от воли государя, как и поместья, ибо если владелец, умирая, не оставлял после себя сыновей, его земельная собственность тотчас отписывалась в казну¹³². О вотчинах иностранцы говорят еще меньше, чем о поместьях, может быть, потому, что они смешивали их с поместьями, к чему в XVI в. могли легко привести распоряжения правительства о вотчинах служилых князей, а другие если и отлича-

---

¹³¹ Флетчер, гл. 15-я.

¹³² Herberstein, 10. – Clemens Adam, 149. – Possevino, 22.

ли остатки прежних родовых княжеских вотчин от земель, пожалованных царем, то в последних не видели ясного различия между землями, пожалованными в вотчину, и землями, пожалованными в поместье. К концу XVI в. количество земель, розданных служилым людям в том или другом виде, без сомнения, было значительно больше количества старых княжеских и боярских вотчин; но между всеми землями, находившимися за князьями, боярами и прочими служилыми людьми, поместья едва ли много уступали в количестве вотчинам (церковные земли сюда, конечно, не относятся). Если можно так думать, то легко представить себе, какая перемена совершилась в частном землевладении в эпоху утверждения в Москве единовластия, и нас не остановит показание Флетчера, что у князей отняты их наследственные земли и даны им другие на поместном праве в дальних краях государства, где эти князья не могли пользоваться большим влиянием, что точно так же и бояре содержатся доходами с земель, пожалованных государем, потому что наследственных у них осталось мало¹³³. Доходы как князей, так и бояр, с жалованных царем земель, по свидетельству Флетчера, простирались до 1000 рубл. в год; но при этом нельзя забывать, что по характеру господствовавшего тогда хозяйства трудно было определить поземельный доход в том виде, как он тогда получался, сколько-нибудь приблизительно денежною суммой. Это замечание одинаково относит-

---

¹³³ Флетчер, гл. 9-я.

ся и к тем, впрочем немногим, известиям о поземельном доходе служилых людей, которые мы находим у иностранцев XVII в. Петрей говорит, что каждый крестьянин обязан работать на своего владельца 5 дней в неделю¹³⁴. Оlearий сравнивает московских служилых князей с простыми дворянами Западной Европы и добавляет, что за исключением тех из этих князей, которые занимают высшие должности в государстве, все остальные вообще не богаче западных господ, получающих от 8000 до 10000 ливров поземельного дохода¹³⁵. У Невиля есть известие о доходе, который получал землевладелец с каждой тяглой души: по этому известию, каждый крестьянин приносил своему господину в конце XVII в. около 4 рубл. ежегодного дохода¹³⁶. О доходе низших чинов служилого класса нет у иностранцев прямых показаний; но по некоторым отрывочным заметкам можно заключать, что если не большинство, то значительная масса низших служилых людей сверх денежного жалованья имела очень скудные средства содержания. По словам Флетчера, низший слой дворянства составляли лица, называвшиеся князьями, но происходившие от младших членов главных княжеских родов. Эти князья не имели никако-

---

¹³⁴ *Petrejus*, 314.

¹³⁵ *Olearius*, 26: «a la reserve de ceux qui sont employes dans les premieres charges de l'estat, les autres n'ayent pas plus de bien que nos Seigneurs de huit ou dix mille livres de rente». 3 ливра равняются 1 экю, а экю у *Олеария* равняется половине тогдашнего московского рубля: значит, 8000–10 000 ливр. составляют около 1500 рубл.

¹³⁶ *Neuville*, 8: «Chaque paysan raporte par an a son maitre environ huit ecus».

го наследственного состояния, и их было так много, что они считались за ничто, и нередко можно было встретить таких князей, которые охотно шли служить простолюдину за 5 или 6 рубл. в год. По словам Петрея, много было дворян, которые, не имея средств купить сапоги, ходили в лаптях, какие носили их крестьяне. О низших дворянах, служивших при дворе, Невиль замечает, что они только по имени дворяне, а в сущности не имеют никакого состояния, кроме 200 ливров ежегодного содержания от царя¹³⁷.

Колесцовый штуцер, нач. XVII в.

Поместная система могла показаться посторонним наблюдателям очень удобным для государства способом обеспечения содержания служилого класса. Гваньини говорит, что московский государь может долгое время содержать наготове огромное войско, не обременяя себя расходами, потому что он не дает ратникам денежного жалованья, а наде-

---

¹³⁷ *Neuville*, 25. Ср. *Олеарий*, стр. 221: Les knez qui n'ont point d'employ a la Cour, et qui n'ont pas le moyen d'y faire la depense, se retirent a la campagne, ou leur facon de vivre n'est pas fort differente de celle des paysans.

ляет их малоценными полями, которые дают им содержание на время службы¹³⁸. Но потребность в денежном жалованье обнаруживалась все сильнее и сильнее. Мы видели, что высшие служилые люди кроме военной службы должны были отправлять на свой счет и другие должности, требовавшие иногда значительных издержек, но не приносившие особенных доходов, наприм. посольства к иностранным дворам: известно, что постигло Третьяка Далматова, который осмелился отговариваться от посольства недостатком средств¹³⁹.

Только в конце XVI в. встречаются русские известия о подмоге или денежном жалованье послам, отправлявшимся к иностранным дворам. Это средство, как общая мера, приложено было прежде всего к низшим служилым людям, дворянам и детям боярским. Иовию сказывали, что только тем служилым людям, которые живут в областях, выдается из областной казны в мирное время незначительное жалованье¹⁴⁰. По словам Герберштейна, кому государь приказывал быть при дворе, а также отправлять посольскую или воинскую службу, тот должен был исполнять это на свой счет, исключая молодых детей боярских, которых государь ежегодно брал ко двору и содержал на жалованье. Одни из них получали ежегодно по 12 золотых (рублей), другие по 6 золотых в каждые три года; первые на свой счет должны были исправ-

---

¹³⁸ *Guagnino* в «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», p. 177.

¹³⁹ *Herberstein*, 12

¹⁴⁰ *П. Иовий*, 55.

лять всякое государево дело с известным числом лошадей. Вообще жалованье выдавалось тем, которые не могли на собственные средства, т. е. на счет доходов с поместий, отправлять военную службу¹⁴¹. Более определенные и подробные известия о денежном жалованьи имеем от конца XVI в., когда и самое дело получило большую определенность и большее развитие. Мы видели, какие части войска на постоянном жалованье высчитывает Флетчер. По его показанию, большие дворяне получали от 100 до 70 рублей в год, средние от 60 до 40, дети боярские от 30 до 12; всего выдавалось на 15 000 дворян телохранителей до 55 000 рубл. ежегодно. Половина жалованья выдавалась им в Москве, другая в поле, если они были в походе. Это жалованье шло им сверх приписанных к каждому из них земель; кто имел очень мало земли, получал ежегодно по 20 рубл. прибавки. На 65 000 дворян, в мирное время назначавшихся на сторожевую службу по татарским границам, выдавалось жалованья до 40 000 рубл. Стрельцы получали ежегодно по 7 рубл., по 12 мер ржи и по стольку же овса. О количестве жалованья наемным солдатам из иностранцев в XVI в. нет известий. Система денежного жалованья, разумеется, в меньших размерах и медленнее распространилась на высшие чины служилого класса; по словам Флетчера, князья и бояре получали сверх доходов с пожалованных царем земель до 700 рубл. в год денежного жалованья за военную службу; больше этого, добавляет

---

¹⁴¹ *Herberstein*, 10 и 36.

Флетчер, никто не получает¹⁴².

Серебряная денга «московска», XVI в.

В XVII в. система денежного жалованья должна была получить большее развитие, и иностранцы этого времени оставили нам более подробные известия об этом предме-

¹⁴² Флетчер, гл. 9-я и 15-я.

те, иногда указывая вместе с денежным жалованьем и количество земель, которыми пользовались разные служилые люди. При Маржерете высшие члены служилого класса, составлявшие государеву думу, князья и бояре, получали от 500 до 1200 рубл. ежегодного оклада; окольниковые от 200 до 400 рубл. и земли от 1000 до 2000 четвертей (при Маржерете окольниковых было до 15 человек); думные дворяне, которых было 6, получали от 100 до 200 рубл. и земли от 800 до 1200 четвертей; московские дворяне от 20 до 100 рубл. и земли от 500 до 1000 четвертей; выборные дворяне от 8 до 15 рубл. и земли до 500 четв., дети боярские от 4 до 5 рубл., в 6 или 7 лет и земли от 100 до 300 четвертей¹⁴³. Стрелецкие головы получали при Маржерете денежного жалованья от 30 до 60 рубл. и земли от 300 до 500 четвертей; сотники, сверх земель, от 12 до 20 рубл.; десятники до 10 рубл.; рядовые стрельцы по 4–5 р. ежегодно; сверх того каждому отпускалось по 12 мер ржи и по столько же овса, как и при Флетчере. При Мейерберге пятидесятники получали денег по 8 рубл. в год; десятники и простые стрельцы по 7 рубл.; овса и ржи выдавалось каждому стрельцу по 20

---

¹⁴³ *Маржерет* в «Сказаниях современников о Димитрии Самозванце», ч. 3-я, стр. 59. При *Котошихине* поместный оклад был всем чинам «против денег с рубля по 5 четвертей в поле, а в двух потом уж». См. *Котошихин*, гл. VII, ст. 8. Если цифры *Маржерета* верны, то в начале XVII в. низшим чинам давали поместные оклады в большей пропорции с денежными, нежели во времена Котошихина. Причина понятна.

мер, ценой на 18 рубл.; пятидесятникам вдвое больше¹⁴⁴. Кроме того, раз в год стрельцам выдавали сукна на одежду, которую они должны были шить на свой счет; при выходе стрельца из службы (за смертью или старостью) эта одежда возвращалась в казну. Кроме царского жалованья стрельцы получали большие доходы от промыслов, которыми им позволено было заниматься в Москве и других городах¹⁴⁵. Русским офицерам и рядовым ратникам конных (рейтарских) полков шло жалованье по 30 рубл. в год (по Мейербергу, по 50); во время похода им выдавали водку, муку, пшено, сало и сушеную рыбу¹⁴⁶. Солдатам платили во время похода по 5 коп. ежедневно¹⁴⁷. В мирное время жалованье служилым людям выдавалось в Москве и областных городах, по свидетельству Петрея, в два срока: на Пасху и на Михайлов день. Выдача, по словам Мейерберга, производилась с такою аккуратностью, что если служилый человек не являлся за ним в назначенный срок, ему на другой же день относили жалованье на дом. Если ратник с честью пал на битве, назнача-

---

¹⁴⁴ *Маржерет*, 52. – *Mayerberg*, II, 123. – У *Корба* оклад рядовых стрельцов показан тот же, что у *Мейерберга*; значит, во 2-й половине XVII в. он был увеличен в сравнении с первою. Впрочем, как у *Маржерета*, так и у *Мейерберга* денежные оклады ниже тех, какие показаны у *Котошихина*; хлебное жалованье, напротив, у *Мейерберга* выше того, какое выставляет *Котошихин*. См. *Котошихин*, VII, 5.

¹⁴⁵ *Korb*, 183: ex mercimoniis, quae exercere licebat, magnas saepe et invidiosas opes acquisiverant.

¹⁴⁶ *Olearius*, 225. – *Mayerberg*, II, 124. По *Котошихину* также 30 рубл., вопреки *Мейербергу* (см. гл. IX, ст. 2).

¹⁴⁷ *Mayerberg*, II, 125; у *Котошихина* 60 алтын в месяц.

лось содержание его вдове до ее вступления в новое замужество, а также и детям до возраста. Если ратник попадал в плен, половину его жалованья за это время отдавали его жене, а другую – ему самому, когда его выкупали¹⁴⁸.

¹⁴⁸ Mayerberg, II, 126.

Вооружение русских всадников. Гравюра из книги С. Герберштейна «Записки о московитских делах»

От XVII в. дошли также известия о жалованье иностранцам, служившим в московском войске. Рейтенфельс говорит, что положение иностранцев на русской службе значительно улучшилось в его время в сравнении с прежним. Для привлечения большего числа опытных иноземных офицеров им назначали жалованья гораздо больше, нежели русским. В Москве в XVII в. постоянно жили много иностранных полковников и офицеров, которые в мирное время оставались без дела, получая половинный оклад жалованья, так как войска, которыми они командовали, в мирное время распускались¹⁴⁹. Когда открывалась война, иностранным офицерам поручали командование рейтарскими и солдатскими полками и выдавали полные оклады: рейтарскому полковнику шло тогда денежного жалованья по 40 рубл. в месяц, подполковнику по 18, майору по 16, ротмистру 13, поручику 8, корнету 7. В солдатских полках жалованье было несколько меньше, именно: полковнику 30 рубл. в месяц, подполковнику 15, майору 14, капитану 11, поручику 8, прапорщику 5. При поступлении на службу иностранец получал от царя в подарок платье, лошадь и проч. Несмотря на выгоды, которыми пользовались иностранные офице-

---

¹⁴⁹ *Олеарий*, кажется, преувеличивает, говоря, что в мирное время иностранный полковник получал по 90 экю, или по 45 рубл. в месяц.

ры на русской службе, многие из них высказывали Мейербергу сожаление, что оставили свою родину и пошли искать счастья в Москву; они жаловались на то, что по выслуге условленного срока нет возможности вырваться из Москвы; если для удержания иностранца на службе более срока не помогали разные приманки и награды, упрямого ссылали в какое-нибудь отдаленное место, откуда трудно было выбраться. В оправдание таких стеснений иностранцам говорили в Москве, что не честно покидать службу, когда идет или ожидается война; а на это всегда можно было сослаться, так как Московское государство по характеру своих отношений к соседям постоянно или воевало, или ожидало войны¹⁵⁰.

---

¹⁵⁰ Mayerberg, II, 124–127. – Рейтенфельс, 3. – Korb, 183.

V. Управление и судопроизводство

От описания устройства служилого класса всего ближе перейти к описанию управления страной. Управление было другой формой кормления служилых людей на счет черного, неслужилого народонаселения и, разумеется, должно было отличаться особенностями, которые неизбежно вытекали из такой цели. Боярин или сын боярский за государеву службу получал наместничество или волостельство; человек меча на известное время переходил в совершенно другую сферу, вступал в совершенно иные отношения, не переставая быть по-прежнему в сущности военным человеком, ведал и судил город или волость «для расправы людям и всякого устройства землям, себе же для покоя и прокормления», как определяло правительство XVI в., цель наместничества и волостельств. По окончании срока служилый человек возвращался с кормления до нового места. Понятно, какой характер должно было иметь его управление городом или волостью: прежде и больше всего имелось в виду получение дохода, «чем мочно быти сытым». Иностранцы не могли не заметить такого характера областного управления. Герберштейн ставит «префектуры» рядом с поместьями, как средства, служащие для одной и той же цели. На образованного западного европейца, внимательно всматривавшегося в устройство Московского государства, не могло, конечно, произвести вы-

годного впечатления это смешение совершенно различных занятий и целей, какое представляло им гражданское управление посредством военных людей. Таковы же были органы и центрального управления, сосредоточивавшиеся в думе и приказах столицы.

А. Максимов. На службу государю

В устройстве управления Московского государства в XV и XVI вв. мы видим важное движение: тогда произошли две тесно связанные между собою перемены, которые не могли

остаться без влияния на ход управления. Эти перемены состояли в появлении и развитии приказной системы и в новом значении дьяков. До этого времени в каждом княжестве северо-восточной Руси во главе управления стоял князь, как установитель порядка в земле и страж ее; ему служили бояре-думцы и разные слуги; бояре за службу получали от князя волости и города в кормление; боярин ведал и судил жителей данной волости, данного города, и тиунам своим ходить у них велел, а доход брал «на себя», по наказному списку. Таким образом известное число наместничеств и волостельств замещалось таким же числом членов княжеской дружины, которые назначались и сменялись князем, во всем относились к князю, – и только. Вот все главные органы управления, т. е. в управлении действовали только известные лица, но не было присутственных мест, приказов, – по крайней мере до XVI в. нет ясных указаний на подобные учреждения. Но развитие государства и, как его следствие, усложнение управления делали необходимыми такие учреждения, и в начале XVI в. мы встречаем известие о приказах. Чем далее, тем более будут эти приказы размножаться и обособляться вследствие усложнения правительственного дела и вместе с тем, вследствие того же, более и более будет оказываться несостоятельность служилых людей в деле управления, более и более будет чувствоваться нужда в людях иного рода, которые умели бы владеть не мечом, а пером, и с начала XVI в. одновременно с известиями о приказах

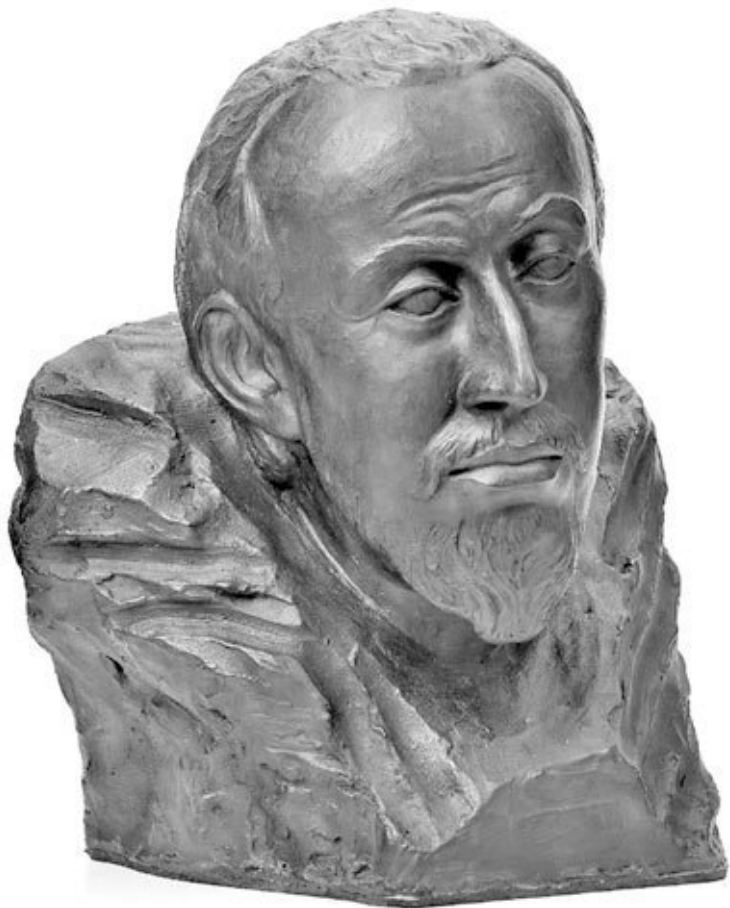
встречаем известия об усилении значения дьяков. Они имели важное значение в думе государя; они заправляли ходом дел в приказах, они же отправлялись вместе с наместниками по областям и заведовали там всеми государственными делами, были представителями государственного начала в областях, потому что наместники, служилые люди, оказались теперь непригодны и непривычны к правительственному делу при его новом значении, при новых чисто государственных потребностях, и этим наместникам предоставили ведать только свои частные интересы кормления. Чуждые служилым людям по характеру занятий, дьяки были чужды им и по происхождению, потому что выходили «из поповичей и простого всенародства», по выражению Курбского. Были и другие причины, содействовавшие такому усилению значения дьяков в XVI в.; эти причины хорошо понимали и ясно высказывали московские бояре, боровшиеся с самодержавными стремлениями своих государей. Но каковы бы ни были эти причины, новые потребности управления занимали между ними важное место: если посторонние обстоятельства дали дьякам возможность «боярскими головами торговать», то этих обстоятельств было мало для того, чтобы дать им возможность и «землею владеть», как выразался один отъезжник XVI века.

Так в управлении государством последовали важные перемены, показывавшие переход его от дружинного порядка к чисто государственному; явились новые более сложные ор-

ганы и новые более пригодные к делу деятели. Но высший правительственный круг, дума государева, осталась, по-видимому, в прежнем положении. По-прежнему высшие члены старинной дружины по одному из исконных прав своих считались думцами князя; по-прежнему государь «сидел с бояры» о всяком земском строении. Еще в начале XVI в. при дворе считали значение боярина тождественным с значением советника и первое слово заменяли последним. Так же называют бояр того времени и иностранцы. Но как дружина XVI в. не была похожа на прежнюю, так и в боярской думе, несмотря на ее прежний вид и состав, отношения сильно изменились. В начале XVI в. со стороны государевых советников слышались громкие жалобы на то, что государь перестал советоваться с боярами, все дела решает у себя в спальне сам-третей, – и эти двое поверенных дум были дьяки, «люди из простого всенародства, которых отцы отцам тогдашних бояр и в холопство не годились». Несмотря на то, что эта перемена отношений не выразилась ни в каком формальном нововведении, ее скоро заметили иностранцы: мы видели, как отзывается Герберштейн об отношении бояр-советников к великому князю: «Никто из них, как бы велико ни было его значение, не смеет ни в чем противоречить государю».

С. Иванов. Земский собор

Федор Иванович. Реконструкция М. М. Герасимова

Сделав эти предварительные замечания о государствен-

ном управлении, перейдем к изложениям известий о нем иностранцев. До конца XVI в. мы имеем от них немногие отрывочные заметки об этом предмете и только у Флетчера встречаем более полный и систематический очерк управления.

Во главе управления стоял государь со своей *думой*. Думу составляли думные бояре, отличавшиеся этим от простых бояр, которые хотя также назывались советниками государя, но получали это звание больше как почетный титул, ибо на общий совет их приглашали редко или и совсем не приглашали. Кроме думных бояр, в думе присутствовали («жили») думные дьяки или государственные секретари. Как те, так и другие получали свое звание по воле государя. Впрочем, и думные бояре не всегда все приглашались на совещания, по крайней мере так бывало, по свидетельству Флетчера, в царствование Федора Иоанновича, когда дела решал Борис Годунов с 5-ю или 6-ю лицами, которых он находил нужным призвать на совет.

С. Иванов. Боярская Дума

Иностранцы ясно дают понять, что боярская дума имела только совещательное значение, что дела часто решались до обсуждения их в думе и без ее утверждения приводились в исполнение. На совете, говорят они, боярам приходится больше слушать, нежели высказывать свои мнения. Дума была высшим законодательным, административным и судебным местом. Отсюда исходили всякий новый закон или государственное постановление. Здесь с утверждения государя определялись известные лица на правительственные должности и решались важнейшие судебные дела. Думе доклады-

вали во время ее заседаний о внутренних делах государства начальники четей, или четырех главных приказов, ведавших областным управлением. Сюда же входили с доношениями и начальники разных судебных мест. Кроме дел государственных, здесь разбиралось множество частных просьб. Думные бояре, по отзыву Поссевино, были недалеки познаниями: при нем только один из членов думы знал немного по-латыни и очень немногие знакомы были с польским языком; притом это были почти все дьяки, многие бояре не умели даже ни читать, ни писать. Обыкновенно заседания думы бывали по понедельникам, средам и пятницам, с 7-ми часов утра. Когда нужно было назначить чрезвычайное собрание в другой день, из Разряда давался приказ писцу разослать повестки о том членам думы¹⁵¹.

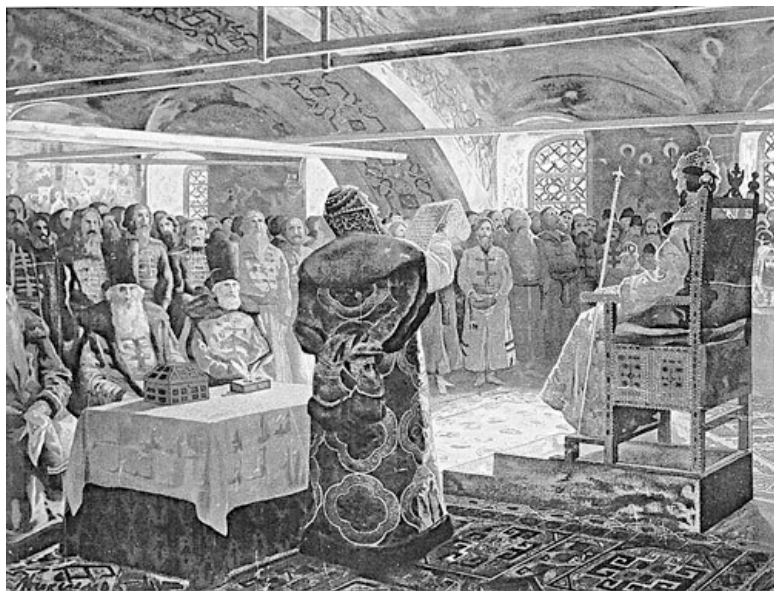
В чрезвычайные собрания думы по какому-нибудь особенно важному делу на совет призывалось и высшее духовенство. Флетчер так описывает эти чрезвычайные собрания думы или соборы. Царь приказывал призвать тех из думных бояр, которых сам заблагорассудит, человек 20, вместе с патриархом, который приглашал митрополитов, архиепископов и тех из епископов, архимандритов и монахов, которые пользовались особенным почетом. Обыкновенно такие соборы созывались в пятницу, в столовой палате. Все собравшиеся встречали царя в сенях, причем патриарх благословлял царя и целовал его в правое плечо. В палате царь садился на трон;

---

¹⁵¹ *Possevino*, 26 и след. – *Флетчер*, гл. 7-я и 11-я.

невдалеке от него, за четырехугольным столом помещались патриарх, митрополиты, архиепископы, епископы и некоторые из знатнейших бояр с двумя думными дьяками, которые записывали все происходившее. Прочие сидели на скамьях около стен, по чинам. Один из дьяков излагал причину созвания собора и предметы для обсуждения. Прежде всего спрашивали мнения патриарха и других духовных лиц, которые всегда и на все давали один ответ, что царь и дума его премудры, опытны в делах государственных и гораздо способнее их судить о том, что полезно для государства, ибо они, духовные, занимаются служением Богу и предметами веры и потому просят царя сделать нужное постановление, а они вместо советов будут вспомоществовать молитвами и т. д. Потом вставал кто посмелее, уже прежде назначенный для формы, и просил царя объявить собранию свое собственное мнение. На это дьяк отвечал, что государь, по надлежащем обсуждении со своею думою, нашел предложенное дело полезным для государства, но все-таки требует от них, духовных, богоугодного мнения и буде они одобрять сделанное предложение, то изъявили бы свое согласие и проч. Объявив наскоро свое согласие, патриарх удалялся с духовенством, сопровождаемый царем до другой палаты; затем царь, возвратившись на прежнее место, оставался здесь для окончательного решения дела, после чего приглашал духовенство и думных людей на парадный обед. Дела, решенные на соборе, дьяки излагали в форме прокламаций, которые рассыла-

лись по областям¹⁵².

А. Максимов. Совет всяя Руси

Характер думы не изменился и в XVII веке: она по-прежнему оставалась совещательным собранием, в котором редко слышались независимые голоса; советникам внушалось, что если им давалось право высказывать свои мнения, то царь и даже его любимцы оставляли за собой право исполнять только то, что находили полезным и нужным. Пото-

¹⁵² Флетчер, гл. 8-я.

му это собрание не имело прямого влияния на ход дел; мнения у него спрашивали только для формы, чтобы отклонить от себя ответственность в случае неудачного исхода дела¹⁵³. Число членов думы не определялось законом; как и прежде, царь назначал в нее, кого находил нужным, по своему благоусмотрению. Маржерет говорит, что он знал до 32-х членов думы. При Мейерберге дума состояла из 26-ти бояр, 30-ти окольничих, 7-ми думных дворян, наконец из 3-х думных дьяков; последних, впрочем, бывало и по два; первый из этих думных дьяков заведовал обыкновенно делами посольскими и иноземными, был управителем Посольского приказа, а второй управлял Разрядным приказом, заведывая делами военными¹⁵⁴.

Под думой, как высшим правительственным местом, стояли приказы, ведавшие отдельные отрасли государственного управления. По известиям XVI века, дела по этому управлению распределялись между 4-мя главными приказами или четьми. Каждый из этих приказов управлял одною из 4-х четвертей, на которые делилось все государство в административном отношении. Эти приказы были: Посольский, Разрядный, Поместный и Казанский. По словам Флетчера, все области государства расписаны были между этими 4-мя четьми, из которых каждая заведовала несколько-

---

¹⁵³ *Olearius*, 181. – *Mayerberg*, II, 107.

¹⁵⁴ *Маржерет*, 35. – *Olearius*, 221. – *Mayerberg*, II, 107 и 112. Ср. *Котошихин*, гл. II, ст. 5.

ми областями. Но на такое значение четей указывает только название Казанской чети; названия остальных могут навести на мысль, что каждая из них управляла не всеми делами приписанной к ней части государства, а известного рода делами всего государства. В другом месте Флетчер говорит, что начальники четей делали распоряжения по всем делам, исполнение которых в местах, ими управляемых, возлагалось на них царской думой; эти слова как будто указывают на то, что каждая четь ведала в своих областях не все, но только некоторые дела; значит, дела другого рода в тех же областях принадлежали уже ведомству другой чети. Вообще трудно составить себе не только по иностранным, но и по отечественным известиям ясное понятие об устройстве и ходе управления посредством приказов именно потому, что ведомства не были точно разграничены и определены по известным началам; оттого трудно и распределить их на какие-нибудь точно определенные группы, отнести, наприм., одни приказы к дворцовому ведомству, другие к военному и т. д. Посольская четь, указывавшая своим названием на то, что мы теперь разумеем под министерством иностранных дел, вместе с тем ведала внутренние дела нескольких городов. Еще более было запутанности в приказной системе XVII века, когда она усложнилась, когда приказов было больше 40. Приказы переплетались между собою делами, однородные дела ведались в нескольких приказах и, наоборот, в одном и том же приказе сосредоточивались разнородные

дела. Эта запутанность отчасти происходила от того порядка, в каком учреждались приказы; они явились не все вдруг, а возникали постепенно, один за другим: усложнялись дела известного рода, – и для них учреждался особый приказ: между тем дела не переставали вестись и в тех приказах, к которым они прежде принадлежали.

А. Янов. Приказ в Москве

Так явились приказы: Стрелецкий, Иноземный, Рейтарский, которые не могли не перепутываться своими делами с Разрядным. Усложнились дела по устройству кружечных или питейных дворов, – и возникла Новая четверть; но кабацкое дело ведалось прежде в других приказах, к кото-

рым приписаны были какие-нибудь города и волости; дела по этой части остались в этих приказах и по учреждении Новой четверти, а к последней приписаны были кружечные дворы только Московской и некоторых других областей. Понятно, как много было условного и случайного в ходе приказного управления и как трудно было иногда решить, «кто под которым приказом в ведомости написан и судим», по выражению Котошихина. Дробность и неопределенность приказной системы подавала некоторым иностранцам повод думать, что в Московии столько же судов, сколько может быть дел, что в одном, напр., судили воров, в другом разбойников, в третьем мошенников¹⁵⁵.

По описанию Флетчера, Разрядный приказ управлял делами, относящимися к войску, ведал земли и доходы на жалованье ратным людям, получавшим его; Поместный вел список поместий, розданных служилым людям, также выдавал и принимал на них всякие крепости; Казанский ведал дела царств Казанского и Астраханского с городами по Волге. Что ведал приказ Посольский, об этом Флетчер не говорит ни слова. Всеми этими приказами управляли при Флетчере думные дьяки. Управляющий Посольским приказом получал в год 100 рубл. жалованья, Разрядным столько же, Поместным – 500 рубл., Казанским – 150. Эти приказы принимали просьбы и дела всякого рода, поступавшие в них

---

¹⁵⁵ Записки *Маскевича* в «Сказаниях современников о Димитрии Самозванце», ч. 5-я, стр. 64.

из подведомственных областей, и докладывали о них царской думе, также посылали разные распоряжения последней в подведомственные области.

Для управления областями назначались царем известные лица, по одному или по два в каждую область, которые должны были во всех делах обращаться к управляющему той чети, в которой числилась известная область. На это указывают слова Поссевино, что наместники знают, к кому из сенаторов обращаться с донесениями, и что эти сенаторы от имени царя отвечают им, а сам царь никогда не пишет собственноручно никому, даже не подписывается под указами. Наместник отправлялся в назначенную ему область с одним или двумя дьяками, которые заведовали всеми приказными делами по управлению областью. Областные правители обязаны были выслушивать и решать все гражданские дела своих областей, впрочем, с предоставлением тяжущимся права апеллировать в царскую думу; в делах уголовных они имели право задержать, допросить и заключить в тюрьму преступника; но для окончательного решения должны были пересылать такие дела, уже исследованные и правильно изложенные, в Москву к управляющим четей для доклада думе. Наконец, наместники обязаны были в своих областях обнародовать (прокликать) законы и правительственные распоряжения, взимать подати и налоги, собирать ратников и доставлять их на место. Областные правители и дьяки назначались по царскому указу, и через год (по Герберштейну,

через полтора года) обыкновенно сменялись, за исключением некоторых, пользовавшихся особенной милостью у царя, для которых этот срок продолжался еще на год или на два. За свою службу наместники в конце XVI в. получали 100, другие 60 или 30 рублей жалованья. В их пользу шли пени, которые они выжимали из бедных за какие-нибудь проступки, и другие доходы. Иногда наместнику вместе с городом отдавались и доходы с кружечного двора, который находился в этом городе. От простых наместников отличались наместники и воеводы 4-х пограничных городов: Смоленска, Пскова, Новгорода и Казани; их назначали из людей, пользовавшихся особенным доверием, по два в каждый город. Они имели особенное значение, больше обязанностей и исполнительную власть в делах уголовных. Поэтому они получали большее жалованье, одни 700, другие 400 рубл. в год¹⁵⁶.

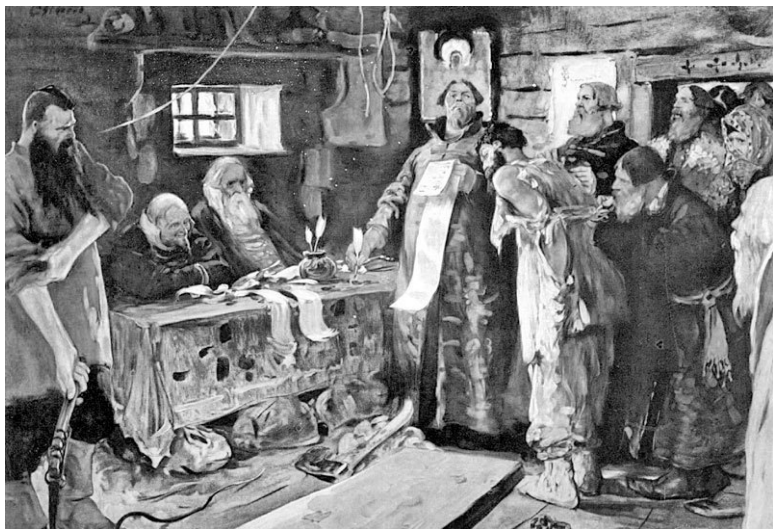
В таком виде представляют иностранцы устройство областного управления во второй половине XVI в. Более ранний путешественник говорит, что московский государь имел обыкновение ежегодно объезжать разные области своих владений¹⁵⁷, но неизвестно, с какой, собственно, целью совершались эти поездки, с целью ли *объезда*, т. е. осмотра областей, или на богомолье, или же наконец для *прохлады*: ибо таковы были цели всех государевых поездок. Москва управля-

---

¹⁵⁶ Herberstein, 10. – Possevino, 27. – Михалон, 57. – Hakluyt, I, 351. – Флетчер, г. 10 -я.

¹⁵⁷ Контарини, 106.

лась особенным образом, именно состояла под прямым ведением царской думы, члены которой в известных судебных местах выслушивали все важные дела городских жителей. Для обыкновенных дел, наприм. относительно построек, содержания улиц, определялись два дворянина или дьяка, которые составляли с подьячими присутственное место – *Земский двор*. Каждая часть города имела своего старосту, от которого зависели сотские, а от последних десятские, каждому из которых поручался надзор за 10-ю домами¹⁵⁸.

С. Иванов. Суд в Московском государстве

Одною из важнейших отраслей ведомства боярской думы, приказов и областных правителей было отправление правосудия. Судебная часть была тесно соединена с административной или, лучше сказать, вовсе не была отделена от нее, одни и те же органы ведали и ту, и другую. Потому на суд, как и на прочие отрасли управления, смотрели прежде всего как на статью кормления, дохода. Таков был издавна взгляд на этот предмет. Суд был не общественной должностью, а частным владением, делился на части, отдавался на откуп, как частная доходная статья. С развитием государства необходимо развивалось и законодательство, развивались юридические понятия; по крайней мере правительство постепенно расширяло круг своей деятельности на счет частного права. По двум Судебникам, великокняжескому и царскому, можно следить, как законодательство старается все шире и шире захватить интересы общества, более и более овладеть их нарушителем, дать больше определений и сделать их более точными и подробными. В примере того, как законодательство старалось постепенно отнять у преступления против известного лица характер частного явления и поступить с преступником, как с нарушителем прав целого общества, можно сравнить следующие постановления Судебников между собою и с прежними постановлениями: в великокняжеском Судебнике месть, самоуправство не допускаются; если у преступника не окажется имущества, чем возна-

градить истца, преступник не выдается последнему, но подвергается смертной казни; по определению того же Судебника вор, пойманный впервые, по наказании и доправлении иска отпускался на волю. Царский Судебник относится к делу гораздо строже: по его определению вор, пойманный впервые, по наказании и доправлении иска, не отпускался, но отдавался на крепкую поруку, а если ее не было, сажался в тюрьму до поруки. Мы напрасно стали бы ожидать от иностранцев оценки этого движения в сфере законодательства. Иовий со слов русского рассказчика мог только записать, что Московия управляется простыми законами, основанными на правосудии государя и бескорыстии его сановников¹⁵⁹. Герберштейн приводит в своем сочинении небольшой отрывок из Судебника Иоанна III о судных пошлинах, но ничего не говорит о самом Судебнике. Флетчер говорит, что единственный закон в Московии есть изустный, т. е. воля государя и судей: Судебник Иоанна IV не удостоился от ученого английского юриста названия писанного закона¹⁶⁰. Но что дает особенный интерес беглым и отрывочным заметкам иностранцев – это то, что они вводят нас в самую практику юридических отправлений, показывают, в каком виде и в какой обстановке являлся закон на самом деле, а не на бумаге.

---

¹⁵⁹ П. Иовий, 47.

¹⁶⁰ Флетчер, в конце гл. 14-й.

Во второй половине XVI в. судные дела ведали следующие учреждения: губные и сотские старосты, наместники и волостели с дьяками и, наконец, высшие правительственные места в Москве, чети и дума. Всякое дело можно было, по словам Флетчера, начинать с любого из трех первых учреждений или переводить его из низшего суда в высший посредством апелляции. В гражданских делах, например по взысканиям, суд совершался в следующем порядке. Истец подавал челобитную, в которой излагал предмет иска. По этой челобитной ему давалась *выпись* о задержании ответчика, которую он передавал приставу или недельщику¹⁶¹. Все иностранцы, рассказывая о московском судопроизводстве, резко отзываются о жестоком обращении этих недельщиков с подсудимыми и вообще о суровости форм, в которые облекался суд даже в незначительных делах. По словам Флетчера, иногда из-за каких-нибудь 6 пенсов обвиняемому заковывали в цепи руки, ноги и шею. Пойманный ответчик должен был дать поручительство, что явится к ответу в назначенный день. Если никто не поручался за него, недельщик привязывал его руки к шее, бил батогами по ногам и держал в тюрьме до тех пор, пока нужно было представить его на суд. Ходата-

---

¹⁶¹ У Герберштейна (стр. 40) находим такое определение недельщика: *Nedelsnick est commune quoddam eorum officium, qui homines in jus vocant, maletactores capiunt, carceribusque coercent: atque hi nobilium numero continentur.*

ев и поверенных при суде не было, каждый сам должен был, как умел, излагать свой иск и защищаться. Когда истец и ответчик становились пред судьей, ответчик на вопрос последнего о предмете иска отвечал обыкновенно заперательством. Судья спрашивал, что он может представить в опровержение требования истца. Ответчик говорил, что готов поцеловать крест. После того он не подвергался битью батогами до ближайшего исследования дела.

Иногда, за неимением ясных доказательств, судья сам обращался к истцу или ответчику с вопросом, согласен ли он поклясться и принять крестное целование. Флетчер так описывает обряд этой клятвы. «Церемония происходит в церкви; в то время, как присягающий целует крест, деньги (если об них идет дело) висят под образом; как скоро присягающий поцелует крест пред этим образом, ему тотчас отдают деньги». Флетчер прибавляет, что крестное целованье считалось делом столь святым, что никто не смел нарушить его или осквернить ложным показанием. Олеарий говорит, что обыкновенно старались не доводить дело до крестного целованья, и тяжущиеся вообще неохотно прибегали к нему, ибо и общество, и церковь неблагоприятно смотрели на поцеловавшего крест в судном деле. Если обе стороны готовы были принять крест на душу, бросали жребий, и тот, кому он доставался, выигрывал дело. Англичанин Лен подробно описывает порядок решения дела посредством жеребья, которым решена была в Москве его тяжба с некоторыми рус-

скими купцами. При суде присутствовало множество народа. Когда истцы не согласились на мировую сделку, предложенную ответчиком по приглашению судей, последние, засучив рукава, взяли два восковых шарика одинаковой величины с именами обеих тяжущихся сторон и вызвали из толпы первого попавшегося на глаза высокорослого человека, которому велели снять шапку и держать перед собой; в нее положили оба шарика и вызвали из толпы другого высокорослого человека, который, засучив правый рукав, вынимал из шапки один шарик за другим и передавал судьям. Судьи громко объявляли всем присутствовавшим, какой стороне принадлежал первый вынутый шарик; та сторона и выигрывала дело¹⁶². Виноватый платил судной пошлины 20 денег с рубля¹⁶³. Если виновный по окончании дела тотчас не удовлетворял истца, его ставили на правож. Правежом, по описанию Флетчера, называлось место близ суда, где обвиненных по судебному приговору и отказывавшихся платить били батогами по икрам¹⁶⁴. Расправа производилась ежедневно, кроме праздников, от восхода солнца до 10-ти или 11-ти часов утра. Каждый должник подвергался правежу по одному часу в день, пока не выплачивал долга. По словам Маскевича,

---

¹⁶² *Hakluyt*, I, 345 и 346. *В 1560 г.*

¹⁶³ Русские купцы, проигравшие *Лену* тяжбу, заплатили царю 10 % с суммы, бывшей предметом иска, за такой «грех», как они называли проигрыш.

¹⁶⁴ *Flagris baculisque per suras et crura pedum graviter absque ulla misericordia caeduntur.* «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», p. 179.

перед Разрядом всегда стояли по утрам больше 10-ти таких должников; над ними трудились несколько недельщиков, которые, разделив между собою виновных, ставили их в ряд и, начав с первого, били тростью длиною в полтора локтя, поочередно ударяя каждого три раза по икрам и таким образом проходя ряд от одного края до другого. Судья между тем наблюдал из окна за расправой. Несмотря на это, недельщики умели извлекать выгоду из своего занятия, позволяя должникам за деньги класть жезл за сапоги, чтобы сделать удары менее чувствительными. Все время после полудня и ночью должников держали скованными в тюрьме, за исключением тех, которые представляли за себя достаточное обеспечение, что будут сами являться на правез в назначенный час. Маржерет говорит, что он видал много наказанных, которых везли с правеза домой на телегах; по его же словам, всадники царской службы были изъяты от этого наказания, имея право выставить за себя на правез одного из своих людей. После годичного стояния на правези¹⁶⁵, если обвиненный не хотел или не мог удовлетворить истца, последнему дозволялось брать его с семьей к себе в рабство или продать на известное число лет, смотря по величине долга¹⁶⁶. По показанию Олеария, годовая работа мальчика, отданного кре-

---

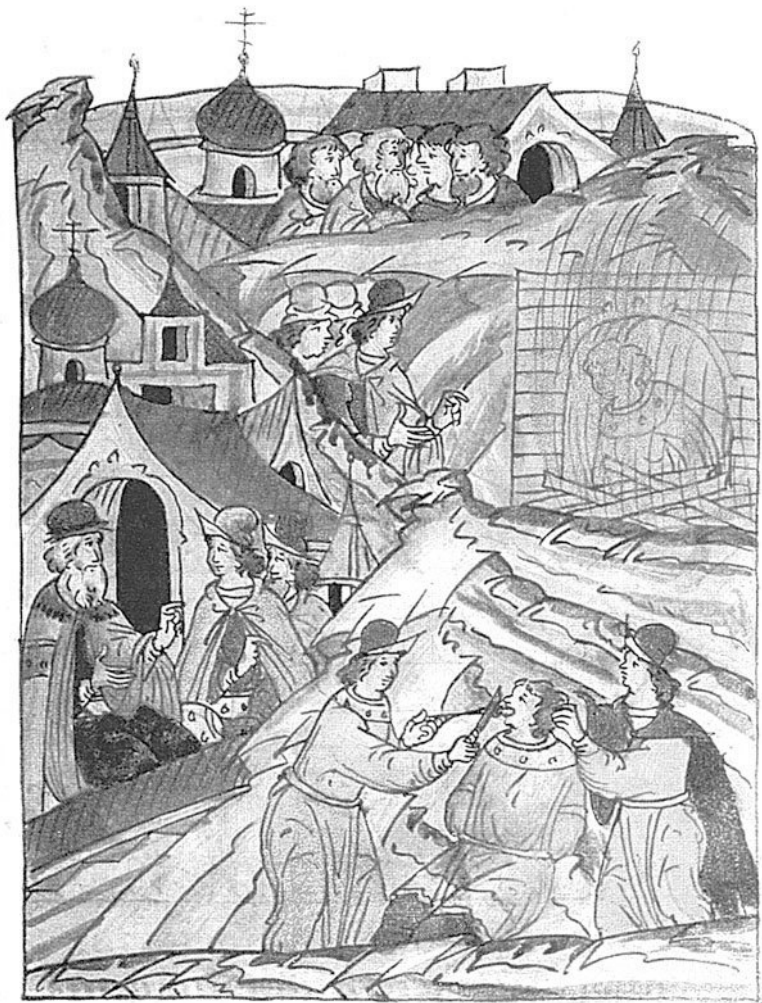
¹⁶⁵ В 1555 г. определено было стоять на правез во 100 рубл. месяц, «а будет иск больше или меньше, то стоять по тому же расчету». Дозволялось переводить правез еще на один месяц, но не больше.

¹⁶⁶ Это называлось «выдать истцу головой до искупа».

дитору за долг отца, ставилась в 5 рублей, а девушки в 4 рубля; на стоимость работы взрослых нет указаний¹⁶⁷.

---

¹⁶⁷ *Маржерет*, 38. – *Маскевич*, 55. – *Olearius*, 160. *65*.

Отрезание языка. Миниатюра из Лицевого Летописного свода, XVI в.

Относительно уголовного судопроизводства мы видели, что, кроме 4-х пограничных городов, наместники прочих областей не имели в XVI в. права окончательного решения в делах уголовных; решение по таким делам принадлежало высшему суду в Москве. Обвиняемый в уголовном преступлении задерживался, допрашивался и заключался в тюрьму правителем области, где совершено преступление. Наместник посылал дело о нем, уже обследованное и правильно изложенное, в Москву к управляющему своей четверти, а последний передавал его в думу, которая на основании того, как изложено дело наместником и его дьяком, произносила окончательный приговор, не делая нового допроса обвиненному¹⁶⁸. Допрос состоял в пытке: обвиняемого били кнутом из белой воловьей кожи шириною в палец, так что каждый удар производил рану, или привязывали к вертелу и жарили на огне, иногда ломали или вывертывали какой-нибудь член раскаленными щипцами, разрезывали тело на пальцах под ногтями. Самым ужасным родом пытки была дыба. Подсудимого со связанными назад руками вздергивали на воздух и оставляли висеть в таком положении, привязав к ногам толстый брус, на который вскакивал по временам заплечный мастер, чтобы тем скорее заставить члены подсудимого

¹⁶⁸ Ср. «Областные Учреждения» Б. Чичерина, стр. 45.

выйти из суставов; между тем под ногами подсудимого горел огонь для усиления страданий. Иногда на голове у подсудимого выбривали макушку и в то время, как он висел, лили на нее сверху холодную воду по каплям; редкий преступник выдерживал это последнее испытание, добавляет Олеарий.

Управляющий четью пересылал приговор думы в ту область, где находился преступник, для исполнения. Если по этому приговору преступник присуждался к смерти, его вывозили на место казни с зажженной восковой свечой, которую он держал в связанных руках. Виды смертной казни были: повешение, обезглавливание, умерщвление ударом в голову, утопление, погружение зимою под лед, сажание на кол и нек. друг. По свидетельству Герберштейна, всего чаще употреблялось повешение; другие, более жестокие казни употреблялись редко, разве за какие-нибудь необыкновенные преступления. За воровство и даже убийство (кроме убийства с целью грабежа) редко подвергали смертной казни¹⁶⁹. Герберштейн и Флетчер говорят, что летом Москвитяне, занятые войной, редко казнили преступников, но большею частью отлагали исполнение смертных приговоров до зимы, когда преступников вешали или убивали ударом в голову и пускали под лед. Святотатцев, по свидетельству Петрея, сажали на кол, и когда преступник умирал,

---

¹⁶⁹ Ад. Климент добавляет: Qui secundo (furto) delinquit, illi nasum praecidunt ac stigmatis frontem signant. Tertia noxa crucem meretur. Multi et insignes sunt crumeniscae: quod si principis severitas illos non tolleret, non esset resistere illorum proventui. «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 152.

тело его снимали, выносили за городские ворота и здесь, предав сожжению, засыпали пепел землей¹⁷⁰.

---

¹⁷⁰ *Petrejus*, 319: Etliche, so gespiesset werden, leben bisweilen ein halben oder ganzen Tag, jabisweilen zweene, wenn der Buttell mit dem Staken ult nit das Hertze trifft.

Наказание на дыбе. Гравюра, XVIII в.

Казнь подвешиванием за ребро и закапыванием в землю. Гравюра, XVIII в.

Вообще иностранцы заметили, что к смертной казни в Москве прибегали редко; Олеарий замечает, что за воровство совсем никогда не казнят смертью в Московском государстве; гораздо охотнее употребляли батоги и кнут¹⁷¹. Иностранцы с ужасом говорят о жестокости этих наказаний и о равнодушии, с каким относились к ним Москвитяне. Батоги были самым обыкновенным и употребительным наказанием, которому одинаково подвергались и простые, и сановные люди за важные и неважные нарушения закона. По замечанию Таннера, в Москве редкий день проходил без того, чтобы кого-нибудь не били на площади батогами¹⁷². Часто употреблялся и кнут, который иностранцы описывают как самое жестокое и варварское наказание. Обыкновенно ему подвергались за воровство. Вора, попавшегося в первый раз, во время Олеария били кнутом, ведя его от ворот Кремля до большого рынка, где резали ему одно ухо и запирали на два года в тюрьму. За вторичное воровство повторя-

---

¹⁷¹ Маскевич рассказывает, что в 1610 г., когда Москва занята была Поляками, один из них увел дочь у боярина. Наряженный польский суд приговорил похитителя, по польским законам, к смерти. Но один из судей предложил судить преступника московским судом, на что охотно согласились и Поляки, и Москвитяне: виновного высекли кнутом на улице. «Сказания современников о Димитрии Самозванце», ч. 5-я, стр. 55.

¹⁷² Батоги имели широкое приложение в частной сфере и не всегда считались позорным наказанием. *Olearius*, 231: Il n'y a point de pere de famille qui ne les fasse donner a ses enfans et a ses serviteurs. О порядке, в каком производилось это наказание, см. у *Олеария* дальше. Ср. *P. a Vuchau*, p. 231. с.

ли то же наказание и держали в тюрьме до тех пор, пока набиралось достаточное число таких преступников, после чего их ссылали в Сибирь, где они должны заниматься звериной охотой в пользу казны. Олеарий видел в 1634 году в Москве, как наказывали кнутом 9 преступников, воровски продававших табак и водку; между ними была одна женщина¹⁷³. Кнут был из воловьей жилы и имел на конце три хвоста, острые как бритва, из невыделанной лосиной кожи. Преступникам дали по 25 ударов, преступнице 16. Надо быть москвитянином, замечает Штраус, чтобы выдержать четвертую долю такого наказания и остаться живым.

При наказании присутствовал подьячий с бумагой в руках, где означено было число ударов для каждого преступника; всякий раз, как заплечный мастер отсчитывал предписанное число ударов, подьячий кричал: «полно». После того преступников связали попарно, продававшим табак повесили на шею по рожку с табаком, а продавцам водки по склянке с этим напитком и в таком виде повели всех по городу, хотя некоторые не могли уже стоять на ногах; при этом их продолжали бить кнутом. Прошедши с полмили, их повели опять на место наказания и тут отпустили. Часто наказание кнутом оканчивалось смертью наказанного. За употреб-

---

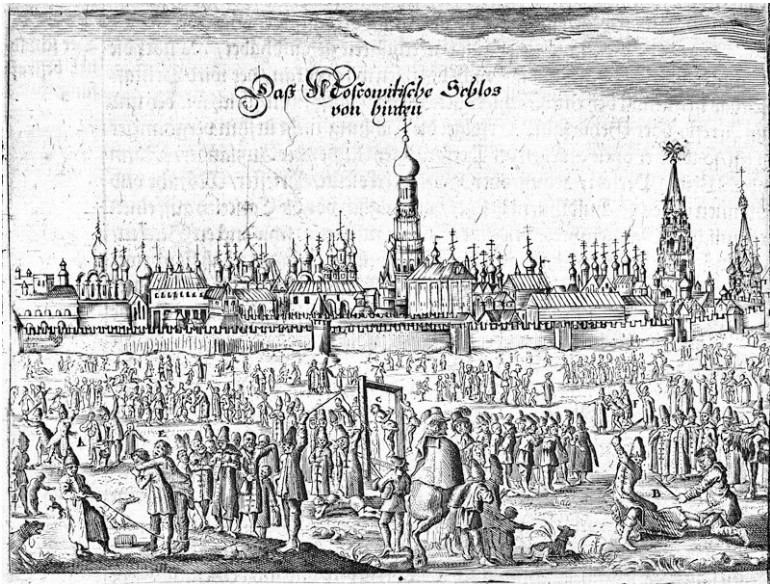
¹⁷³ Olearius, 282: Ils (преступники) se mettoient l'un apres l'autre sur dos du valet du bourreau, ayans le corps nud jusqu'aux hanches et les pieds attachez ensemble d'une corde, laquelle passoit entre les jambes de ce valet, qui les tenoit par les bras qu'ils avoient a son col, pendant qu'un autre valet tenoit la corde, en sorte qu'ils ne pouvoient pas se remuer.

ление табака во время Олеария рвали ноздри. Таннер описывает виденное им в Москве и сильно поразившее его наказание женщины за убийство мужа. Завязав преступнице руки назад, ее (*denudatam*) закопали по пояс в землю; в таком положении она должна была пробыть трое суток, не подвергаясь далее никакому наказанию¹⁷⁴. На ее беду напали на нее голодные собаки, во множестве бродившие по городу, и после отчаянного сопротивления несчастной, защищавшейся зубами, растерзали ее, выкопали из земли и разнесли по кускам. Все это происходило перед глазами многих зрителей, которые не смели подать помощь преступнице¹⁷⁵.

---

¹⁷⁴ По Уложению, она должна была оставаться в земле, пока умрет.

¹⁷⁵ Olearius, 231 и 232. – Tanner, 81. – Korb, 203.

Кремль и наказания. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...», XVII в.

Иностранцы XVII века, описывая московское судопроизводство, умалчивают об одном судебном доказательстве, именно *о поле*¹⁷⁶; у иностранцев XVI в. находим об этом несколько любопытных известий. Когда дело не уяснялось допросом, и обе стороны представляли равносильные до-

---

¹⁷⁶ У одного Петрея находим известия о поле, но они не представляют ничего нового в сравнении с известиями писателей XVI в. и даже, может быть, заимствованы у последних. Petrejus, 319.

казательства, ответчик или истец говорил: «Поручаю себя правде Божией и прошу поля». Тяжущиеся могли выходить на поединок со всяким оружием, кроме пищали и лука. Бились пешие; бой открывался копьем, потом принимались за другое оружие. Иностранцы, выходя на поединки с русскими, почти всегда побеждали последних, превосходя их ловкостью и умением действовать оружием. Оба противника имели по несколько друзей и доброжелателей, которые, стоя у поля, смотрели за боем, но без оружия, кроме разве кольев, обожженных с одного конца. Если друзья одного из бьющихся замечали, что его противник бьется не как следует, а с обманом, тотчас прибегали к своему на помощь; за ними вмешивались в дело сторонники другого поединщика, – и с обеих сторон начиналась драка, приятно занимавшая зрителей, по замечанию Герберштейна: обе стороны дрались чем и как ни попало, за волосы, кулаками, колыями и проч.¹⁷⁷. Досудившиеся до поля могли вместо себя выставить драться наемных бойцов; Ченслер говорит даже, что тяжущиеся редко бились сами, а выставляли обыкновенно наемных бойцов¹⁷⁸. В Москве было много таких бойцов,

---

¹⁷⁷ Если действительно так происходили судебные поединки при Герберштейне, то во второй половине XVI в. поле должно было принять несколько лучший вид: по царскому Судебнику у поля могли стоять только стряпчие и поручники бьющихся, и то без всякого оружия; сторонних людей велено было отсылать, а кто не послушается, не пойдет, сажать в тюрьму.

¹⁷⁸ *Hakluyt*, I, 268: Seldome the parties themselues do fight, except they be Gentlemen, for they stand much upon their reputation, for they wil not fight, but with

которые тем только и промышляли, что по найму выходили драться за других на судебных поединках¹⁷⁹. Тот, чей боец оставался побежденным, тотчас объявлялся виноватым и сажался в тюрьму¹⁸⁰.

Такие известия находим мы у иностранцев о порядке московского судопроизводства в XVI в. Из юридических понятий и обычаев они указывают, между прочим, на то, что по взгляду Москвитян только государь со своею думой мог произносить смертные приговоры над свободными и несвободными людьми; из наместников не многие пользовались этим правом. Никто из подданных не смел подвергать другого пытке. Михалон отдает преимущество московскому суду пред литовским в том отношении, что «право суда у Москвитян над всеми подданными *баронов* и дворян, как в гражданских так и в уголовных делах, принадлежит не частному лицу, а назначенному для этого общественному чиновнику»¹⁸¹. Не все классы общества имели одинаковое значение перед законом, по крайней мере в его прило-

---

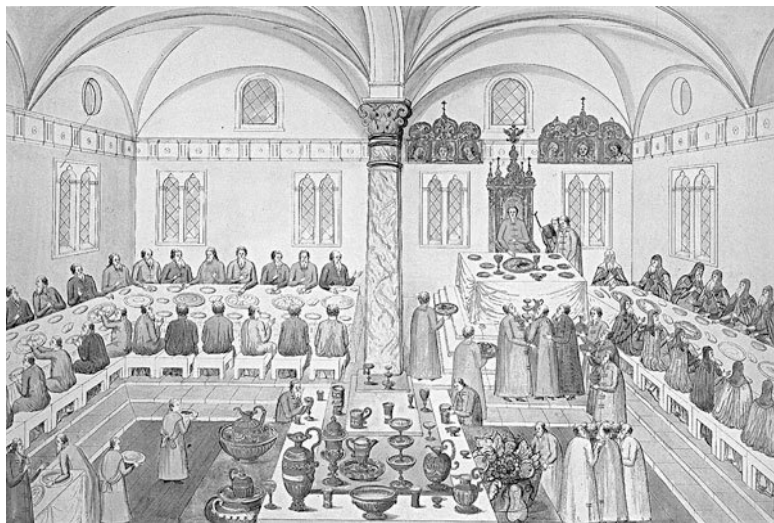
such as are come of as good house as them selues. So that if either partie require the combate, it is granted into them, and no champion is to serve in their roome; wherein is no deceit: but otherwise by champions there is.

¹⁷⁹ *Clemens* в «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», p. 151: *habent pugiles publicos, quibus solo hoc quaestu victus constat.*

¹⁸⁰ *Иовий*, 48. – *Herberstein*, 88–40. – *Флетчер*, гл. 14-я.

¹⁸¹ *Михалон*, 37. Села и деревни жаловались служилым людям иногда с правом суда, кроме душегубства и разбоя с поличным, но в XVI в. это не было общим правилом, как говорит Ченслер. *Hakluyt*, I, 267.

жении: показание одного знатного, по словам Герберштейна, имело больше силы, нежели показание многих простолюдинов. Если, говорит Флетчер, дворянин обокрадет или убьет бедного мужика, то иногда вовсе и не призывается к ответу; много-много если за мужика его высекут. Иностранцы говорят о «врожденной» склонности Москвитян к сутяжничеству и ябедничеству, но с особенною горечью отзываются они о продажности самого суда. Судьи, по свидетельству Герберштейна, открыто брали взятки, несмотря на строгость государя к неправде. При этом Герберштейн передает слышанный им рассказ, резко характеризующий положение дел в тогдашнем московском обществе: один судья из бояр был уличен в том, что с обоих тяжущихся взял посулы и решил дело в пользу того, который дал больше. Перед государем он не запирался во взятке, оправдываясь тем, что тот, в чью пользу он решил дело, человек богатый и почтенный, а потому больше заслуживает доверия перед судом, нежели бедный и незначительный его противник.

Пир в Грановитой палате Московского Кремля. Миниатюра, XVII в.

Государь, смеясь, отпустил его без наказания, хотя и отменил его решение. Может быть, замечает на это Герберштейн, причиной такого корыстолюбия и недобросовестности служит бедность самих судей, которая заставляет государя смотреть сквозь пальцы на их поступки¹⁸². Флетчер, сказав, что единственный закон в Московии есть закон изуственный, т. е. воля царя, судей и других должностных лиц, оканчивает свой обзор московского судопроизводства следую-

¹⁸² *Herberstein*, 40.

щими мрачными словами: «Все это показывает жалкое состояние несчастного народа, который должен признавать источником своих законов и блюстителями правосудия тех, против несправедливости которых ему необходимо было бы иметь значительное количество хороших и строгих законов». Мы знаем, как правительство в XVI в. хлопотало о составлении таких хороших и строгих законов; знаем, что одно из главных отличий царского Судебника от великокняжеского в том именно и состоит, что первый, вооружаясь против несправедливости судей, не ограничивается строгим и грозным запрещением судьям дружить, мстить и брать посулы, но присоединяет к этому угрозу строго и подробно определенных наказаний за ослушание. Хороши или нехороши были эти законы, – нельзя отвергать, что они были строги. Следовательно, главное дело было не в каких-либо законах, а в исконных привычках и условиях жизни, создавших эти привычки. Если еще в XII в. с сомнением спрашивали, какая судьба ожидает тиуна на том свете, потому что тиун несправедливо судит, взятки берет, людей мучит; если еще Даниил Заточник советовал не ставить двора близ князя двора, потому что тиун его как огонь, а рядовичи его как искры, – то еще с большею силой можно было повторить и этот вопрос, и этот ответ в XVI в. и даже гораздо позже, потому что и в XVI веке, и долго после продолжались явления, вызвавшие этот вопрос и ответ, а явления продолжались, потому что продолжали действовать причины, их производившие.

**Соборное уложение 1649 г. в серебряном ковчеге.
1770-е гг.**

Что касается вообще до характера управления в Московском государстве, то мы находим у иностранцев XVI в. различные отзывы об этом предмете. Иовий из рассказов московского посла заключил, что по всем частям государственного управления находятся там прекрасные учреждения. Михалон хвалит московский порядок замещения должностей, говоря, что государь московский соблюдает равенство между своими чиновниками, не дает одному много должностей; начальники лучше обращаются с подчиненными, зная, что осужденному за взятки придется разведаться на поединке с обиженным, хотя бы последний принадлежал к низшему сословию; от этого не так часто слышатся во дворце жалобы на притеснения.¹⁸³ Но совсем другого рода отзывы находим у тех иностранцев, которые сами были в Москве и внимательно всматривались в московские порядки. Правление в Московском государстве казалось им слишком тираническим для христианского государства. По отзыву Флетчера, московская система областного управления была бы не дурна для такого обширного государства, по своему удобству для предупреждения нововведений, если бы ее не портила недобросовестность правительственных лиц. Областные правители чужды народу по своим

---

¹⁸³ *Иовий*, 55. – *Михалон*, 57. Московское правительство при Иоанне IV жаловалось, между прочим, на то, что «как съедут наместники и волостели с кормлений, и мужики многими исками отыскивают и много в том кровопролития и осквернения сделалось». *Соловьев*. История России. VII, 14.

интересам и не пользуются ни его доверием, ни любовью. Являясь ежегодно в области свежими и голодными, они мучат и обируют народ без всякой совести, стараясь собрать в свое управление столько, чтобы по окончании срока, отдавая отчет, можно было, не обижая себя, поделиться с управляющим чети, который в надежде на это смотрел сквозь пальцы на действия наместника. За это народ ненавидит наместников, видя, что они поставлены над ним не столько для того, чтобы оказывать ему правосудие, сколько затем, чтобы угнетать его и снимать с него шерсть не один раз в год, как владелец со своей овцы, а стричь и обрывать его в продолжение всего года. Далее иностранцы указывают на недостаток единопущия и общности интересов не только между управителями и управляемыми, но и вообще между служилыми людьми и простым народом. Флетчер в раздумье останавливается на разных элементах Московского государства и ищет, нет ли где таких общественных сил, которые могли бы излечить эти язвы государства, но нигде не находит таких целебных сил, ни в дворянстве, ни в дьяках, ни в войске, ни в простом народе. Дворянство бессильно перед государем, бедно; областные правители также не могут достигнуть значительного влияния, потому что назначаются на короткое время и чужды, даже ненавистны народу; управляющие четями – дьяки, которые хотя и пользуются наибольшим влиянием на дела, но всем обязаны царю и служат ему одному; войско безусловно предано царю и настоящему по-

рядку, потому что этот порядок выгоден ему, доставляя возможность обижать и грабить простой народ. Эти части общества всею своею тяжестью лежат на простом народе; один он несет на себе все бремя и не имеет средств облегчить его¹⁸⁴. В заключение английский наблюдатель дивится, как московские цари, прочно утвердившись на престоле, могут довольствоваться прежним неудовлетворительным порядком вещей в своем государстве.

С. Иванов. В Приказе московских времен

¹⁸⁴ Флетчер, гл. 10-я.

Мы знаем, что в России и вверху, и внизу не менее Флетчера и всякого постороннего наблюдателя чувствовали неудовлетворительность и темные стороны управления. Правительство XVI в. придумывало и пробовало разные меры для улучшения управления; по его распоряжениям подле наместников и волостелей стали появляться выборные, излюбленные старосты с важным значением, чтобы «судили они беспосульно и безволокидно». И правительство, и общество объясняли эту меру как противодействие злоупотреблениям наместников и волостелей с их тиунами. Со второй половины XVI в. все более и более усиливаются жалобы земских людей на наместников и волостелей, которые «многие города и волости пусты учинили», – и правительство отменяет наместников и волостелей, объявляет учреждение излюбленных старост общею мерою; всякий город, всякая волость могла, если хотела, избавиться от наместников и волостелей, получив только «откупную» грамоту. Точно так же частное распоряжение великого князя Василия Иоанновича о введении в суд наместничий и волостелин лучших людей и целовальников утверждено в Судебнике сына его как общий закон. Во всех этих мерах выразилось стремление удовлетворить усилившимся требованиям общественного порядка, поставить на место прежней системы кормлений, основанной на частном праве, другую систему управления, основанную на государственных началах. С этою целью на-

чали стеснять власть наместников и волостелей, как несовместную с возникавшим государственным порядком: сперва старались положить пределы произволу этих кормленщиков определением и ограничением их прав на подведомственных им жителей, потом стали отнимать у них многие права и передавать другим органам управления, выборным дьякам, городovým приказчикам. Наконец сделан был решительный шаг: наместники и волостели, представители системы кормления, заменены были воеводами, которые стали появляться во второй половине XVI в. в виде частной меры, но в царствование Михаила Федоровича сделались общим учреждением. По основной мысли этого учреждения воевода был настоящий правитель области, представитель государственного порядка, а не кормленщик, ведал дела не на себя, как последний, а на царя¹⁸⁵. Таким образом государственное начало делало несомненные успехи; отражались ли эти успехи заметными улучшениями в практической сфере, в отношениях органов управления к управляемым? Может быть, какой-нибудь ответ на это дадут иностранные известия XVII в., тем более что они описывают не столько устройство управления, сколько самое его действие.

В XVII в. система приказов еще более усложнилась, и потому еще труднее стало распределить их по роду дел на известные, точно разграниченные ведомства. Олеарий указывает на 6 главных отделений или ведомств, которые соб-

---

¹⁸⁵ См. «Областные учреждения» г. Чичерина, стр. 39–54.

ственно составляли круг деятельности государева совета или думы; это были: дела иностранные, дела военные, доходы с отчины государя, отчеты от разных приказчиков и управителей, ведавших кабацкое дело, апелляции и решения по гражданским делам и, наконец, решения по делам уголовным. Каждому из этих ведомств соответствовали один или несколько приказов¹⁸⁶. Самыми главными из этих приказов Рейтенфельс называет: Посольский, Разрядный, Поместный, Сибирский и Приказ Казанского Дворца. Приказами управляли («сидели» в приказах) бояре и другие думные люди, смотря по важности приказа; только в двух наиболее важных приказах, Посольском и Разрядном, управление которыми требовало особенных знаний, сидели не бояре, а думные дьяки, как люди более сведущие и опытные в приказном деле, хотя в чиновной иерархии они стояли ниже даже думных дворян. Письменную частью заведовали в качестве секретарей простые дьяки, которых было по одному или более в каждом приказе; под начальством их находились писаря и подьячие. Все делопроизводство в приказах было письменное. Коллинс насмешливо замечает, что там производилось столько бумаги, что ею можно было бы покрыть всю по-

---

¹⁸⁶ Наиболее полный список приказов первой половины XVII в. сообщает *Олеарий*, насчитывая их 32. Определение ведомства каждого приказа у него неполно и часто неточно. За вторую половину века у иностранцев не находим такого списка. *Рейтенфельс* списывает имена и определения приказов у *Олеария*, не упоминая о новых приказах, явившихся после *Олеария*. *Мейерберг* насчитывает 33 главных приказа. *Olearius*, 224–229. – *Mayerberg*, II, 108. Ср. *Котошихин*, гл. VII.

верхность Московского государства. Дьяки и подьячие были завалены работой, которую иногда не успевали окончить днем и должны были заниматься по ночам. Но управляющие приказами, если верить Маскевичу, заседали только до обедни, при первом ударе колокола уходили из приказов, зато строго взыскивали с подчиненных за упущения. Корб рассказывает, что один дьяк, проработав целый день в своем приказе, наконец решился уйти домой отдохнуть; за ним последовали подьячие и писцы. Но, вероятно, дело было спешное, и на другой день думный дьяк, управлявший приказом, решил наказать подчиненного дьяка за самовольный уход батогами, а подьячих и писарей привязать к скамьям, чтоб заставить их работать всю следующую ночь. Писали в приказах обыкновенно на бумажных свитках, аршин в 25 или 30 длиной, делая их из нескольких узких листов, склеенных вместе; во время письма приказный держал такой свиток не на столе, а на коленях, что очень удивляло иностранцев. Приказным запрещено было брать посулу под страхом наказания кнутом, но они мало смотрели на это. Олеарий рассказывает об уловке, посредством которой приказные выманивали подарки у иностранных послов, приезжавших в Москву: они вызывались достать послу за известную сумму копию какого-нибудь секретного акта или распоряжения правительства, касавшегося этого посла; но так как приказным запрещалось брать из приказов бумаги на дом, то они составляли ложную бумагу и выдавали ее послу за копию с подлинного

акта¹⁸⁷.

---

¹⁸⁷ *Маскевич, 56. – Olearius, 224. – Korb, 52.*

К. Лебедев. Подьячий

В областях были особые земские и съезжие избы, устроенные по образцу центральных приказов; делами заправляли в них такие же чиновные люди, дьяки и подьячие, какие сидели в столичных приказах. Областями управляли в XVII в. воеводы. Главным правительственным местом, из которого посылались и в котором ведались воеводы, был Разряд¹⁸⁸. Воеводы посылались с одним или несколькими товарищами, которыми большею частью были дьяки или подьячие. Воеводства в XVII в. давались обыкновенно на три года; редкий воевода правил одною областью дольше трех лет. Олеарий считает такую краткость срока очень благоразумною мерой, которую он объясняет чисто государственными соображениями, именно намерением ограничить злоупотребление воевод, не дать им возможности усилиться, предупредить вредные замыслы и т. п. С тою же целью, по истечении срока, брали с воеводы отчет в управлении, принимали жалобы на него от областных жителей.

Посмотрим, насколько все эти меры уменьшали злоупотребления воеводского управления. Прежде всего встречаем известие, что управители приказов, из которых посылались воеводы, пользовались этим как выгодною статьей до-

---

¹⁸⁸ *Маржерет* говорит об одном Разряде; но были и другие приказы, из которых посылались воеводы. Воеводы назначались царским указом, выдававшимся из того приказа, в ведомстве которого состоял город, куда посылался воевода. См. «Областные учреждения» г. *Чичерина*, стр. 83.

хода и торговали воеводствами¹⁸⁹. Приехав в область, воевода старался прежде всего с лихвой вознаградить себя за издержки, которых стоила ему покупка воеводства, и брал широкой рукой, зная, что начальник приказа, от которого он зависел, не даст хода жалобам обиженных. Был особенный, благовидно прикрытый обычаем страны способ, к которому обыкновенно прибегали воеводы для вымогания подарков у областных жителей. Каждый год воевода делал пиры, на которые приглашал наиболее зажиточных служилых и торговых людей своей области; последние хорошо понимали цель этих пиров и для избежания неприятностей в будущем старались щедро отблагодарить воеводу за честь, которую он им делал. Сытному кормлению, которым пользовались воеводы, подобно прежним наместникам, соответствовал и их наружный вид и обстановка, которой они окружали себя. Иностранцы посмеивались над боярской дородностью, которою отличались областные правители¹⁹⁰. Олеарий, описывая прием, который сделал ему в 1636 г. нижегородский воевода, дивится великолепию и важности, которыми последний окружал себя дома. У ворот посетителей встретили два дворянина, которые провели их длинными сенями в переднюю ком-

---

¹⁸⁹ В Разряде и Казанском Дворце, по словам Татищева, были положены оклады, что за каждый город взять; кто платил их, тот получал воеводство. «Областные учреждения», стр. 85.

¹⁹⁰ О тотемском воеводе автор посольств *Карллия* замечает: il etoit un homme fait a la mode des boyares, grand, gros et gras, comme sont d'ordinaire tous les gouverneurs des provinces. P. 106.

нату; здесь ждали их два почтенных старца в богатой одежде, которые ввели гостей к воеводе. Последний был одет в парчовое платье и окружен множеством важных лиц. Комната была убрана турецкими коврами и украшалась большим поставцом, который весь уставлен был серебряною посудой¹⁹¹.

К. Лебедев. Два старика

¹⁹¹ Маржерет, 34 и 35. – Olearius, 152, 181, 277. – Mayerberg, I, 152 и 153.

Меры правительства оказывались бессильными против обычая. Наказания за лихоимство в суде, отличавшиеся особенно суровостью, не много имели успеха. Если судья брал подарки, его могли уличить собственные его слуги или подарившие, которые, обманувшись в надежде выиграть дело, нередко пользовались этим против судьи, чтоб возвратить свои подарки; даже посторонние люди могли доносить на взяточника. Уличенный в лихоимстве должен был возвратить взятые подарки и подвергнуться правежу, пока не выплачивал назначенной пени в 500, в 1000 или более рублей, смотря по сану. Незначительного дьяка, уличенного в лихоимстве, наказывали кнутом, привязав лихоимцу к шее взятую в подарок вещь, кошелек с деньгами, мех, даже соленую рыбу, потом отправляли наказанного в ссылку. Взятки однако ж не истреблялись; хитрецы придумывали способ обходить закон: челобитчик входил к судье и привешивал подарки к образам будто на свечи. Были в ходу и другие уловки. Олеарий говорит, что он знал в Москве сановников, которые сами не брали посулов, но не мешали принимать их своим женам¹⁹². Впрочем, и закон вынужден был делать некоторые уступки укоренившимся обычаям: в продолжение Святой недели судьям позволено было, вместе с красными

---

¹⁹² *Olearius*, 229. Ср. *Котошихин*, гл. VII, ст. 28: «Наказания не страшатся (судьи), от прелести очей своих и мысли содержать не могут и руки свои ко взятию скоро допускают, хотя не сами собою, однако по задней лестнице через жену или дочь, или через сына и брата, не ставят того себе во взятые посулы, будто про то и не ведают».

йцами, принимать в дар малоценные вещи и даже деньги от рубля до 12; но это не имело вида посула. Все судьи и чиновники должны были довольствоваться годовыми окладами и землями, назначенными от государя. Эти известия не позволяют считать преувеличенными отзывы иностранцев XVII в. о продажности суда в Московском государстве, о том, что судьи открыто торговали своими приговорами, что не было преступления, которое не могло бы при помощи денег ускользнуть от наказания; и такие отзывы простираются не на один суд и не на одни второстепенные или отдаленные от центра органы управления: иностранец, приехав в Москву, прежде всего узнавал, что здесь посредством подарков можно всего добиться, даже при дворе¹⁹³.

---

¹⁹³ *Olearius*, 229: Lors que nous arrivâmes a Moscou, l'on nous fit accroire qu'il n'y avait rien que l'on ne pust obtenir de la Cour par le moyens des presens.

Подача челобитной. Рисунок из альбома Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII в.»

Таким образом, черты, которыми описывали московское управление иностранцы XVI в., повторяются в описаниях и XVII в., с тою разницей, что последние больше говорят о строгости, с которой преследовались злоупотребления. В этих описаниях ясно видна борьба двух противоположных стремлений, господствовавших в московском управлении того времени: с одной стороны, правительство старалось ввести понятие о службе государству, как об общественной должности, с другой – старый обычай заставлял смотреть на нее только как на источник кормления. Само правительство, не вполне освободившись от влияния этих старых обычаев, делало иногда уступки в их пользу. Это видно и на важ-

ном нововведении, сделанном в чисто государственном духе, на утверждении воеводств: воеводы не получали корма, собирали судебные пошлины в казну, а не на себя; но служилый человек, просясь на воеводство, обыкновенно писал в челобитной: «Прошу отпустить покормиться», – и правительство принимало такие просьбы, не видя в этом противоречия с характером воеводского управления; а известия XVII века показывают, что приведенные слова не были одною только формой, удержавшейся, по преданию, от прежнего времени.

Но если органы управления, под влиянием старого обычая, не во всем точно отвечали новым стремлениям и началам, которые проводило государство, то по крайней мере взгляд общества на разные общественные явления делается несколько яснее и строже. Олеарий и здесь не изменяет своему правилу отмечать явления, которых не находили или не замечали предшествовавшие ему путешественники в Московию. Наказания батогами, кнутом и т. п. прежде не считались позорными; в обществе не чуждались людей, побывавших за преступления в руках заплечного мастера; наказание кнутом за неуголовные преступления считали даже царской милостью, и наказанные благодарили за него царя; кто попрекал их кнутом, тот сам подвергался за это такому же наказанию. Последнее продолжалось и в XVII в., но в обществе, как видно из слов Олеария, уже не так снисходительно смотрели на людей, побывавших под кнутом

или батогами. Подобная же перемена произошла, по словам Олеария, и во взгляде на исполнителей наказаний. Должность заплечного мастера была очень выгодна: кроме царского жалованья, он получал значительные доходы, тайно продавая водку содержащимся под его надзором арестантам и принимая от них посулы за обещание полегче наказывать. Эта должность считалась даже почетною; оттого значительные купцы охотно покупали ее и через несколько лет с выгодой перепродавали другим. Олеарий говорит, что в его время, когда Москвитяне начали ближе знакомиться с более мягкими нравами своих соседей, звание палача не пользовалось уже прежним почетом и находило себе гораздо меньше охотников¹⁹⁴.

---

¹⁹⁴ *Маржерет*, 37. – *Olearius*, 232. – *Korb*, 203.

VI. Доходы казны

Во всех сферах государственного управления последовали в описываемое время важные перемены, вызванные новыми условиями и потребностями, в которые более и более вовлекалось Московское государство. Все эти перемены, особенно в войске, усложняя государственные отправления, неизбежно требовали у государства больших средств, больших расходов. Мы знаем, как увеличились средства московского правительства с объединением северо-восточной России; при всем том мы видим, с какой заботливостью блюдет оно интерес казны, не говоря уже о том, что московские государи издавна отличались бережливостью и расчетливостью. Иоанн III приказывал брать назад шкуры баранов, отпускавшихся на содержание иностранных послов. Съезжал наместник или волостель со своего наместничества или волостельства, а на его место еще не являлся новый – правительство спешит приказать, чтобы в точности собраны были на государя все кормы, которые следовали наместнику или волостелю за этот промежуток времени. Понадобилось отменить наместников и волостелей за их недобросовестность и поставить на место их выборных старост, которым приказано не брать никаких пошлин и кормов за службу, но эти пошлины и кормы нельзя было оставить совсем, и вот тщательно высчитываются все расходы города или волости, шед-

шие на прежнего наместника или волостеля, и переводятся в оброчную сумму, которую излюбленные головы ежегодно должны были доставлять в Москву без недобору.

Из иностранных писателей XVI в. Флетчер первый перечисляет, хотя далеко не полно, доходы московского государя¹⁹⁵. В XVI в., как и в XV, управление Московского государства сохраняло еще черты прежнего княжеского вотчинного хозяйства, имело чисто финансовый характер; главной целью всех правительственных учреждений было собирание доходов. Высшими из этих учреждений, ведавшими разные статьи государевых доходов, во второй половине XVI в. были: Дворцовый Приказ, Четверти и Приказ Большого Прихода. Дворцовый Приказ, или Приказ Большого Дворца, получал доходы с городов и приписанных к ним сел и волостей, составлявших собственную отчину царя; эти доходы получались деньгами или натурой; иные крестьяне за пользование земель в царской отчине платили непосредственным трудом, обрабатывая в пользу царя известное количество земли. Доход натурой шел на содержание двора и на дачу для царской чести, или на царское *жалованье*, излишек продавался по выгоднейшей цене. Флетчер и Поссевино говорят, что в этом случае для скорейшего и выгоднейшего сбыта запрещалось купцам продавать такие же произведения до тех пор, пока не будет распродан царский товар. При Флетчере от продажи этого излишка царская казна вы-

---

¹⁹⁵ Флетчер, гл. 12-я.

ручала до 230 000 рублей в год¹⁹⁶, но во время Грозного, который жил роскошнее, не более 60 000. По показанию Маржерета, в Дворцовом Приказе обыкновенно хранилось от 120 000 до 150 000 рубл. наличными деньгами¹⁹⁷.

---

¹⁹⁶ По вычислению *Карамзина*, около 1 150 000 наших серебряных рублей. Т.Х, примеч. 406.

¹⁹⁷ *Маржерет*, 44.

***Н. Некрасов.* Новгородская торговля. Хромолито-
графия, XIX в**

Начальники *четвертей* собирали через областных правителей тягло и подать с остальных земель государства, распределенных между этими приказами. Псковская область ежегодно платила тяглом и податью около 18 000 рублей, область Новгорода Великого 35 000, Тверская с Торжком 8 000, Рязанская 30 000, Муромская 12 000, Казанская 18 000, Устюжская 30 000, Ростовская 50 000, Московская 40 000, Сибирская 20 000, Костромская 12 000. Весь годовой итог этой статьи простирался до 40 000 рублей. Взнос в казну совершался к 1-му сентября, т. е. к началу года. По показанию Маржерета, которое, впрочем, трудно принять буквально, тягло и подать были очень высоки, именно с выти или участка в 7 или 8 десятин казенные крестьяне платили 10–15, даже 20 рублей, смотря по качеству почвы¹⁹⁸.

Приказ Большого Прихода принимал все пошлины, налоги и другие сборы. Сумма торговых сборов с больших торговых городов определялась наперед и собиралась целовальниками или откупщиками. Столица платила ежегодно торговой пошлины 12 000, Смоленск 8 000, Псков 12 000, Новгород Великий 6 000, Старая Руса (от соляной промышленности) 18 000, Торжок 800, Тверь 700, Ярославль 1200, Кострома 1800, Нижний 7 000, Казань 11 000, Вологда 2 000. Пошлин-

---

¹⁹⁸ *Маржерет* не точно определяет выть. В выти считалось 12 четвертей посева, в десятине 2 четверти, следовательно, выть равнялась 6 десятинам. Он же говорит, что некоторые чети, как Казанская и Новая, пятая, ведавшая доходы от питейной продажи, сберегали 80 – 100 тыс. рубл. чистого дохода.

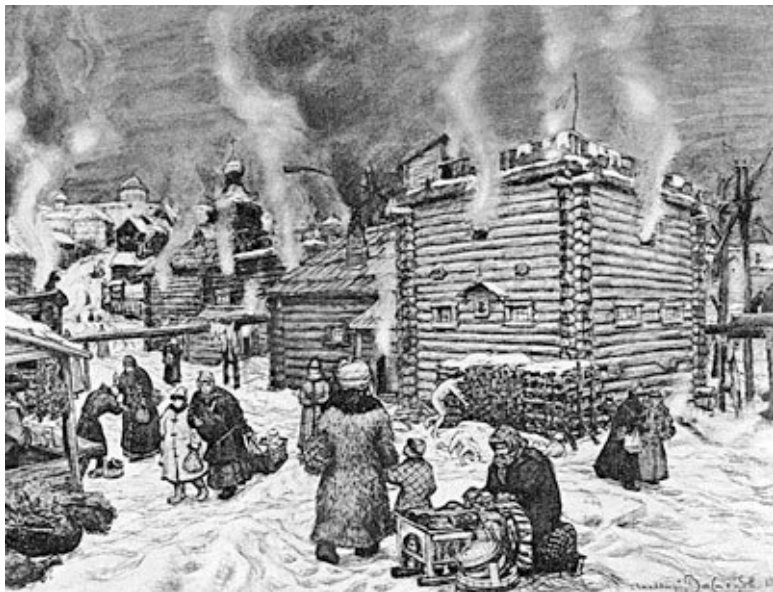

ный сбор с других городов был не всегда одинаков. В тот же приказ шел сбор с торговых бань и кабаков, составлявших монополию казны, также судные пошлины, простирившиеся ежегодно до 3 000 рубл.; сюда же поступала из Разбойного Приказа половина имущества всякого преступника, которая бралась в пользу царя, и остатки от доходов других приказов, как-то: Разрядного, Стрелецкого, Иноземского, Пушкарского, Поместного, Конюшенного, которые все имели свои особые доходы. Поместный, раздавая земли, взыскивал за каждую запись по 2, по 3 и по 4 рубля, смотря по величине отводимого участка, и собирал доходы с поместьев опальных, пока государь не отдавал их кому-нибудь другому¹⁹⁹. Конюшенный Приказ брал пошлины с продаваемых лошадей. Этому приказу доставлял большие доходы конский торг, производившийся в России ногайскими Татарами; за каждую проданную лошадь взималось с продавца и покупателя по 5 коп. на рубль. Как значительны были пошлины с этого торга, можно заключить из того, что Ногаи ежегодно пригоняли лошадей в Россию раза два или три, тысяч по 40 вдруг²⁰⁰. Сумма всего годового дохода, поступавшего в Приказ Большого прихода, по Флетчеру, простиралась до 800 000 рублей; при этом Флетчер ссылается на приходные книги приказа.

---

¹⁹⁹ Ежегодный доход этого приказа во время *Котошихина* простирался до 2 000 рубл. Гл. VII, ст. 8.

²⁰⁰ *Маржерет*, 46. Ср. *Котошихин*, гл. VI, ст. 6. Средняя цена ногайской лошади, по показанию *Маржерета*, была 20 руб.

А. Васнецов. Общественные бани на реке Неглинной в Москве, XVII век

Каждое из упомянутых трех учреждений передавало собранный им доход в главное казначейство, находившееся в ограде Кремля. Чистый годовой доход казны простирался до 1.430 000 рублей²⁰¹.

---

²⁰¹ Любопытно сравнить показание *Флетчера* с показанием *Котошихина* о сумме денежных доходов казны в половине XVII в.: «И всего денежных доходов, говорит он, на всякой год в царскую казну приходит во все приказы, со всего го-

По свидетельству Герберштейна, торговой пошлины взималось со всякого товара, привозного и вывозного, по цене с рубля по 7 денег, кроме воска, с которого брали по цене и весу по 4 деньги с пуда²⁰². Судной пошлины взималось по 20 денег с рубля, или по 10 % за всякое решение по гражданским делам; кроме того, со всякого имени, упоминаемого в выдававшихся судебными местами бумагах, брали, по словам Флетчера, в пользу царя по 5 алтын. Потом в месте, где хранилась меньшая печать, за бумагу платили столько же. Поссевино, Флетчер и Гваньини говорят о невыносимых податях и налогах, которыми обременены были горожане и поселяне. Мы не имеем основания видеть в этих словах преувеличения, зная, какие огромные, небывалые прежде военные силы должно было выставлять Московское государство в царствование Иоанна IV и на востоке, и на западе, каких огромных расходов требовали продолжительные войны этого времени. Каждая важная статья расхода на войско вела к установлению особого налога: так явились «пищальные деньги», «посошные деньги», «емчужные деньги» (на порох) и проч. С другой стороны, страшное напряжение и потрясение, которое в это время испытало государство от внутренних и внешних причин, должно было вредно подействовать на народное хозяйство и сделать еще более чувствительным

сударства, кроме того, что исходит в городех, з десять сот с триста с одиннатцать тысяч рублей, окром Сибирские казны». См. гл. VII, ст. 48.

²⁰² В конце XVI в. в Москве брали торговой пошлины по 8 денег с рубля и эта пошлина называлась малой. *Соловьев*. История России. Т. VII, стр. 382.

бремя, лежавшее на тяглом народонаселении.

ши . имже почивати . нзе
млюкопати сои мардсима .
имже каша себъ зелиа млина

препитаніе себѣ итако паше

Монастырские полевые работы, которые шли

на выплату податей. Миниатюра из «Жития Антония Сийского», XVII в.

Кроме денег, подать шла и натурой, напр. мехами из Сибири, Перми и Печоры; по словам Герберштейна, в Пермской области подать платили лошадьми и мехами. «В прошлом (1588?) году, говорит Флетчер, собрано в Сибири царской подати 446 сороков соболей, 5 сороков куниц и 180 чернобурых лисиц». Сверх этих постоянных доходов, по свидетельству того же иностранца, много собиралось от конфискации имущества опальных и от чрезвычайных поборов с должностных лиц, монастырей и проч. По показанию Поссевино, митрополит и архиепископы также платили иногда царю подать, или *пособие*, как они называли это.

Серебряная стопа. Подарок английского короля Карла I царю Михаилу Федоровичу, XVII в.

Иностранцы предполагали у московских государей огромные богатства; Поссевино объясняет это тем, что они собирали все серебро и золото, привозимое в государство из-за границы, и не позволяли вывозить его, кроме немногих случаев; даже у своих послов, ездивших за границу, они отбирали серебряные и золотые вещи, полученные послами в подарок от иностранных государей. То же говорит и Герберштейн. Золото, серебро и драгоценные камни считались при московском дворе преимущественно заслуживающими приобретения; Иоанн III постоянно наказывал своим послам искать и добывать их, где можно. Московские государи вообще отличались бережливостью. Михалон говорит, что московский государь отлично распоряжается домашним хозяйством; не пренебрегая ничем, так что продает даже мякину и солому; на пирах его подаются большие кубки, золотые и серебряные, называемые *соломенными*, т. е. сделанными на деньги, вырученные от продажи соломы. Иностранцы дивились множеству всякой утвари, дорогих и красивых одежд, находившихся в царских кладовых; многие из этих одежд предназначались только для выдачи напрокат, за известную плату, придворным вельможам, когда последние хотели получше нарядиться по случаю какого-нибудь торжества, приема иностранных послов, пира с друзьями, свадьбы

и т. п.; если при возвращении одежды она оказывалась хотя немного запятнанною, бравший ее вельможа должен был заплатить деньги по оценке и даже подвергнуться телесному наказанию, чтобы впредь этого не делать. Оттуда же брали одежды московские послы, отправляясь за границу. Сокровища государевы хранились в Москве, на казенном дворе, а в случае неприятельского вторжения увозились на Белое озеро или в Ярославль; по словам Поссевино, в последних двух городах государь постоянно стал хранить часть своих сокровищ после крымского разгрома 1571 года²⁰³.

---

²⁰³ *Herberstein*, 44, 62 и след., 11. – *Possevino*, 24 и 90. – *Михалон*, 57. – *Guagnini* в «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», р. 181. – *Флетчер*, гл. 12-я. – *Маржерет* бывал на казенном дворе и сообщает длинный перечень драгоценных вещей, которые он там видел. «Сказания современников о Димитрии Самозванце», ч. 3-я, стр. 47–49.

Серебряное блюдо. Посольский дар. XVII в.

В XVII в. некоторые статьи государственных доходов должны были получить большее развитие; возникли новые источники доходов; и то, и другое было необходимо вследствие расширения деятельности государства и увеличения его расходов. В XVII в. издержки на войско еще более увеличились в сравнении с прежним временем. Мейерберг называет его пропастью, которая поглощает почти все доходы

московской казны. Способ покрытия чрезвычайных военных издержек сохранил прежний, случайный характер: возникала нужда в деньгах – государство вводило новый налог. В мирное время, говорит Олеарий, налоги не обременительны, но в военное увеличивались в огромных размерах; так, на покрытие издержек второй польской войны, в царствование Михаила Феодоровича, взимали пятину, или пятую деньгу по всему государству; при Алексее Михайловиче брали в начале войны двадцатую, а потом десятую деньгу; наконец также стали брать пятую.

Из постоянных доходов казны иностранцы XVII в. в дополнение к известиям XVI в. указывают между прочим следующие статьи:

1) Торговые пошлины с Архангельска и Астрахани. По словам Олеария, в иные годы с одного Архангельска получалось торговой пошлины больше 300 000 рублей. Когда уничтожены были привилегии иностранных купцов, эти пошлины должны были еще увеличиться: Карлиль в речи, произнесенной пред царем, говорил, что с того времени английские купцы платили в казну пошлины ежегодно по 6 000 рублей. Торговые пошлины с Астрахани не были так значительны, как с Архангельска: по Олеарию, казна получала с нее больше 12 000 рублей ежегодно²⁰⁴.

---

²⁰⁴ Корбу, кажется, преувеличил количество пошлинного сбора с обоих этих городов; в его время, как сказывали ему, астраханский и архангельский порты доставляли казне до 10 миллионов имперялов или рублей. Стр. 184.

Варка пива. Миниатюра Лицевого Летописного свода, XVI в.

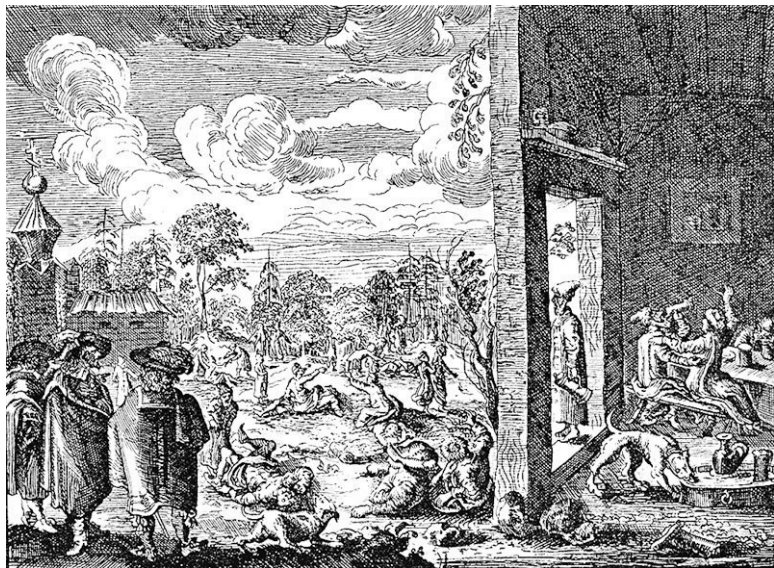
2) Доходы от питейной продажи. Иностранцы представляли себе эти доходы в огромных, даже невероятных размерах. Кабацкое дело в XVII в. едва ли не было самою выгодною монополией казны. Во время Олеария с трех кружечных дворов в Новгороде казна получала больше 6 000 ежегодного дохода²⁰⁵; если верить Коллинсу, были дворы, приносившие еще больше, по 10–20 тысяч рубл. ежегодно. Олеарий говорит, что в Московском государстве было больше 1 000 кружечных дворов, в которых продажа пива, меда и водки была исключительным правом казны; но это показание нельзя принять и за приблизительное. В каждом небольшом городке непременно было по одному кружечному двору, в некоторых по два, в больших по нескольку. Такие же дворы ставились и в селах, даже отдельно, на дорогах: Олеарий, плывя по Оке, видел несколько таких уединенных дворов. Потому Штраус имел некоторое основание сказать, что кабаков в Московии бесконечное множество. В последние годы XVII в. казна получала от питейной продажи больше 200 000 рублей ежегодно.

3) Доходы от продажи соболей и других мехов, поступавших в казну в виде подати и другими путями, преимуще-

---

²⁰⁵ Штраус несколько уменьшает эту сумму, говоря, что каждый из трех новгородских дворов приносил казне ежегодно по 10 000 ливров дохода.

ственно из Сибири («Сибирская казна»). Добывание мехов в Сибири в пользу казны производилось ссылными преступниками и солдатами, которые посылались туда полками обыкновенно на 7 лет. И те, и другие должны были добыть в каждую неделю известное урочное количество мехов²⁰⁶.

Попойка. Гравюра из книги А. Оллария «Описание путешествия в Московию...», XVII в.

---

²⁰⁶ *Котошихин*, гл. 7: «А сколько числом той (сибирской) казны придет в году, того // описати не в память, а чаять тое казны приходу в год болши шти сот тысяч рублев». Продажа самых добрых соболей, ценой свыше 20 рубл. пара, принадлежала одной казне.

4) Особенный доход получался от пошлины на икру, которой много шло за границу. При Корбе один голландский купец ежегодно платил в казну за право вывоза икры 80 000 рублей.

5) Доход от железных рудников, который по показанию Невиля, в конце XVII в. простирался до 50 000 рублей.

6) Казна сама была главным купцом в Московском государстве; кроме продажи произведений, поступавших в нее государственным порядком, она совершала и другие выгодные обороты, скупая и перепродавая внутренние и привозные товары. Коллинс говорит, что казна оптом скупала все товары, которые привозили Греки и Персияне, и перепродавала с большими барышами. Она посылала также в Архангельск огромное количество мехов, масла, пеньки, льна, обменивая их там на шелковые ткани, бархат, парчу, сукно и другие заграничные товары²⁰⁷. На московских рынках продавались мясо, орехи, яблоки и холсты, принадлежавшие казне; продававшие торговцы и торговки громко зазывали к себе покупателей, крича, что это царские товары. Одною из выгоднейших статей доходов казны были также монетные операции. За неимением своего серебра казна чеканила серебряную монету из привозного металла; преимущественно употреблялись на это немецкие и голландские рейхсталеры, называвшиеся в Москве ефимками. Казна принима-

---

²⁰⁷ Ср. *Котошихин*, гл. XII, ст. 1.

ла от иноземных купцов по 14 алтын, или 42 коп. ефимок, а московской монеты чеканила из него на 64 коп., т. е. получила от каждого ефимка по 22 коп. прибыли.

«Ефимок с признаком» (надчеканки 1655 года на брабантском талере 1637 года)

Иностранцы имели вообще преувеличенное понятие о богатстве московской казны, не зная в точности ее расходов. В XVII в. государственные доходы, конечно, увеличивались, но не в такой мере, как требовали того возрастающие потребности государства. Стоит только сравнить показание Флетчера о сумме денежных доходов казны с таким же показанием Котошихина и потом взять в расчет хоть только денежное жалованье войску в XVII в., чтобы видеть, что увеличение государственных доходов не шло в уровень с возрастанием государственных нужд. Это заставляло правительство прибегать к мерам, истинного смысла которых трудно было не понять. Такова, наприм., была в царствование Алексея Михайловича попытка правительства прибегнуть к кредиту для восполнения недостающих средств на покрытие военных издержек. Правительство стало выпускать в обращение медные деньги, давая им одинаковую ценность с серебряными²⁰⁸. Сначала операция пошла удачно; медные деньги ходили наравне с серебряными, и в продолжение 5 лет выпущено было, по показанию Мейерберга, до 200 000 рублей медной монеты. Но скоро обнаружилось подделки, производившиеся в обширных размерах, благодаря падкости на посулы царского тестя Ильи Даниловича Милославского и при-

---

²⁰⁸ *Мейерберг* так определяет прибыль, которую получала казна от этой операции: «Ayant depense cent soixante copies pour acheter du cuivre, il (царь) en fit a son profit cent rubles dans ses monnoies, de sorte qu' avec la meme depense dont il payait auparavant un soldat, il en payoit soixante». *Mayerberg*, II, 128.

казных людей²⁰⁹. При Мейерберге (в 1661 г.) в московских тюрьмах содержались до 400 делателей фальшивой монеты. Потом сама казна много повредила ходу медных денег, стараясь вытеснить из обращения и привлечь к себе серебряные деньги: подати и налоги собирались серебряною монетой, но жалованье ратным людям и все уплаты казны выдавалась медною²¹⁰. Медные деньги стали быстро падать; последовала страшная дороговизна; хлеб продавался в 14 раз дороже прежнего. Чернь начала волноваться, и правительство принуждено было отказаться от неудачной операции и изъять из обращения медную монету.

---

²⁰⁹ *Мейерберг* говорит, что Милославский даже сам участвовал в подделке монеты и выпустил ее на сумму 120 000 рубл. Ibid. p. 130.

²¹⁰ *Мейерберг* прямо указывает на это, как на одну из причин упадка медной монеты: «il (народ) remarqua qu'elle (двор) faisait peu d'etat de sa monnoie et il commensa de meme d'en faire peu d'estime». *Котошихин* также указывает на то, что «в государстве серебряными деньгами учала быть скудость».

Медная копейка «чешуйка», чеканившаяся при Алексее Михайловиче, XVII в.

Указание на сумму всех доходов казны деньгами мы имеем от конца предпоследнего десятилетия XVII в. Невиль говорит, что она не превышает 7 или 8 милл. ливров, т. е. была

почти та же, какую показывает Котошихин; следовательно, в 25 лет, протекших со времени бегства последнего из Московского государства, до конца правления Софьи, в государственных доходах не последовало значительного прираще-
ния. Но денежные доходы далеко не определяют государственных доходов того времени; казна по-прежнему получала многие сборы натурой; определить стоимость таких доходов затрудняется даже Котошихин, так близко стоявший к дворцовой администрации²¹¹.

---

²¹¹ *Olearius*, 221, 275 и 319. – *Mayerberg*, II, 119–121. – *Carlisle*, 62 и 257. – *Tanner*, 41. – *Struys*, 143. – *Neuville*, 9, 216 и 217. – *Korb*, 184–186.

Э. Лиснер. Медный бунт 1662 г.

Таковы известия иностранцев об устройстве и управлении Московского государства. В XV в. мы находим у них немногие беглые заметки: государство еще не установилось, не все стороны его определились и обозначились. Писатели XVI и XVII вв. наблюдали его больше, говорят о нем подробнее, но между теми и другими есть заметная разница. Писатели XVII в. меньше поражаются особенностями, которые представляло Московское государство западному европейцу; они как будто уже привыкли к ним, их суждения об этом государстве становятся все спокойнее и сдержаннее; они видят в нем не одни темные стороны, но охотно указывают и на многие светлые явления, какие удалось им заметить, не без удовольствия приветствуют первые начатки преобразований. Не то у писателей XVI в.; чем больше вглядываются они в порядки Московского государства, тем жестче и мрачнее становятся их отзывы. Герберштейн часто будто невольно прерывает свой ровный рассказ сдержанною, но повесной фразой порицания и неудовольствия. У Поссевино и Гваньини резкость отзывов доходит иногда до горечи и злости. Наконец, Флетчер при каждом удобном случае делает в своем описании отступления, полные горьких и энергических возгласов о деспотизме, произволе и недобросовестности, на которых, по его мнению, основан весь государственный порядок в Московском царстве; во всех мерах

и действиях московского правительства он видит одну цель – угнетение и разорение народа, к которому он прилагает всевозможные жалкие эпитеты. Это постепенное усиление резкости и порицания в отзывах иностранцев XVI в., наиболее знакомых с описываемой страной, недостаточно объяснять только тем, что, ближе всматриваясь в положение Московского государства, они яснее видели и темные стороны, или тем, что с развитием самого государства и темные стороны усиливались и выказывались яснее. Темных сторон, язв, которыми страдало государство, было много, и они понятны; понятны и те явления, которые так неприятно поражали иностранцев XVI в. при московском дворе в эпоху борьбы самодержавия с дружинными преданиями: в борьбе за жизнь не разбирают средств и мало думают о приличии манер. Понятно и неодобрение, которое вызывали эти темные стороны в людях с лучшими понятиями, привыкших к лучшим порядкам. Но эти люди видели в Московском государстве более, нежели только темные стороны, исторически образовавшиеся: Поссевино и Флетчер видят во всех сторонах государственного устройства Московии какую-то широкую, строго рассчитанную систему политического коварства, соединенного с произволом и насилием. Московские государи, конечно, не были похожи на прежних князей – вождей дружин, живших день за день, как Бог укажет; они рано привыкли заботливо думать о завтрашнем дне; но видеть в созданном ими государстве то, что видели иезуит или английский

доктор гражданского права, значит, видеть в нем слишком много. Нет сомнения, что дело было гораздо проще. Но, чтобы уяснить себе, как мог составиться такой взгляд, надобно иметь в виду те впечатления, которые образованный европеец прежде всего выносил из внимательного наблюдения над ходом дел в Московском государстве XVI в. Если бы он нашел страну в первобытной дикости, то отнесся бы к ней с любопытством, – и только. О степных татарах иностранцы не отзываюся с такой горечью, как о Московии, потому что с них нечего было и взыскивать, у них не замечалось и явлений, которые могли бы особенно сильно затронуть образованного европейца и вызвать в нем что-нибудь более простого любопытства. Татары прямо говорили, что их родина – степь, и дивились, как можно жить постоянно на одном и том же месте, в душных городских стенах.

Н. Неврев. Бытовая сцена XVII века

Но в Московском государстве XVI в. иностранцы заме-

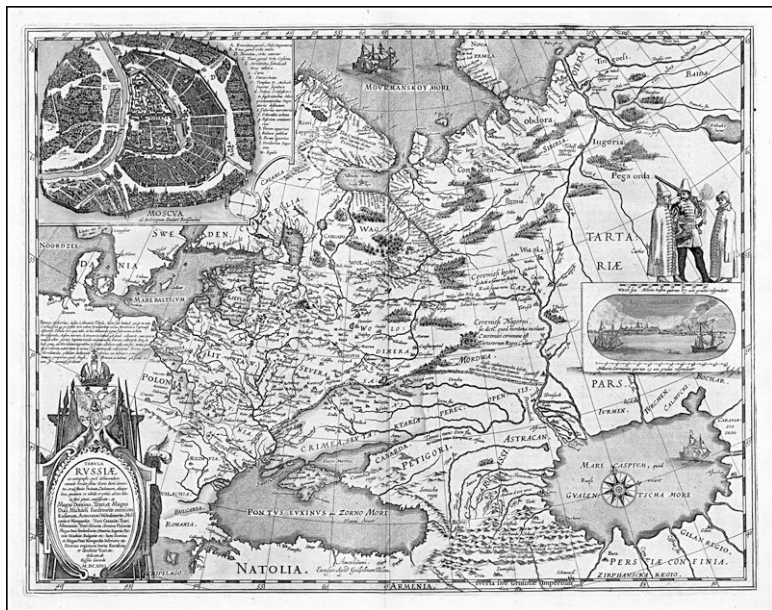
чали широкие претензии стать наравне с другими, даже выше многих других, замечали желание вписаться в число потомков Августа и пристать к семье христианско-европейских государств, при первом случае завязать с ними сношения, создать общие интересы, – и при этом встречали азиатскую подозрительность к пришельцам из христианской Европы, пренебрежение, с которым московский государь отзывался о западных государях, слышали, что этот государь моет руки после приема западноевропейских христианских послов. Одни явления не позволяли им отнести к Московскому государству, как к первобытной стране, а другие отнимали у них желание судить о нем снисходительно, как о государстве не окрепшем и не устроившемся окончательно, – и они, не задумываясь долго над историей, сочли себя вправе приложить к нему мерку своих государств, пред которой Московия, разумеется, оказалась далеко несостоятельной. Допустив одну неправильность, они допустили и другую: недостатки неразвитого, молодого государства объясняли причинами, которые действуют в государствах, изжившихся и дряхлеющих. Эта неправильная точка зрения не позволяла им видеть именно ту сторону государства, которая могла дать более простое и естественное объяснение многих явлений, так неприятно поражавших в нем наблюдательного европейца.

VII. Вид страны и ее климат

Перейдем теперь к изложению сообщаемых иностранцами известий о материальном состоянии страны и ее жителей, о качестве тех источников, из которых государство черпало средства для удовлетворения своих с каждым днем умножавшихся потребностей. Экономическая жизнь Московского государства занимает в известиях иностранцев гораздо меньше места сравнительно с другими его сторонами, но зато к известиям этого рода мы вправе относиться с большим доверием, нежели ко всяким другим известиям иностранца. Факты внешней материальной жизни доступнее точному наблюдению; обсуждение их оставляет меньше простора личным симпатиям и антипатиям, сильно сдерживает привычку мерить явления чужой жизни своими домашними понятиями. Московия, по описанию иностранцев, представляла вид совершенной равнины, покрытой обширными лесами и пересекаемой по всем направлениям большими реками, обильными рыбой; можно сказать, что вся Московия не что иное, как сплошной лес, за исключением тех местностей, где его выжгли для обращения в поле, годное к обработке. Поверхность этой равнины редко подымается значительными возвышениями; часто на обширном пространстве не встретишь ни одного значительного холма. Страна эта имеет огромное протяжение в длину и ширину. С юга и частью с востока она

окружена неизмеримыми пустынями, безлесными и скудными водою степями, а с запада и севера обширными дикими лесами или болотистыми местностями.

Карта России, составленная У. Блау, XVII в.

Благодаря этому, трудно проникнуть в нее или выйти из нее окольными путями, и каждый должен держаться больших дорог, чтобы не зайти в непроходимые лесистые или болотистые места. Крымские Татары недаром называли леса для Московского государства «великими крепостями». Леса

богаты пушными зверями, невероятно высокими соснами, превосходным дубом и кленом. Московия казалась западным европейцам другою частью света, по выражению Кампензе, не по одному отдаленному своему положению на границах Азии и Европы, не по одному своему дикому, пустынному виду, но и по многим особенностям своей природы, своего климата, отличавшегося резкими противоположностями в явлениях зимы и лета. Западные путешественники с удивлением рассказывают о чудесах, которые творит там мороз: от его суровости земля трескается, образуя широкие расселины, деревья раскалываются сверху до корня; часто лошади привозят сани с замерзшими седоками; хищные звери, гонимые голодом и стужей, выбегая из лесов и нападая на селения, врываются в дома жителей, которые от страха разбегаются и мерзнут подле своих жилищ. Зима сменяется совершенно другими явлениями. Большие реки, пересекающие Московию, поднимаясь от тающих весною снегов, во многих местах превращают поля в болота, а дороги покрывают стоячею водою и глубокою грязью, иногда непросяхающею до тех пор, пока реки опять не покроются льдом и болота не окрепнут от мороза настолько, чтобы по ним можно было безопасно ходить. Благодаря множеству лесов, рек и озер, обилию растений, страна бывает чрезвычайно приятна и прекрасна весной и в начале лета; но неумеренные летние жары, подобно зимним холодам, делают невыносимым путешествие по стране и сопровождаются печальны-

ми явлениями: под влиянием знойного солнца, от громадных лесов и бесчисленных стоячих вод зарождается такое множество комаров и других насекомых, что с трудом можно защититься от них. Реки и источники во многих местах высыхают, трава и хлеб выгорают на лугах и полях, от чего происходит страшная дороговизна жизненных припасов²¹². Такие жары сильно способствовали пожарам, и Герберштейн видел, как горели деревни, леса и поля, покрытые созревшим хлебом, весь округ наполнялся мраком и дымом, страшно разъедавшим глаза.

---

²¹² Герберштейн рассказывает, что в 1525 г. вследствие засухи хлеб так вздорожал, что меру, стоившую 3 деньги, продавали по 20 и по 30 денег (стр. 45).

И. Горюшкин-Сорокопудов. Солнце – на лето, зима – на мороз

В первой четверти XVI в. встречаем краткие указания на то, что глухие лесные пространства начали уступать усилиям оседлого населения, по крайней мере там, где можно предполагать большое развитие промышленной деятельности и большую степень населенности. Иовию рассказывали, что леса, наполняющие большую часть Московии, в некоторых местах уже расчищены и заселены, и теперь не представляют таких страшных и непроходимых дебрей, как прежде. Герберштейн также видел в Московской области множество пней больших деревьев и заключает из этого, что недавно страна была еще лесистее²¹³. Воздух вообще, особенно в центральных областях, хорош и здоров, так что там мало слышно о заразных болезнях, которые происходили бы собственно от климата. Оттого, когда в 1654 г. в Смоленске появилась моровая язва, все были изумлены, тем более, что никто не помнил ничего подобного²¹⁴.

---

²¹³ *G. de Lannoy*, 21. – *Барбаро*, 62. – *Контарини*, 102, 117. – *Кампензе*, 27–31. – *Иовий*, 23. – *Herberstein*, 45. – *Olearius*, 18, 121.

²¹⁴ По словам *Коллинса*, эта язва истребила в 1655 г. около 800 000 человек. *Петрей* замечает, что моровая язва чаще появлялась на границах Московского государства, нежели во внутренних областях. – *Коллинс*, 177. – *Petreyus*, 317.

А. Васнецов. Северный край

Иногда, впрочем, сильно свирепствует и здесь болезнь, похожая на язву, от которой страдают внутренности и голова; Москвитяне называют ее «огнива»; заболевающие этой болезнью скоро умирают, немногие выздоравливают²¹⁵.

Пни, виденные иностранцами, были остатками вырубленного или выжженного леса: так мирный труд постепенно завоевывал себе почву.

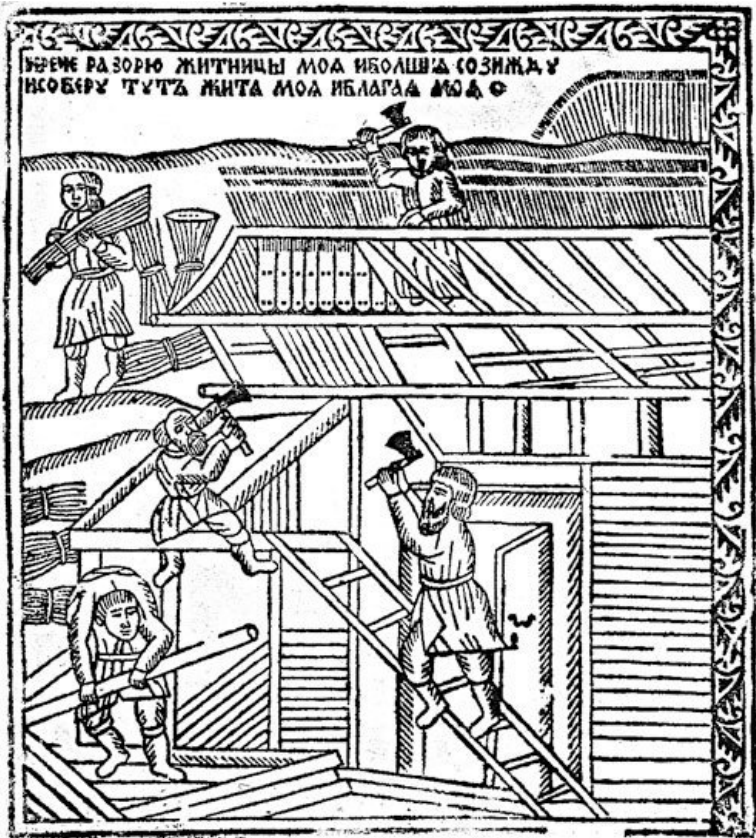
²¹⁵ *Герберштейн* называет эту болезнь *Calor*, Гваньини переводит словами «огнюова febris». Ср. *Petrejus*, 317.

VIII. Почва и произведения

Большая часть земель, которыми в XV и XVI вв. владел труд оседлого московского народонаселения, далеко не принадлежала к самым плодородным местностям восточной Европейской равнины. Эти самые плодородные местности и в XVI в., как в X, были притоном кочевников, и хотя во второй половине XVI в. длинная полоса их по Волге вошла в состав Московского государства, но большей частью была еще недоступна мирному оседлому труду, и эти степи лежали впусе, продолжая быть спорною землей между Европой и Азией. Только по некоторым углам этих степей земля обрабатывалась и являлась во всей силе своего плодородия. В местах по нижнему течению Дона, где в XV в. Татары, не переставая кочевать, занимались немного и земледелием, даже и при их небрежном способе обработки, пшеница очень крупная зерном, по свидетельству очевидца, родилась сама 50 т, а также просо 100, и иногда жатва была так обильна, что кочевники не знали, куда девать хлеб, и часть его по необходимости оставляли на месте²¹⁶.

---

²¹⁶ Барбаро, 37.

Постройка житницы (фрагмент). Русская гравюра на дереве, конец XVII – нач. XVIII в.

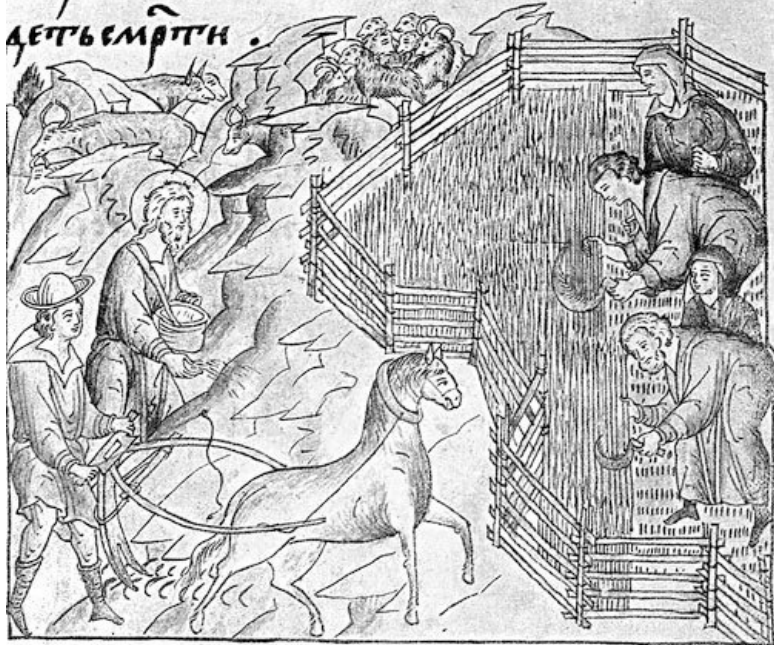
Но хотя почва Московского государства далеко не могла равняться в плодородии с почвою этих степных пространств,

однако же она большею частью вознаграждала труд земледельца и, истощаясь в одних местах, представляла в других нетронутые нивы, обещавшие, по крайней мере в первые годы по выходе из-под леса, богатую жатву. Мейерберг решает-ся сказать, что едва ли есть в мире страна, которой Московия могла бы позавидовать как в доброкачественности воздуха, так и в плодородии полей. О почве Московского государства, замечает Олеарий, можно сказать вообще, что она производит больше хлеба и корма для скота, чем сколько потребляет страна. Голландцы недаром признавались, что Московия для них то же, чем была Сицилия для Рима. О дороговизне там редко слышно. Притом в краях, отдаленных от судоходных рек, откуда, следовательно, трудно возить хлеб на продажу, жители обрабатывают землю только в таких размерах, чтобы можно было просуществовать в продолжение года, не заботясь об излишке и запасе, ибо они знают, что земля всегда даст им необходимое. Оттого там много прекрасных, но нетронутых или запущенных земель, на которых растет одна трава, да и ту не стараются косить, потому что скот и без того имеет достаточно корма. Описание Герберштейна дает нам возможность сравнить качество почвы и зависевшее от этого развитие земледелия в разных краях Московского государства. По его словам, почва собственно Московской области не отличается особенным плодородием, потому что почти везде песчанистая и убивает жатву при малейшем излишке влажности или сухости. Хлеб и обыкновен-

ные овощи Московская область производит в достаточном количестве, но ей недостает хороших садовых плодов. Почва Владимирской и Нижегородской областей гораздо плодороднее: одна мера пшеницы на ней дает иногда 20, даже 30 мер; но в этих областях тянутся обширные леса. Юго-восточная часть Владимирской области по р. Клязьме отличается особенным плодородием, в противоположность менее плодородной и населенной северо-западной части. Эти области занимают по плодородию и обилию произведений второе место после Рязанской области, которая считается самую плодородную из всех областей Московского государства; по рассказам, каждое зерно дает там по два колоса и больше, отчего нивы летом так густы, что с трудом пройдет лошадь и перепела не могут вылететь из чащи колосьев.

лелюдемъ споймѣтѣа . цѣнже прѣсажет
 моужн семѣ, и ли женѣ его . по ни не вѣд
 деть смѣтти .

вѣдженіа кѣ до землі тои . ноужа шѣ
 в томъ вѣтѣ стѣдѣ ачѣ менѣ . брѣнжен
 бѣтѣ, и побъ ои еса . и моужь прѣни по ем
 бѣи . да женѣ ели кѣ бѣи зѣло . бѣ стѣ же ел
 еко тѣ вѣ о чѣи . и еко тѣ вѣ о пѣ жѣи . и прѣтѣ

Пахота, сев, жатва. Миниатюра из Лицевого Лето-

писного свода, XVI в.

Таким же плодородием отличаются поля, лежащие по течению Оки. В северной стране почва, где обрабатывается, дает хороший урожай, но таких мест немного; там и сям попадаются обширные пустыни; особенно много лесов; вокруг Брянска тянется огромный лес, имеющий 24 мили в ширину; страна подвержена постоянным набегам Татар.

Посев. Миниатюра Евангелия начала XVI в.

Вокруг Смоленска лежат плодородные возвышения, но область большею частью покрыта лесами. По ту сторону Верхней Волги, в Новгородской, Вологодской и частью Тверской области почва неплодородна; это страны обильные водой, во многих местах болотистая, скудные хлебом, и этим они резко отличаются от стран по эту сторону Волги, бо-

лее сухих и почти везде имеющих плодородную почву. Ехавший из Новгорода в Москву резко чувствовал это различие двух областей в образовании поверхности и в качестве почвы: начиная со середины расстояния между Вышним Волочком и Торжком, с того пункта, где проходила граница прежних Новгородских владений и Московской области, по направлению к Волге, земля становилась заметно ровнее, плодороднее, возделывалась тщательнее и повсюду представляла больше хлебных полей. В Ростовской и Ярославской областях почва еще довольно плодородна, особенно в местах, прилежащих к Волге; но далее, на севере, в областях Белозерской, Вологодской и Устюжской, лежат обширные, неплодородные и невозделанные пространства, наполненные лесами, реками и частыми болотами. Это страны пушного, рыбного и соляного промысла; земледелие находится здесь в самом жалком состоянии, в большей части мест здесь не знают хлеба или очень редко употребляют его. Теми же самыми чертами отличается почва и на северо-востоке, от среднего течения Волги, в областях Вятской, Пермской и т. д. Государство присоединяло их к своим владениям без особенного труда, но трудно завладевало ими мирное население государства; в XVI в. здесь среди лесов и болот много еще бродило хищных кочевников. Герберштейн прямо говорит, что эти страны пустынно от соседства с Татарами. О Вятской и Пермской областях известия и XVI, и XVII вв. говорят, что земледелие здесь не распространено, что туземцы живут

охотой и рыболовством, не заботясь о хлебе. Но замечательно известие о горных Черемисах и Мордве, живших на правом берегу среднего течения Волги: это также грубые люди, платящие дань мехами; но они народцы оседлые, непохожие на своих заволжских соседей, не имеющие такой склонности к разбойничеству, как последние, и заботливо занимающиеся земледелием. Таким образом, мы можем принять верхнее и среднее течение Волги за черту, далее которой к северу и востоку в XVI в. заметно падали успехи земледелия и культуры²¹⁷. Иностранцы не дают нам указаний на успех, с каким распространялось земледелие на севере и востоке от Волги в XVII в. сравнительно с прежним временем. С конца XVII в. вместе с русским населением земледелие стало распространяться и по ту сторону Камня, но есть ясные указания, что и во второй половине XVII в. земледельческий промысел находился в Сибири, как и в Перми с Вяткой, исключительно в руках русских поселенцев, что туземцы речной области Тобола продолжали по-прежнему обходиться без хлеба, питаясь охотой и рыболовством. По описанию Флетчера, плодородные места лежали между Вологдой и Москвою и далее на юг, до крымской границы, между Рязанью и Новгородом, между Москвою и Смоленском²¹⁸.

---

²¹⁷ *Herberstein*, 44–63. – *Ulfeld*, 26. – *Mayerberg*, II, 42, 60, 79. – *Olearius*, 118.

²¹⁸ *Флетчер*, гл. 2-я.

Ветряная мельница. Суздальский Музей деревянного зодчества

Известия о земледельческом хозяйстве, впрочем, немногие, указывают, что в нем сохранялись еще простые, можно сказать, первобытные приемы. Пахали деревянными орудиями без железных сошников; дальнейшее разрыхление производилось сучковатыми ветвями, кое-как сколоченными между собою; эту нехитрую борону лошадь возила по полю, разбивая комы вспаханной земли. При такой простоте обработки нельзя отказать в доле правды известию Маржерета, что мальчик 12 или 15 лет мог с одною лошадыю обработать

в день одну или две десятины. Сжатый хлеб располагали кучами или складывали в виде шалашей с уступами наподобие ступенек, чтобы ветер свободнее мог проникать в снопы и просушивать их. Пред молотью хлеб просушивали в натопленных шалашах (овинах); такую просушку считали выгодной в том отношении, что отвердевшие в дыму и тепле зерна могли долго лежать, не подвергаясь порче.

Для молотьи крестьяне выравнивали перед овином землю (ток), в зимнее время поливали ее водой, и когда таким образом ток покрывался льдом, на нем раскладывали снопы и молотили.

Мельниц водяных и ветряных было немного; в большом употреблении были домашние ручные мельницы, состоявшие из двух круглых жерновов, посредством которых каждое крестьянское семейство молотило себе столько муки, сколько ему нужно. Озимым хлебом была только рожь; остальные хлеба сеялись весной. Рожь сеяли в начале или половине августа, пшеницу и овес, смотря по продолжительности зимы, в апреле или мае, ячмень в конце мая. В северных частях России сеяли только за три недели до Иванова дня и меньше, чем через два месяца хлеб уже поспевал, благодаря солнечному жару, так что в 9 недель успевали посеять, сжать и свозить хлеб на гумна. Если в местах, отдаленных от торговых путей, оставалось без употребления много хорошей земли, удобной для обработки, то, разумеется,

не могли много хлопотать об удобрении почвы. Маржерет, впрочем, слышал, что кое-где это удобрение существовало, разумея при этом, без сомнения, центральные местности государства, где при большей густоте населения и сравнительно меньшем плодородии земли с ней не могли обращаться так небрежно, как по юго-восточным окраинам. Коллинс замечает даже, что в его время лучшие земли мало приносили дохода, потому что им не давали отдыхать, а другие земли от недостатка в людях оставались необработанными²¹⁹.

Главное производство такой преимущественно земледельческой страны, какую было Московское государство, составлял, разумеется, хлеб. В Московии, говорит Иовий, нет ни винограда, ни других нежных растений, но поля покрыты пшеницей, просом и другими хлебными растениями, а также всякого рода зеленью²²⁰. Главные из этих растений суть: пшеница, рожь, ячмень, овес, горох, греча, просо. Они произрастают даже в изобилии: и потому очень дешевы; четверть пшеницы, по свидетельству Флетчера, продавалась иногда по два алтына.

С земледелием тесно связывалось скотоводство; оно доставляло важные продукты для заграничной торговли – кожи и сало; оно особенно развито было, по свидетельству Флетчера, в областях Смоленской, Ярославской, Углицкой, Во-

---

²¹⁹ *P. a Buchau*, 249, 310. – *Маржерет*, 13, 75. – *Olearius*, 118. – *Carlisle*, 31. – *Коллинс*, 178.

²²⁰ *Иовий*, 39.

логодской, Городецкой. Важное место занимали продукты, которые доставляли лес и воды. Герберштейн во всех почти областях Московского государства указывает на добывание мехов, меда, воска и рыбы; жители почти всех центральных областей после земледелия более всего промышленяли этими предметами, а в северных областях, где земледелие было менее развито, меховой и рыбный промысел являлись на первом плане; к этому еще присоединялось добывание соли. Поэтому здесь чувствовался сильный недостаток в хлебе. Пермяки, по свидетельству Флетчера, иногда пекли себе хлеб из корня и коры соснового дерева. По словам Иовия, природа за недостаток драгоценных металлов щедро вознаградила Московию редкими мехами, высоко ценившимися за границей. Леса областей, ближайших к центру государства, – Владимирской, Смоленской, Северской и в местностях по Оке, отличались обилием горностаев, белок и куниц.

Жатва и молотба. Миниатюра из Лицевого Лето-

писного свода, XVI в.

Охота на медведя. Миниатюра из Лицевого Летописного свода, XVI в.

Чем далее к северу и северо-востоку, тем более увеличивалось пушное богатство. По свидетельству Флетчера, лучшие собольи меха добывались в областях Печорской, Югорской и Обдорской; низших сортов – в Сибири, Перми и проч. Меха черных и красных лисиц добывались в Сибири, а белых и бурых в Печорской и Двинской областях; лучшие меха росомахи на Печоре и в Перми, а лучшие куньи в Сибири, Муроме, Перми и Казани; лучшие беличьи, рысьи и горностаевые шли из Галича и Углича, также в большом количестве из областей Новгородской и Пермской. Лучшие бобры водились на Мурманском побережье, близ Колы. По свидетельству Герберштейна, в приморских краях Двинской области добывали и отвозили в Москву много мехов белых медведей. Сибирь, вошедши в состав Московского государства, заняла почетное место в его меховой промышленности. Меха, особенно куньи, которых, если верить Коллинсу, ниоткуда, кроме Сибири, не вывозили в его время, были главным предметом торговли сибирских жителей. Они ездили на охоту толпами, недель на 6 или на 7, отправляясь на санях, запряженных в 30 или 40 собак²²¹.

---

²²¹ Коллинс, 575.

Езда русских на собаках в Сибири. Рис. XVII в.

Кроме туземцев, в XVI в. звериный промысел был обязанностью сосланных в Сибирь преступников. Лес доставлял и строевой материал – необыкновенно высокие сосны, превосходный дуб и клен. Но самыми главными после мехов произведениями Московской земли, которые доставлял лес, были мед и воск. По словам Иовия и Кампензе, вся страна изобиловала плодовитыми пчелами, которые клали отличный мед не в искусственных крестьянских ульях, а в дуплах

деревьев, без всякого присмотра. В дремучих лесах и рощах, говорит Иовий, ветви часто бывают усеяны роями пчел и часто можно видеть, как они сражаются между собою и далеко преследуют друг друга. Поселяне, которые держат домашних пчел и передают их по наследству из рода в род, с трудом могут защищать их от нападений диких пчел. В древесных дуплах часто находят большие соты старого меда, оставленного пчелами; иногда встречаются очень толстые пни, наполненные медом. Русский посол рассказывал Иовию, как один крестьянин, опустившись в дупло огромного дерева, увяз в меду по самое горло; тщетно ожидая помощи в глухом лесу, он два дня питался одним медом и выведен был из этого затруднительного положения медведем, который опустил задними лапами в то же дупло: поселянин схватил его руками за хвост и закричал так громко, что испуганный медведь быстро выскочил из дупла и вытащил вместе с собою крестьянина²²².

---

²²² Кампензе, 31. – Иовий, 39 и след.

Ловля рыбы. Миниатюра из Лицевого Летописного свода, XVI в.

Мед в значительном количестве шел из Мордвы и Кадома, близ земли Черемис, также из областей Северской, Рязанской, Муромской, Казанской и Смоленской²²³. Реки Московии, говорят иностранцы, наполнены рыбой; следовательно, развитие рыболовства, в известной степени, можно предполагать во всех областях Московского государства. Но рыболовство вместе с звероловством усиливалось в том же направлении, в котором уменьшалось земледелие, т. е. к северу и северо-востоку.

Некоторые реки известны были особенным обилием и достоинством своей рыбы. Первое место между реками относительно обилия рыбы занимала Волга. По качеству наиболее ценилась в торговле окская рыба, особенно пойманная около Мурома, также рыба из Шексны; эта река отличается тою особенностью, что заходящая сюда из Волги рыба делается тем лучше, чем долее остается здесь; потому опытные рыбаки, поймав рыбу в Волге, сейчас узнают, была ли она и долго ли была в Шексне. Города, замечательные по рыбному промыслу, были: Ярославль, Нижний, Астрахань, Казань, Белоозеро²²⁴. Около Астрахани рыболовство производилось в больших размерах. Вверх и вниз от нее по Волге

---

²²³ Флетчер, гл. 3-я.

²²⁴ Herberstein, 44–65. Флетчер, гл. 3-я.

добывалось множество карпов, стерлядей и белуг. Штраус описывает способ ловли последних: в реке вбивают ряды кольев в виде треугольников, оставляя небольшие входы; попав сюда, белуга не может выйти, даже повернуться в узком пространстве. Тогда рыбаки бьют ее дротиками и вынимают из нее икру; самую белугу солят и отправляют в Москву, где ее покупает простой народ. Икру, добывавшуюся из белуги и осетра, клали в огромные мешки с солью и, продержав там несколько времени, сжимали ее и набивали в бочонки. Астраханская икра славилась в Европе; особенно много вывозили ее в Италию²²⁵.

---

²²⁵ *Struys*, 53.

Миниатюра иллюстрирует последовательные процессы выварки и просушки соли в Соловецком монастыре. Миниатюра из рукописи «Житие Зосимы и Савватия», XVII в.

Солеварение преимущественно развито было в северных областях – Новгородской, Двинской и проч.; лучшая соль, и в большом количестве, добывалась в Старой Русе, где было много солеварен. Герберштейн оставил краткое известие

о способе добывания здесь соли: запрудив соляную речку в большой яме, промышленники проводили воду каналами, каждый к своей солеварне, и здесь вываривали соль. Соль также добывалась в Перми, Тотьме, на Вычегде, по берегу Белого моря, на Соловках.

Кузница. Миниатюра рукописи «Александрия», XVII в.

В двух милях от Нижнего также было много солева-

рен, представлявших вид целого городка; за несколько лет до Герберштейна они были сожжены Татарами, но при нем восстановлены по указу государя²²⁶. Ниже Казани известна была по добыванию соли Соляная гора, на правом берегу Волги, недалеко от впадения в нее р. Усы. При подошве горы построено было несколько хижин, в которых жили промышленники; они извлекали соль из горы, вываривали ее, потом выставляли на солнце и по Волге отправляли в Москву²²⁷. Страна по нижнему течению Волги занимала одно из первых мест в московской промышленности по богатству соли. В степях на западе от Астрахани было много озер, доставлявших превосходную соль. Известнейшие из них были *Mozakowski* – в 10 верстах, *Kainkowa* – в 16 и *Gwostoffski* – в 30 верстах от Астрахани. Озера эти имеют соляные жилы, из которых соль выплывает на поверхность воды, слоями, наподобие льдин толщиной в палец, и от солнечного жара делается чистою, как кристалл. Всякий мог добывать ее, платя в казну по полукопейке с пуда²²⁸. Эта соль имеет запах фиалки; москвитяне добывали ее во множестве, свозя ее кучами на берег Волги и отсюда переправляя в другие места. В Смоленской и Двинской областях в большом количестве гнали деготь; в Угличе, Ярославле, Устюге добывали селитру; по Волге в малом количестве добывали серу, но не уме-

---

²²⁶ *Herberstein*, 1. cit.

²²⁷ *Olearius*, 295.

²²⁸ *Ibid.*, 316.

ли очищать ее. По словам Герберштейна, на расстоянии перелета стрелы от Белоозера есть серное озеро; вытекающая из него речка много уносила серной пены, но от неумения жителей эта сера пропадала без пользы. Герберштейн указывает на добывание железа в Серпухове, а при Флетчере много добывали его в Карелии, Каргополе и Устюге. Из других произведений царства ископаемого в XVI веке добывалась слюда на Северной Двине подле Архангельска и в Карельской области из мягкой скалы. В XVII в. рудокопное дело в России приняло большие размеры.

Возвращение в Москву экспедиции, обнаружив-

шей серебряную и медную руды на реке Усть-Цильме в 1491 г. Миниатюра из Лицевого Летописного свода, XVI в.

К помянутым железным рудникам прибавились рудники, открытые, незадолго до приезда Олеария в Москву, недалеко от Тулы, на границах Татарии; их разрабатывали мастера, высланные царю саксонским курфюрстом. Работами заправлял известный Петр Марселис, который устроил там плавильню, по условию с царем, и ежегодно поставлял ему известное число железных полос и огнестрельного оружия. Приискиванием и разработкой рудников во все описываемое время занимались исключительно иностранцы. Еще в конце XV века немецкие мастера открыли серебряную и медную руду на реке Цымне, в семи днях пути от р. Печоры; но в XVII в. эти рудники или были оставлены, или разрабатывались в незначительных размерах, так что иностранные путешественники почти до конца XVII в. продолжают повторять, что, кроме железных, никаких других рудников не разрабатывается в Московском государстве²²⁹. Однако ж в попытках отыскать другие металлы не было недостатка. Олеарий рассказывает, что лет за 15 до него царю дали знать, что в одной области непременно найдется золото, если употребить на этот предмет труд и деньги; царь поддер-

---

²²⁹ Только *Рейтенфельс* коротко замечает, что где-то у Новгорода добывается медь.

жал предприятие, но оно не удалось и повело к разорению предпринимателя. Таких попыток было несколько; постоянная неудача их научила правительство не доверять им и оно не иначе соглашалось поддерживать их как при надежном ручательстве. В бытность Олеария в Москве один английский промышленник, надеясь открыть в одном месте золото, уговорил некоторых своих друзей поручиться правительству за сумму, которую он испросил у него для своего предприятия. Но попытка опять не удалась, искателя золота посадили в тюрьму, а поручители принуждены были заплатить за него.

Закладка сада за Москвой-рекой в 1495 г. Миниатюра из Лицевого Летописного свода, XVI в.

Только во второй половине XVII в. царь приказал нескольким иностранцам осмотреть горы за Казанью, по направлению к Сибири, где найдены прииски золота и серебряной руды²³⁰.

Путешественники XVII в. оставили несколько известий о садоводстве и огородничестве в России. Герберштейн не видел в Москве ни хорошей вишни, ни орехов, кроме простых лесных и, судя по климату, даже не считает страну способной производить хорошие садовые плоды. Почти все путешественники XVII в. находили противное, указывая на успешное разведение в Московии садовых и огородных растений. Они пишут, что в областях, не слишком удаленных к северу, особенно около города Москвы, рождаются превосходные плоды, между прочим яблоки, груши, сливы, вишни, малина, смородина; на огородах растут разного рода овощи и поваренные травы, огурцы, коренья, дыни и арбузы, особенно много луку и чесноку. Олеарий видел такие белые и прозрачные яблоки, что, если смотреть сквозь них на солнце, без труда можно пересчитать в них зерна. Дыни растут в очень большом количестве, очень вкусны и иногда бывают необыкновенно велики: Олеарию подарили в Москве дыню в пуд весом; дыни весом в полпуда встречались часто. Зато

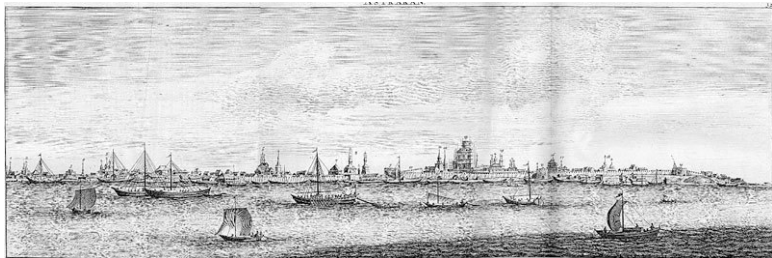
---

²³⁰ Рейтенфельс, 47.

и разведением их занимались с особенным старанием и умением: семена клали на двое суток в молоко или в овечий навоз, растворенный дождевою водою, чтобы дать им размокнуть. Грядки делали для них из лошадиного навоза, который покрывали самой хорошей землей. В такие грядки углубляли семена на столько, чтобы они могли быть не только обезопасены от холода и при этом воспринимать действие солнечных лучей, но и пользоваться теплотой, которую доставлял им снизу навоз на ночь, а иногда и днем их покрывали постилками²³¹. Олеарий говорит, что красивые садовые цветы и травы появились в Москве недавно, здесь даже считали их смешной забавой; царь Михаил Федорович первый начал украшать свой сад дорогими травами и растениями. До этого времени в Москве знали только дикую розу; гамбургский купец Петр Марселис первый привез в Москву бархатную розу, которая хорошо принялась. Около того же времени голландские и немецкие купцы начали разводить в Москве спаржу, которая во время Олеария росла в изобилии, в палец толщиною. О салате в Москве также не имели прежде понятия и даже смеялись над иностранцами, что они едят траву, как животные; но во время Олеария и в Москве начинали находить в нем вкус, во второй половине XVII века редко можно было встретить в Москве сколько-нибудь порядочный дом, сад которого не был бы наполнен цветами и салатом.

---

²³¹ *Olearius*, 119. – *Lyseck*, 53.

Астрахань. Гравюра по рис. К. Бруина 1692 г.

Астрахань особенно известна была своими садовыми плодами, яблоками, персиками, дынями, но преимущественно арбузами. Татары привозили их в город возами и продавали по копейке пару и больше. Как в Москве западные купцы распространили спаржу и салат, так и в Астрахани около того же времени персидские купцы положили начало разведению винограда: один монах посадил привезенные ими виноградные лозы в своем монастыре подле города; они принялись, и в 1613 г., по царскому приказу, тот же монах устроил целый виноградник. Дело шло с таким успехом, что в 1636 г., когда приехал в Астрахань Олеарий, там не было почти дома, в котором бы не занимались этим производством, и оно было так выгодно, что иному владельцу виноградника приносило более 50 р. дохода. Из своего винограда Астрахань выделывала до 60 бочек превосходного вина²³².

²³² *Olearius*, 317. – *Tanner*, 71. – *Struys*, 121.

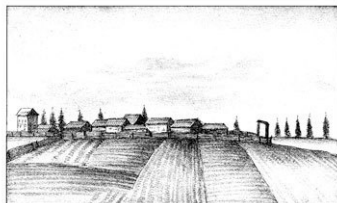
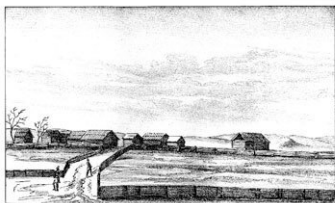
IX. Народонаселение

Иностранцы, писавшие о Московском государстве с чужих слов, как Кампензе и Климент, говорят, что Московия, несмотря на свою обширность, очень хорошо населена; но приняв в соображение только то, что в одной, большей половине Московской земли преобладали лес и болото, а в другой – открытая степь, соседственная с хищными кочевниками, иностранец мог уже заключить, что эта страна не только не богата, но даже бедна населением. Это заметили все иностранцы, бывшие в Московии и внимательно наблюдавшие ее состояние.

А. Рябушкин. Московская улица XVII века

Селения близ Пскова. Рисунки к путешествию по России барона Мейерберга в 1661 и 1662 гг., представляющие виды, народные обычаи, одеяния, портреты и т. п.

Если бы, говорит Флетчер, все владения русского ца-

ря были заселены так, как некоторые места, то он превзошел бы всех соседних государей своим могуществом. Под этими некоторыми местами английский посланник разумел, без сомнения, немногие центральные области государства и немногие другие пункты, которые имели особенно благоприятные условия для умножения народонаселения. У него и у других иностранцев мы находим прямые указания на скудость населения по обширным окраинам государства, и мы видим, как близко к центру подходили эти окраины. Земли по Днепру в настоящее время, говорит Кампензе, очень мало населены по причине частых набегов Татар²³³. Та же причина малонаселенности и пустынности указывается иностранцами и в Северной области. Из слов Барбаро и Контарини видно, что дорога от Москвы до Трок в конце XV века шла пустынными малонаселенными местами, где изредка мелькали деревеньки. Так же дика и пустынна была дорога от Москвы до Новгорода, тогда как пространство от Новгорода до Пскова было заселено несколько гуще и имело много деревень и сел, вследствие чего путешественники, ехавшие из Польши в Москву, предпочитали путь на Псков и Новгород, хотя более длинный, прямому и кратчайшему пути на Смоленск. Княжество суздальское и прилежащие к нему страны вконец разорены и обезлюдил от постоянных набегов Татар²³⁴.

---

²³³ Кампензе, 19.

²³⁴ Кампензе, 25. – Иовий, 38. – «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 207.

Если так близко к центру Московского государства лежали пустынные места, то понятно, что население было еще реже далее за Волгой, к северу и северо-востоку, в странах, где условий безлюдности было больше и действовали они сильнее, нежели в центральных областях. По словам Герберштейна, на луговой стороне средней Волги, против земли горных Черемис и Мордвы, жилые места реже, нежели у последних. Англичане писали, что на всем пространстве от Ярославля до Москвы встречаются многолюднейшие села; Поссевино также говорит, ссылаясь на очевидцев, что край к северу от Москвы до Вологды вообще имеет сравнительно более густое население благодаря тому, что сюда не доходят татарские набеги; но зато по свидетельству Флетчера, по ту сторону Волги, по дороге между Вологдой и Ярославлем, на пространстве почти 200 верст, встречается по крайней мере 50 деревень, в полмили, даже в целую милю длиной, совершенно оставлен ных, так что в них нет ни одного жителя; то же можно видеть и в других частях государства, – добавляет Флетчер, – как рассказывали люди, которые путешествовали по этой стране более меня. Согласно с этим и Поссевино говорит, что во владениях московского государя иногда на пространстве 300 000 шагов путешественник не встречает ни одного жителя, хотя и находит пустые деревни²³⁵. По этому можно уже судить о степе-

---

²³⁵ *Possevino*, 12 и 16. – *Флетчер*, гл. 13.

ни населенности в более отдаленных краях государства²³⁶. Герберштейн говорит, что села в Двинской области разбросаны на огромных расстояниях друг от друга²³⁷. Английский посол Рандольф и другие англичане, неоднократно ездившие по Сев. Двине, говорят, что здесь по берегам только этой реки встречались значительные селения; вообще большая часть этого края, по их словам, была вовсе необитаема, покрыта лесами, среди которых изредка попадались луга и пашни²³⁸. То же самое, если не в сильнейшей степени, можно было сказать и о странах к востоку от средней Волги. Герберштейн полагает на огромных пространствах от Перми до Иртыша, в землях тюменских Татар, не более 10 000 жителей. Скорее можно заподозрить это показание в преувеличении, нежели в чем другом, зная, что во второй половине XVI в. ближе к Волге, по Каме Строгановы нашли места пустые, простиравшиеся на 146 верст, «на которых пашни не пахиваны, дворы не ставили, которые в писцовых книгах, в купчих и правожных не писаны ни у кого»²³⁹. Подобные же известия находим и у путешественников XVII в. На пути от Новгорода до Москвы Олеарий также встречал

---

²³⁶ В первой половине XVI в. в Двинской области находили места с хорошими угодьями, «в которых дворов и пашней не бывало никогда, от волости они за 20 верст со всех сторон и никаких волостей угодья к тем местам не пришли». *Соловьев*. История России. Т. V, стр. 430.

²³⁷ *Herberstein*, 59.

²³⁸ *Hakluyt*, I. 422.

²³⁹ *Herberstein*, 74. – *Соловьев*. История России. Т. VI, стр. 414.

большие, но опустелые селения. Карлиль замечает, что большая часть стран, подвластных Московскому государству, во все не имеет населения, что даже в местах наиболее населенных, по которым он ехал, видны только бесконечные леса. Во второй половине XVII в. между Можайском и Вязьмой путешественник должен был ехать 130 верст сплошным лесом, и на этом пространстве встречал только одно селение – Царево-Займище. Подобные леса тянулись и дальше к Смоленску, представляя иногда еще свежие следы недавно проложенных здесь дорог. В этих лесах изредка встречались деревни, состоявшие из 3–4 хижин²⁴⁰.

Вид города Можайска со стороны московской дороги, XVIII в.

По мнению Поссевино, главную причину малонаселенности южных и юго-восточных окраин Московского государства были постоянные набеги Татар и других соседних ко-

²⁴⁰ Carlisle, 61. – Mayerberg, II. 150–152. – *Ta n n e r*, 42.

чевников. Кроме того, он говорит, что в царствование Иоанна Грозного население всех вообще областей значительно уменьшилось: встречавшиеся во многих местах опустелые деревни, брошенные поля и молодые леса, растущие там, где были прежде пашни, – все это, по его словам, служит признаком, что недавно эти места были гораздо населеннее. Причиною такой убыли он считает продолжительные и тяжелые войны Иоанна IV, погубившие много людей. На ту же причину можно было указать и действительно указывали и в XVII в.: Коллинс заверяет, что в последнее десятилетие (до 1667 г.) русские области сильно пострадали от войн, так что и в 40 лет не поправятся; он даже определяет, как велики были потери в людях, понесенные Московским государством от этих войн; он не сомневается, что народонаселение страны убавилось в это время по крайней мере на две пятые доли²⁴¹.

---

²⁴¹ Коллинс, 176 и 592.

Население Пермской земли. Миниатюра из Лицевого Летописного свода, XVI в.

И войны, и нападения степных кочевников, без сомнения, сильно мешали умножению населения, особенно по окраинам государства. Но была еще другая причина, не замеченная, по крайней мере ясно не указанная ни Поссевино, ни Коллинсом, ни другими иностранцами, которая издавна, но преимущественно со второй половины XVI в., мешала умножению населения во внутренних областях государства; эта причина – колонизация. На долю Московского государства выпала тяжелая задача дать историю обширным глухим пространствам, простиравшимся на север, северо-восток и юго-восток от него. Во второй половине XVI в. эти пространства до Камня считались уже в числе владений московского государя; но чтобы стать здесь твердою ногою, мало было пройти эти страны с ратными людьми; надо было ратным людям остаться здесь и ставить городки, чтобы удерживать окрестных жителей в повиновении и защищать страну от бродячих соседей. Но чтобы довести свое дело до конца, правительству недостаточно было наставить городков с ратными людьми: характер новоприобретенных стран и их первобытных обитателей требовал еще мер совсем другого рода для окончательного присоединения их к государству. В этих странах, – пишет Матвей Меховский, – ни пахут, ни сеют, не употребляют ни хлеба, ни денег, питаются

лесными зверями, пьют одну воду, живут в дремучих лесах, в шалашах из прутьев; лесная жизнь сделала и людей похожими на зверей неразумных: одеваются они в грубые звериные шкуры, сшитые вместе как ни попало; большая часть их коснеет в идолопоклонстве, поклоняясь солнцу, луне, звездам, лесным зверям и всему, что ни попадетс²⁴². Из этой может быть несколько утрированной картины видно, что предстояло государству сделать в этих странах по их завоеванию: надо было подле городков с ратными людьми поселить рабочих, пашенных людей, которые утвердили бы здесь начала оседлого труда и гражданского общежития. Вот причина, от которой пустели многие деревни, виденные иностранцами, которая постоянно вытягивала население из старых областей государства, и без того небогатых. К концу XVI в. таких пространств, требовавших населения, было уже очень много, когда к ним присоединились еще обширные пустыни за Камнем, в Сибири, с теми же требованиями. На основании всего этого мы можем предполагать, что движение колонизации должно было усилиться во второй половине XVI в. Но если иностранцы не видели ясно этого движения и его значения для внутренних областей государства, то они не могли не заметить некоторых явлений, которыми оно обнаруживалось. Герберштейн говорит, что из Рязанской области, по ее присоединении к Москве, много жителей было выведено и рассеяно по разным колониям. Описывая состо-

---

²⁴² «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 209.

яние русской церкви, тот же Герберштейн замечает, что русские пустынники, обратившие уже многих идолопоклонников к вере Христовой, и в его время продолжали это дело без всяких корыстных расчетов, с единственной целью сделать угодное Богу, отправлялись в разные страны на север и восток, перенося голод и всевозможные лишения, даже подвергая жизнь свою опасности, распространяли там слово Божие и иногда запечатлевали его собственной кровью.

Донская Баба

Лопарская баба. Илл. из книги «Описание всех обитающих в Российском Государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей», 1799 г.

По словам того же иностранца, в пермских лесах и после св. Стефана оставалось еще много язычников, но иноки, отправляясь туда из московских областей, доселе не перестают выводить их из тьмы заблуждений²⁴³. По словам Матвея Меховского, в московских владениях переводят людей с места на место, из страны в страну, на новые поселки, замещая выведенных другими²⁴⁴. Поссевино и Флетчер говорят, что, завоевав царства Казанское и Астраханское, московский государь построил по западному берегу Волги несколько крепостей и поставил в них гарнизоны, чтобы тем удобнее было удерживать покоренных в повиновении²⁴⁵. Флетчер говорит также, что для удержания жителей Перми, Печоры и Сибири в повиновении царь поселил в этих областях столько же русских, сколько там туземцев, и еще гарнизоны, и что в Сибири, где продолжают еще завоевания, число ратных людей в построенных там крепостях простирается до 6 000 человек из Русских и Поляков, в подкрепление которым царь от-

---

²⁴³ *Herberstein*, 48, 31 и 32, 62.

²⁴⁴ «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», p. 209.

²⁴⁵ *Possevino*, 60. – *Флетчер*, гл. 2-я и 18-я.

правляет новые партии для поселения в новоприобретаемых странах. У Герберштейна встречаем любопытные слова, бросающие некоторый свет и на результаты колонизации: описывая Белоозерскую область, он говорит, что туземцы имеют свой язык, но теперь почти все говорят по-русски; в Устюжской области туземцы также имеют свой язык, но большею частью говорят по-русски²⁴⁶. Это известие застаёт финских туземцев в тот момент, когда они, еще сохраняя черты своей особенности, мирно и постепенно сливались с жившим между ними русским населением. О туземцах Перми и Печоры он говорит только, что они имеют особый язык, непохожий на русский; но если он читал в русском описании пути к Оби, что в первой четверти XVI в. христианство проникло даже к простодушным дикарям, жившим при устьях Печоры, то к концу века мирный подвиг московского населения не мог не оставить здесь, как и в Перми, еще более заметных следов по себе, которые могли хотя несколько оправдать преждевременно сделанное Меховским замечание, что как Вогулы, так и обитатели Вятки – Русские, говорят по-русски и имеют одну религию с Русскими²⁴⁷.

Позднейшие писатели сообщают несколько других известий о распространении влияния Московского государства на север и северо-восток. Агент английской компании Берроу доносил в 1576 г., что, несмотря на соперничество швед-

---

²⁴⁶ *Herberstein*, 57, 59.

²⁴⁷ «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», p. 208.

ского и датского королей, московский царь имеет решительный перевес во влиянии на Лопарей, которые принимают его законы и платят ему пошлины и налоги. Они язычники, но если кто-нибудь из них захочет принять христианскую веру, то принимает ее от Русских, по русскому обряду. Указывается и один из проводников этого влияния: между Кергором и пределами Финнмарка есть монастырь Печинго (на р. Печенге), настоятель которого назначается из Москвы. Если между Лопарями возникает тяжба, они обращаются за решением к царским чиновникам, а если последние не решат дело, отправляются в Москву, к царю²⁴⁸. С конца XVI в Сибири, вместе с распространением там русского населения, стало распространяться и земледелие, и один за другим основывались русские города²⁴⁹. Описывая эти города, Мейерберг указывает на некоторые черты отношений русских колонистов к туземцам. В городах Тобольске и Тюмени живут только Русские; туземцам здесь не позволяют жить, и они селятся небольшими местечками подле города, обыкновенно на противоположном берегу реки, на которой стоит город. В известное время года сюда собираются туземцы из окрестных мест, чтобы выменять свои меха на товары, привозимые из Архангельска. Туземцы занима-

---

²⁴⁸ *Hakluyt*, I, 467.

²⁴⁹ До начала XVII в. основаны были в Сибири Тобольск в 1587 году, Пелым, Березов в 1592, Тара в 1594, Нарым и Кетский острог в 1596. К концу XVI в. в Сибири считалось уже 94 города. – *Карамзин*, X, примеч. 44.

ются звериным и рыбным промыслом, но не возделывают земли; последним занимаются исключительно русские колонисты и ратные люди, поселенные в городах²⁵⁰. Колонисты скоро двинулись за Обь и, поселяясь там, привлекали своим примером туземцев к оседлости²⁵¹.

Медленно, но безостановочно шло заселение пустынных пространств на северо-востоке; насельникам надо было выдерживать упорную борьбу с природой, но по крайней мере здесь не предстояло такой же борьбы с людьми. Колонизация южных и юго-восточных степей представляла больше затруднений и шла еще медленнее. Известия XVI века говорят о построении городков по западному берегу Волги, на Мошке, при устье Суры, значит, колонизация, хотя медленно, но все-таки овладевала течением Волги, двигаясь по ее горному берегу. Но Дон оставался пустынным, жилые места оседлого народонаселения оканчивались по нему недалеко от истоков. Герберштейн упоминает о монахах и пустыльниках, приносивших христианство к диким, но не отличавшимся особенною воинственностью северным народцам. Необходимость упорной борьбы с хищными кочевниками южных степей вызывала для колонизации деятелей другого рода – казаков, воинственных пролагателей путей. Герберштейн называет Вятскую область убежищем беглых рабов;

---

²⁵⁰ Mayerberg, II, 59 и 60.

²⁵¹ Avril, 162: Les Moscovites ont attirez plusieurs de ces peuples errans qui apres s'etre fixez a leur imitation, ont pris gout insensiblement au comm.

но мы знаем, что вообще люди, «которые из городов и сел выбиты», безземельные и бездомные, которых было не мало в Московском государстве, стремились преимущественно в другую сторону, к степным окраинам государства. Такие же пролагатели путей выходили и из другого государства, облежавшего степь с северо-запада; наконец, магометанский мир, навстречу московским и литовским казакам, высылал своих казаков с юга, по нижнему Дону. Так с трех сторон высылались передовые воинственные дружины на эту издавна спорную землю, чтобы открыть дорогу другим, более мирным поселениям: такие поселения нужны были каждой стороне, чтоб обезопасить свои границы. У Г. де Ланноа находим любопытный рассказ, как во время его пребывания в Монкастро (при устье Днестра) в 1421 г., в пустынное место в степи неподалеку от этого города, где не было ни леса, ни камня, прибыл подольский правитель с 12 000 человек и 4000 возов с камнем и лесом и менее чем в месяц построил совершенно новую крепость, от имени Витовта, против соседних степных кочевников²⁵². В половине XV века Барбаро, во время пребывания своего на Дону, подымался далеко вверх по этой реке, но из этого рассказа не видно, чтобы здесь где-нибудь были постоянные жилища; он видел только бродячих Татар, которые по временам останавливались для посева и снятия жатвы²⁵³. В первой четверти XVI ве-

---

²⁵² *G. de Lannoy*, 39.

²⁵³ *Барбаро*, 9 и 37.

ка, когда здесь уже владели Турки, пространства от Волги до Днепра были по-прежнему пустынные; но на берегу Дона, в 4-х днях пути от Азова, был уже, по словам Герберштейна, город Ахас, а по Донцу жили оседлые Татары, занимавшиеся земледелием²⁵⁴.

По словам казаков, из Московского государства шло в южные степи земледельческое население.

В первой половине XVI века русские поселения не шли далеко южнее Тулы. В начале XVII века Маржерет говорит, что южные степи населяются более и более, что русские построили там много городов и крепостей. С этой стороны Россия обитаема до Ливен, т. е. на 700 верст от Москвы.

²⁵⁴ Herberstein, 74.

Донская казачка (слева) и монголка (справа). Илл. из книги «Описание всех обитающих в Российском Государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей», 1799 г.

Под прикрытием ратных людей русское земледельческое население шло и дальше, по реке Псела и Донец, возвращаясь таким образом в страну, которую некогда оно должно было бросить на волю степных кочевников. Но здесь оно еще ступало робко, жалось к опорным пунктам, где можно было найти защиту от этих кочевников. Тот же Маржерет замечает, что, несмотря на плодородие края, жители осмеливаются возделывать землю только в окрестностях городов²⁵⁵. Условия Волжского края не позволяли русскому земледельческому населению распространяться в нем с такою же быстротой, с какою заняло его государство. Благодаря торговым сношениям Западной Европы с Персией через Московское государство, мы имеем от XVI–XVII веков несколько описаний путешествий по Волге, которые живыми чертами рисуют состояние этого края со времени его завоевания и меры, которые принимало Московское государство для закрепления его за собой. В то время по берегам Волги сохранились еще свежие следы стихавшей борьбы с азиатским востоком. Между Казанью и Астраханью путешественнику по-

---

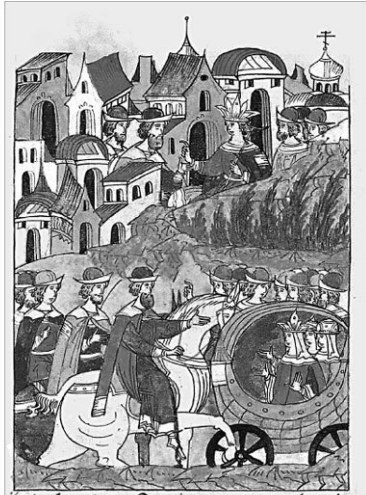
²⁵⁵ *Маржерет*, 12.

казывали на обоих берегах Волги развалины когда-то бывших здесь больших городов, с которыми связывались более или менее сказочные предания о татарских завоевателях, преимущественно о Тамерлане²⁵⁶. Но вместо этих исчезнувших городов путешественники чем дальше, тем реже встречали по Волге жилые места. Хр. Берроу не указывает между Казанью и Астраханью ни одного значительного поселения на берегу Волги. Изредка попадались путешественникам хижины рыбаков и показывались в прибрежных степях орды кочевников, тащивших с собою на верблюдах по несколько сот кибиток, которые издали показались Дженкинсону каким-то странным подвижным городом²⁵⁷.

---

²⁵⁶ *Христ. Берроу*, плывшему по Волге в 1579 году, на половине пути между Казанью и Астраханью указывали на высоком холме место, где стояла прежде каменная крепость Оуеак (Овечий брод) и вокруг нее город, который русские называли Содомом; по рассказам русских, этот город и часть крепости были поглощены землей за преступления жителей. *Hakluyt*, I, 472. — *Олеарий* перечисляет следующие города, когда-то стоявшие на Волге: Unerofskora, исчезнувший татарский город в 65-ти верстах к югу от Тетюши; далее два города, разрушенные Тамерланом, из которых один назывался Simberska-gora; за ними на горе Arbeuchem видны следы города того же имени; за ним на правой стороне реки видны плодородные равнины, покрытые высокою травой, но совершенно необитаемые; видны лишь следы городов и сел, разрушенных Тамерланом. В 7-ми верстах к югу от Царицына видны развалины построенного Тамерланом (sic) Царева города (Сарая) с остатками кирпичных стен; кирпичи эти возили в Астрахань на постройку церквей, монастырей и стен. *Olearius*, 292–307.

²⁵⁷ *Hakluyt*, I, 364.

Присоединение Астрахани. Миниатюра из Лицевого Летописного свода, XVI в.

Между тем на конце пустынного водного пути государство стало твердою ногой и принимало деятельные меры, чтобы связать этот отдаленный пункт с центральными своими областями. Вскоре после занятия Астрахани, в 1558 году, Дженкинсон видел в Нижнем отъезд воеводы, назначенного в Астрахань; он отправлялся в сопровождении 500 больших кораблей, из которых одни были нагружены железными припасами, оружием и ратниками, а другие везли купеческие товары и пристали к первым, как к надежной защите. По словам Дженкинсона, в Астрахань ежегодно посыла-

лись транспорты с людьми, жизненными припасами и лесом на постройку крепости²⁵⁸. Гарнизон Астрахани должен был постоянно держаться наготове, потому что очень обыкновенны были явления, подобные тому, которое описывает Берроу, бывший очевидцем его во время своего пребывания в Астрахани в 1580 г. 7-го марта в городе поднялась тревога: появились ногайские и крымские Татары, числом до 1500, и стали по обоим берегам Волги, верстах в 2-х от острова, на котором расположена была Астрахань. На другой день Татары отправили к воеводе гонца с известием, что они придут к нему в гости; последний отвечал, что он готов принять их, и, взяв пушечное ядро, велел гонцу передать своим, что у него не будет недостатка в этом угощении. На третий день пошел слух, что Татары решились напасть на город и готовили фашины из тростника, чтобы переплыть на остров. Но простояв еще два дня, Татары ничего не сделали и удалились²⁵⁹. Для вернейшего закрепления за собой Астрахани государству надо было обезопасить самый удобный путь к ней по Волге, где свободно разбойничали окрестные кочевники и казаки, – те самые казаки, которые пролагали государству путь в эти страны. Дженкинсон, проезжая в Астрахань в 1558 году, еще не видел по Волге военных поселений; Берроу, проезжая туда же в 1579, насчитывает между Перволокой и Астраханью шесть таких поселений или караулов,

---

²⁵⁸ Ibid., 365.

²⁵⁹ Hakluyt, I, 473.

расположенных по берегам и островам Волги: первый находился в семи верстах к югу от Переволоки и состоял из 50 стрельцов, охранявших это место в продолжение лета; второй находился в 113 верстах от первого, третий в 50 верстах от второго, четвертый в 120 верстах от третьего, пятый в 50 верстах от четвертого, наконец, шестой в 30 верстах от пятого и в таком же расстоянии от Астрахани²⁶⁰. Скоро эти караулы один за другим стали превращаться в городки, не теряя своего прежнего значения сторожевых постов: двигаясь среди степей по течению Волги, государство выводило на правом ее берегу ряд этих городков и таким образом связывало с своим центром крайний пункт волжского пути. Не развитие промышленности и народонаселения в центральных областях, а чисто государственные соображения создали эти сторожевые поселения: здесь, как и на других окраинах государства, торговый человек и земледелец шли по следам стрельца и под его защитой.

---

²⁶⁰ Первый находился на острове Tsaristna, второй назывался Cameni Carawool, третий Sturino, четвертый Palooy (Polowon у *Олеария*), пятый Keezeyur (Копаный Яр у *Олеария*), шестой Ichkebre (на том же месте у *Олеария* остров Itziburiski). *Nakluyt*, I, 472.

С. Иванов. На сторожевой границе Московского государства

Любопытно сравнить приведенное известие английского купца о волжских караулах в последней четверти XVI в. с заметками, которые сообщает о городках по нижней Волге Олеарий, проехавший здесь во второй четверти XVII века. Саратов расположен на равнине, в 4-х верстах от Волги, и населен одними московскими стрельцами под начальством воеводы, которого посылает туда царь для охранения страны от Калмыков, разбойничающих значительными толпами в степях между этим городом и Астраханью. В 350-ти вер-

стах ниже, на холме, стоит городок Царицын, построенный в виде параллелограмма, с 5-ю деревянными башнями и башнями; все его население состоит из 400 стрельцов, которые сторожат страну от набегов Татар и казаков и провожают суда, плывущие по Волге.

Царицын. По рисунку А. Оллария «Виды поволжских городов», XVII в.

В 300 верстах от Царицына, на высоком прямом берегу, построен городок Черный Яр, обнесенный оградой из толстых досок, с 8-ю деревянными башнями; живут в нем одни ратные люди, числом до 400, которые охраняют страну от набегов казаков и Калмыков. Городок имеет вид квадрата,

и на каждом углу его возвышается караульня, построенная на 4-х высоких столбиках, откуда во все стороны открыва-ется вид на беспредельные ровные и безлесные степи. Этот городок построен 9 лет тому назад²⁶¹, с целью противодей-ствовать разбоям казаков, которые незадолго перед тем раз-били здесь торговый караван, состоявший из 1500 москви-тян, несмотря на охранявший его конвой стрельцов²⁶². Спу-стя 33 года после Олеария (в 1669 г.), по тому же пути про-ехал Штраус, который, повторяя известия Олеария о город-ках по Волге, добавляет, что в Черном Яру гарнизон состав-ляет половину населения этого города и что при впадении реки Камышенки в Волгу за год до него построен городок того же имени, с целью прекратить разбои донских казаков, которые спускались по реке Камышенке в Волгу и разбивали здесь торговые суда. Казаки, впрочем, не унимались и умели обходить город, перетаскивая свои лодки сухим путем на ко-лесах из р. Камышенки в Волгу²⁶³.

Иностранные известия бросают некоторый свет на жизнь кочевников этого края и на отношения, в которые станови-лось к ним государство, чтобы подчинить их своему влия-нию. Вскоре после занятия Астрахани московскими войска-ми, в 1558 г. в приволжских степях вследствие междоусо-бий кочевников появился голод, сопровождавшийся страш-

---

²⁶¹ Олеарий ехал по Волге в 1636 году.

²⁶² *Olearius*, 301, 307 и 310.

²⁶³ *Struys*, 163 и 164.

ным морем, который истребил, если верить Дженкинсону, до 100 000 человек; Русские, добавляет тот же путешественник, были очень довольны этой смертностью, помогавшей им вытеснить кочевников из занимаемых ими степей. Бедствие распространилось и на Астрахань. Дженкинсон, приехавший тогда в Астрахань, был свидетелем сцен, какие происходили в этом городе и около него. Мучимые голодом и язвой, Ногаи во множестве подступили к Астрахани, отдаваясь на волю русских и прося у них хлеба. Но в Астрахани приняли их дурно: многие из них были распроданы Русскими, большая часть погибла от голода, не получив просимой помощи; жалко было смотреть, пишет Дженкинсон, на груды мертвых тел, лежавших по всему острову вокруг города; остальных прогнали назад в степи. В это время, добавляет тот же путешественник, было бы очень легко обратить это злое племя в христианскую веру²⁶⁴. С течением времени Москва завязывала через Астрахань более дружелюбные сношения с приволжскими кочевниками, по крайней мере с некоторыми их ордами. Здесь, как и на других окраинах государства, кочевникам не позволяли селиться в самих городах, подле московских гарнизонов. Мирные Ногаи летом кочевали по астраханским степям²⁶⁵, а с наступлением зимы

---

²⁶⁴ *Hakluyt*, I, 364: At that time it had been an ease thing to have converted that wicked nation to the Christian faith, if the Russes themselves had been good christians.

²⁶⁵ *Olearius*, 319: c'est pourquoi les Moscovites les appellent Poloutski, c'est a dire des vagabonds.

подходили к Астрахани и располагались около нее ордами, неподалеку одна от другой, огораживая свои шатры плетнями, что давало поселению вид отдельного города. Этот временный ногайский город, или юрт, по свидетельству Хр. Берроу, в 1580 году находился в трех четвертях мили от астраханской крепости и заключал в себе приблизительно до 7000 жителей. Зимой, когда замерзали реки, на этих Ногаев часто нападали Калмыки с Яика. Чтобы дать юртовым ногаям возможность защищаться от этих разбойников, астраханское начальство выдавало им на зиму оружие из царского арсенала, которое они обязаны были возвратить с наступлением весны, когда откочевывали в степи. Они не платили податей царю, но были обязаны служить ему против его недругов, что они исполняли охотно, в надежде поживиться на походе добычей. Они имели своих князей, или мурз, но в обеспечение верности царю некоторые из последних содержались в Астрахани заложниками²⁶⁶. В последней четверти XVII в. юрт мирных Ногаев около Астрахани увеличился; в его ограде была одна мечеть; Авриль насчитывает в нем до 2000 шалашей, построенных из камыша; по островам и берегам Волги, в окрестностях Астрахани, также видно было много ногайских поселений. Москвитяне, по словам Авриля, обходились с этими Ногаями скорее как с союзниками нежели как с подвластными людьми. Москва завязывала дружественные сношения и с калмыками, мирила их с Ногаями.

---

²⁶⁶ *Hakluyt*, I, 473. – *Olearius*, 319 и 320.

При Аврале первые каждую зиму уже мирно приходили из-за Яика к Астрахани и кочевали с стадами в степях между Астраханью и Каспийским морем. Этих гостей бывало больше 100 000. Авриль описывает, как астраханское начальство встречало «чудовищную толпу этих бродяг», шедших на зимовку к Астрахани. Едва услышав об их приближении, воевода посылал к мурзам уверить их в скорой доставке поминков, а потом отправлял множество возов с хлебом, арбузами, водкой и табаком, что составляло как бы ежегодную дань кочевникам, которою откупались от их разбоев. Зимой Калмыки приходили в самую Астрахань и продавали здесь меха и лошадей с большой выгодой для астраханских купцов²⁶⁷.

---

²⁶⁷ *Avril*, 100.

Калмычка. Илл. из книги «Описание всех обитающих в Российском Государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей», 1799 г.

Движение государства в степях, отдаленных от водных путей, шло, разумеется, медленнее, нежели по берегам больших рек. Направляясь из Астрахани к Москве, Авриль ехал от Саратова трое суток сухим путем, по пустыне, простиравшейся в длину миль на 40 или даже больше, в которой он нигде не встречал ни леса, ни человеческого жилья. Эта пустыня кончалась не доходя нескольких миль до городка Pinzer²⁶⁸. Но начиная от этого места, по направлению к Москве, путешественник встречал много городков и деревень. В этих местах, говорит Авриль, землю стали обрабатывать с недавнего времени. В последние войны с Польшей москвитяне брали множество пленных, которых и поселили в этом крае; им давали здесь нетронутые земли для расчистки и обработки, и теперь, добавляет Авриль, эти земли принадлежат к лучшим в государстве²⁶⁹.

---

²⁶⁸ Не Пенза ли, которая означена и на карте *Авриля* вместе с Саранском и Ка-
домом.

²⁶⁹ *Avril*, 152 и 153.

Мордовка (слева) и чувашка (справа). Илл. из книги «Описание всех обитающих в Российском Государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей», 1799 г.

Государство, а за ним и русское народонаселение утверждалось более и более в приволжских степях. Иностранные путешественники XVI и XVII вв. живыми чертами рисуют этот полумагометанский, полуязыческий приволжский мир: видно, что это был тогда еще первобытный, темный мир, которого едва начинало касаться влияние гражданственности и культуры. Во второй половине XVI в. приволжские Татары смеялись над христианами за то, что они едят верхушки

травы и пьют сделанные из них напитки²⁷⁰. Для нас особенно любопытны немногие указания на следы, которые оставляло здесь влияние завладевшего этим миром государства. В первой половине XVII в. самым употребительным языком в приволжском крае был русский. Астраханские Ногаи были магометане, но, по свидетельству Олеария, было довольно и таких, которые принимали от Москвитян христианство. Есть, впрочем, некоторые любопытные известия другого рода, показывающие, как дикие обитатели приволжских степей и лесов относились к обычаям и понятиям соседнего христианского народа. Олеарий передает свой любопытный религиозный разговор с черемисом, которого он встретил в Казани, – с человеком бывалым и неглупым, знавшим русский язык. Олеарий сказал ему, что безумно поклоняться животным и другим тварям, как делают его соплеменники. Черемис отвечал на это, что поклоняться животным все-таки лучше, нежели деревянным расписанным богам, которые висят на стенах у Москвитян²⁷¹. Проезжая из Саратова страну Мордвы, иезуит Авриль жалуется на недостаток в Москвитянах ревности к обращению этих язычников – на то, что Мордва, спокойно живя в своих лесах, доселе остается погруженною во мрак идолопоклонства, и никто не даст себе труда извлечь ее из него. Но влияние соседнего народа

---

²⁷⁰ *Hakluyt*, I, 363.

²⁷¹ *Olearius*, 281 и 283. Я спросил его, говорит Олеарий, может ли он сказать мне, кто создал небо и землю. Собеседник отвечал: *tzort snait*.

проникло и сюда: накануне Николина дня Мордва пьянствовала, как и Москвитяне²⁷².

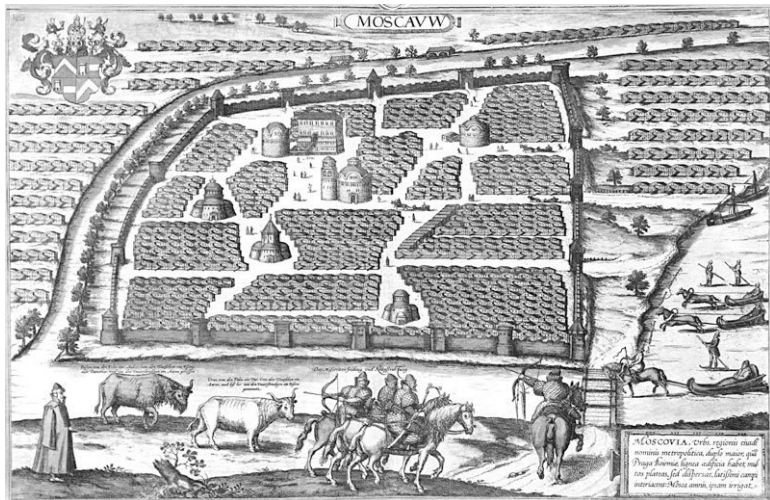
---

²⁷² *Avril*, 154–156.

Х. Города

Между тем как с распространением Московского государства и народа строились новые городки в пустынных отдаленных местах, иностранные известия показывают, в каком незавидном положении находился город в старых областях государства. Мы видели, какие особенности должны были броситься в глаза западному европейцу в северо-восточной Европе: в форме поверхности преобладание равнины и леса, в форме жилых мест преобладание села, деревни. Россию и доселе называют страню сел и деревень; тем лучше шло это название к Московскому государству XVI или XVII вв. Когда-то скандинавские сказания называли полосу земли по водному пути из Варяг в Греки «страню городов»; и в XVI в. эта речная полоса не теряла права на такое название; к ней присоединились еще другие речные полосы со многими городами, и иностранцы XVI в. не могли не заметить, что наибольшее количество городов, и наиболее значительных, лежит по большим рекам, Днепру, Оке, Волге; но назвать всю область Московского государства страню городов в XVI в. было бы слишком неточно как по отношению количества городов к пространству страны, так и по характеру самих городов, из которых многие и очень многие только носили громкое имя города, но имели вид и значение большого села. XV и XVI века были временем политическо-

го упадка старых русских городов, вследствие новых исторических условий, среди которых они тогда очутились. Старинные веча этих городов давно замолкли; дольше всех слышался их голос в Новгороде и Пскове; наконец пали и эти последние остатки вечевого быта, один в конце XV, другой в начале XVI в. В то же время в них происходит усвоение чужих форм устройства, различных по различию исторических судеб, которые они испытали. Эти исторические судьбы разделили их на две стороны: одни пристали к Литве и потом соединились с Польшей, другие отошли к Московскому государству. Этим определились и те формы устройства, которые они должны были принять волей или неволей со стороны, так как свои оказались несостоятельными или несогласными с теми новыми началами, которым они должны были подчиниться. Западные и юго-западные города через Польшу принимают во второй половине XV и в первой XVI века Магдебургское право; Новгород и Псков принимают устройство низовых городов Московского государства. Но одновременно с тем, как падают старые вечевые города, в северо-восточной России поднимаются новые, великокняжеские. Во главе последних явилась Москва, которая как по географическому положению, так и по значению стала центром государственного развития.

План Москвы Сигизмунда Герберштейна 1556 года

Почти все иностранцы, писавшие о Московском государстве, сообщают нам более или менее подробные известия о его столице, самое обстоятельное описание ее в XVI в. находим у Герберштейна, который приложил к своим комментариям и план Московского Кремля.

По словам последнего, город Москва лежит далеко на востоке, и если не в Азии, то по крайней мере на самом краю Европы. Иовий говорит, что по выгодному положению своему в самой населенной стране, в середине государства, по своему многолюдству и *удобству водяных сообщений* Москва есть лучший город в государстве, преимущественно пред

другими заслуживает быть его столицей и, по мнению многих, никогда не потеряет своего первенства. Так думали в XVI в. московские люди и думали справедливо; только относительно удобств водяных сообщений Герберштейн замечает, что судоходство по Москве-реке, между городами Москвой и Коломной, затрудняется извилинами реки. Самый город весь почти деревянный и очень обширен, но издали кажется еще обширнее. Это происходит от того, что почти при каждом доме есть обширный сад и двор; кроме того, на краю города длинными рядами тянутся здания кузнецов и других мастеров, употребляющих огонь при своих работах; между этими зданиями также находятся обширные поля и луга. Поссевино приблизительно определяет пространство, которое занимала Москва до сожжения ее Татарами (в 1571 г.), в 8 000 или 9 000 шагов. По Флетчеру, она имела тогда до 30 миль в окружности. Этим объясняется, почему Меховский говорит, что Москва вдвое больше Флоренции и Праги, а англичанам, приезжавшим в Россию в 1553 году, она показалась с Лондон²⁷³; Флетчер считает Москву с слободой Наливками даже больше Лондона.

---

²⁷³ Лондон в XV в. имел не больше 50 000 жителей.

Московские улицы. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...», XVII в.

С начала XVI в., кажется, стало заселяться и Замоскворечье: по словам Герберштейна, за несколько лет до его приезда в Москву великий князь Василий велел построить там новую слободу Нали (от слова «налей», infunde) для своих телохранителей, которым позволено было держать и пить водку, мед и пиво во всякое время, тогда как прочим жителям это разрешалось только в большие праздники; поэтому, чтобы другие не заражались примером государевых телохранителей, последним выстроили жилища за рекой, вне горо-

да. Гваньини прибавляет к этому, что здесь же имели пребывание наемные солдаты и приезжие иностранцы, которые пользовались тою же привилегией относительно питей. Город широко раскидывался большею частью по ровной местности, не сдерживаясь никакими пределами, ни рвом, ни стенами, никакими другими укреплениями. Улицы на ночь загораживались поперек положенными бревнами²⁷⁴, как только зажигались вечером огни, около этих загорожек становились сторожа, которые никому не позволяли ходить по улицам позже урочного часа, а кто попадался, того караульные били и обирали или бросали в тюрьму. Но если шел ночью какой-нибудь известный и знатный человек, сторожа провожали его до дома. Ходить ночью по городу позволено было только по крайней нужде и непременно с фонарем. Такие же сторожа ставились по той стороне города, с которой находился открытый вход в него, потому что с других сторон город окружен реками Москвой и Яузой; через последнюю трудно было переходить, по высоте ее берегов; на ней стояло множество мельниц.

---

²⁷⁴ «Решетками», которые вместе с решеточными приказчиками заведены в Москве в 1494 году.

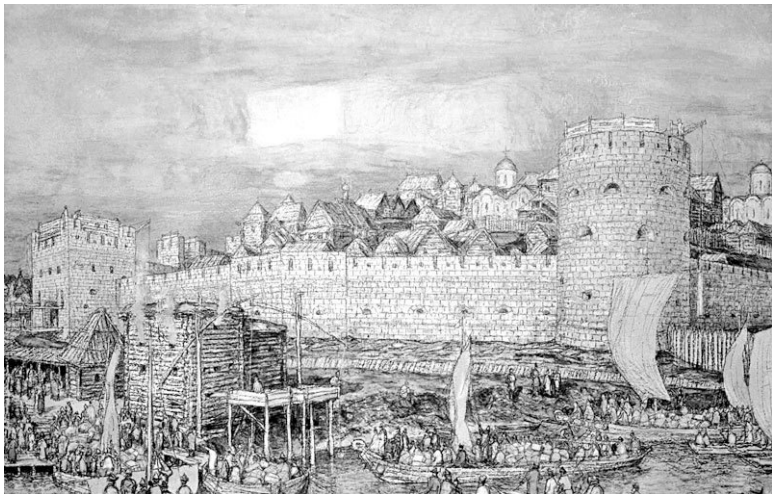

А. Васнецов. У стен деревянного города

На Москве-реке было несколько мостов. Зимой, когда она покрывалась твердым льдом, купцы ставили на нем свои лавки, прекращая почти совсем торговлю в городе. Сюда свозили на продажу хлеб, дрова, сено и битую скотину. Любо смотреть, восклицает Контарини, на это огромное количество мерзлой скотины, совсем уже ободранной и стоящей на льду на задних ногах. Здесь же происходили конские скачки и другие увеселения, откуда многие возвращались с сломанными шеями. Город в дождливое время был очень грязен, потому на площадях и улицах строились кой-где мо-

сты. По словам Климента, улиц было очень много, но расположены они беспорядочно. Флетчер упоминает о мостовой, состоявшей из обтесанных бревен, положенных одно подле другого без всякой связи. Среди города стоит крепость, омываемая с одной стороны рекой Москвой, а с другой Неглинной, которая, вытекая из болот, у верхней части крепости разливалась в виде пруда; вытекая отсюда, наполняла рвы крепости, на которых стояли мельницы, и наконец под самую крепостью впадала в Москву. Крепость очень велика: в ней, кроме обширных дворцовых зданий, находились дома митрополита, братьев великого князя (по известию Герберштейна), вельмож и многих других лиц; кроме того, в ней было много церквей, так что все это вместе давало крепости вид отдельного, довольно значительного города. В XV в., по словам Барбаро, крепость со всех сторон окружена была рощами, но писатели XVI в. о них не упоминают. Путешественники XV в. не сообщают никаких известий о стенах крепости. Герберштейн говорит, что до Иоанна III она окружена была бревенчатыми стенами; но мы знаем, что каменную стену начали строить еще при Дмитрие Донском и после неоднократно обновляли.

А. Васнецов. Московский Кремль при Дмитрие Донском

По известиям XVI в., крепость окружали кирпичные стены с башнями и бойницами, построенные итальянскими мастерами, о чем Поссевино прочитал надпись над одними из кремлевских ворот, под образом Богоматери. Во время пребывания Ченслера в Москве здесь строились стены из кирпичей в 18 футов толщиной. По известиям конца XVI в., к главной крепости, называвшейся большим городом, примыкал Китай-город²⁷⁵, также обнесенный стенами, в котором Поссевино видел новые лавки (вероятно,

---

²⁷⁵ Построен в 1534 году.

вновь построенные после 1571 года), расположенные улицами, по родам товаров; но эти лавки были так малы, что, по выражению Поссевино, в одном венецианском магазине найдется больше товаров, нежели в целом ряду московских лавок. Барбаро и Контарини говорят, что все здания в Москве деревянные, хотя последний застал уже здесь Аристотеля, и с конца XV века столица начала украшаться каменными зданиями. Впрочем, каменные постройки распространялись медленно. В первой половине XVI в. на посаде было очень немного каменных домов, церквей и монастырей; даже в Кремле дома и церкви были большею частью деревянные; из церквей каменные были Архангельский и Успенский соборы. При Герберштейне начинали строить и другие каменные церкви. Во второй половине XVI в. их было уже довольно, но из домов вельмож было только три каменных. Всех церквей в Кремле, по показанию того же иностранца, было 16. На посаде было очень много церквей, и многие из них, по словам Поссевино, стояли, кажется, больше для украшения города, нежели для богослужения, потому что большую часть года были заперты. Дома были не очень велики и внутри довольно просторны, отделялись друг от друга длинными заборами и плетнями, за которыми жители держали весь домашний скот, что, говорит Поссевино, дает им вид наших сельских домиков. Дома строились очень скоро и дешево; порядочный дом можно было построить рублей за 20 или 30. Герберштейну сказали,

что в Москве всех зданий более 41 000; но он сам называет это число едва вероятным. Это показание повторяет и Флетчер. О числе жителей в Москве у Герберштейна нет известия; по показанию Поссевино, их считалось не более 30 000; но при Поссевино, 11 лет спустя, после разгрома 1571 года, Москва была далеко не тем, чем была она при Герберштейне. Вокруг города видно было несколько монастырей, из которых каждый казался издали небольшим городом. Город со всех сторон окружен был пространными полями, за которыми видны были обширные леса²⁷⁶.

---

²⁷⁶ *Ба рбаро*, 58. – *Конта рини*, 108 и с лед. – *К а м п е н з е*, 23. – *Иовий*, 33–37. – *Herber s t e in*, 45 и 46. – *Clemens Adam*, 147. – *Guagnini*, 155. – *Possevino*, 14–17. – *Флетчер*, гл. 4-я.

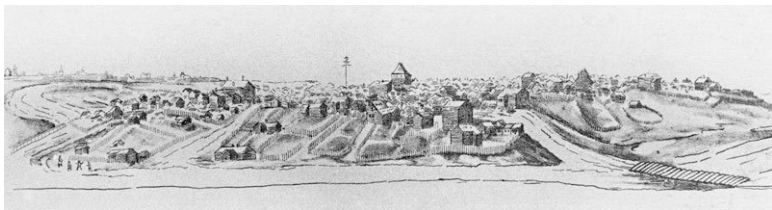

А. Васнецов. Московский застенок. Конец XVI века

С большими подробностями говорят о Москве путешественники XVII века. Иностранцы с любопытством осматривали этот большой город, давший имя целой стране, тянувший к себе всю ее жизнь. Наиболее полное описание Москвы в XVII в. находим у Олеария и Таннера. Москва лежала в самой середине государства, почти в равном расстоянии от всех границ, приблизительно в 120 милях, по показанию

Олеария. Издали Москва производила выгодное впечатление на путешественника своими бесчисленными церквами и белыми стенами Кремля, возвышавшимися над громадной черной массой домов. Авриль замечает, что вид на Москву издали есть одно из прекраснейших зрелищ, когда-либо им виденных, по величине и великолепию города. Но очарование исчезало, как скоро путешественник въезжал в самый город: ему представлялись здесь неправильные, неопрятные улицы, маленькие церкви и множество невзрачных, бедных домиков; город, по замечанию Олеария, казавшийся издали великолепным Иерусалимом, внутри являлся бедным Вифлеемом. Улицы были широки, но неровны и большею частью немощены; в ненастное время на них вязли по колено в грязи, хотя кое-где клались, как ни попало, бревна и небольшие мосты. Некоторые улицы вымощены были досками и круглыми бревнами, положенными поперек улицы с насыпанной в промежутках землей; оттого по ним обыкновенно ездили на некованых лошадях. По замечанию Рейтенфельса, на этих улицах в летнее время было или пыльно, или грязно, но зато зимой – гладь. Только при кн. В. В. Голицыне и по его распоряжению весь город был вымощен досками; но со времени опалы этого вельможи мостовая его, по словам Невиля, поддерживалась только на главных улицах. Неопрятность улиц заставляла иногда принимать меры, которые очень удивляли иностранцев: во время крестных ходов впереди духовенства и образов шли до 130 человек с метлами, которые расчища-

ли улицы и усыпали их песком. Путешественники XVII в. говорят, что город наполнен деревянными домами. Дома казались иностранцам низкими и некрасивыми, строились обыкновенно в два жилья, из сосновых или еловых брусьев, крылись тесом или берестой, которую иногда обкладывали сверху еще дерном. Только у вельмож, некоторых богатых купцов и Немцев были каменные дома, но с маленькими окнами, к которым приделывались жестяные или железные ставни, для защиты дома на случай пожара. С тою же целью дома ставились на большом расстоянии один от другого; при каждом были обширный двор и сад.

Новая немецкая слобода в Москве. Рисунок из альбома Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII в.»

Немцы, живущие в Москве. Рисунок из альбома Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII в.»

Каменные постройки особенно усилились во второй половине XVII в. Мейерберг говорит, что с некоторого времени появилось в городе значительное число каменных зданий; особенно распространял каменные постройки в Москве В. В. Голицын; при нем, по свидетельству Невиля, построено было в Москве больше 3000 каменных домов. Впрочем,

распространению каменных домов мешало, между прочим, и то, что они считались нездоровыми; оттого каменные стены внутри комнат обшивали тесом, подкладывали под него мох. Украшением улиц и всего города были церкви. В начале XVII в., по свидетельству Маржерета, было еще очень много деревянных церквей, хотя, добавляет тот же иностранец, с некоторого времени построено довольно и каменных. Во второй половине XVII в., если верить Рейтенфельсу, почти все церкви были уже каменные. Каменные церкви были все круглые, пятиглавые, с широкими куполами, покрытыми жстью. Колокола помещались и на колокольнях, и внизу в церковной ограде, на столбах; Олеарий говорит даже, что чаще встречалось последнее. При каждой церкви было по крайней мере 6 колоколов, но большею частью они весили не более 4 или 5 пудов. Иностранцев изумляло множество церквей в Москве; весь город наполнен ими, говорит Таннер; сами жители сознаются, что они не знают точного их числа; по свидетельству Олеария, на каждые пять домов приходилось по церкви. Всех церквей в городе и предместьях с монастырями считали во время Олеария больше 2000²⁷⁷. Такое множество церквей Олеарий объясняет тем, что в Москве всякий сколько-нибудь знатный господин имел при доме свою церковь, где он один только со своими родственниками слушал божественную службу. Впрочем, церк-

---

²⁷⁷ По *Буссову*, по крайней мере 3 000, по *Петрею*, даже около 4 500, по *Таннеру* и *Штраусу*, 1 700, по *Корбу* больше 200.

ви были очень небольшие; многие имели, по словам Олеария, не более 15 пядей в ширину. Не меньше изумляла иностранцев и обширность пространства, на котором раскинулась Москва. В XVII в. это пространство далеко не могло равняться тому, какое занимала Москва в половине XVI в.. такие годы, как 1571 и 1611, не могли не оставить на городе глубоких следов, которые трудно было загладить. С трудом поправлялась Москва; но уже не достигала прежних объемов: до конца XVII в. мы встречаем у иностранцев замечание, что, по словам самих жителей Москвы, прежде она была гораздо обширнее и многолюднее. Несмотря на это, и в XVII в. город был очень обширен и принадлежал к числу самых больших городов Европы²⁷⁸; по свидетельству Олеария, он имел в окружности около 3 миль, а по Мейербергу около 19 верст²⁷⁹.

О размерах города можно заключить также по числу домов, какое показывают иностранцы XVII в., и по обширности пустых мест между домами и улицами. Несмотря на разгром 1611 года, уже во второй четверти XVII в. в Москве считалось более 40 000 домов. Писатели второй половины XVII в. показывают еще больше; по Лизеку, домов в Москве было больше 42 000, а по Штраусу, около 95 000. О числе жи-

---

²⁷⁸ *Olearius*: il est certain, que c'est aujourd'hui une des plus grandes villes de l'Europe.

²⁷⁹ *Буссов* говорит, что до пожара в 1611 году столица имела в окружности больше 4-х миль. «Сказания современников о Димитрии Самозванце», ч. 1-я, стр. 208.

телей также имеем несколько несходных показаний; но почти все иностранцы говорят, что оно соответствовало обширности города. Из одного места в летописи Буссова видно, что до польского разгрома в Смутное время не только русские, но и поляки полагали в Москве около миллиона жителей. Позднейшие известия значительно уменьшают это число: по Рейтенфельсу и Аврилю, жителей в Москве было около 600 000, по Невиллю – от 500 000 до 600 000. Кроме Русских, в Москве жили очень много Греков, Персиян, Немцев, Турок и Татар, но Жидов не было вовсе, ибо их не терпели не только в столице, но и в пределах государства.

А. Васнецов. Площадь Ивана Великого в Кремле, XVII век

История государства положила резкую печать на всю физиономию его столицы, на ее расположение и укрепления: видно было, что этот город рос медленно, расширяясь от центра во все стороны, захватывая окрестные селения, слагался под влиянием постоянных внешних опасностей. По описанию Олеария, город состоял из 5 главных частей; три из них имели вид особых городов, огибавших один другой: это были Китай-город с Кремлем, Белгород и Земля-

ной город. Китай-город занимал средину и был окружен толстою каменною стеной, которую называли *Красной стеной*. С юга эту часть омывала река Москва, а с севера Неглинная. Почти половину Китай-города занимал царский замок Кремль²⁸⁰: он расположен в самой середине города, составляя как бы его сердце, по выражению Таннера, и окружен был тройною толстою каменною стеною и глубоким рвом²⁸¹. В Кремль вели 5 ворот; те, которые выходили в Китай-город и Белгород, затворялись каждые тремя дверьми. У этих ворот, с внешней стороны Кремля, сделаны были через ров мосты на сваях. Под одними из ворот, ведущих в Китай-город (Флоровскими), возвышалась башня с часами, показывавшими время по московскому счислению; когда царь уезжал из Кремля, эти ворота запирались. В самом Кремле внимание наблюдателя прежде всего останавливали на себе две башни, возвышавшиеся на средине его: одна из них, Иван Великий, очень высокая, со множеством колоколов²⁸², другая была замечательна по висевшему на ней громадному колоколу, слитому при Борисе Годунове и имевшему 346 центнеров веса; в него звонили только по большим праздникам и во дни придворных торжеств; его раскачивали 24 человека,

---

²⁸⁰ Иначе называемый у *Олеария* и других Крым-город.

²⁸¹ *Таннер* принял этот ров за другой рукав Неглинной.

²⁸² По описанию *Таннера*, на этой колокольне было 37 колоколов, висевших по окнам четырех ярусов колокольни в гармоническом порядке; подробности см. у *Таннера* на стр. 59–61.

которые стояли внизу, на площади²⁸³. В Кремле было два монастыря, мужской и женский, и больше 50 каменных церквей; Коллинс насчитывает их даже до 80; башенки на них, как и на Ивановской колокольне, покрыты были густовызолоченною медью, которая, блестя на солнце, представляла издали очень красивый вид. В углублении Кремля расположены были многочисленные царские палаты; перед ними, на Красной площади, Таннер видел до 200 пушек, расставленных рядами; незадолго до Олеария построен был великолепный каменный дворец (Теремный) в итальянском вкусе, но царь продолжал жить в деревянных хоромах, находя их более здоровыми. В Кремле же находились дома многих бояр²⁸⁴; но выше всех их поднимались великолепные каменные палаты патриарха, находившиеся подле царского дворца. Кроме того, в Кремле находилась царская казна, провиантский и пороховой двор и приказы, большая часть которых расположена была между Спасскими воротами и Архангельским собором; при В. В. Голицыне здесь построено было огромное здание для приказов, состоявшее из четырех кор-

---

²⁸³ При Алексее Михайловиче слит был другой колокол, еще больше, под которым, говорит *Мьез*, могли поместиться 40 человек. Из этого колокола при Анне Иоанновне слит был тот, который ныне лежит около Ивановской колокольни. «Сказания современников о Димитрии Самозванце», ч. 5-я, примеч. 59. — *Рейтенфельс* видел второй колокол и говорит, что он весил 320 000 фунтов.

²⁸⁴ При *Коллинсе* здесь были хоромы Черкасского, Морозова, Трубецкого, Милославского, Одоевского и др.

пусов, со множеством зал²⁸⁵. Вся крепость застроена была царскими и боярскими хоромами, церквами и другими зданиями, так что в ней почти не оставалось пустого места. Кроме царской придворной служни, в Кремле находилось постоянно, по свидетельству Лизека, до 20 000 царских телохранителей²⁸⁶.

А Васнецов. Спасские Водяные ворота Китай-горо-

---

²⁸⁵ Прежде приказы помещались «dans quelques granges», по выражению *Невиля*.

²⁸⁶ Дома патриарха и бояр исчезали в массе дворцовых зданий, так что нам понятна неточность некоторых иностранцев, говоривших, что весь Кремль есть не что иное, как дворец царя: *Stremelinum civitas est, quam solus czarus inhabitat. Lysek, 62.*

да в XVII веке

Вне Кремля, в отделении Китай-города, внимание иностранцев прежде всего останавливали на себе церковь Св. Троицы (Василий Блаженный), которую московские Немцы называли обыкновенно Иерусалимом; она удивляла иностранцев оригинальностью своей архитектуры, и некоторые называют ее очень изящной. Подле этого храма, на площади, лежали на земле две огромные пушки, обращенные на плавучий московский мост и на улицу, откуда обыкновенно нападали Татары. Прямо перед замком находился обширный рынок, главный в городе, со множеством купеческих лавок. Этим лавкам считали здесь до 40 000; они наполняли рынок и все соприкасавшиеся с ними улицы; для каждого товара назначены были особые места и лавки. Торговки холстом помещались на середине рынка.²⁸⁷ Перед самым Кремлем, на обширной четырехугольной площади не позволялось ставить лавки; но здесь кипела разносная торговля. Корб пересчитывает следующие ряды с товарами, расположенные один за другим по направлению от Кремля: 1) шелковый, 2) суконный, 3) серебряный (с золотыми и серебряными вещами), 4) меховой, 5) сапожный, 6) холстинный,

---

²⁸⁷ *Olearius*, 108: ou il se trouve encore une autre sorte de marchandes, qui tiennent des bagues dans la bouche et debitent avec leurs rubis et leurs turquoises une autre marchandise que l'on ne voit point. Cp. *Tan ner*, 64.

7) ряд, где продавались образа²⁸⁸, 8) ряд готового платья, 9) овощной, 10) рыбный, 11) птичий. Были и другие товары, для которых также назначены были особые места. На обширном ровном месте между храмом Св. Троицы и Красной стеной, по направлению к Москве-реке, находился обширный Гостинный двор, называвшийся Персидским, который был наполнен лавками Персиян, Армян и Татар, числом до 200, с золотыми и серебряными изделиями, драгоценными камнями и другими восточными товарами. Около этого двора, в Красной стене находились ворота, которые вели к плавучему мосту на Москве-реке. Кроме этого Персидского двора, в Китае-городе было еще два гостинных двора для иностранных купцов: в одном, старом, продавались, по словам Рейтенфельса, товары для ежедневного употребления; в другом, новом и самом обширном, помещались немецкие товары и платилась весчая пошлина. Эти три двора были каменные. В другой части Китая, с той стороны, где он омывался рекой Неглинной, находилось до 200 погребов с медами и заграничными винами. Около Казанского собора Олеарий указывает ножевой ряд²⁸⁹. Здесь же, близ площади, находился городской суд. Неподалеку от Посольского двора находилось место, уставленное множеством хижин и называв-

---

²⁸⁸ *Tanner* определяет положение последнего: est platea perampla, quam ipse dux quoquoersum pergat, pertransit; haec a Krimgorod porrigitur, non aliis quam pictoribus habitata. Hi quia divorum effigies venales faciunt, platea Divina dici meruit a Moscis. P. 64.

²⁸⁹ *Olearius*, 256: aupres de la rue, ou les marchands coustelliers ont leurs boutiques.

шеся *Вишвым рынком*; здесь производилась стрижка волос, которые лежали тут кучами, так что, говорит Олеарий, проходя этим рынком, ступаешь точно по подушкам. На Красной площади всего стояли до 200 извозчиков с маленькими санями или тележками в одну лошадь. Площадь с утра до вечера кипела народом; более всего было на ней, замечает Олеарий, холопей и праздношатающихся. Особенно оживлены были те места, где продавали нитки, холсты, кольца и т. п. товары: женщины, продававшие и покупавшие эти товары, по словам Олеария, подымали такой шум, что с непривычки можно было подумать, что горит город или случилось что-нибудь необыкновенное. Иностранцы второй половины XVII в. говорят, что почти все здания в Китае были каменные; между ними особенно отличались размерами и красотой Посольский двор, здание типографии, Греческий двор, также вышеупомянутые гостинные дворы и дома некоторых вельмож, наприм. князя Грузинского и др. В Китае жило много бояр, а также гостей или лучших купцов. При Маскевиче Красная стена имела 6 ворот, а на ней было 10 башен; на башнях и по стене расставлено было множество пушек. Улицы в Китае, как и в других частях Москвы, вымощены были круглыми бревнами; только две главные, – одна против Спасских ворот, по которой обыкновенно царь выезжал из города, а другая у посольского дома, – выложены были обтесанными брусьями.

А. Васнецов. Улица в Китай-городе. Начало XVII века

Вторую часть города составлял Белгород; по словам Таннера, прежде он назывался Царевым городом²⁹⁰. Белым же стал называться с того времени, как были поправлены и выбелены его стены. Эта часть Москвы огибала в виде полумесяца Китай-город с Кремлем и окружена была высокою и толстою каменною стеной, которая называлась *Белой*; эта стена шла от Москвы-реки вокруг красной и Кремлевской стены, пересекая реку Неглинную, и наконец возвра-

²⁹⁰ Маскевич называет его еще Ивангородом. Ср. «Домашний быт русских царей», И. Забелина, стр. 16.

щалась к Москве-реке по другую сторону Кремля. По свидетельству Таннера, Белгород был впятеро больше Китая. В этой части города жили много князей и бояр, сыновей боярских, или дворян, значительных купцов и ремесленников, особенно булочников; каждый ремесленник вывешивал на окна вещь, указывавшую на его ремесло; сапожник вывешивал сапог, портной лоскутки разных материй и т. п. Между ремесленниками, делавшими обувь, особенно много было таких, которые плели лапти для простого народа. Здесь было много мясных лавок, распространявших невыносимый запах от множества испорченного мяса, которое лежало перед лавками на солнце непокрытым. Здесь находился скотный рынок и было много кружал с водкой, медом и пивом, а также множество лавок с квасом, мукой и другими товарами. Кроме лавок, здесь было два больших завода, один пороховой, другой литейный, на котором лили пушки и колокола; место по берегу Неглинной, где стоял этот завод, называлось Поганым прудом. Недалеко от него, на другой стороне Неглинной, находились две царские конюшни, в которых содержалось до 1000 лошадей; там же была аптека и две тюрьмы, в которых, по свидетельству Таннера, всегда сидели до 2000 пленных Турок, Татар, и др. Остальное пространство Белгорода застроено было церквями, домами разных служилых и посадских людей, с обширными садами; между этими домами было много красивых каменных и деревянных, принадлежащих боярам и немцам; при Рейтенфельсе особен-

ным изяществом архитектуры отличались палаты Артамона Сергеевича Матвеева²⁹¹. Ряды зданий начинались на значительном расстоянии от стен; незастроенными оставались также небольшие площади у ворот, которые вели в Кремль и Китай-город.

Стены и башни Белого города, рядом с Угловой знаменитая Семиверхая башня. Реконструкция М. П. Кудрявцева

Третья часть города называлась Скородомом; она огибала Белгород с востока, севера и запада; через нее протекала река Яуза. До пожара в 1611 году Скородом был обнесен деревянной стеной, тянувшейся миль на 7 (35 верст), как сказывали Маскевичу, и в три копья вышиной. Эта стена простиралась и за Москву-реку, так что последняя пересекала ее в двух местах. Эта деревянная ограда имела множество ворот, между которыми возвышались на ней по две

---

²⁹¹ Любопытное описание внутреннего убранства палат Матвеева см. у *Лизека* на стр. 75 и след.

и по три башни, и на башнях стояло по 4 и по 6 больших орудий, кроме полевых пушек, которых было на стене так много, что и перечесть трудно, по выражению Маскевича. Вся ограда была обшита тесом; башни и ворота, весьма красивые, стоили, вероятно, много трудов и времени, добавляет Маскевич. Церквей было здесь множество, каменных и деревянных, – и все это, самодовольно восклицает Маскевич, в три дня обратили мы в пепел! При царе Михаиле (в 1637) вместо сгоревших деревянных стен насыпан был высокий земляной вал, который, по словам Коллинса, обложен был досками и бревнами; с того времени Скородом стал называться Земляным городом. Подле вала шел глубокий ров, наполненный водой²⁹². Таннеру сказывали в Москве, что этот вал простирался миль на 5. Скородом был самою большою частью города, но зато много уступал двум описанным частям и в красоте зданий и в зажиточности населения. Он был густо застроен бедными деревянными домиками, в которых жили мелкие ремесленники и другие посадские люди; кроме них в Скородоме жило очень немного служилых людей низших чинов. Здесь находились рынки, на которых продавали лес и готовые дома; эти рынки были завалены дровами, бревнами, досками, даже мостами, башнями и домами, со всем уже готовыми.

Три описанные части находились в прямой связи между

---

²⁹² Следы прежних деревянных стен видны были еще при *Таннере*; при *Корбе* Земляной город окружен был тыном и валом.

собою и составляли собственно город. К ним примыкали еще две части, расположенные отдельно; это были слободы Стрелецкая и Немецкая. Основанием Стрелецкой слободы послужила слобода Налейки или Наливки, построенная великим князем Василием Ивановичем для иностранных солдат; потом здесь поселены были стрельцы. Эта часть города лежала на другой стороне Москвы-реки, против Кремля и Китай-города; со стороны последнего к ней вел плавучий мост на судах. Стрелецкая слобода подразделялась на 8 частей; с одной стороны ее в виде полумесяца огибала Москва-река, а с других сторон она окружена была валом и деревянными укреплениями, которые соединялись с укреплениями Земляного города. Стрелецкая слобода была передовым укреплением Москвы против крымских татар, которые с этой стороны производили свои нападения на столицу. Кроме стрельцов, в Стрелецкой слободе жили мелкие торговцы и другие люди из простого народа. Подле слободы, по берегу Москвы-реки тянулись длинные сады и обширные луга, на которых паслись царские кони.

В версте от Скородома, за Покровскими воротами, находилось другое предместье, составлявшее 5-ю часть Москвы и называвшееся Немецкою слободой, или Кокуем. Эта слобода отделялась от Скородома небольшим полем и состояла из деревянных домов немецкой архитектуры. Таннер передает слышанные им в Москве рассказы о возникновении этой слободы. Когда иноземные солдаты и мастера, привле-

ченные в Москву, не могли мирно ужиться с москвичами в самом городе, их поселили за Москвой-рекой в слободе Наливках. Но иноземцам и там не дали покоя: москвичи постоянно кололи им глаза названием их нового местожительства, упрекая их в пьянстве; чтобы избавиться от насмешек и оскорблений, иноземцы выпросили у царя позволение поселиться в другом месте подле города. Здесь они построили несколько красивых деревянных домиков, и это новое поселение названо было Немецкою слободой, которая, по словам Таннера, вполне имела вид и устройство маленького немецкого городка. Незадолго до приезда Олеария туда же переселены были вследствие разных неприятностей иноземные купцы и офицеры, жившие прежде в Белгороде. Олеарий рассказывает, что жены иноземных купцов, не желая уступить женам иноземных офицеров, которые большею частью были прежде служанками, однажды подрались с последними в лютеранской церкви, находившейся в Белгороде, вследствие чего патриарх приказал перенести их церковь в Скородом.

А. Васнецов. Стрелецкая слобода

Немецкая слобода и немецкое кладбище. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...», XVII в.

К этому присоединились и другие неприятности. Чтобы не подвергаться насмешкам и оскорблениям со стороны москвичей, иноземцы, по словам Олеария, стали одеваться по-русски; но патриарх, заметив при одном церковном торжестве, что иноземцы, вмешавшись в толпу русских, непочтительно относятся к обрядам православной церкви, испросил у государя указ, чтобы иностранцы ходили в своем, а не в русском платье. Тогда иноземцы стали подвергаться еще большим насмешкам и обидам со стороны рус-

ских и, чтоб избавиться от этого, выселились, с разрешения царя, из города и основали особое предместье, Иноземную слободу, подле старой Немецкой, с которой она скоро и слилась в одно предместье²⁹³. Население Немецкой слободы представляло довольно пеструю смесь наций и вероисповеданий. Больше всего было немцев-лютеран: Олеарий говорит, что их было больше 1000 семейств. Они пользовались свободой богослужения и имели два храма. Были также кальвинисты разных наций; у них был один храм²⁹⁴. Меньше было католиков, Итальянцев и Французов; они не пользовались правом публично отправлять свое богослужение и не имели храма. Иностранные писатели говорят единогласно, что в Москве ни к каким иностранцам не относились с таким отвращением и недоверием, как к католикам. Многие из иностранцев принимали в Москве православную веру. Рейтенфельс указывает около Немецкой слободы особое предместье Басмановку, где жили иностранцы, принявшие русскую веру, отчего это предместье и называлось «слободою перекрестов». По словам Таннера, большинство иностранцев Немецкой слободы носило платье немецких дворян; даже служанок своих Русских или Татарок они одевали по-немецки. Близ Немецкой слободы находились три за-

---

²⁹³ О других причинах выселения немцев см. *Соловьев*. История России. Т. IX, стр. 423 и 424.

²⁹⁴ Так по *Таннеру*; *Рейтенфельс* говорит, что в Немецкой слободе было 3 лютеранских храма и 2 кальвинских.

вода – стеклянный, железоплавильный и бумажный, последний на реке Яузе; на них работали иностранцы. На равнине около Немецкой слободы при Алексее Михайловиче были два большие красивых сада, куда царь, по словам Таннера, каждую неделю ездил гулять в хорошую погоду.

«Старые» и «Новые» немцы в Москве. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...», XVII в.

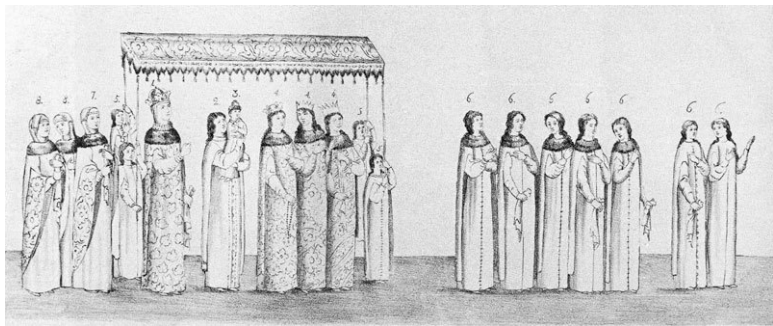
Иностранные писатели не сообщают нам подробностей об экономической жизни столицы, об интересах и отношениях различных классов ее населения; но у них есть заметки о повседневной жизни этого города, как она являлась на улице; они указывают на обычные явления этой жизни, которые помогают измерить уровень общежития и гражданственности в образцовом городе Московского государства. День начинался рано; летом с восходом солнца, а зимой еще до света пробуждалось городское движение; в Китай-городе раздавался уже среди толпы набат боярина, ехавшего в Кремль ударить челом государю. Москвитяне, замечает Невиль, любят ходить пешком и ходят очень быстро. Но это замечание могло относиться только к людям из простого народа: служилый человек считал неприличным для своего звания являться на улицу пешком; даже отправляясь недалеко, дома за три, он брал лошадь и если не ехал на ней, то приказывал вести ее за собой. Летом боярин ездил обыкновенно верхом, а зимой в санях, запряженных в одну рослую, обыкновенно белую лошадь, с сороком соболей на хомуте; ею правил конюх, сидя верхом без седла. Сани выстилались внутри медвежьей шкурой, у богатых белой, у других черной; о коврах не было и помину. Передки у саней были обыкновенно так высоки, что из саней едва можно было видеть голову конюха. Множество слуг провожали боярина; одни стояли на передках, другие посредине, боком к боярину, а некоторые сзади, прицепившись к саням.

В. Васнецов. Выезд царя Алексея Михайловича на охоту

Летом впереди боярина, ехавшего верхом, также шло много слуг. Еще пышнее и наряднее являлась на улице благородная женщина, зимой в саних, летом в небольшой колымаге, покрытой красным сукном и запряженной также в одну лошадь, увешанную мехами или лисьими хвостами, что считалось лучшим украшением лошади, хотя по отзывам иностранцев, это давало ей странный, безобразный вид. На лошади сидел парень в косматом полушубке и часто босоногий. В экипаже сидела дородная госпожа в широкой, ни-

где не стянутой одежде и так густо набеленная, что с первого взгляда, по замечанию Таннера, можно было подумать, что лицо ее обсыпано мукой²⁹⁵. В ногах у нее помещалась служанка, заменявшая для нее скамейку²⁹⁶. Все это в соединении с тряской, какую производила московская мостовая, делало из поезда дородной госпожи картину, потешавшую иностранца²⁹⁷. Знатную боярыню провожала многочисленная толпа слуг, часто доходившая до 30–40 человек.

Торжественный выход царицы с царевичем. Рисунок из альбома Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII в.»

²⁹⁵ *Olearius*: elles (женщины) n'oublent point de se farder le visage, le col et les bras.

²⁹⁶ *Tanmer*: in curru serva scabelli munus peragit, cui praepinguis domina pro lubito et commoditate pedes suos supra caput et humeros superponit.

²⁹⁷ *Ibid.*: spectaculum perjucundum fuit videre, quod ad minutissimum quemlibet currus motum foemineae pondus pinguedinis assidue agitaretur.

Еще большей странностью поражало иностранца появление в городе царицына поезда. Когда, говорит Маржерет, царица прогуливается, за ее каретою следуют несколько женщин, которые сидят на лошади верхом, как мужчины; на них белые поярковые шляпы, похожие на епископские клобуки, длинные платья из алой материи, с большими рукавами шириною более 3 футов. Хотя, говорит Невиль, в Москве более полумиллиона жителей, однако ж найдется не более 300 карет (колымаг); но зато там по всем площадям стоят более 1000 извозчиков с маленькими тележками или санями в одну лошадь; за деньгу, говорит Маскевич, извозчик скачет, как бешеный, с одного конца города на другой, и поминутно кричит во все горло: гись, гись, а народ расступается во все стороны. Но в известных местах извозчик останавливается и не везет далее, пока не получит другой деньги. Встретясь с другим извозчиком, он согласится скорее сломать у себя ось или колесо, нежели свернуть с дороги. В полдень, в обеденное время, движение стихало, лавки закрывались: перед ними видны были спящие купцы или их приказчики. В это время ни с кем нельзя было вести никакого дела, все засыпало, как в полночь; нет, говорит Олеарий, москвитянина, какого бы ни был он состояния, который не спал бы после обеда. Много некрасивых явлений замечал иностранец днем на московской улице; особенно поражало его постоянное употребление бранных слов, хотя это было запрещено царским указом.

По словам Олеария, по рынкам ходили особые пристава, которые хватали и тут же на месте наказывали виновного; но и они уставали наказывать на каждом шагу ругающийся и бранящийся народ. Еще больше темных явлений совершалось ночью. День оканчивался рано, как рано и начинался; длинная ночь, при плохом устройстве городской полиции, давала широкий простор для промысла лихим людям, которых много было в огромной столице Московского государства. Ночью на площадях и перекрестках стояла стража, смотревшая за тем, чтобы никто не ходил без фонаря; всякий, ехавший или шедший ночью без огня, считался вором или лазутчиком и немедленно отправлялся в Стрелецкий приказ для розыска и расправы.

Всякий раз, как били часы на Спасских воротах, стоявшие здесь караульщики ударяли палками по доске столько раз, сколько пробило часов. При домах бояр и богатых купцов также стояли сторожа, которые с прочими городскими дозорами, услышав стук у Спасских ворот, вторили ему, давая этим знать, что они не спят. Между тем иностранцы единогласно говорят, что в Москве не проходило ночи без убийств и грабежей; они указывают и на главную причину этих беспорядков. Дворяне, говорит Маржерет, измеряют здесь свое богатство числом служни, а не количеством денег; поэтому каждый из них держит множество холопов: по свидетельству Олеария, число их в некоторых боярских домах доходило до 100. Но господа не давали своим холопам пищи, а плати-

ли им кормовые деньги и в таком малом количестве, что холопы едва могли кормиться на них и оттого часто промышляли дурными средствами.

Того дѣла пресвѣтленый кси при дѣлми
тпропалитѣ ксѣ епсѣ кси псе а роу си
бѣ шлагой гоу мена корнео гла жксѣ аго
постѣ а пн а гол днннщеп жѣ пѣ помѣ
псари

Лазарь Сербин устанавливает часы в Кремле. Миниатюра из Лицевого Летописного свода, XVI в.

Празднование Вербного воскресенья на Красной площади. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...», XVII в.

Ночные сторожа служили плохой помехой лихим людям, напротив, даже помогали им и делили с ними добычу. Еще менее можно было обижаемому ждать помощи от обывателей: ни один домохозяин, говорит Олеарий, не решится высунуть голову из окна, а тем менее выйти из дома на помощь человеку, подвергнувшемуся нападению ночных разбойников, боясь, что последние сделают и с ним то же или еще хуже, подожгут его дом. Коллинс

указывает и на другое явление: обыватель боялся подать помощь умирающему, которого находил на улице, зная, что, если застанут его около мертвого тела, сейчас поволокут в Земский приказ, а там скоро не разделаешься. Оттого ночью по Москве нельзя было ходить без оружия и провожатых. Почти каждое утро на московских улицах поднимали несколько трупов; количество их страшно увеличивалось в праздники и особенно на Масленицу, когда к разбоям присоединялись многочисленные смертные случаи от пьянства.

По замечанию Коллинса, в Москве не проходило Масленицы без того, чтобы не поднимали на улицах от 200 до 300 человек, погибших от той или другой причины²⁹⁸. В праздники множество пьяных валялось по улицам, никто не прибирал их, и на другой день многие из них оказывались мертвыми. Поднятые на улице трупы отвозили на двор Земского приказа, где выставляли их на три или на четыре дня, чтобы родственники или друзья погибших могли взять и похоронить их; когда же никто не являлся, трупы отвозили в один «из убогих домов», бывших в Москве²⁹⁹; там их склады вали в общую яму, в конце мая отпевали и хоронили всех вместе, иногда трупов по 300, по словам Коллинса. Лихие люди часто прибегали к особенному средству пожить-

---

²⁹⁸ *Newville*: le desordre est si grand dans ce temps-la. que les etrangers qui logent, dans les faubourgs n'oseroient quasi sortir et venir a la ville; car ils (москвичи) s'enyurent et s'assomment comme des betes sauvages.

²⁹⁹ См. об этих домах «Сказания современников о Димитрии Самозванце», ч. I, примеч. 41 и *Adelung, Uebersicht* etc. II, 69.

ся на чужой счет: они поджигали дома зажиточных людей, прибегали на пожар будто для спасения имущества и воровали в обширных размерах. Оттого пожары в Москве чаще случались по ночам, вспыхивали вдруг в нескольких местах. Ночные убийства, воровство и пожары – вот обычные явления московской жизни, отмеченные иностранцами³⁰⁰. Кроме злого умысла, пожары происходили и от неосторожности. Записки иностранных путешественников о Москве наполнены известиями о пожарах. Не проходило почти недели без того, чтобы не сгорали целые улицы. Пожары были, так сказать, привычным, ежедневным явлением, к которому относились довольно равнодушно; если пожар истреблял сотню или две домов, о нем и не говорили много; только тот пожар считался в Москве большим и оставлял по себе память, который истреблял по крайней мере 7000 или 8000 домов. Приехав в Москву в 1634 г., Олеарий увидел в Белгороде обширные пустыри с остатками сгоревших зданий; незадолго перед тем пожар обратил в пепел до 5000 домов; погоревшие жили на пепелище в шалашах и палатках. Для предупреждения подобных несчастий ночью ходили по городу стрельцы и сторожа с топорами, которыми в случае пожара ломали соседние здания, домов 20, пока не доходили до ближнего угла или площади, и отвозили де-

---

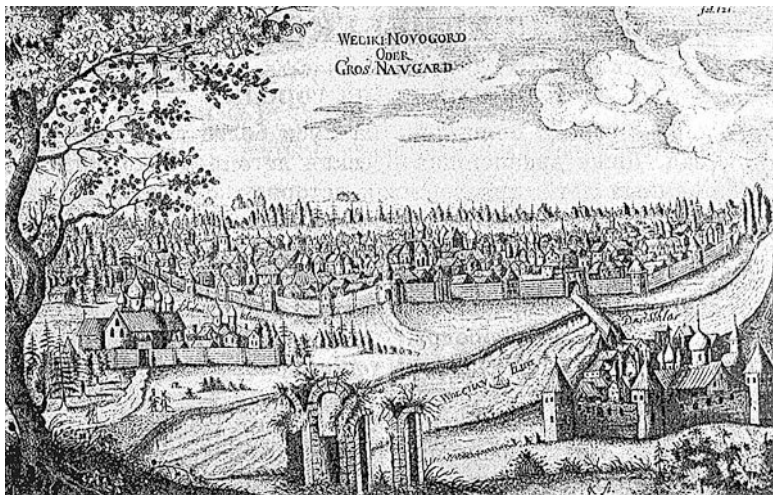
³⁰⁰ В дневнике *Корба* постоянно встречаются известия о Москве вроде следующего: *exitiali incendio multae aedes perierunt; inventi etiam publicis in plateis duo Mosci quibus capita nefando crimine erant abscissa.*

рево дальше от огня; если же какое-нибудь здание надо было сберечь, его покрывали воловьей кожей, которую поливали водой. Впрочем, о сгоревших домах и не жалели много: что было подороже из имущества, хранилось в подземных кладовых, а дома скоро покупались совсем готовые на рынке, где их продавали тысячами; в короткое время и без особенных издержек их разбирали, перевозили в назначенное место и опять складывали. В Москве были плотники, которые в одне сутки ставили и отделявали дом. Легко понять, что это были за дома³⁰¹. Лизек даже видел на рынке продававшуюся старую колокольню. Кроме того, в обширных лесных рядах продавалось столько строевого леса, что из него можно было, по выражению Мьежа, выстроить целый город³⁰².

---

³⁰¹ *Neuville*: chacune de ces maisons ne vaut gueres plus qu'une etable a cochon en Allemagne ou en France.

³⁰² *Avril*, 158. – *Маржсерет*, 34. – *Буссов*, 79, 95, 100. – *Mayerberg*, I, 42, 99. – *Carlisle*, 80, 286. – *Olearius*, 106, 256, 269, 158, 167, 25. – *Lyseck*, 95, 62. – *Struys*, 117–120. – *Neuville*, 185, 19 8, 17 9, 18 9, 14, 19 0. – *Korb*, 194. – *Маскевич*, 70–74, 64. – *Tanper*, 52. *Коллинс*. 175. – *Рейтенфельс*, 18–24.

Вид Великого Новгорода в XVII в. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...», XVII в.

Первое место между городами Московского государства после столицы в XVI в. принадлежало Новгороду Великому. Ланноа еще застал его таким, каким был он в лучшее время своей жизни, и так описывает его наружный вид: «Город необыкновенно обширен, расположен на прекрасной равнине, окруженной лесами; но огорожен он плохими стенами, состоящими из плетней (de cloyes) и земли, хотя башни на них каменные; на берегу протекающей среди города реки расположена крепость, в которой находится глав-

ная в городе церковь Св. Софии; здесь живет епископ города³⁰³. Одерборн говорит, что некогда одно имя этого города приводило в страх соседей и что новгородская поговорка «Кто против Бога и Великого Новгорода» очень часто повторялась у саксонцев. Иностранцы говорят об огромных богатствах независимого Новгорода, бывших следствием его обширной торговли: по словам Кампензе и Герберштейна, московский государь, завоевав Новгород, вывез оттуда более 300 возов, наполненных золотом, серебром и другими дорогими вещами. Несмотря на страшные бури, которые пронеслись над Новгородом во второй половине XV в., в XVI его продолжают называть знаменитейшим и богатейшим городом Московского государства после столицы. К нему с большею справедливостью, нежели к Москве, можно было приложить замечание Иовия об удобствах водных сообщений, и англичане не без основания называли его лучшим торговым городом в государстве: хотя государь, пишет Ченслер, утвердил свой стол в Москве, но положение при реке, открывающей путь к Балтийскому морю, дает Новгороду первенство пред столицей в торговле, привлекая к нему больше купцов. О наружном виде его в XVI в. иностранцы сообщают немного сведений. По словам Иовия, Новгород славился бесчисленным множеством зданий; в нем было много богатых и великолепных монастырей и изящно изукрашенных церквей. Здания, впрочем, почти все были деревянные.

---

³⁰³ *G. de Lannoy*, 19.

Англичане доносили, что, уступая Москве в достоинстве, он значительно превосходил ее обширностью. Новгородский кремль имел почти круглый вид и был окружен высокими стенами с башнями³⁰⁴; кроме собора и зданий подле него, в которых жил архиепископ с духовенством, в нем почти не было других зданий. За год до приезда Поссевино в Новгород один иностранный архитектор окружил кремль новой, земляной стеною, на которой поставил несколько бойниц с пушками. В письме к начальнику иезуитского ордена Поссевино прибавляет, что в кремле, кроме упомянутых зданий, было еще несколько деревянных хижин, а около города по Ильменю и с других сторон было много монашеских обителей; Поссевино считает в Новгороде в мирное время не более 20 000 жителей: такова была разница между Новгородом XVI и Новгородом XIV века, когда в нем считали до 200 000 жителей. Кроме материальных потерь, понесенных им в XV и XVI вв., иностранцы указывают и потери нравственные: Герберштейн замечает, что жители его отличались прежде большею мягкостью нравов и прямою характером, но что с тех пор, как поселились в нем более грубые и криводушные жители из московских областей, нравы города сильно испортились. В XVII в. Новгород продолжал сохранять важное значение в торговле Московского государства; но о том, каким был он прежде, во время своего процветания, можно было только догадываться по скуд-

---

³⁰⁴ Каменный детинец построен в Новгороде в 1491 г.

ным остаткам: вокруг города видны были еще следы прежних стен, а также развалины церквей и монастырей, бывших некогда в черте города³⁰⁵.

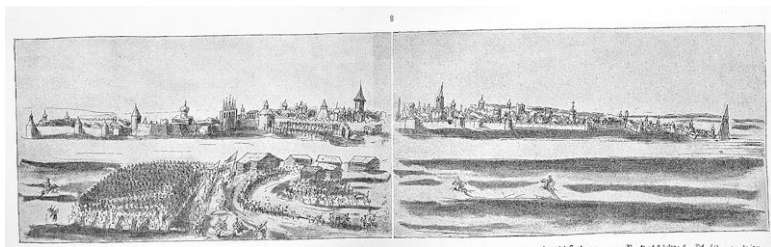
Псков, этот младший брат Новгорода, подобно ему много потерпел от Москвы, но и в XVI веке сохранял еще важное значение в Московском государстве. В концов этого века он особенно стал известен иностранцам благодаря знаменитой осаде его Ст. Баторием и считался первою крепостью в государстве. Ланнуа, проездом из Новгорода посетивший и Псков, ограничивается относительно последнего немногими словами, что он очень хорошо укреплен каменными стенами с башнями и имеет очень большой замок, в который никто из иностранцев не смеет входить, в противном случае подвергается смерти³⁰⁶. Затем о внешнем виде Пскова мы не встречаем у иностранцев известий почти до конца XVI в. Герберштейн замечает только, что Псков – единственный город в государстве, который весь окружен стенами. Более обстоятельное описание его сообщает Поссевино, долго живший в польском лагере пред Псковом. По его словам, Псков окружен каменной стеною, с башнями, материал для которой доставляло русло реки (Великой); посередине города, имеющего вид продолговатого треугольника, проходит дру-

---

³⁰⁵ *Oderbornii* «Vita Ioanni Basilidi» в «Rerum Moscoviticarum auctores varii», р. 243. – *К а м н е н з е*, 2 2. Io b. 36. – *He r b e r s t e i n*, 54. – *P o s s e v i n o*, 15, 17 и с л е д. – *U l f e l d*, 13. «Supplementum ad historica Russiae Monumenta», № CLXII. – *Olearius*, 90. – *Carlisle*, 304.

³⁰⁶ *G. de Lannoy*, 22: ou nul francq crestien ne peut entrer qu'il ne lui faille murir.

гая стена, при которой расположены один за другим три замка³⁰⁷. Ульфельду сказывали в Пскове, что этот город имеет 300 церквей и 150 монастырей; и те и другие почти все каменные.

Псков. Рисунок из альбома Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII в.»

По описанию Вундерера, посетившего Псков в 1589 году, город был очень многолюден и делился на 4 части, имевшие вид особых городов, окруженных каменными стенами. Здесь жило много иностранных купцов и ремесленников; люди каждого ремесла жили особо; жилища кузнецов и других мастеров, употребляющих огонь при своих работах, расположены были длинными рядами вдали от других. Дома простых граждан в Пскове были большей частью деревянные и окружались заборами, плетнями, деревьями и огородами; над воротами каждого дома висел литой или писанный об-

³⁰⁷ Эти три замка были Кремль, Средний город и Большой город.

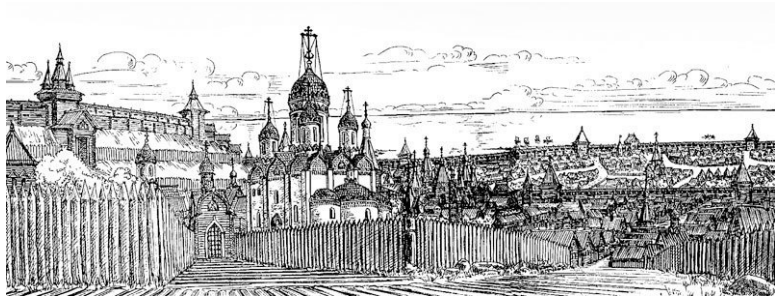
раз. В этом городе, битком набитом, по выражению Поссевино, деревянными зданиями, по сомнительному показанию Вундерера, считалось до 41.500 домов. В одном из замков Вундерер видел очень красивый дворец государя, в котором все покои убраны были красным бархатом. Подле замка стоял большой каменный дом, называвшийся *Rachmar*, в котором иностранные купцы выставляли свои товары, продавали, покупали и меняли. Потом Вундереру показывали другое здание, в котором держали несколько белых медведей, белых волков и буйволов для боя³⁰⁸. Несмотря на множество зданий, какое показывают в Пскове Вундерер и Поссевино, последний и в нем, как в Новгороде, считает в мирное время не более 20 000 жителей. По словам Герберштейна, псковитяне отличались прежде обходительностью, торговые дела вели добросовестно, без хитрости и обмана; но со времени поселения между ними Москвитян нравы в Пскове, как и в Новгороде, изменились к худшему³⁰⁹. В XVII в. Псков сохранял еще значительные размеры, имел в окружности, по свидетельству Штрауса, более 2-х миль, но вблизи представлял жалкий вид; дома в нем были по-прежнему почти все деревянные, а стены хотя и каменные, но с плохими башнями, улицы нечистые и немощеные, кроме главной, вы-

---

³⁰⁸ Darnach fuhr man uns in ein ander Hausz, in dem unter der Erde ettlich weisz Beeren, weisz Wolff und Uhrochse zum Kempfen ernehret werden. «Frankf. Archiv fur altere deutsche Litter.» etc., herausgegeben. von Fichard, B. II, S. 202.

³⁰⁹ *Possevino*, 18. – *Herberstein*, 56. – *Ulfeld*, 12.

ходившей на торговую площадь; эта улица вымощена была вдоль положенными бревнами³¹⁰.

Белозерск. Вид улиц от Успенского собора. XVI в.

---

³¹⁰ *Struys*, 106.

**Вид Иван-города со стороны Нарвы. Литография
сер. XIX в.**

Москва, Новгород и Псков имели каменные крепости. К таким же крепостям причисляются во второй половине XVI в. Порхов, Старица, Нижний, Александровская слобода, Белозерская крепость и другие города. Построенная при Иоанне III каменная крепость на ливонской границе – Иван-город во второй половине XVI в. отходила на некоторое время к шведам. Но большая часть крепостей и в XVI в. состояла из деревянных укреплений. В начале этого века Московское государство приобрело важную деревянную

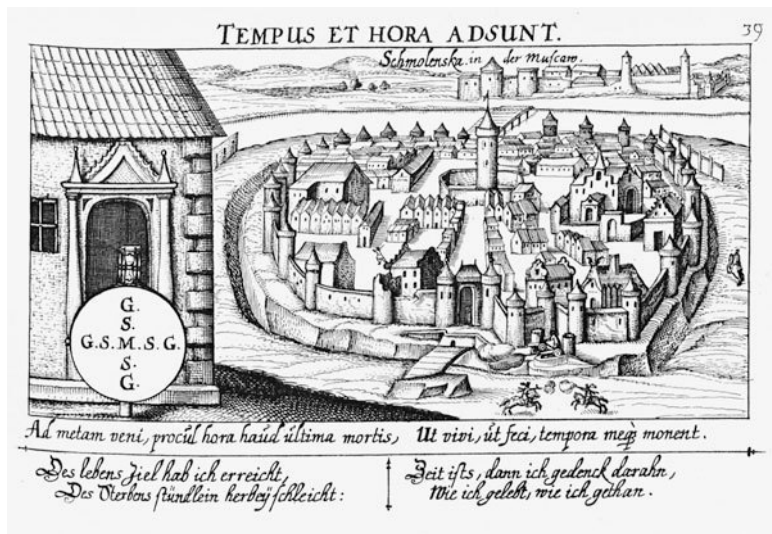
крепость Смоленск³¹¹, за которую шла давняя борьба между двумя соседними государствами; эта борьба продолжалась и после присоединения Смоленска к Московскому государству, весь XVI и даже XVII век. По описанию Герберштейна, город расположен в долине, окруженной со всех сторон холмами и лесами; в окрестностях его видны развалины многих каменных монастырей. Кобенцелю Смоленск показался величиной с Рим; здания в нем все деревянные, кроме соборного храма в крепости на горе. Крепость, расположенная на левом берегу Днепра, на возвышении, была построена домами и имела вид отдельного города; с одной стороны она омывалась рекой, а с другой окружена была глубоким рвом и заостренными бревнами (тыном). Поссевино не упоминает о тыне, но говорит, что крепость окружена насыпью, обделанной плетнем, в отверстиях которой поставлены пушки. В правление Бориса Годунова крепость обведена была новою, каменною стеной; по описанию Маскевича, присутствовавшего при осаде Смоленска в 1609 году, эта стена имела три сажени толщины и 3 копья вышины; на ней было 38 четырехугольных и круглых башен, на расстоянии 200 сажен друг от друга. В городе до польской осады в 1609 г. было около 8 000 домов; но разорение, какое потерпел он во время этой осады, было так велико, что еще при Мейерберге он представлял одни развалины. Проезжая через Смоленск в 1678 году, Таннер заметил в крепости оживленную

---

³¹¹ Clavis Moscuæ, по выражению *Таннера*.

деятельность: достраивали новые каменные стены. В городе между товарами на рынке Таннер заметил больше всего горшков и деревянной, красиво выточенной посуды³¹².

Первый план города Смоленска. Г. Келлер, нач. XVII в.

Некоторые города, по свидетельству Поссевино, были окружены бревнами, сложенными в четырехугольники, ко-

³¹² Herberstein, 52. – Кобенцель, 140. – Possevino, 19. – Буссов, 29. – Маскевич, 19. – Mayerberg, II, 154. – Tanner, 32. – Neuville, 4. – Лизек называет Смоленск *inexpugnabile patriae totius antemurale et potentissimum Borysthenis frenum* (стр. 26).

которые наполнялись землей или песком, отчего их трудно было разбивать, а чтобы они не легко загорались, их обмазывали глиной³¹³. Кроме упомянутых городов, в XVI в. считались важными пограничными крепостями Казань и Астрахань. По описанию Олеария и Штрауса, Казань довольно большой город с деревянными укреплениями и домами; но крепость окружена толстыми каменными стенами и снабжена артиллерией и значительным гарнизоном; русло реки Казанки служит для нее очень хорошим рвом. В городе живут Русские и Татары; последним запрещено входить в крепость под страхом смертной казни³¹⁴. Тверь, Рязань, Владимир и Нижний принадлежали к числу значительных городов, но не считались важными укрепленными местами, хотя и в них были крепости, а в Нижнем была даже каменная крепость, построенная великим князем Василием Ивановичем против Черемис, как замечает Герберштейн. Тверь, по описанию Поссевино, казалась издали очень большим городом; она имела довольно большое количество домов, но населением много уступала Пскову и Смоленску, т. е. в ней далеко не было и 20 000 жителей. Город расположен на левом берегу Волги и, если верить показанию Меховского, имел 160 деревянных церквей; против него, на другом берегу реки, стояла деревянная крепость, в которой, по свидетельству того же иностранца, было 9 церквей, и из них только соборная бы-

---

³¹³ *Possevino*, 17.

³¹⁴ *Olearius*, 287. – *Struys*, 154.

ла каменная. В Смутное время Тверь, подобно многим другим городам Московского государства, подверглась страшным опустошениям, от которых не могла долго оправиться; от прежних стен ее не осталось и следа. В половине XVI века она была маленьким городком, окруженным деревянными укреплениями, и имела не более 150 домов³¹⁵.

Тверь. Рисунок из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно», 1906 г.

³¹⁵ «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 207. – *Petrijus*, 381. – *Mayerberg*, II, 74.

К менее значительным по величине городам причисляются в XVI в. Вологда и Ярославль; последний Флетчер называет самым красивым по местоположению. Вологда имела крепость; но оба эти города были гораздо важнее в торговом отношении. Значение Вологды увеличилось особенно с того времени, как открылась торговля с англичанами через Белое море: выгодное положение на торговом пути между гаванью Св. Николая и Москвой делало ее важным складочным пунктом в этой торговле. По описанию англичан, Вологда довольно большой город; посад его весь состоит из деревянных зданий, не исключая и церквей; крепость окружена красивою и высокою каменною стеною; в ней много церквей, между которыми есть каменные. В городе живут много богатых купцов. Благодаря его торговому значению, там всегда бывает большое стечение народа, особенно осенью, когда происходит движение товаров между Москвой и гаванью Св. Николая; купцы, направляющиеся от Белого моря к Москве, доплыв до Вологды, ждут здесь открытия санного пути, чтобы двинуться к столице³¹⁶.

---

³¹⁶ Hakluyt, I, 348 и 349, 423. – Carlisle, 107.

Вид Архангельска. Гравюра, XVII в.

В XVII в. на двух противоположных окраинах Московского государства с важным торговым значением являются два города: один новый – Архангельск, другой старый – Астрахань. Архангельск, по описанию Олеария, построен при устье Двины, там, где она разделяется на два рукава и омывает остров Подземский (Пудожерский). Сперва корабли входили в левый рукав Двины, при монастыре Св. Николая; в этом месте, столь важном в торговле XVI в., было маленькое поселение, состоявшее, по описанию английского посла Рандольфа, из четырех русских домиков и одного, принадлежавшего английской компании; эти дома располо-

жены были подле деревянных стен монастыря, в котором было не более 20 монахов. Но когда устье левого рукава обмелело от наносного песку, а правый рукав сделался глубже, то корабли стали входить в последний, и здесь в 1584 г. основан был новый город. Горсей, проезжая здесь в 1584 г., видел только небольшую крепость³¹⁷, которой управлял князь Василий Андреевич Звенигородский; при нем было несколько стрельцов. Скоро около крепости образовался посад, благодаря торговому значению этого места. По описанию Олеария, город не велик, но знаменит обширною торговлей; ежегодно голландские, английские и гамбургские корабли приходят туда с разными товарами; к этому времени съезжаются сюда купцы со всего государства, особенно немцы из Москвы с русскими товарами³¹⁸. Астрахань, по описанию того же Олеария, расположена на песчаном острове Долгом, при главном рукаве Волги, в 12 милях от ее впадения в море. Иоанн IV, завоевав Астрахань, обнес ее толстою каменною стеною; при Алексее Михайловиче город был распространен; в нем возникла новая часть, где поселены были стрельцы, отчего она и названа Стрелецким городом. Штраус называет Астрахань одним из лучших городов Московии, как по величине, так и по красоте. Она имела более 1 000 сажень в окружности. Издали, с Волги, город представлял очень красивый вид благодаря множеству каменных башен

---

³¹⁷ The new castle called Archangel. *Hakluyt*, I, 530.

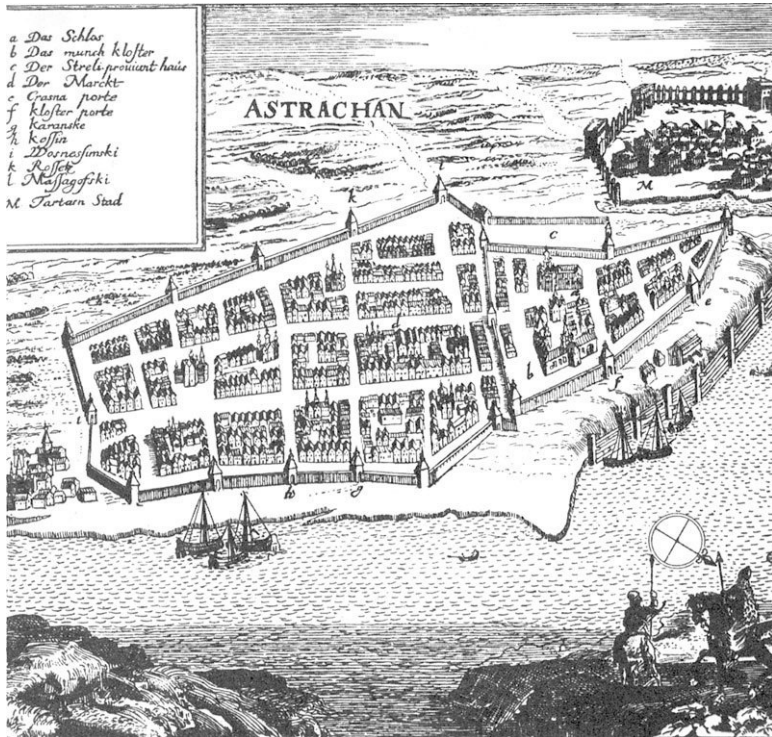
³¹⁸ *Hakluyt*, I, 422. – *Olearius*, 114.

и колоколен; но вблизи впечатление переменялось, наблюдатель видел массу почти только деревянных зданий, дурно построенных. Крепость снабжена сильным гарнизоном и пушками, которых было более 500; гарнизон состоял из 9 стрелецких приказов, по 500 человек в каждом. Находясь на границе двух частей света, Астрахань служила средоточием обширной торговли; сюда стекались купцы из разных стран Европы и Азии; на гостинном дворе в Астрахани Аврил встретил представителей почти всех наций мира. Армяне занимали в Астрахани целое предместье; кроме того, сюда приезжали Бухарцы, Персияне, Черемисы, крымские и ногайские Татары, даже Индейцы³¹⁹.

---

³¹⁹ *Olearius*, 318 и след. – *Struys*, 165. – *Avril*, 96 и 103.

- a Das Schlos
- b Das murch klofter
- c Der Strele-prouent huis
- d Der Marckt
- e Crana porte
- f klofter porte
- g Karanske
- h Koffia
- i Dornesfmrki
- k Rosset
- l Maljagofski
- M Tartarn Stad

Вид Астраханского кремля и Белого города. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...», XVII в.

Большая часть крепостей Московского государства и в XVII в. имела деревянные укрепления; каменные укрепления имели, кроме столицы, следующие города, как их пе-

речисляют Маржерет и Мейерберг: Борисов, Смоленск, Можайск, Иван-город, Новгород-Северский, Псков, Новгород Великий, Нижний, Коломна, Казань, Астрахань, Порхов, Вологда, Путивль и Тула³²⁰.

И. Горюшкин-Сорокопудов. Старая Русь

Чем более поражал своею громадностью и многолюдством главный город Московского государства, находившийся в центральной его области, тем заметнее был недостаток

³²⁰ *Маржерет*, 34. – *Mayerberg*, II, 62 и 63.

больших городов в других областях. Если и во внутренних областях было много городов, едва заслуживавших это название, то еще менее заслуживала его большая часть городов, бывших на окраинах государства. Мы имеем несколько указаний на то, каковы были эти города в северных областях. Пустозерск, по одному английскому известию, имел в XVII в. от 80 до 100 домов; в городке Печоре было всего три церкви; другой городок Устьцильма состоял из 60 домов; в Коле была всего одна улица, состоявшая из низких деревянных домиков, покрытых рыбьими костями³²¹.

---

³²¹ Мильтон, «История Московии» («Отеч. Зап.», т. СXXXI, отд. I, стр. 106 и 107).

1. **Великомудр** великомудр и халдеев Федоропитъ да сора
 великомудр **Иард** стъбиши сѣмъ фекларѣтѣмъ и ити стъ
 спари хъ кошовиномъ и вѣрдинъ двѣ зело холопаш
 омазного и золо до добла мѣстѣ и дашино картно да а
 гликно зѣмъ торгодоу стѣмъ френтитъ гласѣ стѣ повоу да
 зѣмъ кома свѣтъ и зѣмъ до и повоу енодо золотѣ и сѣрра
 и ни то дѣмъ и рѣдѣ акъ вѣно ено до золотѣ и мѣдѣное зѣ
 ло дѣмъ прѣмъ и дѣмъ то дѣмъ мѣло повоу зѣмъ до добла
 прѣмъ ко мастра сѣмъ и дѣмъ ко и то гѣрѣ до ко прѣсто
 вѣдѣ дѣмъ мѣмъ и зѣмъ гѣрѣ зѣмъ мѣмъ стѣмъ ко мѣно сѣ
 на дѣмъ зѣмъ гѣрѣ то дѣмъ на коши повоу потѣмъ зѣмъ то
 то до добла зѣмъ и зѣмъ дѣмъ и то дѣмъ зѣмъ дѣмъ ко дѣмъ гѣрѣ
 сѣмъ и ко прѣмъ и сѣмъ и торѣ дѣмъ зѣмъ дѣмъ по дѣмъ зѣмъ
 и кошови прѣмъ сѣмъ то вѣмъ сѣко прѣмъ и зѣмъ гѣрѣ
 дѣмъ зѣмъ и ни зѣмъ и халдеев Федоропитѣ вѣрдинъ
Великий **Иард** стъбиши сѣмъ фекларѣтѣмъ и ити патрѣ
 архъ кошовиши и вѣрдинъ повоу стѣмъ гѣрѣ мѣмъ
 гѣрѣмъ дѣмъ ко дѣмъ и вѣмъ повоу стѣмъ гѣрѣ и ита ко мѣ
 до дѣмъ стѣмъ и ко мастра вѣмъ и мѣмъ зѣмъ и ита гѣрѣ
 и коши прѣмъ дѣмъ и ко повоу стѣмъ гѣрѣ мѣмъ и раомъ
 до ко дѣмъ повоу стѣмъ гѣрѣ то дѣмъ до зѣмъ ко мѣ
 торго дѣмъ на сѣмъ дѣмъ сѣмъ зѣмъ и сѣмъ стѣмъ гѣрѣ мѣ
 а вѣмъ и ко дѣмъ и ни мѣмъ а вѣмъ повоу стѣмъ гѣрѣ мѣ

Дело о найме за границей мастеров золотого, серебряного и медного дела, XV в.

Что касается вообще до характера городов в Московском государстве, то иностранцы замечали, что количество населения в них гораздо меньше, нежели сколько можно было бы предполагать, судя по количеству зданий. Это происходило от того значения, какое имел город в Московском государстве: он был прежде всего огороженным местом, в котором окрестное население искало убежища во время неприятельского нашествия. Чтоб удовлетворить этой потребности, так часто возникавшей благодаря обстоятельствам, среди которых слагалось государство, города должны были иметь большие размеры, нежели какие нужны были для помещения их постоянного населения, — и мы знаем, что окрестные землевладельцы и монастыри имели в городах «осадные» дворы, куда они перебирались с своими пожитками в случае неприятельского нашествия. Поссевино, говоря о числе жителей в некоторых городах, делает оговорку, что столько бывает в них жителей, когда нет войны. Эта оговорка была необходима: в случае нападения неприятелей окрестное население с движимым имуществом сбегалось в ближний город, который вследствие этого непомерно наполнялся. Сколько собиралось в таких случаях народа в городах, видно из того, что одних погибших от пожара в Москве во время крымского разгрома в 1571 году полагали до 800 000 чело-

век. Но мы напрасно стали бы искать в русском городе XVI или XVII веков те основные черты, которые мы привыкли соединять с понятием европейского города как центра, в котором сосредоточивается торговое и промышленное население известного округа. В Московском государстве, как стране преимущественно земледельческой, где в такой степени преобладала первоначальная промышленность и так слабо развито было ремесло, очень немногие города подходили сколько-нибудь под понятие города в европейском смысле; остальные вообще только тем отличались от окрестных селений, что были огорожены и имели большие размеры; но большинство населения их промышляло теми же занятиями, как и окрестные сельские жители. В стране, где так еще слабо было разделение труда, где каждый старался по возможности сам удовлетворить своим ограниченным потребностям, ремесленный труд не мог достигнуть значительного развития и цениться дорого.

Иностранцы говорят, что только в Москве можно было найти несколько опытных мастеров по разным ремеслам, да и те были большею частью Немцы; в других городах почти не было никаких мастеров, кроме сапожников и портных. По свидетельству Герберштейна, промышлявшие ручным трудом по найму получали в Москве 1 ½; деньги за день работы, мастера по 2 деньги; о золотых дел мастерах он говорит, что труд их вообще ценился очень дешево. Гваньини прибавляет к этому, что когда жизненные припасы дорожа-

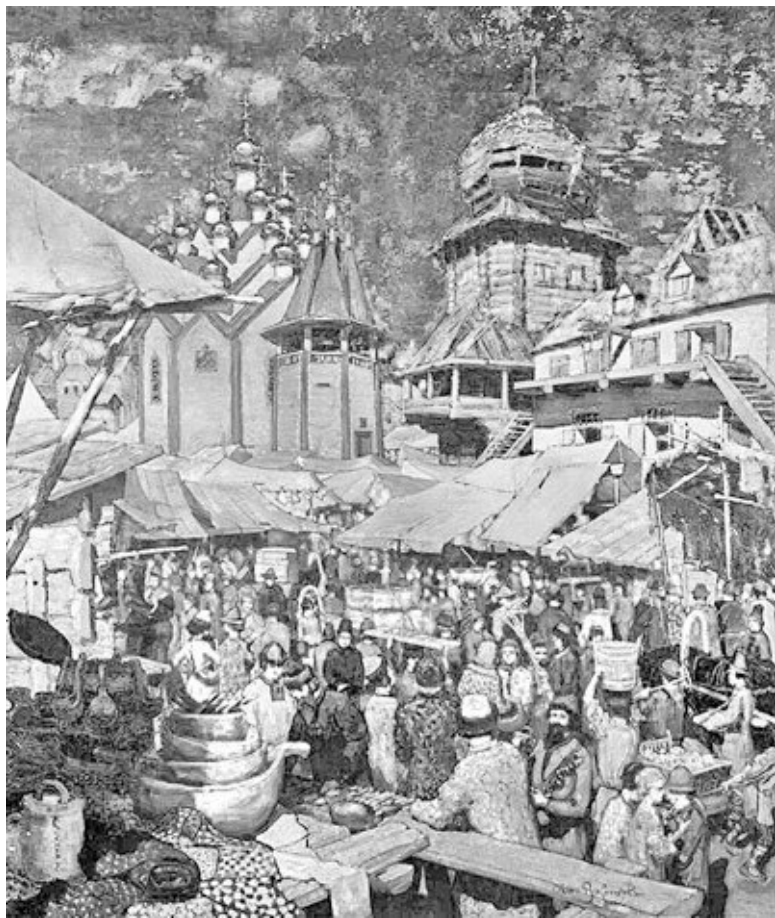
ли, труд мастеров еще более падал в цене, так что усиленной работою они едва могли заработать себе хлеба на день³²². Наконец, мы знаем, что большая часть новых городов и городков Московского государства возникла не вследствие экономических потребностей страны, но вследствие государственных соображений, по распоряжениям правительства. Эти причины и производили то любопытное явление, что даже в XVII в. в описях многих городов перечисляются дворы служилых людей, пашенных людей, но о посадских, торговых и ремесленных людях говорится, что *их нет*.

---

³²² Buchau, 245. – Herberstein, 40 и 42. – Guagnini, 179.

XI. Торговля

Из неразвитости искусств и ремесел и из преобладания промышленности первоначальной можно уже заключать, какие предметы торговли ставила на рынок страна и в каких сама нуждалась: ставила продукты земледелия, меха и вообще сырые произведения, нуждалась преимущественно в произведениях непервоначальной, мануфактурной промышленности, в предметах роскоши и культуры. Главными торговыми городами на севере и в XVI в. оставались Новгород и Псков, имевшие значение преимущественно как посредствующие рынки, через которые страна отпускала на запад свои товары и получала иностранные. Во второй половине XVI в. важным торговым пунктом сделалась гавань Св. Николая при устье Северной Двины, благодаря открытию торговых сношений с Англией. Затем следовали Вологда и Ярославль, имевшие важное значение и во внутренней торговле. На юге во второй половине XVI в. государство приобрело важный для восточной торговли город Астрахань.

А. Васнецов. Базар. XVII век

В XVII в. Астрахань и Архангельск были главными пунк-

тами внешней торговли Московского государства. Москва имела значение преимущественно как центр внутреннего торгового движения. В продолжение всей зимы привозили сюда из окрестных мест дрова, сено, хлеб и другие предметы; в конце ноября окрестные жители убивали своих коров и свиней и во множестве свозили их замороженными в столицу. Рыбу также привозили замороженной и твердой как камень, что очень дивило иностранцев³²³. Цены этих товаров, свозившихся в Москву, казались иностранцам необыкновенно дешевыми. Барбаро говорит, что говядину продавали не на вес, а по глазомеру; за один марк (marchetto) можно было купить 4 фунта мяса; 70 кур стоили червонец; по словам Иовия, курицу или утку можно было купить за самую мелкую серебряную монету. Во время пребывания Контарини в Москве 10 венецианских стар (30 четвериков) пшеницы стоили червонец; так же дешево продавался и прочий хлеб; три фунта мяса стоили один сольд, 100 кур или 40 уток – один червонец, а самый лучший гусь не более 3 сольдов³²⁴. Контарини видел на московских рынках много зайцев, но другой дичи почти совсем не было видно. Герберштейн говорит, что мера хлеба продавалась в Москве по 4 или по 6 денег. Можно верить такому обилию припасов на московских рынках и их дешевизне, зная, что Москва была главным средоточием внутреннего торгового движе-

---

³²³ Контарини, 109. – G. de Lannoy, 22.

³²⁴ Сольд $\frac{1}{124}$ червонца или $\frac{1}{20}$ ливра.

ния страны. Англичане писали, что по дороге от Ярославля к Москве они видели иногда до 700 или 800 возов с хлебом и соленой рыбой, направлявшихся к столице; туда же ехали за хлебом жители отдаленного Севера и везли с собой на продажу рыбу, меха и кожи³²⁵. С другой стороны направлялись к Москве Татары с юга по Волге, Оке и Москве-реке. До завоевания Астрахани из Москвы ежегодно ходило сюда несколько судов за солью и рыбой. С присоединением Астрахани к Московскому государству это движение по Волге должно было оживиться и принять большие размеры. В 1636 году Олеарий видел на Москве-реке много больших судов, шедших из Астрахани к столице с медом, солью и соленой рыбой. Из внутренних областей суда отправлялись к Астрахани весной, в полоую воду, когда судоходство по рекам не встречало таких затруднений в мелях, как летом. Около Саратова тот же путешественник встретил две большие барки, шедшие из Астрахани; на каждой было по 400 работников.

---

³²⁵ *Иовий*, 49. – *Herberstein*, 58. – *Clemens Adam* в «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», p. 150.

Меновая торговля на Севере. Илл. из книги О. Магнуса «Истории северных народов»

Одна принадлежала патриарху и везла разные жизненные припасы; другая была царская с икрой³²⁶. По Волге шло самое оживленное торговое движение; в речной области Волги указываются и важнейшие пункты внутренней торговли. В двух милях от города Мологи, вверх по реке Мологе, по берегу ее, при церкви, которая вместе с развалинами крепости осталась от находившегося здесь прежде Холопьего города, бывала самая многолюдная, по словам Герберштейна, ярмарка в целом государстве, куда, кроме Шведов, Ливонцев, Русских, съезжались много Татар и других иностранцев из отдаленных северных и восточных стран. Торговля здесь

³²⁶ *Olearius*, 272, 278 и 300.

была исключительно меновая: стрелы, ножи, ложки, топоры, готовые одежды и другие подобные вещи меняли преимущественно на меха. Ярославль славился своей торговлей, главными статьями которой были кожи, сало и хлеб; там продавался также воск кругами, хотя этот товар в большом количестве являлся на других рынках. Герберштейн говорит, что Дмитров лежит на р. Яхроме, впадающей в реку Сестру, а последняя впадает в Дубну, приток Волги; вследствие этого в *Дмитрове* жили много богатых купцов, которые привозили товары с востока Каспийским морем и Волгой и рассылали их по городам Московского государства. Агенты Английской компании писали, что из областей по Верхней Волге каждое лето ходило к Астрахани до 500 больших и малых судов за солью и рыбой. Некоторые из этих судов были в 500 тонн³²⁷. По значению в торговле первое место после Волги занимала Северная Двина, поддерживавшая торговые связи отдаленного Северного края с внутренними областями государства. В системе Северной Двины также были пункты, важные во внутренней торговле с Россией. Такова была Вологда, о которой один агент Английской компании писал, что нет города в России, который не торговал бы с ней. Преобладающими предметами на вологодском рынке были лен, пенька и сало. На значение Вологды, как средоточия торгового движения по Северной Двине, указывает и другое английское известие, что вологодским купцам принадлежала

---

³²⁷ Herberstein, 50 и 57. – *Hakluyt*, I, 408.

большая часть насадов и дощаников, плававших по Северной Двине, на которых перевозилась соль от морского берега в Вологду. Одной из главных статей промышленности и торговли Северного края были меха; важным рынком меновой торговли был Устюг Великий.

По свидетельству Иовия, сюда съезжались промышленники из Перми, Печоры, Угории и других отдаленных краев, привозя с собою разные меха. Но первое место в торговле мехами и другими произведениями Севера занимали Холмогоры: сюда на зимнюю никольскую ярмарку привозили на оленях из Печоры, Пинеги, Лампожни и Пустозерска редкие и дорогие меха собольи, куньи, лисьи белые, черные и рыжие, заячьи и горностаевые. Этот же город в изобилии снабжал Северный край солью и соленою рыбой. Из поволжских городов значительную торговлю мехами производила Казань³²⁸. О меховой промышленности находим некоторые любопытные подробности у иностранцев XVI в., преимущественно у Герберштейна. Иовию объясняли прежнюю дешевизну мехов тем, что жители отдаленного Севера по простоте своей прежде часто меняли их на самые дешевые вещи московским купцам; так, жители Перми и Печоры, по его словам, еще недавно платили за железный топор столько соболей, сколько московские купцы, связав вместе, могли продеть их в отверстие топора, куда влагается топорище. Собо-

---

³²⁸ «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», p. 151. – *Hakluyt*, I, 264. – *Барба-ро*, 60.

льи меха ценились по густоте, черноте и длине волоса, также по времени, в которое пойман был зверь. Герберштейн слышал, что в Москве бывали иногда собольи меха, продававшиеся по 20 и по 30 золотых, или рублей, но ему самому не удалось видеть такие. В XVII в. некоторые собольи меха продавались в Москве рублей по 100 и более; самые маленькие стоили 1 рубль. Горностаевые продавались по 3 и по 4 деньги за шкуру; лисьи, особенно черные, из которых преимущественно делали шапки, ценились очень дорого; иногда десяток продавали по 15 рублей. Беличьи меха привозили связками, по 10 шкурок в каждой; из них две были самые лучшие, три похуже, четыре еще хуже и одна последняя самая дурная; каждая порознь продавалась по 1 или по 2 деньги.

Торговля мехами: белки (слева), куницы и соболя (справа). Илл. из книги О. Магнуса «Истории северных народов»

Бобровые меха были в большой цене, ими обшивали полы верхнего платья. Меха домашних кошек носили женщины. Из теплого песцового меха делали преимущественно одежды для дальних зимних поездок. По известиям XVII в., в Москву привозили по Волге много барашковых шкурок, очень волнистых, которые ценились довольно дорого³²⁹. Герберштейн в географическом очерке страны указывает и торговые пути от Москвы на север. Из Москвы через Переяславль лежал путь к Костроме, Ярославлю и Угличу. Уже здесь не знали точно расстояний, по причине множества болот и лесов; то же замечание постоянно повторяется при описании страны далее на север. От Ярославля шел прямой путь к Вологде, а оттуда к Устюгу, от которого по Двине шел прямой водный путь на север; но кратчайший путь из Вологды в Двинскую область был на реку Вагу. На Белоозеро из Москвы было два пути – кратчайший зимний через Переяславль на Углич и летний на Ярославль, но и тот, и другой были очень неудобны, особенно летний, по причине множества лесов, болот и рек, через которые во многих местах надо было делать мосты и гати; трудность этих путей за Волгой увеличивалась еще тем, что они проходили большею частью по малолюдной стране, где земли почти не обрабатывались и редко попадались жилые места. В Вятку было также два пути – один кратчайший через Кострому и Галич, но более трудный и опасный, по причине болот и лесов между Гали-

---

³²⁹ *Tanner*, 104.

чем и Вяткой и разбойничества бродивших здесь Черемис; другой более длинный, но и более безопасный шел на Вологду и Устюг. В Пермь сухим путем ездили только зимой; летом ехали туда на Вологду и Устюг, откуда плыли по Двине в Вычегду³³⁰.

Волок на русских реках. Илл. из книги О. Магнуса «Истории северных народов»

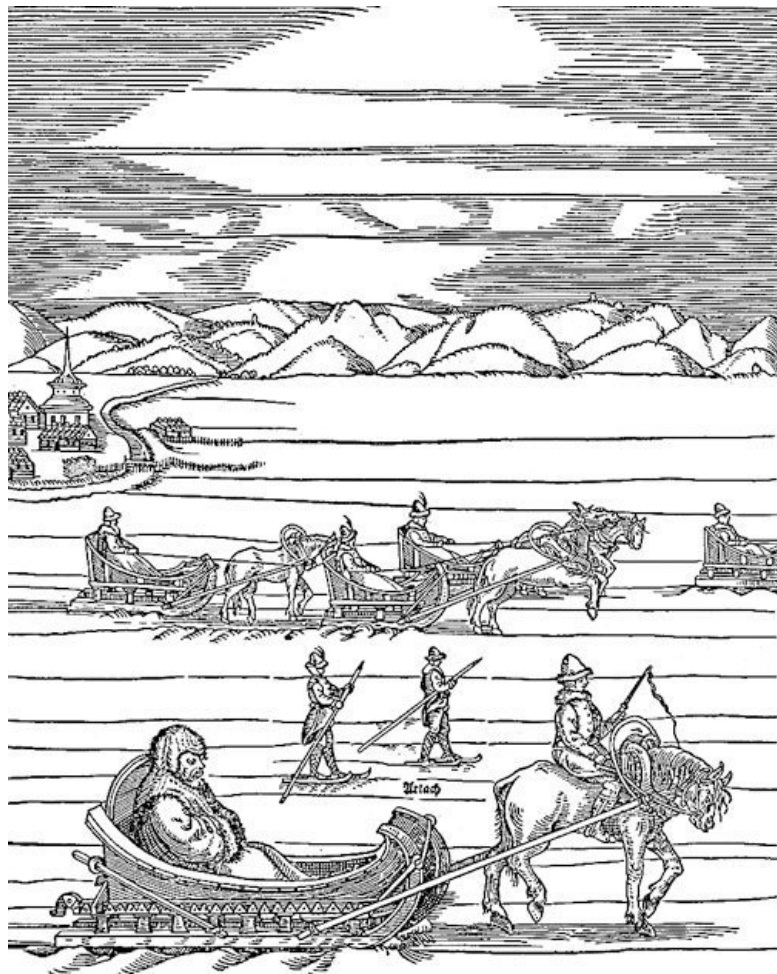
Ехавшие из Перми в Устюг плыли вверх по Вышере и прошедши через несколько рек, причем иногда надо было перетаскивать лодки из одной реки в другую сухим путем, приплывали наконец к Устюгу. Огромность расстояний и характер поверхности земли делали сообщения в северных странах крайне затруднительными и медленными. Летом ездить сухим путем было большею частью невозможно, по-

---

³³⁰ В житии Стефана Пермского указывается последний путь: «Всякому хотящему шествовати в Пермскую землю, удобствен путь есть от града Уствыма рекою Вычегдою вверх, дондеже внидет в самую Пермь». *Соловьев. История России. IV, 264.*

тому должно было плыть реками, хотя от этого путь иногда очень удлинялся. Понятно, какое значение для торговли имела в этих странах зима со своими снегами и льдами. Кроме оленей, для перевозки тяжестей на севере употребляли, по свидетельству Герберштейна, больших собак, запрягая их в сани. Зимой, говорит Контарини, на русских санях, запряженных в одну лошадь, весьма легко перевозить всякие тяжести, тогда как летом езда почти невозможна от большой грязи и множества мошек. Сани, по описанию того же путешественника, были очень похожи на дом и запрягались обыкновенно в одну лошадь, которая везла их с необыкновенною скоростью.

Езда на санях и лыжах по России. Илл. из «Записок о Московии» С. Герберштейна, XVI в.

Торговое движение на юге едва ли встречало меньше затруднений, чем на севере; путь по безводной и безлесной степи был часто так же труден и опасен, как и путь по лесным и болотным пространствам севера. Ранние известия говорят нам о сильном развитии торговли по широкому водному пути, который представляла Волга; но те же известия говорят и о развитии разбойничества на ней. Со второй половины XVI в. юго-восточные степи начали населяться из Московского государства; при сыне Иоанна Грозного явились на Волге города: Шанчурин, Саратов, Переволока, Царицын; таким образом путь к главному торговому городу на юге более и более очищался; но как медленно совершалось это, можно видеть из сравнения известий очевидцев о путешествии из Астрахани в Москву в конце XV и в конце XVI вв. Контарини, проехавший в 1476 г. по этому пути с большим купеческим караваном, пишет, что ехали в большом страхе, поминутно ожидая нападения, особенно там, где Дон подходит на ближайшее расстояние к Волге, через которую переправлялись на плотах, наскоро сработанных в ближнем леску; в степи почти не было видно следов дороги; путники ограждались на ночь повозками в виде крепости и ставили караульных; ехали 47 дней. Очевидцы рассказывали Поссевино, что в обширных пустынях между Астраханью и Москвой путешественники иногда по целым месяцам остаются

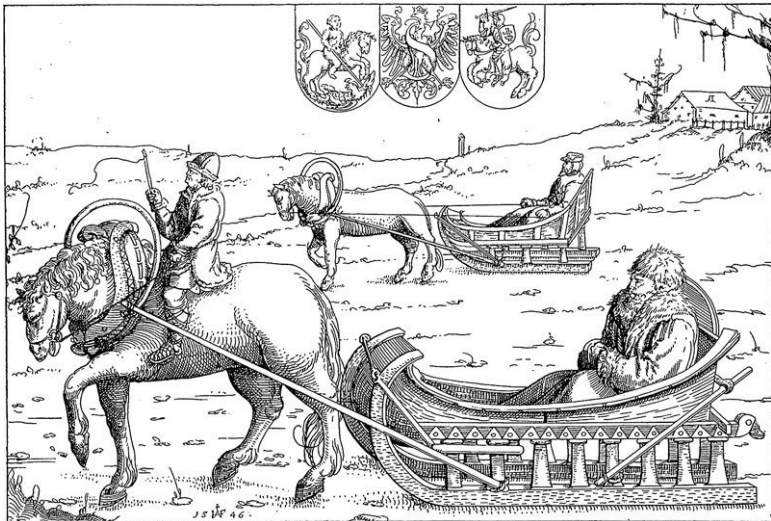
без хлеба, питаюсь рыбой и дичью³³¹. От Астрахани до Казани плыли по Волге 10 дней. Другой водный путь для торговли Москвы с магометанскими странами шел по Дону. По словам Герберштейна, при Данкове, старом и разрушенном городе, нагружались суда, отправлявшиеся в Азов, Кафу и Константинополь; эта нагрузка происходила обыкновенно осенью, в дождливое время года, потому что летом Дон здесь мелководен и не подымает значительных судов с грузом. До Азова плыли отсюда 20 дней. В Азове собирались купцы из разных стран. По словам Ласского, здесь Турки и Татары производили торговлю с московскими купцами, выменивая у них меха на шелковые и шерстяные материи и драгоценные камни³³². От Азова в 5-ти днях пути находился Перекоп; но сюда из Москвы ездили другим путем, через Путивль; путь этот был сопряжен со многими неудобствами, затруднявшими торговое движение.

По словам Герберштейна, в здешних пустынях, при переправе через реки, на путников часто нападали бродячие Татары и уводили их в плен.

---

³³¹ *Контарини*, 91–104. – *Possevino*, 12.

³³² *Herberstein*, 48 и 49. – «*Historica Russiae Monumenta*», I, № CXXIII.

Герберштейн во время путешествия по России. С редчайшего офорта Гиршфогеля, XVI в.

Михалон также говорит, что когда купцы, для избежания двойной переправы через Днепр и платы литовской пошлины, оставив старую дорогу через литовские владения, направляются из Тавриды прямо в Московию через Путивль или возвращаются оттуда непроходимыми степями, то часто делаются добычей бродящих в тех местах разбойников³³³. Михалон называет путь из Тавриды через Литовские владения старую дорогой торговли с Крымом. Эта дорога шла

³³³ Михалон, 67.

на Киев, который, по своему положению на третьей главной реке восточной Европы, текущей на юг, имел важное значение в восточной торговле. По словам Михалона, Киев изобилдовал иноземными товарами, ибо для всего, что привозилось из Персии, Индии, Аравии, Сирии на север в Москву, Псков, Новгород, в Швецию и Данию, не было, по его словам, другой более верной, прямой и известной дороги, как от порта Эвксинского моря, т. е. от Кафы через ворота Тавриды и Тованский перевоз на Днепре и потом через Киев. Этой дорогою часто ездили иноземные купцы, собираясь большими караванами человек по 1000, с повозками и верблюдами. Как иногда была *верна* и безопасна эта *прямая* дорога, как называет ее Михалон, можно видеть из его же замечания, что упомянутые караваны, приносившие большие выгоды киевским воеводам, купцам, менялам, лодочникам и проч., были выгодны и тогда, когда проходили в зимнее время по полям и их заносило снегом; таким образом случилось, что грязные киевские хижины наполнялись дорогими шелковыми тканями, мехами, ароматами и проч., так что, добавляет Михалон, я находил там шелк, продававшийся дешевле льна в Вильне, а перец дешевле соли³³⁴.

---

³³⁴ Михалон, 67.

Купец русский и иноземный. Рисунок из альбома Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII в.»

Навстречу торговому движению из Крыма на Киев шло торговое движение из Московского государства по Днепру. Контарини говорит, что в Киев съезжалось множество купцов из Великой России с мехами, которые они отправляли в Кафу³³⁵. Герберштейн указывает сборные пункты этого движения по Днепру: на верхнем течении Днепра, там,

³³⁵ Контарини, 21.

где с ним соединяется Днепрец, нагружались суда товарами из Москвы и Холопьево городка и отправлялись в Литву; недалеко оттуда находился монастырь Св. Троицы, где купцы останавливались. Под Вязьмой течет речка того же имени, которая в двух верстах ниже впадает в Днепр; по ней суда, нагруженные товарами, одни отправлялись от этого города в Днепр, а другие приходили сюда из Днепра, поднявшись вверх по его течению³³⁶.

Иностранцы сообщают несколько известий о состоянии средств сообщения в Московском государстве. Сообщение между Москвой и пограничными городами производилось посредством ямов. Это были местечки с одним или несколькими дворами, которые поставлены были по большим дорогам от важнейших пограничных пунктов к столице. По словам Горсея, при Иоанне Грозном построено было в пустынных и диких краях государства до 300 ямов. Каждому ямщику давался участок земли с обязательством держать известное число ямских лошадей; за то он был освобожден от прочих повинностей. Олеарий прибавляет, что ямщикам выдавалось еще денежное жалованье рублей по 30 в год. Ямские дворы становились на расстоянии 6, 10, даже 12 миль один от другого. Между Москвой и Вологдой, на расстоянии 500 верст, было 14 ямов. Ямские лошади предназначались, собственно, для государевых гонцов и вообще людей, ехавших по казенной надобности; но из донесений англи-

---

³³⁶ *Herberstein, 52.*

чан, торговавших в России, видим, что этими лошадьми могли пользоваться и купцы, как русские, так и иностранные, имея при себе вид из приказа и платя известные прогоны. Рейтенфельс говорит, что почтовых лошадей мог брать всякий за небольшую плату. О почтовых прогонах находим известие у Герберштейна: за 10 или 20 верст платили обыкновенно 6 денег. Спафари рассказывал Невиллю, что при кн. В. В. Голицыне для облегчения административных и торговых сношений с Сибирью предпринято было провести кратчайшим путем от Москвы до Тобольска ряд ямов на расстоянии 10 миль один от другого, назначив в каждый ям на первый раз по 3 лошади, так чтобы этими лошадьми могли пользоваться и частные лица, проезжающие по своим делам в Сибирь или из Сибири, платя по 3 коп. за 10 верст. Ямщик выезжал летом на небольшой телеге, запряженной в одну лошадь, а зимой на небольших санях, также в одну лошадь.

В. Шварц. Гонец XVI века

Ездили очень быстро, особенно зимой: от Архангельска до Вологды ездили зимой на санях 8 суток, а от Вологды до Москвы не более 5 суток; из Новгорода в Москву ездили на ямских лошадях летом 6 или 7 суток, зимой 4 или 5 суток, слуга Герберштейна проехал этот путь верхом в 72 часа; такая быстрота, добавляет Герберштейн, тем более удивительна, что лошади здесь очень малы и содержатся гораздо хуже, нежели у нас. Особенно быстро производилось движение по казенной надобности; благодаря этому государь, по словам Петра, каждую неделю получал новые известия о том, что делалось на отдаленных границах его государства. Чтобы не было остановки при смене лошадей, ямщики, подъезжая к яму, производили громкий свист, на который из двора тотчас выводили свежих лошадей. Когда Герберштейн, в качестве иностранного посла, ехал из Новгорода в Москву, на всех ямах ему выставляли по 30, 40, 50 лошадей, тогда как ему нужно было не более 12; потому каждый из его свиты мог выбирать себе любую лошадь. Если лошадь утомлялась или падала, не достигнув яма, можно было взять другую из ближайшего селения или у первого встретившегося проезжего, исключая государева гонца; ямщик должен отыскать лошадь, оставленную на дороге, также взятую у кого-нибудь лошадь возвратит хозяину, заплатив ему при этом прогонные деньги. Из слов Олеария видно, что кроме ямщиков извозом занимались и простые крестьяне; Олеарий го-

ворит, что езда на обывательских лошадях очень дешева, что каждый крестьянин согласится везти 50 миль за 1 ½; или по большей мере за 2 рубля³³⁷. По словам Дженкинсона, по русским дорогам зимой легко было проехать 500 верст в трое суток; зато летом езда была чрезвычайно затруднительна и медленна. Движение затруднялось обширными лесами, в которых дорога часто не была хорошо проложена, шла по пням недавно срубленных деревьев; но более всего затрудняли движение летом многочисленные топи и болота, на которых, и то не везде, делались плохие гати и мосты. На пути от Москвы до Смоленска Таннер насчитал 533 моста; в иных местах на протяжении 4 миль попадалось больше 40 мостов. Эти мосты делались из толстых бревен, плохо связанных между собою, и тянулись иногда на целую милю; переезд по ним на тяжелом экипаже был очень опасен.

Невиль встречал гати, тянувшиеся верст на 12, плохо подерживавшиеся и чрезвычайно неудобные для езды. Нередко встречались на дороге болота и речки, на которых не было и таких мостов и гатей; путешественники должны были сами рубить лес и кое-как настилать мост. На больших реках большею частью делались плавучие мосты; при проезде польского посольства в 1678 г. по такому мосту в Дорогобуж тяжелые экипажи погружались в воду до половины. Понят-

---

³³⁷ *Herberstein*, 41. – *Buchau*, 251. – *Hakluyt*, I, 293, 349 и 408. – *Горсей* в «Библ. для Чт.», 1865 г., № 6, стр. 7. – *Petrijus*, 316. – *Olearius*, 48, 117 и 184. – *Рейтенфельс*, 45. – *Tanner*, 33. – *Neuville*, 222.

но, как медленно совершалось движение по таким дорогам: Невиль говорит, что летом можно было проехать не более 4 или 5 миль в сутки³³⁸. При таком состоянии путей сообщения летом понятно значение, какое имели большие реки, идущие во все почти стороны из середины Московского государства и заменявшие для торгового движения те удобства, какие доставляла ему зима. Торговое движение по большим водным путям производилось посредством больших судов с двумя рулями, но с одним парусом, который действовал только при попутном ветре.

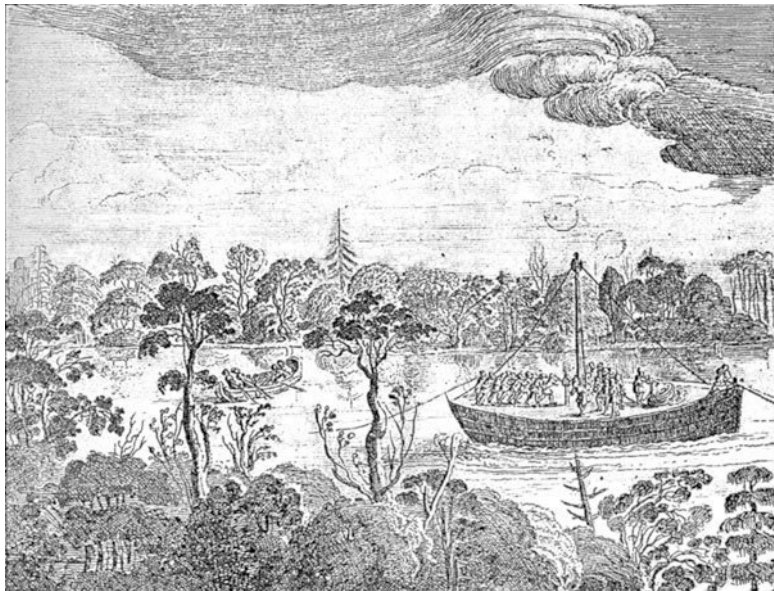
³³⁸ *Lyseck*, 29. – *Tanner*, 38, 108 и 113. Ср. «Дневник польских послов» в «Сказаниях современников о Димитрии Самозванце», ч. IV, стр. 116. – *Carlisle*, 31. – *Newville*, 35.

спригороду въ могорѣцкихъ

Мост в Новгороде. Миниатюра из Лицевого Летописного свода, XVI в.

На севере, между Холмогорами и Вологдой товары перевозились летом на стругах, дощаниках и насадах. По описанию Дженкинсона, насады были длинные и широкие плоскодонные суда, погружавшиеся в воду фута на 4 и вмещавшие в себе до 200 тонн груза. Эти суда строили только из дерева, вовсе без железа; при сильном попутном ветре они плыли с помощью паруса; в противном случае, плывя вверх по реке, шли бечевой, которую тянули до 70 дюжих работников, между тем как другие стояли

Русский струг. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...», XVII в.

на самом насаде с длинными баграми в руках и направляли его ход. По Северной Двине и Сухоне ходило много таких судов; большая часть их принадлежала вологодским купцам. Подобные же суда ходили по Волге и ее большим притокам. По небольшим рекам, напр. Москве, ходили обыкновенно струги тонн в 30. По словам Рандольфа, английская компания построила для плавания по Волге барку в 27 тонн; ее постройка и снаряжение стоило компании не больше

100 марок. Во время Олеария по Волге ходили струги тонн в 800 и даже в 1 000. Английские купцы ездили от гавани Св. Николая в Вологду водой 14 суток; от Вологды до Ярославля ехали сухим путем двое суток; от Ярославля до Астрахани по Волге 30 суток; таким образом, весь путь от Николаевской пристани при устье Северной Двины до Астрахани совершали летом в 46 суток. Движение по Москве-реке Герберштейн называет не совсем удобным; Олеарий проехал по ней к Коломне 120 верст в 24 часа, плывя безостановочно. Гораздо тяжелее и медленнее было плавание вверх по рекам; это происходило от того способа, которым двигали суда вверх по большим рекам, наприм. по Волге: бросали якорь на четверть мили впереди; люди, помещавшиеся на барке, которых на больших судах было человек по 200 и более, тянули за веревку, к которой был привязан якорь; таким образом им удавалось в день продвинуть барку не далее 2 миль вперед³³⁹.

Иностранные путешественники сильно жалуются на бесчисленные затруднения, с которыми соединено было путешествие по Московскому государству. Многие из этих затруднений происходили от редкого населения страны: постоянные дворы попадались редко; в селах не всегда можно было достать хлеба за деньги. На пути от Холмогор до Вологды по Двине Дженкинсону не пришлось побывать ни в одной избе; путешественники останавливались на берегу ре-

---

³³⁹ *Hakluyt*, I, 348, 408 и 423. – *Struys*, 146. – *Olearius*, 272 и 281. – *Newville*, 215.

ки, под открытым небом, и здесь готовили пищу из запасов, взятых с собою. Дженкинсон советует всякому, предпринимающему поездку по России, непременно иметь при себе топор, огниво с трутом, котел и пищу на всю дорогу, потому что всего этого обыкновенно нельзя достать на дороге. Путешественнику грозила опасность от хищных зверей, а еще более от лихих людей, которые промышляли по большим дорогам. В лесах по дороге нередко встречались кресты на могилах путников, убитых разбойниками. Корб видел такой крест в лесу между Москвой и Можайском; под ним схоронены были 30 человек, погибших в одно время от разбойников. То же было и по рекам, особенно Волге; путешественнику указывали на Волге множество местностей, прославленных рассказами о разбоях степных кочевников и казаков; ему нередко приходилось испытывать на себе справедливость этих рассказов. На английскую барку, плывшую в 1568 году по Волге в Персию, напали недалеко от Астрахани до 300 Ногаев, на 18 лодках, и только после двухчасового боя удалось англичанам, при помощи огнестрельного оружия, прогнать разбойников. На возвратном пути из Персии в 1573 году, близ устья Волги тех же англичан встретили русские казаки в числе 150 человек, вооруженных топорами и пищалями; они прикинулись мирными людьми, обманом взошли на корабль и начали резню, которая окончилась тем, что англичане сдали им свой корабль со всеми товарами, взяв с разбойников клятву, что они отпустят их жи-

ВЫМИ³⁴⁰.

---

³⁴⁰ *Korb*, 37. – *Hakluyt*, I, 443–446.

Москва́вия – максима́льное (по размеру) великое

княжество. Карта, составленная А. Дженкинсоном в 1593 г.

Стараясь завязать политические сношения с западноевропейскими государствами, московское правительство вместе с тем старалось завести с ними и деятельные торговые сношения. В половине XVI в. открылась торговля с англичанами; шведским купцам, которые во время Герберштейна могли торговать только в Новгороде, дано было право ездить не только в Москву, Казань и Астрахань, но через Россию в Индию и Китай, с условием, чтоб и русским купцам позволено было из Швеции отправляться в Любек, Антверпен и Испанию. Иоанн IV долго и упорно добивался гавани на Балтийском море и потратил огромные средства для достижения этой цели. Но если в Москве сознавали важность торговых связей с Западом и для упрочения их добивались приморской гавани, то также ясно понимали выгоды от этого для Москвы и ее соседи, стараясь всеми мерами помешать ей в достижении ее целей. Московский государь, писал Сигизмунд Август польский Елизавете английской, ежедневно увеличивает свое могущество приобретением предметов, которые привозятся в Нарву; ибо сюда привозят не только товары, но и оружие, до сих пор ему неизвестное, привозятся не только произведения художеств, но приезжают и сами художники, посредством которых он приобретает средства побеждать всех; Вашему Величеству неизвестны силы это-

го врага и власть, какую он пользуется над своими подданными; до сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образованности и не знал искусств; но если нарвская навигация будет продолжаться, то что будет ему неизвестно³⁴¹.

Нарва. Немецкая гравюра, нач. XVIII в.

³⁴¹ *Hakluyt*, I, 378.

Покупка ржи в Нижнем Новгороде. Миниатюра из Лицевого Летописного свода, XVI в.

В одно время с расширением западной торговли Московского государства усиливалась его торговля и на востоке, главным пунктом этой торговли была Астрахань. В 1395 г. Астрахань была разрушена Тамерланом, что нанесло сильный удар ее торговле. Еще в конце XV века, когда через Астрахань проезжал Контарини, она состояла из нескольких небольших мазанок и была окружена низкими стенами, хотя кое-где видны были еще следы гораздо больших зданий³⁴². Открытие морского пути в восточную Индию, грозившее торговым городам южной Европы большими потерями, заставило их искать нового пути в Индию с другой стороны, более удобной для них, и при этом обратить внимание на забытую Астрахань. Примером того, какие планы строились по этому предмету, может служить рассказ Иовия об одном антрепренере, искателе восточного пути, генуэзском капитане Павле. Негодуя на Португальцев за то, что они одни скупали все благовония востока и по непомерным ценам продавали их в Европе и что благодаря им почти вовсе прекратилась выгодная для городов по Средиземному морю торговля с Востоком через Ефрат и Персидский залив, он построил план нового пути для торговли с Индией. В XV в. Европа потеряла устье Танаиса, где был ее давний складочный пункт в тор-

---

³⁴² Контарини, 91.

говле с Востоком³⁴³, а потому Павел вел свой новый восточный путь от Риги на Москву, оттуда реками Москвой, Окой и Волгой в Астрахань, далее Каспийским морем к Страве (Астрабаду), оттуда рекою Оксом и через Паропамиз к реке Инду. Чтобы привести в исполнение свой план, предприниматель два раза ездил в Москву, просил у великого князя Василия поддержки, обещал его казне и подданным огромные выгоды, если этим путем удастся подорвать торговлю ненавистных Португальцев; но в Москве его не поддержали, и широкий замысел остался без исполнения, послужив только поводом к отправлению в Рим московского посла Димитрия Герасимова в 1525 году³⁴⁴. Но если события на Востоке повредили торговым сношениям южных городов Европы с восточными странами через Азов и Астрахань, то восточная торговля Московского государства, вместе с утверждением и распространением его влияния на восток, приобретала большую твердость и большие размеры. Во второй половине XV в. из Москвы ежегодно ходили по Волге в Астрахань суда за солью³⁴⁵. По словам Контарини, хан астраханский ежегодно отправлял к великому князю московскому посла за подарками; с этим послом обыкновенно отправлялся целый караван татарских купцов с джездскими тканя-

---

³⁴³ Вслед за Астраханью в 1395 г. до основания разрушен был Тамерланом и Азов, а в 1471 г. он был завоеван Турками.

³⁴⁴ *Иовий*, 14–18.

³⁴⁵ *Барборо*, 57.

ми, шелком и другими товарами, которые они меняли на меха, седла, мечи и другие нужные им вещи³⁴⁶. Вообще Астрахань и в XV в. была для Москвы важным посредствующим рынком в торговле ее с Востоком. Из Дербента ездили в Астрахань купцы с сарачинским пшеном, шелковыми тканями и другими товарами Востока и меняли их там русским купцам на меха и другие предметы, требовавшиеся в Дербенте³⁴⁷.

В княжение Василия относительно восточной торговли принята была московским правительством мера, имевшая важное значение как для московских, так и для восточных купцов: желая подорвать торговлю враждебной Казани, великий князь велел быть ярмарке в Нижнем и под страхом тяжелого наказания запретил московским купцам ездить на казанскую ярмарку, которая собиралась на Купеческом острове, недалеко от города. Казанцы, конечно, много потеряли от этой меры, но не менее их потеряла в первое время и Москва, потому что во всех товарах, доставлявшихся Каспийским морем и Волгой из Персии и Армении, оказался на московских рынках большой недостаток, и они очень вздорожали; особенно поднялась в цене волжская рыба³⁴⁸. Восточная торговля Московского государства по Волге должна была значительно усилиться, когда все течение

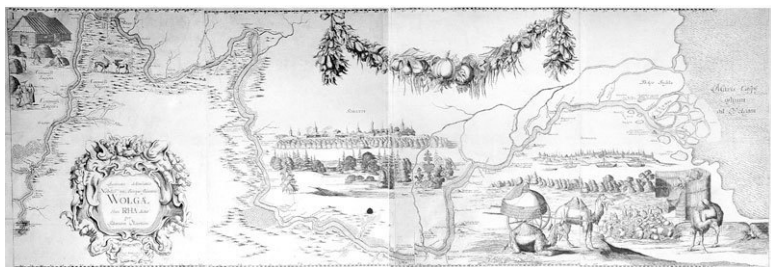
---

³⁴⁶ *Контарини*, 91

³⁴⁷ Там же, 83.

³⁴⁸ *Herberstein*, 73.

этой реки вошло в пределы государства. Поссевино говорит, что восточные купцы стали меньше посещать Астрахань после ее присоединения к Московскому государству; это событие могло подвергнуть астраханскую торговлю некоторым колебаниям, но нельзя принять, чтоб явление, указываемое Поссевино, действовало долго, как нельзя принять во всей силе английское известие, что Астрахань вовсе не такой значительный торговый город, как думают, что Русские привозят туда одни безделицы, как то: кожи, деревянную посуду, узды, седла и проч. Магометанские владельцы еще в царствование Иоанна IV, стараясь побудить султана к отнятию Астрахани у царя московского, указывали на огромный доход, который получал этот царь в Астрахани от таможенных пошлин³⁴⁹.

³⁴⁹ Ханы хивинский и бухарский доносили султану: «В Астрахань из многих земель кораблям с торгом приход великий, доходит ему (царю московскому) в Астрахани тамги в день по тысяче золотых» (Соловьев. История России. VI, 293): известие, без сомнения, очень преувеличенное, но показывающее, что было что преувеличивать.

Низовье Волги и Астрахань. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...», XVII в.

Кроме указанных товаров, русские купцы отправляли в Астрахань хлеб и другие съестные припасы, также шерстяные и полотняные одежды, ножи, топоры, стрелы, зеркала, кошельки; оружие и железо можно было вывозить только тайком или по особенному разрешению начальства. В обмен на эти товары в начале XVI в. купцы джагатайские (из-за Аральского моря) снабжали русских в Астрахани множеством шелковых тканей, а татарские доставляли им лошадей и превосходные белые материи, не тканые, а сваленные из шерсти, из которых делались красивые и хорошо защищавшие от дождя епанчи. Лошадей они пригоняли в Москву и другие города табунами от 30 000 до 40 000. По английским известиям XVI в., из Бухарии привозили в Астрахань и Москву пряные коренья, мускус, серую амбру, ремень, хлопчатобумажные материи, шелк, краски, также меха, которые они скупали в Сибири. По известиям XVII в., с Востока шли в Московское государство, кроме шелковых и хлопчатобумажных материй, ковры, парча, шелк сученый разных цветов, драгоценные камни и широкие сабли из Бактрии; драгоценные камни привозились в Москву с Востока в таком количестве, что иностранцы из Западной Европы дивились низким ценам, по которым они продавались

в Москве: мелкие рубины, по словам Таннера, продавали фунтами, по 6 немецких флоринов фунт. Из товаров, шедших в Москву из Крыма через Киев, Михалон упоминает драгоценные камни, шелковые и золотом шитые ткани, ладан, фимиам, шафран, перец и проч. С Турками в XVII в. шла сухопутная торговля через Бессарабию: турецкие купцы привозили в Москву драгоценные камни и разные ткани и вывозили отсюда кожи, меха и белый моржовый зуб, из которого в Турции искусно делали рукояти кинжалов. По английским известиям XVI в., купцы турецкие и армянские платили в Москве десятую деньгу со всех привозимых ими товаров, кроме того, за вес по две деньги с рубля. В Астрахани, по свидетельству Олеария, торговые пошлины были очень умеренны; однако ж их ежегодно собиралось там более 12 000 рублей. В заключение о восточной торговле укажем на известие о торговых сношениях Русских с Китаем во второй половине XVII в.: по словам Коллинса, Русские привозили из Китая через Сибирь чай и бадьян (*anisum indicum stellatum*), который пили с сахаром от стеснений в груди и желудке; эти растения привозили в бумажных пакетах, по 1 фунту в каждом³⁵⁰.

---

³⁵⁰ Иовий, 26. – Herberstein, 43. – Флетчер, гл. 19-я. – Михалон, 67. – Наклут, I, 372, 352, 286. – Olearius, 319. – Mayerberg, I, 88 и 89. II, 152. – Коллинс, 574; ср. Neville, 228.

Ятаган работы турецкого мастера с рукоятью из моржовой кости, XVI в.

В западной торговле Московского государства во второй половине XVI в. произошли важные перемены. Возникавшее стремление Московского государства к сближению с Западной Европой, выразившееся в усилиях добиться берегов Балтийского моря, встретилось с стремлением морских западноевропейских государств в противоположную сторону – в богатые восточные страны; вследствие этого в западной торговле Московского государства образовались новые связи, явились новые деятели и новые рынки, давшие другое направление торговому движению. В конце XVI в. ревельский совет жаловался, что торговля Ревеля с Русскими падает, потому что ею завладели, ко вреду его и всех ганзейских

городов, чужие нации. Кроме Шведов и Датчан, получивших право торговли в России, в Новгороде утвердились Голландцы с правом беспошлинной торговли. Но, без сомнения, всего более тревожили ревельских купцов Англичане. Известно, как начались торговые сношения с ними; средоточием этого торгового движения стала пристань в пустынном Северном крае при устье Северной Двины. Компания лондонских купцов, составившаяся для торговли с Россией и утвержденная королем Филиппом и королевою Мариею в 1555 году, деятельно повела завязавшиеся сношения с отдаленной Московией и старалась надежными средствами обеспечить успех своего дела. Инструкции, которыми она снабжала своих агентов в России, всего лучше показывают, в каком духе и с какими целями она действовала. В инструкциях 1555 года агентам предписывалось изучить характер Русского народа во всех его классах³⁵¹, его нравы, обычаи, подати, монету, вес, меру, счет, товары, какие нужны этому народу и какие нет, чтобы вследствие незнания всего этого компания не потерпела какого-нибудь вреда или убытка; агенты обязаны были также остерегаться, чтобы никакой закон русский, ни религиозный, ни гражданский, не были нарушены ни ими, ни людьми их, ни моряками, ни кем-либо из англичан; смотреть, чтобы все пошлины были платимы исправно,

---

³⁵¹ *Hakluyt*, I, 289: that all the saide agents do well consider, ponder and weigh such articles as bee delivered to them to know the natures, dispotions, lawes, customes, maners and behaviours of the people of the countreis where they shall traffike, as well of the nobilitie as of the lawyers, marchants, mariners and common people.

дабы не навлечь конфискации товаров, чтобы все происходило покойно, без нарушения порядка в тех местах, где англичане будут торговать; агенты должны в Москве или другом каком-нибудь городе, или в нескольких городах, где будет выгоднее торговать, построить один или несколько домов для себя и всех своих людей, с магазинами, погребками и другими службами, и смотреть, чтоб никто из низших служителей не смел ночевать вне агентского дома без позволения. Агенты и факторы будут ежедневно собираться и советовать вместе о том, что было бы всего приличнее и выгоднее для компании. Агенты должны под робно заметить все роды товаров, которые могут быть с выгодой проданы в России, должны иметь постоянно в уме, как бы всеми возможными средствами узнать дорогу в Китай, морем или сухим путем³⁵².

---

³⁵² Ibid. 288–292. Копии льгот см. на стр. 295–298.

Русский корабль в Ледовитом океане. Голландская гравюра, XVI в.

В 1555 г. суда компании совершили второе плавание северным путем в Россию, и с тех пор компания ежегодно посылала к устью Северной Двины обыкновенно три корабля с английскими товарами в конце мая или в начале июня, чтобы к осени корабли могли возвратиться в Англию с русскими товарами. В 1582 г. отправлено было даже 9 кораблей. Один из агентов Берроу³⁵³ советовал компании отправлять

³⁵³ См. его записку у Гаклюйта, I, 513.

корабли из Англии в начале мая, потому что к концу этого месяца, когда корабли могли достигнуть гавани Св. Николая, русские товары уже свозились туда по весеннему речному пути, а для тех товаров, которые появлялись на рынке позже этого времени, он советовал оставлять в Николаевской пристани один или два корабля. Приехав в гавань Св. Николая, англичане помещали свои товары на английском дворе подле монастыря³⁵⁴. Из записок агентов компании видно, что торговое движение, открывшееся между Лондоном и гаванью Св. Николая, произвело неблагоприятное действие на страны Западной Европы, прежде торговавшие с Россией, и они старались помешать этим новым сношениям. Отправляя в 1582 г. 9 кораблей к гавани Св. Николая, компания снабдила их сильной артиллерией и военными людьми под управлением адмирала и вице-адмирала, которым дала подробные инструкции, как действовать в случае встречи на пути с неприятелем³⁵⁵; к этому присоединялись неудобства и опасности Северного морского пути: по словам агента Лена, со времени открытия торговых сношений Англичан с Россией северным путем, в 1560 г. корабли компании впервые возвратились в Англию благополучно, без всяких потерь и повреждений, из своей ежегодной поездки к гавани Св. Николая³⁵⁶. Врагов компания встречала и в самой

---

³⁵⁴ Ibid., 517.

³⁵⁵ Ibid., 511 и 512.

³⁵⁶ Ibid., 525.

России: когда Ченслер приехал в Москву и вступил в переговоры о торговле Англичан с Россией, голландская компания в Новгороде обратилась к царю с письмом, взводя на Англичан разные клеветы и между прочим стараясь уверить царя, что это – морские разбойники, которых следует задержать и посадить в тюрьму. Узнав об этом, Англичане отчаялись даже возвратиться в отечество; но царь не поверил доносу и дело уладилось³⁵⁷.

А. Рябушкин. Семья купца в XVII в.

³⁵⁷ «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 150.

Пред приездом Боуса в Москву та же голландская компания хлопотала об уничтожении торговых льгот, данных Англичанам московским правительством, и приобрела себе в Москве друзей – Никиту Романовича, Богдана Бельского и Андрея Щелкалова, ибо, кроме ежедневных подарков этим советникам царским, Голландцы заняли у них столько денег под 25 процентов, что платили одному из них ежегодно по 5 000 рублей; английские же купцы не имели в это время при дворе ни одного доброжелателя³⁵⁸. С своей стороны, и Англичане старались иногда не совсем чистыми средствами помешать утверждению в Москве постороннего влияния, которое находили для себя невыгодным. В 1582 г. Поссевино писал, что в бытность его в Москве, английские купцы, здесь жившие³⁵⁹, подали царю записку, в которой «какой-то еретик» старался доказать, что римский первосвященник – антихрист; это заставило и Поссевино подать царю записку с целью оправдать папу от еретического обвинения. Агенты посылали компании донесения о ходе ее дел в России; письма, посылавшиеся с нарочными через континент и содержавшие в себе секретные извещения о мерах, которые могли бы дать компании в торговле с Россией перевес над купцами других стран, агенты должны были писать цифирью. Компания прежде всего хлопотала о том, чтобы привлечь к себе русских торговых людей и захватить в свои руки все

---

³⁵⁸ *Hakluyt*, I, 517.

³⁵⁹ *Possevino*, «Moscovia», p. 194. «Supplementum ad historica Russiae».

важнейшие товары России. Компания писала агентам, чтобы они предлагали русским купцам по возможности выгодную цену за их товары, чтобы эти купцы охотнее везли свои товары в Вологду к Англичанам, чем в Новгород к купцам ганзейским. Компания недаром хлопотала об этом: во время мира между Москвой и ее западными соседями оживлялись и торговые сношения между ними, конкуренция для Англичан усиливалась, вследствие чего цены на русские товары, особенно на воск, поднимались; на это именно жаловалась компания, указывая агентам своим, что все эти обстоятельства поведут к понижению цен на английские товары. Потому компания находила нужным обратиться к московскому царю с просьбой запретить движение русских товаров к Ревелю и Риге и направить его к Вологде и Холмогорам, за что компания готова была обязаться брать русские товары и продавать свои по выгодной для русских купцов цене; иначе, заключает компания в письме от 1560 года, нам не остается надежды на выгодное ведение дел в России. Компания уговорила в Лондоне русского посла согласиться на ее просьбу о дозволении агентам ее покупать в России товары в долг, и приказывала последним закупать этим или другим способом как можно более воску, не заставляя его долго лежать на руках продавцов, чтоб, с одной стороны, захватить весь этот товар в свои руки и снабжать им не только свою страну, но и чужие, а с другой – привлечь к себе русских купцов, облегчая им сбыт их товаров; слыша, что наибольшее

количество воска, получавшегося в Данциге, Любеке и Гамбурге, идет из России через Новгород, Ригу и Ревель, компания надеялась таким образом отвлечь этот товар от помянутых рынков и направить его к Николаевской пристани и другим пунктам, где господствовали англичане³⁶⁰. С тою же целью компания предписывала агентам дать ей знать, какого рода шерстяные ткани привозятся в Россию из Риги, Ревеля, Польши и Литвы, с подробным описанием их ширины и длины, цвета и цены, и какое количество их можно сбыть в год, чтоб такое же могла заготовлять компания; также выслать всякого рода кожи, ибо компания слышала, что Немцы и Голландцы закупают их в России большое количество³⁶¹. Таковы были цели и приемы, с которыми английская компания вела свои дела в России.

---

³⁶⁰ *Possevino*, «Moscovia», p. 335. «Supplementum ad historica Russiae».

³⁶¹ *Hakluyt*, 333 и 336. We must procure to utter good quantitie of wares, especially the commodities of our realme, although we afford a good penyworth, to the intent to make other that have traded thither, wearie, and so to bring our selves and our commodities in estimation etc.

Классический облик средневековой Риги. Гравюра, XVI в.

Англия снабжала Россию через компанию не только своими, но и чужими произведениями. Из счета, представленного Иоанну IV агентами компании, видно, какие товары поставляли они ко двору: в 1574 году взято было у английских купцов для царя 12 пуд. сахара, по 8 рубл. пуд, и 200 стоп бумаги, по 20 алт. стопа; в 1576 г. взято меди на 1082 рубл., в следующ. году взято сукна разных сортов несколько кусков, в 1580 г. взято свинцу на 267 рубл. и 15 кусков толстого сукна на 210 рубл.³⁶². В 1557 г. компания отправила в Россию 4 корабля с товарами, между которыми было 25 тюков толстого сукна, один тюк фиолетового и один алого, 40 тюков бумажной материи, 518 кусков гемпширской каразеи, именно 400 синей, 43 голубой, 53 красной, 15 зеленой,

³⁶² Ibid., 522 и 523.

5 коричневой и 2 желтой, и 9 бочек олова. Компания обозначает цены и этих товаров: кусок толстого сукна 5 фунт. стерл. 9 шил., тонкого фиолетового 18 фунт. 6 шил. 6 пенс., алого 17 фунт. 13 шил. 6 пенс., тюк бумажной материи по 7 кусков в каждом, 9 фунт. 10 шил., кусок каразеи 4 фунт. 6 шил.³⁶³. Из письма компании к агентам от 1560 г. узнаем, что она посылала в Россию бастр, изюм, чернослив и миндаль³⁶⁴. Англичане привозили в Россию оружие и лошадиную сбрую³⁶⁵. Горсей пишет, что он закупал в Англии для царя львов, позолоченные алебарды, пистолы, ружья и другое оружие, разные аптекарские снадобья, органы, клавикорды и другие музыкальные инструменты, кармин, нитки жемчуга, посуду вычурной работы; в 1585 г. накупил таких вещей на 4 000 ливров³⁶⁶. Агент Гасс писал в 1554 г., чтобы компания доставляла Русским такие товары, которыми снабжали их Голландцы, именно голландские фландрские сукна, указывая на то, что английская компания может доставлять их через гавань Св. Николая с меньшими расходами, нежели купцы голландские через Ригу, Ревель или Дерпт³⁶⁷.

---

³⁶³ Ibid., 332.

³⁶⁴ Ibid., 344.

³⁶⁵ Hakluyt, 340.

³⁶⁶ Записки Горсея в «Библ. для Чт.», 1865 г., № 6, стр. 19.

³⁶⁷ Hakluyt, I, 287.

Холмогоры. Реконструкция Ю. С. Ушакова

Согласно с инструкциями компании, агенты ее скоро указали в России города, которые могли служить главными складочными пунктами для ее товаров и вместе лучшими рынками для покупки русских товаров. Джон Гасс доносил в 1554 г., что лучшим местом для склада английских товаров он считает Вологду, потому что это город большой, находящийся на удобном водном пути, в сердце России, окружен многими большими и хорошими городами, изобилует хлебом, вообще жизненными припасами и всеми русскими товарами, особенно льном, пенькой, воском и салом, все вещи здесь вдвое дешевле, чем в Москве или Новгороде; нет города в России, который не торговал бы с Во-

логдой; даже Москва не так удобна для компании в этом отношении, ибо там, благодаря пребыванию двора, компании придется тратить половину своих барышей на подарки царским чиновникам и другие расходы³⁶⁸. На основании этого донесения Гасса, компания устроила в Вологде контору. Другой важный пункт северной торговли находился почти на конце водного северо-двинского пути: это были Холмогоры. Здесь сосредоточивалось торговое движение северного поморского края. Сюда, по словам Гасса, на большую ярмарку в зимний Николин день свозились все роды товаров, какие производил Северный край России, как то: тюлений жир, соль, рыба (семга и треска), ворвань, меха; ворвани, замечает Ченслер, в Двинском крае добывалось больше, чем в других местах России. Рыбу привозили сюда из Мурманского моря³⁶⁹, а меха с Пинегы, из Лампаса и Пустозерска; промышленники этих мест скупали их у Самоедов и меняли холмогорским купцам на сукно, олово, медь и другие товары. Из Холмогор меха отвозили в Новгород, Вологду или Москву; в Новгород возили также с Холмогорской ярмарки в большом количестве тюлений жир и вяленую рыбу и сбывали там эти товары голландским и ливонским купцам³⁷⁰. Холмогоры, по словам Ченслера, снабжали Новгород, Вологду, Москву и все окрестности страны со-

---

³⁶⁸ Ibid., 286.

³⁶⁹ *Hakluyt*, I, 286

³⁷⁰ Ibid., 286.

лью, добываемую из морской воды, и соленую рыбой. Жители Пустозерска и других приморских местностей промышляли ловлей моржей, из которых добывали ценный моржовый зуб; его вместе с другими произведениями Севера возили на оленях в Лампас, а из Лампаса в Холмогоры³⁷¹. Холмогоры так же, как и Вологда, скоро сделались важным складочным пунктом английской торговли; в конце XVI в. здесь жило много английских купцов, имея свою землю и прекрасные дома³⁷². Кроме дворов в Вологде, Холмогорах и у гавани Св. Николая, у Англичан был еще двор в Ярославле; этот город был важным торговым пунктом на пути между Москвой и Вологдой; главными товарами его были хлеб, кожи, сало и воск³⁷³. В Лампасе, откуда привозилось много товаров в Холмогоры, два раза в год бывала большая ярмарка, на которую съезжалось множество разноплеменного народа – Русских, Татар, Самоедов и проч.³⁷⁴.

---

³⁷¹ Ibid., 264.

³⁷² Мильтон, «История Московии» (в «Отеч. Зап.», т. СXXXI, отд. I, стр. 107).

³⁷³ *Hakluyt*, I, 264.

³⁷⁴ *Hakluyt*, 338.

Охота на тюленей. Рис. XVII в.

Приведенные известия о северной торговле уже определяют отчасти, какие товары могла компания вывозить из России с наибольшими удобствами: это были преимущественно произведения Северного края России, преобладавшие на упомянутых рынках Вологды и Холмогор. Компания скоро обозначила своим агентам, какие из этих товаров имели наибольший сбыт в Англии: это были воск, сало, ворвань, лен и пенька. Последнего товара компания предписывала не посылать в Англию в необработанном виде, пото-

му что перевозка его обходилась компании слишком дорого, по 6 фунт. стерл. за тонну; но компания послала в Россию 7 канатных мастеров, которых агенты должны были тотчас посадить за работу в Вологде или Холмогорах, снабдив их работниками и материалами; компания предписывала заготавливать как можно больше канатов, потому что, добавляла она, это главный русский товар, и приготовление канатов таким образом обойдется компании дешевле, нежели выписыванье их из Данцига. Согласно с этими предписаниями построен был дом в Холмогорах для канатного производства, и 8 мастеров ежегодно переделывали в канаты более 90 000 фунтов пеньки³⁷⁵. Из мехов наибольший сбыт имели в Англии беличьи, лисьи и куньи; компания предписывала высылать из России больше дешевых мехов и меньше дорогих, потому что последние трудно сбывались в Англии. Вообще меха далеко не составляли главной статьи в торговле компании с Россией; как на причину малого сбыта мехов в Англии компания указывала в 1560 г. на распоряжение правительства не носить иноземных мехов. Напротив, увеличивался спрос на сало, и компания в том же году предписывала увеличить присылку этого товара, хотя бы пришлось возвысить несколько покупную цену его; она требовала, чтоб агенты ежегодно отправляли в Англию по 3 000 пудов сала³⁷⁶. Второстепенными статьями вывоза были мачты, смола и некото-

---

³⁷⁵ *Hakluyt*, 332 и 338.

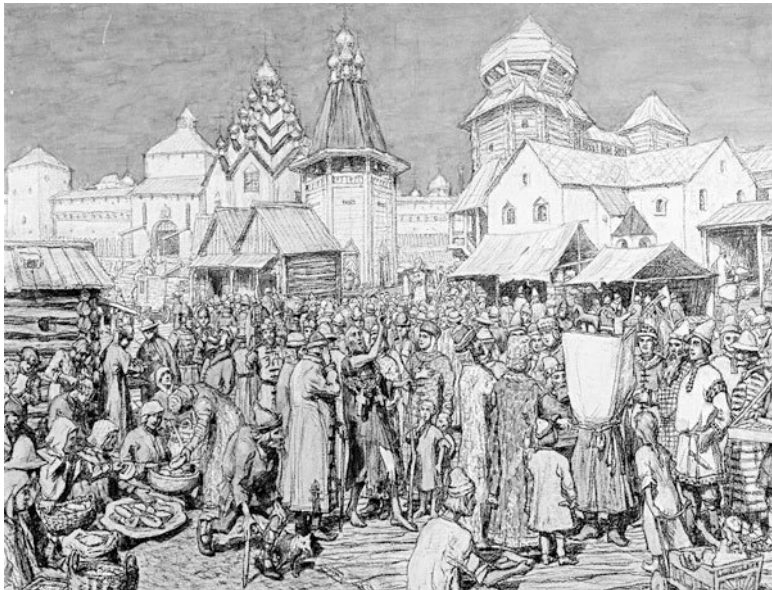
³⁷⁶ *Ibid.*, 333 и 342.

рые другие товары, перевозка которых обходилась компании слишком дорого. Но кроме товаров, появлявшихся в изобилии на русских рынках, компания старалась отыскать и захватить в свои руки такие товары, которые дотоле не имели важного значения во внешней торговле России, но о которых компания слышала, что их можно добывать там в изобилии; так, компания предписывала агентам выслать образцы меди и железа, ибо она слышала, будто в России и Татарии добывается большое количество этих металлов; также прислать на пробу известное количество земель или трав или чего бы то ни было, чем Русские красят свои льняные и шерстяные материи, кожи и т. п., а равно выслать и те красильные вещества, которые Турки и Татары привозят в Россию, с описанием, как употреблять их при крашении; наконец она посылала знающего человека для отыскания тиса в Пермской и Печорской областях, указывая на то, что эта статья хорошо пошла бы в Англии³⁷⁷. Соли компания не вывозила из России: предписывая агентам высылать из России значительное количество соленого мяса, компания посылала для этого соль из Англии, находя ее лучше русской³⁷⁸.

---

³⁷⁷ *Hakluyt*, 333 и 335.

³⁷⁸ *Ibid.*, 345. Ср. жалобу вологодских и белозерских купцов в «Истории России» *Соловьева*, VII, 63.

А. Васнецов. Городская площадь XVII века

Мы видели, какие цены назначала компания некоторым английским товарам, которые она отправляла в Россию. О том, какие выгоды получала она от продажи здесь этих товаров, можно отчасти составить себе понятие по донесению агента Гудсона, который продавал в Нижнем Новгороде сукно, стоившее на месте 4 фунт. стерл., по 17 руб. за кусок, что, по его словам, составляло почти тройную цену³⁷⁹; в Москве

---

³⁷⁹ Компания принимала русский рубль за 16 шиллинг. 8 пенс., хотя и замечала, что он стоит не больше 13 шиллинг. *Hakluyt*, I, 337.

товары, стоившие 6608 фунт., проданы были за 13 644. Другой агент не согласился продать русскому купцу сукно, стоившее компании около 55 фунт. за кусок, по 12 руб., надеясь получить больше.³⁸⁰ В донесениях агентов компании находим несколько указаний на цены, по которым она покупала русские товары. Агент Киллингуорт покупал воск по 7 пенс. за фунт; пенька продавалась в Вологде в 1557 г. по 2 ½ руб. за берковец, но в то же время другие агенты купили в Новгороде пеньки на 700 руб. по 1 ½ руб. за берковец; белый новгородский лен продавался по 3 руб. за берковец. В том же году Англичане купили в Вологде 400 пудов сала за 77 руб., 17 берк. 6 пуд. 6 фунт. небеленого льна и пеньки за 28 руб. 11 алт. 2 деньги; в Холмогорах куплено в 1558 г. 13 пуд. 7 фунт. пеньки за 2 руб. 28 алт. 4 деньги. На цену ворвани в России нет указаний в донесениях агентов: но в 1560 г. компания жаловалась в письме к агентам, что в Англии цена на ворвань была не так хороша, как прежде, именно бочка продавалась по 9 фунт. стерл.³⁸¹

Утвердившись в гавани Св. Николая, англичане простерли отсюда свои торговые предприятия в страны, лежащие на восток и запад от Белого моря, и оставили нам любопытные известия о промышленности и торговле на отдаленных

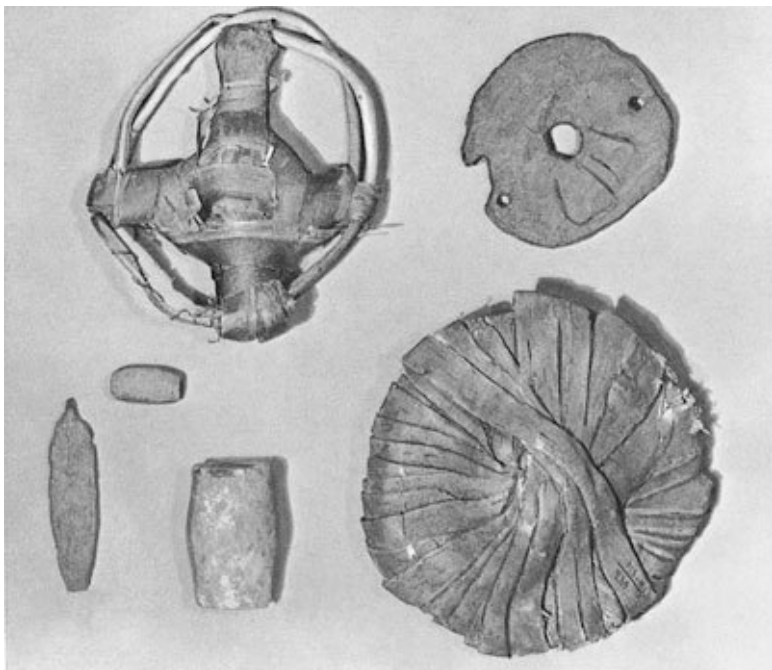
---

³⁸⁰ *Hakluyt*, I, 293.

³⁸¹ *Ibid.*, 295, 337, 338 и 344. См. цены привозных и вывозных товаров в Архангельске, по отпискам 1604 и 1605 годов, у *Карамзина*, т. X, стр. 234 и 235, примеч. 435.

северных окраинах Московского государства. Выше мы привели известия агентов о торговом движении в стране на восток от устья Северной Двины; другие агенты сообщают известия о торговле на Мурманском берегу. Начало сношений компании с жителями этого края сделано было в 1557 году: агент ее Стефан Берроу, отыскивая пропавшие английские корабли, приплыл летом этого года в залив, недалеко от местечка Кегора, к северу от устья р. Колы, и встретил здесь несколько норвежских и голландских судов, пришедших сюда для менового торга с Русскими и туземцами, Лопарями и Корельцами. Голландцы привезли сюда серебряную посуду, ложки, позолоченные кольца, украшения для поясов, ожерелья с серебряными цепочками, сукна разных цветов и очень выгодно обменивали на эти товары или покупали у туземцев треску и семгу. Голландцы не хотели сказать английскому агенту, по какой цене покупали они здесь эту рыбу, но он узнал, что они брали по 100 штук трески за 1 доллар.

Приспособления для рыболовства: поплавок, грузило, блесны. XIV–XV вв.

Голландские купцы сказывали английскому агенту, что они ежегодно приезжали к Кегору, где добывалась лучшая треска, и с большою выгодой нагружали здесь свои суда этою рыбой. Корельцы и Лопари предлагали и англичанину купить у них рыбы, и когда последний сказал им, что он не за тем прибыл сюда, они просили его побывать у них

на следующее лето. Берроу заметил им, что тогда у них не достанет рыбы, чтобы удовлетворить запросам голландских и английских купцов; но туземцы отвечали, что если больше будет приходить к ним кораблей, то и у них больше народа будет заниматься рыболовством, что и теперь для этого некоторые из них приезжают сюда на оленях издалека, но жалеют, что некому сбывать рыбу, и потому должны отдавать ее Голландцам по цене, какую назначат последние. Русским они продавали 24 рыбы (семги или трески) за 4 алтына. То же сказал агенту и московский чиновник, который собирал подать с Лопарей и пригласил Берроу в свою палатку. Он советовал Англичанам начать торговые сношения с туземцами, и на вопрос агента, какие товары всего лучше привозить сюда, отвечал: серебро, жемчуг, сукно, муку, крепкое пиво, вино, олово и золото. Агент обещал, что в будущем году сюда прибудет английский корабль, – и сношения завязались. Тот же агент в другом донесении писал, что в Кегор к 29-му июня сбиралось множество Русских, Норвежцев, Корельцев и Лопарей, и происходил большой меновой торг; туземцы выменивали на рыбу, рыбий жир и меха товары приезжих купцов. Главный надзор и сбор пошлины на этом торгу принадлежал московскому чиновнику; но кроме того здесь присутствовали с тою же целью чиновники датский и шведский. Прежде, чем открывался торг, московский чиновник осматривал товары у Лопарей и Корельцев, подвластных московскому государю, и давал им разрешение на продажу; то же

делали и другие чиновники. Берроу добавляет, что за право рыболовства у Лапландских берегов, от монастыря на Печенге до монастыря Св. Николая, подданные московского царя платили значительные суммы в казну. Добыванием рыбы и рыбьего жира у Лапландского берега занимались и Англичане: в 1577 г. рыболовы компании, имея при себе одну рыболовную лодку, поймали около 10 000 штук трески, что вместе с добытым из нее жиром доставило компании 320 фунт. стерл.; кроме того, английский корабль выменял у туземцев рыбьего жира и других товаров на 100 кусков сукна. Однако ж агенты жаловались компании, что она не обращает достаточно внимания на торговлю с Лапландией и этим уступает преобладающее значение в той стране другим европейским промышленникам; один агент писал, что в 1574 году два английские корабля вывезли из Лапландии только 300 бочек рыбьего жира, тогда как другие купцы, преимущественно голландские, купили там у Русских, Корельцев и Лопарей 1183 бочки³⁸².

---

³⁸² *Nakluyt*, I, 329, 467, 469, 464. – *Флетчер*, гл. 20-я.

Рыбный промысел в Сибири. Рис. XVII в.

В конце царствования Иоанна IV льготы английской компании были ограничены, но в царствование Феодора, благодаря приязни Бориса Годунова к Англичанам, последние опять добились позволения торговать в России вольною торговлей, освободившись от платежа пошлин, простиравшихся со времени ограничения льгот более чем на 2 000 фунт. стерл. в год³⁸³. Но Англичане добивались не одной свободы от пошлин: они добивались права исключительной торговли

³⁸³ Ibid., I, 521.

в России. На предложения об этом со стороны королевы Елизаветы из Москвы отвечали, что дело несхожее указывать царю в его государствах тому торговать, а иному не торговать. За старания компании вытеснить из России других иноземных купцов, даже Англичан, не принадлежавших к компании, последние преследовали ее суда и агентов, на что она сильно жалуется в своих инструкциях и письмах к агентам; но она и сама прибегала к подобным же средствам с целью избавиться от соперников. В Москву приходили жалобы других иностранных купцов, что Англичане не пропускают их кораблей к Московскому государству³⁸⁴. Вытеснить соперников не удалось компании: Горсей пишет, что летом в гавани Св. Николая всегда можно было найти кроме английских суда немецкие, голландские и французские³⁸⁵. Но во внутренних областях государства Англичане не встречали таких сильных соперников, как на пограничных рынках России. Агенты компании доносили, что Англичане пользуются большим доверием русских купцов, что последние с особенною охотой предлагают им свои товары, зная их как хороших покупателей и исправных плательщиков; но из инструк-

---

³⁸⁴ По поводу этих жалоб царь писал Елизавете: «Если так делается в самом деле, то это твоих гостей правда ли, что за наше великое жалованье иноземцев отгоняют? Божию дорогу, Океан-море как можно перенять, унять и затворить!». *Соловьев*. История России. VII, 335.

³⁸⁵ Из переговоров с Боусом узнаем, что к Николаевской пристани приходил известный антверпенский купец Иван Белобород (John de Wale), а Кольскую пристань посещали купцы французские. *Соловьев*. История России. VI, 400.

ций компании видно, какими соображениями руководилась она, стараясь привлечь к себе русских торговых людей: ей хотелось вытеснить иноземных конкурентов и господствовать на русских рынках, потому что конкуренция возвышала цены русских товаров и понижала цены английских. Действуя таким образом с помощью льгот, испрошенных у московского правительства, компания давила русских торговых людей; последние чувствовали свое бессилие пред богатыми и ловкими английскими купцами, которые действовали соединенными силами, систематически; русские торговые люди не могли тягаться с ними и ненавидели их за их привилегированное положение в России. Горсей рассказывает, что когда Боус ехал на аудиенцию во дворец, народ в Москве, догадываясь о цели его приезда в Россию, поносил его обидными прозвищами³⁸⁶. В начале царствования Михаила Федоровича Англичане получили грамоту на свободную и беспошлинную торговлю в России; русские торговые люди жаловались на стеснения и потери, которым они подвергаются от иноземных купцов, преимущественно Англичан, желали удаления этих купцов из внутренних областей государства³⁸⁷; но Спафари сказывал Невиллю, что *Англичане* сохраняли преобладающее значение в русской торговле до смерти короля Карла I³⁸⁸. В 1649 году наконец исполнено было

---

³⁸⁶ Горсей в указан. месте, № 4, стр. 62.

³⁸⁷ См. об этих жалобах *Соловьев*. История России. IX, 416 и след.

³⁸⁸ *Newville*, 210.

давнее желание русских торговых людей: Англичане, по царскому указу, высланы были из внутренних областей государства, и им позволено было торговать только у Архангельского города. В объяснение этой меры Карлилю говорили в Москве, что Англичане продавали в России табак вопреки царскому запрещению и не доставляли в царскую казну английских товаров, сукна, олова, свинцу по цене, по какой продавались они в Англии, о чем постановлено было условие в царствование Михаила³⁸⁹. По высылке из внутренних областей и уничтожении льгот Англичане платили в казну пошлины 6 000 руб. ежегодно³⁹⁰. После этого преобладающее значение в торговле на севере Московского государства получили купцы голландские, несмотря на то, что платили царю 15 % пошлины с привоза и вывоза; по словам Невилля, они держали в Архангельске более 200 агентов, которые зимой ездили в Москву и другие города для закупки русских товаров. К Архангельску приходили также суда из Гамбурга и других ганзейских городов.

---

³⁸⁹ О другом побуждении, которым правительство объясняло высылку англичан, см. *Соловьев*. История России. X, 161.

³⁹⁰ *Carlisle*, 189, 200, и 257.

Торговые суда ганзейского союза. Миниатюра

из Свода уложений Гамбурга, конец XV в.

В XVII веке Архангельск был главным местом сбыта хлеба за границу, который покупали преимущественно голландцы³⁹¹. По известиям XVII века, по Северной Двине ходило вверх и вниз множество судов; русские купцы свозили по ней к Архангельску воловьи и лосиные кожи, пеньку, смолу, льняное семя, золу, разные меха, меняя все это на товары, привозившиеся голландскими и английскими купцами из Испании, Италии, Франции, Голландии и Англии, как то: пряные коренья, сахар, шафран, соленые сельди, вина, разные ткани, голландские сукна и полотна, зеркала, ножи, шпаги, ружья, пистолеты, мушкетеры, медь, свинец, олово, серебро и золото, тафту, атлас, бархат, парчу, шерстяные и бумажные чулки, волоченное золото, жемчуг, алмаз и другие драгоценные камни, наконец, большое количество серебряной и золотой монеты³⁹². Купцы фламандские и гамбургские, по свидетельству Невиля, вывозили из России через Архангельск преимущественно воск и железо. Иноземные корабли приходили к Архангельску в июле и уезжали в сентябре. Ежегодно приходило сюда до 30 иностранных кораблей³⁹³. Се-

---

³⁹¹ *Carlisle*, 72. Продажа хлеба за границу была монополией казны. См. грамоту об этом в «Истории России» *Соловьева*, IX, 419.

³⁹² *Mayerberg*, II, 56 и 57. Иногда на одном корабле привозилось до 80 000 ефимков, с которых платили пошлину как с товаров. *Карамзин*, X, 235.

³⁹³ *Neuille*, 213.

верная иностранная торговля через гавань Св. Николая и потом Архангельск имела важное влияние на Северо-двинский край: ей приписывали увеличение народонаселения и развитие промыслов в этом крае³⁹⁴. Кроме западных купцов, сюда приезжали и восточные – Татары, Бухарцы, Персияне³⁹⁵. О значительности архангельской торговли в XVII веке можно судить по величине таможенной пошлины, которой, по свидетельству Олеария, в иные годы собиралось в Архангельске больше 3 000 000 руб.³⁹⁶. Перемена, начавшая обнаруживаться в торговле Московского государства с Западной Европой с половины XVI века, состояла в том, что движение этой торговли стало более и более отклоняться от прежних своих средоточий и направляться в другую сторону – на север, к устью Северной Двины. Но прежние средоточия западной торговли и после открытия северной торговли не потеряли своего значения. Мы упоминали о торговом движении по Днепру, передававшем в Литву русские товары из Москвы и Холопьяго города. Ланнуа встречал в Литве вещи с названием русских, именно шубы, постели, перчатки и чашки³⁹⁷; по известию Герберштейна, в Калуге искусно вырезывали из дерева чарки и другую домашнюю посуду, которую

---

³⁹⁴ Mayerberg, II, 55.

³⁹⁵ Рейтенфельс, 43.

³⁹⁶ Olearius, 221.

³⁹⁷ G. de Lannoy, 35 и 37.

отправляли на продажу в Литву³⁹⁸.

Русские охотники. Гравюра И. Бауэра, XVII в.

В торговле Московского государства с Польшей важное значение имела Люблинская ярмарка, куда вместе с купцами из Пруссии, Ливонии, Германии, Венгрии, Литвы, Татарии приезжало много и московских купцов³⁹⁹. Но главное место в торговле с Западом занимали города, находившиеся в стороне от больших речных систем, на реках сравнитель-

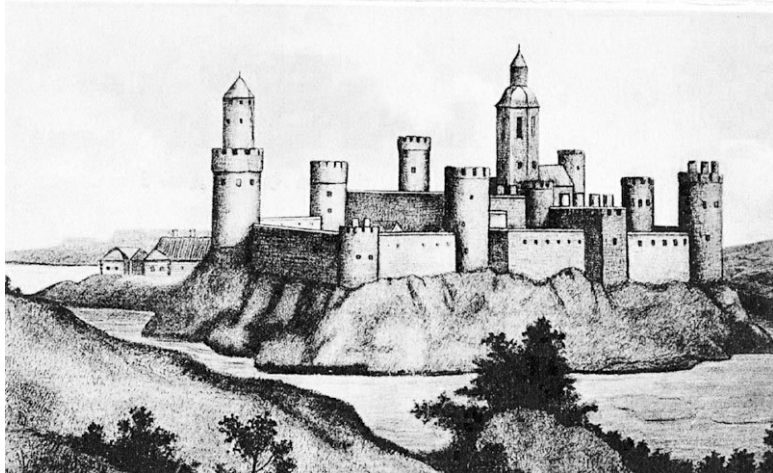
³⁹⁸ *Herberstein*, 50.

³⁹⁹ *Ibid.* 102.

но менее значительных, но зато имевших прямую и близкую связь с Балтийским морем: это были Новгород и Псков. В начале XVI века купцы московские, особенно из Новгорода и Пскова, складывали свои товары на правом берегу реки Нарвы, в деревянном городке того же имени близ Ивангорода, и потом отправляли их рекой к морю⁴⁰⁰. Во второй половине XVI в. Нарвская пристань была некоторое время во власти московского царя; но и после того, как она отошла к Шведам, торговое движение к ней из России не прекращалось. Из Пскова и Новгорода отправляли туда лен, пеньку, сало, воск и кожи; в торговле этими товарами Новгород и Псков занимали первое место в России. Особенно славился между иностранными купцами новгородский лен; по словам одного английского агента, в Новгород привозили лучший русский лен и продавали связками.

---

⁴⁰⁰ О положении Русской Нарвы *Олеарий* пишет: Au pied de ce chateau (Ивангорода) se voit un bourg que l'on nomme la Nerva Moscovite, pour la distinguer d'avec la Nerva Teutonique ou Allemande. Ce bourg est habite par des Moscovites naturels (pag. 86). Следовательно, Русскою, или Московскою Нарвой назывался посад Ивангорода.

Нарва. Гравюра XV в.

Было два сорта льна: 100 связок высшего сорта продавались 4-мя рублями дороже такого же количества низшего сорта. Лен высшего сорта был длиннее и чище; пуд его выходил из 22–24 связок, тогда как пуд низшего сорта выходил из 27 или 28 связок⁴⁰¹. Англичане отдавали Новгороду решительное преимущество пред Москвой в торговом отношении. В первой половине XVI века Голландцы имели в нем свой двор и торговали беспошлинно; незадолго до открытия сношений России с Англией они потеряли свои льготы за какие-то противозаконные поступки и снова возвратили

⁴⁰¹ *Hakluyt*, I, 468, 287.

их, заплативши 30 000 руб.⁴⁰². Псков и в конце XVI века был наполнен иностранными купцами, по выражению Вундерера. О значении Пскова для прибалтийских городов можно составить себе понятие из того, что писал в Любек в 1593 г. ревельский совет; он писал, что торговля с Русскими через Псков всегда составляла для жителей Ревеля и других ганзейских городов один из главных источников пропитания и благосостояния. Расширение западной торговли Московского государства во второй половине XVI века через Нарву, появление в Нарвской пристани кораблей из отдаленных морских государств Западной Европы грозило ганзейским городам большими потерями, и совет города Ревеля, жалуясь в упомянутом письме на эти перемены, указывает на необходимость перевести торговый порт из Нарвы в Ревель, чтоб удалить чужих купцов из России или по крайней мере заставить их действовать в интересах Ревеля и других ганзейских городов⁴⁰³. Соображения, высказанные в письме ревельского совета, объясняют нам известие агента английской компании Лена, который пишет, что Англичане давно имели торговые сношения с Ригой и Ревелем, но до 1560 г.

---

⁴⁰² Ibid. 286. «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 150.

⁴⁰³ Wir aber nun mit hochsten Schmerzen vernehmen, wie zu dieser Zeit derselbe Handel zur Pleskow der erbaren Stetters Inwohner unndt Burgers je lenger je mehr durch die trembde Nationen zu Schaden, Verderb unndt Untergang getrieben werden etc. В 1596 г. совет опять жалуется, что торговля Ревеля с Россией падает и торговый порт по-прежнему в Нарве. «Supplementum ad histor. Rus. Monumenta». № LXXXVII–XCIV.

ничего не знали о нарвской торговле, которую тщательно скрывали от них купцы Данцига и Любека⁴⁰⁴. В 1560 г. корабли английской компании в первый раз посетили нарвский Порт, и с тех пор начались постоянные сношения Англичан через этот порт с важнейшими торговыми городами Московского государства, которые ссужали приходившие к Нарве корабли своими товарами. Какие выгоды получала компания от этой торговли, можно заключать по известию о торговой поездке агента ее Гудсона, который в 1567 г. приплыл в Нарву с товарами на 11 000 фунт. стерл.; товары эти состояли из сукна, каразеи и соли; при продаже их компания получила 40 % прибыли. Но и нарвская торговля Англичан соединена была с такими же затруднениями, как и беломорская. В 1569 г. тот же агент Гудсон приплыл из Лондона в Нарву на трех кораблях и писал компании, чтобы на следующую весну она прислала 13 кораблей, которые все он надеется нагрузить товарами; но при этом он писал, что корабли надобно хорошо снабдить огнестрельным оружием на случай встречи с корсарами. Действительно, английские корабли встретили 6 кораблей польских корсаров; бой был неравный: один корсарский корабль ушел, другой был сожжен, остальные 4 были приведены в Нарву, и 82 человека пленных выданы были московскому воеводе⁴⁰⁵. Несмотря однако ж ни на жалобы ревельцев, ни на разбои польских кор-

---

⁴⁰⁴ *Hakluyt*, I, 525.

⁴⁰⁵ *Hakluyt*, I, 451.

саров, Нарва и в XVII веке продолжала быть важным посредствующим рынком в торговле ближайших к ней городов Ливонии и Московского государства с приморскими странами Западной Европы. По известию, сообщенному Олеарием, туда привозили водным путем товары из Дерпта и Пскова, в 1654 году к Нарве приезжало более 60 судов, которые нагрузили здесь товаров более чем на 600 000 экю⁴⁰⁶. Кроме Нарвы, товары из России шли по Западной Двине к Риге; это были: мыло, кожи, хлеб, смола, лен, пенька, мед, воск, сало и меха; эти товары шли через Ригу в Пруссию, Швецию, Данию и Германию⁴⁰⁷. По словам Рейтенфельса, русские купцы имели складочные дворы в Риге, Ревеле и Вильне; если им нужно было везти товары за море, они нанимали суда у иностранцев за высокую плату⁴⁰⁸.

---

⁴⁰⁶ *Olearius*, 85.

⁴⁰⁷ *Mayerberg*, I, 50.

⁴⁰⁸ *Рейтенфельс*, 48.

**Договор с Данией о беспошлинной торговле. Мини-
атюра из Лицевого Летописного свода, XVI в.**

Сличая изложенные известия о восточной и западной торговле Московского государства, мы находим любопытную разницу между той и другой относительно предметов вывоза: в товарах, отпускавшихся на восток, преобладали произведения не первоначальной промышленности, продукты более или менее обработанные; на запад, напротив, Московская земля отпускала почти исключительно сырые произведения – мед, воск, сало, меха, кожи, лен, пеньку, лес. Во время Иовия меха по значительному спросу на них до такой степени возвысились в цене, что мех для шубы стоил не менее 1000 золотых; западные купцы вывозили из России в большом количестве дуб и клен, высоко ценившиеся в Западной Европе; Кампензе, соображая обилие меда и леса в Московском государстве, думает, что все количество воска и смолы, а также мехов, потребляемое Европой, вывозится из Московских владений⁴⁰⁹. Мед и воск Олеарий называет лучшими вывозными статьями внешней торговли России; за внутренним потреблением, весьма значительным, воску, по свидетельству Флетчера, вывозилось за границу в его время до 10 000 пуд., но прежде гораздо больше – до 50 000 пуд.; по показанию Олеария, воску вывозилось в XVII веке еже-

---

⁴⁰⁹ *Иовий*, 40. Относительно смолы и воска это известие не совсем точно, ибо воск и смола шли в Европу и из Литовских владений; но оно указывает, откуда привозилось наибольшее количество этих товаров.

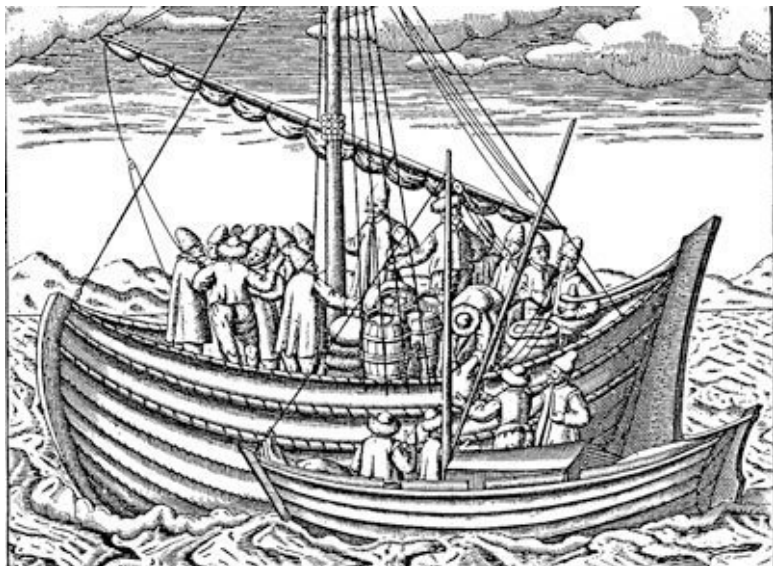
годно более 20 000 центнеров⁴¹⁰. За указанными статьями вывоза следовали меха; московские купцы сказывали Флетчеру, что за несколько лет до его приезда в Москву купцы турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армянские и из разных христианских стран вывозили мехов на 400 000 или 500 000 руб. В XVII веке вывоз мехов усилился: Олеарий пишет, что в иные года русские купцы продавали за границу мехов более чем на миллион рублей⁴¹¹. Относительно других статей вывоза Флетчер оставил нам цифры, показывающие, насколько уменьшился вывоз разных товаров в его время в сравнении с прежним; при этом Флетчер ссылается на свидетельство людей знающих, говоря, что от них так слышал. Сала вывозилось прежде до 100 000 пуд., а теперь, во время Флетчера, не более 30 000; кож прежде вывозили до 100 000 штук, а теперь около 30 000; льном и пенькой ежегодно нагружалось в Нарвской пристани до 100 больших и малых судов, а теперь не более 5. Здесь Флетчер не определяет ясно, что разумеет он под словом прежде; из приводимых им причин уменьшения вывоза, именно отнятия Нарвской пристани у Москвы и закрытия сухопутного сообщения через Смоленск и Полоцк по случаю войны с Польшей (которой в царствование Федора не было) можно заключать, что он разумел время до царствования Иоанна IV или по крайней мере

---

⁴¹⁰ Флетчер, гл. 3-я. *Olearius*, 120.

⁴¹¹ Флетчер, там же. *Olearius*, 121.

всю первую половину XVI века⁴¹².

Погрузка товаров на корабль с лодки русских поморов. Гравюра из описания путешествия Геррит де-Вера, конец XVI в.

Между тем с половины XVI века торговые связи Московского государства расширяются; видим со стороны московского правительства попытки завести деятельную торговлю с западными европейскими государствами, открыть рус-

⁴¹² Флетчер, там же. Ср. *Carlisle*, 72.

ские рынки большему числу иностранных купцов, с условием, чтоб и русским торговым людям открыто было больше заграничных рынков. В первой половине XVI века в Москву могли приезжать для торговли купцы польские, литовские и из некоторых восточных стран; во второй половине XVI века туда допущены были еще купцы шведские и английские; но купцам из Ливонии и Германии открыты были только рынки в Новгороде и Пскове. В первой половине XVII века по всему государству вели деятельную торговлю купцы голландские, ганзейские, английские, датские, шведские, немецкие, татарские, польские, персидские, армянские и другие. По словам Невилля, в Москве, в Немецкой слободе жили в его время больше 1000 купцов голландских, гамбургских, английских и итальянских⁴¹³. Впрочем, и в XVI в. бывали случаи, когда всякий иностранный купец мог попасть в Москву с товарами: когда, говорит Герберштейн, отправляются в Москву послы из какого-нибудь государства, к ним обыкновенно пристают купцы из разных стран, потому что под покровительством послов всякие купцы могли свободно приезжать в Москву и торговать здесь беспошлинно; иногда они получали в Москве даже содержание от государя как члены посольства, с которым они приехали⁴¹⁴. Привезенные в Москву заграничные товары тотчас предъявлялись

---

⁴¹³ *Newville*, 211.

⁴¹⁴ *Poasevino*, 26: nec aliquid pendant et aluntur a Principe. Ср. «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», p. 156.

таможенным приставам, которые осматривали и оценивали их; но и после того нельзя было еще продавать эти товары, пока их не показывали государю или назначенным для этого сановникам; при этом осмотре лучшее покупалось в государеву казну. Отсутствие прямых и правильных торговых сношений производило иногда странные явления в торговле с иностранцами. Своевременный привоз даже дешевых товаров непомерно обогащал продавцов; но не легко было рассчитать эту своевременность. Часто случается, пишет Герберштейн, что является сильный спрос на какой-нибудь товар, и кому первому удавалось привезти его, тот получал непомерные барыши; но потом, когда другие купцы навозили много этого товара, он так падал в цене, что первые купцы, которые продали свой товар по высокой цене, опять скупали его по гораздо меньшей цене и возвращались на родину с большими барышами. Мы видели, как выгодно отзывался Герберштейн о торговых обычаях жителей Пскова. Совсем иначе отзывается тот же иностранец о торговых людях других городов, особенно Москвы. Они, говорит Герберштейн, ведут торговлю с величайшим лукавством и обманом.

Русский купец. Гравюра из книги Г. Вейгеля, XVI в.

Покупая иностранные товары, они всегда понижают цену их наполовину, и этим поставляют иностранных купцов в затруднение и недоумение, а некоторых доводят до отчаяния; но кто, зная их обычаи и любовь к проволочке, не терпит присутствия духа и умеет выждать время, тот сбывает свой товар без убытка. Иностранцам они все продают дороже, так что иная вещь стоит им самим 1 дукат, а они продают ее за 5, 10, даже за 20 дукатов, хотя случается, что и сами покупают у иностранцев за 10 или 15 флоринов какую-нибудь редкую вещь, которая не стоит и одного флорина. Если при сделке неосторожно обмолвишься, обещаешь что-нибудь, они в точности припомнят это и настойчиво будут требовать исполнения обещания, а сами очень редко исполняют то, *что* обещают. Если они начнут клясться и божиться, — знай, что здесь скрывается обман, ибо они клянутся с целью обмануть. Я просил одного боярина, рассказывает Герберштейн, помочь мне при покупке мехов, чтобы купцы не обманули меня; тот сейчас обещал мне свое содействие, но потом поставил меня в большое затруднение: он хотел навязать мне свои собственные меха, а тут еще начали приставать к нему другие продавцы, обещая заплатить за труд, если он спустит мне их товар по хорошей цене. Есть у них обычай ставить себя посредниками между продавцом и покупателем и, взяв подарки особо и с той и с другой стороны, обеим

обещать свое верное содействие. Есть у них обширный двор недалеко от Кремля, называемый Гостинным двором (*Curia dominorum mercatorum*), в котором купцы складывают свои товары; здесь перец, шафран, шелковые материи и т. п. товары продаются гораздо дешевле, чем в Германии. Причину этого надобно полагать в преобладании меновой торговли. Если московские купцы назначают очень высокие цены своим мехам, приобретенным ими очень дешево, то и иностранные купцы, чтобы не быть в убытке, дают им в обмен на эти меха дешевые товары, назначая им высокие цены; но в этой мене московский купец выигрывает столько, что может продавать иностранные товары, выменянные на меха, по такой низкой цене, по какой не мог бы продавать их иностранный купец, привезший их в Москву. Из всех этих известий видно, что торговля московских купцов с иностранцами носила на себе в сильной степени характер игры. Олеарий указывает на другие операции московских купцов, которые еще лучше характеризуют дело: я изумлялся, — пишет он, — видя, что московские купцы продавали по 3 ½ экю аршин сукна, которое они сами покупали у англичан по 4 экю; но мне сказывали, что это им очень выгодно, потому что, купив у англичан сукно в долг и продавая его за наличные деньги, хотя и дешевле своей цены, они обращают вырученные деньги на другие предприятия, которые не только покрывают потери, понесенные ими при продаже сукна, но и доставляют сверх того значительные барыши. Московские куп-

цы, по словам Олеария, высоко ставили в купце ловкость и изворотливость, говоря, что это – дар Божий, без которого не следует и приниматься за торговлю; один голландский купец, самым грубым образом обманувший многих из московских торговых людей, приобрел между ними такое уважение за свое искусство, что они, нисколько не обижаясь, просили его принять их к себе в товарищи, в надежде поучиться его искусству⁴¹⁵. Один Герберштейн оставил нам известие о росте; он называет его невыносимо большим, именно брали, по его словам, обыкновенно не менее 20 процентов, и только церкви соглашались давать ссуды по 10 процентов⁴¹⁶.

Серьги. Россия, XVII в.

⁴¹⁵ *Herberstein*, 42 и 43. – *Olearius*, 145.

⁴¹⁶ *Herberstein*, 44.

ХII. Монета

Оканчивая изложение известий иностранцев о промышленности и торговле Московского государства, изложим некоторые сообщаемые ими сведения о монете. Рубруквис, проехавший по южной России в половине XIII в., говорит, что обыкновенная русская монета состоит из кожаных пестрых лоскутков⁴¹⁷. Эти кожаные деньги еще ходили на Руси в начале XV в., и их видел Ланнуа, бывший в Новгороде в 1412 году. Этот путешественник пишет, что монетой в Новгороде служат куски серебра⁴¹⁸ около 6 унций весом, без всякого изображения; золотой монеты нет, а мелкою монетой служат головки белок и куниц⁴¹⁹. С этим известием согласно и свидетельство Герберштейна, который говорит, что за сто лет до него в России отливали продолговатые кусочки серебра ценою в рубль, без надписи и изображения; он прибавляет, что в его время таких рублей уже не было в обращении⁴²⁰. В то же время, продолжает Герберштейн,

---

⁴¹⁷ Карамзин, IV, 60.

⁴¹⁸ Рубли, или прежние гривны серебра. Счет гривнами заменился счетом рублями в первой половине XIV века.

⁴¹⁹ *G. de Lannoy*, 20: Et est leur monnoye de keucelles d'argent, pesans environ six onces, sans empreinte; et est leur menue monnoye de testes de gris et de martres.

⁴²⁰ *Герберштейн* говорит, что до этого времени на Руси вовсе не было серебряной монеты: *vix centum annis utuntur moneta argentea, praesertim apud illos cusa*. Но существование серебряной монеты до XV века доказывается неоспоримыми

оставили мордки и ушки белок и других зверей, употреблявшиеся до того времени вместо денег⁴²¹. В первой половине XVI в. в Московском государстве ходила монета 4-х родов: московская, новгородская, тверская и псковская.

Монеты времен Ивана III и Василия III – московка и новгородка, серебро (слева). Псковская деньга периода самостоятельности, серебро (справа)

Низшею монетною единицей была деньга. Московская деньга имела овальную форму с различными изображениями. Герберштейн различает в этом отношении древние и новейшие деньги; древние имели на одной стороне изображения розы, а на другой надпись; на новейших по одну сторону изображался человек на коне, а по другую была над-

свидетельствами. *Соловьев*. История России. Т. III, стр. 53.

⁴²¹ Об отмене кожаных денег и переменах в звонкой монете в Пскове и Новгороде в первой половине XV века см. «Полн. Соб. Р. Лет.», V, 21 и 24, *Соловьев*. История России. IV, 262 и 263.

пись. Из сложения денег составлялись высшие счетные единицы: 6 денег московских составляли алтын, 20 – гривну, 100 – полтину, 200 – рубль; во время Герберштейна чеканились новые монеты (полденьги), с надписями по обе стороны; в рубле их было 400. Тверская деньга имела надписи по обе стороны и по цене равнялась московской. Новгородская деньга по цене была вдвое больше московской; на одной стороне ее изображался государь на престоле и преклоняющийся перед ним человек, а на другой была надпись; в новгородской гривне считалось 14 денег, а в рубле 222. Псковская деньга имела на одной стороне изображение увенчанной головы быка, а на другой надпись. Золотой монеты в Московском государстве не делали; но в обращении было много золотых венгерских и рейнских. Ходили еще рижские рубли, из которых каждый равнялся двум московским. Московская монета делалась из хорошего чистого серебра. Почти все золотых дел мастера в Москве, Новгороде, Пскове и Твери, по свидетельству Герберштейна и Гваньини, чеканили монету. Желавший обменять кусок серебра на деньги приносил его к мастеру и получал равное по весу количество серебряной монеты, платя мастеру указную, очень незначительную сумму за труд. В правление Елены (в 1535 году) произошли перемены в монетной системе: счетная единица рубль понизилась в значении, стала обозначать меньшее количество металла. При Герберштейне в рубле считалось 200 московок, или московских денег; во второй половине XVI века,

по словам Гваньини и других иностранцев, в рубле считалось 100 денег. На степень понижения рубля указывают известия о цене венгерского золотого в Москве: при Герберштейне обыкновенная цена его была 100 денег московских, т. е. полрубля; во время Гваньини венгерский золотой стоил 60 денег, т. е. больше нового полурубля. Монетная единица также уменьшилась в достоинстве: при Герберштейне за московку давали 60 медных пул, а во время Гваньини только 40⁴²².

---

⁴²² Эти известия о перемене в денежной системе объясняются словами летописи: «Повеле Великий Князь делати новые деньги на свое имя без всякаго примуса из гривенки из каловые 300 денег новгородских, а в московское число три рубля ровно; а по указу отца его из гривенки делали 250 денег новгородских, а в московское число полтретья рубли с гривною. А при Великом Князе Василии Иоанновиче бысть знамя на деньгах князь великий на коне, а имея меч в руке; а князь великий Иоанн Васильевич учини знамя на деньгах князь великий на коне, а имея копие в руке, и оттоле прозвашася деньги копейные». *Карамзин*, VIII, примеч. 67.

Серебряные копейки, XVII в.

Из этого видно, что название копейки перешло на новгородскую деньгу, только уменьшенную в количестве металла, название же деньги, как половины копейки, удержалось за московской деньгой. Этим объясняется, какие деньги разумел *Гваньини*, говоря, что в новом рубле 100 московских денег. Московки и в XVII в. имели прежнее изображение человека на коне, с саблею. *Котошихин*, гл. VII, ст. 9. Герберштейн, Гваньини и англичане XVI века пишут, что в Московском государстве не чеканили золотой монеты; в обра-

щении были только иностранные золотые, но Бухау говорит, что попадались, хотя очень редко, и золотые монеты, сделанные в Московском государстве, с таким же изображением и надписью, как на серебряных деньгах; эти золотые монеты были несколько меньше венгерских золотых. Все упомянутые иностранцы XVI века указывают на употребление в Московском государстве маленьких медных монет, называвшихся пулами; при Герберштейне их ходило за московскую деньги 60, а при Гваньини 40; но таких монет было немного в обращении; по свидетельству Гваньини и Бухау, они делались преимущественно для бедных и употреблялись на мелкие покупки и на милостыню нищим⁴²³. Таким образом ходячею серебряною монетой были полденьги, или полушки, деньги, или прежние московки, и копейки, или прежние новгородки; из сложения копеек составлялись высшие счетные единицы – алтын, гривна, полтина, рубль, которые не имели соответствующих им металлических знаков⁴²⁴.

---

⁴²³ *Herberstein* 41 и 42. – *Guagnini* 157 и 158. – *Printza Buchau*, 243–245. Агент английской компании *Гасс* прибавляет: there is a coine of copper, which serveth for the reliefe of the poore in Mosco and no where else. *Hakluyt*, I, 285. Таких медных монет, или пул, ходило 18 за полденьгу, т. е. почти столько же, сколько показывает *Гваньини*. В торговле медные монеты, по словам *Гасса*, не обращались: it is no currant money among merchants.

⁴²⁴ Мелкий денежный счет был такой: в рубле 400 полушек, 800 полуполушек, 1.600 пирогов, 3.200 полупирогов, 6.400 четв. пирогов. – *Карамзин* X, прим. 435.

Новгородцы начинают вводить в торговый оборот серебряные деньги. Миниатюра из Лицевого Лето-

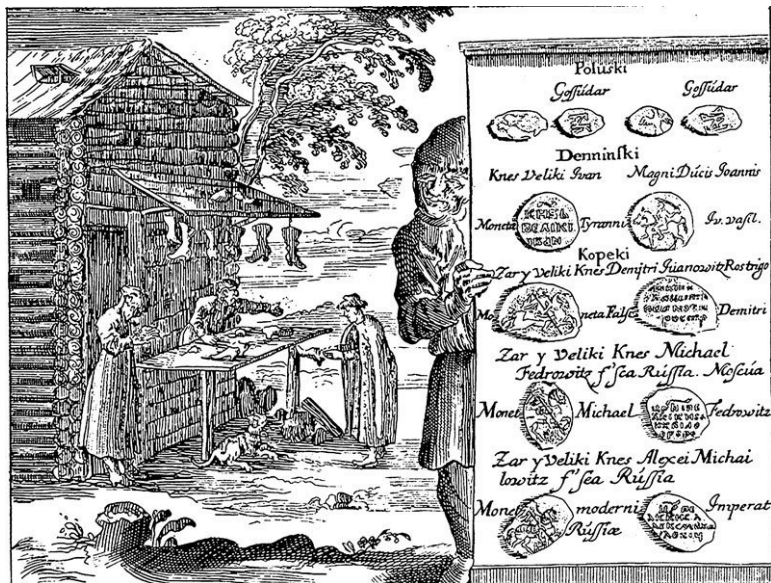
писного свода, XVI в.

В первой половине XVII века в достоинстве монеты не произошло перемены, по крайней мере значительной. По словам Петрея, 36 денег (т. е. новгородских или копеек) весили немного менее 2 лотов; следовательно, в рубле было немного менее 16 золотников серебра; по указу 1535 года из полуфунта серебра велено чеканить ровно три рубля⁴²⁵. Ходячей серебряной монетой в первой половине XVII века продолжали быть копейки ценою около 16 денариев, по Маржерету и Олеарию, московки и полушки; последние были так мелки, что, по словам Петрея и Олеария, русские на рынке горстями клали их в рот, чтоб не потерять, и это нисколько не мешало им говорить. Чеканили монету по-прежнему в 4-х городах – Москве, Новгороде, Пскове и Твери (где право на это, по Петрею и Олеарию, иногда отдавалось на откуп богатым купцам). Серебряная монета чеканилась из привозного серебра, особенно «эфимочного», т. е. из перелитых рейхсталеров, привозившихся в Россию, как мы видели,

---

⁴²⁵ *Маржерет* говорит, что московский рубль его времени равнялся 6-ти ливрам и 12-ти су; на этом основании *Карамзин* ценит рубль второй половины XVI в. в 5 серебр. рублей своего времени, «История Государства Российскаго», т. X, прим. 404. Но г. *Ус т р я лов*, на основании известия *Петрея*, считает рубль начала XVII в. почти равным 3 руб. 30 коп. серебром по курсу 30-х годов текущего столетия. «Сказания современников о Димитрии Самозванце», ч. 3-я, примеч. 63.

во множестве через Архангельск в виде товара⁴²⁶; на то же употреблялись, по свидетельству Олеария, и испанские релалы. Ефимки, по свидетельству того же иностранца, были по весу немного более полурубля⁴²⁷, но в Москве принимали их от иностранных купцов по гораздо низшей цене.

⁴²⁶ Ефимками, по Олеарию, назывались в Москве рейхсталеры потому, что некогда на них делалось изображение Св. Иоахима, и эту монету сперва чеканили в Богемии, в городе Joachimsthal. См. *Олеарий*, 183.

⁴²⁷ Именно рубль весил на $\frac{1}{2}$ лота менее 2-х ефимков: mais d'autant qu'il s'en faut deux gros que les cent copecs ne pesent deux rixdalers, les Moscovites etc. – *Olearius*, 182.

Лавка сапожника и московитские деньги. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...», XVII в.

По словам Маржерета, цена их иногда падала до 12 алтын или 36 денег⁴²⁸; как видно из иностранных известий, цена иностранных монет была для московских торговых людей предметом настоящей биржевой игры, в которой большею частью проигрывали иностранцы. Герберштейн говорит, что как скоро иностранец покупал что-нибудь на свою монету, московские купцы понижали ее цену; но если иностранец продавал свой товар московским купцам или, уезжая из Москвы, искал иностранной монеты, ему предлагали ее по возвышенной цене. Особенно сильно колебалась цена иностранной золотой монеты, даже во внутреннем обращении; по словам Маржерета, русские покупали и продавали золотую монету, как и прочие товары; иногда за червонец платили 24 алтына, а иногда 16; обыкновенная же цена им была 18–21 алт. Но бывали случаи, когда цена червонцев возвышалась до 2 рублей, и тогда сильно наживались купцы, успевшие вовремя запастись ими: такая дороговизна случалась во время царского коронования или брака, также при крестинах, ибо тогда много червонцев шло на подарки царю и царице. То же было и за несколько дней до Пасхи,

---

⁴²⁸ Царская казна принимала от иностранцев ефимки в уплату за свои товары по 40 или по 42 коп. – *Котошихин*, гл. VII, ст. 9.

ибо на Пасху Русские, христосуясь с боярами и другими влиятельными людьми, подносили им вместе с красными яйцами и червонцы⁴²⁹. Вследствие этих колебаний цен на иностранную монету заграничные купцы в Москве предпочитали меновую торговлю, платя за русские товары своими товарами, а не деньгами. Во время Петрея медных денег в Московском государстве уже не было в обращении. В царствование Алексея Михайловича выпуск медных денег по одинаковой цене с серебряными не удался, и только в царствование Петра медная монета вместе с другими нововведениями в денежной системе вошла в обращение.

---

⁴²⁹ *Маржерет*, 50 и 51. – *Petreyus*, 309. – *Olearius*, 182.